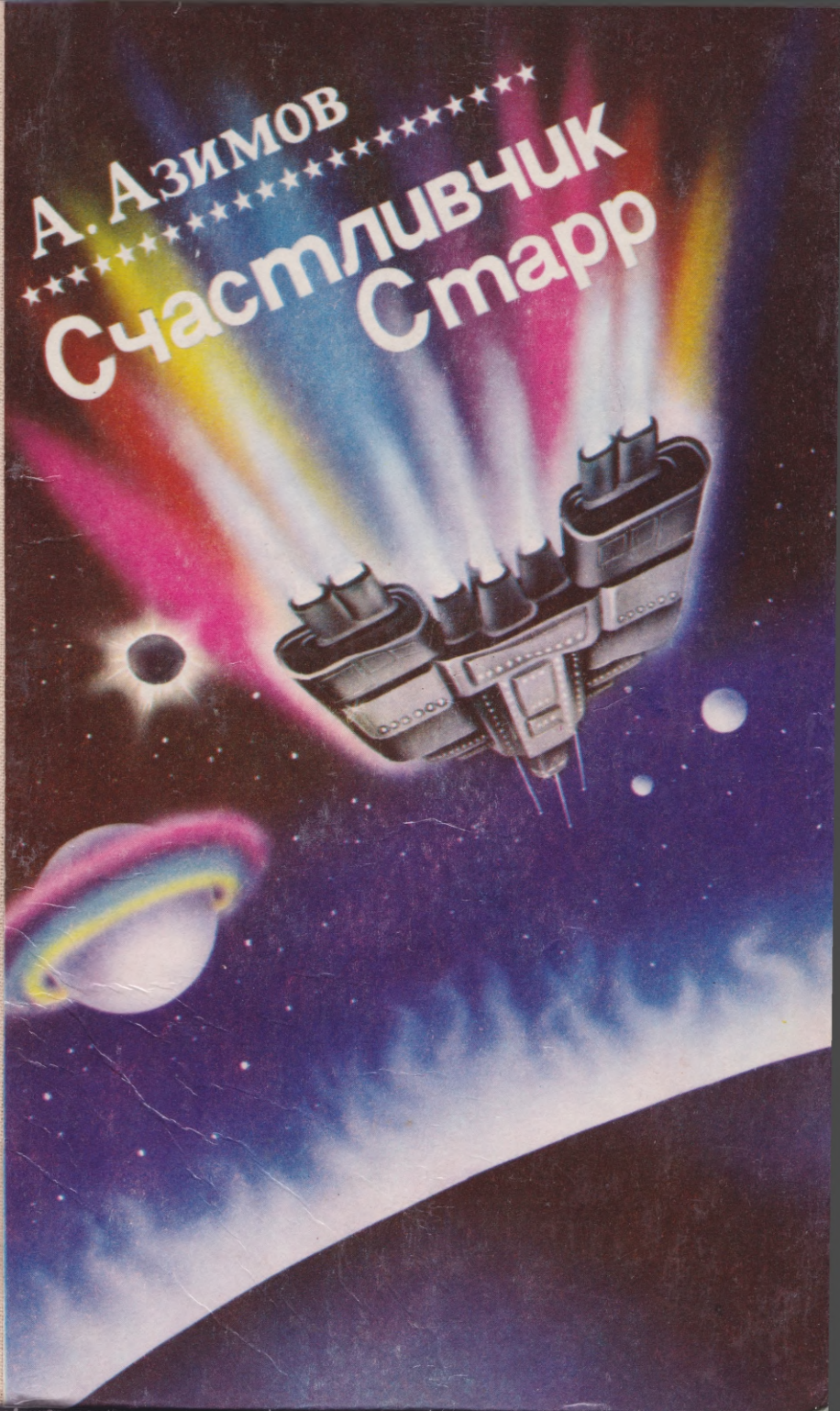
А. Азимов

Счастливчик Старр

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

16

Айзек Азимов

СЧАСТЛИВЧИК СТАРР

Перевод с английского

«ЭЯ»
НОВОСИБИРСК
1992

А35

Составитель В. П. КИРЧЕВ

Азимов Айзек
А35 *«Счастливчик Старр»* /Пер. с англ. / Сост. *В. П. Кирчев.* — Н. «ЭЯ» 1992. Зарубежная фант. вып. 16.
ISBN 5—87216—020—8

ISBN 5 87216—020—8

© Составитель *В. П. Кирчев*
© Художник *М. Михалев*

ДЭВИД СТАРР
КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬНЫЙ

Дэвид Старр смотрел прямо на этого человека, поэтому совершенно отчетливо видел, как он умер.

Дэвид терпеливо дожидался д-ра Генри и одновременно наслаждался уютом новейшего ресторана Международного Города. Сегодня у него был праздник: наконец-то он получил степень полного члена Совета Науки. Он не сожалел, что ему пришлось ждать. Ресторан «Суприм» все еще блестел от свежей хроносиликоновой краски. Мягкий свет, ровно освещавший зал, исходил неизвестно откуда. В самом конце столика, у стены, перед Дэвидом стоял небольшой светящийся куб, в котором можно было видеть оркестр, его мелодичная музыка наполняла весь зал. Видно было все прекрасно, за столом очень удобно сидеть, а поверхность стола состояла из сверхмощного силового поля, совершенно невидимого, разве что за исключением небольших искорок, специально служивших для того, чтобы сгладить ощущение полной пустоты. Спокойные карие глаза Дэвида скользили по другим столикам, полуспрятанным в нишах, не от скуки, а потому, что люди интересовали его куда больше, чем любые из самых сверхмодных усовершенствований, которыми мог удивить ресторан «Суприм». Трехмерное телевидение и силовые поля были чудом еще десять лет назад, а сейчас уже с готовностью признавались всеми и вошли в обиход. Люди же не изменились, и даже сейчас, через десять тысяч лет после того, как были построены пирамиды, и через пять тысяч лет после того, как взорвалась первая атомная бомба, они оставались все той же неразрешимой загадкой, которой можно было удивляться до бесконечности. Вот молодая девушка в красном платье, смеющаяся словам молодого человека, сидящего против нее; вот мужчина средних лет в неудобной одежде отпускника, тыкающий в комбинационное меню автоматического официанта, и заинтересованно наблюдающие за его действиями жена и двое детей; вот два бизнесмена, оживленно обсуждающие что-то за десертом. Это произошло в тот самый момент, когда Дэвид остановил свой взгляд на двух бизнесменах. Один из них с налитым кровью лицом конвульсивно дернулся и попытался приподняться с места. Другой, вскрикнув, протянул руки, инстинктивно стараясь помочь, но первый уже свалился обратно в кресло и, обмякнув, начал соскальзывать на пол. Дэвид, едва заметив случившееся, стремглав бросился к соседнему ст ли-

ку. Он прикоснулся пальцем к электронному контакту рядом с трехмерным телевизором, чтобы не привлекать внимания, опустил фиолетовую занавеску с флюоресцирующим дизайном, расположенную над открытой частью ниши. Многие из обедающих предпочитали отгораживаться от посторонних глаз подобным образом. Компаньон заболевшего только сейчас избавился от изумления и смог заговорить.

— Меннинг болен,— сказал он.— С ним случилось нечто вроде припадка. Вы доктор?

Голос Дэвида был спокоен и бесстрастен. Люди, слышавшие его, невольно проникались уважением и доверием, понимая, что на этого человека можно целиком положиться.

— Сидите спокойно и не поднимайте шума,— сказал он.— Сейчас появится менеджер, мы сделаем все, что можно.

Дэвид приподнял больного, будто тряпичную куклу, хотя тот был очень тяжел, уложил его в кресло, расстегнул манто-застежку рубашки и принялся делать искусственное дыхание, хотя не питал никаких иллюзий относительно приведения в чувство этого человека. Он прекрасно знал симптомы: неожиданный прилив крови к голове, потеря голоса и дыхания; а потом, через несколько минут упорной борьбы за жизнь,— конец. Занавеска откинулась в сторону с непостижимой быстротой, могущей вызвать только восхищение, менеджер появился в результате сигнала, который Дэвид включил еще до того, как покинул свой столик. Это был невысокого роста полный человек, одетый в черный старомодный костюм по фигуре. Выражение его лица было обеспокоенным. Казалось, он стал еще меньше, когда увидел, что произошло в кабине. Оставшийся в живых бизнесмен говорил с истеричной торопливостью:

— Мы обедали с моим другом, когда у него начался этот припадок. Что касается этого человека, то я не знаю, кто он.

Дэвид прекратил свои бессмысленные попытки оживить лежавшего в кресле господина. Он откинул жесткие каштановые волосы, упавшие ему на лоб.

— Вы менеджер?— спросил он.

— Я — Оливер Гаспар, менеджер ресторана «Суприм»,— недоуменно ответил толстяк.— Прозвучал сигнал срочного вызова со столика 87 и, когда я пришел, за ним никого не было. Мне сказали, что молодой человек только что забежал в кабину столика 94, я последовал сюда и вот увидел это...

Он отвернулся.

— Я вызову нашего доктора.

— Одну минуту,— сказал Дэвид.— В этом нет необходимости. Этот человек мертв.

— Что?— выпалил второй из обедавших. Он повернулся и закричал:

— Меннинг!

Дэвид Старр оттолкнул его назад, прижав к невидимой силовой поверхности стола.

— Тихо. Помочь вы ему никак не сможете, и сейчас не время поднимать шум.

— Нет, нет,— торопливо согласился Гаспар:— Мы не должны волновать других посетителей. Но послушайте, сэр, доктор все равно должен осмотреть этого несчастного, чтобы определить причину смерти. Я не могу допустить в своем ресторане нарушения правил.

— Мне очень жаль, мистер Гаспар, но в настоящую минуту я запрещаю обследование этого человека кем бы то ни было.

— О чем вы говорите? Если этот человек умер от сердечной недостаточности или от...

— Прошу вас, мне нужна помощь, а не бесполезные дискуссии. Как ваше имя, сэр?

Оставшийся в живых бизнесмен ответил тусклым голосом:

— Эжен Форстер.

— Ну, что ж, мистер Форстер, я бы хотел знать, что вы и ваш приятель ели?

— Сэр?..

Маленький менеджер уставился на Дэвида сверкающими от негодования глазами, которые, казалось, чуть не вылезли от возмущения из орбит.

— Вы что, предполагаете, что этот приступ вызвала пища?

— Я ничего не предполагаю. Я задаю вопросы.

— У вас нет никакого права задавать такие вопросы. Кто вы такой в конце концов? Я требую, чтобы доктор немедленно осмотрел этого человека.

— Мистер Гаспар, вы вмешиваетесь в дела Совета Науки.

Закатив гибкий металлический рукав рубашки, Дэвид обнажил свою руку. Сначала там не было ничего видно, кроме самой обычной кожи, затем появилось овальное пятно, которое сначала потемнело, а затем стало черным. Внутри него заплясали и замигали огоньки света, складываясь в привычную схему Большой Медведицы и Ориона. Губы менеджера задрожали. Совет Науки не являлся официальным правительственным учреждением, но его сотрудники были практически куда выше любого члена правительства.

— Извините, сэр,— только и сказал он.

— Ваши извинения необязательны. Итак, мистер Форстер, не потрудитесь ли вы ответить на мой вопрос?

Форстер пробормотал:

— У нас был заказан специальный обед № 8.

— У обоих?

— Да.

Дэвид чуть приподнял брови.

— И ни один из вас ничего не менял в нем?

Он изучал меню еще сидя за своим столиком. В ресторане «Суприм» можно было заказать экстерриториальные деликатесы, но специальный обед № 8 был как раз одним из самых обычных: овощной суп, говяжьи биточки, жареный картофель, бобы, мороженое и кофе.

— Да, одна замена была сделана.— Форстер нахмурил брови как бы вспоминая. — Меннинг заказал фаршированные сливы на десерт.

— А вы нет?

— Нет.

— И где эти сливы сейчас?— Дэвид сам ел такие сливы, выращенные на марсианских зеленых фермах, сочные и большие, со слабым привкусом миндаля.

— Да он, наверное, съел их,— сказал Форстер.— А что вы предполагаете?

— За сколько времени до того, как с ним произошел этот припадок?

— Примерно минут за пять. Мы не успели даже допить кофе. А что, они были отравлены?

Дэвид не ответил на этот вопрос. Он повернулся к менеджеру.

— Что там насчет слив?

— С ними ничего не могло быть. Ничего.— Гаспар схватился за занавеску и с досадой дернул ее, не забывая, однако, говорить шепотом.— Это совсем недавняя поставка с Марса, продукт опробован правительственной инспекцией и признан вполне пригодным для употребления в пищу. За последние три ночи мы продали по крайней мере несколько сот порций и ничего подобного у нас до сих пор не было.

— Тем не менее, вы все-таки распорядитесь вычеркнуть сливы из ваших десертов, пока мы не исследуем их еще раз. А теперь, на тот случай, если все-таки сливы были здесь совершенно ни при чем, принесите мне какую-нибудь коробку и мы сложим все, что осталось от этого обеда.

— Ну, конечно же, сейчас.

— И, естественно, об этом никому ни слова.

Менеджер вернулся через несколько минут, вытирая вспотевший лоб платком. Он сказал:

— Я не могу этого понять. Нет, никак не могу.

Дэвид сложил использованные пластмассовые тарелки с кусочками оставшейся на них пищи в коробку, добавил туда все, что осталось от пирожков, сдвинул в сторону чашки, в которых подавался кофе. Гаспар прекратил потирать руки, что он не переставая делал с той минуты, как выяснилось, что во вверенном ему ресторане что-то не в порядке, и протянул палец к кнопке-контакту на краю стола. Рука Дэвида дернулась с еще большей скоростью, и менеджер, вздрогнув, понял, что кисть его находится в плену.

— Но, сэр... крошки!

— Я возьму и их.

Дэвид использовал свой перочинный нож, чтобы собрать каждую крошку — стальное лезвие с легкостью скользило по невидимому силовому полю. Честно говоря, Дэвид не был в восторге от этого силового поля вместо обычной поверхности стола. По его мнению полная прозрачность не давала человеку расслабиться. Вид блюд и бутылок, стоящих в воздухе, не мог не держать обедающих в напряжении, поэтому силовое поле и приходилось специально выводить из нужной фазы, вызывая непрерывное сверкание искорок, придававших поверхности стола хоть какую-то материальность. В ресторанах они стали популярны только потому, что по окончании еды достаточно было лишь чуть переменить силовые потоки поля,

чтобы мгновенно уничтожить все крошки и грязь, которые могли остаться на поверхности. Поэтому только после того, как Дэвид закончил все, что намеревался сделать, он разрешил Гаспару нажать на контакт, сначала пальцем, а затем, когда предохранитель был снят, и специальным ключом, в результате чего поверхность стола стала абсолютно чистой.

— А теперь еще секундочку — Дэвид взглянул на металлическую поверхность своих часов, затем чуть отодвинул занавеску и тихо позвал:

— Доктор Генри!

Долговязый человек средних лет, сидевший там, где пятнадцатью минутами раньше сидел Дэвид, вздрогнул и с удивлением оглянулся вокруг. Дэвид улыбнулся во весь рот.

— Я здесь!— Он приложил палец к губам.

Д-р Генри поднялся. Одежда свободно висела на нем, а тонкие седые волосы были тщательно зачесаны таким образом, чтобы скрыть уже наметившуюся лысину.

— Мой дорогой Дэвид, ты уже здесь. А я решил, что ты задерживаешься. Но что случилось?

Лицо Дэвида омрачилось.

— Еще один,— сказал он.

Д-р Генри отодвинул занавес, вошел в кабину, посмотрел на труп и вздрогнул.

— Бог ты мой! Я думаю,— сказал он, снимая очки и задумчиво водя по их стеклам лучом карманного очистителя величиной с тонкий карандаш, прежде чем опять нацепить их на нос,— что нам лучше закрыть ресторан.

Гаспар беззвучно открыл рот, как рыба, глотая воздух. В конце концов он сказал подавленным голосом:

— Закрыть ресторан? Он был открыт всего лишь неделю назад. Это будет для нас катастрофой. Полным разорением!

— О, это всего лишь на час или два. Нам придется унести отсюда тело и проинспектировать вашу кухню. Ведь в любом случае вы захотите, чтобы мы исключили опасность отравления в вашем ресторане? И уж, конечно, я не думаю, что вас устраивает, чтобы все это происходило на глазах ваших клиентов.

— Хорошо, я в таком случае прослежу, чтобы ресторан оказался в полном вашем распоряжении, но мне нужен час, чтобы закончили обед те, кто еще сидят за столиками. Я надеюсь, что этот случай не станет достоянием масс и в газетах ничего не появится.

— Могу вас заверить, этого можете не опасаться.

Морщинистое лицо д-ра Генри было встревоженным.

— Дэвид, тебе не трудно будет позвонить в Зал Совета и попросить, чтобы соединили с Конвеем? В подобных случаях мы должны соблюдать определенную процедуру. Он знает, что нужно делать.

— Скажите, а я должен здесь оставаться?— внезапно заговорил Форстер.— Я очень плохо себя чувствую.

— Кто это, Дэвид?— спросил д-р Генри.

— Его имя Форстер, он обедал вместе с умершим.

— А-а! Тогда я боюсь, мистер Форстер, что вам придется плохо себя чувствовать именно здесь.

Пустой ресторан был холоден и чем-то даже неприятен... Прибывшие молчаливые сотрудники разошлись по помещению. Быстро со знанием дела они обследовали кухню атом за атомом. Теперь здесь оставались только д-р Генри и Дэвид Старр. Света не было, а трехмерные телевизоры на каждом столе напоминали обычные стеклянные кубы. Д-р Генри покачал головой.

— Мы ничего не узнаем. У меня был уже опыт в делах подобного рода. Мне очень жаль, Дэвид. Совсем не так хотел я отпраздновать твое назначение.

— Ну, для этого у нас будет куча времени впереди. В своих письмах вы много раз упоминали об этих случаях с отравлением, поэтому я был вполне подготовлен к тому, что произошло. Тем не менее, я не предполагал, что все это держится в такой строжайшей тайне. Если бы я только знал, что это необходимо, я вел бы себя с еще большей осторожностью.

— Нет. Это не обязательно. Мы не можем скрывать эти неприятности до бесконечности. Понемногу слухи начинают просачиваться. Люди видят, как другие умирают во время еды. Это плохо и будет еще хуже с каждым днем. Ну ладно, поговорим об этом завтра, когда увидимся с Конвеем.

— Подождите!

Дэвид пристально посмотрел ему в глаза.

— Что-то беспокоит вас куда больше, чем смерть одного человека или даже тысячи человек. Что-то, чего я не знаю?

Д-р Генри вздохнул.

— Боюсь, Дэвид. что Земля находится в большой опасности. Многие члены Совета не верят в это, и даже сам Конвей убежден только наполовину, но я уверен, что это предполагаемое пищевое отравление на самом деле умная и очень жестокая попытка захватить контроль над экономикой Земли и ее правительством. И до сих пор даже и намека нет, кто скрывается за всем этим и каким образом отравляют пищу. Совет Науки полностью беспомощен.

* * *

Гектор Конвей, председатель Совета Науки, стоял у окна своей квартиры, расположенной на самом верху Башни Совета, изящного сооружения на северной окраине Международного Города. Город начал сверкать огнями в ранних сумерках. Вскоре заструятся белые реки света вдоль тротуаров. В зданиях зажгутся окна, сверкая, как драгоценные камни. Из его окна по самому центру были видны залы Конгресса и Исполнительной Комиссии. Он находился один в квартире, автоматический замок которой был приспособлен лишь для отпечатков пальцев д-ра Генри. Он почувствовал, как напряжение начинает постепенно оставлять его. Дэвид Старр, так внезапно, словно по волшебству, повзрослевший и уже получивший свое первое назначение в качестве члена Совета Науки, скоро будет здесь. Он ждал его как собственного сына. В определенном смысле

так оно и было. Дэвид Старр был его сыном, его и Августаса Генри. Сначала их было трое: он сам, Августас Генри и Лауренс Старр. Как хорошо он помнил Лауренса Старра! Втроем они окончили школу, втроем их признали годными для Совета Науки, вместе они проводили свои первые исследования. А затем Лауренса Старра повысили. Этого следовало ожидать — он был самым одаренным среди них. Лауренс получил под свое начало станцию на Венере, и впервые они исполняли это задание не все вместе. Он отправился туда вместе с женой и ребенком. Жену звали Барбара. Прелестная Барбара Старр! Ни Генри, ни он так и не женились, потому что ни одна из встречавшихся на их пути женщин не могла сравниться с Барбарой. Когда Дэвид родился, он всегда видел перед собой людей, которых называл дядя Августас и дядя Гектор, и порой ребенок терялся до такой степени, что называл своего отца дядя Лауренс. А затем по пути на Венеру они подверглись нападению пиратских кораблей. Это была самая настоящая бойня. Пираты не брали пленников, и более сотни людей погибли за какие-то два часа. Среди них были Лауренс и Барбара.

Конвей никогда не забудет этого дня, точной минуты, когда новости достигли башни Совета Науки. Патрульные звездолеты вылетели в космос, выслеживая пиратов: они атаковали их базу на астероидах с беспрецедентной яростью. Удалось ли им уничтожить тех негодяев, которые напали на звездолет, идущий на Венеру, никто не мог сказать, но с этого момента могущество пиратов было сломлено. А патрульные звездолеты обнаружили еще кое-что: небольшую спасательную лодку, путешествующую по вычисленной орбите между Венерой и Землей, автоматическое радио которой беспрерывно посылало призыв о помощи. Внутри нее находился лишь один ребенок. Испуганный, одинокий четырехлетний мальчик, который несколько дней был один, изредка повторял одну и ту же фразу:

— Мама сказала, чтобы я не плакал.

Это был Дэвид Старр. Его рассказ, то, что он видел глазами ребенка, был путан, но интерпретировать его не составило труда. Конвей и сейчас еще видел перед глазами картину последних минут взятого на абордаж звездолета: Лауренса Старра, умирающего в рубке управления, пиратов, ломящихся внутрь. Барбару с бластером в руке, отчаянно запихивающую Дэвида в спасательную лодку, пытающуюся поставить на панели управления режим автоматического полета и нажимающую кнопку, позволяющую лодке вылететь в космос. А что потом? Пока она была в силах, она наверняка использовала бластер против врага, а когда это стало невозможным, повернула его дуло против себя. Когда Конвей думал об этом, у него начинало ломить все тело, и вновь он жалел, что ему не разрешили отправиться в патрульных звездолетах, чтобы собственными руками превратить пещеры астероидов в атомную пыль. Но члены Совета Науки сказали ему, что он слишком ценен для того, чтобы участвовать в обычных полицейских операциях, поэтому он остался дома и читал бюллетени, которые передавались прямо на его проектор. Он и Августас Генри усыновили Дэвида Старра и по-

старались сделать все, чтобы стереть из памяти ребенка его ужасные воспоминания о космосе. Они были для него отцом и матерью, лично следили за его обучением, готовили с одной мыслью: сделать из него человека, каким был когда-то Лауренс Старр. И он превзошел их ожидания. Ростом он был с отца, чуть выше шести футов, его тело было прекрасно натренировано — это был атлет со стальной мускулатурой и великолепной реакцией, он обладал крепкими нервами, острым и ясным умом первоклассного ученого. В его вьющихся каштановых волосах и спокойных больших карих глазах, в небольшой ямочке на подбородке, которая исчезала, когда он улыбался, было что-то, напоминавшее Барбару. Он окончил Академию, оставив за собой мертвую пыль старых рекордов, как на спортивных площадках, так и в школьных классах.

Конвей был встревожен.

— Это неестественно, Августас. Он превосходит своего отца.

И Генри, который не любил разговаривать попусту, пыхтел трубкой и с гордостью улыбался.

— Мне очень неприятно говорить это,— продолжал Конвей,— потому что ты будешь смеяться надо мной, но все-таки в этом есть что-то ненормальное. Вспомни, что ребенок целых два дня оставался в космосе, защищенный от солнечной радиации лишь тонким корпусом спасательной лодки. Он был всего лишь в семидесяти миллионах миль от солнца в период максимальной солнечной активности.

— Все, что ты сейчас сказал, означает только одно,— ответил Генри,— а именно, что Дэвид должен был сгореть дотла.

— Ну, не знаю, не знаю,— пробормотал Конвей.— Действие радиации на живую ткань — на человеческую живую ткань — имеет свои загадки.

— Вполне естественно, это ведь не та область, в которой проводится множество экспериментов.

Дэвид окончил колледж с самыми высокими из возможных оценок. Он успел при этом написать самостоятельную и оригинальную работу по биофизике на уровне выпускника университета. Он был самым молодым за всю историю, получившим полное членство в Совете Науки.

Для Конвея все это было утратой. Четырьмя годами раньше его избрали Председателем Совета. Это была честь, за которую он не пожалел бы жизни, и тем не менее он знал, что если бы Лауренс Старр остался в живых, то избрали бы его, Старра. Конвей потерял всякий контакт с Дэвидом, за исключением разве что случайного, потому что пост Председателя, иными словами Главного Советника, требовал, чтобы всю жизнь он посвятил изучению проблемы Галактики. Даже на выпускных экзаменах он видел Дэвида только издали. За последние четыре года он от силы раза четыре с ним разговаривал. Поэтому сердце его забилось сильнее, когда он услышал, что дверь открылась.

Он повернулся, быстро пошел к ним навстречу.

— Августас, старина!

Он протянул руку, потом другую.

— Дэвид, мой мальчик!

Прошел час. Наступила глубокая ночь, прежде чем они перестали говорить о делах личных и вернулись к делам Вселенной. Первым прервал их воспоминания Дэвид.

— Сегодня я впервые видел отравленного, дядя Гектор,— сказал он.— Я знаю недостаточно для того, чтобы предотвратить беду.

Конвей ответил спокойным голосом:

— Никто этого не знает. Я предполагаю, Августас, что это опять был марсианский продукт?

— Трудно сказать, Гектор. Но сливы там присутствовали.

— Пожалуйста,— попросил Дэвид Старр,— расскажите мне все, что мне позволено об этом знать.

— Все это очень просто,— сказал Конвей.— Страшно просто. За последние четыре месяца более двухсот людей умерло после того, как они поели тот или иной марсианский продукт. Это неизвестный яд, симптомы заболевания тоже полностью неизвестны. Происходит быстрый и полный нервный паралич диафрагмы и мускулов груди. Это вызывает паралич легких, что приводит к летальному исходу в течение пяти минут. Причем, это значительно серьезнее, чем кажется с первого взгляда. В нескольких случаях, когда удалось захватить жертвы вовремя, мы пытались применить искусственное дыхание, как и ты, и даже стальные легкие. Тем не менее они умирали в течение все тех же пяти минут. Сердце поражается тоже. Аутопсия не показывает ничего, кроме быстрой деградации нервов — неимоверно быстрой.

— А как же насчет отравленных продуктов?— спросил Дэвид.

— Тупик,— ответил Конвей.

— Всегда остается время, чтобы человек доел отравленный продукт. Та же самая пища со стола или из кухни оказывается полностью безвредной. Мы скармливали ее животным и даже людям-добровольцам. Содержание желудка умерших демонстрирует непонятные результаты.

— Тогда откуда вы знаете, что это вообще отравление?

— Потому что смерть за смертью после съеденных марсианских продуктов, в одно и то же время и при одних и тех же симптомах, на наш взгляд, вряд ли является простым совпадением.

Дэвид задумчиво произнес:

— И очевидно, что это — не заразное.

— Благодарение звездам, нет. Но и без этого достаточно плохо. До сих пор нам удавалось скрывать все это благодаря поддержке Планетной Полиции. В конце концов двести смертей при теперешнем уровне населения Земли могут сойти незамеченными. Но ведь их число увеличивается. И если только земляне поймут, что любая ложка продуктов с Марса может стать их последней, то последствия могут быть ужасными. Даже если указать, что смертность составляет лишь пятьдесят человек в месяц при населении в пять миллиардов, каждый непременно решит, что именно он попадет в число этих пятидесяти.

— Да,— сказал Дэвид,— а это будет означать, что рынок сбыта

марсианских продуктов опустится до нуля. Это будет полным крахом для Марсианского Синдиката Ферм.

— Ах, это!— Конвей пожал плечами, отбрасывая проблему Синдиката Ферм как несуществующую в настоящее время.— Неужели ты не видишь ничего другого?

— Я вижу, что собственно сельское хозяйство Земли не в состоянии прокормить пять миллиардов человек.

— Вот это свершенно точно. Мы не можем обойтись без продуктов питания с планет-колоний. Через шесть недель на Земле начнется голод. И все же, если будут напуганы марсианскими продуктами питания, ничто не сможет предотвратить катастрофы, а я не знаю, как долго удастся еще скрывать это. И не дай бог, чтобы об этом пронюхали теленовости. Выйдет ли правда наружу именно сейчас? И к тому же, кроме всего прочего, существует и теория Августаса.

Д-р Генри откинулся на спинку кресла, уминая в трубке мягкий табак.

— Я более чем уверен, Дэвид, что эта эпидемия отравлений — феномен вовсе не естественного происхождения. Слишком широка ее география. Сначала это происходит в Бенгалии. На следующий день в Нью-Йорке, потом в Занзибаре. Какой-то мозг должен скрываться за всеми этими отравлениями, направляя их. Если какая-то группа людей хочет захватить власть на Земле, что может быть для них выгоднее удара по нашему слабому месту — поступлению пищевых продуктов? Земля — самая популярная планета во всей Галактике. Так оно и должно быть — это первый родной дом для всего человечества. Но именно этот факт делает нас и самой слабой планетой, в определенном смысле, потому что мы не можем сами себя целиком обеспечить во всем. Наша хлебная корзина, так сказать, находится в небе: на Марсе, на Ганимеде... Если уменьшится импорт либо из-за нападения пиратов, либо таких вот темных дел, которые используют против нас сейчас, то мы вскоре станем абсолютно беспомощными. Это все.

— Но,— сказал Дэвид,— если бы все действительно обстояло таким образом, то разве заинтересованная группа людей не обратилась бы к правительству, хотя бы для того, чтобы предъявить ультиматум?

— Видимо, так и должно быть, но они выжидают определенного момента, выжидают, когда плод полностью созреет. А может, они имеют дело прямо с фермами на Марсе. Колонисты себе на уме, они не очень-то доверяют Земле, и если они решат, что образу их жизни или продукции что-то угрожает, они могут поддержать этих преступников, быть с ними заодно, может быть даже они и есть эти преступники.

Тут д-р Генри запыхтел трубкой, не затягиваясь.

— Но я пока никого не обвиняю.

— А моя роль,— спросил Дэвид.— Что я должен делать?

— Разреши, я сам ему скажу,— ответил Августас.— Дэвид, мы хотим, чтобы ты отправился в центральную лабораторию на Луне. Ты будешь там членом поисковой группы, исследующей эту проблему. Они получают образцы каждого груза, идущего с Марса.

Мы не можем не наткнуться хоть на один отравленный образец. Половина всех образцов скармливается крысам, оставшиеся порции анализируются всеми методами, которые находятся в нашем распоряжении.

— Понятно. И если дядя Августас прав, я предполагаю, что на Марсе у нас работает еще одна группа?

— Да, из людей очень опытных. Но скажи, ты сможешь отбыть на Луну завтра вечером?

— Разумеется. Но если необходимо так спешить, можно мне уйти прямо сейчас, чтобы подготовиться?

— Ну, конечно.

— Будут ли возражения, если я захочу использовать свой личный звездолет?

— Ну что ты, ради бога.

Двое ученых, оставшись одни в комнате, смотрели на волшебные красоты огней города и долго молчали. Первым нарушил молчание Конвей.

— Как он похож на Лауренса! Но еще слишком молод. Это будет опасно.

Генри посмотрел на него.

— Ты действительно думаешь, что это сработает?

— Конечно!

Конвей рассмеялся.

— Ты ведь слышал его последний вопрос о Марсе. Он совершенно не собирается лететь на Луну. Я достаточно хорошо его знаю. И это самый лучший способ его максимально защитить. Согласно официальному отчету будет значиться, что он улетел на Луну, центральная лаборатория доложит о его прибытии. Когда он прибудет на Марс, твоим заговорщикам, если они только существуют, и в голову не придет принять его за члена Совета, и он сам, конечно, будет тщательно скрывать свое имя и выступать инкогнито, потому что будет озабочен тем, чтобы надуть нас — с его точки зрения. Он очень талантлив. Возможно, ему удастся сделать то, что не удалось всем нам. К счастью, он все еще молод, и им можно управлять. Через несколько лет это уже станет невозможным. Он будет видеть нас насквозь.

Коммутатор на столе Конвея слабо звякнул. Он нажал кнопку.

— Ну, что там такое?

— Личное сообщение для вас, сэр.

— Для меня?

Он с удивлением посмотрел на Генри.

— Оно все равно не может быть от тех конспираторов, о которых ты вечно болтаешь.

— Открой конверт и посмотри,— предложил ему д-р Генри.

Конвей вскрыл конверт, какое-то мгновение он недоуменно смотрел на лист бумаги. Потом рассмеялся немного фальшиво, кинул письмо Генри и откинулся на спинку кресла, внимательно наблюдая за другом. Д-р Генри поднял листок и поднес его к глазам. Там были нацарапаны две строчки:

«Считайте, что вы меня уговорили. Лечу на Марс».

Генри от души расхохотался.

— Как прекрасно ты сумел предсказать его действия!

И Конвею ничего не осталось, как присоединиться к этому смеху.

* * *

Для урожденного землянина Земля означает Землю. Это была третья планета от солнца, известная обитателям Галактики под именем Сол. По официальной географии, однако, Земля значила нечто большее: она включала все небесные тела солнечной системы. Марс был такой же Землей, как и сама Земля, и мужчины и женщины, жившие на Марсе, были такими же землянами, как если бы они жили на родной планете. По крайней мере юридически это было так. Они участвовали в голосовании при выборе представителей в Конгресс всей Земли. Но на этом все и кончалось. Земляне Марса считали себя особыми людьми, причем куда более лучшими, чем прочие, и каждому новоприбывшему приходилось приложить немало усилий, прежде чем любой марсианский фермер признал бы в нем нечто большее, чем простой турист, который вообще ни на что не годен. Дэвид Старр столкнулся с этим почти сразу же, как только вошел в здание конторы по найму рабочих на фермы. Человек невысокого роста шел за ним следом, чуть не наступая на пятки, когда он входил в здание. В нем было всего каких-нибудь пять футов два дюйма и он уперся бы головой в грудь Дэвида, если бы они стояли лицом к лицу. У него были рыжие волосы, зачесанные прямо назад, широкий рот и типичный для марсианского фермера комбинезон с большим воротом на двойной застежке и многоцветные сапоги до бедер. Когда Дэвид направился к окошечку со светящейся сверху надписью «Наем на фермы», шаги позади него ускорились и невыносимый тенор крикнул ему в спину:

— Эй, подожди, сбавь скорость, приятель.

Малый стоял и смотрел на Дэвида. Тот остановился и тоже посмотрел не него.

— Я могу чем-то помочь тебе?

Малыш внимательно осмотрел его, сначала снизу вверх, затем сверху вниз, потом вытянул руку и небрежно дотронулся до пояса землянина.

— Когда ты сошел с трапа этой старой галоши?

— Какой галоши?

— С той самой, которая называется Землей. Тебе что, стало там слишком тесно?

— Я с Земли, это верно.

Малыш с силой хлопнул себя по сапогам — сначала опустив одну руку, потом так же резко другую. Это был типичный жест фермера, обозначающий презрение.

— В таком случае,— сказал он,— ты подождешь, пока местный житель, то есть я, решу свои дела.

Дэвид спокойно посмотрел на него.

— Как тебе будет угодно.

— А если у тебя есть какие-нибудь возражения, и ты не желаешь ждать своей очереди, мы можем обсудить с тобой этот вопрос потом в любое удобное для тебя время. Меня зовут Бигман. Джон Бигман Джонс, но ты можешь повсюду в этом городе спросить просто Бигмана — меня каждый знает. У тебя есть какие-нибудь возражения по этому поводу?

И Дэвид с серьезным лицом ответил:

— Никаких.

— Все равно,— сказал Бигман и подошел к столу, в то время как лицо Дэвида расплылось в улыбке, как только малыш повернулся к нему спиной. Дэвид уселся на скамейку и стал ждать. Он был на Марсе менее полусуток и успел только зарегистрировать свой звездолет под вымышленным именем в большом подземном гараже на окраине города, снять комнату на ночь в одном из отелей и посвятить несколько утренних часов осмотру города под куполом. Таких городов было на Марсе всего три и это вполне понятно, если учесть те затраты, которые требовались на возведение гигантских куполов и громадной энергии, необходимой, чтобы поддерживать в них земную температуру и земное тяготение. Этот город, Винград-Сити, названный так в честь Роберта Кларка Винграда, первого человека, высадившегося на Марсе, был самым большим. Он не очень отличался от обычного города на Земле. Создавалось впечатление, будто кусочек Земли был вырезан и перенесен на другую планету, и люди Марса, находящиеся минимум в тридцати пяти миллионах километров от Земли, старались вообще не думать об этом, скрывая этот факт от самих себя. В центре города, где эллипсоидный купол был высотой в четверть мили, стояли даже двадцатиэтажные здания. Не хватало только яркого солнца и голубого неба. Сам купол был прозрачным, и когда светило солнце, его лучи ровно распределялись по всем девяти квадратным милям. Интенсивность света была мала, так что «небо» выглядело бледным. Общий эффект был эквивалентен облачному дню на Земле. Когда наступала ночь, купол как бы таял и исчезал в беззвездной мгле. Но когда зажигались огни на улицах, Винград-Сити еще больше становился похожим на город на Земле. Внутри зданий искусственное освещение не выключалось ни днем, ни ночью. Дэвид Старр поднял голову, неожиданно услышав громкие раздраженные голоса. Бигман все еще стоял у стола, крича во все горло:

— А я говорю, что все это из-за черных списков. Вы внесли меня в черный список, клянусь Юпитером.

Человек за столом казался возбужденным и смущенным. На лице его были шрамы от ожогов, которые он нервно трогал пальцами.

— У нас нет черных списков, мистер Джонс,— сказал он.

— Меня зовут Бигман. Вы что, боитесь, что относитесь ко мне дружелюбно? Первые несколько дней вы называли меня Бигман.

— У нас нет черных списков, Бигман. Просто сейчас не требуются рабочие руки на фермах.

— О чем вы говорите? Том Джонкинс получил позавчера работу в течение двух минут.

— У Джонкинса имеется опыт по вождению ракет.

— Я умею водить ракеты не хуже Джонкинса.

— Тем не менее вы занесены в наши списки, как сеятель.

— И к тому же очень хороший. А что, в сеятелях не нуждаются?

— Послушайте, Бигман, ваше имя находится у меня в списках. Это все, что я могу сказать. Я вам дам знать, если что-нибудь подвернется.

Он с преувеличенным вниманием стал перелистывать книгу записей, лежащую перед ним, делая вид, что не обращает внимания на малыша.

— Ну, хорошо, я отсюда никуда не уйду,— прокричал Бигман.— И когда к вам поступит следующая заявка на работу, то заполню ее я. Если они не желают именно меня, то я хочу, чтобы об этом было сказано мне лично. Мне, вы понимаете! Мне, Джонсу Бигману, лично!

Человек, сидящий за столом, ничего не ответил. Бигман уселся, что-то бормоча себе под нос. Дэвид Старр поднялся и подошел к столу. В конторе некому было оспаривать его право на очередь.

Он заявил:

— Я бы хотел получить работу.

Человек поднял голову, пододвинул к себе чистый лист бумаги — бланк по найму и перо.

— Какую?

— Любую работу на ферме, которая только у вас есть.

— Вы житель Марса?

— Нет, сэр. Я с Земли.

— Извините, к сожалению, ничего не могу предложить.

— Послушайте,— сказал Дэвид.— Я умею работать, и мне нужна работа. Великая Галактика, неужели существует закон, по которому землянину не устроиться на работу?

— Конечно, нет, но не имея опыта работы на фермах, вы не сумеете ничего там делать.

— От этого работа не становится мне менее нужной.

— Работы сколько угодно и в пределах города. Следующее окно.

— Я не могу устроиться в городе.— Человек за столом с любопытством посмотрел на Дэвида, и ему нетрудно было понять, что творилось у него в голове. Люди прилетали на Марс по самым разным причинам, и одна из них была та, что Земля становилась для них слишком неуютной. Когда на Марс сообщалось о сбежавшем преступнике, все города тщательно прочесывались в его поисках, но еще никто и никогда не находил преследуемого человека на марсианских фермах. Для Синдикатов Ферм лучшим фармбоем был тот, кому некуда было уйти. Они защищали таких людей и заботились о том, чтобы они не были выданы властям Земли, которых они недолюбливали и презирали.

— Имя? — спросил клерк, опять опустив глаза на бланк.

— Дик Вильямс,— ответил Дэвид, называя имя, под которым он зарегистрировал свой звездолет

Клерк не спросил у него документов.

— Где вас можно найти?

— Отель Лэндис, комната 212.

— Есть хоть какой-нибудь опыт работы?

Вопросы текли бесконечно. Большинство граф в бланке осталось незаполненным. Клерк вздохнул, вложил бланк в прорезь машины, которая автоматически сфотографирует его на микропленку, подклеит к делу и запишет в постоянный архив конторы. После этого он посмотрел на Дэвида.

— Я дам вам знать,— сказал он.

Но голос его не обнадеживал.

Дэвид отвернулся. Он и не ожидал, что у него сразу все получится, но по крайней мере, ему удалось официально зарегистрироваться, как человеку, ищущему работу. Следующий шаг... Он вздрогнул. Трое людей вошли в контору. При виде их Бигман рассвирепел и вскочил на ноги. Он стоял к ним лицом, чуть прижав руки к своим высоким сапогам, хотя Дэвид и не видел в руках никакого оружия. Трое вошедших остановились, и тот, который шел позади, рассмеялся и сказал:

— Похоже, что перед нами Бигман* — наш могущественный карлик. Может быть, он ищет работу, босс?

Говорящий был широк в плечах, а нос его был расплющен. Во рту у него торчала пережеванная сигара из зеленого марсианского табака, а на лице была щетина трехдневной давности.

Спокойно, Грисвольд,— сказал шедший впереди

Это был не слишком высокий, полный человек с мягкой кожей на щеках и шее. Его комбинезон был типичен для обитателей Марса, но сделан из куда более дорогой и мягкой материи, чем у любого находившегося в этой комнате. Его высокие сапоги были алого и розового цвета. Во время своих дальнейших скитаний по Марсу Дэвиду Старру не удалось увидеть двух пар одинаковых сапог ни по дизайну, ни по цвету. И вообще, сапоги на Марсе были вроде паспорта на Земле — они отличали каждого фармбоя. Бигман шел к этим трем людям, и его маленькая грудь вздымалась, лицо было перекошено яростью.

— Мне нужны мои рекомендации, Хенз. У меня есть на них право,— кричал он человеку, шедшему впереди.

Тот спокойно ответил:

— Ты не стоишь никаких рекомендаций, Бигман.

— Я не могу устроиться на приличную работу без рекомендательных писем. Я проработал в течение двух лет и делал все, что от меня требовали.

— Ты делал куда больше того, что от тебя требовали. С дороги!

Он прошел мимо Бигмана, приблизился к столу и сказал:

— Мне нужен опытный сеятель, по-настоящему хороший. И желательно, чтобы он был достаточно высок, а то мне только что пришлось отделаться от коротышки, которого и разглядеть-то нельзя.

Намек для Бигмана был очевиден.

---

* Бигман — большой человек *(англ.)*

— Клянусь Космосом,— вскричал он,— ты прав, я делал куда больше того, что от меня требовалось. Например, я был на дежурстве, когда не должен был быть — это ты хотел сказать? Я дежурил достаточно долго, чтобы видеть, как ты укатил в полночь далеко в пустыню. А на следующее утро, когда я упомянул об этом, меня уволили, да еще без рекомендательных писем...

Хенз раздраженно оглянулся через плечо:

— Грисвольд,— сказал он.— Выброси этого дурака вон.

Бигман не отступил, хотя Грисвольд был вдвое крупнее его. Высоким голосом он сказал:

— Ну хорошо, подходите по одному

Но теперь уже двинулся Дэвид Старр и его огромный шаг был нарочито и обманчиво медленным

Грисвольд посмотрел на него.

— Ты стоишь у меня на дороге, друг,— сказал Дэвид.

— Мне надо вымести отсюда кое-какой мусор.

Из-за спины Дэвида Бигман выкрикнул:

— Все в порядке, земляшка. Пусти его, я славно с ним позабавлюсь.

Дэвид не обратил на него никакого внимания. Он обратился к Грисвольду:

— Это ведь общественное место, друг Каждый имеет право здесь находиться.

— Давай не спорить, парень,— ответил Грисвольд.

Он грубо положил Дэвиду руку на плечо, как бы собираясь отшвырнуть его в сторону. Левая рука Дэвида молниеносно схватила вытянутую руку Грисвольда, а правая одновременно чуть толкнула его в плечо. Грисвольд отлетел назад как пушинка, сильно ударившись о перегородку из пластика, которая разделяла комнату пополам.

— Все же я предпочитаю поспорить, друг,— сказал Дэвид.

Клерк с криком вскочил на ноги. Другие работники конторы тоже сбежались, но остановились в стороне, не вмешиваясь. Бигман громко рассмеялся и несколько раз хлопнул Дэвида по спине.

— Довольно неплохо для парня с Земли.

На какое-то мгновение казалось, что Хенз застыл на месте. Третий из вошедших фармбоев, невысокого роста, с бородой и белым лицом, свидетельствовавшим, что он слишком много времени провел под солнцем Марса и слишком мало под искусственным освещением города, просто стоял с открытым ртом, как бы не понимая, что произошло. Грисвольд медленно приходил в себя. Он потряс головой. Сигару, выпавшую изо рта, он отбросил ударом ноги в сторону. Затем он поднял голову, и в глазах его заплясало бешенство. Он оттолкнулся от пластиковой стены и на мгновение в его руке блеснула сталь. Дэвид отступил на шаг в сторону и вытянул руку. Маленький изогнутый цилиндрик, обычно удобно располагавшийся под мышкой, пролетел вдоль рукава и оказался в его ладони.

Хенз тут же крикнул:

— Осторожно, Грисвольд, у него бластер.

— Брось нож,— сказал Дэвид.

Грисвольд грязно выругался, но сталь зазвенела, ударившись об пол. Бигман нагнулся и подобрал нож, довольный положением, в которое попал враг. Дэвид протянул руку и быстро посмотрел на оказавшийся в ней предмет.

— Что за милая и невинная игрушка для фармбоя,— сказал он.— Интересно, какой закон на Марсе относительно ношения силового ножа?

Он сразу узнал это самое безжалостное оружие в Галактике. По внешнему виду это всего лишь полоска стали, чуть толще лезвия ножа, но которую тем не менее очень удобно держать в руке. Внутри этой полоски находится крохотный двигатель, способный генерировать невидимое, толщиной с лезвие бритвы, девятидюймовое силовое поле, которое может резать абсолютно все, что состоит из материи. Никакая сталь, никакие сплавы не могли устоять перед ним, а так как кость резалась так же легко, как и плоть, то удар такого ножа обычно смертелен. Хенз встал между ними.

— А где твое разрешение на бластер, землянин? Убери его, и будем считать, что мы квиты. Иди сюда, Грисвольд.

— Подождите,— сказал Дэвид, когда Хенз собрался уходить.— Вам требуется рабочий, верно?

Хенз повернулся к нему, в глазах его просвечивало явное удивление.

— Да, мне нужен рабочий.

— А мне нужна работа.

— Мне необходим опытный сеятель. У вас есть квалификация?

— Нет.

— А вообще вы когда-нибудь сеяли или убирали урожай? Умеете ли вы управлять пескомобилем? Короче говоря, если я правильно могу судить по вашей одежде,— тут он отступил назад, как бы для того, чтобы осмотреть его с ног до головы,— вы просто землянин, который неплохо умеет управляться с бластером. Но я не могу вас использовать.

— Даже если,— тут голос Дэвида упал до еле слышного шепота,— я скажу, что меня интересует отравление пищей?

Лицо Хенза не изменилось, глаза не моргнули. Он сказал:

— Я не вижу здесь смысла.

— Тогда постарайтесь взглянуть на это поглубже.

Он улыбался, но в этой тонкой улыбке было мало веселого.

— Работа на марсианской ферме — нелегкое дело,— сказал Хенз.

— А я человек не слабый,— ответил Дэвид.

Хенз опять оглядел его с головы до ног.

— Что же, может оно и так. Ну хорошо, мы дадим вам койку и питание, три смены одежды и пару сапог. Пятьдесят долларов в течение первого года с оплатой в конце года. Если вы не доработаете, то денег не получите вообще.

— Это вполне справедливо. А что за работа?

— Единственная, на которую вы годны. Общим помощником в столовой. Если вы чему-нибудь научитесь, то будете продвигаться

вперед, если нет — так и проведете весь год в столовой.

— Годится. А что насчет Бигмана?

Бигман, который переводил взгляд с одного на другого, вскрикнул тонким голосом:

— Ну уж нет, сэр. Я не собираюсь работать на этот бурдюк с песком, да и тебе не советую.

Дэвид сказал через плечо:

— А как насчет небольшого срока за рекомендательное письмо?

— Ну,— ответил Бигман,— может, месяц, но не больше.

Хенз посмотрел на Дэвида:

— Он что, ваш друг?

Дэвид кивнул.

— Без него я не пойду.

— Ну ладно, я возьму и его. Один месяц, и пусть не болтает. Оплаты никакой — только рекомендации. Пойдемте отсюда. Мой пескомобиль на улице.

Впятером они вышли из здания — Дэвид и Бигман сзади.

— Теперь я твой должник, друг,— сказал Бигман.

Пескомобиль был открыт, и Дэвид видел отверстия, которые закрывались тяжелыми панелями на случай песчаных бурь. Колеса были широкими, чтобы уменьшить возможность провалиться в мягких песчаных завалах. Стеклянные поверхности были сведены до минимума, и там, где без них не обойтись, создавалось впечатление, что стекло является продолжением металла и наоборот. Людей на улице было немного, и никто не обращал внимания на привычное для них зрелище — пескомобиль фармбоев.

— Мы сядем впереди,— сказал Хенз.— Ты, землянин, и твой друг можете сесть сзади.

С этими словами он стал усаживаться на место водителя. Панель управления находилась по центру, и сверху ее прикрывали тяжелые щиты. Грисвольд сел справа от Хенза. Бигман нырнул на заднее сиденье, и Дэвид последовал за ним. Кто-то был позади него. Дэвид полуобернулся и Бигман внезапно крикнул:

— Осторожно!

Это был второй из служащих Хенза, спрятавшийся за дверью машины. Его белое бородатое лицо было искажено злобой. Дэвид был быстр, очень быстр, но он все-таки опоздал. Последнее, что он увидел — сверкнувшее дуло оружия в руке бородатого, а затем услышал мягкий мурлыкающий звук. Он практически перестал что-либо чувствовать, когда далекий-далекий голос произнес:

— Все в порядке, Закис, садись сзади и наблюдай за ними.

И Дэвиду показалось, что слова эти донеслись до него из конца длинного туннеля. Какое-то мгновение он еще чувствовал движение впереди, затем все исчезло. Дэвид Старр рухнул на сиденье и перестал подавать какие бы то ни было признаки жизни.

* * *

Какие-то бесформенные пятна света проплывали мимо Дэвида Старра. Медленно он осознавал, что вокруг него изо всех сил бьют

в колокола, и кто-то давит ему в спину. Это давление объяснялось тем, что он лежал спиной на жестком матрасе. Звон, как он знал, был прямым последствием применения станнера — оружия, излучение которого действовало на нервные центры основания позвоночника. Прежде чем пятна света окончательно не исчезли и прежде чем он полностью сообразил, что с ним произошло и где он находится, Дэвид почувствовал, как его изо всех сил трясут за плечи и бьют по лицу, причем боли он почти не ощущал. Свет полыхнул в его открытые глаза, чтобы предотвратить следующий удар по лицу, он поднял свою затекшую руку. Это был Бигман. Он стоял, наклонившись над ним, а его маленькое, как у кролика, лицо с круглым носом-пуговкой почти касалось лица Дэвида. Он облегченно вздохнул.

— Клянусь Ганимедом, я думал, они тебя прикончили.

Дэвид чуть приподнялся на ломящем от боли локте.

— У меня ощущение, что так оно и есть,— сказал он.— Где это мы находимся?

— В кутузке, на ферме. Можно не пытаться бежать отсюда — дверь заперта, окна зарешечены.

Выглядел он достаточно уныло. Дэвид пощупал себя под мышкой. Его бластер, естественно, исчез. Он спросил:

— Тебя тоже парализовали из станнера, Бигман?

Бигман покачал головой.

— Закис отправил меня в горизонтальное положение с помощью пистолета.

Он осторожно потрогал пальцами часть черепа, которая явно вспухла. Потом он засиял.

— Но сначала я ему чуть было не сломал руку.

Снаружи послышался звук шагов. Дэвид сел. Вошел Хенз, а вместе с ним пожилой человек с вытянутым усталым лицом, с выцветшими голубыми глазами под кустистыми седыми бровями, которые, казалось, вечно были нахмурены. Он был одет в городской костюм, почти такой же, как на Земле. У него даже не было характерных марсианских сапог. Сначала Хенз обратился к Бигману.

— Можешь отправляться в столовую, но как только ты чихнешь без разрешения, я лично сделаю из тебя отбивную котлету.

Бигман что-то проворчал, помахал Дэвиду и со словами:

— Еще увидимся, земляшка,— вышел из кутузки.

Хенз подождал, пока он не ушел, и запер за ним дверь. Потом повернулся к человеку с седыми бровями.

— Вот он, мистер Макман. Он называет себя Вильямсом.

— Хенз, ты здорово рисковал, стреляя в него из станнера. Если бы убил, то ценная информация могла бы пропасть, ведь возможно, он выведет нас на других.

Хенз пожал плечами.

— Он был вооружен. Мы не могли рисковать. В любом случае он здесь, сэр.

Они разговаривают, подумал Дэвид, как будто его вообще здесь нет, или как будто он был просто какой-то вещью.

Макман повернулся к нему и взгляд его был суров.

— Эй, вы, я владелец этой фермы. Более ста миль в любом направлении — все здесь принадлежит мне. Одно мое слово — и люди на свободе или в тюрьме, работают и голодают, живут и умирают. Вы меня понимаете?

— Да,— сказал Дэвид.

— Тогда отвечайте правду и вам ничего не будет. Попытаетесь скрыть что-нибудь — мы все равно вытянем из вас то, что нужно. Не остановимся, если даже придется вас убрать. Вы все еще понимаете меня?

— Да.

— Ваше имя — Вильямс?

— Это единственное имя, которое я назову на Марсе.

— Что ж, вполне честный ответ. Что вы знаете об отравлении пищей?

— Послушайте,— сказал Дэвид.— Моя сестра умерла однажды днем, съев кусок хлеба с вареньем. Ей было двенадцать лет и она лежала мертвой, а варенье все еще было размазано по ее личику. Мы вызвали доктора. Он сказал, что она отравилась пищей, и велел нам ничего не есть в доме, пока он не вернется с каким-то тестовым оборудованием. Но он вообще не вернулся. Вместо него явился другой. И этот другой явно не был мелкой сошкой. Его сопровождало много людей, одетых в гражданское, но с военной выправкой. Он велел нам описать все, что произошло. Потом сказал:

— Она умерла от сердечного приступа.

Мы ответили ему, что это чушь, потому что моя сестра никогда не страдала сердцем, но он даже не стал нас слушать. Он предупредил, что если мы будем распространять нелепые слухи об отравлении, то у нас будут неприятности. Затем он забрал с собой банку с вареньем и ушел. Он очень рассердился на нас даже за то, что мы вытерли личико девочки от остатков варенья. В дальнейшем я пытался связаться с нашим доктором, но секретарша все время отвечала мне, что его нет. Я ворвался в приемную и нашел его на месте, но он заявил мне, что поставил ошибочный диагноз. Казалось, что он вообще боится говорить на эту тему. Я обратился в полицию, но меня отказались выслушать. Варенье, которое забрали люди в штатском, было единственной пищей, которую моя сестра ела в тот день. Эта банка была только что открыта, и она была импортирована с Марса. Мы старомодны и любим обычную земную пищу. Это был единственный марсианский продукт во всем доме. Я попытался выяснить через газеты, были ли еще случаи пищевого отравления. Все казалось мне слишком подозрительным. Я даже отправился в Международный Город, бросил работу и решил, что, так или иначе, узнаю, что убило мою сестру, и попытаюсь отомстить любому, кто окажется за это ответственным. Но всюду я натыкался на глухую стену, а потом появились полицейские, пришедшие с ордером на мой арест. Я ожидал этого и успел на мгновение опередить их. Я прилетел на Марс по двум причинам. Во-первых, это был для меня единственный способ избежать ареста, хотя, как сейчас мне кажется, я ошибся, и во-вторых, потому, что мне кое-что удалось выяснить. В ресторанах Международного Города произошли

две или три загадочные смерти и каждый раз это было именно в тех ресторанах, где подавались марсианские блюда Поэтому я решил, что ответ должен быть на Марсе.

Макман водил толстым пальцем по подбородку

— Похоже на истину, Хенз, сказал он. А как твое мнение?

— Заставьте его сказать имена и даты и проверьте всю историю Мы не знаем, кто в действительности этот человек

Ответ Макмана прозвучал раздраженно

Ты прекрасно знаешь, что мы не можем этого сделать, Хенз Я совсем не желаю, чтобы новости об этой заварушке распространились. Это разорит весь наш Синдикат

Он повернулся к Дэвиду.

— Я хочу, чтобы с вами поговорил Бенсон, это наш агроном.

Затем опять Хензу:

— А ты останься здесь, пока не придет Бенсон.

Прежде чем пришел Бенсон, прошло минимум полчаса. В течение этого времени Дэвид сидел, небрежно облокотившись о спинку кровати, не обращая внимания на Хенза, который, впрочем, платил ему тем же. Наконец дверь открылась и вошел круглолицый человек лет сорока, с редеющими песочного цвета волосами, в очках Его маленький рот растянулся в улыбке Он сказал мягким, колеблющимся голосом

— Я — Бенсон. А вы, насколько я понимаю, Вильямс?

Бенсон осторожно посмотрел на молодого землянина, анализируя его зрительно.

— Скажите, вы склонны к насильственным действиям? спросил он.

— Я безоружен,— ответил Дэвид, и нахожусь на ферме, полной людей, готовых убить меня в ту же секунду, как только я отступлю от существующих правил.

— Совершенно справедливо, вы не покинете нас, Хенз?

Хенз даже подпрыгнул от возмущения

— Это небезопасно, Бенсон

— Пожалуйста, Хенз

Мягкие глаза Бенсона смотрели на него поверх очков. Хенз что-то проворчал, ударил рукой по сапогу в знак протеста и вышел, хлопнув дверью. Бенсон запер ее за ним

— Видите ли, Вильямс, за последние полгода я стал здесь важной персоной. Даже Хенз слушается меня. Я еще не совсем привык к этому.

Он опять улыбнулся

— Мне мистер Макман сказал, что вы были свидетелем смерти от странного отравления, связанного с пищей.

— Моей сестры.

— О! — Бенсон покраснел. Я понимаю, что это для вас должна быть очень болезненная тема, не могу ли я попросить вас сообщить мне подробности? Это может быть очень важно.

Дэвид повторил историю, которую он раньше рассказал Макману.

Бенсон вздохнул.

— И все это произошло именно так быстро?

— Прошло не более пяти-десяти минут с тех пор, как она кончила есть.

— Ужасно. Ужасно. Вы даже представить себе не можете, как все это неприятно.

Он нервно потирал руки.

— В любом случае, Вильямс, я хотел бы дополнить вашу историю. Вы многое сумели угадать, и я чувствую себя ответственным за то, что произошло с вашей сестрой. Все здесь, на Марсе, ответственны, пока нам не удалось разгадать эту загадку. Видите ли, это уже тянется несколько месяцев — я имею в виду отравления. Их немного, но вполне достаточно, чтобы все мы не находили себе места. Мы проследили, откуда поступает отравленная пища и выяснили, что не с ферм. Только одно удалось установить точно: вся отравленная пища отправляется из Винград-Сити, остальные два города на Марсе не имеют к этому никакого отношения. Это наводит на мысль, что источник инфекции находится в городе, и Хенз работает над этим. Он часто отправляется в город ночью, надеясь напасть хоть на какой-нибудь след, но до сих пор у него ничего не получилось.

— Понятно, это объясняет замечание Бигмана, — сказал Дэвид.

— А?

На лице Бенсона отразилось удивление, но потом оно прояснилось.

— Вы имеете в виду этого малыша, который всюду бегает и шумит? Да, он как-то видел отъезжающего Хенза, и Хенз уволил его. Он очень импульсивный человек. Да и в любом случае, я считаю, что Хенз неправ. То, что отравленная пища проходит через Винград-Сити, вполне естественно. В конце концов это портовый город половины всего Марса. Мистер Макман считает, что яд распространяется преднамеренно. По крайней мере он сам и несколько других членов Синдиката получили письма, в которых предлагалось купить у них фермы по низкой цене. В них не упоминается об отравлениях, и нет никакой связи между этими предложениями о продаже с тем ужасом, который происходит.

Дэвид напряженно слушал.

— А кто предлагает купить фермы? — спросил он.

— Откуда же это известно? Я видел эти письма, в них только говорится, что если предложение будет принято, то следует отправлять закодированное послание на определенных субультракоротких волнах. Предложенная цена, говорится в письмах, будет уменьшаться на десять процентов каждый месяц.

— И невозможно проследить, откуда эти письма?

— Боюсь, что нет. Они проходят обычную почту с пометкой «Астероид». Как можно обыскать все астероиды?

— А Межпланетная полиция была оповещена?

Бенсон мягко рассмеялся.

— Неужели вы думаете, что мистер Макман, или любой другой член Синдиката, обратится в полицию в таком случае, как этот? Вы

плохо разбираетесь в психологии людей, живущих на Марсе, мистер Вильямс. Никто не бежит обращаться к закону, попав в беду, кто же хочет расписаться в собственном бессилии и показать тем самым, что не может справиться со своими собственными делами. Ни один уважающий себя фармбой не пойдет на это, разве что в самом крайнем случае. Я предложил было, чтобы эта информация была передана в Совет Науки, но Макман отказался пойти даже на это. Он сказал, что Совет работает над отравлениями без всякого успеха, и коль они такие дураки, что не могут разгадать даже этого, то он обойдется без них.

— Вы тоже работаете над отравлениями?

— Совершенно верно, я считаюсь здесь агрономом.

— Именно так и назвал вас мистер Макман.

— Вот-вот, строго говоря, агроном — это человек, который специализируется в научном подходе к сельскому хозяйству. Я получил прекрасное образование по принципам плодородия почв, повышения сбора урожая и другим. Я всегда специализировался по марсианским проблемам, нас не так уж и много, поэтому специалисты подобного рода могут получить хорошую работу, даже если фармбои иногда теряют с нами терпение и считают нас просто идиотами из колледжа, которые не имеют никакого практического опыта. Как бы то ни было, я прошел дополнительные курсы по ботанике и бактериологии, поэтому мистер Макман поставил меня во главе всей научно-исследовательской работы на Марсе, которая касается вопросов об отравлении.

— И что вы выяснили, мистер Бенсон?

— Вообще-то не больше, чем Совет Науки, что совсем не удивительно, если принять во внимание, как мало времени у меня было и насколько мое оборудование хуже, чем у них. Не говоря уже о помощи. Но у меня возникли определенные гипотезы. Смерть от яда наступает слишком быстро, чтобы быть чем-то иным, кроме токсина бактерии. По крайней мере, если мы примем во внимание, во-первых, дегенерацию, во-вторых, другие симптомы, то я подозреваю марсианскую бактерию.

— Что?

— Но ведь на Марсе существует жизнь, чего тут удивительного? Когда люди Земли впервые прилетели сюда, на Марсе существовали простейшие формы жизни. Здесь росли гигантские мхи, зеленоголубой цвет которых был виден в телескопы еще до того, как были изобретены космические корабли. В этом мху жили определенные бактерии и даже насекомообразные создания, которые могли свободно двигаться, но тем не менее вырабатывали пищу внутри себя, как растения.

— Но они все еще существуют?

— Ну, конечно, мы полностью расчистили землю, прежде чем построить наши фермы. Опрыскали землю нашими собственными, земными, бактериями, которые необходимы для роста наших растений. Однако, на некультивированных площадях марсианская жизнь все еще процветает.

— Но, в таком случае, как она может оказывать влияние на наши растения?

— Это хороший вопрос. Видите ли, марсианские фермы совсем не похожи на фермы Земли. На Марсе фермы не открыты, например, прямому солнечному свету и воздуху. Солнце на Марсе не дает достаточно тепла для земных растений, а дождя, как такового, вообще не существует Но здесь хорошая, плодородная почва и достаточно двуокиси углерода, который в основном дает жизнь растениям Поэтому урожаи на Марсе вырастают под огромными листами стекла Все операции фактически производятся машинами, поэтому наши фармбои более механики, чем где-либо еще. Фермы искусственно орошаются системой планетных трубопроводов, которые уходят за полюса. Я рассказываю вам все это для того, чтобы вы поняли, как тяжело заразить наши растения. Поля закрыты и охраняются со всех сторон, кроме как снизу.

— Что это значит?— спросил Дэвид.

— Это значит, что под землей находятся знаменитые марсианские пещеры, и в них могут находиться разумные марсиане.

— Вы имеете в виду — люди?

— Не люди, но организмы такие же разумные. И у меня есть причины верить, что на Марсе действительно существует разум, который, вероятнее всего, желает изгнать землян с планеты!

— Почему вы так решили?— спросил Дэвид.

Бенсон выглядел смущенным. Он медленно провел рукой по голове, приглаживая светлые, редеющие волосы, которые не в состоянии были скрыть наметившуюся розовую лысину. Не менее смущенным голосом он сказал:

— У меня нет определенных фактов, которые я мог бы представить в Совет Науки, или даже мистеру Макману. Но мне кажется, что я прав.

— Со мной вы тоже не хотите об этом говорить?

— Даже не знаю. Честно говоря, прошло слишком много времени с тех пор, как я вообще с кем-то говорил, кроме фармбоев. Вы, очевидно, окончили университет? В чем вы специализировались?

— История,— не задумываясь ответил Дэвид.— Моей дипломной работой была международная политика раннего атомного века.

— О!— На лице Бенсона явно можно было прочесть разочарование.— И никакой научной специализации?

— Я слушал несколько семестров лекции по химии и один — по зоологии.

— Понятно. Мне пришло в голову, что я мог бы убедить Макмана, чтобы вы помогали мне в моей лаборатории. Работы будет немного, тем более, что у вас нет специального образования, и она будет не из чистых, но, по крайней мере, лучше той, которую может предложить Хенз.

— Благодарю вас, мистер Бенсон. Но как же насчет марсиан?

— О, да. Все достаточно просто. Может быть, вы этого не знаете, но под поверхностью Марса рядом, милях в двух, находятся сплошные пещеры. Это стало известно после землетрясений, или, вернее, марсотрясений. Некоторые исследователи утверждают, что

эти пещеры являются результатом прохождения масс воды еще в те времена, когда Марс был покрыт океанами, но затем приборы уловили глубоко под почвой источник радиации, который не мог быть человеческого происхождения, но тем не менее, благодаря своей направленности, не мог быть и естественного происхождения. Сигналы шли слишком упорядоченно для того, чтобы можно было предположить, что они не искусственные. И это действительно имеет большой смысл, если только задуматься. Когда эта планета была еще молодой, здесь было достаточно и воды и кислорода, чтобы поддерживать жизнь, но так как гравитация составляет здесь всего две пятых земной, то очень быстро и кислород и вода утекли в космос. Если на планете к этому времени уже были разумные марсиане, они могли предвидеть такой исход и построить глубоко под землей гигантские пещеры, где воды и кислорода достаточно на неопределенно долгие времена, при условии ограничения численности населения. А теперь предположим, что марсиане обнаружили, что поверхность их планеты вновь заселена разумными существами — существами с другой планеты. Допустим, им это не понравилось, или они просто испугались того, что мы помешаем им. То, что мы называем пищевыми отравлениями, может быть самой настоящей *бактериологической войной.*

Дэвид задумчиво сказал:

— Да, я понимаю, что вы хотите сказать. Но поймет ли это Синдикат? Или Совет Науки? Ну, да ладно, неважно. Скоро мы будем работать вместе, и, может быть, нам вдвоем удастся убедить их.

Бенсон улыбнулся и протянул свою маленькую руку, которая утонула в большой руке Дэвида Старра.

— Думаю, что сейчас они выпустят вас отсюда,— сказал он.

Дэвида действительно выпустили, и впервые ему представился случай осмотреть самое сердце марсианской фермы. Конечно, она была под куполом, как и город. Дэвид понял это в ту самую минуту, как очутился в кутузке. Нельзя было дышать земным воздухом и испытывать земное тяготение, не находясь при этом под энергетическим куполом. И, естественно, он был значительно меньше городского, в самой своей высокой точке достигал всего ста футов, и прозрачная его структура была видна во всех подробностях — нити белых флюоресцентных огней, затемняющих слабый солнечный свет. Площадь всего сооружения составляла примерно полмили. Однако после первого вечера у Дэвида было мало времени на то, чтобы продолжить свои наблюдения. Под куполом фермы находилось множество людей, и их надо было кормить три раза в день. Им, казалось, не будет конца и края. Не покладая рук работал он, стоя за столом раздачи, в то время как фармбои с пластиковыми тарелками шли мимо него. Тарелки, как обнаружил Дэвид, были специально сделаны для использования на марсианских фермах. Под теплотой человеческих рук их можно было свернуть таким образом, что они наглухо закрывали пищу, которую теперь можно было вынести в пустыню — песок не мог проникнуть внутрь, а тепло сохранялось. Под куполом фермы их опять можно было развернуть и использовать обычным способом. Фармбои обращали на

Дэвида мало внимания. Только Бигман, скользя между столиками и ставя новые бутылочки с соками и флаконы со специями, махал ему рукой. Для малыша такое положение было колоссальным понижением в должности, но он относился к этому с философским спокойствием.

— Это ведь всего лишь на месяц,— объяснил он однажды, когда они были на кухне и приготавливали говядину, а главный повар отлучился куда-то на несколько минут.— К тому же большинство ребят понимают, в чем дело, и делают все для того, чтобы мне было легче. Конечно, есть еще Грисвольд, Закис и вся их орава — эти крысы готовы лизать ботинки Хенза, лишь бы им перепал кусок пожирнее. Но мне-то какое дело? Все это лишь на несколько недель.

В другой раз он сказал:

— Ты не беспокойся, что ребята не обращают на тебя внимания. Они видят, что ты землянин, но не знают, что для землянина ты вроде бы парень что надо, как это знаю я. Хенз или Грисвольд все время следят за мной, чтоб я, не дай бог, не говорил бы с кем-нибудь по душам, и ребята все узнали. Однако это до поры до времени.

Но для Дэвида все оставалось тем же самым: фармбой и его тарелка, побольше отварного картофеля, несколько горстей гороха и маленький бифштекс (животная пища была куда более редкой на Марсе, чем растительная, так как ее приходилось импортировать с Земли). Затем фармбой сам брал кусок пирога и наливал кофе. Потом следующий фармбой со своей тарелкой, и опять картофель, горох и так далее. Казалось, что для них Дэвид Старр был просто землянин с поварешкой в одной руке и вилкой в другой. Он не был даже определенным лицом: просто поварешка и вилка.

Повар сунул голову в дверь и взгляд его маленьких глазок быстро скользнул по пустеющим кастрюлям.

— Эй, Вильямс, потарапливайся!

Макман, Бенсон, Хенз и несколько других людей, которые достигли определенного положения или просто долго прослужили на ферме, обедали в компании подобных себе. Они сидели за отдельным столиком и пищу им следовало подавать. Это тоже было обязанностью Дэвида. Вот и сейчас он приготовил специальные тарелки и вкатил их в комнату на специальном подносе на колесах, спокойно пробираясь между столиками, начав с того, за которым сидели Макман, Хенз и еще двое. У столика Бенсона он задержался.

Бенсон принял тарелку с улыбкой и спросил:

— Ну, как поживаете?— после чего продолжал есть, не торопясь, с аппетитом.

Дэвид с озабоченным видом принялся стряхивать с его стола несуществующие крошки и, наклонившись к уху Бенсона, тихо спросил:

— А на самой ферме были когда-нибудь случаи отравления?

Бенсон вздрогнул от неожиданного вопроса и посмотрел на Дэвида, губы которого даже не шевельнулись. Он отвернулся, стараясь выглядеть безразличным, но, тем не менее, отрицательно покачал головой.

— Но разве овощи не марсианские?— спросил все так же шепотом Дэвид.

В это время с другого конца стола раздался грубый оклик:

— Клянусь Космосом, ты, длинный земляной червь, собираешься ползать быстрее?

Это был Грисвольд, как и прежде весь заросший щетиной. «Должен же он когда-нибудь бриться,— подумал Дэвид.— Ведь бороду он не отпускает».

Грисвольд сидел за последним столом из тех, которые требовалось обслужить. Он все еще что-то бормотал и ярость буквально выплескивалась из него.

— Эй, ты, шут, давай сюда тарелку. Скорей, скорей.

Дэвид не торопясь протянул тарелку, и рука Грисвольда с вилкой нанесла быстрый удар. Однако Дэвид среагировал еще быстрее, и вилка просто уткнулась в твердый пластик подноса. Балансируя с подносом в одной руке, Дэвид поймал руку Грисвольда другой и сжал ее. Остальные три человека, сидевшие за столиком, отодвинули стулья и встали. Голос Дэвида, низкий, ледяной и абсолютно спокойный, прозвучал достаточно громко, чтобы расслышал Грисвольд.

— Брось вилку и попроси свою порцию прилично, или ты ее получишь всю сразу.

Грисвольд попытался вывернуться, но захват не ослабевал. Колено Дэвида, которое он упер в спинку стула Грисвольда, мешало тому встать из-за стола.

— Попроси вежливо,— сказал Дэвид, мягко улыбаясь.— Как человек воспитанный и культурный.

Грисвольд тяжело дышал. Вилка выпала из его онемевших пальцев. Он прорычал:

— Дай мне поднос.

— И это все?

— Пожалуйста.— Он буквально выплюнул это слово.

Дэвид поставил поднос и отпустил кисть руки, белую как мел, без единой кровинки. Грисвольд помассировал ее другой рукой и потянулся за вилкой. Он посмотрел вокруг себя с бешеной яростью, но в глазах, с которыми он встретился, было либо изумление, либо безразличие. Законы на марсианских фермах жестоки: человек должен сам о себе заботиться. Макман встал из-за стола.

— Вильямс,— позвал он.

Дэвид подошел к нему.

— Сэр?

Макман ни слова не сказал о том, что произошло на его глазах, а просто стоял некоторое время, глядя на Дэвида, как будто видел его впервые и как будто остался доволен тем, что видел.

— Хотите присоединиться к завтрашнему осмотру?— спросил он.

— Осмотру, сэр? А что это такое?— Он взглянул на стол и обратил внимание, что бифштекса Макмана на его тарелке не было, но горох остался нетронутым, так же как и почти весь картофель. По всей видимости, у него не было такого аппетита, как у Хенза, тарелка которого сверкала чистотой.

— Осмотр — это ежемесячный объезд всей фермы с тем, чтобы проверить рост насаждений. Это старый фермерский обычай. Мы проверяем также возможные случайные трещины в стекле, работу ирригационных труб и фермерских механизмов, возможное браконьерство. На осмотрах нам требуется как можно больше людей. Толковых людей.

— Я бы хотел поехать, сэр.

— Вот и прекрасно. Я думаю, ты нам подойдешь.

Макман повернулся к Хензу, который все это слушал с бесстрастным и холодным выражением лица.

— Мне нравится этот мальчик, Хенз. Может быть, нам еще удастся сделать из него настоящего фармбоя. И вот еще что, Хенз...

Дэвид, выходящий из комнаты, не мог уловить его слова, но по быстрому взгляду, который Макман бросил в сторону Грисвольда, понял, что тот говорил о ветеране фермы не комплименты.

Дэвид Старр услышал легкие движения в своей небольшой комнатенке и, еще не успев окончательно проснуться, соскользнул с кровати. Он увидел две белые ноги, сверкнувшие в свете флюоресцентных ламп, горевших на территории фермы по разрешению ее хозяина даже по ночам. Дэвид ждал, вслушиваясь в шорох простыней, которые перебирали чьи-то пальцы, затем раздался шепот:

— Землянин? Ты здесь?

— Где же мне еще быть, Бигман?

— Мне надо поговорить с тобой,— прошептал малыш.

— Валяй, сейчас у тебя есть такая возможность.— Дэвид усмехнулся и забрался обратно в постель.

Бигман посмотрел на него.

— Слишком уж ты подозрительный для землянина.

— Еще бы,— сказал Дэвид,— я хочу прожить долгую жизнь.

— Если ты не будешь осторожен, у тебя это не получится.

— Нет?

— Нет. Я поступил достаточно глупо, придя сюда. Если меня поймают, не видать мне рекомендательных писем, как своих ушей. Просто ты помог мне, когда я был в беде, а сейчас моя очередь отплатить тебе тем же. Что это ты сделал с этой скотиной Грисвольдом?

— Просто мы немного поспорили по поводу раздачи пищи.

— Немного поспорили! Он был разъярен. Хенз с большим трудом удержал его.

— Это все, что ты пришел сказать мне, Бигман?

— Нет, не все. Они встретились за гаражом, после того, как выключили свет. Они не знали, что я был неподалеку, и, как сам понимаешь, я им об этом не сообщил. Во всяком случае, Хенз ругал Грисвольда почем зря. Во-первых, за то, что он связался с тобой на глазах старика, а во-вторых, за то, что не покончил с тобой, раз уж связался. Грисвольд был слишком разъярен, чтобы сказать что-нибудь вразумительное, однако бессвязные угрозы в твой адрес я уловил. Но Хенз сказал...

— Послушай, ведь ты говорил, что с Хензом все в порядке, насколько ты это понимаешь?

— И эти ночные путешествия...

— Ты видел это только раз.

— Этого вполне достаточно. Если все это законно, почему ты не можешь сказать мне, в чем дело?

— Эта информация принадлежит не мне, Бигман, но все это кажется вполне законным.

— В таком случае, что он может иметь против тебя? Почему он не отзовет своих псов?

— Что ты имеешь в виду?

— Когда Грисвольд кончил говорить, Хенз велел ему подождать. Он сказал, что завтра ты будешь на осмотре и что тогда будет самое подходящее время, поэтому я решил предупредить тебя, землянин. Лучше держись подальше от осмотра.

Голос Дэвида оставался таким же ровным.

— Осмотр дает возможность что-то предпринять? Хенз сказал об этом?

— Больше я ничего не слышал. Они отошли в сторону и я не мог следовать за ними, для этого пришлось бы выйти на открытое пространство. Но я думаю, что ничего хорошего от них ожидать нельзя.

— Может быть. Но предположим, мы попытаемся выяснить точно, что они в конце концов хотят?

Бигман наклонился еще ближе, как бы пытаясь прочесть выражение лица Дэвида в темноте.

— Что ты хочешь этим сказать?

Дэвид спокойно ответил.

— А как ты думаешь? Я буду на осмотре и предоставлю ребятам возможность расправиться со мной.

— Ты никогда не сможешь устоять против них на осмотре. Ты, бедный земляшка, не знаешь о Марсе ничего, совсем ничего. Это будет все равно, что самоубийство.

— Ну, что же, поживем — увидим,— флегматично проговорил Дэвид. Он потрепал Бигмана по плечу и, повернувшись на другой бок, опять уснул.

* * *

Возбуждение перед предстоящим осмотром началось, как только под куполом был включен основной свет. Повсюду стояли шум и суматоха. Пескомобили выстраивались рядами — каждый фармбой перед своей кабиной. Макман был то тут, то там, нигде не задерживаясь надолго. Хенз своим уверенным деловым голосом распределял машины по партиям и назначал маршруты. Пройдя мимо Дэвида, он спросил:

— Вильямс, вы все еще желаете участвовать в осмотре?

— Я не пропущу его ни за какие деньги.

— Ну что же, хорошо. Так как у вас нет машины, я дам вам из нашего резерва. После того, как она будет передана в ваше распоряжение, вам придется заботиться о ней и держать в рабочем

состоянии. Любая починка, которая потребуется по вашей вине, будет производиться за ваш счет. Понятно?

— Это вполне справедливо.

— Я назначу вас в группу Грисвольда. Я знаю, что у вас с ним плохие отношения, но он лучший водитель, великолепно знает марсианскую местность, а вы все-таки землянин без всякого опыта. Мне бы хотелось доверить вас опытному человеку. Вы умеете управлять пескомобилем?

— Думаю, что у меня это получится. Я могу управлять любой движущейся машиной, когда немного попрактикуюсь.

— Вот как? Что ж, скоро вам представится случай продемонстрировать это.

Он сделал шаг, намереваясь продолжить свой путь, когда его взгляд остановился, и он неожиданно выкрикнул:

— А куда это ты собрался, интересно мне знать?

Свой вопрос Хенз задавал Бигману. Он был в чистеньком обмундировании, сапоги его тоже были начищены до зеркального блеска. Волосы прилизаны, а лицо светилось розовым цветом. Он медленно протянул:

— На осмотр, Хенз... Мистер Хенз. Я не нахожусь под арестом, и я все еще зарегистрирован фармбоем, хоть вы и заставили меня работать на кухне. А это значит, что я могу участвовать в осмотре. У меня есть мой старый пескомобиль.

Хенз пожал плечами.

— Ты слишком хорошо изучил устав фермы и, насколько я помню, там сказано именно это. Но еще одна неделя, Бигман, еще одна неделя. После этого, если ты покажешь нос где-нибудь на территории Макмана, я прикажу любому человеку схватить тебя и выпороть.

Бигман сделал угрожающее движение в сторону удаляющейся спины Хенза, но затем повернулся к Дэвиду.

— Ты когда-нибудь пользовался носовым аппаратом для дыхания, землянин?

— Сам никогда, но, конечно, о нем слышал.

— Слышать — не значит уметь пользоваться. Я принес для тебя один лишний. Я покажу тебе, как его надевают. Нет, нет, убери пальцы. Смотри, как я держу руки. Теперь натягиваем через голову. Следи, чтобы ремни не перекрутились сзади, а то у тебя разболится голова. Вот так. Теперь скажи, ты нормально видишь?

Верхняя часть лица Дэвида превратилась в какое-то уродливое нагромождение ремней и пластика, а двойной шланг, идущий из кислородных цилиндров, расположенных по обе стороны его подбородка, вообще лишал его всякого сходства с человеком.

— Как с дыханием,— спросил Бигман.

Дэвид покраснел, стараясь втянуть в себя воздух. Но потом рывком сорвал с себя аппарат.

— Как его включают? Я не вижу никаких рычагов.

Бигман засмеялся.

— Здесь не нужен рычаг. Цилиндры автоматически подают кислород, как только тепло и давление твоего лица соответствуют

нужным параметрам, и отключение тоже автоматическое.

— В таком случае с моим аппаратом что-то не в порядке. Я...

— С ним все в порядке. Просто он начинает работать при давлении газа в одну пятую нормального, чтобы скомпенсировать давление марсианской атмосферы и не дать возможности втянуть через него кислород, если тебе приходится преодолевать нормальное земное тяготение. Но его вполне достаточно, потому что хоть его содержимое и в одну пятую от нормального, это все же чистый кислород. Ты будешь дышать тем же количеством кислорода, что и всегда. Помни только одно: вдыхай носом, выдыхай ртом. Если ты будешь выдыхать носом, твоя маска запотеет, и ты ничего не увидишь.

Он критически оглядел высокую мускулистую фигуру Дэвида и осуждающе покачал головой.

— Прямо не знаю, как быть насчет твоих сапог Черно-белые! Ты выглядишь как какой-то мусор, вот что я тебе скажу.

И он с гордостью посмотрел на свои яркие красно-желтые сапоги.

— Ничего,— ответил Дэвид.— Это не самое страшное. Лучше иди-ка ты к своей машине. По-моему, они уже готовятся выступить.

— Ты прав. Ну что ж, ни пуха, ни пера. Не забудь о перемене силы тяжести. Этот переход всегда бывает трудным, если ты к нему не привык. И, землянин...

— Ну?

— Держи ухо востро, ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Спасибо, не беспокойся.

Пескомобили выстраивались квадратами, по девять машин в каждом. В общей сложности на осмотр вышло более ста машин, и у каждой из них фармбой проверял рычаги управления и шины. На каждой машине была написана от руки какая-нибудь фраза, претендующая на юмор.

Пескомобиль, доставшийся Дэвиду, тоже был весь в надписях старых владельцев, начиная с «Смотрите, девушки» и кончая «Это не песчаная буря, это — я» на заднем бампере. Дэвид забрался на сиденье водителя и захлопнул за собой дверь. Она закрылась плотно, даже не послышалось щелчка. Прямо над его головой находился фильтр-вентилятор, который уравновешивал давление воздуха внутри и снаружи. Стекло было не идеально чистым, а чуть затуманенным, что свидетельствовало о том, что пескомобилю пришлось испытать на себе несколько дюжин песчаных бурь. В основном управление было стандартным, как и у всех типов наземных автомобилей. Несколько незнакомых кнопок он нажал, проверив, что это такое, и быстро разобрался, что к чему. Грисвольд подбежал к машине, отчаянно и бешено жестикулируя.

— Опусти передние щитки машины, ты, шут гороховый, нас не ожидает песчаный шторм.

Дэвид поискал нужную кнопку и обнаружил ее под рулевым управлением. Щитки, которые казались неотделимыми от металла, неожиданно ушли в отведенные им карманы. Видимость сразу улучшилась. Ну, конечно, подумал он, в атмосфере вряд ли поднимется сейчас ветер, ведь стояло марсианское лето. И будет не слишком холодно. В его ушах раздался голос:

— Эй, землянин!

Он поднял голову. Бигман махнул ему рукой. Он тоже был в девятке Грисвольда. Дэвид помахал ему в ответ. Часть купола поднялась вверх и машины покатились вперед. Купол закрылся за ними. Потом эта процедура повторилась. Голос Грисвольда прозвучал громко и неожиданно у самого уха Дэвида. Он повернулся и увидел над головой сзади динамик. Маленькая круглая решетка на панели управления служила микрофоном.

— Отряд номер восемь, доложите готовность.

Голоса зазвучали один за другим.

— Номер один — готов.

— Номер два — готов.

— Номер три — готов.

После номера шесть наступила пауза. Правда, всего на несколько секунд. Затем Дэвид сказал:

— Номер семь — готов.

Иронический голос Бигмана прозвучал самым последним:

— Номер девять — готов.

Секция купола вновь начала подниматься и машины впереди Дэвида двинулись вперед. Дэвид медленно нажал на регистр, включая тем самым электрическую цепь мотора. Его пескомобиль рванулся вперед, чуть было не ударив идущую впереди машину. Он быстро отпустил регистр и почувствовал, как пескомобиль под ним задрожал. Очень мягко он повел машину вперед. Купол закрылся за ним как небольшой туннель, отрезая все пути к отступлению.

Дэвид услышал, как шипит воздух, выкачиваемый из секции обратно в купол. Он почувствовал, как сердце его начало сильно колотиться, но руки, лежавшие на рулевом управлении, остались такими же спокойными и уверенными, как всегда. Одежда повисла на нем, сапоги стало прижимать к тому месту, где они заканчивались на бедрах. В руках и подбородке покалывало, как будто бегали мурашки. Он несколько раз сглатывал слюну, чтобы облегчить нарастающую боль в ушах. Через пять минут он понял, что пыхтит от усилий, чтобы набрать в легкие как можно больше кислорода, и что ему почти нечем дышать. Остальные фармбои надевали на лицо аппараты для дыхания. Он сделал то же самое и на сей раз кислород моментально проник в его легкие. Он глубоко задышал. В руках и ногах все еще покалывало, но это довольно неприятное ощущение постепенно стало проходить. И теперь уже секция купола открывалась впереди него, и плоские пески Марса сверкали в слабом свете далекого солнца. Когда часть купола поднялась вверх, восемь фармбоев закричали в одно горло:

— Попутного песка-а-а-а!

И первые в линии машины начали двигаться. Это был традиционный клич фармбоев, который прозвучал в разреженном воздухе Марса довольно тихо. Дэвид нажал на регистр и переполз через линию, обозначающую границу между металлическим куполом и почвой Марса. И тут же его словно стукнуло. Неожиданное изменение гравитации напоминало падение с высоты тысячи футов. Сто двадцать фунтов веса из его двухсот исчезли, когда

он пересек эту линию, и он почувствовал, как в желудке у него все оборвалось. Он уцепился за руль, а чувство падения продолжалось. Пескомобиль дернулся в сторону. Раздался голос Грисвольда, который остался таким же неприятным, хриплым, несмотря на разреженную атмосферу Марса, которая вообще плохо передавала звуки.

— Номер семь! Держись строя!

Дэвид боролся с рулем, боролся со своими собственными ощущениями, боролся, чтобы прояснить зрение. Он медленно втягивал кислород сквозь носовые шланги и постепенно самое худшее осталось позади. Он видел, как Бигман взволнованно смотрел в его сторону. На мгновение он снял руку с руля и помахал ему, потом опять сконцентрировался на дороге. Марсианская пустыня была почти плоской, пустой. Даже и намека на растительность здесь не существовало. Кто знает, сколько тысяч или миллионов лет тому назад было покинуто это пространство. На мгновение ему показалось, что он ошибается. Возможно, пески пустыни были покрыты зеленоголубыми микроорганизмами до тех пор, пока не пришли земляне и не выжгли их, чтобы расчистить место для своих ферм. За машинами, идущими впереди, тянулся небольшой шлейф пыли, который медленно поднимался вверх, как при замедленной съемке фильма, потом замирал наверху и так же медленно опускался вниз. Машина Дэвида вела себя очень для него непонятно. Он все прибавлял и прибавлял скорость, но понял, что все-таки что-то не так. Другие машины впереди него спокойно ползли по земле, а его машина почему-то прыгала, как заяц. При каждой небольшой неровности, при каждом, даже маленьком камешке, попадавшемся на его пути, его машина подпрыгивала. Она так и продолжала некоторое время плыть в воздухе на расстоянии нескольких дюймов от поверхности почвы, и ее вращающиеся колеса ни за что не задевали. Потом она также мягко опускалась на землю, но как только вращающиеся колеса касались земли, машина делала сильный рывок вперед. От сильного рывка опять поднималась в воздух, и когда он повышал скорость, чтобы как-то скомпенсировать это явление, машина начинала прыгать еще больше. Все это, конечно, происходило из-за малой силы притяжения, но ведь другим-то удавалось управляться со своими пескомобилями, и он недоумевал, как? Становилось холодно, несмотря на марсианское лето. Температура была чуть ниже нуля. Он мог смотреть прямо на солнце, не жмурясь. Это было солнце-карлик на пурпурном небе, на фоне которого можно было разглядеть три или четыре звезды. Воздух был слишком прозрачен, атмосфера слишком тонкой, чтобы свет распределялся как на земле, с ее синим или голубым небом. Вновь послышался голос Грисвольда.

— Машины один, четыре и семь — налево. Машина два, пять и восемь — направо. Машины три, шесть и девять — в центр. Машины два и три возглавляют свои группы.

Машина Грисвольда, номер один, начала сворачивать налево, и Дэвид, следя за ней взглядом, заметил слева на горизонте темную линию. Номер четыре сворачивала за номером один, и Дэвид

резко повернул руль, срезав угол, чтобы не отстать. То, что последовало за этим, было для него полной неожиданностью. Его машина начала скользить, притом настолько быстро, что он практически не успел понять, что произошло. Он отчаянно повернул руль в сторону заноса, выключил мотор и услышал шуршание несшихся вперед колес. Пустыня описывала вокруг него круги, и только ее красный цвет запечатлелся у него в мозгу. Затем в динамике послышался крик Бигмана:

— Нажми на аварийную педаль. Она справа от регистра.

Дэвид отчаянно начал искать аварийную педаль, но наткнулся на одну лишь пустоту. Темная линия на горизонте сперва появилась впереди него, потом исчезла. Сейчас она была видна куда резче и стала значительно шире. В ее природе невозможно было ошибиться. Это была одна из пропастей Марса — длинных, прямых и широких трещин. Они образовывались от высыхания поверхности планеты за многие миллионы лет. Они были шириной до сотни футов и еще ни одному человеку не удавалось измерить их глубину.

— Это розовая, небольшая педаль,— взвыл Бигман.— Бей ногами повсюду.

Дэвид так и сделал и внезапно под его ногой что-то подалось. Скольжение пескомобиля тут же перешло в скрежетание колес по песку, и тяжесть навалилась на него. Пыль поднялась огромным облаком, полностью закрыв видимость. Он склонился над рулем и стал ждать. Машина явно замедлила свой бег и наконец остановилась. Дэвид откинулся на спинку сиденья и несколько минут спокойно дышал. Затем он задержал дыхание и тщательно протер маску изнутри, потом вновь надел ее. Одежда у него была красно-серой от песчаной пыли, а на подбородке наросла корка от нее. Он чувствовал сухость ее на губах, а в машине ее набилось до неприятности много. Две другие машины группы подъехали сзади. Грисвольд выбрался из одной из них, его небритое лицо выглядело чудовищно уродливым в аппарате для дыхания. Внезапно Дэвид понял, почему бороды так популярны среди фармбоев: они защищали от холодного марсианского ветра. Грисвольд ухмыльнулся так, что стали видны его желтые гнилые зубы.

— Землянин,— сказал он,— стоимость починки этого пескомобиля будет полностью удержана из твоей зарплаты. Хенз тебя предупреждал.

Дэвид открыл дверь и вышел наружу. Внешне его машина была в еще худшем состоянии, чем изнутри, если это вообще было возможным. Шины были порваны и из них торчали огромные зубья — видимо, те самые аварийные тормоза.

— Ни одного цента не будет удержано из моей зарплаты, Грисвольд,— сказал он.— В моей машине что-то неисправно.

— Это уж точно. Водитель в ней неисправен. Тупой водитель — основная неисправность в машине.

Подъехал еще один пескомобиль, заскрипев тормозами, и Грисвольд обернулся. Казалось, его щетина зашевелилась от бешенства.

— Убирайся отсюда, ты, подонок. Займись своим делом.

Бигман выпрыгнул из машины.

— Не раньше, чем осмотрю машину землянина.

На Марсе Бигман весил меньше пятидесяти фунтов и одним большим длинным прыжком оказался рядом с Дэвидом. На мгновение он нагнулся, затем выпрямился.

— А где противовесы, Грисвольд?— спросил он.

Дэвид посмотрел на него.

— Что такое противовесы, Бигман?

— Когда пескомобили эксплуатируются при низкой гравитации, на каждой из осей прикрепляются толстые стальные балки. Когда сила тяготения нормальна, их опять снимают. Мне очень жаль, друг, но я никак не мог подумать, что они...

Дэвид прервал его. Губы его сжались в одну прямую линию. Теперь стало понятным, почему его машина подпрыгивала в воздух при каждом толчке, в то время как остальные продолжали плавно катиться вперед. Он повернулся к Грисвольду.

— Вы знали, что их не было на месте?

Грисвольд выругался.

— Каждый человек отвечает за свою собственную машину. Если не заметил ты, что их нет на месте, это твоя небрежность.

Теперь уже все машины собрались на месте происшествия. Бородатые мужчины постепенно образовали круг людей спокойных, внимательно слушающих, но ни во что не вмешивающихся.

Бигман буквально негодовал.

— Ах, ты... Этот человек новичок. Он не мог...

— Спокойно, Бигман,— прервал его Дэвид.— Это касается только меня. Я опять спрашиваю тебя, Грисвольд. Ты знал об этом заранее?

— Я повторяю, землянин. В пустыне каждый должен отвечать сам за себя. Я не собираюсь с тобой нянчиться.

— Ну, хорошо. В таком случае я начну отвечать сам за себя с этой минуты.— Дэвид оглянулся вокруг. Они были почти у самого края трещины. Еще десять футов и его не было бы в живых.— Однако и тебе придется тоже отвечать за себя, потому что я беру твой пескомобиль. Ты можешь поехать на моем обратно на ферму или можешь остаться здесь хоть навсегда, это уж меня не касается.

— Клянусь Марсом!— Рука Грисвольда метнулась к бедру

Но внезапно круг молчаливо стоящих мужчин как бы взорвался и из восьми глоток, как из одной, вырвалось:

— Честная драка! Драка по правилам!

Законы марсианских пустынь были суровы, но в них существовало такое понятие, как равновесие. Условия должны были быть равными для всех — и все это понимали, и когда было надо, навязывали этот закон насильно. Насильно! Только с помощью таких вот неписаных законов, соблюдающихся всеми, человек мог избежать силового ножа или выстрела из бластера. Грисвольд посмотрел на окружающих его фармбоев.

— Ну, хорошо,— сказал он.— Мы разберемся во всем в куполе. А сейчас за работу, ребята.

— Я могу встретиться с тобой и в куполе, мне все равно,— ответил Дэвид.— А сейчас отойди в сторону.

И он неторопливо пошел вперед, а Грисвольд отступил на шаг.

— Ты глупый новичок, мы не можем драться здесь в аппаратах для дыхания. Неужели у тебя в голове нет ничего, кроме пустоты?

— В таком случае снимай свой аппарат, а я сниму свой. Останови меня честно, если сможешь.

— Честная драка! Драка по правилам!— опять закричали в толпе и Бигман выкрикнул:

— Дерись, или отойди в сторону, Грисвольд!

Он прыгнул вперед, срывая бластер с его бедра.

Дэвид поднес руку к шлангам, идущим из носа.

— Готов?

Бигман сказал:

— Я считаю до трех.

Мужчины, стоящие в кругу, затихли. Они ждали и наблюдали за малейшими движениями противников. Грисвольд дико огляделся вокруг.

Бигман начал считать:

— Раз...

И при счете «три» Дэвид спокойно снял аппарат для дыхания и отшвырнул его вместе с кислородными баллонами в сторону. Он стоял, сдерживая дыхание, защищаясь от ядовитой атмосферы Марса. Грисвольд не пошевелился, и его аппарат для дыхания остался на месте. Среди зрителей раздались угрожающие выкрики. Дэвид двигался с той быстротой, на какую только осмеливался, примеряя свои движения к малой гравитации. Он неуклюже сделал выпад рукой (у него создалось впечатление, что он двигается в воде) и схватил Грисвольда за плечо, увернувшись от колена фармбоя, второй рукой дернул аппарат для дыхания вверх и в сторону. Тот попытался удержать аппарат обеими руками и слегка вскрикнул, но тут же спохватился и крепко сжал губы, чтобы сохранить в легких как можно больше воздуха. Он отпрыгнул в сторону, слегка споткнувшись. Очень медленно он начал кружить вокруг Дэвида. Прошла почти минута с тех пор, как Дэвид вдохнул воздух последний раз. Легкие его начали чувствовать напряжение. Грисвольд с налитыми кровью глазами, низко пригнувшись, наступал на Дэвида сбоку. Ноги его были как пружины, движения плавны. Он привык к низкому тяготению и хорошо мог управлять своим телом. Дэвид с досадой подумал о том, что у него это не получается. Одно быстрое движение противника, и он может оказаться побежденным. С каждой секундой напряжение возрастало. Дэвид старался держаться подальше, глядя как искажается в гримасе измученное лицо Грисвольда. Его единственным шансом было выдержать дольше, чем фармбой. У Дэвида легкие были прекрасными. Грисвольд слишком много ел и пил для того, чтобы быть в хорошей форме. Неожиданно Дэвид краем глаза увидел расщелину. Она была сейчас примерно в четырех футах позади него, бездонная пропасть, перпендикулярно спускавшаяся вниз. По направлению к этой пропасти и пытался своими маневрами оттеснить его Грисвольд. Дэвид остановился. Через десять секунд Грисвольд нападет на него. Он не может не напасть, потому что у него просто не

хватит запаса воздуха. И Грисвольд напал. Дэвид сумел уклониться и вся сила удара Грисвольда пришлась ему в плечо. От удара его развернуло вбок, и он молниеносно нанес ответный удар, попав Грисвольду точно в челюсть. Грисвольд покачнулся и попятился, замахав в воздухе руками. Воздух вырвался из его легких одним большим белым облачком, и он невольно вздохнул, наполнив свои легкие смесью аргона, неона и двуокиси углерода. Он обмяк и свалился на землю. Последним усилием вновь попытался подняться, почти поднялся и опять начал падать, попятился, пытаясь удержать равновесие... В ушах Дэвида стоял рев. На дрожащих ногах, ничего не видя и не слыша вокруг, думая только о своем аппарате, валявшемся на земле, он пошел обратно к машине. Заставляя свое измученное, страждущее кислорода тело двигаться медленно и с достоинством, он осторожно пристегнул цилиндры и тщательно установил шланги для носа. Только тогда он вдохнул живительную струю кислорода, который подействовал, как глоток холодной воды в знойный день. Прошла минимум минута, прежде чем он в состоянии был обратить внимание на что-нибудь другое, кроме дыхания. Широкая грудь его поднималась и опускалась. Он открыл глаза.

— Где Грисвольд?

Они сгрудились вокруг Дэвида, все фармбои с Бигманом во главе.

— Разве ты не видел?

— Я сбил его с ног.

Дэвид резко оглянулся вокруг. Грисвольда нигде не было.

Бигман махнул рукой сверху вниз.

— В пропасти.

— Что?— Дэвид нахмурился под своей маской.— Это глупые шутки.

— Нет, нет. Нырнул как в воду.

— Клянусь Космосом, это его собственная вина.

— Чистая самозащита для тебя, землянин...

Все они говорили одновременно.

Дэвид покачал головой.

— Подождите, что произошло?— спросил он.— Неужели я скинул его в пропасть?

— Нет, землянин.

Голос Бигмана звенел в разреженной атмосфере.

— Ты тут ни при чем. Ты его ударил и этот мешок свалился на землю. Затем он попытался подняться. Потом опять стал падать, уже не видя, что творится вокруг него. Он просто не удержал равновесие. Мы попытались поймать его, но все произошло слишком быстро и он свалился в пропасть. Если бы он не совершал таких сложных маневров, пытаясь подвести тебя как можно ближе к пропасти, этого никогда бы не произошло.

Дэвид смотрел на окружающих его людей. Они смотрели на него.

Наконец, один из фармбоев протянул ему свою жилистую мозолистую руку.

— Все в порядке, фармбой.

Это было сказано спокойно и означало, что его приняли в свою среду. Отчужденность была сломлена. Бигман взвыл от восторга, подпрыгнул на шесть футов в воздух и медленно опустился вниз, исполняя такие па, которые не взялся бы повторить ни один самый известный балерун на земле. Остальные подошли ближе. Люди, которые раньше обращались к Дэвиду только как «землянин» или «Вы», или вообще никак не обращались, теперь дружески хлопали его по плечу и говорили, что он человек, которым Марс может гордиться. Бигман вскричал:

— Люди, будем продолжать осмотр! Нужен ли нам Грисвольд, чтобы показать, как это делается?

Они крикнули как один:

— Нет!

— Ну так что, ребята?

Он направился к своей машине.

— Вперед, фармбой,— закричали они Дэвиду, который сам сел в машину, принадлежавшую пятнадцать минут назад Грисвольду, и включил мотор.

И вновь раздался клич:

«Попутного песка!»

Резкий и слабый крик в марсианской разреженной атмосфере.

Новости быстро распространяются по радио. Пока Дэвид маневрировал на своей машине, пробираясь по коридорам между стеклянными стенами, весть о смерти Грисвольда стала известна в каждом самом отдаленном уголке фермы. Восемь оставшихся фармбоев из группы Грисвольда снова собрались все вместе после проверки и перед заходом солнца появились внутри купола. К этому времени Дэвид понял, что он стал фигурой, известной всем и каждому. Формального ужина в этот день не было. Они поели перед возвращением, поэтому примерно через полчаса после возвращения и завершения осмотра люди собрались у главного здания в ожидании. Не было никакого сомнения в том, что Хенз и «Старик», как называли Макмана, слышали о драке. У дома собралось достаточно прислужников Хенза, то есть людей, которых он сам нанял, когда стал управляющим, и чьи интересы целиком и полностью зависели от интересов их хозяина — Хенза. Поэтому люди с удовольствием ждали того, что должно было произойти. Не то чтобы они так уж ненавидели Хенза. Он был человеком деловым, способным управлять и не жестоким. Но его не любили. Он был холоден и неприступен, всех сторонился, чем сильно отличался от прежних управляющих, которые всем делились с фармбоями. На Марсе, где не существовало особых социальных различий, такое поведение не могло не вызвать отчуждения и даже внутреннего чувства сопротивления. А уж Грисвольд и вовсе не был популярен. Вообще такого волнения не было на ферме Макмана уже по меньшей мере три марсианских года, а марсианский год всего на один месяц короче двух земных. Когда появился Дэвид, в воздухе раздались громкие приветственные крики, и перед ним была расчищена дорога, хотя небольшая группа людей, стоявших в стороне, смотрела на него хмуро и враждебно. Эти приветственные крики были, ви-

димо, слышны и внутри дома, потому что Макман, Хенз, Бенсон и несколько других людей вышли из него. Дэвид приблизился к основанию покатого настила, ведшего к дверям, а Хенз подошел к его верху, глядя на Дэвида. Дэвид поднял голову.

— Сэр,— сказал он,— я пришел объяснить сегодняшнее происшествие.

Хенз ответил ровным голосом:

— Ценный работник фермы Макмана погиб сегодня в результате ссоры с вами. Разве ваши объяснения могут устранить этот факт?

— Нет, сэр, но Грисвольд был побит в честном поединке.

Из толпы раздался голос:

— Грисвольд просто собирался убить парня, он «случайно» забыл подсоединить противовесы к пескомобилю.

В ответ на эту фразу в группе фармбоев раздался смех. Хенз побледнел, кулаки его сжались.

— Кто это сказал?

Наступила тишина, потом из самого первого ряда толпы раздался нарочито слабенький, дрожащий голосок.

— Пожалуйста, учитель, это был не я.— Бигман, молитвенно сложив на груди руки, скромно потупил взор.

Вновь раздался смех, и на сей раз он был куда громче и откровеннее. Хенз с трудом сдержал бешенство.

Он повернулся к Дэвиду.

— Вы утверждаете, что вас пытались убить?

Дэвид покачал головой.

— Нет, сэр. Я только утверждаю, что поединок был честным и что свидетелями тому были семь фармбоев. Человек, который начал честный поединок, естественно старался закончить его как можно лучше. Или вы хотите создать новые правила?

В ответ на эти слова из толпы донеслись единодушные громкие крики одобрения. Хенз оглядел толпу людей и закричал:

— Мне очень жаль, что все вы сейчас совершаете легкомысленные поступки, о которых пожалеете позже. А теперь возвращайтесь к работе и будьте уверены, что ваше поведение сегодня вечером не будет забыто. Что касается вас, Вильямс, то мы обсудим это дело.

И он ушел в главное здание, хлопнув дверью, а остальные после некоторого колебания последовали за ним. На следующий день рано утром Дэвида вызвали в контору Бенсона. Это была для Дэвида долгая бессонная ночь, и он зевал до неприличия, входя к Бенсону, чуть не стукнувшись при этом о косяк двери. Бенсон поднял голову.

— Заходите, Вильямс.

На нем был белый халат, а в лаборатории стоял типичный запах, исходивший от клеток с крысами и хомяками. Он улыбнулся.

— Вы выглядите невыспавшимся. Садитесь.

— Спасибо,— сказал Дэвид.— Я и сам знаю, что не выспался. Чем могу быть полезен?

— Да нет, Вильямс, это скорее я могу быть вам полезен. Вы по-

пали в беду и у вас могут быть очень крупные неприятности. Боюсь, вы не совсем понимаете условия жизни на Марсе. У мистера Макмана здесь полная юридическая власть. Он может расстрелять вас, если только расценит смерть Грисвольда как убийство.

— Без суда?

— Нет, но Хенз может спокойно найти двенадцать присяжных фармбоев, которые быстро придут к нужному для него решению.

— Думаю, что в таком случае у него самого будут крупные неприятности с остальными фармбоями, или я ошибаюсь?

— Именно это я и говорил Хензу почти всю вчерашнюю ночь. Не думайте, что у нас с ним только хорошие отношения. Я не могу согласиться с его диктаторскими замашками, мне не нравится, что он слишком преисполнен собственными идеями, как, например, та детективная история, о которой я упоминал. И мистер Макман полностью со мной согласен. Он не вмешался, когда Хенз разговаривал с людьми, а ведь он все-таки управляющий, и это его прямая обязанность, но когда они остались одни, он сказал ему прямо в лицо, что не собирается смотреть, как рушится его ферма из-за такого негодяя как Грисвольд, и Хензу пришлось обещать ему замять дело. И все же Хенз не забудет происшедшего, а иметь такого врага, как он, здесь не безопасно.

— Ну что же, мне остается только рисковать, все равно иного выхода нет, правда?

— Мы можем свести этот риск до минимума. Я спросил Макмана, не могу ли я использовать вас здесь, в лаборатории. Уверен, вы окажетесь очень полезным, даже несмотря на то, что у вас нет научного образования. Вы можете помогать кормить животных и чистить клетки. Я научу вас анестезировать и делать уколы. Это позволит вам быть подальше от Хенза и одновременно вы не будете будоражить людей на ферме, чего сейчас мы никак не можем себе позволить. Вы согласны?

С полной серьезностью Дэвид заявил:

— Это ведь будет сильным понижением для человека, которому сказали, что теперь он стал настоящим фармбоем.

Ученый нахмурился.

— Бросьте, Вильямс. Не принимайте всерьез того, что вам говорят эти дурни. Фармбой! Ха! Кличка для полуграмотного сельскохозяйственного работника — ничего больше. По типу древних американских ковбоев. Это просто глупо — расценивать всю эту болтовню с точки зрения высокого или низкого положения в обществе. Работая со мной, вы тем самым поможете мне раскрыть тайну пищевых отравлений, сможете отомстить за вашу сестру Ведь для этого вы прилетели на Марс, разве нет?

— Я буду работать с вами,— сказал Дэвид.

— Прекрасно.

На круглом лице Бенсона появилась улыбка.

Бигман осторожно заглянул в дверь. Негромким голосом, почти шепотом он произнес: — Эй!

Дэвид повернулся и закрыл дверцу клетки.

— Привет, Бигман!

— Бенсона тут нет?

— Нет. Он ушел на целый день.

— О'кей.

Бигман вошел, двигаясь с максимальной осторожностью, как бы боясь прикоснуться к любому предмету в лаборатории.

— Только не говори мне, что ты имеешь что-то против Бенсона.

— Да нет. Просто он немного... ну, ты сам знаешь. Какой взрослый человек отправится на Марс для того, чтобы дурачиться с этими мелкими зверушками. И потом, он все время говорит нам, как производить посадки и когда собирать урожай. Что он знает? О Марсе ничего нельзя узнать где-то там на Земле. А он еще пытается показать, что он лучше, чем мы все. Ты понимаешь, что я имею в виду? Придется когда-нибудь поставить его на место.

Он мрачно посмотрел на Дэвида.

— А теперь посмотри на себя. Ей богу, он из тебя сделал дурака, приставив нянькой к мышам. Почему ты позволяешь так с собой обращаться?

— Это не надолго,— утешил его Дэвид.

Бигман какое-то мгновение заколебался, потом неуклюже протянул руку.

— Я хочу попрощаться с тобой.

Дэвид пожал ее.

— Уходишь?

— Месяц прошел. Теперь у меня есть рекомендация, так что я смогу устроиться на работу где-нибудь еще. Я рад, что встретил тебя, землянин. Может быть, когда кончится срок твоей службы, мы встретимся. Тебе не захочется оставаться под началом Хенза.

— Подожди.— Дэвид не отпускал руку малыша.— Ты ведь сейчас отправляешься в Винград-Сити?

— Да. Пока не подыщу себе работу.

— Я ждал этого ровно неделю. У меня к тебе есть поручение, сможешь его выполнить?

— Еще бы. Валяй, скажи, что мне надо делать.

— Это рискованно. Тебе придется вернуться сюда.

— Хорошо. Я не боюсь Хенза. Кроме того, у нас есть возможность встретиться таким образом, что он и не пронюхает. Я жил на ферме Макмана куда дольше, чем он, и знаю все ходы-выходы.

Дэвид усадил Бигмана в кресло. Сам сел рядом с ним, наклонился и начал шептать.

— Послушай, на углу улиц Канальной и Фобос в Винград-Сити есть библиотека. Я хочу, чтобы ты там достал для меня несколько микропленок вместе с проектором. Информация, которая поможет тебе отыскать нужные микропленки, в этом запечатанном...

Рука Бигмана внезапно резко вцепилась в рукав Дэвида Старра и резко дернула его вверх.

— Эй, что ты делаешь?— спросил Дэвид.

— Я хочу кое-что посмотреть,— тяжело пыхтя, ответил Бигман.

Он уже обнажил кисть Дэвида и повернул ее внутренней стороной вверх. Затаив дыхание, он стал наблюдать. Дэвид даже не попытался отдернуть руку. Он посмотрел на нее без всякого выражения на лице.

— Ну, так в чем дело?

— Не та рука,— пробормотал Бигман.

— Правда?

Дэвид без всякого усилия вытащил свою руку из цепких пальцев Бигмана и закатал рукав на второй руке. Он повернул обе руки кистями вверх чуть ли не под нос малыша.

— Что ты на них ищешь?

— Ты сам прекрасно знаешь. Еще в первый раз, как тебя увидел, я подумал, что твое лицо мне чем-то знакомо. Просто никак не мог сообразить, откуда. Теперь я готов кусать себе губы от злости. Какой еще земляшка смог попасть на Марс и в течение месяца стать не хуже любого фармбоя? И мне, дураку такому, потребовалось, чтобы ты послал меня в библиотеку Совета Науки, прежде чем я разобрался, что к чему.

— Прости, Бигман, но я все еще не понимаю, о чем ты говоришь?

— А мне сдается, что ты все прекрасно понимаешь, Дэвид Старр.

Последнюю фразу он прокричал, настолько он был доволен своим торжеством.

Голос Дэвида остался ровным.

— Тихо!— сказал он.

Бигман сник.

— Я часто видел тебя в видеоновостях. Но почему на твоих кистях ничего нет? Я слышал, что у всех членов Совета есть определенный знак.

— Где ты это слышал? И кто сказал тебе, что библиотека на углу Канальной и Фобос принадлежит Совету Науки?

Бигман покраснел.

— Не думай, что ты разговариваешь с необразованным фармбоем. Я жил в городе. Между прочим, у меня есть образование.

— Прости, я вовсе не имел это в виду Так ты поможешь мне?

— Не раньше, чем пойму, в чем дело с твоими кистями?

— Ну, это не трудно. Бесцветная татуировка, которая темнеет на воздухе, только если я захочу.

— Как это?

— Все зависит от эмоционального состояния... каждая человеческая эмоция сопровождается переменой гормональной схемы крови. Одна и только одна схема позволяет моей татуировке проявиться. Лично я знаю, какая эмоция необходима мне для этого.

Дэвид не предпринял никаких заметных усилий, никакого движения, но медленно на внутренней поверхности его правой кисти появилось и потемнело овальное пятно. Золотистые точки Ориона и Большой Медведицы заблестели на мгновение, а затем изображение быстро исчезло. Лицо Бигмана засияло, а руки его стали автоматически опускаться вниз, и он захлопал по сапогам Дэвид грубо поймал его за локти.

— Эй,— сказал Бигман.

— Без эмоций, пожалуйста. Так ты со мной?

— Ну, конечно. Я вернусь сегодня же ночью с тем, что тебе надо, а пока скажу, где нам лучше встретиться. Рядом со второй секцией есть местечко...

Он продолжал давать свои инструкции. Дэвид кивнул.

— Хорошо. Вот конверт.

Бигман взял его и засунул между верхом сапога и бедром. Он посмотрел на Дэвида и сказал:

— На внутренней стороне высоких сапог, мистер Старр, есть карман. Вы знаете об этом?

— Знаю. И перестань так со мной разговаривать, фармбой. Мое имя, между прочим, все еще Вильямс. И теперь я должен сказать тебе еще одно. Библиотекари Совета — единственные люди, которые могут вскрыть этот конверт безопасно. Если это попытается сделать кто-нибудь другой, он может причинить себе большой вред.

Бигман гордо выпрямился.

— Никто не откроет этот конверт. Есть люди выше ростом, чем я, и покрепче. Может быть, ты думаешь, что я этого не знаю. Тем не менее, никто, ни один человек, не возьмет у меня этот конверт, предварительно не отправив меня на тот свет. Кроме того, я не собирался вскрывать его сам, если ты это имел в виду.

— Имел,— сказал Дэвид.— Но мне надо учитывать все возможности, и в последнем случае, честно говоря, у меня не было большой уверенности.

Бигман улыбнулся, в шутку сделал жест, будто бьет Дэвида кулаком в челюсть, и вышел. Бенсон вернулся около полудня. Вид у него был несчастный, пухлые щеки даже обвисли. Он сказал безжизненным тоном:

— Ну, как вы, Вильямс?

Дэвид мыл руки, окуная их в специальный раствор детергента, которым повсеместно пользовались на Марсе для этой цели. Он поднес их к потоку горячего воздуха, чтобы они высохли, в то время как использованная вода ушла обратно в цистерны, где она будет очищена и вновь подана в центральный автоклав. Вода дорого стоила на Марсе, и ее экономили, где только это было возможно. Дэвид посмотрел на Бенсона.

— Вы очень устало выглядите.

Бенсон аккуратно закрыл за собой дверь. Потом, видимо, не выдержав, сказал:

— Шесть человек умерли вчера от отравления. Это пока что самое большое количество за один день. Положение все ухудшается и, кажется, мы ничего не можем с этим поделать.

Он мрачно посмотрел на длинный ряд клеток с животными.

— Все живы, насколько я понимаю.

— Все живы,— ответил Дэвид.

— Ну, и что я могу сделать? Каждый день Макман спрашивает, открыл ли я что-нибудь, или нет. Он наверное считает, что я достаю свои открытия по утрам из-под подушки. Сегодня я был в зернохра-

нилищах, Вильямс. Это океаны пшеницы, тысячи и тысячи тонн, приготовленных к отправке на Землю. Я брал образцы из различных уголков, в том числе из двадцатифутовой глубины. Но что толку? При существующем положении вещей разумно предположить, что заражено примерно одно зерно из миллиарда!

Он толкнул ногой чемоданчик, который принес с собой.

— Вы думаете, из пятидесяти тысяч зерен, которые я взял на пробу, хоть одно окажется отравленным? Шансов практически нет.

Дэвид посмотрел на него.

— Мистер Бенсон, вы сказали мне, что никто не отравлялся здесь на ферме, несмотря на то, что в основном здесь употребляют в пищу чисто марсианские продукты.

— Насколько мне известно, это так.

— А как насчет всего Марса в целом?

Бенсон нахмурился.

— Не знаю. Но тоже думаю, что нет, иначе я слышал бы об этом. Конечно, жизнь здесь на Марсе, не отличается такой организацией, как на Земле. Когда фармбой умирает, его хоронят без всяких формальностей. Никто не задает особых вопросов.

Затем он резко спросил:

— А почему вы интересуетесь этим?

— Я просто подумал, что если это марсианская бактерия, то люди на Марсе должны были больше приспособиться к ней, чем земляне. Может быть, у них выработался иммунитет.

— Гм! Не такая уж плохая мысль для человека, не имеющего отношения к науке. Честно говоря, совсем даже неплохая. Я подумаю об этом.

Он протянул руку и потрепал Дэвида по плечу.

— Пойдите перекусите. Мы начнем кормить животных новыми образцами завтра.

Когда Дэвид уходил, Бенсон распаковывал свой чемоданчик, бережно вынимая оттуда аккуратные пакетики, снабженные этикетками, в одном из которых могло быть отравленное зерно. К завтрашнему дню эти образцы будут раздроблены, каждая небольшая кучка тщательно размешана и скрупулезно разделена на двадцать частей, одни из которых пойдут для кормления животных, другие для испытаний. Но это будет завтра! Дэвид улыбнулся про себя. Кто знает, где он будет завтра. И будет ли вообще жив. Под большим куполом фермы, похожим на огромное доисторическое животное, свернувшееся на поверхности Марса, все спали. Слабые флюоресцентные лампы еще мигали в ночи. В тишине раздавались неслышные звуки атмосферных моторов купола, которые сжимали марсианскую атмосферу до нормальной земной, добавляя влагу и кислород, производимый растениями огромных зеленых насаждений. Дэвид быстро перебегал от тени к тени, с осторожностью, которая в принципе была необязательной. Никто не следил за ним. Твердая структура купола была над его головой, круто спускаясь к земле в том месте, куда он подошел, у выходной камеры 17. Он доставал до купола головой. Внутренняя дверь была открыта, и он вошел в нее. Его карандаш-фонарик осветил стены и нашел кнопки управ-

ления, на них не было никаких надписей, но Бигман дал достаточно ясные инструкции. Дэвид нажал желтую кнопку, раздался щелчок, пауза, а затем свист воздуха. Звук был значительно громче, чем в день осмотра, давление воздуха быстро падало. Он надел аппарат для дыхания, подождал, пока шипение смолкнет: тишина обозначала, что достигнуто равновесие атмосферных давлений. Только тогда он нажал на красную кнопку. Наружная дверь поднялась и он вышел. На этот раз ему не нужно было мучиться с управлением машины. Он сошел на твердый холодный песок и стал ждать, когда пройдет это ощущение падения в желудке, то есть пока не приспособится к меньшей силе тяжести. У него это заняло около двух минут. Еще два-три раза, угрюмо подумал Дэвид, и ему уже будет совсем легко, он обретет то, что фармбои называют «гравиноги». Он поднялся с песка, оглянулся, чтобы захватить свои вещи, и непроизвольно замер от восхищения. Это был первый раз в его жизни, когда он увидел ночное марсианское небо. Сами звезды были ему знакомы — старые звезды Земли, и такие знакомые созвездия. Расстояние от Земли до Марса хоть и было большим, но не достаточным, чтобы изменить восприятие ночного неба с его далекими созвездиями. Но хотя звезды эти находились в том же положении, они сильно отличались своим сиянием. Тонкая атмосфера Марса смягчала их яркость, и звезды были похожи на твердые драгоценные камни. Луны на небе, конечно, не было — по крайней мере такой как на Земле. Два сателлита Марса — Фобос и Деймос — были совсем небольшими, всего пять или десять миль в поперечнике, просто горы, свободно летящие в космосе. И хотя они были значительно ближе к Марсу, чем Луна к Земле, не сверкали как диски, а казались всего лишь маленькими звездочками. Он поискал их глазами, хотя прекрасно понимал, что в это время они могут быть на другой стороне неба Марса. Низко на западном горизонте увидел нечто другое. Медленно повернулся в том направлении. Это был самый яркий объект на небе, со слабым зелено-голубым ореолом, который по своей красоте не мог сравниться ни с чем, что он видел. В отдалении от него был другой объект, более желтый, тоже яркий, но совершенно теряющийся во всем величии и блеске своего соседа. Дэвиду не нужны были звездные карты, чтобы определить эти два небесных тела. Это были Земля и Луна — двойная «вечерняя» звезда Марса. Он с трудом оторвал взгляд от этого зрелища, повернул голову к низким камням, видным при свете карандаша-фонарика, и пошел вперед. Бигман велел ему использовать эту низкую каменную гряду в качестве ориентира. Марсианская ночь была холодной и Дэвид с сожалением вспомнил о «чуть тепленьком» марсианском солнце в ста тридцати миллионах километров отсюда. Пескомобиль был невиден или почти невиден в слабом звездном свете, и он услышал низкое ровное мурлыканье его мотора задолго до того, как увидел машину. Он громко позвал.

— Бигман!

И малыш буквально вывалился из дверцы.

— Великий Космос!— сказал Бигман.— А я уже начал подумывать, что ты заблудился.

— Почему работает двигатель?

— Иначе я замерз бы до смерти Не бойся, никто не услышит, я знаю это место.

— Фильмокниги у тебя с собой?

— Конечно. Послушай, я не знаю, что ты написал в том письме, которое я отнес, но пять или шесть ученых вертелись вокруг меня ужом. Только и слышно было: «Мистер Джонс, то», «Мистер Джонс, это». Мое имя Бигман, сказал я. И тогда они начали по новой: «Мистер Бигман, не затруднит ли вас это» Во всяком случае,— тут Бигман стал загибать пальцы на руке,— к вечеру они достали для меня четыре книги, два проектора, коробку с меня ростом, которую я не открывал, и одолжили мне пескомобиль (а может, подарили, кто их знает), чтобы отвезти все это сюда.

Дэвид улыбнулся, но ничего не сказал. Он быстро нырнул в пескомобиль и начал работу Прямой показ был бы предпочтительнее, но даже в тепле пескомобиля его аппарат для дыхания был необходимостью, а прозрачная пластмасса перед глазами мешала прямому просмотру Пескомобиль медленно продвигался вперед в ночи, почти в точности повторяя маршрут девятки Грисвольда в день осмотра.

— Я не понимаю,— сказал Бигман

Он бормотал себе что-то под нос уже минут пятнадцать, но без всякого результата, и теперь ему пришлось повторить свою последнюю фразу громко и дважды, прежде чем погруженный в раздумья Дэвид ответил.

— Чего ты не понимаешь?

— Что ты делаешь? Куда ты направляешься? Я думаю, что это и мое дело тоже, потому что я собираюсь остаться с тобой, начиная вот с этой минуты. Я думал сегодня, мистер Ст.. Вильямс, я много думал. Мистер Макман в ужасном настроении последнее время и сам на себя не похож, а раньше он был славным человеком. Но потом пришел Хенз со своими замашками. И школяр Бенсон неожиданно тоже возвысился. Перед тем, как все это началось, он был никем, а сейчас чуть ли не на ты со всеми боссами И, наконец, плюс ко всему появляешься ты — и весь Совет Науки готов исполнить то, что ты им скажешь. Тут, как я понимаю, что-то серьезное, и я тоже хочу в этом участвовать.

— А как?— спросил Дэвид.— Ты видел карты, которые я смотрел по проектору?

— Ну, конечно. Обычные старые карты Марса. Я их видел миллион раз.

— А что насчет площадей, отмеченных крестиками? Ты знаешь, что это такое?

— Это тебе может сказать любой фармбой. Предполагается, что там, внизу, под землей, располагаются пещеры, хоть я в это ни на грош и не верю. Как это можно утверждать, что в двух милях под землей есть дырки, если никто и никогда туда не спускался и не видел этого? Вот скажи мне сам.

Дэвид не стал объяснять Бигману сейсмографию. Вместо этого он просто сказал:

— Ты слышал когда-нибудь о марсианах?

Вигман пожал плечами.

— Конечно! Что за вопрос.

Пескомобиль нырнул в сторону, его затрясло, и руки малыша конвульсивно схватились за руль.

Ты имеешь в виду настоящих марсиан? Марсианских марсиан? Не таких, как мы? Тех, которые жили здесь до людей?

Его тонкий смех зазвучал на всю кабину, и когда он вновь перевел дыхание (трудно смеяться, когда из носа у тебя торчат два шланга, через которые необходимо дышать), он сказал:

— Ты наговорился с этим Бенсоном.

При всей веселости Бигмана Дэвид остался совершенно невозмутимым.

— Почему ты так говоришь о Бенсоне?

— Однажды мы поймали его на том, что он читал книгу по этому вопросу, и мы надорвали животы от смеха. Великие Астероиды, как он разозлился. Он назвал нас всех невежественными крестьянами, а я посмотрел это слово в словаре и сказал ребятам. Некоторое время мы только об этом и говорили, в его присутствии разумеется, если ты понимаешь, о чем я говорю, и после этого он никогда уже не разговаривал о марсианах — смелости не хватало. Наверное, он просто решил, что раз ты землянин, то с тобой это пройдет. Тоже мне, сказочки, вроде кометного газа.

— А ты уверен, что это брехня?

— Конечно, уверен. Что же еще? Люди на Марсе сотни и сотни лет и никто никогда не видел марсиан.

— *Допустим, они находятся в пещерах в двух милях под* поверхностью.

— Как же марсиане могли туда попасть? Люди обследовали каждый квадратный дюйм Марса и что-то не нашли ни лестниц, ни лифтов, которые бы спускались вниз.

— Ты в этом уверен? Лично я видел один только позавчера.

— Что?

Бигман оглянулся через плечо.

Ты меня разыгрываешь?

— Это была не лестница, конечно, а дыра по меньшей мере две мили в глубину.

— А, ты имеешь в виду расщелину. Ерунда, это ничего не значит. На Марсе полно расщелин.

— Вот именно, Бигман. И у меня здесь детальные карты марсианских трещин. Вот они. Есть одна забавная деталь, касающаяся их. Насколько я могу судить по географическим картам, которые ты мне принес, на нее раньше никто не обращал внимания. Ни одна из трещин не пересекает даже одной единственной пещеры.

— Что это доказывает?

— Это говорит о здравом смысле. Если ты строишь герметические пещеры, наверное, позаботишься о том, чтобы в крыше не было дырок? И еще одно стечение обстоятельств. Каждая расщелина почти вплотную подходит к пещере, как будто марсиане использовали их для входа в пещеры, которые они построили.

Пескомобиль внезапно остановился. В слабом свете приборов и проекторов, которые все еще одновременно показывали карты на белых экранах, лицо Бигмана выглядело торжественным и серьезным, когда он повернулся и посмотрел на Дэвида, сидящего на заднем сиденье.

— Подожди минутку. Всего минутку. Куда мы едем?

— К расщелине, Бигман. Примерно в двух милях от того места, где свалился Грисвольд. Это ближе всего к подземным пещерам у фермы Макмана.

— А когда мы туда прибудем?

— Когда мы туда прибудем,— спокойно сказал Дэвид,— я спущусь вниз.

— Ты это серьезно?— спросил Бигман.— Ты хочешь сказать...— Он попытался улыбнуться,—... что марсиане существуют на самом деле?

— А ты мне поверишь, если я скажу, что да?

— Нет.

Внезапно он явно пришел к какому-то решению.

— Но все это неважно. Я уже сказал, что буду участвовать в этом деле и не пойду на попятный.

Пескомобиль еще раз дернулся с места. Слабая заря марсианского неба уже начала освещать угрюмый пейзаж, когда они прибыли на место. Последние полчаса они не ехали, а буквально ползли, освещая мощными фарами дорогу, чтобы, как выразился Бигман, не опуститься в расщелину слишком быстро. Дэвид вышел из машины и приблизился к гигантской пропасти. Свет зари еще не осветил ее. Это была черная и зловещая дыра в земле, уходящая в обе стороны сколько хватает глаз, и противоположная ее сторона была едва видна. Он направил луч фонарика вниз и свет растаял в бездонной темноте. Бигман подошел к нему сзади.

— Ты уверен, что правильно выбрал место?

Дэвид оглянулся вокруг

— Согласно карте, это самое близкое место от пещеры. Скажи, как далеко мы находимся от ближайшей секции купола фермы?

— Мили две.

Дэвид кивнул. Фармбои вряд ли сунутся сюда, разве что во время осмотра.

— Что же, ждать нечего,— сказал он.

— Но как ты собираешься это сделать?— спросил Бигман.

Дэвид уже вынул из машины коробку, которую дали Бигману в Винград-Сити. Он открыл ее и взглянул на содержимое.

— Ты когда-нибудь видел такое? спросил он

Бигман покачал головой. Это был предмет, состоящий из двух шелковистых веревок, на расстоянии в двенадцать дюймов между которыми были поперечные полоски.

— Похоже на веревочную лестницу,— сказал он.

— Да,— ответил Дэвид,— но не веревочную. Это формовочный силикон, легче магния, крепче стали, почти совсем не поддается изменениям температуры. В основном такие лестницы используются на Луне, где сила притяжения действительно мала, а горы по-

настоящему высоки. На Марсе они почти не нужны — ведь это плоская планета. Честно говоря, это большая удача, что Совету удалось найти такую лестницу в городе всего за один день.

— Чем уж она так хороша?— спросил Бигман, пропуская веревки сквозь пальцы, пока они не кончились металлическим шаром.

— Осторожно,— сказал Дэвид,— если предохранитель спущен, ты можешь тяжело поранить себя.

Он осторожно взял у Бигмана лестницу и металлический шар в свои сильные руки и повернул обе его половинки в разных направлениях. Раздался резкий щелчок, но когда он выпустил шар из рук, казалось, ничего в нем не переменилось.

— А теперь смотри.

Марсианская почва ближе к расщелине исчезла, уступая место голой скале. Дэвид наклонился и, слегка нажав, опустил металлический шар на один из выступов скалы, едва различимый в свете зари. Потом он отнял руку, а шар так и остался на месте, под каким-то странным немыслимым углом.

— Подними его,— сказал он.

Бигман наклонился и дернул вверх. На мгновение он удивленно посмотрел на шар, не тронувшийся с места, потом взялся за него обеими руками и дернул изо всех сил — результат оказался тот же.

Он сердито поднял голову.

— Что ты сделал?

Дэвид улыбнулся.

— Когда предохранитель спущен, любое давление на шар вызывает появление тонкого силового поля, двенадцать дюймов в длину, которое врезается прямо в скалу. На самом конце поле это расходится в противоположные стороны на шесть дюймов, образуя нечто вроде Т-силы. Эти силовые ответвления широкие, а не острые, так что шар нельзя раскачать. Единственная возможность поднять его — это выломать весь кусок скалы.

— А как он снимается?

Дэвид перебрал руками стофутовую длину лестницы и взял в руки точно такой же металлический шар на другом ее конце. Он повернул его половинки в противоположные стороны, потом пришлепнул к скале. Шар прилип к ней и через пятнадцать секунд первый металлический шар освободился.

— Если активизировать второй шар, то первый автоматически деактивизируется,— объяснил Дэвид.— А если поставить шар на предохранитель,— он наклонился и проделал эту процедуру,— то он активизируется.

Бигман вздрогнул.

Там, где только что были два металлических шара, в скале виднелись узкие разрезы дюйма четыре в длину, столь узкие, что в них не вставишь даже ногтя.

Дэвид Старр продолжал говорить:

— Водой и пищей я обеспечен на неделю. Боюсь, кислорода у меня хватит не больше чем на два дня, но ты в любом случае жди меня неделю. Если к этому времени я не вернусь, то вот это письмо ты должен будешь доставить в Главное Здание Совета.

— Постой, неужели ты действительно думаешь, что эти сказочные марсиане...

— Я думаю о многом, например, о том, что могу сорваться, веревочная лестница может оказаться бракованной. Может случиться все, что угодно. Поэтому скажи, могу ли я на тебя рассчитывать?

На лице Бигмана было написано явное разочарование.

— Вот так-то. А я что, должен сидеть и ждать, пока ты будешь рисковать своей шеей?

— Мне очень жаль, Бигман, но именно в этом заключается роль второго в группе. И ты это знаешь.

Дэвид стоял у самого края расщелины. Солнце уже поднялось над горизонтом и черный цвет неба постепенно превращался в пурпурный. Разреженная атмосфера Марса не очень хорошо распределяла свет, и только когда солнце было прямо над головой, могла рассеяться вечная ночь расщелин. Он уверенно бросил лестницу в пропасть. Она совершенно бесшумно скользнула по скале, натянувшись на металлическом шаре-ручке, крепко впившемся в каменный выступ. Они слышали, как в ста футах внизу второй шар ударился о камень. Дэвид дернул за веревку, чтобы проверить ее на прочность, затем, ухватившись за верхнюю перекладину, осторожно начал спускаться в пропасть. У него было такое ощущение, что он плыл куда-то вниз со скоростью в два раза меньшей, чем это было на Земле. Его вес сейчас был таким же, как и на Земле, с учетом тех двух самых больших кислородных баллонов, какие он смог найти на базе Макмана. Бигман смотрел на него широко открытыми глазами и помахал рукой. Дэвид сказал ему на прощанье:

— А сейчас садись в пескомобиль и уезжай. Отдай фильмокниги и проекторы в Совет, а здесь оставь скуттер.

— Хорошо,— ответил Бигман.

В каждом пескомобиле было по две обычные платформы на четырех колесах, скуттеры, которые могли двигаться, используя свои мощности. Они были неудобны и не давали защиты от холода и, что еще хуже, от песчаных бурь. И тем не менее, если пескомобиль выходил из строя за много миль от дома, лучше было воспользоваться скуттером, чем просто сидеть и ждать, надеясь на помощь. Дэвид Старр поглядел вниз. Было слишком темно, чтобы видеть нижний конец лестницы, которая, сверкая, уходила в серую неизвестность. Считая по мере спуска ступеньки, он закрепился на восьмидесятой, так чтобы обе его руки были свободны, и подтянул к себе металлический шар, болтающийся на конце. Когда шар оказался в его руках, он активизировал его и прижал к каменной стене пропасти. Шар остался на месте. Он дернул изо всех сил, но шар не шелохнулся. Дэвид быстро переменил положение и теперь уже схватился за тот конец веревки, который свисал со второго шара. Теперь надо было не прозевать того момента, когда верхний металлический шар отсоединится и полетит вниз, иначе он мог его задеть и сильно ударить. И вот шар, который всего тридцать секунд назад был наверху, уже раскачивался в ста футах под ним и Дэвид висел на лестнице словно маятник часов. Раскачивало его, правда, не слишком сильно. Он посмотрел наверх. Над ним виднелась широкая

полоска пурпурного неба, которая будет становиться все уже и уже по мере спуска. После каждых восьмидесяти ступенек он устанавливал свой новый якорь то справа, то слева от себя, чтобы сохранить прямую линию спуска. Прошло шесть часов. И вновь Дэвид остановился, чтобы перекусить концентратами и выпить глоток воды из фляжки. Поставить ноги на ступеньки и чуть ослабить напряжение в руках — вот все, что он мог сделать, чтобы хоть как-то передохнуть. За все время спуска не встретилось горизонтального выступа достаточно большого для того, чтобы можно было расположиться на нем и как следует отдохнуть. По крайней мере, нигде в тех местах, куда достигал луч его фонарика. Это означало, что путь наверх, если он состоится, будет неизмеримо труднее, потому что придется прикреплять шар на высоту рук, подтягиваться и прикреплять второй шар тем же способом. Так же это делалось на Луне. Но на Марсе сила тяготения была в два раза больше, чем на Луне, поэтому подъем предстоял значительно более тяжелым и медленным, чем спуск. Да и скорость спуска, как казалось Дэвиду, тоже не слишком-то велика — он был всего лишь на одну милю от поверхности Марса. Внизу была тьма. Наверху узкая полоска неба посветлела. Дэвид решил подождать. По часам Земли сейчас было чуть больше половины двенадцатого, почти как на Марсе, период вращения которого был всего лишь на полчаса больше, чем у Земли. Скоро солнце будет над головой. Он трезво оценивал тот факт, что карты марсианских пещер были в лучшем случае лишь грубо приближенными, составлялись, исходя из вибрации волн над поверхностью планеты. Если в них вкралась хоть самая незначительная ошибка, то он мог спускаться в милях от предполагаемого входа в пещеры. Кроме того, входа вообще может не быть. Возможно, пещеры являются естественными феноменами, как, скажем, Карлсбадские на Земле. К тому же здесь, на Марсе, эти пещеры составляли сотни миль в поперечнике. Он ждал, находясь в слегка дремотном состоянии, свободно вися над пропастью в темноте. Несколько раз сжал и разжал онемевшие пальцы. Марсианский холод проникал даже под перчатки. Пока спускался, движение не давало ему замерзнуть, когда же стал ждать, холод вступил в свои права. Дэвид решил было опять начать спуск, чтобы не замерзнуть окончательно, когда впервые вокруг него появились проблески слабого света. Он посмотрел наверх и увидел медленно появляющийся туманный желтый солнечный диск. Солнце только что перевалило за край расщелины. Прошло примерно десять минут и свет достиг своего максимума, и весь сверкающий шар солнца стал ясно виден. И хотя он казался небольшим, но все же занимал примерно четверть отверстия пропасти. Дэвид знал, что освещение продлится не более получаса, и что потом наступит полная тьма на следующие двадцать четыре часа. Он быстро огляделся вокруг, раскачиваясь на лестнице. Стену расщелины ни в коем случае нельзя было назвать ровной. Она была искорежена, но повсюду шла строго вертикально, как будто марсианскую почву разрезали тупым ножом. Противоположная стена находилась значительно ближе, чем на поверхности, но Дэвид прикинул, что надо спускаться по меньшей мере еще столько

же, чтобы до нее дотронуться. И тем не менее, это ни о чем не говорило. Вообще ни о чем! А затем он увидел темное пятно. У Дэвида резко перехватило дыхание. Темнота здесь была повсюду, каждая неровность скалы отбрасывала тень. Но именно это пятно было строго прямоугольным. Не иначе, оно было искусственным и походило на своего рода дверь в скале. Он быстро схватил нижнюю ручку лестницы, установил ее, насколько позволяла длина руки по направлению к пятну, затем переставил другую ручку еще дальше в том же направлении, стараясь действовать как можно быстрее, в надежде, что солнце не успеет скрыться. Он мечтал, чтобы все это не оказалось иллюзией. Солнце пересекало расщелину и высветило ту сторону, где он свисал. Скала, к которой он был повернут лицом, из желто-красной опять стала серой. Но света было еще достаточно и он мог определить, что ему осталось пройти меньше ста футов и с каждой перестановкой рукоятки это расстояние уменьшалось на ярд. Когда он достиг края пятна, было уже почти темно. Его пальцы в перчатках коснулись края полости в скале. Она оказалась гладкой. Линии были прямыми и ровными. Без разума тут не могло обойтись. Теперь ему уже не нужен был солнечный свет, он воспользовался лучом фонарика. Вновь прикрепил металлический шар-ручку к скале, позволяя лестнице упасть вниз, и внезапно услышал, как нижняя ручка ударилась обо что-то твердое. Вероятно, там был горизонтальный выступ. Он быстро опустился и через несколько минут впервые после шести часов спуска стоял на чем-то твердом. Дэвид нашарил нижнюю ручку, приложил ее к ка́мню на уровне талии, подождал, пока упадет верхний шар, затем поставил его на предохранитель и выдернул из скалы первую ручку. Оба конца лестницы были теперь свободными. Он обмотал ее вокруг пояса и огляделся. Эта полость, это углубление в скале было примерно десяти футов в высоту и шести в длину. Включив фонарик, он сделал несколько шагов вперед и наткнулся на твердый прочный камень, который преградил ему путь. И это тоже не могло обойтись без разума. Не иначе. Но тем не менее такой барьер был непреодолимым. Внезапно он ощутил боль в ушах и резко обернулся. Этому могло быть только одно объяснение. Вокруг него каким-то образом поднималось давление воздуха. Он сделал несколько шагов в обратном направлении и не удивился, увидев, что путь, только что им преодоленный, закрыт каменной стеной, которой здесь не было раньше. Она скользнула на место беззвучно. Сердце его сильно колотилось. Совершенно очевидно, что он находился в воздушной камере-шлюзе. Очень осторожно он снял носовые шланги и чуть вдохнул воздух. Он был чист и свеж, от него веяло теплом. Дэвид подошел к внутренней стороне поверхности скалы и стал с уверенностью ждать, когда она поднимется или сдвинется в сторону. И стена действительно сдвинулась вверх и в сторону, но за минуту до этого он почувствовал, как руки его сильно прижало к телу, как будто на него накинули стальное лассо, туго затянувшееся. Он вскрикнул от неожиданности. Затем с ногами произошло то же самое. И поэтому, когда внутренняя дверь открылась перед ним и путь в пещеру был свободен, Дэвид не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Дэвид

ждал. Не было смысла говорить, обращаясь к воздуху Совершенно очевидно, что существа, которые построили пещеры и могли таким убедительным образом лишить его возможности двигаться, сами прекрасно знали, что им делать дальше Он почувствовал, что тело его отрывается от земли и медленно поворачивается в воздухе, располагаясь параллельно полу Он попытался было вытянуть шею, чтобы посмотреть, что творится наверху, но и голова почти не могла двигаться. Правда, путы были не такими крепкими, как на руках и ногах, скорее напоминая жесткое резиновое крепление, которое едва-едва поддавалось растяжению Медленно и плавно он двинулся внутрь пещеры ногами вперед Ощущение было, как при входе в теплую прозрачную воду, которой почему то можно было дышать. Как только голова его покинула пространство воздушной камеры, на Дэвида свалился сон без сновидений. Когда Дэвид Старр открыл глаза, он не мог сказать, сколько прошло времени, но у него было такое чувство, что рядом с ним кто-то есть, какая-то жизнь. Что это было за чувство, он не мог сказать. Прежде всего он понял, что очень жарко. Как в знойный летний день на Земле Во-вторых, он увидел вокруг себя туманный красный свет сквозь который мало что можно было различить Видны были лишь стены небольшой комнаты, причем ему пришлось долго вглядываться, чтобы различить их. Но нигде не было ни малейшего движения, никаких признаков жизни И тем не менее где-то неподалеку должна была существовать могущественная разумная жизнь. Дэвид чувствовал это, но не мог объяснить своего чувства Он осторожно попытался пошевелиться, сначала сделал движение рукой, и она без всякого сопротивления поднялась. Удивившись, он сел, поняв, что находится на какой-то поверхности, которая поддавалась и пружинила, но чью природу он не мог понять в окутывающем все красном тумане. Внезапно раздался голос

— Создание осознало свое окружение

Последняя часть фразы состояла из бессмысленных наборов звуков. Дэвид не мог определить, откуда доносится голос Он исходил отовсюду и ниоткуда одновременно

Прозвучал второй голос Он чем-то отличался от первого, хотя это отличие было практически неуловимо Он был мягче, нежнее какой-то более женственный

— С тобой все в порядке, создание?

Дэвид ответил

— Я не вижу тебя

Первый голос (Дэвид думал о его обладателе как о мужчине) вновь произнес:

— Значит, я был прав.

Вновь бессмысленный набор звуков

— Ты не приспособлен видеть ум

Последняя фраза была до некоторой степени смазана и в ушах Дэвида прозвучала именно так: «видеть ум»

— Я могу видеть материю,— сказал он,— но тут так темно, что практически ничего не видно

Наступила тишина, как будто эти двое о чем-то совещались

друг с другом, а затем в руку Дэвида был мягко вложен какой-то предмет. Его фонарик.

— Имеет ли этот предмет какое-нибудь отношение к тому, что ты называешь темно и не видно?— спросил мужской голос.

— Да, конечно, разве вы не видите сами?

Он быстро включил фонарик и молниеносно обвел лучом все окружающее его пространство. Комната действительно оказалась пустой. Поверхность, на которой он находился, была прозрачна для света и возвышалась примерно на четыре фута над полом.

— Все, как я говорила,— донесся до него возбужденный женский голос,— чувство видения этого создания активизируется коротковолновой радиацией.

— Но большая часть излучения в его инструменте лежит в инфракрасной области. Я именно так это и определил,— запротестовал другой голос.

Становилось все светлее. Свет сначала стал желтым, затем оранжевым, потом белым. Дэвид оглянулся вокруг.

— А вы не можете также и охладить комнату?

— Но она была тщательно подготовлена именно под температуру твоего тела.

— Тем не менее, мне бы хотелось, чтобы она была холоднее.

По крайней мере они ни в чем ему не отказывали. Прохладный ветерок, приятный и освежающий, пахнул на Дэвида. Он почувствовал, как температура начала падать, и когда она достигла двадцати градусов, он остановил их. Дэвид подумал: «Создается впечатление, что вы общаетесь непосредственно с моим мозгом, именно поэтому, мне кажется, вы говорите на таком чистом международном английском языке».

Его мысль была прочитана и мужской голос ответил:

— Последняя твоя фраза бессмысленна, естественно, мы общаемся прямо с мозгом. Как еще возможно общение?

Дэвид кивнул головой. Именно поэтому, видимо, слова в его мозгу иногда звучали неясно. Некоторые понятия, не трансформирующиеся в соответствующие картины в его мозгу, он воспринимал как что-то неопределенное. Умственный статический шум.

Заговорил женский голос:

— О ранней истории нашей расы существуют легенды, повествующие о том, что наши умы были изолированы один от другого и что мы общались с помощью символов для глаз и ушей. Из твоего вопроса, создание, я могу сделать вывод, что у вашего народа происходит сейчас то же самое.

Дэвид ответил:

— Да, это так. Сколько времени прошло с тех пор, как меня перенесли в эту пещеру?

На этот вопрос ответил мужской голос:

— Почти полный оборот планеты вокруг оси. Мы извиняемся, если причинили тебе хоть какое-то неудобство, но для нас это была первая возможность изучить живым одно из созданий, обитающих на поверхности планеты. Нам удалось заполучить несколько образцов до этого, причем один совсем недавно, но ни один из них не

функционировал, а количество информации, добытой таким образом, к сожалению, ограничено.

Дэвид на мгновение подумал, не был ли Грисвольд этим недавним образцом. Он осторожно спросил:

— А теперь вы уже исследовали меня полностью?

Ему быстро ответил мужской голос:

— Ты боишься, что мы причиним тебе вред. В твоем мозгу я читаю определенное чувство. Неужели ты думаешь, что мы можем быть такими дикарями, что вмешаемся в твои жизненные функции для того, чтобы добыть знание. Какой ужас!

— Мне очень жаль, если я невольно обидел тебя. Просто я не знаком с вашими методами.

Заговорил другой голос:

— Мы теперь знаем все, что нам нужно. Мы вполне в состоянии исследовать твое тело молекула за молекулой, при этом не входя ни в какой физический контакт. Свидетельства наших психомеханизмов вполне достаточны.

— А что это за психомеханизмы, о которых ты говоришь?

— Боюсь, что... подожди.

Наступила пауза, а затем мужской голос резко сказал:

— Я только что исследовал твой мозг. Боюсь, что, судя по его структуре, твое понимание научных принципов недостаточно для того, чтобы ты воспринял мое объяснение.

Дэвид понял, что его поставили на место.

— Прошу прощенья,— сказал он.

Мужской голос продолжал:

— Я хотел бы задать тебе несколько вопросов.

— Прошу, сэр.

— Что это за последнее слово ты употребил?

— Это просто уважительное обращение к собеседнику.

Пауза.

— О, да, теперь понимаю. Вы усложняете ваши символы обращения, сообразуясь с персоной, к которой обращаетесь. Странный обычай. Но я отвлекаюсь. Скажи мне, создание, ты испускаешь очень сильное тепло. Ты болен или это нормальное явление?

— Все вполне нормально. Температура мертвых тел, которые вы исследовали, была несомненно ниже температуры окружающего воздуха. Но когда наши тела функционируют, они поддерживают постоянную температуру, которая наиболее нам подходит.

— Значит, вы создания не с этой планеты?

Дэвид вздохнул.

— Прежде, чем я отвечу на этот вопрос,— сказал он,— могу ли я спросить, каково было бы ваше отношение ко мне, если я и подобные мне оказались созданиями с другой планеты?

— Могу тебя заверить, что ты и подобные тебе абсолютно безразличны мне, разве только с точки зрения удовлетворения нашего любопытства. Я вижу в твоем уме, что ты беспокоишься, каковы могут быть наши намерения, и опасаешься нашей враждебности. Выкинь такие мысли из головы.

— Почему вы тогда не можете прочитать в моем мозгу ответы

на интересующие вас вопросы? Почему вы допрашиваете меня с такой тщательностью?

— Я могу читать только эмоции и общий настрой — в отсутствии точного общения мыслей. Но ведь ты всего-навсего создание и не поймешь этого. Для того, чтобы получить точную информацию, необходимо содержать в себе элемент воли. Мы догадываемся, что ты создание расы, не коренной для этой планеты. Мы хорошо знаем, что в космосе много солнц и множество планет. Только подумать, что такие создания, как ты, исследуете все это! Это так захватывающе интересно! Я не перестаю радоваться, что мы почувствовали твой неуклюжий спуск вниз и смогли вовремя создать для тебя вход.

— Что?

Дэвид не сдержал эмоций и вскрикнул, хотя и понимал, что звуковые волны, какими бы громкими они ни были, не будут услышаны, и что имеют значение только его мысли.

— Вы создали вход? Создали!

— Не я один—— (бессмысленный набор звуков) помог Вот почему нам был предоставлен шанс изучить тебя.

— Но как вы это сделали?

— То есть как это? Просто пожелали, чтобы он возник.

— Я не понимаю.

— Но ведь это так просто. Разве ты не видишь этого в своем уме? Но я опять забыл, что ты создание. Понимаешь, когда мы удалились в пещеры, мы вынуждены были уничтожить много тысяч кубических миль материи, чтобы нам хватило места под поверхностью планеты. Такое количество материи хранить негде, поэтому мы обратили его в энергию и ——.

— Нет, нет. Подождите, я ничего не понял.

— Ты не понял? В таком случае я могу только сказать, что энергия была сохранена в таком виде, что ее можно использовать усилием мысли.

— Но если вся материя, которая когда-то была в этих колоссальных пещерах, превращена в энергию...

— То ее очень и очень много. Мы живем с помощью этой энергии уже полмиллиона оборотов планеты, и высчитано, что ее хватит еще на двадцать миллионов оборотов. Перед тем, как покинуть поверхность планеты, мы изучили соотношение мысли и материи, а с тех пор как мы живем в пещерах, мы проникли в эту науку до такой степени, что полностью освоили материю, по крайней мере во всем, что касается наших нужд. Мы — существа чистого ума и энергии, которые никогда не умирают и больше уже никогда не рождаются. Я нахожусь рядом с тобой, ты можешь знать обо мне, но чувствовать меня только с помощью своего ума.

— Но ведь такая раса как ваша могла бы вне всякого сомнения наследовать всю вселенную!

— Ты боишься, что мы завоюем вселенную и отнимем ее у тебя и у таких несчастных, как ты, созданий? Что мы будем бороться за место под звездами? Это глупо. Вся вселенная здесь, с нами. Мы вполне удовлетворены сами собой.

Дэвид замолчал. Затем он медленно поднял руку к голове, потому что у него возникло такое чувство, что очень ласковые пальцы немного трогают его мозг. Он впервые ощущал подобное и замер от необычности ощущения. Женский голос произнес:

— Еще раз прошу простить меня, но мне как-то неприятно думать о тебе просто как о создании. Как твое имя?— Затем, боясь, что он не поймет ее, она добавила:— Как тебе подобные создания определяют тебя?

— Меня зовут Дэвид Старр.*

— Я не понимаю, может быть, мне только кажется, что тут есть какая-то связь с солнцем вселенной. Или тебя так называют потому, что ты путешествуешь среди звезд?

— Нет. Многие из моей расы путешествуют в космосе. В данном случае слово «Старр» не имеет определенного значения. Это просто звук, чтобы определить меня, как и ваши имена просто звуки. По крайней мере в моем мозгу не возникает никаких картин, когда вы их произносите — я их не понимаю.

— Как жаль. У тебя должно было быть имя, которое определило бы тебя как космического путешественника, как проходящего путь от одной вселенной к другой. Будь я таким созданием как ты, мне бы очень хотелось, чтобы меня называли как-нибудь вроде «Космического патрульного».

Вот так и получилось, что существо, которого он не видел, да и не мог бы никогда увидеть в его настоящей форме, впервые назвало Дэвида Старра по имени, которое со временем стало известно всей галактике.

— Но ты такое интересное создание. Твой мозг говорит мне, что твои собратья-создания находятся в большой опасности и ты подозреваешь, что мы можем быть тому причиной. Уверяю тебя, что это не так.

Это было сказано ею так просто, что Дэвид не мог не поверить в искренность ее слов. Он ответил:

— Вы определили, что химический состав моих тканей полностью отличается от любых других на Марсе. Могу я спросить, в чем именно?

— Ты состоишь из элемента на основе водорода.

— Протеин,— уточнил Дэвид.

— Я не понимаю этого слова.

— А из чего состоят ваши ткани?

— Из ——.Это совсем другое. В них практически нет этого элемента.

— Значит, вы не можете предложить мне никакой пищи?

— Боюсь, что нет. —— говорит, что любая органическая материя нашей планеты будет для тебя быстродействующим ядом. Мы, конечно, можем произвести простые компоненты, которыми ты сможешь питаться, но сложная материя, которая составляет основы твоих тканей, нам недоступна без тщательного изучения. Скажи, ты голоден?

---

* Старр — звезда *(англ. искаж.)*

В ее мыслях явно сквозили участие и жалость. (Дэвид все время напоминал себе, что он разговаривает с голосом, а не с настоящей женщиной). Он ответил:

— Пока у меня еще есть запасы пищи.

В мозгу Дэвида зазвучал глубокий более медлительный голос. Очень спокойно он произнес:

— Я приветствую тебя, создание —— только что дала тебе хорошее имя, очень хорошее.

Женский голос проговорил:

— Я уступаю тебе, ——.

Легкое прикосновение к мозгу Дэвида внезапно исчезло, и он понял, что женщина вышла из мозгового контакта с ним. Он устало повернулся вновь под властью иллюзий, что эти голоса звучали отовсюду, понимая, что его неопытный мозг все еще пытается привычными для него понятиями объяснить то, с чем ему раньше никогда не приходилось сталкиваться. Голос, конечно, не звучал ниоткуда. Он был прямо в его мозгу. Существо с глубоким голосом, казалось, поняло те трудности, с которыми пришлось столкнуться Дэвиду. Оно сказало:

— Ты встревожен тем, что твой сенсорный аппарат не в состоянии определить меня, а я не хочу, чтобы ты тревожился. Я могу принять физический облик такого создания, как ты сам, но это будет бедным и не очень удачным подражанием. Примерно вот таким. Тебя это устраивает?

Дэвид Старр смотрел, как перед ним, прямо в воздухе, неожиданно появилось какое-то сияние. Это был мягкий контур зелено-голубого цвета, примерно семи футов в высоту и фут в ширину.

Дэвид спокойно сказал:

— Это вполне меня удовлетворяет.

Глубокий голос произнес:

— Хорошо. А теперь позволь мне объяснить, кто я такой. Я — Администратор ——. Сообщение о том, что здесь находится образец живой жизни, дошел до меня. А сейчас я обследую твой мозг.

Имя этого нового существа было для Дэвида уже привычным бессмысленным набором звуков, но он почувствовал, что этот набор звуков был чем-то очень важным и значительным. Тем не менее он твердо сказал:

— Я бы предпочел, чтобы вы оставались вне моего мозга.

— Твоя стеснительность,— ответил глубокий голос,— вполне понятна и похвальна. Но я должен сказать тебе, что мое исследование хоть и будет тщательным, коснется лишь поверхностных слоев. Вне всякого сомнения, я не позволю себе проникать в твои интимные мысли и дела.

Дэвид напрягся, хотя и понимал всю бессмысленность этого поступка. Несколько долгих минут он ничего не чувствовал. Даже то иллюзорное нежное прикосновение к мозгу, которое он испытывал в присутствии обладательницы женского голоса, полностью отсутствовало при этом новом, более тщательном обследовании. И

тем не менее Дэвид не понимал, каким образом отделения его ума бережно открываются, затем закрываются вновь, без всякой боли или неприятных для него ощущений. Глубокий голос произнес:

— Я благодарю. Очень скоро тебя освободят и вернут на поверхность.

Дэвид немного недоверчивым тоном спросил:

— Что вы обнаружили в моем мозгу?

— Достаточно для того, чтобы пожалеть вас, несчастных. Мы, обладатели внутренней жизни, были когда-то такими же, как вы, поэтому нам есть с чем сравнивать. Ваша раса не находится в гармонии со Вселенной. У вас вопрошающий ум, который ищет и хочет понять то, что лишь смутно ощущает, не обладая при этом истинным, более глубоким чувством, которое только и может объяснить вам, что такое реальность. В своих бесплодных поисках теней, которыми вы окружены, вы пытаетесь проникнуть в самые крайние пределы Галактики. Все так, как я говорил. —— хорошо назвала тебя. Все вы — раса космических патрульных. Однако какой толк в этом патрулировании? Чтобы понять материальную вселенную, вы в первую очередь должны отказаться от нее, как это сделали мы. Мы отвернулись от звезд и ушли в глубину самих себя. Мы отступили в пещеры нашего единственного мира и оставили наши тела. Для нас нет больше смерти, за исключением случаев, когда наш мозг отдыхает, или рождается, если только мозг, ушедший на отдых, не нуждается в замене.

— И тем не менее,— сказал Дэвид,— вы не полностью углубились в себя. Существо, которое заговорило со мной первым, желало знать о Земле.

— ——— недавно создано. Его дни не превышают сотни оборотов планеты вокруг солнца. Его контроль над силой мысли не идеален. Мы же более опытны, можем с легкостью предсказать все различные пути, которыми может развиваться ваша Земля. Очень небольшое их количество будет понятным для тебя, и ни за какое бесконечное количество лет не смогли бы мы высказать мысли относительно вашего единственного мира, и каждая из этих мыслей будет также восхитительна и блестяща, как и та мысль, которая будет представлять собой истинную реальность. Со временем вы поймете это.

— И тем не менее, вы сами не сочли за труд изучить мой мозг.

— Только для того, чтобы убедиться в том, что я раньше просто предполагал. У вашей расы существует возможность для развития. При самом удачном стечении обстоятельств через миллион оборотов нашей планеты — мгновении в жизни Галактики — вы тоже, может быть, достигнете внутренней жизни. Это отлично. У моей расы появится товарищ в вечности, а такое товарищество выгодно и вам и нам.

— Вы говорите, что мы только может быть достигнем этого состояния? — осторожно спросил Дэвид.

— У вашей расы есть определенные тенденции, которых никогда не было у моего народа. Из твоих мыслей я вижу, что существует тенденция против благополучия для всех.

— Если вы имеете в виду такие явления как преступление или война, тогда загляните в мой мозг так глубоко, как вам будет угодно, и вы увидите, что большинство людей борются с этим антинародным явлением, и что хотя наш прогресс медленен, но он определенно имеется.

— Это я вижу. Я вижу куда больше. Мне совершенно ясно, что ты сам с радостью готов бороться за благополучие всех. У тебя сильный и здравый ум, основу которого я не огорчусь увидеть и у одного из наших. Я бы хотел помочь тебе в твоих попытках.

— Но как? — произнес Дэвид.

— И опять твой ум полон подозрений. Расслабься, не надо так тревожиться. Моя помощь не будет заключаться в том, что я начну вмешиваться в дела твоей расы, могу тебя в этом заверить. Такое вмешательство было бы абсолютно недопустимым по вашему пониманию и ниже нашего достоинства. Вместо этого разреши, я покажу тебе два несоответствия, которые, как ты и сам прекрасно знаешь, существуют в тебе. Во-первых, поскольку ты состоишь из нестабильных ингредиентов, являешься созданием отнюдь не вечным. Причем, ты не только разложишься и растворишься всего через несколько оборотов естественным образом, но это может произойти и значительно раньше, если подвергнешься до этого одному из тысяч возможных стрессов. Во-вторых, ты чувствуешь, что лучше всего тебе работать в полной секретности, и тем не менее недавно такое же создание, как и ты, узнало в тебе твою истинную сущность, хотя ты и делал вид, что совсем другое существо. То, что я сказал, правда?

— Да, правда,— ответил Дэвид.— Но что вы можете тут поделать?

Глубокий голос ответил:

— Все уже сделано ... и находится у тебя в руке.

И в руке у Дэвида Старра оказалось что-то исключительно мягкое — какая-то ткань, почти невесомая полоска...

Глубокий голос ответил на невысказанный вопрос:

— Это не газ, не ткань, не пластик и не металл. Это вообще не материальное тело, по крайней мере в том смысле, какой ты вкладываешь в понятие материи. Это ———. Надень ее на глаза.

Дэвид начал исполнять то, что ему было сказано, и полоска прыгнула из его рук, как будто она обладала своей собственной примитивной жизнью, легко прижавшись к его лбу, глазам и носу, но он все так же хорошо мог видеть и дышать и даже моргать, не замечая при этом никаких перемен.

— И что это дает? — спросил он.

Прежде, чем он успел докончить свою фразу, перед ним оказалось зеркало, созданное из энергии так же быстро и бесшумно, как и сама мысль. В зеркало он мог видеть самого себя, но смутно. Его костюм фармбоя от высоких сапог до отворотов комбинезона, казалось, являл собой тень и туман, постоянно меняющиеся, как струйка дыма, которая вилась, но не исчезала. Начиная от верхней губы и до самой макушки, его голова была окружена сверкающим светом, который буквально ослеплял так, что ничего не было видно. Пока он в изумлении смотрел, зеркало исчезло, вернувшись энергией в то

хранилище, из которого так мгновенно было извлечено. Дэвид с удивлением спросил:

— Вот таким я буду казаться всем остальным, кто на меня посмотрит?

— Да, если у этих остальных тот же самый сенсорный аппарат, что и у тебя.

— Да, но ведь я вижу все прекрасно. Это значит, что световые лучи проходят сквозь завесу? Почему же они не покидают ее и не позволяют видеть моего лица?

— Они входят и выходят, если пользоваться твоей терминологией, но они меняются на своем пути и позволяют видеть только то, что ты сам видел в зеркале. Чтобы объяснить тебе все, мне пришлось бы пользоваться концепциями, которых нет в твоем мозгу.

— А все остальное?

Руки Дэвида медленно заскользили по дыму, который окружал его. Он ничего не почувствовал.

Глубокий голос вновь ответил на его невысказанные мысли.

— Ты ничего не чувствуешь. Тем не менее то, что тебе кажется дымом, является барьером, не пропускающим коротковолновое излучение и не пробиваемым для материальных предметов более молекулярного размера.

— Вы хотите сказать, что это личное защитное силовое поле?

— Это грубое определение, но суть верна.

Дэвид вздрогнул.

— Великая Галактика! Но это же невозможно! — сказал он.— Было совершенно точно доказано, что невозможно создать столь небольшое силовое поле, да чтобы оно еще могло предохранять человека от излучения и от материальной инерции.

— Так оно и есть. Для той науки, которую способны создать вы. Но маска, которую ты носишь, это не источник энергии. Это скорее хранилище энергии, которое, например, может быть извлечено за несколько секунд под излучением солнца, находящегося, скажем, на таком расстоянии, как до этой планеты. Более того, этот механизм для освобождения энергии подчиняется силе мысли. Так как твой собственный мозг не в состоянии контролировать таких мощностей, мы настроили его по характеристике твоего ума, и он будет действовать автоматически, когда нужно. А теперь сними маску.

Дэвид поднял руку к глазам и вновь, подчиняясь его воле, маска отпала и опять стала неощутимой полоской в руке.

Глубокий голос вновь заговорил:

— А теперь ты должен покинуть нас, Космический патрульный.

И так мягко, как это только можно себе представить, сознание оставило Дэвида Старра. Не было никакого перехода, когда оно вернулось к нему. Как будто прошла целая вечность. И в голове у него даже не возникло обычной мысли для такого состояния: «А где я?»

Он совершенно четко осознавал, что стоит на двух своих ногах на поверхности Марса, что на нем опять аппарат для дыхания и что он дышит через носовые трубки, что позади него то самое место в пропасти, куда он спустился по лестнице, и тот самый уступ, куда

он впервые прикрепил металлический шар, что слева, полуспрятанный за скалой, стоит скуттер, который оставил ему Бигман. Он осознавал также, как именно его доставили на поверхность планеты. Это была не память, а воспоминание, информация, намеренно помещенная в его мозг, возможно как последний штрих, чтобы еще больше потрясти его, показать, с какой легкостью марсиане оперируют превращениями материи — энергией. Они просто высверлили для него туннель до самой поверхности. Они подняли его вопреки всем теориям тяготения почти с космической скоростью, превращая энергию в твердую скалу за его спиной, и так до тех пор, пока он не очутился там, где положено ему было быть. В его мозгу даже звучали слова, которые он слышал, находясь в бессознательном состоянии. Эти слова звучали женским голосом обитательницы пещер и они были просты:

— Ничего не бойся, Космический патрульный!

Он сделал шаг вперед и понял, что теплая, похожая на земную обстановка пещер больше не существовала. Чувствовался резкий холод, а ветер был сильнее, чем ему до сих пор приходилось чувствовать на Марсе. Солнце низко висело на востоке, как было и тогда, когда он начинал свой спуск в расщелину. Была ли это заря следующего дня? У него не было способа судить об этом, он не знал, сколько времени прошло, но ему показалось, что не менее двух дней. Небо было каким-то непривычным, более голубым, а солнце более красным. Дэвид на мгновение задумчиво нахмурился, потом пожал плечами. Он начал привыкать к марсианскому пейзажу, который по привычке сравнивал с земным. Как бы то ни было, ему лучше всего поскорее вернуться на ферму. Скуттер был значительно медленнее пескомобиля и куда менее удобен. Чем меньше он проведет на нем времени, тем лучше. Он прикинул приблизительно направление, ориентируясь по скалистой гряде, и почувствовал себя от этого марсианским старожилом. Все фармбои умели находить путь в марсианской пустыне, в которой практически не было ориентиров. Вот они и ориентировались по скале, которая выглядела «как дыня», продолжая ехать в этом направлении до другой скалы, которая выглядела «как коробка из-под шляп с печкой наверху». Это конечно не метод, но он не требовал никаких приборов, а нужны были только отменная память и богатое воображение, а у фармбоев хватало в избытке и того и другого. Дэвид следовал маршрутом, рекомендованным ему Бигманом — самым коротким и наименее запутанным, практически исключающим возможность заблудиться. Скуттер шел вперед, по-сумасшедшему подпрыгивая на камнях и выбрасывая из-под колес песок на поворотах. Дэвид твердо сидел на нем, сунув ноги в отверстия, предназначенные для этой цели, и держа в руках два металлических рычага управления. Он не делал ни малейшей попытки уменьшить скорость. Даже если бы скуттер перевернулся, вряд ли можно было причинить себе вред падением при марсианской уменьшенной силе тяжести. Его беспокоило другое: странный привкус во рту и зуд кожи на подбородке и шее. Это был очень неприятный горький привкус и он с неприязнью поглядел назад, на шлейф пыли, вылетающей из-под колес скуттера.

Странно только, что эта пыль залетала вперед, давая такие неприятные ощущения. Впереди и вокруг него Великая Галактика! Мысль, которая пришла ему в голову, заледенила сердце, прошибла все тело холодным потом. Дэвид замедлил скорость своего скуттера и направил его на каменистое плато, на котором из-под колес не вырывалось бы пыли. Там он остановился и стал ждать, когда пыль осядет. Но она не оседала. Он потрогал языком полость рта, чувствуя, что от вязкости набухли небо и десны. Губы у него пересохли, а зуд все распространялся. Теперь у него больше уже не оставалось сомнений. Дэвид, сжав зубы, включил полную скорость, несясь по камням, гравию и пыли. Даже на земле люди хорошо знали о марсианских песчаных бурях, которые не имели ничего общего с бурями на Земле, кроме названия. Эти бури были самыми смертельными, известными во всей солнечной системе. Ни один человек, пойманный в ловушку, в которой оказался сейчас Дэвид Старр, без пескомобиля в качестве защиты, в милях от ближайшего убежища, не выжил еще в песчаной буре. Люди бились в смертельных судорогах в пятидесяти метрах от купола, не в состоянии пройти это ничтожное расстояние, в то время как находящиеся внутри не осмеливались выйти наружу. Дэвид Старр знал, что лишь минуты отделяют его от неминуемой гибели. Пыль уже безжалостно забивалась между носовыми шлангами для дыхания и въедалась в кожу его лица. Он чувствовал, как она проникает даже в его слезящиеся опухшие глаза.

* * *

Природа песчаных марсианских бурь так и не познана до конца. Как и поверхность спутника Земли — Луны, поверхность спутника Марса покрыта тончайшей пылью. Но у Марса в отличие от Луны, есть атмосфера, которая способна поднимать эту пыль. Как правило в этом нет ничего страшного. Марсианская атмосфера тонка и ветры там небольшие и непродолжительные. Но изредка, по неизвестной причине, хотя возможно это связано с бомбардировкой электронов из космоса, пыль становится электрически заряженной, и все ее частицы взаимоотталкиваются и даже при отсутствии ветра стремятся подняться вверх. Каждый шаг по поверхности поднимает облако пыли, которое не опускается, а плавает в воздухе. Когда при этом появляется еще и ветер, вот тогда-то возникает самая настоящая песчаная буря. Пыль никогда не бывает настолько густой, чтобы затуманить зрение, но опасность заключается не в этом. Частички пыли исключительно мелки и проникают повсюду. Никакая одежда не в состоянии предохранить от нее, никакое убежище в скале ничего не значит, даже дыхательный аппарат с герметическими носовыми шлангами, плотно обтягивающий лицо, беспомощен — пыль все равно проникает внутрь. Когда разыгрывается буря, достаточно двух минут, чтобы все тело начало нестерпимо зудеть и чесаться, пять минут практически оставляют человека слепым, а пятнадцать минут просто убивают его. Даже самая слабая буря, такая незначительная, что занятые работой могут даже и не заметить ее, достаточ-

на для того, чтобы вызвать сильное покраснение кожи, которое так и называется: песчаный ожог. Дэвид Старр прекрасно все это знал. Он кашлял и все-таки не мог откашляться, чтобы избавиться от корки в горле. Пытался крепко сжать губы, вдыхая через самую маленькую щелку, какая только возможна. Это не помогло. Пыль упрямо проникала между его губ. Скуттер, дергаясь, прыгал в разные стороны — пыль делала и с его мотором то же, что и с Дэвидом. Вспухшие глаза почти закрылись. Слезы, текшие из них, собрались сейчас в нижней части маски, затуманивая ее, хотя он и так уже ничего не видел. Ничто не могло остановить эти крохотные частички пыли, кроме сложной конструкции пескомобиля или купола. Ничто? Страдая от сильного зуда и приступов кашля, он отчаянно подумал о марсианах. Знали ли они, что надвигается буря? Могли ли они это предвидеть? Послали бы они его на поверхность, если бы знали? Из его мозга они наверняка должны были извлечь информацию, что у него есть только скуттер, чтобы добраться до дома. Они могли точно с такой же легкостью высадить его на поверхность неподалеку от купола, или, если уж на то пошло, даже прямо в купол. Они не могли не знать, что должна разразиться песчаная буря. Он вспомнил, что существо с глубоким голосом так резко высказывалось за то, чтобы высадить Дэвида на поверхность, как будто бы оно хотело, чтобы Дэвид попал именно в песчаную бурю. И тем не менее последние слова, сказанные женским голосом, которые он не слышал в сознательном состоянии и которые, следовательно,— он был в этом уверен — вложены в его мозг в то время, как его поднимали на поверхность, звучали так:

— Ничего не бойся, Космический патрульный!

Он только подумал об этом, как уже понял, что надо делать. Одна рука его шарила в кармане, другую он поднес к дыхательному аппарату. Когда он поднял его с лица, новый порыв пыли раздражающе обжег его. У него возникло желание чихнуть, но кое-как он сдержался. Невольный вдох наполнил бы его легкие пылью. Только этого одного, не говоря об отравлении воздушной пылью, может оказаться достаточным... Но он уже подносил к лицу полоску, которую достал из кармана, и она сама обвилась вокруг его глаз и носа, а затем поверх нее Дэвид вновь надел дыхательный аппарат. Наконец он позволил себе чихнуть. Затем втянул в легкие инертные газы, но уже без пыли. И тут же принялся глубоко дышать, стараясь вдохнуть как можно больше чистого кислорода, выдыхая из себя пыль. Постепенно, когда слезы вымыли пыль из глаз, а новой пыли уже не было, он смог видеть. Все его тело было словно в тумане, похожем на дым, от защитного силового поля, окружавшего его, и он знал, что верхняя часть головы просто не видна в ослепительном сиянии. Молекулы воздуха спокойно проникали сквозь силовое поле, а мельчайшие частицы пыли уже задерживались. Дэвид видел, как это происходило. Каждая частица пыли ударялась в силовое поле, останавливаясь, и энергия ее движения превращалась в свет, так что в этом месте, где она пыталась проникнуть внутрь, сверкала искорка. Дэвид увидел, что все его тело окружено океаном искорок, жмущихся одна к другой и светящих ярче марсианского солнца, красного

и туманного в этой пыли и оставляющего поверхность планеты в полутьме. Дэвид стал бить по одежде. Появилось облако пыли, слишком тонкое, чтобы его можно было различить, даже если бы туманность силового поля и не затемняла бы зрение. Пыль выходила наружу, но вернуться уже не могла. Постепенно он очистился почти совершенно. С сомнением поглядел он на скуттер и попытался завести мотор. Как он и ожидал, раздался лишь короткий ворчащий звук — моторы скуттеров не защищались герметическими кожухами, как у пескомобилей. Ему придется идти пешком. Эта мысль не особенно его пугала. Купол фермы был не больше, чем в двух милях, а кислорода у него достаточно — баллоны были полными. Марсиане позаботились об этом,прежде чем послать его на поверхность планеты. Ему показалось, что он понял их. Они действительно знали, что скоро начнется песчаная буря. Может быть, они даже могли вызвать ее. Было бы странным, если бы они с их колоссальным опытом и знаниями марсианской погоды, с их высокоразвитой наукой, не изучили в доскональности природу и причины возникновения бурь. Но,послав его, они прекрасно знали, что надежнейшая защита от этой бури находится у него в кармане. Они не предупредили его о готовящемся испытании, о том, что он может воспользоваться защитой: если он человек, заслуживающий такого дара, как защитное силовое поле, тогда он должен догадаться обо всем сам, если же нет, то не достоин дара. Дэвид хмуро улыбнулся, морщась от прикосновения одежды к воспаленной коже, и пошел по марсианской пустыне. Марсиане были холодны и не высказывали никаких эмоций, подвергая его жизнь риску, но он опять хорошо понимал их. Он действовал достаточно решительно, чтобы спасти себя, но ему следовало подумать о маске значительно раньше. Силовое поле, окружающее его, помогало ему идти. Он заметил, что оно покрывало и подошвы его сапог, так что они не касались марсианской почвы, а ступали примерно на дюйм от нее. Это делало его шаг более упругим, как будто он шел на стальных пружинах. Так как тяготение на Марсе было небольшим, это позволяло ему покрывать расстояние огромными прыжками. Он торопился. Более чем когда-нибудь в жизни он чувствовал сейчас необходимость принять горячую ванну. К тому времени, как Дэвид дошел до одной из наружных камер купола, буря пошла на убыль и огненные вспышки пыли на его силовом поле постепенно превратились в отдельные искорки. Теперь он уже мог с безопасностью снять маску с глаз. Камера открылась, пропуская его. На него смотрели непонимающими взглядами, потом раздались крики, и фармбои, находящиеся на дежурстве, окружили его со всех сторон.

— Великий Юпитер, да это Вильямс!

— Где ты был?

— Что случилось!

И сквозь общие крики, суматоху, раздался резкий пронзительный голос:

— Как тебе удалось пройти в песчаную бурю?

Вопрос этот дошел до всех и на некоторое время наступила тишина.

Кто-то произнес:

— Посмотрите на его лицо. Оно словно помидор.

Это было преувеличением, но и этого было вполне достаточно, чтобы произвести впечатление на окружающих. Чьи-то руки дергали его за воротник, туго застегнутый от марсианского холода. Его усадили и послали за Хензом, прибывшим через десять минут. Он спрыгнул со скуттера, на его лице были злость и раздражение. Он явно не испытывал никакого облегчения оттого, что один из его подчиненных не умер, а вернулся обратно. Резким лающим голосом он бросил:

— Что такое произошло, Вильямс?

Дэвид поднял на него глаза и спокойно ответил:

— Я заблудился.

— Вот как. Теперь это так называется? Ты отсутствовал два дня просто потому, что ты заблудился. Как тебе это удалось?

— Я решил немного прогуляться и зашел слишком далеко.

— Ты что, решил немного подышать свежим воздухом и поэтому отсутствовал две марсианские ночи? И ты хочешь, чтобы я этому поверил?

— А разве не хватает одного пескомобиля?

В разговор вмешался один из фармбоев, видя, что Хенз покраснел от злости.

— Он совершенно вымотан, мистер Хенз. Он был в пустыне в песчаную бурю.

Хенз бросил на говорящего взгляд:

— Не валяйте дурака, если бы он попал в песчаную бурю, он не сидел бы здесь живой.

— Я и сам это знаю,— ответил фармбой,— но посмотрите на его лицо.

Хенз посмотрел. Краснота лица и шеи Дэвида были достаточно ярким свидетельством, против которого было трудно возразить.

— Ты попал в бурю?— спросил он уже несколько иным тоном.

— Боюсь, что да,— ответил Дэвид.

— Как тебе удалось выбраться?

— Я встретился с человеком,— сказал Дэвид.— С человеком, окутанным дымом и светом. Пыль совершенно не мешала ему, он просто не обращал на нее внимания. Он назвал себя Космическим патрульным.

Люди придвинулись ближе, образовав полукруг. Хенз с бешенством повернулся к ним, лицо его было искажено.

— Убирайтесь отсюда все!— закричал он.— Работать! А ты, Джонтиль, пригони сюда пескомобиль.

Прошло не менее часа, прежде чем удалось залезть в горячую ванну, о которой мечтал Дэвид. Хенз не разрешил ни одному человеку приближаться к нему. Вновь и вновь мерил шагами он пол своей конторы, останавливаясь внезапно посредине ее и с требовательной яростью спрашивал у Дэвида:

— Кто такой этот Космический патрульный? Как ты встретил его? Где? Что он сказал тебе? Что он делал? Что за дым и свет, о которых ты говорил?

На все вопросы Дэвид только покачивал головой и отвечал:

— Я вышел прогуляться. Я заблудился. Человек, назвавший себя Космическим патрульным, привел меня назад.

В конце концов Хенз сдался. Дэвид забрался в горячую ванну. Тело его было смазано соответствующими кремами, ему сделали укол с необходимыми гормонами. Не удалось избежать и инъекции сопоритоснотворного. Он уснул, когда игла шприца была еще не до конца вынута из руки. Проснувшись, Дэвид увидел, что лежит на чистой прохладной постели в маленькой больничной комнате. Краснота на его коже стала значительно меньше. Он знал, что его так просто не оставят в покое и опять скоро примутся за него, но ему нужно было протянуть с ответом еще немного. Он был уверен, что уже разгадал загадку пищевых отравлений, почти всю. Ему недоставало одного — двух связующих звеньев и, конечно, прямых доказательств. Дэвид услышал легкие шаги за изголовьем кровати и весь напрягся. Неужели уже? Но это был только Бенсон, который почти сразу же оказался в поле его зрения. Бенсон со своими поджатыми пухлыми губами, растрепанными редеющими волосами, с выражением полной озабоченности на лице. В руке у него было нечто похожее на старомодный неуклюжий пистолет. Он посмотрел на кровать.

— Вы не спите, Вильямс?

— А разве вы не видите?— ответил Дэвид.

Бенсон вытер тыльной стороной ладони потный лоб.

— Они не знают, что я здесь. Наверное, мне не следовало этого делать.

— Почему?

— Хенз убежден, что вы замешаны в этом деле с отравлениями пищи. Он не переставая бушует на эту тему со мной и Макманом. Он утверждает, что вы где-то были и ничего не желаете рассказывать об этом, кроме нелепых сказок. Несмотря на всю мою симпатию к вам, боюсь, что вы попали в ужасную ситуацию.

— Несмотря на вашу симпатию? Вы ведь не верите в утверждение Хенза о моем участии во всем этом.

Бенсон наклонился вперед и Дэвид почувствовал на своем лице его теплое дыхание. Он прошептал:

— Нет, не верю. И не верю потому, что считаю ваш рассказ правдой. Вот почему я пришел сюда. Я должен спросить у вас об этом существе, которое было окружено дымом и светом. Вы уверены, что это не галлюцинация, Вильямс?

— Я его видел,— ответил Дэвид.

— Откуда вы знаете, что это был человек? Разве он разговаривал по-английски?

— Он вообще не разговаривал, но у него были человеческие формы.— Глаза Дэвида пристально смотрели на Бенсона.— А вы думаете, что это был марсианин?

— А...— Губы Бенсона дернулись, растягиваясь в улыбку.— Вы еще помните мою теорию? Да, я предполагаю, что это был марсианин. Думайте же, Вильямс, думайте! Они сейчас начинают играть в открытую и каждая пустяковая информация может оказаться

жизненно важной. Ведь у нас так мало времени.

— Почему мало времени?— Дэвид приподнялся на локте.

— Ну, конечно, вы не знаете, что произошло с момента вашего ухода из-под купола фермы, но, честно говоря, Вильямс, все мы сейчас находимся в отчаянии.

Он поднял похожий на пистолет предмет, который держал в руке, и с горечью произнес:

— Знаете ли вы, что это такое?

— Я видел у вас это и раньше.

— Это мой гарпун для взятия образцов — мое собственное изобретение. Я беру его с собой, когда отправляюсь в пищехранилище в городе. Он стреляет маленькой капсулой на гибком металлическом шнуре, прямо в хранилище с зерном. Через определенное время после выстрела в передней части капсулы появляется отверстие, достаточное для того, чтобы в нее было втянуто необходимое количество зерен. Затем капсула опять закрывается. Я вытаскиваю шнур и вынимаю этот образец. Варьируя время от начала выстрела до открытия отверстия, можно брать образцы с разной глубины хранилища.

Дэвид посмотрел на него.

— Это очень остроумно, но для чего вы сейчас взяли пистолет с собой?

— Потому что я думаю, не стоит ли мне просто выбросить его в мусорный ящик после того, как я уйду отсюда. Это было моим единственным оружием в борьбе с отравлениями. До сих пор это не принесло никакой пользы, и кажется не принесет.

— Что случилось?— Дэвид схватил Бенсона за плечо и сильно сжал.— Скажите мне.

Бенсон поморщился от боли.

— Каждый член синдиката ферм,— сказал он,— получил письмо от тех, кто скрывается за всеми этими отравлениями. Нет никакого сомнения в том, что отравления пищи производятся теми самыми людьми, или вернее существами, которые пишут эти письма. Это доказывают сами письма.

— Что в них?

Бенсон пожал плечами.

— Какое значение имеют детали? В общем, они требуют, чтобы мы безоговорочно капитулировали, в противном случае отравления будут увеличены в тысячи раз. Я верю в то, что это возможно, что так и будет сделано, а если это произойдет, то и Земля и Марс, да и вся система будут охвачены паникой.

Я сказал Макману и Хензу, что верю вам, что ваш Космический патрульный — ключ ко всему, но они не хотят меня понять. Хенз, я думаю, даже подозревает, что я состою в сговоре в вами.

Казалось, что Бенсон поглощен своими собственными переживаниями. Дэвид посмотрел на него.

— Сколько у нас есть времени, Бенсон?

— Два дня. Нет, это было вчера. Сейчас у нас остается тридцать восемь часов.

— Тридцать восемь часов!

Дэвид подумал, что ему придется действовать быстро. Очень быстро. Может быть, еще не все потеряно. Бенсон, сам того не зная, подсказал ему недостающее звено всей этой загадки.

Бенсон ушел от него примерно минут через десять. Что бы ни говорил ему Дэвид, это не заставило его отказаться от мысли о том, что в отравлении были повинны марсиане. Беспокойство его росло с каждой минутой. Наконец он сказал:

— Я не хочу, чтобы Хенз застал меня здесь. Мы... поругались.

— А как Макман? Разве он не на нашей стороне?

— Я не знаю. Ведь послезавтра он будет полностью разорен. Не думаю, что сейчас он может трезво размышлять или действовать. Послушайте, мне лучше уйти. Если вы что-нибудь вспомните, хоть что-нибудь, немедленно дайте мне знать, Вильямс, ладно?

Он протянул руку, Дэвид пожал ее, и Бенсон ушел. Дэвид сел на кровати. Его беспокойство тоже росло с той самой минуты, как он проснулся. Одежда его была брошена на стул в другом конце комнаты. Сапоги стояли у кровати. Он не осмеливался обследовать их, пока Бенсон был в комнате, даже боялся смотреть в их сторону. Возможно, скептически подумал он, они не обыскивали их. Высокие сапоги фармбоя с карманами и карманчиками считались чуть ли не священными. Украсть что-нибудь из этих сапог было в сознании людей все равно, что украсть пескомобиль в открытой пустыне, и считалось непростительным преступлением. Даже после смерти фармбоя его сапоги хоронили вместе с ним, не вынимая из них содержимого. Дэвид сунул руку во внутренний карман одного, потом второго сапога, и пальцы его ничего не нащупали. В одном должен был быть платок, в другом — несколько старых монет. Он предполагал, что они обыщут всю его одежду, и это его не удивило, поэтому с замиранием сердца и затаив дыхание он опустил руку в носок одного из сапог. Мягкая кожа голенища дошла ему до предплечья. А затем его захлестнула волна радости — его пальцы ощутили мягкий, похожий на газ, материал марсианской маски. Он спрятал ее на всякий случай перед тем, как залезть в ванну, но он не предвидел, что ему сделают укол соприта. Ему просто сильно повезло, что они не особенно тщательно обыскали сапоги. В следующий раз надо быть более осторожным. Он спрятал маску во внутренний карман сапога и застегнул его. Пока Дэвид спал, сапоги были вычищены до блеска — услуга, которую ему наверняка оказал какой-то фармбой из чувства уважения к сапогам, к любым сапогам. Одежда его тоже подверглась контролю. Сверкающий пластик, в который она была завернута, пах как-то свежо и по-новому. Все карманы были пусты, а их содержимое валялось под стулом. Он рассортировал вещи. Как будто ничего не исчезло. Здесь были даже платок и монеты из карманов его сапог. Дэвид оделся, натянул сапоги. Когда он застегивал пояс, в комнату вошел бородатый фармбой. Дэвид посмотрел на него и холодно произнес:

— Что тебе надо, Закис?

Фармбой не ответил на вопрос, а проговорил:

— Куда это ты собрался, земляшка?

Его маленькие глазки свирепо блестели и выражение его лица

было точно таким же, как и в тот первый день, когда Дэвид увидел его. Он прекрасно помнил пескомобиль Хенза у конторы по найму, и это бородатое злое лицо, и неожиданный выстрел из станнера.

— Туда, куда мне нужно, спрашивать твоего разрешения не собираюсь,— ответил Дэвид.

— Ты в этом уверен? Ну так вот, мистер, глубоко заблуждаешься — никуда не пойдешь. Это приказ Хенза.

Закис загородил дверь своим телом. Два заткнутые за пояс бластера торчали явно напоказ. Закис стоял и молча ждал. Его грязная борода подергивалась, лицо исказилось недоброй усмешкой.

— Ну, что, может быть, ты передумал, земляшка,— сказал он и грязно выругался.

— Мне кажется, что сейчас ко мне кое-кто приходил. Как же так? Или ты не видел?— с иронией спросил Дэвид.

— Заткнись,— прорычал Закис.

— А может быть, тебе заплатили, чтобы ты временно смотрел в другую сторону? Хенз это вряд ли одобрит.

Закис плюнул в сторону.

— А может, ты хочешь отложить свои бластеры и еще раз попытаться проделать то же самое?

Закис не остался в долгу.

— Придержи свой язык, земляшка, если хочешь, чтобы тебя накормили.

Он вышел, заперев за собой дверь. Прошло всего несколько минут, раздался металлический звук и дверь опять отворилась. Закис внес поднос. На нем в миске было что-то желто-зеленого цвета.

— Овощной салат,— сказал Закис.— Как раз для тебя.

Из-под одного края подноса торчал его почерневший палец, другая рука поддерживала поднос и не была видна. Дэвид напрягся, собрался и, согнув ноги, сжал пружины матраса. Закис от неожиданности вздрогнул, а Дэвид, используя сжатые пружины как катапульту, прыгнул в воздух и рухнул на фармбоя. Одной рукой был выбит поднос, другая вцепилась в его бороду. Закис упал, хрипло взвыв. Сапог Дэвида изо всех сил ударил по руке фармбоя, той, которая была спрятана под подносом. Вой перешел в дикий вопль, и из раздробленных пальцев выпал небольшой бластер, снятый с предохранителя и готовый к выстрелу. Дэвид отпустил бороду Закиса и начал выворачивать кисть второй руки фармбоя, которая уже тянулась ко второму бластеру.

— Тихо,— сказал он.— Или я сломаю тебе руку.

Закис замолк, глаза его закатились, дыхание вырывалось с хрипом, но сознания он не терял.

— Что тебе надо?— прохрипел он.

— Почему ты прятал бластер под подносом?

— Я должен был защищать себя, если бы ты напал на меня, когда мои руки заняты.

— В таком случае, почему же ты не послал за подносом кого-нибудь другого, а сам бы прикрывал его?

— Я об этом не подумал,— прохрипел Закис.

Дэвид чуть усилил нажим и рот Закиса скривился от боли.

— Допустим, ты скажешь мне правду для разнообразия, Закис.

— Я... Я собирался убить тебя.

— А что ты сказал бы Макману?

— Что... это произошло при попытке к бегству.

— Это была твоя собственная идея?

— Нет. Хенза. Отпусти меня. Я просто выполнял приказ.

Дэвид отпустил его. Он поднял один бластер и вынул из кобуры другой.

— Вставай.

Закис перевалился на другой бок. Он застонал, пытаясь приподняться на раздробленной правой руке, левая была вывихнута.

— Что ты собираешься делать? Ведь ты не будешь стрелять в безоружного человека!

— А ты?

Прозвучал другой голос.

— Брось бластеры, Вильямс,— резко произнес он.

Дэвид повернул голову. В дверях стоял Хенз, нацелив на него пистолет. Позади него находился Макман, с серым усталым лицом, на котором резко обозначились морщины. Глаза Хенза явно говорили, что он собирается сделать — предохранитель был спущен.

Дэвид бросил бластеры, которые только что забрал у Закиса.

— Отпихни их сюда ногой,— сказал Хенз.— Что случилось?

Дэвид ответил:

— Вы прекрасно знаете, что случилось. Закис пытался убить меня по вашему приказанию, а я почему-то не стал спокойно сидеть и дожидаться этого.

Закис забормотал:

— Нет, сэр, нет, мистер Хенз. Нет, сэр. Это все не так. Я принес ему завтрак, когда он накинулся на меня. В моих руках был поднос и я не мог защититься.

— Заткнись,— презрительно бросил Хенз,— мы поговорим с тобой позже. Убирайся отсюда и принеси пару пипионов. И чтобы одна нога здесь, а другая там.

Закис убрался из комнаты. Макман удивленно спросил:

— Зачем пипионы, Хенз?

— Потому что этот человек — опасный преступник и обманщик, мистер Макман. Помните, я привез его сюда, потому что он что-то знает об отравлениях.

— Да, да, конечно.

— Помните, он рассказывал нам о своей сестре, которая якобы отравилась марсианским джемом? Я это проверил. Не так уж много смертей от отравления выглядело так, как он рассказал. Чуть меньше двухсот пятидесяти. Все это легко проверить, что и было сделано. Среди них нет двенадцатилетней девочки, умершей от джема.

Макман удивленно посмотрел на него.

— Как давно вы узнали об этом, Хенз?

— Почти сразу же после того, как он появился здесь. Я хотел посмотреть, что ему на самом деле было нужно. Я велел Грисвольду наблюдать за ним...

— Вы хотели сказать, что велели ему убить меня,— прервал его Дэвид.

— Ну, конечно, что еще вы можете сказать, если учесть, что вы убили его, потому что он по глупости не смог скрыть, что следит за вами.

Хенз опять повернулся к Макману.

— Затем он умудрился проникнуть в доверие к этому слюнтяю Бенсону, чтобы быть в курсе наших исследований, касающихся этих дел с отравлениями. И после всего три ночи назад выбирается из-под купола, не желая объяснить, для каких целей. Это уже нельзя назвать просто совпадением, если еще учесть, что ультиматум пришел как раз во время его отсутствия.

— А где были вы?— требовательно спросил Дэвид.

Вопрос был внезапным.

— Вы что же, перестали следить за мной после смерти Грисвольда? Если вы знали, что я ушел по каким-то подозрительным делам, почему за мной не послали поисковой партии?

Макман выглядел удивленным, потом заговорил:

— Ну...

Но Дэвид прервал его.

— Разрешите мне закончить, мистер Макман. Я не сомневаюсь, что Хенза не было под куполом в ту ночь, когда я ушел, а также весь следующий день и следующую ночь. Где вы были, Хенз?

Хенз сделал шаг вперед и рот его исказился. Дэвид быстро поднес руку к лицу. Он не верил, что Хенз будет стрелять, но на всякий случай приготовился использовать марсианскую маску, если это произойдет. Макман положил руку на плечо Хенза.

— Я предлагаю, чтобы мы оставили его до прихода Совета.

Дэвид быстро посмотрел на него.

— При чем здесь Совет?

— Не ваше дело,— прорычал Хенз.

Закис вернулся с пипионами. Это были эластичные пластмассовые жгуты, которые изгибались в любую сторону, а затем застывали в том положении, которое им придавалось. Они были надежнее не только веревок, но и стальных наручников.

— Протяните руки,— приказал Хенз.

Дэвид повиновался без единого слова. Один из пипионов дважды обмотал его кисти. Закис со зверским выражением лица изо всех сил затянул его, потом вытащил небольшой стерженек, с помощью которого произошло молекулярное перераспределение, от которого пластик затвердел. Выделившаяся энергия сильно нагрела его руки. Второй пипион был обмотан вокруг ног. Дэвид спокойно уселся на кровать. В одной руке он все еще держал свою маску. Слова Макмана о Совете означали, что он ненадолго останется связанным. Тем не менее он не хотел, чтобы события форсировались. Он вновь спросил:

— Так при чем здесь Совет?

Но вопрос можно было уже и не задавать. Снаружи раздался какой-то вопль и в дверь с криком ворвался человек.

— Где Вильямс?

Конечно же это был Бигман, кипучий как сама жизнь. Ему было на все наплевать, он ни на кого не обращал внимания, кроме сидящего Дэвида.

— Я не знал, что ты угодил в песчаную бурю, пока не попал под купол. Святая Церера, как же ты не изжарился? Как тебе удалось? Я...

И тут он заметил, в каком положении был Дэвид, и в бешенстве повернулся.

— Великий Космос! Кто его заковал таким образом?

Хенз только сейчас оправился от изумления. Одной рукой он быстро схватил Бигмана за воротник и,сильно перекрутив его, оторвал малыша от земли.

— Я сказал тебе, что произойдет, мерзавец, если я поймаю тебя здесь еще раз!

Бигман заорал:

— Отпусти меня, ты, шут гороховый! Я имею полное право быть здесь. Я даю тебе на размышление ровно полторы секунды, или тебе придется отвечать перед Советом Науки.

Макман вмешался, не выдержав:

— Ради самого Марса, отпусти его.

Хенз выпустил воротник.

— Убирайся отсюда!

— Еще чего. Я — аккредитованный представитель Совета. Я прибыл сюда с доктором Силверсом. Спроси его.— Он кивнул головой на высокого седого старика, стоящего в дверях. Его седые волосы отливали серебром, усы были того же цвета.

— Прошу прощенья,— сказал доктор Силверс.— Я предпочел бы принять руководство на себя. Правительство Международного Города объявило состояние государственной опасности, и с настоящего времени все фермы находятся под контролем Совета Науки. Под мое начало поручены фермы Макмана.

— Этого я и ожидал,— упавшим голосом сказал Макман.

— Снимите пипионы с этого человека,— приказал доктор Силверс.

Хенз поднял голову.

— Он опасен.

— Я беру на себя всю ответственность.

Бигман подпрыгнул и щелкнул каблуками.

— Ну, Хенз, пошевеливайся.

Хенз побледнел от злости, но не произнес ни слова.

Прошли три часа и д-р Силверс вновь встретился с Макманом и Хензом. Он посмотрел на них.

— Мне надо проверить продукцию фермы за последние три месяца. Я хочу повидаться с вашим доктором Бенсоном, чтобы узнать у него, достиг ли он хоть каких-нибудь успехов в деле об отравлении пищей. У нас всего шесть недель, чтобы разрешить этот вопрос, и ни дня больше.

— Шесть недель!— взорвался Хенз.

— Вы хотите сказать — один день!

— Нет, сэр. Если мы не найдем ответ до истечения срока ульти-

матума, весь экспорт пищи с Марса будет приостановлен. Мы не собираемся сдаться до тех пор, пока не будет использован даже самый последний шанс. Клянусь Космосом!— вскричал Хенз.— Земля будет голодать.

— На шесть недель,— хмуро ответил д-р Силверс,— запасов пищи хватит, если ввести ограничения.

— Возникнут паника и волнения,— сказал Хенз.

— Верно,— все так же хмуро ответил Силверс.— Это будет достаточно неприятно.

— Вы разорите синдикат ферм,— простонал Макман.

— Он в любом случае будет разорен. Я желаю видеть доктора Бенсона не позднее сегодняшнего вечера. Завтра в полдень мы вчетвером начнем совещание, одновременно, если ничего не произойдет на Марсе или в лунных лабораториях, где тоже занимаются этим вопросом, эмбарго вступит в силу и будет назначена всемарсианская конференция членов синдиката.

— Для чего?— спросил Хенз.

— Есть причина предполагать, что, кто бы ни скрывался за этим сумасшедшим преступлением, они должны быть тесно связаны с марсианскими фермами. Слишком уж много они знают о фермах, о том, что на них происходит. Так что к другому выводу прийти просто невозможно.

— А что с Вильямсом?

— Я допросил его. Он уперся и утверждает, что рассказал чистую правду, во что, я с вами согласен, трудно поверить — уж слишком это все невероятно. Я отослал его в город, где он будет допрошен еще раз. Если необходимо, то под гипнозом.

Вспыхнул сигнал вызова над входной дверью.

Д-р Силверс оглянулся.

— Откройте дверь, мистер Макман,— сказал он.

Макман повиновался, как будто он не был владельцем самых больших ферм на Марсе, а следовательно и самым богатым и могущественным человеком во всей солнечной системе.

Вошел Бигман и вызывающе посмотрел на Хенза.

— Вильямс отправлен на пескомобиле под охраной в город,— сказал он.

— Хорошо,— ответил Силверс, поджав тонкие губы.

Примерно в миле от купола фермы пескомобиль остановился и из него вышел Дэвид Старр. Он помахал рукой водителю, который наклонился вперед и сказал:

— Не забудьте! Выходная камера номер 7! Там будет стоять наш человек, который вас впустит.

Дэвид улыбнулся и кивнул. Он смотрел, как пескомобиль продолжил свой путь к городу, потом повернулся и пешком направился обратно к куполу. Люди Совета Науки, естественно, выполнили его просьбу. Они помогли ему, по его желанию, уехать открыто, а вернуться тайком. Но ни один из них, даже д-р Силверс, не знал истинной цели этой просьбы. Теперь в его руках были все нити головоломки, но ему требовались еще вещественные доказательства.

* * *

Хенз вошел в спальню, ни на что не обращая внимания, частично из-за усталости, частично из-за злости. Усталость была объяснимой — уже было около трех часов ночи. Он практически не спал последние три дня, а если говорить о нервном напряжении, то оно не отпускало его все последние шесть месяцев. Тем не менее он счел необходимым присутствовать при разговоре д-ра Силверса с Бенсоном. Д-ру Силверсу это явно не понравилось, и это тоже частично разозлило Хенза. Силверс! Старый дурак, прибывший из города и возомнивший, что разрешит проблему за сутки, тогда как вся наука Земли и Марса не в состоянии была сделать этого в течение многих месяцев. Хенз был зол и на Макмана, который вдруг стал мягким, как смазанные жиром сапоги, и вел себя чуть ли не как лакей перед этим болваном. Макман! Две недели тому назад имя его было почти легендой. Он считался самым жестоким владельцем самой жестокой фермы на Марсе. Зол он был также и на Бенсона, за вмешательство последнего в планы Хенза покончить с этим юнцом, с этим Вильямсом, самым простым и быстрым способом. И на Грисвольда с Закисом, которые были слишком глупы, чтобы все это проделать, вопреки слабости Бенсона и сентиментальности Макмана. Хенз на мгновение задумался, не принять ли ему таблетку сопорита. В эту ночь хотелось отдохнуть по-настоящему, чтобы быть свежим и бодрым. Но он покачал головой. Нет, нельзя позволить себе расслабиться от снотворного — мало ли какая неожиданность может произойти ночью. Он щелкнул магнитным переключателем двери, даже подергал ее, чтобы удостовериться, что электромагниты работают. Личные двери в чисто мужской компании фермы запирались настолько редко, что иногда проходило много лет, прежде чем владелец, решивший воспользоваться ими, вдруг убеждался, что оборвался какой-то проводок или испортилось что-то еще. Свою дверь, насколько он помнил, он не запирал ни разу с тех пор, как устроился сюда на работу. Электромагнитный замок был в порядке. Дверь не поддалась, когда он нажал на нее. Хоть тут повезло! Он тяжело вздохнул, уселся на кровать и снял с себя сапоги. Устало потер ноги, опять вздохнул и вдруг напрягся, напрягся так неожиданно, что пулей соскочил с кровати, даже не поняв, что же произошло. В его взгляде было полное недоумение. Этого не могло быть! Это означало, что идиотская история Вильямса была правдой. Это означало, что нелепая болтовня Бенсона относительно марсиан тоже, в конце концов, могла... Нет, он отказывался верить в это. Легче поверить в то, что его переутомленный мозг решил подшутить над ним. И тем не менее темная комната была освещена бело-голубым светом, холодным, без сверкания. При этом свете он мог видеть кровать, стены, стол, даже свои сапоги, стоявшие там, куда он их только что поставил. И он увидел похожее на человека существо с ослепительным сиянием на том месте, где должна быть голова, так что нельзя было различить ни одной черты — повсюду был только туман. Хенз почувствовал за своей спиной стену. Он даже не понял, что все это время отступал назад. Существо заговорило, и слова

звучали гулко, как бы исходя из пустой бочки и отзываясь эхом. Существо сказало:

— Я — Космический патрульный!

Хенз выпрямился. Когда первое изумление прошло, он заставил себя успокоиться. Ровным голосом спросил:

— Что тебе надо?

Космический патрульный не двинулся и не заговорил, и Хенз, не отрываясь, глядел на это видение. Управляющий ждал, тяжело дыша, но это существо, состоящее из света и дыма, продолжало оставаться неподвижным. Это мог быть робот, сконструированный только для того, чтобы выполнить сегодня заложенную в него программу. Хенз на мгновение задумался, но быстро отбросил эту мысль. Он стоял за письменным столом и, несмотря на всю необычность и неожиданность происходящего, не терял присутствия духа. Его рука стала медленно двигаться вперед. В свете, который отбрасывало существо, движение это было заметно. Но оно, казалось, не обратило на него никакого внимания. Рука Хенза остановилась на поверхности стола, как будто случайно. Робот, марсианин или человек, подумал Хенз, не мог знать секрета его стола. Существо спряталось в комнате, поджидая его, но оно не обыскивало эту комнату. А если обыскивало, то это была столь искусная работа, какую только приходилось видеть Хензу, потому что даже его опытный взгляд не обнаружил в комнате ничего необычного — все было на своих местах, кроме Космического патрульного. Его пальцы дотронулись до маленькой кнопки. Это был самый обычный механизм, имевшийся на каждой марсианской ферме. Достаточно старомодный, как и сам деревянный письменный стол, доставленный с Земли. Кнопка чуть сдвинулась в сторону под его пальцами и сбоку стола выдвинулась панель. Хенз был готов к этому и рука его с непостижимой быстротой метнулась к бластеру, лежавшему на этой панели.

И вот уже бластер направлен на существо, но оно так и не шевельнулось. То, что можно было принять у него за руки, висело по сторонам, и в них ничего не было. Хенз почувствовал, как уверенность возвращается к нему. Робот, марсианин или человек — никто не мог выстоять против бластера. Это было небольшое оружие, оно стреляло почти незаметными зарядами. Старомодные древние пистолеты стреляли металлическими пулями, которые были гигантами по сравнению с этими зарядами. Но маленький заряд бластера был куда более опасен. После выстрела, что бы ни встретилось на его пути, вызывало в нем атомную реакцию, которая превращала микроскопическую часть его массы в энергию, и при этом превращении, в какой бы предмет она ни попала — камень, металл или человека — раздавался слабый шум, как от легкого царапанья резины ногтем. Хенз заговорил угрожающим тоном, каким и полагается говорить человеку с бластером в руке.

— Кто ты? Что тебе надо?

И вновь существо заговорило. И вновь оно медленно произнесло:

— Я — Космический патрульный!

Губы Хенза скривились в холодной презрительной усмешке, он выстрелил. Заряд бластера вылетел из дула, помчался к существу,

окутанному дымом, и остановился, не достигнув тела, в какой-нибудь четверти дюйма. Даже сила энергии от удара не проникла за защитное силовое поле, которое вобрало в себя всю энергию заряда, превратив его в ослепительную вспышку света Дэвиду она не была видна, а снаружи создалось впечатление, что на какую-то долю секунды к комнате вспыхнуло ослепительное миниатюрное солнце. Хенз с диким криком мгновенно закрыл глаза руками, как будто предохранял их от физического удара Но было слишком поздно. Даже через несколько минут, когда он осмелился открыть свои больные, обожженные глаза, он не увидел перед собой ничего, кроме красных пятен на фоне темноты Он не видел и то, как Космический патрульный неожиданно с молниеносной быстротой сдвинулся с места, мгновенно обшарил карманы его сапог, разомкнул магнитный контур двери и выскользнул из комнаты за несколько секунд до того, как собралась неизбежная в таких случаях толпа людей. Хенз все еще сидел, закрыв лицо руками, когда он услышал их тревожные голоса Он громко закричал:

Хватайте его, хватайте! Он в комнате, держите его, вы, трусы!

— В комнате никого нет,— одновременно отозвалось несколько голосов, а кто-то добавил:

— Однако, похоже, что здесь стреляли из бластера. Чувствуется запах.

Тут же раздался властный, привыкший приказывать голос д-ра Силверса:

— Что произошло, Хенз?

Взломщики,— сказал Хенз, тряся головой в отчаянии и гневе.— Неужели никто не видит его? Что с вами такое? Вы что...

Он не стал говорить дальше. Из его моргающих глаз текли слезы и смутный свет только сейчас начал пробиваться в них. Он не мог сказать «слепые».

— Кто был этот взломщик? Вы можете описать его?

Но Хенз только беспомощно покачал головой. Как он мог рассказать им об этом кошмаре из дыма, который умел разговаривать и для которого заряд бластера ничего не значил, и более того, причинил вред не ему, а стрелявшему. Д-р Силверс возвращался в свою комнату в мрачном настроении. Не из-за того, что ему помешали отдохнуть, и не из-за поднявшейся суматохи — его беспокоил завтрашний день. Этот молодой Дэвид Старр был очень самоуверен, но пока эта уверенность ни к чему не привела. Его рассказ о Космическом патрульном был жалкой выдумкой, которая только разжигала подозрения у Хенза и ему подобных. Все едва не кончилось трагически. Счастье этого парня, что он, доктор Силверс, прибыл вовремя. Не объяснил он также, для чего выдумал всю эту историю. И тем не менее, когда Силверс впервые получил письмо Старра, принесенное этим малышом, который с непомерной гордостью называл себя Бигманом, он немедленно связался со штаб-квартирой Совета Науки на Земле. Ему пришел ответ и подтверждение, что он должен подчиняться Дэвиду Старру абсолютно во всем. И все же, как мог такой молодой человек... Д-р Силверс остановился. Странно. Дверь в его комнату, которую он оставил приоткрытой,

все еще была открыта, но света в комнате не было. Между тем, он не выключал его, когда уходил. Точно помнил желтую полоску, пробивающуюся в коридор, когда поспешил на крики. Может быть, кто-нибудь погасил свет в каком-то странном порыве экономии? Вряд ли. Из комнаты не доносилось ни звука. Он вынул бластер, рывком распахнул дверь и твердо ступил к тому месту, где, как он знал, был расположен выключатель. Вдруг рука зажала ему рот. Он дернулся, но рука оказалась сильной, а голос, прозвучавший у него над ухом, был знаком.

— Все в порядке, д-р Силверс. Я просто не хотел, чтобы вы увидели мое присутствие и вскрикнули от неожиданности.

Рука отпустила его.

Д-р Силверс повернулся и сказал:

— Старр!?

— Да. Закройте дверь. Мне показалось, что ваша комната будет самым надежным местом на то время, пока будут продолжаться поиски. Да и в любом случае я должен поговорить с вами. Хенз рассказал, что произошло?

— Нет, никто так ничего и не понял. Тут тоже были замешаны вы?

Улыбка Дэвида осталась незамеченной в темноте.

— Определенным образом, д-р Силверс. Хенза навестил Космический патрульный и во всеобщей суматохе мне удалось добраться до вашей комнаты так, что меня никто не заметил, по крайней мере, я на это надеюсь.

В голосе пожилого ученого явно проскальзывало раздражение:

— Что такое вы говорите. Сейчас не до шуток.

— Я не шучу. Космический патрульный существует.

— Нет, так не годится. Этот рассказ не произвел впечатления на Хенза, а уж я-то, по крайней мере, заслужил, чтобы мне сказали правду.

— Сейчас, я уверен, Хенз не лишен впечатления, а вы узнаете правду завтра. Что же касается Космического патрульного, то, как я и говорил, он существует на самом деле, и в нем наша надежда. Мы с вами играем в опасную игру, и хотя я знаю, кто стоит за отравлениями, это знание может оказаться бесполезным. Тут замешаны не один или два преступника, намеревающиеся повелевать миллионами с помощью чудовищного шантажа, а великолепно организованная группа, которая хочет захватить контроль над всей солнечной системой. Их план может удасться только в том случае, если мы не сумеем узнать все детали деятельности этой конспиративной организации.

— Вы только укажите мне главаря,— хмуро сказал д-р Силверс,— а Совет узнает необходимые детали.

— Но недостаточно быстро,— также хмуро ответил Дэвид.— А мы должны иметь ответ, полный ответ, менее чем за двадцать четыре часа. Победа после этого не остановит смерть миллионов на Земле.

Д-р Силверс спросил:

— В таком случае, что мы должны делать?

— Теоретически,— сказал Дэвид,— я знаю, кто отравитель и каким образом происходит отравление продуктов. Чтобы этот человек не заявил мне в лицо, что я лгу, необходимы определенные улики. Их я буду иметь, прежде чем кончится эта ночь. Даже после этого заставить его выдать нам нужную информацию можно, лишь полностью сломив его морально. Вот здесь мы и должны использовать Космического патрульного. Честно говоря, психологическая атака уже началась.

— Опять этот Космический патрульный. По-моему, вы просто околдованы им. Если он действительно существует, если это не какой-нибудь ваш трюк, в котором даже я являюсь игрушкой, то кто он и что он? Откуда вы можете знать, что он вас не обманывает?

— *Подробностей об этом я никому не могу рассказать. Могу* только заверить вас, что он на стороне человечества и человечности. Я доверяю ему как самому себе и беру на себя полную ответственность за него. Прошу выполнять все, что я говорю, д-р Силверс, или, я предупреждаю, у нас не останется иного выхода, как продолжать действовать без вас. Все это настолько серьезно и важно, что кто-кто, а вы не должны стоять у меня на пути.

В твердости и решительности Дэвида нельзя было усомниться. Д-р Силверс не мог видеть выражение его лица, но — прекрасно представлял себе.

— Что я должен сделать?

— Завтра в полдень вы встретитесь с Макманом, Хензом и Бенсоном. Возьмите с собой Бигмана, как своего личного телохранителя. Он небольшого роста, но у него великолепная реакция, и он не знает страха. Пусть главное здание фермы охраняется людьми Совета и я рекомендую вам на всякий случай вооружить их автоматическими бластерами и газовыми пистолетами. И запомните следующее: между двенадцатью пятнадцатью и двенадцатью тридцатью оставьте задний выход из здания без охраны и наблюдения. Я гарантирую вам его безопасность. И не удивляйтесь, что бы потом ни произошло.

— Вы тоже там будете?

— Мое присутствие необязательно.

— Ну и что?

— Вас навестит Космический патрульный. Он знает всю подноготную так же, как и я, но обвинение из его уст сильнее потрясет преступника.

Д-р Силверс почувствовал, что несмотря ни на что в его груди появляется приятное чувство уверенности в успехе.

— Значит, вы думаете, что все будет в порядке?

Наступило молчание. Затем Дэвид сказал:

— Как я могу утверждать? Я могу только надеяться на это.

Наступило молчание еще более продолжительное. Д-р Силверс почувствовал небольшой сквознячок, как будто приоткрылась дверь. Он повернулся к выключателю. Свет залил комнату, но он был в ней один.

* * *

Дэвид Старр действовал с быстротой и решительностью, на какую был только способен. Его возбуждение и напряжение стали понемногу проходить, но стала сказываться сильнейшая усталость, о которой он не позволял себе даже подумать много часов подряд. Его небольшой карандаш-фонарик шарил то тут, то там. Он искренне надеялся, что то, что он ищет, не окажется за несколькими дополнительными запорами. Если бы это случилось, ему пришлось бы привлечь к себе внимание, что явно нежелательно. Сейчас же в комнате никого не было. То, за чем он пришел, должно по его расчетам находиться где-то здесь. Если же это не так, то будет, конечно, жаль тех усилий, которые ему пришлось затратить, чтобы добыть ключ от комнаты. Хенз не скоро оправится от всего, что произошло. Дэвид улыбнулся. В самом начале он был удивлен почти так же, как Хенз. Его слова: «Я — Космический патрульный» были первыми, которые он произнес из-под маски силового поля с тех пор, как вышел из марсианских пещер Он не помнил, как звучал тогда его голос там. Возможно, не слышал его вовсе. Здесь же, на поверхности, он был поражен звуком своего голоса. Пустота, глубина и гулкость его были для него совершенно неожиданными, но он быстро все понял. Хотя защитное силовое поле позволяло молекулам свободно выходить, вероятно, оно замедляло их. Такое вмешательство, естественно, искажало звуковые волны. Дэвид вовсе не был огорчен этим. Наоборот, изменение голоса только помогало ему. Поле великолепно защищало Дэвида от излучения бластера. Вспышка не была поглощена полностью, он видел ее ясно, но действие, которое она на него оказала, ни в какое сравнение не шло с тем, что испытал Хенз. Методично, несмотря на то, что в его усталом мозгу продолжали прокручиваться все эти события, он обследовал содержимое полок и ящиков. Луч света фонарика на мгновение остановился. Дэвид протянул руку и среди вещей выбрал небольшой металлический предмет. Он поворачивал его из стороны в сторону, внимательно разглядывая, затем нажал небольшую кнопку, рядом с которой было несколько делений, и стал наблюдать, что произойдет. Сердце его громко стучало. Это было последнее доказательство. Доказательство всех его догадок и размышлений — догадок и размышлений, которые были разумны, но основывались только на голой логике. На одной лишь логике далеко не уедешь. Но вот сейчас она была подтверждена предметом, сделанным из молекул, то есть материальным доказательством, которое можно ощупать. Он положил этот предмет в карман сапога и вышел из комнаты, заперев за собой дверь. Купол над его головой заметно посветлел. Скоро наступит день. Последний день либо отравителей, либо людей современной земной цивилизации. Между тем у него, похоже, появился шанс немного поспать. Под куполом фермы Макмана было непривычно тихо и спокойно. Мало кто из фармбоев представлял себе, что происходит на самом деле. То, что совершалось что-то серьезное, это, конечно, чувствовали все, но в чем это заключалось, оставалось загадкой. Некоторые шептали,

что Макман уличен в крупных денежных махинациях, но никто в это по-настоящему не верил. Это было к тому же нелогично — ведь из-за этого никто не стал бы присылать сюда столько людей. Да, люди с непроницаемыми лицами и автоматическими бластерами окружали главное здание. На крыше были установлены два артиллерийских орудия. И вся площадь под куполом была пустынна. Все фармбои, за исключением тех, без которых не мог функционировать сам купол, находились в своих бараках. Тем, кто занимался электроникой купола, было велено оставаться на своих местах и никуда не отлучаться. Ровно в 12.15 два человека, патрулирующие у заднего входа в главное здание, ушли, оставив этот участок неохраняемым. В 12.30 они вернулись и вновь заступили на свой пост. Впоследствии один из артиллеристов, находящихся на крыше, утверждал, что он мельком видел, как кто-то вошел в здание в этот промежуток времени. Его утверждение вызывало сомнение, потому что он говорил, что туда вошел человек, весь охваченный огнем. В то время ему никто не поверил. Д-ру Силверсу было очень трудно. Он не знал, что делать, как начать заседание. Он оглядел четырех человек, сидящих за столом. Макман выглядел так, как будто не спал неделю. Впрочем, возможно, так оно и было. До сих пор он не проронил ни слова. Силверс даже сомневался, понимал ли он, где находится и кто его окружает. Хенз. На нем были темные очки. Время от времени он снимал их и тогда становились видны его злые налитые кровью глаза. Он сидел, что-то бормоча про себя. Бенсон. Спокоен и несчастен. Д-р Силверс провел с ним несколько часов предыдущей ночью, и у него не было никакого сомнения, что неудача, постигшая Бенсона в его исследованиях, явилась для него настоящим горем. Он говорил о марсианах, о настоящих марсианах, как об отравителях, но Силверс, естественно, не воспринимал эти разговоры всерьез. Бигман. Единственный счастливый человек из них всех. Он, правда, понимал лишь самую незначительную часть происходящего. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, явно довольный, что сидит за одним столом с важными людьми, от души наслаждаясь своей ролью. Стоял еще один дополнительный стул, который Силверс велел поставить к столу. Ни один из присутствующих ничего не сказал по этому поводу. Каким-то образом д-ру Силверсу удавалось поддерживать беседу. Он делал ничего не значащие замечания, скрывая свою собственную растерянность. В 12.16 он медленно поднялся и повернул голову. Д-р Силверс не мог произнести ни слова. Бигман вскочил, откидывая свое кресло назад, и оно упало с громким стуком. Хенз так схватился за край стола, что его пальцы побелели от напряжения. Бенсон противно заверещал. Один только Макман остался неподвижен. Он поднял глаза, а затем, вероятно, успокоился, приняв это явление, как еще нечто необъяснимое в этом страшном мире. Фигура, стоящая в дверях, произнесла:

— Я — Космический патрульный!

В ярком свете комнаты ореол вокруг его головы как-то померк. А дым, окружающий его тело, выглядел более материальным, чем прошлой ночью, когда его видел Хенз. Сидящие за столом почти

автоматически отодвинулись так, что пустующее кресло осталось стоять в одиночестве. Космический патрульный сел, лицо его невозможно было разглядеть из-за окружающего его света, длинные руки он вытянул перед собой, опустив их на стол, но они не легли на его поверхность. Между столом и руками было пустое пространство с четверть дюйма. Он произнес:

— Я пришел, чтобы говорить с преступниками.

Тишину, последовавшую за этим, прервал Хенз. С ненавистью и сарказмом в голосе он сказал:

— Ты имеешь в виду — с грабителями?

Рука его на мгновение дотронулась до черных очков, но он не снял их. Его пальцы ощутимо дрожали. Голос Космического патрульного был монотонным, медленным и гулким.

— Это верно. Я грабитель. Вот ключи, которые я вынул из твоих сапог. Мне они больше не нужны.

Металлические ключи скользнули по столу к Хензу, но он не взял их. Космический патрульный продолжал:

— Но этот грабеж произошел ради того, чтобы не дать совершиться куда большему, серьезному преступлению. Например, преступление управляющего фермой, которому было оказано доверие, а он использовал его, чтобы проводить ночи в Винград-Сити в поисках отравителей.

Лицо Бигмана осветилось радостной улыбкой.

— Эй, Хенз,— произнес он.— Похоже, это говорят о тебе.

Но Хенз слушал и смотрел только на существо, сидящее напротив него за столом.

— В чем же здесь преступление? — спросил он.

— Преступление, — ответил Космический патрульный,— в твоих путешествиях в сторону астероидов.

— Почему? Для чего?

— А разве не с астероидов пришло письмо с ультиматумом отравителей?

— Ты что, обвиняешь меня в том, что я нахожусь в заговоре с целью отравления людей? Я отрицаю это. Я требую доказательств! И неужели ты считаешь, что твой маскарад способен меня запугать до такой степени, что я потеряю разум?

— Где ты был в те две ночи, прежде чем был получен ультиматум?

— Я не буду отвечать. Я отрицаю твое право на допрос.

— В таком случае я отвечу за тебя. Весь гигантский план твоего неслыханного отравления был создан на астероидах, где собрались остатки разгромленных пиратских отрядов. Но мозговое его обеспечение здесь, на фермах Макмана.

Тут Макман поднялся на ноги, и рот его исказился, как будто он пытался что-то сказать. Космический патрульный махнул на него рукой, твердо приказывая не вмешиваться, и продолжал:

— Ты же, Хенз,— посредник.

Теперь уже Хенз снял очки. Его пухлое лицо с выделяющимися на нем налитыми кровью глазами как бы окаменело.

— Ты утомил меня, Космический патрульный, или как там

тебя,— сказал он.— Эта конференция, насколько я понимаю, была собрана с целью обсуждения средств борьбы с отравлениями. Если она превратилась в фарс и глупые обвинения какого-то театрального актеришки, то я ухожу.

Д-р Силверс схватил Хенза за руку.

— Будьте любезны, останьтесь, Хенз, я хочу выслушать все до конца. Никто не обвинит вас без достаточных на то оснований.

Хенз вырвал руку и встал с места.

Бигман спокойно заметил:

— Я просто буду счастлив посмотреть, Хенз, как тебя пристрелят, как только ты выйдешь отсюда.

— Бигман прав,— сказал Силверс,— снаружи стоит вооруженная охрана, которой отдан приказ не выпускать никого без особого моего распоряжения.

Кулаки Хенза сжимались и разжимались. Он обвел всех бешеным взглядом:

— Я не скажу больше ни одного слова, потому что все происходящее здесь незаконно,— сказал он.— Все вы будете свидетелями того, что меня задержали здесь силой.

Он вновь уселся на место и скрестил руки на груди.

Космический патрульный вновь заговорил:

— И все же Хенз всего лишь посредник, хотя и настоящий негодяй.

Бенсон слабо заметил:

— Вы говорите противоречиво.

— Это только так кажется. Представьте себе этого преступника, задумавшись о природе преступления, которое он совершает. Прежде всего, является фактом, что пока еще умерло очень небольшое количество людей. Совершенно ясно, что преступники могли бы добиться своего значительно быстрее, если бы они сразу начали с массовых отравлений вместо того, чтобы просто угрожать нам в течение шести месяцев, рискуя, что их могут обнаружить. Почему же это происходит? Создается впечатление, что их предводитель — человек нерешительный, он колеблется. А такое явно не в характере Хенза. Почти всю свою информацию я получил от Вильямса, которого нет сейчас среди нас. Он мне сообщил, что после его прибытия на ферму Хенз несколько раз пытался убить его.

Хенз забыл о своем решении. Он громко закричал:

— Это ложь!

Космический патрульный продолжал, не обращая внимания на эти слова.

— Итак, очевидно, что Хенз не остановился бы перед убийством. Значит, есть кто-то более мягкосердечный. Но в таком случае что же могло заставить этого мягкосердечного человека убивать людей, которых он никогда не видел, которые не причинили ему никакого вреда? В конце концов, хотя в процентном отношении число отравлений ничтожно в масштабах Земли, но все же умерло несколько сотен человек. И среди них пятьдесят детей. Предположим также, что у этой особы очень сильна страсть к богатству и власти, которая превышает его мягкосердечность. Чем вызвана эта страсть? Она

может зародиться в человеке, лишившемся в жизни всех своих честолюбивых надежд, и поэтому ненавидящем все человечество, страдающем с одной стороны манией величия, и с другой — комплексом неполноценности. Кто же это?

Теперь уже все смотрели на Космического патрульного горящими от нетерпения глазами. Интерес пробудился даже у Макмана. Бенсон задумчиво хмурился, а Бигман как обычно ухмылялся.

Космический патрульный продолжал:

— Самой важной уликой было то, что последовало за прибытием Вильямса на ферму. Он тут же был заподозрен в том, что является шпионом. Его рассказ об отравлении сестры был сразу же проверен, в результате чего выяснилось, что это ложь. Хенз, как я уже говорил, был за немедленное убийство. Предводитель же, обладая более мягким характером, предпочел иной метод. Он попытался нейтрализовать опасного Вильямса, завязав с ним дружбу и делая вид, что находится на ножах с Хензом. А теперь давайте обобщим сказанное. Что мы знаем об этом предводителе отравителей? Он человек с мягким характером, который, казалось, по-дружески относился к Вильямсу и недружелюбно к Хензу. Человек с комплексом неполноценности из-за неудавшейся жизни, причиной чего является его отличие от других, недостаточный рост...

Послышалось быстрое движение. Кресло отодвинулось от стола и человек попятился назад, в руке у него был бластер.

Бенсон вскочил и закричал:

— Великий боже! Бигман!

Д-р Силверс беспомощно огляделся вокруг:

— Но... но я, наверное, не должен был приводить его сюда. Как мой телохранитель, он вооружен.

Бигман стоял чуть поодаль от стола, с бластером наготове, глядя на всех своими пронзительными маленькими глазами.

Бигман заговорил и голос его был тверд:

— Только не надо делать поспешных выводов. Может быть, вам и кажется, что Космический патрульный имеет в виду меня, но он этого еще не сказал.

Все смотрели на него. Никто не произнес ни слова. Бигман внезапно подбросил свой бластер в воздух, поймал его за дулю и швырнул на стол, по которому он скользнул прямо к Космическому патрульному.

— Это не я. И вот мое оружие, чтобы все поняли, что я говорю правду.

Окутанные туманом и дымом пальцы Космического патрульного потянулись к бластеру.

— И я утверждаю, что это не ты,— сказал он, и бластер заскользил по столу обратно к Бигману, который взял его, засунул в кобуру и вновь уселся в кресло.

— Продолжай, пожалуйста, дальше, Космический патрульный.

И Космический патрульный вновь заговорил:

— Это не Бигман, хотя бы потому, что неприязнь между ним и Хензом возникла задолго до того, как здесь появился Вильямс.

Д-р Силверс пытался возразить:

— Но послушайте. Если предводитель делает вид, что он на ножах с Хензом, это могло быть не только в связи с появлением Вильямса. За этим наверняка кроется заранее обдуманный план.

Космический патрульный кивнул головой.

— Прекрасно рассуждаете, д-р Силверс. Но посудите сами. Предводитель, кто бы он ни был, должен полностью контролировать все действия банды, подчинить своей собственной брезгливости к массовым убийствам целую банду отъявленных головорезов всей солнечной системы. И совершенно ясно, что они подчинялись ему лишь потому, что контроль над ядом и способом отравления находился только в его руках и ничьих других. И уж конечно не в руках Бигмана.

— Откуда вы можете это знать? — все тем же требовательным голосом спросил д-р Силверс.

— Да хотя бы просто потому, что у Бигмана нет достаточного образования для того, чтобы он мог, не опасаясь за свою жизнь, пользоваться новым ядом, наиболее опасным из всех известных науке. У него нет лаборатории, он не разбирается ни в ботанике, ни в бактериологии. У него нет доступа к пищевым хранилищам Винград-Сити. А все это есть у Бенсона.

Агроном, по лицу которого градом катился пот, вскрикнул слабым голосом.

— Что вы пытаетесь сделать? Испытать меня так же, как только что испытывали Бигмана?

— Я не испытывал Бигмана, я ни разу не обвинил его,— ответил Космический патрульный.— А вас, Бенсон, я обвиняю. Вы — мозг и предводитель банды отравителей!

— Нет. Вы сумасшедший.

— Вовсе нет. Я абсолютно нормален. Вильямс первый заподозрил вас и передал свои подозрения мне.

— У него не было на это никаких оснований. Я был абсолютно честен с ним.

— Слишком честны. Вы сделали ошибку, рассказав ему, что, по вашему мнению, марсианская бактерия, находящаяся в продуктах фермы, была источником отравления. Как агроном вы должны прекрасно знать, что это невозможно. Марсианская жизнь не является протеином в своей основе, и точно так же не может питаться растениями с Земли, как и мы не можем питаться скалами. Следовательно, вы сказали намеренную ложь, а одно это уже заставило относиться к вам с подозрением. Вильямс сразу же подумал, не сделали ли вы, скажем, какой-нибудь вытяжки из этой марсианской бактерии. Такой экстракт должен быть ядовит. Как вы считаете?

Бенсон громко закричал:

— Но как же я мог распространять этот яд? Вы говорите бессмыслицу.

— У вас был доступ к хранилищам на ферме Макмана. После первых нескольких отравлений вы спокойно смогли добиться разрешения посещать зернохранилища в городе. Вы рассказали

Вильямсу, как тщательно брали образцы из этих хранилищ на различной глубине, как использовали при этом металлический гарпун, ваше собственное изобретение.

— Но что в этом плохого?

— Да все. Прошлой ночью я добыл у Хенза ключи, чтобы проникнуть в одно единственное место под куполом, которое постоянно держится на запоре — вашу лабораторию. И там я нашел вот это.

Он поднял маленький металлический предмет к свету.

Д-р Силверс посмотрел на него.

— Что это, Космический патрульный?

— Это ампула Бенсона для взятия образцов. Она крепится на конец гарпуна. Посмотрите, как она действует.

Космический патрульный нажал на небольшую кнопку на ее конце.

— Выстрел из пистолета-гарпуна снимает этот предохранитель. Вот так! А теперь смотрите!

Раздался слабый жужжащий звук. Он прекратился секунд через пять и передний конец ампулы раскрылся примерно на секунду, потом опять закрылся.

— Но именно так он и должен действовать,— вскричал Бенсон. — Я не делал из этого никакого секрета.

— Да, это верно,— сурово сказал Космический патрульный.— Вы с Хензом все время ссорились из-за Вильямса. У вас духу не хватило согласиться на его убийство. В самый последний момент вы принесли свой гарпун, когда он лежал больной в кровати, чтобы посмотреть, не выдаст ли он себя чем-то, не понял ли он, в чем дело. Он ничем себя не выдал, однако Хенз не захотел больше ждать. Закис был послан с тем, чтобы убить его.

— Но что плохого в моем гарпуне? — требовательным голосом спросил Бенсон.

— Позвольте, я еще раз покажу, как он работает. Но на этот раз, д-р Силверс, обратите, пожалуйста, внимание на ту сторону ампулы, которая обращена к вам.

Д-р Силверс наклонился через стол, пристально наблюдая. Бигман с бластером наизготовку внимательно следил за Бенсоном и Хензом. Макман вскочил, щеки его раскраснелись. Вновь была нажата кнопка, опять открылось маленькое отверстие, но на этот раз, когда они смотрели на указанную им сторону сбоку, небольшое отверстие появилось и там, и в нем что-то заблестело.

— Вот видите,— сказал Космический патрульный.— Каждый раз, когда Бенсон брал образцы, захватывая несколько зерен пшеницы, срез с фрукта, ломтик капусты, одновременно выдавливал это бесцветное желе — экстракт марсианской бактерии. Это без сомнения очень устойчивый яд, на который не действует никакая обработка во время приготовления пищи.

Бенсон бил кулаками по столу.

— Это ложь! Проклятая ложь!

— Бигман,— сказал Космический патрульный,— засунь ему в рот кляп, стой рядом с ним и не позволяй двигаться.

— Но послушайте,— вновь возразил д-р Силверс.— Вы рассуждаете логично, Космический патрульный, но дайте человеку возможность защищаться.

— На это нет времени,— ответил Космический патрульный.— А доказательства, которых вы так жаждете и которые удовлетворят даже вас, сейчас будут.

В качестве кляпа Бигман использовал платок. Бенсон сопротивлялся, но потом, когда холодное дуло бластера уперлось ему в затылок, обмяк.

— В следующий раз,— сказал Бигман,— мне может быть даже придется стукнуть вас немножко по голове, так что вы сидите спокойно, не рыпайтесь, а то получите сотрясение мозга.

Космический патрульный встал.

— Все заподозрили или сделали вид, что заподозрили Бигмана, когда я говорил о человеке с комплексом неполноценности, потому что он мал ростом. Но вы не дали мне договорить. Маленьким человеком можно быть и при нормальном росте. Несмотря на свой рост, Бигман смел, решителен, отважен и всегда готов отстаивать свое собственное мнение. Люди уважают его за это. Бенсон же, живя здесь на Марсе, видел, что его презирают как «университетского фермера», и вообще как слабого человека, и на него свысока смотрят люди, которых он считал значительно ниже себя. Использовать для компенсации своих недостатков убийство — что может быть мерзостнее. Но Бенсон к тому же еще и умственно больной человек. Вырвать у него признание будет трудно, может быть, даже невозможно. Однако сведения о планах и действиях отравителей можно получить у Хенза. Он знает, где именно в астероидах находятся его многочисленные сообщники, где хранится весь тот яд, который предполагалось использовать сегодня ночью. Он многое может сообщить.

Хенз хрипло рассмеялся.

— Я ничего вам не сообщу. Убьете вы Бенсона и меня или не убьете, все равно то, что должно было произойти — произойдет. Так что поступайте, как хотите.

— А вы будете говорить,— спросил Космический патрульный,— если я гарантирую вам личную неприкосновенность?

— А кто поверит в такую гарантию? Я предпочитаю утверждать то же, что и раньше. Я невиновен. Если вы нас убьете — это ничего не изменит.

— Вы хоть понимаете, что если вы не заговорите, то могут умереть миллионы мужчин, женщин, детей?

Хенз пожал плечами.

— Ну что ж,— сказал Космический патрульный,— мне кое-что известно о действии марсианского яда, разработанного Бенсоном. Как только он оказывается в желудке, всасывание происходит очень быстро, нервы грудной мускулатуры парализуются, жертва не может дышать. Это очень болезненное удушье, продолжающееся долгих пять минут. Но, конечно, это только в том случае, если яд оказывается в желудке.

И Космический патрульный вынул из кармана небольшую ампу-

лу и металлическую капсулу с маленьким отверстием сбоку. Он начал водить капсулой по ампуле, пока та не стала мутной от покрывшей ее пленки с ядом.

— Если же,— продолжал он,— яд поместить, скажем, между губами, то всасывание произойдет значительно медленнее и действие свое он будет оказывать постепенно.

— Макман,— внезапно обратился он к хозяину фермы,— вот человек, который предал вас, использовал вашу ферму для того, чтобы организовать отравление пищей и разорить синдикат ферм. Схватите его и свяжите.— Космический патрульный бросил на стол пипион.

Макман с криком долго сдерживаемой ярости буквально накинулся на Хенза. На какое-то время гнев вернул ему прежнюю молодую силу, и, как Хенз ни сопротивлялся, ничего ему не помогло, он оказался привязанным к стулу, со связанными за спиной руками.

Хрипло и тяжело дыша, Макман прорычал:

— После того, как ты все расскажешь, я с удовольствием разорву тебя собственными руками.

Космический патрульный медленно обошел стол, приближаясь к Хензу, держа перед собой двумя пальцами смазанную ядом ампулу. Хенз весь сжался. По другую сторону стола внезапно начал дергаться Бенсон, которого Бигману пришлось усмирять пинком ноги. Космический патрульный оттянул нижнюю губу Хенза, обнажив зубы. Хенз попытался было отвернуть голову в сторону, но пальцы сжали его с такой силой, что он закричал от боли. Космический патрульный засунул ампулу между губой и зубами.

— Насколько я понимаю, пройдет минут десять, прежде чем всосется достаточное количество яда для того, чтобы был заметен эффект,— сказал он.

— Если ты согласишься говорить до этого, мы вынем ампулу и дадим тебе возможность прополоскать рот. В противном случае яд начнет оказывать свое действие. Постепенно тебе станет все больнее и труднее дышать, и в конце концов, приблизительно через час; ты умрешь от очень медленного удушья. А если ты умрешь, то этим, разумеется, ничего не добьешься. А глядя на тебя, Бенсон, безусловно, сломается, если не захочет, чтобы мы поступили с ним так же, как с тобой.

Струйка пота лилась по виску Хенза. Горлом он испускал какие-то странные звуки. Космический патрульный ждал. Наконец Хенз взмолился:

— Я буду говорить! Я буду говорить! Выньте ее, выньте ее!

Слова звучали приглушенно, потому что он боялся полностью разомкнуть губы, но нескрываемый ужас, написанный на его лице, говорил сам за себя.

— Прекрасно. Записывайте, д-р Силверс!

Прошло три дня, прежде чем д-р Силверс снова встретился с Дэвидом Старром. Он почти не спал все это время и чувствовал себя очень утомленным, но не настолько, чтобы искренне не обрадоваться встрече. Бигман, который постоянно находился рядом с Силверсом, был рад не меньше.

— Все получилось,— сказал Силверс.— Вы, конечно, слышали об этом? Все получилось прекрасно.

— Я знаю,— улыбнулся Дэвид.— Космический патрульный мне все рассказал.

— Значит, вы виделись с ним?

— Всего несколько минут.

— Он исчез практически сразу после совещания. Я упомянул его в своем отчете, я обязан был это сделать, конечно. Но чувствовал я себя при этом по-дурацки. В любом случае, однако, у меня есть свидетели — Бигман и Макман.

— И я,— сказал Дэвид.

— Да, конечно. Ну, ладно, все кончилось. Мы обнаружили склады, где хранился яд, и очистили астероид. Примерно две дюжины людей получат пожизненное заключение, а работа Бенсона оказалась очень важной. Его эксперименты с марсианской жизнью — самая настоящая революция в науке. Возможно, целая серия антибиотиков будет создана на основе его яда, с помощью которого он хотел заставить Землю подчиниться. Если бы этот бедняга использовал свой талант не в честолюбивых целях, а для науки, он стал бы великим человеком. Слава богу, что признание Хенза положило конец этим ужасам.

— Для того, чтобы Хенз признался, требовалось тщательным образом подготовиться,— сказал Дэвид.— Космический патрульный работал над этим с предшествующей ночи.

— О, я сомневаюсь, что хоть один человек выдержал бы, подвергаясь опасности такого отравления. Но все же скажите, что произошло бы, если бы Хенз вдруг отказался говорить? Космический патрульный очень сильно рисковал.

— Да нет, не очень. Ведь на самом деле никакого яда не было. Бенсон это знал. Неужели вы предполагаете, что он оставил бы в своей лаборатории ампулу с ядом, чтобы против него были улики? Да и вообще, разве он стал бы держать яд там, где возможно было его найти?

— Но ведь он был в капсуле?

— Самый обычный желатин, без запаха. Бенсон не мог не знать, что это так. Поэтому-то Космический патрульный не пытался добиться признания у него. Вот почему он велел сунуть ему в рот кляп, иначе он предупредил бы Хенза. Впрочем, и сам Хенз мог бы об этом догадаться, просто он был в дикой панике.

— Великий Космос,— только и проговорил растерянный Силверс, и, продолжая потирать в недоумении подбородок, ушел отдыхать.

Дэвид повернулся к Бигману.

— А чем ты собираешься заниматься, Бигман?

Бигман пожал плечами.

— Доктор Силверс предложил мне постоянную работу в Совете. Но я думаю, что откажусь.

— Почему?

— Что же, вам я это могу сказать, мистер Старр. Я предпочел бы отправиться с вами, куда бы вы ни собрались после этого дела.

— Я собираюсь всего-навсего на Землю,— сказал Старр.

Они были одни и все же Бигман осторожно оглянулся, прежде чем заговорить.

— Думается мне, что ты собираешься отправиться не только на Землю, Космический патрульный.

— Что?

— Конечно. Я знал это, как только ты появился в дверях, весь окутанный этим светом и дымом. Вот почему я не принял всерьез твои рассуждения, в которых, казалось, ты меня обвиняешь.— Лицо его расплылось в ухмылке.

— Ты хоть понимаешь, о чем ты говоришь?

— Чего же тут не понять? Я, конечно, не мог видеть твоего лица или костюма, но на тебе были сапоги фармбоя, да и рост твой.

— Совпадение.

— Может быть, я и не видел твоих сапог ясно, но их цвет... Ты единственный из всех фармбоев, о которых я когда-нибудь и где-либо слышал, кто носит обычные черно-белые сапоги.

Дэвид Старр откинул голову назад и рассмеялся.

— Сдаюсь, ты выиграл. Скажи, ты действительно хочешь участвовать во всех делах вместе со мной?

— Я мог бы только гордиться этим,— ответил Бигман.

И они пожали друг другу руки.

— Значит, вместе,— сказал Дэвид.

— Что бы ни случилось.

ЛАКИ СТАРР
И ПИРАТЫ АСТЕРОИДОВ

До старта оставалось всего пятнадцать минут. «Атлас» был готов к полету. Его гладкая обшивка ярко сверкала в серебряном свете, заливающем ночное небо Луны. Окруженный со всех сторон вакуумом, он упирался в безжизненную, похожую на пемзу поверхность. Тупой нос корабля нацелился вверх, в открытое пространство. Команды на нем не было — ни единого человека.

Доктор Гектор Конвей, Старший Советник Наук, спросил:

— Который час, Августас?

Здесь, в помещениях лунного отделения Совета, он чувствовал себя не слишком-то уютно. Дома, на Земле, его кабинет размещался на самой вершине Научной Цитадели — вонзившейся в небо иглы из камня и стали. Из его окон открывался прекрасный вид на Международный Город. На Луне же все было на первый взгляд неплохо. За окнами виднелся привычный земной пейзаж, мастерски, кстати сказать, спланированный. И даже его освещение было самым натуральным — утро сменялось ярким светом дня, потом наступал вечер, а в то время, которое было отведено здесь для ночи, окна светились мягким темно-голубым светом. Однако для землянина, да еще такого как Конвей, этого было совершенно недостаточно. Он знал, что если ему вздумается проломить окно, которое было всего лишь ловко раскрашенной картиной, то за ним обнаружится другая комната, а может быть, даже обычный лунный грунт. Доктор Августас Генри, к которому обращался Конвей, глянул на запястье и, попыхивая трубкой, сказал:

— Еще пятнадцать минут. Для волнения нет причин. «Атлас» в полном порядке. Я сам проверил его вчера.

— Да, я знаю.

Волосы Конвея были совершенно седыми, и потому он выглядел старше, чем худощавый, с вытянутым лицом Генри, хотя они были ровесниками.

— Я беспокоюсь о Лаки.

— Лаки?

Конвей нехотя улыбнулся.

— Я говорю про Дэвида Старра. В эти дни все называли его Лаки, то есть счастливчик. Неужели ты не слышал?

— Как, Лаки Старр? Это имя ему подходит. Но что с ним? В конце концов это его идея.

— Совершенно верно. Эту идею подал он. И я боюсь, как бы Лаки не захватил теперь консульство Сириуса на Луне.

— Я желаю ему успеха.

— Не шути так. Иногда мне кажется, что ты поощряешь Лаки в желании делать все в одиночку, так, как будто это только его личное дело. Я прибыл на Луну, чтобы присматривать за ним, а не следить за кораблем.

— Это не дело, если ты прибыл сюда только за этим, Гектор.

— Не могу же я всюду следовать за ним, как любящая мать-наседка. Но с ним Бигман. Я сказал коротышке, что спущу с него шкуру, если Лаки решится захватить консульство Сириуса сам, в одиночку.

Генри рассмеялся.

— Я уверен, он сделает это,— проворчал он.— Но гораздо хуже то, что Лаки, конечно, ускользнет с добычей.

— Хорошо, ну а потом?

— Это, понятно, придаст ему уверенности, и вскоре Лаки рискнет на большее, а он слишком ценный для нас человек, чтобы мы могли потерять его!

Джон Бигман Джонс, чуть пошатываясь, шел по плотному, грязному настилу и осторожно, стараясь не расплескать, нес глиняную кружку с пивом. Псевдогравитационные поля не простирались за пределы города, так что здесь, в космопорте, действовало только лунное притяжение. К счастью, Джон Бигман Джонс родился и вырос на Марсе, где притяжение составляет две пятых нормального, так что ему было еще не так уж плохо. Правда, сейчас он весил всего двадцать фунтов. На Марсе он тянул пятьдесят, а на Земле — все сто двадцать. Бигман наконец добрался до охранника, который наблюдал за ним весьма заинтересованно. На нем был мундир Лунной Национальной охраны, и чувствовалось, что он неплохо приспособился к здешней силе тяжести. Джон Бигман Джонс крикнул ему:

— Эй, не стойте с таким унылым видом. Я принес вам пиво. Вот оно, возьмите!

Охранник с сожалением отказался:

— Не могу. По крайней мере, когда я на посту. Вы же понимаете!

— Жаль. Я Джон Бигман Джонс. Зовите меня просто Бигман.

Охранник был не слишком высок, но Бигман даже ему едва доставал до подбородка. И все же он ухитрился подать ему руку так, словно был намного выше его.

— Я — Барт Нильсон! Вы, конечно, с Марса?— охранник посмотрел на багряную одежду и разноцветные сапоги Бигмана. Никто, кроме марсианского фермера, не мог бы позволить себе появиться в космосе в таком виде.

Бигман гордо посмотрел вниз, на свои сапоги.

— Точно. Я торчу здесь уже около недели. Великий космос, Луна — это сплошной камень. Неужели никто из тех, кого вы охраняете, не выходит на поверхность?

— Иногда. Когда мы позволяем. Здесь не много увидишь.

— Я уверен, что сумел бы выйти. Не выношу сидеть взаперти.

— Шлюз на поверхность здесь, сзади.

Бигман проследил взглядом за большим пальцем охранника, который показывал им через плечо. Коридор, освещенный довольно слабо, так как от Луна-сити было далеко, переходил в нишу в стене. Бигман сказал:

— У меня нет скафандра.

— Вы не могли бы выйти, даже если бы он у вас был. Никто не выпустит вас сейчас без специального пропуска.

— Это почему же?

Нильсон зевнул.

— У них здесь снаружи корабль, который должен взлететь,— и он посмотрел на часы,— через пятнадцать минут. Не знаю, возможно, после старта будет сильный нагрев.

Охранник, покачиваясь, провожал взглядом последние глотки пива, исчезающие в горле Бигмана. Потом спросил:

— Вы брали пиво в портовом баре, у Пэтси? Там много народу?

— Да никого. Послушайте, зайти туда и взять пиво займет ровным счетом пятьдесят секунд. Мне все равно нечего делать. Я останусь здесь, и будьте уверены, ничего не случится, пока вы туда сходите.

Нильсон с тоской глянул в направлении портового бара.

— Уж лучше я воздержусь.

Ни один из них, по-видимому, не заметил, как кто-то прокрался по коридору в нишу, где был воздушный шлюз — огромная дверь, перекрывающая путь к поверхности. Ноги Нильсона сами собой сделали несколько шагов к портовому бару, но он все-таки повторил со вздохом:

— Нет, лучше я воздержусь.

Десять минут до старта.

Это был план Лаки Старра. Он как раз был в кабинете Конвея, когда им сообщили, что космический корабль «Бальзам Зачари» перехвачен пиратами, его груз разграблен, его офицеры найдены в космосе замерзшими, остальные же взяты в плен. Сам корабль, почти не оказавший сопротивления, был не поврежден, и потому оказался для пиратов ценной добычей. Они забрали все съемное оборудование, инструменты и даже моторы. Лаки сказал:

— Враг укрылся в поясе астероидов. Там сто тысяч каменных обломков.

— Больше,— Конвей выплюнул свою сигарету.— Но что мы можем сделать? Астероидов гораздо больше, чем мы можем контролировать без помощи правительства Земли. Мы потратили много времени, чтобы очистить их от пиратов, но они всякий раз появлялись там снова. Двадцать пять лет назад...— седой ученый сделал паузу,— двадцать пять лет назад родители Лаки были убиты в космосе, а он сам, еще малыш, был брошен дрейфовать в космическом пространстве.

Спокойные коричневые глаза Лаки не изменили своего выражения.

— Опасно, что мы даже не знаем, где находятся все астероиды.

— Сделать это просто невозможно. Потребуются сотни кораблей и сотни лет для того, чтобы получить необходимую информацию обо всех значительных астероидах. И даже тогда тяготение Юпитера будет то тут, то там изменять их орбиты.

— Тем не менее, мы можем попытаться. Если мы пошлем всего один корабль, то пираты, ничего не знающие об этих проблемах, испугаются настоящего картографирования и атакуют корабль.

— И что же дальше?

— Предположим, мы отправим автомат — полностью оснащенный, но без команды.

— Но это очень дорого обойдется.

— Думаю, он все же стоит этих денег. Допустим, что мы оснастим его автоматическими спасательными шлюпками, которые покинут корабль, как только его приборы зарегистрируют излучение приближающегося гиператомного двигателя. Как вы полагаете, что сделают пираты?

— Оставят в покое спасательные шлюпки, захватят корабль и отведут его на свою базу.

— Или на одну из своих баз. И если они увидят удирающие спасательные шлюпки, то не удивятся тому, что экипажа на корабле нет.

— Хорошо, чего ты добиваешься?

— Предположим далее, что корабль взорвется, как только его температура поднимется выше двадцати градусов Кельвина, а это обязательно произойдет, когда его доставят в ангар астероида.

— Итак, ты предлагаешь мину-ловушку?

— Колоссальную мину, чтобы она разнесла астероид на куски и уничтожила множество пиратских кораблей. Более того: в обсерватории на Церере, Весте, Юноне или Палладе смогут зарегистрировать вспышку. И будет очень полезно, если мы сможем получить об этом информацию.

— Я думаю, ты прав.

И они начали работы на «Атласе».

Неясная фигура в нише, ведущей на поверхность, действовала очень уверенно. Опечатанный контролер воздушного шлюза поддался действию лучей микролазера. Прикрывающий его металлический диск повернулся, открылся, прочно замкнув контакты, был мгновенно припаян лучом того же лазера — и дверь шлюза открылась. Сигнал тревоги,— а он должен был зазвенеть немедленно — так и не раздался: его схема была заблокирована, когда разрушился диск.

Чья-то фигура тут же нырнула в люк, и дверь закрылась. Прежде чем открыть внешнюю, выходящую в вакуум дверь, неизвестный развернул гибкий пластик, который он нес под мышкой, и закутался в него. Материал покрыл его тело и прилип к нему. Цельность его нарушала только полоска прозрачного силикона перед глазами. Наполненный жидким кислородом маленький цилиндр был прикреплен к поясу. Этот упрощенный космический скафандр, предназначенный для недолгих экскурсий в безвоздушное простран-

ство, гарантировал безопасность не более чем на полчаса. Барт Нильсон вздрогнул и повернул голову.

— Вы слышали?

Бигман с изумлением посмотрел на охранника.

— Ничего не слышал.

— Я мог бы поклясться, что закрылась дверь шлюза. Но почему-то не было сигнала тревоги.

— А он должен был быть?

— Конечно. Когда одна дверь открыта, звенит звонок там, где есть воздух, и вспыхивает свет там, где его нет. Если бы не это, кто-нибудь мог бы открыть и вторую дверь и выпустить весь воздух из коридора или корабля.

— Отлично, значит, если не было сигнала тревоги, то и беспокоиться нечего.

— Я не уверен в этом.

Длинными стелющимися прыжками, каждый из которых был в слабом гравитационном поле Луны футов двадцать, часовой помчался по коридору к нише воздушного шлюза. По пути он остановился у вмонтированной в стену приборной панели и включил три осветителя, заливших ее ярким светом. Бигман последовал за ним, прыгая очень неуклюже и потому рискуя растянуться и пропахать носом лунную поверхность. Нильсон достал свой бластер. Он проверил дверь, затем вернулся снова и осмотрел коридор.

— Вы уверены, что ничего не слышали?

— Ничего,— ответил Бигман.

— Видно, мне послышалось.

До старта оставалось пять минут. Одетая в скафандр фигура, поднимая пыль, медленно двигалась к «Атласу». Космический корабль ярко блестел в свете Земли, но в безвоздушном пространстве Луны свет даже на дюйм не проникал в глубь тени, которую отбрасывал горный хребет, окружавший порт. Тремя длинными прыжками неизвестный пересек освещенное место и оказался в глубокой тени. Он стал подниматься по лестнице, преодолевая по десять ступенек за раз, наконец добрался до воздушного шлюза корабля.

Мгновение — и шлюз открылся, затем — закрылся. На «Атласе» был пассажир. Всего один пассажир.

Часовой стоял перед коридорным воздушным шлюзом и с сомнением осматривал его поверхность.

Бигман же трещал без умолку. Он говорил:

— Я здесь около недели и предложил другу осмотреть окрестности, я уверял его, что он не нарвется на неприятности...

Замученный охранник прервал его:

— Передохни, дружок. Ты приятный малыш, это точно, но давай об этом в другой раз.

Он снова стал осматривать контрольную панель.

— Странно,— покачал он головой.

Но Бигман вдруг набычился. Его маленькое лицо покраснело. Он схватил охранника за локоть и рванул к себе, едва не потеряв при этом равновесие сам.

— Эй, приятель, кого это ты назвал ребенком?

— Слушай, отстань!

— Одну минуту. Немного внимания. Не думаешь ли ты, что я позволю оскорблять себя только потому, что я меньше ростом, чем другие парни? Давай готовь кулаки, или я расквашу тебе нос.

Нильсон с удивлением посмотрел на него.

— Что с тобой? Брось дурить.

— Испугался?

— Я не могу драться на посту. Кроме того, я не собирался оскорблять твои чувства. Просто я был очень занят, и мне было не до тебя.

Бигман опустил кулаки.

— Эй, кажется, корабль стартует.

— Точно.

Нильсон наморщил лоб.

— Думаю, не имеет смысла бить тревогу. Слишком поздно.

Он забыл о контрольной панели.

Старт! Облицованная керамикой выхлопная шахта раскрылась под «Атласом», и ракетные двигатели заработали. Медленно и величественно корабль оторвался от поверхности планеты и тяжело двинулся вверх. Его скорость нарастала. Он пронзил черное небо, затем уменьшился, став просто звездой среди других звезд, и ушел. Доктор Генри в пятнадцатый раз посмотрел на часы и сказал:

— Все, он ушел. Он должен сейчас уходить.— Он указал мундштуком своей трубки на циферблат.

Конвей предложил:

— Давай справимся у портовых властей.— Пять секунд спустя они увидели на экране видеофона пустой космический порт. Выхлопная шахта все еще была открыта. Несмотря на близкий к абсолютному нулю холод, сковавший обратную сторону Луны, из нее все еще шел пар.

Генри покачал головой.

— Это был прекрасный корабль.

— Успокойтесь.

— Я думаю о нем в прошлом. Через несколько дней он станет дождем расплавленного металла. Он корабль-смертник.

— Будем надеяться, что пиратские базы тоже обречены.— Генри молча кивнул. Они оба повернулись, когда открылась дверь. Но это был всего лишь Бигман. Он широко улыбался.

— О, как хорошо вернуться в Луна-сити, где чувствуешь отдачу при каждом шаге.

Он два или три раза топнул ногой.

— Смотрите,— сказал он.— Если вы попробуете сделать вот так там, где я сейчас был, то взлетите под потолок.

Конвей нахмурил брови.

— Где Лаки?

Бигман сказал:

— Я знаю, где он. Я совершенно точно знаю, где он находится в это самое мгновение. Говорю вам: «Атлас» только что взлетел.

— Я знаю,— ответил Конвей.— Но где же Лаки?

— На «Атласе», конечно... Где же ему еще быть?

Доктор Генри выронил свою трубку, и она покатилась на покрытый линолеумом пол. Но он даже не заметил этого. Конвей же вспыхнул, и внезапно проступивший на его лице румянец еще больше подчеркивали его седые волосы.

— Это шутка?!

— Да нет. Он проник на корабль за пять минут до старта. Я в это время беседовал с часовым по имени Нильсон и отвлекал его. Соблазнял его пивом, искал с ним ссоры, использовал старые трюки,— он продемонстрировал несколько быстрых движений, вызвавших дуновение воздуха,— но он не стал со мной связываться.

— Вы позволили Лаки сделать это? И даже не предупредили нас?

— Как же я мог? Я подчинялся только ему. Он сказал, что сделает все в последнюю минуту, чтобы никто ничего не знал, иначе вы остановите его.

Конвей тяжело вздохнул.

— Он все-таки сделал это. О, великий Космос! Августас, я должен был хорошенько подумать, прежде чем доверять Лаки этому, величиной с пинту, марсианину! Бигман, да вы просто дурак! Вы же знаете, что это корабль-ловушка!

— Конечно! Лаки тоже это знает. Он передал, чтобы вы не отправляли за ним вдогонку кораблей, иначе все будет кончено.

— Все равно не миновать ему беды!

Генри схватил своего друга за рукав.

— Возможно и нет, Гектор. Мы же не знаем, что он задумал, но вполне можем верить, что он благополучно выберется изо всех переделок. Давай не мешать ему.

Конвей откинулся назад, дрожа от ярости и беспокойства.

Бигман произнес:

— Он сказал, что мы встретимся с ним на Церере, а также, доктор Конвей, он передал, что вам следует сдерживать себя.

— Вы...— в гневе начал Конвей, и Бигман поспешил ретироваться.

Орбита Марса оставалась позади, и солнце съежилось. Лаки Старр любил безмолвное пространство космоса. С тех пор, как он закончил институт и вступил в ряды Совета Наук, оно было его домом больше, чем любая из планет. «Атлас» был комфортабельным кораблем. Его снабдили в расчете на полный экипаж, за вычетом того, что могло быть оправдано потреблением на пути к астероидам. В конце концов в момент появления пиратов «Атлас» должен был выглядеть полностью обитаемым. Лаки питался синтетическими бифштексами из выращиваемых на Венере дрожжей, кондитерскими изделиями с Марса и очищенными от костей цыплятами с Земли.

— Я ожирею,— думал он, наблюдая за небесами, в которых уже можно было различить самые большие астероиды. Была видна Церера, наибольшая из всех, около пятисот миль в диаметре. Веста находилась по другую сторону от Солнца, но Юнона и Паллада были в поле зрения. Если бы он воспользовался корабельным теле-

скопом, то отыскал бы их в тысячи, возможно, даже в десятки тысяч раз больше. Можно было подумать, что когда-то между Марсом и Юпитером существовала планета, и что геологическая катастрофа разорвала ее на куски, но все было не так. Гигантское гравитационное поле Юпитера пронизывало пространство на сотни миллионов миль вокруг него в эру, когда формировалась Солнечная система. Космические гравеллы между ним и Марсом никогда не могли объединиться в единую планету, так как Юпитер тасовал и расталкивал их. Взамен они объединились в мириады маленьких обломков. Четыре самые большие имели сотню и более миль в диаметре. Затем были тысячи (никто не знал в точности, сколько) астероидов от одной до десяти миль в диаметре, и десятки тысяч меньше мили в диаметре. Их было такое великое множество, что астрономы прозвали их — «паразиты пространства». Они были рассеяны по всему пространству между Марсом и Юпитером, и каждый двигался по своей собственной орбите. Ни одна из известных людям планетных систем не имела такого пояса астероидов. Пожалуй, это дело даже удобно. Астероиды служили как бы ступеньками на пути к большим планетам. Но это же доставляло беспокойство. Преступник, который смог бы бежать на астероиды, был бы в безопасности от преследования. Полицейские силы не могли обыскивать каждую из этих летающих гор. Малые астероиды не были освоены человеком. На самых больших находились астрономические обсерватории, хорошо оснащенные, особенно на Церере. На Палладе были бериллиевые рудники, тогда как на Весте и Юноне размещались важные заправочные станции. Но оставалось еще тысяч пятьдесят значительного размера астероидов, на которые власть земного правительства не распространялась. Некоторые из них были достаточно велики для стоянки флотилии звездолетов. Другие были слишком малы для более чем одного быстроходного крейсера и дополнительного помещения для шестимесячного запаса топлива, пищи и воды. И невозможно было составить карту их всех. Даже в прошедшие доатомные времена, до космических полетов, когда астрономам были известны только около полутора тысяч астероидов, только самые крупные, картография была невозможна. Их орбиты тщательно рассчитывались с помощью телескопа, и все же астероиды беспрестанно «терялись», затем снова «находились».

Лаки прервал свои размышления. Чувствительный измеритель энергии уловил пульсацию во внешнем пространстве. Он регистрировал корабль в движении. Энергия, излучаемая солнцем, как прямая, так и отраженная от планет, анализировалась в измерителе. То, что приближалось сейчас, имело характерные для гиператомного двигателя прерывистые импульсы энергии. Лаки присоединил самописец и получил график энергетического спектра. Он следил за графиком, и по мере того как тот появлялся, рот его сжимался. Всегда была вероятность того, что «Атласу» повстречается обычное торговое судно или пассажирский лайнер, но этот энергетический спектр говорил о другом. Приближающийся корабль имел двигатели прогрессивной конструкции, отличающейся от двигателей всех кораблей Земли. Прошло пять минут, прежде чем Лаки полу-

чил измерения, достаточно протяженные, чтобы рассчитать направление и расстояние до источника излучения. Он включил видеоэкран для телескопических наблюдений, и звездное небо покрылось светящимися точками. Лаки тщательно искал корабль между абсолютно спокойными, бесконечно далекими звездами до тех пор, пока не уловил мерцание от движения, и теперь его взгляд был направлен в ту же сторону, что и датчики измерения. Это был пират! Несомненно! Он мог отличить его спектр от спектра энергии, излучаемой солнцем, и от спектра энергии, отражаемой планетами. Это был тонкий, изящный корабль, скоростной и маневренный. Он казался чужеземным. Сирианская конструкция, подумал Лаки. Он задумчиво смотрел на корабль, медленно увеличивающийся на экране. Был ли это тот же самый корабль, который его отец и мать видели в последний день своей жизни? Лаки почти не помнил своих родителей, но видел их фотографии и слышал от Генри и Конвея нескончаемые рассказы про Лаврентия и Барбару Старр. Они были неразлучны — высокий, мрачный Августас Генри, вспыльчивый, упорный Гектор Конвей и деятельный, веселый Ларри Старр. Они вместе учились в школе, одновременно окончили вуз и получили степени бакалавров, вместе вступили в Совет и совместно выполняли все задания. А затем Лаврентий Старр был повышен в должности и назначен на Венеру. Он, его жена и его четырехлетний сын направлялись на Венеру, когда их звездолет был атакован пиратским кораблем. Сейчас, годы спустя, Лаки, к несчастью, хорошо представлял себе, как выглядел последний час умирающего корабля. Во-первых, большинство бортовых силовых установок повреждено. Затем взрыв воздушных шлюзов и абордаж. Команда и пассажиры поспешно забираются в скафандры, чтобы предохранить себя от потери воздуха, когда падут воздушные шлюзы. Команда вооружается и ждет. Пассажиры, не надеясь на спасение, сгрудились во внутренних помещениях. Женщины плачут, дети кричат. Его отца, члена Совета, не было среди укрывшихся. Он был вооружен и сражался. Лаки был уверен в этом. Одно короткое воспоминание запечатлелось в его памяти. Отец, высокий, стройный мужчина, стоял с поднятым бластером, и на лице его было выражение холодного бешенства, когда дверь рубки управления упала внутрь в облаках черного дыма. А его мать, с мокрым, испачканным, но ясно различимым через щиток скафандра лицом, вталкивала его, четырехлетнего малыша, в маленькую спасательную шлюпку.

— Не кричи, Дэвид, все будет хорошо.

Эти слова, которые говорила его мать, он запомнил навсегда. Затем раздался грохот, и Лаки отбросило к стене. Его отыскали в спасательной шлюпке через два дня, когда услышали автоматический радиосигнал бедствия. Сразу после этого Правительство начало большую операцию против пиратов астероидов, а Совет преследовал их, сколько хватало сил. Пираты поняли, что атаковать и убивать членов Совета Наук — очень плохой бизнес. Каждый обнаруженный Советом астероид-укрытие был взорван в пыль, и угроза пиратства исчезла почти на двадцать лет Но каждый раз, когда

обнаруживали отдельный пиратский корабль, Лаки интересовался, не было ли на нем людей, которые убили его родителей. Но ему так и не удалось их найти. А сейчас угроза возродилась в менее ярком, но значительно более опасном обличьи. Пираты никогда не действовали в одиночку. Но сейчас их атаки на торговлю земли стали слишком уж хорошо организованы и спланированы. Более того, анализируя совершаемые ими налеты, Лаки пришел к выводу, что за всеми действиями пиратов можно уловить одно стратегическое направление, работу одного разума. Вот его-то, этот разум, он и должен был найти. Он еще раз посмотрел на измеритель энергии. Регистрируемое излучение было сейчас велико. Другой корабль находился на расстоянии, на котором космическая этика требовала обмена сообщениями об обоюдной принадлежности. Это значило также, что он находился на дистанции, на которой можно начать враждебные действия. Пол под Лаки вздрогнул. Но это не было взрывом снаряда, выпущенного с другого корабля, а отдачей уходящих спасательных шлюпок. Интенсивность регистрируемого излучения стала достаточно велика, чтобы включилось автоматическое управление ими. Еще щелчок. И еще. Пять раз. Он внимательно следил за приближающимся кораблем. Пираты часто расстреливали спасательные шлюпки, отчасти реализуя таким образом присущее им особое чувство юмора, а отчасти, чтобы предотвратить утечку информации о своем корабле, если атакуемые, по беспечности, ничего не передали по радио. Однако на этот раз корабль совершенно игнорировал спасательные шлюпки. Он вошел в поле зрения и выпустил магнитные захваты, которые прилипли к корпусу «Атласа», и оба корабля оказались связанными вместе. Их движение в пространстве стало единым. Лаки ждал. Он слышал, как открылся, а затем закрылся воздушный шлюз. Он услышал шарканье ног, звук снимаемых шлемов, а затем гул голосов. Но не двигался. Фигура человека появилась в двери. Шлем и перчатки были сняты, но все остальное скрывал слой льда. Со скафандром это случалось всякий раз, когда кто-либо входил из близкого к абсолютному нулю холода космоса в теплый, влажный воздух корабля. Но лед уже начал таять. Пират обнаружил Лаки, только шагнув в рубку управления. Он остановился и застыл с комическим выражением лица. У Лаки было время разглядеть редкие черные волосы, длинный нос и совершенно белый шрам, протянувшийся от ноздри к зубу-клыку и разделявший верхнюю губу на две неравные части. Лаки спокойно вынес удивленный, изучающий взгляд пирата. Он не боялся опознания. Активно работающие члены Совета всегда избегали известности, считая, что она может помешать им в работе. Лицо его отца было показано по телевидению только после смерти. С мимолетной горечью Лаки подумал, что, будь отец более известен при жизни, это могло бы предотвратить нападение пиратов. Когда же пираты поняли, кто такой Лаврентий Старр, отступать было уже поздно и нападение продолжалось. Лаки предупредил:

— У меня бластер. Но я воспользуюсь им только в том случае, если вы достанете свой. Не двигайтесь!

Пират открыл было рот, затем снова закрыл его.

Лаки сказал:

— Зовите же остальных!

Пират с подозрением покосился на бластер, но затем решительно крикнул:

— Черт побери, здесь забавный парень с револьвером!

В ответ раздался хохот, и чей-то голос громко произнес:

— Да брось ты!

Другой человек вошел в комнату.

— Посторонись, Динго,— сказал он. Его одежда выглядела совершенно неуместно на борту корабля. Казалось, она была из модного магазина готового платья в Международном Городе и удовлетворяла требования самых изысканных приемов на Земле. Шелковистая рубашка словно вышла из рук модного мастера. Плотно облегающие брюки хорошо гармонировали с ней, так же как и орнаментированный пояс. Он носил браслет, который соответствовал поясу и мягкому, небесно-голубому шейному платку. Его каштановые волосы были тщательно ухоженными. Он был на полголовы ниже Лаки, но его манера держаться говорила о том, что было бы большой ошибкой, глядя на этот пижонский костюм, считать его человеком мягкого характера. Вновь вошедший сказал весело:

— Меня зовут Антон. Не можете ли вы положить свое оружие?

Лаки сказал:

— И получить пулю?

— Вас могут обстрелять и с ним, но не сейчас. Мне хотелось бы сначала задать вам несколько вопросов.

Лаки не шелохнулся. Антон продолжил:

— Я держу свое слово. Многие считают это моей слабостью, но я твердо придерживаюсь этого.

Лаки положил бластер, и Антон поднял его и передал другому пирату.

— Спрячь это, Динго, и выйди отсюда.

Он повернулся к Лаки.

— Остальные пассажиры удрали в спасательных шлюпках, не правда ли?

Лаки сказал:

— Это, очевидно, ловушка, Антон.

— Капитан Антон, пожалуйста,— он улыбнулся, но ноздри его хищно раздулись.

— Понял. Думаю, что это ловушка, капитан Антон. Совершенно очевидно, что вам это было хорошо известно. На этом судне нет ни команды, ни пассажиров. И вы это знали задолго до того, как проникли на корабль.

— Как вы догадались об этом?

— Вы приблизились к кораблю, не подавая сигнала и без короткого предварительного обстрела. Вы сделали все с необычайной быстротой и ловкостью. Не обратили никакого внимания на уходящие спасательные шлюпки. Ваши люди вошли в корабль беспечно, словно не ожидали никакого сопротивления. Человек, кото-

рый обнаружил меня, вошел в рубку с бластером в кобуре. Отсюда нетрудно сделать вывод.

— Так. Отлично. Но что делали на безлюдном корабле вы?

— Я хотел встретиться с вами, капитан Антон.

Выражение лица пирата оставалось бесстрастным.

— Сейчас я перед вами.

— Но мы не наедине, капитан.

Антон стремительно оглянулся. Множество пиратов в небрежно расстегнутых скафандрах толпились в рубке, слушая их разговор с нескрываемым любопытством. Антон слегка покраснел и резко сказал им:

— Ступайте по своим делам, мерзавцы! Оставьте нас! Мне нравится разговаривать с этим типом. Ваше имя?

Бластер по-прежнему был направлен на Лаки.

— Вильямс, капитан.

— Вы рослый человек, Вильямс, и выглядите сильным. И тем не менее, стоит мне нажать курок, и вы умрете. Два человека и один бластер — вот секрет власти. Вы когда-нибудь думали о власти?

— Изредка.

— Только она делает жизнь стоящей, не так ли?

— Возможно.

— Я вижу, вы желаете побыстрее приступить к делу. Начнем. Почему вы здесь?

— Я слышал про пиратов.

— Мы люди астероидов, Вильямс. Нет другого названия.

— Мне это нравится. Я пришел присоединиться к людям астероидов.

— Вы льстите нам, но мой палец все еще на курке бластера. Почему вы хотите присоединиться к нам?

— Жизнь на Земле скучна, капитан. Человек, довольный собой, может обрести равновесие, став инженером или бухгалтером. Я мог бы даже управлять фабрикой или заседать на собраниях акционеров. Это не имеет значения. Все это рутина. Не будет ни неожиданностей, ни приключений.

— Вы философ, Вильямс. Продолжайте.

— Есть еще колонии, но меня не привлекает жизнь фермера на Марсе или оператора цистерн на Венере. Что привлекает меня, так это жизнь на астероидах. Ваша жизнь трудна и опасна, здесь человек может, подобно вам, достигнуть власти. Как вы сейчас сказали, власть придает жизни смысл.

— Итак, вы спрятались в пустом корабле?

— Я не знал, что он пустой. Я спрятался недалеко от него. Плата за законный проезд высока, и паспорта на астероиды в наши дни не выдаются. Я знал, что этот корабль входит в состав картографической экспедиции. Это было известно всем. Так же, как и то, что он направляется на астероиды. Я улучил момент, когда все занимались подготовкой к старту, а воздушный шлюз был открыт, мой товарищ отвлек внимание охранника — вот так я и оказался здесь. По моим расчетам мы должны были остановиться на Церере — там

обычно располагается база любой экспедиции на астероиды. Я надеялся, что сумею без труда уйти с корабля. Мне говорили, что экипаж набирают из астрономов и математиков. А с ними никаких хлопот: сорви с них очки — и они ослепнут, покажи бластер — и они умрут от страха. На Церере же я хотел найти людей астероидов и сойтись с ними поближе. Вот и все.

— Однако на корабле вас ждал сюрприз, не так ли?— спросил Антон.

— Да, на борту почему-то никого не оказалось. Но прежде чем я разобрался, что к чему, корабль стартовал.

— Но как вы объяснили себе все это?

— Да никак. Просто я очень удивился.

— Ну что ж. Попробуем разобраться во всем этом вместе — вы и я.

Он повел бластером и рявкнул:

— Пошли!

Вместе с главарем пиратов Лаки вышел из рубки в длинный корабельный коридор. Кучка пиратов вывалилась из двери по соседству. Они громко о чем-то переговаривались и сразу умолкли, увидев глаза Антона.

— Подойдите сюда,— приказал он им.

Они подошли поближе. Один из них, поглаживая седые усы, сказал:

— Никого больше нет на борту этого корабля, капитан.

— Хорошо. Что вы думаете об этом корабле?

Сначала их было четверо, но потом подошло еще несколько человек. Динго вышел вперед. Он снял скафандр, и Лаки теперь мог рассмотреть его как следует. Это было не слишком приятное зрелище. Динго был широким и тяжеловесным, его руки, слегка согнутые в локтях, висели как две огромных клешни, плечи нависали глыбой. На тыльной стороне пальцев росли пучки темных волос, а шрам на верхней губе подергивался. Его глаза свирепо уставились на Лаки.

— Мне здесь не нравится,— сказал он.

— Тебе не нравится корабль?— резко спросил Антон.

Динго колебался. Он выпрямил руки, отвел назад плечи.

— Он смердит.

— Почему? Почему ты это сказал?

— Я смог бы разобрать его на части консервным ножом. Его корпус сработан кое-как, он не продержится и трех месяцев. Спроси остальных, согласны ли они со мной.

Раздался согласный шепот. Человек с седыми усами сказал:

— Прошу прощения, капитан, но электропроводка требует замены. Изоляция давно почти выгорела. Это не стоящее дело.

— Все сварочные работы делались в большой спешке,— сказал другой.

— Как насчет ремонта?— спросил Антон.

— Это отнимет очень много времени.— ответил Динго.— Он того не стоит. В любом случае, мы не сможем сделать ремонт здесь. Мы должны будем доставить его на одну из скал.

Антон повернулся к Лаки и учтиво пояснил:

— Мы всегда называем астероиды — скалами. Понятно?

Лаки кивнул.

— Ясно. Мои люди чувствуют, что им не хотелось бы управлять этим кораблем,— сказал Антон.— Как вы думаете, что за выгода правительству Земли отправлять сюда пустой, построенный кое-как корабль?

— Ума не приложу. Это все больше удивляет меня,— пожал плечами Лаки.

— Тогда давайте закончим наш осмотр.

Антон пошел впереди. Лаки держался почти вплотную за ним. Остальные молча следовали сзади. Он чувствовал их взгляды своей спиной. Антон держался свободно, без всякой опаски. Видно, мысль о том, что Лаки может напасть на него, просто не приходила ему в голову. Конечно, он мог чувствовать себя спокойно: десять вооруженных мужчин следовали за ним по пятам. Вначале они осмотрели большие комнаты. Спланированные с максимальной экономией места, здесь находились вычислительный центр, малая обсерватория, камбуз и спальни. Потом по узкой круглой трубе соскользнули на нижний уровень. Псевдогравитационное поле внутри нее было нейтрализовано таким образом, что, по желанию, любое направление могло быть и верхом и низом.

Лаки спускался первым, Антон последовал за ним так стремительно, что едва не обрушился ему на спину. Твердые, тяжелые космические ботинки промелькнули всего в дюйме от лица Лаки. Ноги у него слегка подогнулись от внезапного нарастания веса. Он восстановил равновесие и с гневом обернулся назад. Антон, весело улыбаясь, стоял перед ним, и его бластер по-прежнему был направлен точно в сердце Лаки.

— Тысяча извинений,— сказал пират.— К счастью, вы достаточно проворны.

— Да,— пробормотал Лаки.

На нижнем уровне находилось машинное отделение, силовая установка и пустые места стоянки спасательных шлюпок. Здесь размещались запасы топлива, пищи, воды, регенераторы воздуха и атомная защита. Антон тихо сказал:

— Хорошо, что вы думаете про все это? Дешевка, возможно, но я не вижу никакого беспорядка.

— Трудно сказать.

— Но ведь вы должны были жить на этом корабле много дней?

— Конечно, но я не тратил времени на осмотр. Я просто ждал, пока корабль доставит меня куда-нибудь.

— Я понял. Хорошо, вернемся на верхний уровень.

Лаки опять первым двинулся «вниз» по трубе. На этот раз он легко приземлился и отпрыгнул в сторону с ловкостью кошки. Прошло несколько секунд, прежде чем Антон выскочил из трубы.

— Нервничаешь?— спросил он. Лаки вспыхнул. Один за другим появились пираты. Антон, не дожидаясь последних, снова вернулся в коридор.

— Знаете,— сказал он,— вы наверное думаете, что мы побы-

вали на этом корабле везде. Большинство так и сказало бы. Но вы этого не скажете?

— Нет, не скажу. Мы не были в душевой.

Антон глянул на него недовольно, и на мгновение любезность с его лица исчезла, осталась только тяжелая, белая ярость. Затем это кончилось. Антон пригладил растрепавшиеся волосы и с интересом осмотрел свои руки.

— Ладно. Давай осмотрим и ее.

Когда дверь душевой открылась, одни из пиратов даже присвистнули в знак одобрения, другие же грязно выругались.

— Очень недурно,— пробормотал Антон.— Даже изящно.

— Просто отлично. Я бы сказал, роскошно,— сказал Лаки чистую правду. Здесь было три изолированных душа с водопроводной системой, предназначенной для теплой мыльной воды и горячей или холодной чистой воды. Кроме того, свои услуги предлагали полдюжины умывальников цвета слоновой кости с местом для мытья головы, а также сушилка для волос и струйный стимулятор для кожи. Ничего не было упущено.

— Да-а,— протянул Антон.— Здесь нет никакой дешевки.— Хоть на космическую выставку. Не правда ли, Вильямс? Что вы скажете?

— Не знаю...

Улыбка Антона исчезла, словно вспышка от космического корабля, проносящегося в поле зрения.

— А я — знаю,— многозначительно протянул он.— Динго, сюда!

Антон опять повернулся к Лаки:

— Все очень просто, Вильямс. Перед нами корабль без единого человека на борту. Он построен в ужасной спешке, но его душевая сделана по последнему слову техники. Все в ней хорошо, а трубы так просто отличные. Почему бы это, а? Да потому, чтобы мы никогда не догадались, что одна из них — фальшивая... Динго, какая?

Динго пнул одну из них ногой.

— Да не пинай ты ее так, ублюдок! Разбери.

Динго не заставил себя долго ждать. Он быстро разрезал трубу микрорезаком и выдернул у нее изнутри проводку.

— Что это такое, Вильямс?— спросил Антон.

— Провода,— коротко ответил Лаки.

— Я это вижу, болван,— внезапно вспылил пират.— Но что это за провода? Зачем они здесь? Не знаешь? Я тебе скажу! Эти провода должны были взорвать корабль, как только мы доставили бы его на свою базу.

— Откуда вы это знаете?— нахмурился Лаки.

— Вы как будто удивлены? Вы не знали, что корабль — это просто большая ловушка. Не знали, что при этом гигантском взрыве вместе с базой должны были погибнуть и мы, люди астероидов? Нет, вы были уверены, что раз уж нам подсунули такую приманку, как вы, то Совету удастся легко одурачить нас? Так ведь? Только я-то не дурак!

Пираты подошли поближе. Динго облизывал свои изуродованные губы. Резким движением Антон поднял тяжелый бластер, и в его жестком взгляде не было ни следа жалости, ни намека на милосердие.

— Подождите! Великая Галактика, подождите! Я ничего этого не знал! Вы не имеете права застрелить меня просто так, без всякой причины,— Лаки напрягся для прыжка и последней схватки перед смертью.

— Не имею права?— сверкнув глазами, Антон неожиданно опустил бластер.— Как ты смеешь говорить, что я не имею права? Здесь я имею право делать все, что посчитаю нужным!

— Но зачем вам убивать хорошего парня, который может еще пригодиться. Людям астероидов, я думаю, нужны крепкие парни — не упускайте эту возможность!

Внезапно смутный ропот послышался оттуда, где стояли пираты. Чей-то голос пробасил:

— У него есть мужество, капитан. Возможно, мы могли бы использовать его...

Как только Антон оглянулся, голос тут же умолк. И он опять повернулся к Лаки.

— Ну, что скажешь, крепкий парень Вильямс? Что можешь ты предложить нам? Отвечай!

— Я готов схватиться с любым из вас. На кулаках или с каким-либо оружием.

— Вот как?— Антон ухмыльнулся.— Вы слышали это, парни?

Раздался одобрительный хохот.

— Да, это твой шанс, Вильямс. Любое оружие? Отлично! Выйдешь из этой переделки живым, я не пристрелю тебя, а наоборот — приму в состав своей команды.

— Даете слово, капитан?

— Да, я даю слово, и не нарушу его — если, конечно, ты выйдешь из этого поединка живым. Я никогда не нарушаю своего слова.

— С кем я буду сражаться?

— С Динго. Каждый, кто сумеет с ним справиться,— стоящий парень.

Лаки глянул на огромную гору костей и мускулов, что стояла неподалеку и хмуро поддакивала капитану, заметил огонек нетерпения в маленьких глазках, и ему стало страшно.

Стараясь не подать виду, он решительно спросил:

— Так каким оружием? Или, может, голыми кулаками?

— Каким оружием?— ухмыляясь, переспросил Антон.— Газовыми ружьями. В открытом космосе.

И тут невозмутимость, обычно присущая Лаки, едва не покинула его, когда он представил, что ему угрожает.

Антон улыбнулся.

— Ты опасаешься, что это не слишком достойное тебя испытание? Не бойся! Динго — лучший специалист по газовым ружьям во всей нашей команде.

У Лаки екнуло сердце. Для поединка на газовых ружьях тре-

бовалось быть специалистом. Это общеизвестно. Играть так, как он сражался в студенческие годы,— это спорт. Сражение профессионалов — это убийство. А он не был профессионалом.

Пираты столпились на внешней обшивке «Атласа» и их собственного, сирианитского корабля. Одни стояли, удерживаемые магнитным полем ботинок. Другие, для лучшего обозрения, парили свободно, удерживаясь на месте с помощью коротких магнитных якорей, прикрепленных к корпусу корабля. На расстоянии в пятьдесят миль были помещены два финишных столба из металлической фольги. Не более трех футов в длину и ширину в сложенном состоянии на борту корабля, они раскрыли тонкие бериллиево-магнитные паруса, в сотни футов каждый. Чистые и блестящие, они медленно вращались во все стороны, отражая лучи Солнца, и видны были на расстоянии в милю.

— Вы знаете правила,— голос Антона гремел в ушах Лаки и, вероятно, в ушах Динго тоже.

Лаки различал людей в скафандрах, находящихся на расстоянии в полмили, как освещенные солнцем пятна. Спасательная шлюпка, которая доставила их сюда, сейчас удалялась, возвращаясь к пиратскому кораблю.

— Вы знаете правила,— продолжал голос Антона.— Тот, кто будет отброшен к собственному финишному столбу, считается побежденным. Если же никто не будет отброшен,— проиграл тот, чьи газовые ружья выдохнутся раньше. Без ограничения времени. У вас есть пять минут на подготовку. Газовые ружья не использовать до тех пор, пока не будет команды.

Значит, положения вне игры не будет, думал Лаки. А без него поединок превращался просто в игру в поддавки. Газовая дуэль в общем-то была легальным видом спорта. Были в ней определенные и строго соблюдаемые правила. Так, проводить ее разрешалось не дальше ста миль от астероида не менее пятидесяти миль в диаметре. Он, хоть и слабо, но все же притягивал игроков. Это притяжение не сковывало их движений. Но если бы кто-нибудь из них очутился далеко в пространстве и без газа, а спасательного судна рядом не было, то в течение нескольких часов, в крайнем случае, одного-двух дней, человека, упрятанного в скафандр, неизбежно притягивало к поверхности астероида. Нужно было только сохранять спокойствие.

Но здесь на сотни тысяч миль вокруг такого астероида не было. И реальной становилась ужасная опасность: после толчка будешь лететь в пространстве бесконечно, пока не упадешь на Солнце. Но еще раньше, чем это произойдет, задохнешься, когда иссякнут запасы кислорода. Кроме того, при спортивной дуэли обычно договаривались, что как только игроки окажутся за некоей опасной линией, то есть «вне игры», их тут же возвращают на исходную позицию. Но в поединке с Динго положение «вне игры» не предусматривалось, и это означало, что сражаться они должны до смерти. В шлеме Лаки раздался громкий и повелительный голос Антона:

— До начала две минуты. Приведите в порядок свои сигналы.

Лаки поднял руку и замкнул выключатель, расположенный на

груди. Цветная металлическая фольга, которая была раньше сцеплена с его шлемом магнитным полем, начала вращаться. Это был финишный столб. Фигура Динго, мгновение назад казавшаяся только тусклым пятнышком, излучала теперь мерцающий красный свет. Лаки знал, что его собственный сигнал пульсирует зеленым светом. А финишные столбы были чисто белыми. Даже сейчас частью своего сознания Лаки все еще искал возможность ускользнуть из этой ловушки. Он попробовал сбить пиратов на самой начальной стадии этой страшной «дуэли».

— Вы знаете — все это меня устраивает,— сказал он.— Но в то время, как мы здесь дурачимся, правительственный патрульный корабль может ...

Антон презрительно хмыкнул:

— Об этом не стоит даже говорить. Ни у одного патрульного корабля не хватит мужества проникнуть так далеко в астероиды. У нас сто кораблей в пределах прямой связи, тысячи скал прикроют нас, если мы отступим. Думайте о себе.

Сотни кораблей! Тысячи скал! Если это было правдой, то пираты еще ни разу не показывали всех своих сил. Что же происходило?

— Осталась одна минута,— донесся через пространство голос Антона.

Лаки решительно поднял два своих газовых ружья. Это были Г-образной формы предметы: соединенные трубками из гибкой, резиноподобной ткани с укрепленными на поясе пирожкообразными газовыми цилиндрами, содержащими сжатую под большим давлением жидкую двуокись углерода. В прежние времена соединительные трубки оплетались металлической сеткой. Но это, хотя и увеличивало прочность, приводило к увеличению массы, а следовательно, и инерции газовых ружей. Когда была создана фторосодержащая кремнеорганика, которая оставалась гибкой, как резина, при температуре космического пространства и не размякала в прямых лучах солнца, этот легкий материал начали повсеместно использовать для соединительных шлангов. В газовых дуэлях самое главное было — как можно быстрей прицелиться и выстрелить.

— Огонь!— крикнул Антон.

И Динго выстрелил. Находящаяся в цилиндре сжиженная двуокись углерода вскипела в пламени горелки и вырвалась наружу через иглоподобное сопло газового ружья. Газ не более чем в шести дюймах от точки выхода замерзал в струю крошечных кристаллов. Даже за полсекунды, предусмотренные для выстрела, формировалась струя кристаллов в милю длиной. Она летела в одну сторону, Динго же отлетал в другую. Это был космический корабль в миниатюре. Три раза кристаллические струи вспыхивали и гасли в отдалении. Они летели в сторону от Лаки, а Динго поэтому с каждым разом приближался к нему все больше. Глазом было видно только слабое увеличение яркости сигнала на скафандре Динго. Но Лаки знал, что расстояние между ними сокращается с огромной скоростью. Чего Лаки не знал, правильна ли его стратегия — ожидание, присущее обороняющемуся. Он ждал, позволяя противнику проводить наступательные действия. Динго был уже достаточ-

но близко, были видны его голова, руки и ноги. Он не делал никаких движений, чтобы скоординировать свою траекторию, и, казалось, довольствовался тем, что держится на приличном расстоянии слева от Лаки. Лаки все еще ждал. Крики пиратов-зрителей, раздававшиеся в его шлеме, затихли. Они были далеко, видеть участников не могли и следили лишь за передвижением сигналов на скафандрах да за отблеском струй двуокиси углерода. Они чего-то ждут, подумал Лаки. Это произошло неожиданно. Одна струя двуокиси углерода, затем другая появились справа от Лаки. Он поднял свое газовое ружье, готовый рвануться вниз, чтобы избежать рукопашной. Наилучшей стратегией, думал он, будет двигаться так медленно и так мало, как только возможно, чтобы экономить двуокись углерода. Но Динго недолго двигался в сторону Лаки. Он выстрелил прямо перед собой и начал возвращаться. Лаки наблюдал за ним, и только потом заметил светящуюся полосу. Струя двуокиси углерода, которую выпустил Динго, двигалась вперед, но так как он одновременно смещался влево, эти два движения несли ее по направлению к Лаки, и она ударила его в левое плечо. Лаки ощутил это, как обрушившийся на него резкий удар. Кристаллы были мельчайшими, но они тянулись на мили в секунду. Скафандр Лаки вибрировал, и вопли зрителей звенели в его ушах.

— Динго, ты попал!
— Что за выстрел!
— Прямо на финишный столб, следите за ним!
— Прекрасно!
— Посмотрите, как вертится этот парень!

Были и другие приглушенные голоса, звучавшие не столь радостно. Лаки вращался, но ему казалось, что вращаются небеса и все звезды на них. Вокруг лицевого щитка его шлема звезды образовали белые полосы, словно они были триллионами сверкающих кристаллов двуокиси углерода. Он не мог ничего разглядеть, кроме бесчисленных пятен. На мгновение создалось впечатление, что этот удар начисто лишил его способности мыслить. Удар в диафрагму, затем в спину направили его, все еще вращающегося, в полет сквозь пространство. Он должен что-то предпринять, иначе Динго будет гнать его, словно футбольный мяч, из одного конца Солнечной системы в другой. Первым делом следовало прекратить вращение и определить свое местоположение. Он кувыркался по диагонали. Лаки направил газовое ружье в направлении, обратном вращению, и дал несколько коротких импульсов. Вращение звезд замедлилось, из белых полос они стали четкими точками. А кружащееся небо опять стало привычным небом космического пространства. Одна из звезд мерцала и была очень яркой. Лаки знал, что это его собственный финишный столб. Почти точно в противоположном направлении яростным красным цветом пылал сигнал Динго. Лаки не мог отступить за пределы финишного столба, так как тогда поединок закончится, и он погибнет. Попасть за пределы финишного столба означало завершение поединка. Но с другой стороны, он не мог позволить себе приблизиться к своему противнику. Лаки поднял свое газовое ружье, замкнул контакт и удерживал его в таком

положении. Он отсчитал целую минуту, прежде чем разорвал контакт, и в течение всех шестидесяти секунд двигался, ускоряясь в одном направлении. Это был отчаянный поступок — истратить получасовой запас газа за одну минуту. Динго, в нарушение правил, хрипло крикнул ему:

— Ты удрал, трус! Жалкий фигляр!

Крики зрителей также донеслись до него.

— Гляди, как он удирает!

— Он прорвался мимо Динго. Динго поймал его.

— Эй, Вильямс, принимай бой!

Лаки снова увидел малиновый сигнал своего врага. Он продолжал движение. Ему не оставалось ничего другого. Динго был мастером и мог без промаха попасть в проносящийся мимо однодюймовый метеорит. А он сам, с сожалением подумал Лаки, хорошо еще, если попадет в Цереру. Он пользовался своими газовыми ружьями поочередно. Левое, правое, затем опять правое, левое и снова правое. Но это ничего не дало. Динго словно наперед знал движения Лаки и неумолимо приближался, срезая углы. Лаки почувствовал, что его лоб покрыт испариной, и внезапно ощутил безмолвие космоса. Он не мог точно вспомнить момент, когда это случилось, но, похоже, что с обрывом связи. Секунду назад слышались хохот и вопли пиратов, и вдруг только мертвая пустота космоса, где никогда не раздавалось ни единого звука. Неужели он вышел за пределы связи с кораблем? Не может быть! Радиопередатчик скафандра, даже простейшего типа, мог поддерживать связь на расстоянии в тысячи миль. Он вывел находящуюся на груди шкалу чувствительности до максимума.

— Капитан Антон!

Но голос, который ответил ему, был грубым голосом Динго.

— Не ори, я слышу тебя!

Лаки сказал:

— Скажи, сколько времени. С моим радио что-то случилось.

Динго был достаточно близко, чтобы снова выглядеть как гуманоид. Вспыхнула линия кристаллов, и он подлетел еще ближе. Лаки рванулся прочь, но пират следовал за ним по пятам.

— Никаких неисправностей,— ответил наконец Динго.— Просто трюк с радио. Я ждал этого. Я мог бы давным-давно загнать тебя за финиш, но я ждал, пока откажет радио. Это просто маленький транзистор, который я вынул раньше, чем ты залез в свой скафандр. Тем не менее, ты можешь спокойно обращаться ко мне. Радио еще выдержит милю или две. По крайней мере, ты можешь обращаться ко мне еще некоторое время.— Он насладился своей шуткой и захохотал.

— Я не понял,— сказал Лаки.

— Ты поймал меня на судне с бластером в кобуре,— дал волю своей злости Динго.— Ты ставил мне ловушки здесь, ты сделал так, что я выглядел дураком. Никто и никогда не смел дурачить меня, выставлять дураком перед капитаном. Жить после этого слишком неприятно. Я не хочу, чтобы тебя прикончил кто-нибудь другой. Я прикончу тебя здесь сам, собственноручно.

Динго был очень близко. Лаки мог различить его лицо за тонким прозрачным пластиком лицевого щитка. Лаки оставил попытки маневрировать. Он понял, что это приводило только лишь к тому, что противник все время добивался преимущества своим более ловким маневром. Он подумал о прямом бегстве с возрастанием скорости до тех пор, пока у него хватит газа. Но что потом? Примирится ли он со смертью во время бегства? Нет, надо сопротивляться. Он нацелил на Динго газовое ружье, но, когда линия кристаллов пронеслась сквозь то место, где Динго был секундой раньше, его там уже не было. Лаки пытался попасть в него снова и снова, но Динго был словно летающий демон. А затем Лаки почувствовал сильный удар струи, выпущенной из газового ружья. И опять началось вращение. Он отчаянно пытался прекратить его, но услышал лязгающий звук прямого соприкосновения. Динго держал его скафандр в крепких объятиях. Шлем к шлему. Лицевой щиток к лицевому щитку. Лаки с удивлением смотрел на белым шрам, делящий верхнюю губу на две неравные части. Он напряженно растягивался, когда Динго улыбался.

— Привет, приятель,— ухмыльнулся он,— рад встретиться с тобой.

На мгновение Лаки показалось, что сейчас Динго уплывет прочь, так как железный захват его рук вдруг ослабел. Но бедра пирата прочно обвились вокруг коленей Лаки, их обезьянья сила лишила его подвижности. Напрягшиеся мускулы Лаки тщетно рвались в этой неравной борьбе. Частичное отступление Динго предназначалось только для того, чтобы освободить руки. Подняв свое газовое ружье, он вдруг обрушил внезапный и сокрушительный удар прямо на лицевой щиток скафандра Лаки. И голова того откинулась назад. Неумолимая рука пирата поднялась снова, в то время как другая обвилась вокруг шеи Лаки.

— Твоя голова еще держится,— прорычал пират.— Но я оторву ее.

Лаки знал, что так оно и случится, если только он не будет действовать, и очень быстро. Стеклопластик упруг и прочен, но он недолго сможет еще выдерживать такие удары. Он поднял закованную в рукавицу руку и стал отталкивать от себя голову Динго. Но тот, дернув плечом, легко освободился от руки Лаки и нанес ему новый удар. Тогда Лаки выпустил свои газовые ружья, которые повисли на шлангах, и решительно ухватился за соединительные шланги ружей Динго. Он пропустил их между пальцами своих стальных перчаток. Мускулы его рук напряглись в мучительном усилии, челюсти от напряжения сжались, и он услышал, как в висках молотом ударяет кровь. Динго, растянув изуродованные губы в улыбке радостного и одновременно свирепого ожидания, не заметил усилий Лаки. А гримасу усилия, исказившую его лицо, принял за свидетельство трусости и предсмертного страха, овладевшего его врагом. Он обрушил еще один удар на шлем Лаки, и в нем появилась маленькая трещина. Затем под руками Лаки что-то поддалось. И космос, казалось, в этот миг сошел с ума. Одна, и почти сразу же другая соединительные трубки газовых ружей Динго

порвались, и неконтролируемые потоки двуокиси углерода вырвались из поврежденных шлангов со страшной силой.

Они извивались, словно змеи. Лаки бросался от одного шланга к другому, подставляя свой скафандр под потоки двуокиси углерода в борьбе с сумасшедшим, неконтролируемым ускорением. Динго от неожиданности вскрикнул, и его объятия ослабели. Они почти отделились друг от друга, но Лаки решительно вцепился в лодыжку пирата. Поток двуокиси углерода уменьшился, и Лаки быстро и ловко вскарабкался на своего противника. Казалось, они теперь совершенно не двигались. Случайные биения потока уже не придавали им сколько-нибудь заметного вращения. Газовые ружья Динго, мертвые и бессильные, застыли в своей последней позиции. Все было совершенно неподвижным, таким же неподвижным, как смерть. Но это был всего лишь обман чувств. Лаки знал, что они пролетают за секунду несколько миль в том направлении, в каком их направил последний удар газовой струи. Они были совершенно одиноки. Двое затерянных в пространстве людей.

Лаки, сжимая бедрами бока Динго, сидел у него на спине. Он тихо и решительно произнес:

— Слушай меня внимательно, Динго. Я не знаю, где мы находимся и куда мы движемся, но и ты тоже. Так что сейчас мы друг другу необходимы. Готов ли ты заключить сделку? Ты сможешь выяснить, где мы, так как сумеешь связаться с кораблем по радио, но ты не в силах вернуться без двуокиси углерода. У меня ее хватит на обоих, но указывать направление будешь ты.

— Космос с тобой, болван,— прорычал Динго.— Когда я прикончу тебя, то получу твои газовые ружья.

— Не думаю, что сможешь это сделать,— спокойно ответил Лаки.

— Ты подумал, что сможешь опорожнить и их тоже? Давай! Начинай, болван. Что это даст? Капитан придет за мной, где бы я ни находился, а ты в это время будешь летать вокруг с разбитым шлемом и запекшейся на лице кровью.

— Не обязательно, друг мой. Ты знаешь, кое-что прижато сейчас к твоей спине. Возможно, ты не можешь почувствовать это сквозь металл, но уверяю, оно здесь.

— Газовое ружье. Ну и что? Это ничего не значит, пока мы держимся вместе.

Однако его руки прекратили судорожные попытки сбросить Лаки.

— Я не профессиональный дуэлянт на газовых ружьях,— весело произнес Лаки.— Но тем не менее, я знаю о них больше, чем ты. Выстрелами из газового ружья обмениваются на расстоянии в мили. Здесь нет воздуха, замедляющего и разрушающего газовую струю, но существует внутреннее сопротивление. Поток всегда турбулентен. Кристаллы сталкиваются и теряют скорость. Струя газа расширяется. Если она пролетит мимо цели, то расплывется в космосе и исчезнет, но если она попадет в цель, то лягнет, как мул, даже если пролетела целую милю.

— А о чем, космос побери, ты говоришь? Что ты виляешь?

Динго вырывался с бычьей силой, и Лаки с трудом удерживал его.

— Слушай меня внимательно,— продолжал Лаки.— Как ты думаешь, что произойдет, когда двуокись углерода попадет в цель, находящуюся в двух дюймах, прежде чем турбуленция сможет уменьшить ее скорость или размыть струю? Не догадываешься? Она, словно ракета, прошьет насквозь твой скафандр и тело тоже.

— Ты спятил! Ты говоришь, как псих!

Динго бешено ругался, но потом вдруг замер.

— Не веришь?— спросил Лаки.— Хорошо. Тогда попробуем. Мое газовое ружье прижато к твоему скафандру, и я нажимаю на курок. Идет?

— Ублюдок,— ругался Динго.— Ты нарушил правила дуэли.

— У меня трещина на лицевом щитке,— сказал Лаки.— Люди увидят, кто нарушил правила. Даю полминуты на размышление.

Секунды тянулись в молчании. Вдруг Лаки уловил движение руки Динго.

— Прощай, Динго,— сказал он.

— Подожди! Подожди!— завопил Динго.— Я как раз увеличивал дальность связи.— Затем он позвал:

— Капитан Антон ... Капитан Антон ...

Возвращение на корабль заняло полтора часа.

«Атлас» снова двигался в пространстве, следуя в кильватере за пиратским кораблем. Он был под контролем трех захвативших корабль пиратов. Как и раньше, на его борту находился один единственный пассажир — Лаки Старр. Лаки держали взаперти, в каюте, и он мог видеть членов экипажа только тогда, когда они приносили ему пищу. Пищу из запасов «Атласа», думал Лаки. Или, по крайней мере, из того, что осталось. Большая часть продуктов питания и то оборудование, которое не требовалось непосредственно для маневрирования, уже были перенесены на пиратский корабль. Первый раз пираты принесли ему еду втроем. Это были худые люди, загоревшие под безжалостными лучами космического Солнца. Они в полном молчании подали ему поднос, предусмотрительно обследовав каюту, и молча стояли, пока он открывал и подогревал консервы, а затем унесли остатки. Лаки сказал:

— Садитесь, ребята. Вы не должны стоять, пока я ем.

Они не ответили. Один из них, самый высокий и худой, с некогда сломанным носом, который так и остался свернутым набок, с остро выступающим кадыком, посмотрел на других так, словно был склонен принять предложение. Однако, он не встретил понимания. В следующий раз еду принес один Сломанный Нос. Он поставил поднос, вернулся к входной двери, выглянул в коридор, потом закрыл дверь и сказал:

— Я Мартин Манью.

Лаки улыбнулся:

— Я Билл Вильямс. Остальные не хотят со мной разговаривать, не так ли?

— Они друзья Динго. Но я — нет. Возможно, вы правительственный шпион, как думает капитан, а возможно, и нет. Я не знаю. Но то, что вы сделали с этим мерзавцем Динго, просто здорово. Он ушлый парень, и он играет грубо. Однажды, когда я был новичком, он втянул меня в драку на газовых ружьях и ни за что, ни про что чуть не вогнал в астероид. Без всякой причины. А потом сказал, что это была ошибка. Но, знаете, он никогда не ошибается в газовых дуэлях. Вы приобрели много друзей, когда притащили эту гиену, усевшись на неё верхом.

— Во всяком случае, я доволен этим,— улыбнулся Лаки.

— Но остерегайтесь его. Он никогда не забудет этого. Не оставайтесь с ним один на один даже через двадцать лет. Дело в том, что вы не только победили его, вы взяли его на пушку, сказав, что двуокись углерода может пройти сквозь дюйм металла. И теперь все потешаются над ним, а он страдает от этого. Лучше этой истории я ничего не знаю. Я очень надеюсь, что босс разрешит вам присоединиться к нам.

— Босс? Капитан Антон?

— Нет. Большой Человек. И вот что еще: продукты на вашем корабле отличные, еда что надо.— Пират громко причмокнул губами.— Забываешь вкус всего этого, пережевывая дрожжи, особенно, когда сам выращиваешь их в банке.

Лаки собрал остатки пищи.

— Кто он, этот парень?

— Какой парень?

— Босс.

Манью пожал плечами.

— О, космос! Неужели вы думаете, что я когда-нибудь встречался с ним? Просто наши говорили о нем. Значит, где-то он есть.

— Довольно сложная организация.

— Вы ничего не узнаете, пока не присоединитесь к нам. Знаете, я был совершенно разорен, когда пришел сюда. Я не знал, что делать, и думал: ну, хорошо, мы захватим несколько судов, я добуду капитал, и все кончится. Это все же было лучше, чем умирать от голода, как я тогда.

— Все оказалось по-другому?

— Я ни разу не участвовал в рейдах. Едва ли кто-нибудь из наших участвовал в них. Только такие, как Динго. Он любит это, негодяй. Обычно время от времени мы выходим и берем несколько женщин,— пират улыбнулся.— У меня есть жена и ребенок. Сейчас вы не верите мне, не так ли? Но уверяю вас, у нас есть свой собственный маленький дом. Иногда меня назначают дежурить, как например, сейчас. Это легкая жизнь. У вас будет такая же, если вы присоединитесь к нам. Такой человек, как вы, может получить жену раньше установленного срока. А если захотите, здесь есть и другие возможности. Да, сэр Билл. Я надеюсь, босс примет вас.

Лаки проводил его до дверей.

— Куда мы движемся? На базу?

— Я думаю, просто к одной из скал. К самой ближайшей. Вы

останетесь на ней до тех пор, пока сообщение достигнет цели. Так они обычно поступают.— Закрывая дверь, он добавил:

— Никому не проговоритесь о том, что я вам рассказывал. Ладно?

— Будь спокоен.

Оставшись один, Лаки в возбуждении потирал ладони. Босс? Было ли это просто выдумкой, легендой? Или действительно была какая-то важная персона? И что это за время для получения сообщения? Он должен ждать. Галактика! Если бы только Конвей и Генри сообразили, что самое главное сейчас — не вмешиваться. Лаки смог осмотреть скалу, к которой подошел «Атлас». Вслед за Мартином Манью и еще одним пиратом, которые его сопровождали, он вышел из воздушного шлюза в космос и увидел ее в ста ярдах внизу. Это был самый обыкновенный астероид. Вероятно, не более двух миль в диаметре. Он был угловатым и скалистым, словно какой-то великан оторвал вершину скалы и бросил ее в космос. Его обращенная к Солнцу сторона слабо светилась серовато-коричневым светом. Он отбрасывал движущиеся изломанные тени. А скорость его вращения была такой, что улавливалась даже простым глазом. Выйдя из воздушного шлюза, Лаки, согнув ноги, оттолкнулся от корабля и направил свое тело вниз, к поверхности астероида. Когда его руки коснулись грунта, инерция тела прижала его к поверхности и потащила по скале, пока он не ухватился за ее выступ и не остановился. Лаки поднялся. Вблизи скалы была почти полная иллюзия, что это планета. Однако за ближайшими острыми выступами не было ничего, кроме бесконечного пространства. Звезды, движение которых из-за вращения астероида было хорошо заметно, ярко блестели. Корабль, выведенный на орбиту вокруг астероида, неподвижно висел над головой. Пираты подвели Лаки к находившейся примерно в пятидесяти шагах возвышенности, ничем не отличавшейся от остальных. Когда они подошли, часть скалы плавно скользнула в сторону, и из отверстия появилась фигура в скафандре.

— Привет, От,— буркнул один из пиратов.— Он остается на твое попечение.

Голос, который прозвучал вслед за этим, был мягким и отнюдь не усталым.

— Как долго он пробудет со мной, джентльмены?

— Пока мы не прилетим за ним, и не задавай лишних вопросов.

Пираты повернулись и прыгнули вверх. Притяжение скалы не могло удержать их. Они постепенно уменьшались, и через несколько минут Лаки увидел сверкающую линию кристаллов, когда один из пиратов корректировал направление полета с помощью газового ружья, которое входило в стандартное снаряжение скафандра. Запас газа для него хранится во встроенном в скафандр патроне. Вскоре двигатели на хвосте корабля засветились красным светом, и он стал уменьшаться. Лаки знал, что не имело никакого смысла определять направление, в котором уходил корабль, так как не знал, где находится сейчас сам. Где-то в поясе астероидов. Но где? Он

так погрузился в свои мысли, что голос стоявшего рядом с ним человека заставил его вздрогнуть.

— Здесь, снаружи, прекрасно,— сказал человек.— Я выхожу так редко, что забываю об этом. Посмотрите сюда!

Лаки повернулся налево. Маленькое Солнце только что вышло из-за острой грани астероида и стало таким ярким, что было больно смотреть. Оно напоминало двадцатикредовую золотую монету. Небо оставалось черным, и звезды сияли по-прежнему. В безвоздушных мирах, где нет пыли, рассеивающей солнечный свет и окрашивающей небеса в голубой цвет, это была обычная картина. Человек с астероида сказал:

— Через двадцать пять минут оно зайдет. Когда Юпитер подходит ближе, его тоже видно. Он похож на маленький шарик со своими четырьмя спутниками, которые, словно крохотные бриллианты, выстраиваются один за другим.

Лаки резко спросил:

— Тот парень назвал вас От. Это что, ваше имя? Вы один из них?

— Вы раздумываете, пират я или нет? Нет. Но, возможно, я их пособник. И мое имя не От. Это просто кличка, которой они награждают всех отшельников. Меня зовут Джозеф Патрик Хансен, и так как мы некоторое время будем делить тесное жилище, то, надеюсь, станем друзьями.

Он протянул руку в металлической перчатке, и Лаки пожал ее.

— Я — Билл Вильямс,— сказал он.— Вы говорите, что вы отшельник. Значит, вы живете здесь один?

— Да, это так.

Лаки обвел взглядом неплодородные обломки гранита и кварца и нахмурился.

— Здесь не слишком-то привлекательно.

— Тем не менее, я попытаюсь создать для вас вполне сносные условия.

Отшельник прикоснулся к скале, из которой он вышел, и часть ее снова повернулась, открываясь. Лаки заметил, что края ее были скошены и обиты вакуумной резиной, чтобы избежать утечки воздуха.

— Не хотите войти, мистер Вильямс?— пригласил отшельник.

Каменная плита закрылась за ними. И сразу же вспыхнула маленькая флюоресцентная лампа. Стал виден небольшой воздушный шлюз, немногим больший, чем нужно для двух человек. Внезапно замерцал маленький красный сигнал, и отшельник сказал:

— Сейчас уже можно открыть лицевой щиток. Здесь есть воздух.

И первый подал пример. Лаки тоже открыл шлем, втянул в легкие чистый свежий воздух. Лучше, чем воздух на борту корабля. Но когда распахнулась внутренняя дверь, он застыл от изумления.

Лаки даже на Земле редко видел такие роскошные комнаты. В ней было тридцать шагов в длину, двадцать в ширину и тридцать в высоту. Поверху шла галерея. Стены сверху донизу были заставлены книгофильмами. Кроме того, проектор, установленный на спе-

циальном основании, был самой дорогой в Галактике модели. Комната освещалась только отраженным светом. Войдя в комнату, Лаки сразу же ощутил воздействие псевдогравитационных установок. Они были настроены не на земную силу тяжести. Судя по ощущениям, она была где-то между земной и марсианской. Появлялось ощущение удивительной легкости, но притяжение было достаточным, чтобы сохранить координацию мускульных усилий. Отшельник снял скафандр и повесил его над белым пластмассовым желобом, куда капала вода, образующаяся при таянии инея, который толстым слоем покрыл скафандр, когда они вошли из холодного пространства в теплый, влажный воздух комнаты. Человек с астероида держался прямо, он был высок, с розовым, без морщин лицом. Но его кустистые брови и волосы были совершенно седыми, а на тыльной стороне рук виднелись набухшие вены. Он вежливо спросил:

— Могу ли я помочь вам снять скафандр?

Лаки очнулся:

— У вас здесь хорошо,— он поспешно разделся.— Просто замечательно.

— Вам нравится?— улыбнулся Хансен.— Много лет ушло на то, чтобы устроить все таким образом. Но это еще не весь мой маленький дом,— добавил он с гордостью.

— Да, все это не просто,— ответил Лаки.— Здесь должна быть силовая установка для освещения и отопления, а также для создания псевдогравитационного поля. У вас должны быть очиститель и регенератор воздуха, запасы пищи, воды и многое другое.

— Это так и есть.

— Отшельникам совсем неплохо живется.

Отшельник явно был удовлетворен.

— Не всегда,— сказал он.— Садитесь, Вильямс, садитесь. Не хотите ли чего-нибудь выпить?

— Нет, благодарю вас,— Лаки опустился в кресло. Его обычные с виду сидение и спинка скрывали пластичное диамагнитное поле, которое прогибалось под тяжестью сидящего в нем тела.— Но, может быть, у вас найдется чашечка кофе?

— Конечно!— Хансен направился к нише. Вскоре он вернулся с двумя дымящимися благоухающими чашками. Хансен коснулся носком ножки кресла, в котором сидел Лаки, его ручка превратилась в узкий столик, и отшельник поставил на него одну из чашек в соответствующее углубление. Сделав это, он замер, пристально разглядывая молодого человека. Лаки поднял глаза.

— Да?

Хансен покачал головой.

— Ничего, ничего.

Они сидели друг против друга. Лампы в дальних концах комнаты погасли, круг света падал теперь только на них.

— А теперь, если вы простите любопытство старого человека,— сказал отшельник,— я хотел бы узнать, зачем вы прибыли сюда?

— Я не прибыл, меня привели,— ответил Лаки.

— Вы хотите сказать, что вы не один из ... — Хансен сделал паузу.

— Нет, я не пират, по крайней мере пока.

Хансен поставил чашку и внимательно взглянул на Лаки.

— Может, я что-то не так сказал?

— Не беспокойтесь. Я прибыл сюда, чтобы стать одним из них.

Лаки допил свой кофе, и затем, тщательно подбирая слова, начал рассказ с того, как он проник на борт «Атласа» на Луне.

Хансен внимательно слушал.

— И вы уверены в том, что вы хотите именно этого, и что жизнь пиратов вам понравится?

— Уверен.

— Но ради Земли, почему?

— Ради Земли, а что она сделала для меня? Она не место для жизни. А почему вы сами удалились сюда?

— Это долгая история. Но не пугайтесь, я не собираюсь исповедоваться. Достаточно сказать, что я приобрел этот астероид довольно давно, как место для проведения недолгих отпусков, и он полюбился мне. Я увеличил размер помещения, мало-помалу доставил с Земли обстановку и книгофильмы и в конце концов обнаружил, что здесь у меня есть все необходимое. Так почему не остаться здесь насовсем, спросил я себя. И остался на астероиде. А почему бы и нет? Вернуться и застать здесь беспорядок? Слишком много рутинной работы. Почти невозможно улететь на другую планету, а если и удастся — это означает простой физический труд. Другой возможности нет, остается только уйти на астероид.

— Но я еще не так стар, чтобы устроиться так, как вы. А для молодого парня здесь, у пиратов, свободная и увлекательная жизнь. Кроме того, есть возможность стать боссом.

— Каждому, кто уже стал боссом, не понравится молодой парень с мыслями босса в голове. Например, Антону. Я знаком с ним и знаю это.

— Возможно, но до сих пор он держал свое слово,— возразил Лаки.— Он сказал, что, если я сумею победить Динго, то получу возможность присоединиться к людям астероидов. Это похоже на шанс.

— Но пока вы здесь, вот и все. А если он вернется с доказательством, что вы агент правительства?

— Этого не будет.

— А если будет? Едва ли вы тогда спасетесь.

Лицо Лаки помрачнело. Хансен, нахмурившись, не сводил с него глаз.

— Он не сделает этого,— сказал Лаки.— Я могу ему пригодиться, и он знает это. Кроме того, почему вы отговариваете меня? Вы же сами пособничаете им.

— Это правда,— Хансен опустил взгляд.— Но не бойтесь меня. Я не причиню вам вреда. Что-то я сегодня слишком разговорчив, видно просто наслаждаюсь звуками голосов. Послушайте, уже время обедать. Я буду рад, если вы отобедаете со мной. Или же просто побеседуем, о чем захотите.

— Хорошо, мистер Хансен, спасибо. Не волнуйтесь.

Лаки пошел с Хансеном в небольшую кладовую, заполненную консервами и концентратами различных продуктов. Их фабричные марки были ему совершенно незнакомы. Вместо описания содержимого на каждой жестянке были вытравлены яркие цветные изображения, являющиеся составной частью металла. Хансен сказал:

— Чтобы пища не портилась, я пользуюсь специальной холодильной камерой. Как вы знаете, низкую температуру можно получить в любом месте астероидов, но вот уже два года, как я отказался от такой возможности.

Хансен отобрал на полках с полдюжины банок и сосуд с концентрированным молоком. А Лаки он попросил взять с нижней полки сосуд с водой. Отшельник быстро накрыл стол. Банки были самоподогревающегося типа, с вдавленными в них консервными ножами. Хансен, показывая на банки, сказал с нескрываемой гордостью:

— Здесь, на астероиде, есть целая долина, до краев заполненная такими штуками. Это отбросы. Накопилось за двадцать лет.

Пища была вкусной, но странноватой. Она была сделана из дрожжей, которые производились только Земной Конфедерацией. Однако, проблема заселения Галактики была настолько неотложной, а люди так многочисленны, что дрожжевая культура все еще развивалась. На Венере, где выращивалась большая часть дрожжевых продуктов, научились имитировать почти все виды продуктов: мясо, орехи, масло, конфеты. Они были столь же питательны, как и настоящие. Однако, по мнению Лаки, эти консервы были не венерианскими. Чувствовался определенный привкус.

— Извините мое любопытство,— сказал он,— но все это требует денег, не так ли?

— О да, у меня есть капиталовложения на Земле, довольно солидные. Мои чеки всегда оплачиваются, по крайней мере, оплачивались всего два года назад.

— Что произошло потом?

— Грузовые суда перестали приходить. Из-за пиратов. У меня большие запасы всего необходимого, но я представляю, как трудно другим.

— Другим?

— Другим отшельникам. Нас сотни. И не все так удачливы, как я. Очень немногие могут сделать свои убежища такими же комфортабельными, но они умеют обходиться самым необходимым. Это обычно такие же, как и я, старики, их жены умерли, дети выросли, и они настолько чужие миру, что предпочли одиночество. Если у них есть небольшие сбережения, они могут выбрать небольшой астероид. Любой астероид меньше пяти миль в диаметре ваш, если вы хотите на нем поселиться. Вы можете приобрести субэфирный передатчик, и у вас будет связь со всем миром. Если же нет, можно взять книгофильмы или получать копии газет, которые раз в год привозит сюда грузовой корабль. А имея все это, можно есть, отдыхать, спать и ждать смерти, если вам угодно. Иногда мне хочется познакомиться с кем-нибудь из них.

— Почему же вы не делаете этого?

— С ними не так-то легко подружиться. Ведь в конце концов они пришли сюда, чтобы побыть в одиночестве, как и я.

— Да, но что вы сделали, когда перестали приходить грузовые корабли?

— Вначале ничего. Я был твердо уверен, что правительство скоро наведет здесь порядок, у меня было достаточно припасов. Я мог растянуть их на целый год. Но затем появились пиратские корабли.

— И вы связали свою судьбу с ними?

Отшельник пожал плечами, нахмурился, и они закончили трапезу молча. После еды он собрал банки, тарелки и ножи и вложил их в контейнер, размещенный в нише стены, которая вела в кладовую. Лаки услышал неприятный скрежещущий звук трущегося металла, который быстро затих.

— Внутри передающей трубы нет псевдогравитационного поля. Немного воздуха и отходы выносятся за милю отсюда в долину, про которую я вам говорил.

— Мне кажется,— сказал Лаки,— что если дать немного больше воздуха, то вы совсем избавитесь от этих банок.

— Да, можно было бы. Я думаю, большинство отшельников так и поступает. Тем не менее, мне это не нравится, это излишняя трата воздуха, да и металла тоже. Возможно, я когда-нибудь использую эти банки, кто знает? Кроме того, большая часть банок рассеивается в пространстве, но некоторые будут кружиться вокруг астероида, словно маленькие луны. Очень неприятно двигаться по орбите в сопровождении собственных отходов. Хотите закурить? Нет? Не будете возражать, если я закурю?

Он зажег сигарету и удовлетворенно продолжал:

— Люди астероидов не могут поставлять табак регулярно, так что для меня курение стало редким удовольствием.

— Они поставляют вам все остальные припасы?

— Да. Воду, запасные части, заменяют изношенные силовые установки. Это — сотрудничество.

— А что вы для них делаете?

Отшельник долго изучал горящий конец сигареты.

— Нет так уж много. Они используют этот мирок. Они приземляются здесь, а я никому не сообщаю об этом. Они не появляются здесь, а что они делают в другом месте скалы, не мое дело. Это безопасно. Иногда они оставляют здесь людей, вроде вас, а затем подбирают их. Я уверен, что они останавливаются здесь для небольшого ремонта. На обратном пути они оставляют мне припасы.

— Снабжают ли они всех отшельников?

— Я не знаю. Возможно.

— На это требуется огромное количество припасов. Где они их берут?

— Они захватывают корабли.

— Недостаточно для содержания сотен отшельников и их самих. Мне кажется, для этого им следует захватить огромное множество кораблей.

— Не знаю ...

— Вы не интересовались? Вы спокойно здесь живете? Продукты с корабля, а замороженные трупы его команды вращаются вокруг какого-нибудь астероида, словно человекоподобный мусор? Вы не задумывались об этом?

Отшельник мучительно покраснел.

— Вы отомстили мне за мою проповедь. Вы правы, но что я могу сделать? Я не отказался от правительства и не изменил ему. Это оно бросило меня и предало. За мое имущество на Земле я плачу налоги. Почему же меня не защитили? Я честно зарегистрировал этот астероид в Земном Бюро Внешних Миров. Это часть Земных владений. Я имею право рассчитывать на защиту от пиратов. Если помощь не пришла, если мой источник снабжения заявил мне, что ни за какую цену не сможет больше меня снабжать, то что я должен был делать? Вы можете сказать, что я мог бы вернуться на Землю, но как я мог бросить все это? У меня здесь свой собственный мир. Фильмокниги, в основном классики, которых я люблю. У меня есть даже копии Шекспира, переснятые с подлинных страниц древних печатных книг. У меня есть питье, пища, уединение. Нигде во вселенной мне не будет так хорошо, как здесь. И все же, не думайте, что было легко выбирать. У меня есть передатчик. Я мог бы связаться с Землей. У меня есть небольшой корабль, способный совершить короткий рейс к Церере. Люди астероидов знают об этом, но они верят мне. Они знают, что у меня нет выбора. Да, я говорил вам, когда мы встретились впервые, де-факто я сообщник. Я помогаю им. По-закону это делает меня пиратом. Если я вернусь, то меня должны будут заключить в тюрьму, а возможно и казнить. Если же меня освободят, сделав свидетелем обвинения, то люди астероидов не забудут этого. Они найдут меня везде, где бы я ни спрятался, разве только если бы я всю жизнь находился под правительственной охраной.

— Да, вы в незавидном положении,— сказал Лаки.

— Я?— спросил отшельник.— Возможно, с должной помощью, я смогу получить хорошую защиту.

Пришла очередь Лаки смутиться. Он сказал:

— Не понимаю.

— Я полагаю, вы поймете.

— Но все же я вас не понимаю.

— Послушайте, я дам вам совет, а вы за это поможете мне.

— Вряд ли мне это по силам. Но что же это за совет?

— Отбыть с астероида прежде, чем Антон и его люди вернутся.

— Ни в коем случае. Я прибыл сюда для того, чтобы присоединиться к ним, а не удирать домой.

— Если вы не уйдете, то останетесь здесь навсегда. Останетесь трупом. Они не включат вас в свой экипаж. Вы, мистер, не давали присяги.

Лицо Лаки исказилось от гнева.

— О чем ты говоришь, старик?

— Ну вот, опять. Когда ты сердишься, я вижу явное сходство.

Сынок, ты не Билл Вильямс. В каком ты родстве с Советником Наук Лаврентием Старром? Ты сын Старра?

Глаза Лаки сузились. Он почувствовал, как напряглись мускулы его правой руки, словно она потянулась к правому бедру, где однако на этот раз не было бластера. На самом же деле он даже не шевельнулся. По-прежнему контролируя свой голос, Лаки сказал:

— Чей сын? О ком вы говорите?

— Я уверен в этом.— Отшельник, нагнувшись вперед, в искреннем порыве взял Лаки за руку.— Я хорошо знал Лаврентия Старра. Он был моим другом. Он помог мне, когда я в этом нуждался. А ты его копия. Я не мог ошибиться.

Лаки отнял руку.

— Это не имеет смысла.

— Послушай, сынок, возможно для тебя очень важно, чтобы тебя не опознали. Возможно, ты не доверяешь мне. Ладно, я не уговариваю тебя довериться мне. Я сотрудничаю с пиратами и признаю это. Но в любом случае, выслушай меня. У людей астероидов хорошая организация. Возможно, это займет недели, но если Антон заподозрил тебя, то он не остановится до тех пор, пока не выудит истину. Фальшивыми историями их не одурачишь. Они добьются правды и узнают, кто ты на самом деле. Уходи, говорю тебе, уходи.

Лаки сказал:

— Но если все это так, то, помогая мне, не навлечете ли вы беду на себя? Ведь вы хотите, чтобы я воспользовался вашим кораблем?

— Да.

— А что вы будете делать, когда вернутся пираты?

— Меня здесь не будет. Не понимаете? Я хочу уйти с вами.

— И бросить все это?

Старик колебался.

— Да. Это тяжело. Но у меня больше никогда не будет такой возможности. Вы, должно быть, влиятельный человек. Может быть, даже член Совета Наук, а здесь на секретной работе. Они доверяют вам, и вы сможете защитить меня, поручиться за меня. Вы можете предотвратить судебное дело, преследование, проследить, чтобы пираты не добрались до меня. Это будет выгодно Совету, молодой человек. Я расскажу им все, что я знаю о пиратах. Я помогу вам в борьбе с ними.

— Где вы держите свой корабль?— спросил Лаки.

— Значит, сделка заключена?

Корабль был действительно невелик. Одев скафандры, они добрались до него гуськом по узкому проходу.

— Достаточно ли близко Церера, чтобы ее можно было увидеть в корабельный телескоп?— спросил Лаки.

— Да.

— Вы можете ее найти?

— Конечно.

— Тогда давайте поднимемся на борт корабля.

Вершина скалы, которая служила кораблю ангаром, открылась, как только были включены двигатели.

— Радиоуправление,— пояснил Хансен.

Корабль был заправлен горючим и снабжен продовольствием. Двигатели работали плавно, а корабль поднимался в космос с такой легкостью, которая возможна только там, где почти отсутствует гравитационное поле. В первую очередь Лаки осмотрел астероид Хансена из космоса. Он уловил блеск долины с использованными банками. Они блестели сильнее, чем поверхность окружающих скал.

— Скажи мне теперь, ты сын Лаврентия Старра или нет?— спросил Хансен.

Лаки увидел кобуру с заряженным бластером в контейнере и подпоясался, прежде чем ответить.

— Мое имя — Дэвид Старр. Многие зовут меня — Лаки.

Церера — это монстр среди астероидов. Ее диаметр — около пятисот миль, и, стоя на ее поверхности, средний человек весит два фунта. Она почти шарообразной формы Находясь неподалеку от нее, Цереру можно принять за значительную планету. Однако, даже если бы все земляне были очень тощими, хватило бы не больше четырех тысяч тел, чтобы заполнить весь ее объем. Бигман стоял на поверхности Цереры в непомерно раздутом скафандре, сапогах на свинцовых подошвах в фут толщиной. Это было его собственное изобретение, но оно почти ничего не меняло. Он все еще весил меньше четырех фунтов и при каждом движении мог взвиться в космос. Он находился на Церере уже несколько дней, куда прилетел с Луны вместе с Конвеем и Генри, и теперь ждал, когда Лаки сообщит по радио о своём прибытии. Августас Генри и Гектор Конвей очень волновались, они опасались гибели Лаки, и это их мучило. Но он, Бигман, знал, что Лаки выберется живым и невредимым из любой переделки, и постоянно твердил им об этом. Когда сообщение от Лаки наконец пришло, он повторил им это опять. Но тем не менее здесь, на замороженной почве Цереры, где между звездами и ним ничего не было, он признался себе, что, получив от Лаки сообщение, испытал чувство огромного облегчения. С места, где он стоял, было хорошо видно здание обсерватории, лишь ее нижние уровни скрывались за близким горизонтом. Это была крупнейшая обсерватория во владениях Земли. Дело в том, что в той части Солнечной Системы, которая находится внутри орбиты Юпитера, планеты Венера, Земля, Марс имели атмосферу, из-за которой было трудно вести астрономические наблюдения. Воздух, даже такой разреженный, как на Марсе, вызывал размазывание мелких деталей. Изображения звезд мерцали и колебались, что, как правило, приводило к искажению картины. Наибольшим безатмосферным объектом внутри орбиты Юпитера являлся Меркурий, но так как он располагался очень близко к Солнцу, то обсерватории в его сумрачной зоне специализировалась на наблюдениях Солнца. Для этого было достаточно относительно небольших телескопов. Вторым по величине безатмосферным объектом была Луна. И вновь местоположение диктовало характер астрономических наблюдений. Например, долговременный прогноз погоды стал точной наукой с тех пор, как стало возможным наблюдать сразу всю атмосферу Земли с расстояния

в четверть миллиона миль. Третьим по величине безатмосферным объектом, причем самым удобным, была Церера. Почти полное отсутствие силы тяжести легко позволяло отливать гигантские линзы и зеркала, не рискуя их погубить, не задумываясь об их прогибе под собственным весом. Для телескопов не требовалось особой прочности. Церера находилась в три раза дальше от Солнца, чем Луна, и сила солнечного света была здесь в восемь раз меньше. Из-за быстрого вращения температура поверхности Цереры оставалась почти постоянной. Короче говоря, она была идеальным местом для наблюдения за звездами и внешними планетами. Только днем раньше Бигман наблюдал Сатурн через тысячедюймовый рефлекторный телескоп, шлифовка громадного зеркала которого потребовала двадцать лет непрерывного кропотливого труда.

— Что я вижу через него?— спрашивал он у людей, обслуживающих телескоп.

— Вы ничего не видите,— отвечали они, смеясь.

Трое из них осторожно регулировали ручки настройки, каждый координируя свои действия с двумя другими до тех пор, пока телескоп не был настроен. Слабое красное освещение еще более потускнело, и в черной пустоте углубления, вокруг которого они сидели, появилось пятнышко света. Прикосновение к ручкам настройки — и изображение сфокусировалось. Бигман присвистнул от изумления. Это был Сатурн! Это был Сатурн, точно такой же, каким он видел его из космоса. Его тройные кольца ярко блестели, и можно было увидеть три, словно сделанные из мрамора, луны. Небо за ним было усыпано многочисленными звездами. Бигман хотел обойти вокруг изображения и посмотреть, как будет выглядеть планета с пересекающей ее ночной тенью, но картина при движении не менялась.

— Это просто изображение,— объяснили ему,— иллюзия. Вы видите одно и то же, независимо от того, где стоите.

Сейчас с поверхности астероида Бигман мог бы опознать Сатурн невооруженным глазом. Он казался белым пятнышком, но более ярким, чем другие светящиеся точки, которые были звездами, и выглядел вдвое ярче, чем на Земле, так как был на двести миллионов миль ближе. Сама Земля находилась в другой части неба, около похожего на горошину Солнца. И вид у нее был не очень-то впечатляющим, Солнце только подчеркивало ее малые размеры. Внезапно в шлеме Бигмана раздался голос, который зазвучал из оставленного включенным приемника.

— Эй, коротышка, пошевеливайся, подходит корабль.

Бигман подпрыгнул и взвился вверх, дрыгая конечностями. Он крикнул:

— Кто из вас назвал меня коротышкой?

Но в ответ услышал смех.

— Эй, малыш, не много ли на тебе груза, чтобы заниматься полетами?

— Я покажу вам,— неистово вопил Бигман. Он достиг вершины параболы и начал медленно спускаться вниз.

— Как твое имя, умник? Скажи свое имя, и я вобью тебе его в глотку, когда вернусь и сниму скафандр.

— Думаешь, что ты сможешь вбить мне что-нибудь в глотку?— пришел насмешливый ответ, и Бигман, наверное, взорвался бы от ярости, если бы не уловил взглядом корабль, косо опускающийся за горизонтом. Он заскакал гигантскими, неуклюжими прыжками по сглаженному участку поверхности астероида, пытаясь угадать место, где приземлится корабль. И вот он опустился, его сопла легко коснулись астероида. Когда воздушный шлюз открылся, и показалась высокая, одетая в скафандр фигура Лаки, Бигман, вопя от радости, сделал один гигантский прыжок, и они оказались вместе. Конвей и Генри были менее экспансивными в своих приветствиях, но не менее счастливы. Каждый из них сжимал руку Лаки так, словно желал убедиться, что он живой, из плоти и крови. Лаки рассмеялся:

— Эй, вы что? Дайте мне вздохнуть. В чем дело? Вы думали, что я уже не вернусь?

— Послушай,— сказал Конвей,— ты бы лучше советовался с нами, прежде чем вытворять такие глупые трюки.

— Ладно. Но если это только глупые трюки, то вы сейчас не будете мне мешать.

— И не думай. Я хочу помешать тебе. Я имею право арестовать тебя сейчас же. Я могу на время отстранить тебя от дел. Могу выгнать тебя из Совета.

— Кого вы призовете сделать это?

— Никого из тех, кого ты ругал, молодой космический дурень. Но однажды я могу проверить твои умственные способности.

Лаки повернулся к Августасу Генри.

— Вы помешаете ему, не так ли?

— Сказать откровенно, я помогу ему.

— Тогда я сдаюсь. Посмотрите, здесь находится джентльмен, с которым вам, по-моему, следует побеседовать.

До сих пор Хансен оставался в тени, явно забавляясь их встречей. Два старых члена Совета были слишком поглощены Лаки Старром, чтобы заметить его.

— Доктор Конвей,— представил их друг другу Лаки.— Доктор Генри. Это мистер Джозеф Хансен — человек, чьим кораблем я воспользовался, чтобы вернуться. Он оказал мне значительную помощь.

Старый отшельник пожал руку двум ученым.

— Я не подумал о том, что вы, возможно, знаете Конвея и Генри,— сказал Лаки. Отшельник отрицательно покачал головой.

— Ладно,— продолжал Лаки,— они важные должностные лица Совета Наук. После того, как вы поедите и отдохнете, они побеседуют с вами, и я уверен, помогут вам.

Часом позже два члена Совета с мрачным выражением лица сидели против Лаки. Доктор Генри спокойно курил, слушая рассказ Лаки о его приключениях среди пиратов.

— Вы рассказали это Бигману?— спросил Генри.

— Я только что потратил на это целый час,— ответил Лаки.

— Он не побил тебя за то, что ты не взял его с собой?

— Это не доставило ему удовольствия,— признал Лаки.

Но мысли Конвея были серьезней.

— Так корабль был сирианской конструкции?— задумчиво пробормотал он.

— Без сомнения,— ответил Лаки.— По крайней мере, хоть это мы знаем наверняка.

— Эта информация не стоит риска,— сухо ответил Конвей.— Меня гораздо больше интересует другое. Очевидно, что сирианиты проникли в Совет Науки.

Генри мрачно кивнул головой.

— Да, я тоже так думаю. Очень плохо.

— Но почему вы пришли к такому выводу?— спросил Лаки.

— Мальчик, это очевидно,— проворчал Конвей.— Я признаю, что так как мы использовали на этом корабле большое количество строителей, то даже при самых строгих мерах предосторожности, утечка информации могла иметь место. Правда, о наличии минуловушки и, в особенности, о ее местонахождении и способе ее активирования было известно только членам Совета и далеко не всем. Кто-то в этой небольшой группе — шпион, хотя до сих пор я мог бы поклясться, что все они заслуживают доверия.— Он покачал головой.— Тем не менее, ничего другого я не могу предположить.

— Вы не должны так думать,— сказал Лаки.

— О, почему же?

— Потому, что связь с сирианитами была временной. Посольство Сириуса получило эту информацию от меня. Я сделал это не сам, конечно, а через одного из известных агентов,— Лаки рассказывал, а два старика уставились на него, потрясенные до изумления.

— Я не совсем понимаю тебя,— тихо сказал Генри.

— Это было необходимо. Я хотел внедриться в ряды пиратов. Если бы они обнаружили меня на корабле, который они приняли бы за картографический, то немедленно пристрелили бы меня. С другой стороны, если бы пираты обнаружили меня на заминированном корабле, секрет которого они узнали настолько случайно, что это выглядело подарком судьбы, то приняли бы меня за безбилетного пассажира. Не понимаете? На картографическом судне я выглядел бы просто членом команды, не удравшим вовремя. На корабле-ловушке, я был бы несчастный лопух, который не представлял себе, куда он забрался.

— Они могли пристрелить тебя в любом случае. Они могли заподозрить тебя в обмане и принять за шпиона. Что они едва и не сделали.

— Правда! Они чуть не сделали это,— сказал Лаки.

Конвей, наконец, пришел в себя.

— А как же первоначальный план? Собирались мы или не собирались взорвать одну из баз? Когда я думаю о времени, затраченном на реконструкцию «Атласа», о деньгах, что ушли на него ...

— Что хорошего в уничтожении одной из их баз? Мы обсуж-

дали уничтожение гигантского ангара пиратов, но, на самом деле, это были пустые мечты. Организации, базирующиеся на астероидах, должны быть децентрализованы. Пираты, уверен, не держат больше трех-четырех кораблей в одном месте. У них просто не хватает места для большего их количества. Взрыв трех или четырех кораблей — это ничто по сравнению с тем, чего бы я достиг, проникнув в их организацию.

— Но ты не смог этого сделать,— сказал Конвей.— Со всем твоим дурацким риском — не смог.

— К сожалению, капитан пиратов, захвативших «Атлас», оказался слишком недоверчивым, или возможно, слишком умным. В следующий раз я буду помнить, что недооценивать их опасно, а пока не все еще потеряно. Мы узнали, что за пиратами стоит Сириус. К тому же у нас мой друг — отшельник.

— Он не поможет нам,— сказал Конвей.— Из всего, что ты о нем рассказал, ясно, что он старался иметь дело с пиратами как можно реже. Так что же он может знать?

— Возможно, что он может рассказать нам гораздо больше, чем сам подозревает,— невозмутимо ответил Лаки.— И благодаря этому я смогу опять попытаться проникнуть внутрь пиратской организации.

— Ты не уйдешь туда снова,— поспешно сказал Конвей.

— Я и не собираюсь,— сказал Лаки.

Глаза Конвея сузились.

— Где Бигман?

— На Церере. Не волнуйтесь зря,— тень пробежала по лицу Лаки,— он уже должен быть здесь, задержка начинает меня беспокоить.

Джон Бигман использовал свой спецпропуск, чтобы проникнуть мимо охраны к двери контрольной Башни. Быстро идя по коридорам, он что-то бормотал себе под нос. Слабый румянец оттенял чистоту лица с приплюснутым носом, а рыжеватые волосы торчали пучками, словно колючая изгородь. Лаки часто говорил ему, что он специально выращивает вертикально торчащие волосы, чтобы казаться выше, но он энергично отрицал это. Последняя дверь в Башне открылась, когда он пересек луч фотоэлектрического датчика. Он вошел внутрь и огляделся. На дежурстве было трое. Один из них, в наушниках, дежурил около станции космической связи, другой находился за пультом вычислительной машины, а третий сидел у изогнутого экрана радара.

— Кто из вас, ослы, назвал меня коротышкой?— спросил Бигман.

Человек у радиостанции сдвинул левый наушник.

— Кто вы? Какого черта вы сюда ворвались?

Бигман выпятил грудь.

— Мое имя Джон Бигман Джонс. Мои друзья зовут меня Бигман. Все остальные зовут меня просто Джонс. Никому еще не удавалось назвать меня коротышкой и при этом остаться невредимым. Я хочу знать, кого из вас угораздило сделать это?

Человек в наушниках сказал:

— Мое имя Лем Фикс. Ты можешь как угодно ругать меня, но только не здесь. Убирайся отсюда, или я спущусь вниз, ухвачу тебя за ногу и вышвырну вон.

Парень за вычислительной машиной вмешался:

— Эй, Лем, это тот помешанный, что вот уже несколько дней то и дело слоняется по порту. Пусть охранники вышвырнут его. Нет смысла тратить на него время.

— Чокнутый,— сказал Лем Фикс.— Для этого парня нам не нужны охранники.

Он совсем снял наушники и переключил радиостанцию на автоматический режим.

— Ладно, сынок, раз ты пришел сюда и задал нам щекотливые вопросы в изысканной форме, то я дам тебе исчерпывающий ответ. Я назвал тебя коротышкой, но подожди, не бесись, у меня на это были причины. Ты, конечно, похож на настоящего высокого парня. Чтобы посмешить своих друзей, я и назвал тебя коротышкой.

Он сунул руку в боковой карман и достал сигареты.

— Спустись сюда,— завопил Бигман,— спустись сюда и подкрепи кулаками свое чувство юмора.

— Спокойней, спокойней,— смеясь, ответил Фикс.— Здесь парнишка, имеются сигареты, королевский сорт, знаешь ли. Почти такие же длинные, как ты. Мысли об этом, возможно, вызовут некоторое замешательство. Мы не способны определить, то ли ты куришь сигарету, то ли сигарета курит тебя.

Бигман побагровел. Слова с трудом слетали с его губ.

— Так вы не хотите драться!

— С большой охотой покурю. Сожалею, что вы не присоединитесь к нам.

Фикс откинулся на спинку кресла, взял сигарету и держал ее перед глазами, словно любуясь ее белизной.

— Кроме того, я не могу утруждать себя дракой с ребенком.

Он широко улыбнулся и поднес сигарету к губам, но вдруг обнаружил, что она исчезла. Его большой и указательный палец все еще занимали свои позиции приблизительно в трех восьмых дюйма друг от друга, но сигареты между ними не было.

— Будь начеку, Лем, у него игольное ружье,— сказал человек у экрана.

— Не игольное ружье,— ответил Бигман,— а всего лишь буззер.

Между ними было серьезное различие. Снаряды буззера, хотя и иглоподобные, были мягкими и не взрывались. Они использовались для учебных стрельб в человека, в человеческую кожу. Игла буззера не могла причинить серьезных повреждений, но вызывала дьявольскую боль. Улыбка Фикса мгновенно исчезла. Он крикнул:

— Осторожно, ты, безмозглый дурак. Ты можешь этим ослепить человека.

Кулак Бигмана оставался сжатым на уровне глаз. Тонкое дуло буззера торчало между средними пальцами. Он сказал:

— Я не ослеплю тебя. Но я могу устроить, что ты месяц не сможешь сесть. И как можешь видеть, мой прицел неплох. А ты,

— он через плечо указал на человека у ЭВМ,— если подвинешься хоть на дюйм ближе к сигналу тревоги, то получишь иглу буззера прямо в руку.

— Чего ты хочешь?— спросил Фикс.

— Слезь сюда и дерись.

— Против буззера?

— Я спрячу его. Кулаки. Честная драка. Твои приятели смогут проследить за этим.

— Я не могу ударить парня, который настолько меньше меня.

— Тогда тебе не следовало и оскорблять меня,— Бигман поднял буззер.— Я не слабей тебя. Возможно, я выгляжу так внешне, но внутренне я такой же большой, как ты. Можешь быть, даже больше. Я считаю до трех,— прицеливаясь, он прищурил один глаз.

— Галактика!— выругался Фикс.— Я спускаюсь. Парни, будьте свидетелями: меня вынудили силой. Я постараюсь не слишком сильно повредить этого идиота.

Он спрыгнул со своего сидения под самым потолком, а человек у вычислительной машины занял его место у радиостанции. У Фикса было пять футов, десять дюймов росту, на восемь дюймов выше Бигмана. Худощавое тело марсианина больше походило на мальчишеское, на первый взгляд в нем не было ничего от зрелого мужчины. Но мышцы Бигмана напоминали стальные пружины, а его реакция была мгновенной. Он почти равнодушно ждал приближения противника. Фикс не заботился о защите. Он просто вытянул вперед правую руку, чтобы схватить Бигмана за шиворот и вышвырнуть во все еще открытую дверь. Но Бигман ловко поднырнул под нее. Его левая, а затем и правая рука, одна за другой стремительно ударили стоящего перед ним верзилу в солнечное сплетение. Звук был глухим, словно он колотил бочку. И в ту же минуту коротышка отскочил в сторону. Фикс позеленел, застонал и, держась за живот, опустился на пол.

— Эй ты, каланча, вставай,— крикнул ему Бигман.— Я жду тебя.

Двое других в башне от неожиданности застыли, выпучив глаза. Фикс медленно поднялся. Его лицо горело от ярости, но приближался он к своему противнику теперь куда осторожней. Бигман отступил на шаг. И тут Фикс нанес наконец удар! Но кулак его пролетел в двух дюймах от противника. Он тут же резко ударил правой, вложив в этот удар всю свою злость. Но и этот выпад закончился в дюйме от подбородка коротышки. Бигман приседал, отклонялся, пританцовывал, покачивался, как поплавок на покрытой рябью воде. Отклоняя удар, подставлял руку. Фикс бессвязно орал, слепо кидаясь на своего, похожего на комара противника. Бигман шагнул в сторону и резко хлопнул открытой ладонью по гладко выбритой щеке Фикса. Удар сопровождался резким звуком, похожим на удар метеорита о первые атмосферные слои планеты. На щеке Фикса выступили красные отпечатки четырех пальцев. На мгновение он остановился, словно жалящая змея, но Бигман снова ринулся вперед, и его кулак взметнулся вверх, стукнув Фикса по подбородку,

и тот, согнувшись, опустился на пол. Внезапно Бигман услышал звенящий вдали равномерный сигнал тревоги. Без малейшего раздумья он повернулся на пятках, выскочил за дверь, грохоча, промчался мимо стоящих в конце коридора встревоженных стражей и удрал!

— А зачем, собственно,— задал вопрос Конвей,— мы ждем Бигмана?

— Он ключ к нынешней ситуации,— сказал Лаки.— Мы ни в чем не нуждаемся так сильно, как в сведениях о пиратах. Я имею в виду сведения, полученные изнутри их организации. Я постараюсь получить их, а обстоятельства не исключают совершенно иной путь, которым я хотел бы воспользоваться. Я сейчас меченый человек. *Они знают меня. Но они не знают Бигмана. Он не имеет официальной* связи с Советом. Моя нынешняя идея состоит в том, что если мы сумеем сфабриковать против него уголовное дело, то, чтобы избежать его, он сможет покинуть Цереру на корабле отшельника.

— О, космос!— простонал Конвей.

— Послушайте, он вернется на астероид отшельника. Если пираты там, отлично! Если нет, он оставит корабль на виду и будет ждать в помещении отшельника. Это вполне комфортабельное место для ожидания.

— А когда они появятся,— сказал Генри,— они пристрелят его.

— Они не захотят, их заинтересует, где он взял корабль отшельника. Они захотят узнать, куда девался Хансен, ничего не сказав про меня, откуда прилетел Бигман, как он завладел кораблем. Они захотят обо всем этом узнать. Это даст ему время убедить их.

— И объяснить, каким образом он выбрал астероид Хансена из всех скал мироздания. Это будет принято как невероятное совпадение.

— Это ни у кого не вызовет удивления. Корабль отшельника находится на Церере, а это все объясняет. Я договорился, чтобы он оставался без охраны, так что Бигман сможет захватить его. Он отыщет в бортовом журнале пространственно-временные координаты того астероида, который был портом корабля. Это будет такой же подходящий для него астероид, как и любой другой, расположенный неподалеку от Цереры, и он направится туда, чтобы выждать, пока шум на Церере утихнет.

— Это рискованно,— проворчал Конвей.— Бигман знает это. И скажу вам прямо, мы имеем право рискнуть. Земля так сильно недооценивает опасность, которую представляют собой пираты, что ...— он прервал свою речь на полуслове, так как вдруг лихорадочно замигал световой сигнал на устройстве связи.

Конвей выпрямился и нетерпеливым движением включил анализатор сигнала.

— Это длина волны Совета и один из шифров Совета для района Цереры,— сказал он.

На малом видеоэкране над связным устройством появились

быстро перемещающиеся характерные светящиеся светлые и темные узоры. Конвей вставил в узкую щель на связном устройстве осколок металла, который он выбрал среди таких же осколков в своем бумажнике. Это был кристаллический дешифратор, активная часть которого состояла из мельчайших кристалликов вольфрама особой формы, вкрапленных в алюминиевую основу. Он особым способом фильтровал радиосигнал. Конвей медленно, то проталкивая дешифратор в щель, то вытаскивая наружу, настраивал его до тех пор, пока он не стал точно соответствовать шифратору, вставленному в передатчик, такому же по структуре, но обратному по функциям. В момент полного согласования происходила внезапная, резкая фокусировка на экране.

— Бигман!— Лаки вскочил.— Где ты?

Маленькое лицо Бигмана расплылось в лукавой улыбке.

— Я в космосе, в сотне тысяч миль от Цереры. Я на корабле отшельника.

Конвей яростно прошептал:

— Ты опять схитрил? Не ты ли говорил, что он на Церере?

— Я думал, что он здесь,— сказал Лаки. И закричал:

— Бигман, что случилось?

— Ты говорил, что мы должны действовать быстро, так что я сам все устроил. Один из умников в Центральной Башне предоставил мне эту возможность. Я слегка поколотил его и удрал.— Он рассмеялся.— Позвоните в Дом охраны и узнаете, что против парня, похожего на меня, выдвинуто обвинение в нанесении побоев человеку, находящемуся на дежурстве.

— Это не самая лучшая твоя выходка,— сердито сказал Лаки.— Тебе будет трудно убедить людей астероидов, что ты способен кого-либо избить. Я не хочу оскорблять твои чувства, но ты выглядишь маленьким для этого.

— Я свалю нескольких,— возразил Бигман,— и они поверят мне. Но я вызвал тебя не поэтому.

— А почему?

— Как я попаду на этот астероид?

Лаки нахмурился:

— Ты смотрел бортовой журнал?

— Великая Галактика! Я смотрел везде, даже под матрацем. Нигде нет ничего, напоминающего координаты.

Во взгляде Лаки отразилось беспокойство.

— Это более чем странно. Слушай, Бигман,— резко и быстро сказал он.— Уравняй свою скорость со скоростью Цереры. Дай мне свои координаты по отношению к ней и сохраняй их, что бы ни случилось, пока я не скажу. Ты сейчас слишком близко к Церере, чтобы пираты могли заняться тобой. Но если ты удалишься, то можешь оказаться в опасном положении. Ты слышишь меня?

— Ясно. Я понял тебя. Дай мне вычислить мои координаты.

Лаки записал их и прервал связь.

— О, космос, я никак не могу научиться помнить о случайностях, которые путают все карты,— произнес он.

Генри сказал:

— Можешь ли ты предложить что-либо лучше, чем приказать Бигману вернуться? Это лучше всего в том отчаянном положении, в котором он очутился, и до тех пор, пока у тебя нет координат, оставь это дело.

— Отказаться?— спросил Лаки.— Отказаться от единственного астероида, который, мы это точно знаем, является пиратской базой? Вам известен какой-нибудь другой такой астероид? Это наша единственная путеводная нить.

— Он подчеркнул главное, Августас,— сказал Конвей.— Это база.

Лаки быстро переключил тумблер на интеркоме и стал ждать. Наконец, раздался заспанный, но встревоженный голос Хансена.

— Алло! Алло!

Лаки быстро сказал:

— Это Лаки Старр, мистер Хансен. Извините, что беспокою вас, но мне хотелось бы, чтобы вы спустились сюда, в комнату мистера Конвея, как можно быстрее.

После небольшой паузы отшельник нерешительно ответил:

— Хорошо, но я не знаю дороги.

— Охранник, стоящий у вашей двери, проводит вас. Я свяжусь с ним. Сможете вы уложиться в две минуты?

— Во всяком случае в две с половиной,— весело ответил Хансен. Это звучало куда бодрее.

— Хорошо, жду!

Хансен был точен. На мгновение Лаки задержался у открытой двери. Он обратился к охраннику.

— Не было ли на базе сегодня вечером каких-нибудь происшествий? Например, нападений?

Охранник с удивлением посмотрел на него.

— Да, сэр, нападение было. Но человек, получивший повреждения, отказался выдвигать обвинения. Он заявил, что это была честная драка.

Лаки закрыл дверь. Он сказал:

— Это понятно. Ни один нормальный мужчина не захочет подняться в помещение охраны и признать, что парень такого размера, как Бигман, избил его. Я позднее вызову их к представителям администрации и во что бы то ни стало заставлю изложить обвинение на бумаге, для протокола... Мистер Хансен.

— Слушаю вас, мистер Старр.

— У меня есть вопрос, ответ на который не хотелось бы доверять системе интеркома. Назовите мне координаты вашего астероида. Конечно, временные и пространственные.

Хансен изумленно посмотрел на Лаки, его фарфорово-голубые глаза округлились.

— В это трудно поверить, но я не знаю их.

Лаки твердо посмотрел ему в глаза.

— В это действительно трудно поверить, мистер Хансен. Я полагаю, вы должны знать ваши координаты так же хорошо, как житель планеты должен знать свой домашний адрес.

Отшельник опустил глаза и тихо сказал:

— Я думаю, вы правы. Это действительно мой домашний адрес. Однако, я его не знаю.

— Если этот человек преднамеренно...— вскипел Конвей.

— Подождите минутку,— прервал его Лаки.— Потерпите немного, если хотите, чтобы мистер Хансен объяснил нам это.

Они стали ждать, что скажет отшельник. Координаты различных тел в Галактике были жизненно необходимы для проведения космических полетов. Они выполняли ту же функцию, что линии параллелей и меридианов на двумерной поверхности планеты. Но поскольку пространство имеет три измерения, и тела в нем движутся по разному, эти координаты были более сложными. В первую очередь требовалось выбрать стандартную точку отсчета. В Солнечной системе за нее обычно принимали Солнце. Основываясь на этой точке отсчета, было необходимо знать три координаты. Первой было расстояние до объекта или позиция в пространстве относительно Солнца. Второй и третьей координатами были углы, определяющие положение объекта относительно воображаемой линии, соединяющей Солнце с центром Галактики. Если эти координаты, независимо измеренные для трех моментов времени, были известны, то можно было рассчитать траекторию движения тела и, следовательно, его положение относительно Солнца для любого момента времени. Корабли могли вычислить свои собственные координаты относительно Солнца или, если это было более удобно, относительно ближайшего крупного небесного тела, где бы они не находились. Например, на лунных линиях, где корабли летали только с Земли на Луну и обратно, за точку отсчета обычно принимали Землю. Можно было вычислить и координаты Солнца относительно Галактического центра и Главного Галактического меридиана, но они имели значение только для межзвездных полетов. Вероятно именно об этом и думал отшельник, сидя перед тремя, внимательно наблюдающими за ним членами Совета. Внезапно Хансен сказал:

— Да, я могу объяснить.

— Мы ждем,— сказал Лаки.

— В течение пятнадцати лет у меня не было благоприятного случая воспользоваться координатами. В течение двух лет я вообще не покидал свой астероид, а поездки, которые я совершал раз или два в год ранее, были короткими. На Цереру или Весту за теми или иными припасами и обратно. Когда я совершал их, я пользовался локальными координатами, рассчитанными для данного момента времени. Я никогда не делал записей, так как не нуждался в них. Я отсутствовал день, два, максимум три, за это время скала не могла уйти далеко. Она двигалась в том же направлении, что Церера и Веста, немного медленнее, когда была дальше от Солнца, чем они, и немного быстрее, когда была ближе. Когда я возвращался в рассчитанную мною точку, моя скала могла дрейфовать в десятках или даже сотнях тысяч миль от первоначального положения, но все равно достаточно близко, чтобы найти ее с помощью корабельного телескопа. И я всегда мог скорректировать свой курс. Я никогда не пользовался стандартными Солнечными координатами, а потому и не имел их.

— Из того, что вы говорите,— сказал Лаки,— следует, что сейчас вы не можете вернуться на свою скалу. Или, прежде чем мы покинули ее, вы рассчитали координаты локально?

— Я не подумал об этом,— уныло сказал отшельник.— Прошло так много времени с тех пор, как я покинул ее, а мне даже в голову не пришло задуматься об этом. И если бы вы не спросили меня...

— Постойте, постойте,— произнес Генри. Он раскурил трубку и глубоко затянулся.— Возможно, я ошибаюсь, мистер Хансен, но когда вы оформляли право собственности на ваш астероид, вы должны были представить заявку в Земное Бюро Внешних Миров. Это правда?

— Да,— сказал Хансен,— но это просто формальность.

— Возможно, я не спорю. Тем не менее, там должны быть указаны координаты вашего астероида.

Хансен подумал, затем покачал головой.

— Я боюсь, что нет, доктор Генри. У них есть только набор моих стандартных координат на первое января того года. Это словно кодовый номер в случае возникновения споров о праве собственности. Их, кроме этого, ничего не интересует, а вы не сможете рассчитать орбиту, имея только один набор координат.

— Но у вас у самого разве не было орбитальных данных? Лаки рассказывал, что вначале вы проводили на астероиде свой ежегодный отпуск. Так что вы каждый год как-то ухитрялись находить его.

— Это было пятнадцать лет тому назад, доктор Генри. Да, у меня были эти данные. И они есть где-то в записных книжках, оставшихся на скале, но я забыл их.

Лаки сказал:

— Сейчас у нас больше нет к вам вопросов, мистер Хансен. Охранник проводит вас в вашу комнату, а когда вы нам опять понадобитесь, мы дадим вам знать. И, мистер Хансен,— добавил он, когда отшельник уже поднялся,— если вам посчастливится вспомнить координаты, сообщите нам.

— Обещаю, мистер Старр,— серьезно сказал Хансен.

Трое снова остались одни. Лаки потянулся к системе связи.

— Включи меня на передачу,— сказал он.

Голос служащего из Центра Связи спросил:

— Не вам ли было предыдущее сообщение, сэр? Я не смог расшифровать его и подумал...

— Вы сделали правильно. Передачу, пожалуйста.— Он настроил шифратор и воспользовался координатами Бигмана для проведения узконаправленного передатчика.

— Бигман,— сказал он, когда лицо его друга появилось на экране,— открой бортовой журнал.

— Лаки, у тебя есть координаты?

— Все еще нет. Ты открыл журнал?

— Да.

— Есть ли там обрывок бумажного листа? Он должен быть исписан расчетами.

— Подожди. Да, он здесь.

— Помести его перед передатчиком. Я хочу его видеть.

Лаки положил перед собой лист и скопировал записи.

— Отлично, Бигман, убери его. Теперь слушай. Оставайся на месте. Понял меня? Оставайся на месте, что бы ни случилось, пока не услышишь меня. У меня все.

Он повернулся к двум старикам.

— Я вел корабль от скалы отшельника, корректируя курс на глаз. Я корректировал курс два или три раза, пользуясь корабельным телескопом и ручными инструментами для проведения расчетов.

Конвей кивнул головой.

— Я полагаю, сейчас ты хочешь, проведя обратный расчет, получить координаты скалы.

— Это можно довольно легко сделать, в особенности, если воспользоваться обсерваторией Цереры.

Конвей медленно поднялся.

— Я ничем не могу помочь, возможно, и ты не многого добьешься, но доверяюсь твоей интуиции. Пошли в обсерваторию.

Коридоры и эскалаторы привели их к поверхности астероида, находящейся в полумиле над служебными помещениями Совета Наук. Здесь было холодно. С тех пор, как появилась обсерватория, температуру старались поддерживать постоянной, приблизив ее, по возможности к температуре поверхности. Молодой техник медленно и тщательно распутывал вычисления Лаки, вводя их в ЭВМ и тщательно контролируя операции. Генри, сидя в неудобном кресле, казалось, пытался извлечь тепло из своей трубки, потирая ее чашеобразное углубление своими большими, костлявыми пальцами.

— Я надеюсь, это что-нибудь даст,— сказал он.

— Да, остается только надеяться,— ответил Лаки. Он откинулся назад и задумчиво уставился на противоположную стену.

— Послушайте, дядюшка Гектор, некоторое время назад вы сослались на мою интуицию, это вовсе не интуиция, ни в малейшей степени. Действия пиратов сейчас резко отличаются от тех, с которыми вы столкнулись двадцать лет назад.

— Их корабли труднее поймать или уничтожить, если я правильно понял твою мысль,— сказал Конвей.

— Да, но не кажется ли вам странным, что их действия ограничены только поясом астероидов? Что только здесь, в астероидах, они решаются нападать на торговые корабли Земли?

— Они стали осторожнее. Двадцать пять лет назад, когда пираты заняли все подступы к Венере, мы вынуждены были перейти в наступление и уничтожить их. Сейчас они рассеялись в астероидах, и правительство не решается тратить большие средства на борьбу с ними.

— Так далеки их владения, так дорого стоит летать туда,— сказал Лаки.— Но как они умудряются сами снабжать себя? Всегда считалось, что пираты нападают не для своего удовольствия, а чтобы захватить корабли, пищу, воду и другие припасы. Казалось бы, что все это необходимо им сейчас более, чем когда-либо.

Капитан Антон похвалялся передо мной сотней кораблей и тысячью миров. Возможно, он лгал, чтобы произвести на меня впечатление, но он действительно нашел время для дуэли на газовых ружьях, открыто дрейфуя в пространстве в течение нескольких часов, словно совершенно не боялся появления правительственных кораблей. Кроме того, Хансен говорил, что пираты присвоили миры отшельников, используя их стоянки. Здесь сотни миров отшельников. Если пираты имеют дело со всеми ними, или даже с большинством из них, это также означает огромную организацию. Где они берут продукты, чтобы содержать огромную организацию и, одновременно, совершать меньше налетов, чем двадцать пять лет назад? Член их экипажа, Мартин Манью, рассказывал мне о женщинах и семьях. Он называл себя человеком с баком. Вероятно, он выращивает дрожжи. У Хансена были на астероиде дрожжевые продукты питания, и это не венерианские дрожжи. Я знаю вкус венерианских дрожжей. Сложите все это вместе. Они выращивают собственные продукты питания на маленьких, расположенных в астероидах фабриках. Они могут получать двуокись углерода из известняка, а воду и кислород со спутников Юпитера. Машины и силовые установки они, возможно, импортируют с Сириуса или захватывают, когда время от времени все-таки совершают свои рейды. Рейды кроме того пополняют их сообщество новыми мужчинами и женщинами. Видимо, используя их, Сириус создает независимое от нас правительство. Он прибирает к рукам недовольных землян и формирует из них широко разветвленную организацию, и ее будет трудно или даже невозможно уничтожить, если мы будем слишком долго медлить. Вожаки, такие как капитан Антон, станут очень влиятельными и охотно отдадут половину владений Земли Сириусу, если смогут сами овладеть второй половиной.

— Это сооружение слишком большое,— Конвей покачал головой,— а его фундамент из фактов, которыми ты располагаешь, слишком маленький. Ведь их очень немного. Я сомневаюсь, что мы сможем убедить правительство. Ты же знаешь, что Совет Наук сам по себе может не многое. К несчастью, у нас нет своего флота.

— Да, вот поэтому мы нуждаемся в большом количестве информации. Если, пока они все еще не готовы, мы сможем выявить их важнейшие базы, захватить их вожаков, раскрыть их связи с Сириусом...

— Полностью?

— Мое мнение, что большая часть пиратов не имеет с ними ничего общего. Я убежден, что «человек астероидов», используя их собственное название, в массе не захочет стать марионеткой Сириуса. Может, он затаил обиду на Землю. Он, вероятно, считает, что был обманут или обижен Землей, не смог найти работу или достигнуть успеха, не жил так хорошо, как другие. А может, он польстился красивой, как ему казалось, жизнью. Все это возможно. Тем не менее, это не значит, что он готов встать на сторону злейшего врага Земли. Когда он узнает, что его вожди обманывали его, пиратская угроза исчезнет.

Лаки замолчал, так как к ним приближался техник, держа в руках гибкую прозрачную ленту с пробитым на ней машинным кодом.

— Скажите,— спросил он,— вы уверены, что записи, которые вы мне дали, правильны?

— Уверен,— ответил Лаки.— Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Здесь какая-то ошибка,— техник покачал головой.— Рассчитанные координаты помещают вашу скалу в запретную зону. А это предполагает ее способность самостоятельно передвигаться в пространстве.

Брови Лаки поползли вверх. Техник был несомненно прав, говоря о запретной зоне. Внутри нее не мог находиться ни один астероид. Эти зоны представляли собой те части пояса, где астероиды имели бы период обращения кратный двенадцатилетнему обращению Юпитера. Отсюда следовало, что Юпитер и эти астероиды каждые несколько лет сближались в одном и том же месте. Регулярно повторяющееся притяжение Юпитера должно было постепенно вытянуть астероиды из этой зоны. За два миллиарда лет, что прошли со дня образования этой планеты, Юпитер вытащил все астероиды из запретных зон.

— Вы уверены, что ваши расчеты правильны? — спросил Лаки.

Техник покачал головой, словно говоря: «я знаю свое дело», но вслух сказал:

— Мы можем проверить это с помощью телескопа. Тысячедюймовый сейчас занят, да он и не годится для наблюдений на таком близком расстоянии. Мы сможем воспользоваться меньшим. Не пройдете ли вы со мной?

Помещение обсерватории выглядело почти как храм, с телескопами вместо алтарей. Люди были заняты работой и не оторвались, чтобы взглянуть, когда вошли техник и три члена Совета. Техник провел их в одну из комнат, на которые делился огромный, похожий на пещеру зал.

— Чарли,— обратился он к преждевременно полысевшему человеку,— сможешь привести Берту в действие?

— Для чего?— оторвал тот свой взгляд от испещренных звездами фотоснимков и поднял голову.

— Я хочу увидеть точку пространства с такими координатами,— он протянул коллеге ленту с вычислительной машины.

Чарли взглянул на нее и нахмурился.

— Зачем? Это территория запретной зоны.

— В любом случае, можешь ты навести телескоп на эту точку?— спросил техник.— Это дело Совета Наук.

— О? Да, сэр,— он немного смягчился,— я не заставлю долго ждать.

Он замкнул выключатель, и находящаяся вверху упругая диафрагма всосалась в шахтный ствол Берты, стодвадцатидюймового телескопа, используемого для астрономических наблюдений на небольших расстояниях. Диафрагма была сделана из непроницаемого для воздуха материала, и Лаки мог различить сквозь нее шум

открывающегося люка. Гигантское око Берты высунулось на поверхность и было готово к наблюдениям.

— Обычно,— объяснил Чарли,— мы используем Берту для фотографирования небесного свода. Для оптических наблюдений вращение Цереры слишком быстрое. Точка, которая вас интересует, как раз восходит над горизонтом.— Он занял место у окуляров и стал двигать шахту телескопа, словно это была жесткая труба из огромной слоновой кости. Телескоп наклонялся, и астроном поднимался все выше. Он тщательно фокусировал изображение.

Затем он убрал свой насест и спустился вниз по вделанной в стенку лестнице. Под прикосновением его пальцев часть пола, прямо под телескопом, сдвинулась в сторону, открывая облицованное чем-то черным углубление. Находящиеся в нем зеркала и линзы могли фокусировать и увеличивать получаемое телескопом изображение. Но кроме черноты, там ничего не было.

— Так и есть,— сказал Чарли. Вместо указателя он воспользовался измерительным щупом.— Это пятнышко — Метис, который довольно велик. Его диаметр около двадцати пяти миль, он на миллион миль дальше, чем нужно. В радиусе миллиона миль от интересующей вас точки есть еще несколько пятнышек, но они в другой стороне, вне запретной зоны. Звезды закрыты с помощью фазовой поляризации, иначе бы они мешали.

— Благодарю вас,— сказал Лаки. Он казался совершенно ошеломленным.

— Не за что. Всегда рад помочь.

Они уже спускались вниз на лифте, когда Лаки снова заговорил. Он сухо произнес:

— Этого не может быть.

— А почему нет? — спросил Генри.— Просто в записях была ошибка.

— Как это могло случиться? Ведь я же прибыл на Цереру.

— Ты мог подсчитать одно значение, а записать по ошибке другое. Затем откорректировать курс на глаз и забыть исправить запись.

Лаки покачал головой.

— Я не мог этого сделать. Я просто не мог — подождите! Великая Галактика!— он уставился на них безумным взглядом.

— В чем дело, Лаки?

— Он ушел! Послушайте, я ошибался, это не начало игры, проклятье, это конец игры. Возможно, уже слишком поздно. Я опять недооценил их.

Лифт достиг нужного этажа. Дверь открылась, и Лаки широкими шагами зашагал прочь. Конвей догнал его, схватил за локоть и повернул к себе.

— О чем ты толкуешь?

— Я улетаю. Даже не пробуйте остановить меня. И если я не вернусь, то, ради Земли, пусть правительственный флот готовится к крупным операциям. Иначе в течение года пираты могут оказаться под контролем врага. Возможно, даже раньше.

— Почему?— с яростью воскликнул Конвей.— Из-за того, что

ты не смог обнаружить астероид?

— Совершенно верно,— ответил Лаки.

Бигман доставил Конвея и Генри на Цереру на корабле «Звездный стрелок», принадлежащем Лаки, за что тот был ему весьма благодарен. Это означало, что он может выйти в космос, управляя собственным кораблем, ощущая под ногами привычную палубу. «Звездный стрелок» был двухместным крейсером, построенным год назад, после подвигов Лаки на Марсе. Его внешний вид был обманчив. Внешне корабль был почти точной копией космической яхты, а по величине всего лишь вдвое больше маленькой шлюпки. Не специалист, встретив «Звездного стрелка», мог бы подумать, что это игрушка богатого человека, возможно, скоростная, но легко уязвимая и слабо вооруженная. Он, безусловно, не выглядел судном, которому можно было довериться в опасных районах пояса астероидов. Однако знакомство с его начинкой могло бы изменить это впечатление. Его гиператомные двигатели были того же типа, что и на бронированных, весящих в десять раз больше космических крейсерах. Запасы энергии на нем были огромны, а мощность гистерезисной защиты достаточной для того, чтобы отразить самый мощный снаряд, который мог бы выпустить дредноут, и с любого расстояния. Малая масса не позволяла ему считаться судном первого класса, но в своем классе он мог победить любой корабль. Не удивительно, что Бигман, взойдя наконец на его палубу, просто прыгал от восторга.

— О, космос,— сказал Бигман,— как я рад отделаться от этой неуклюжей лодки. Что мы с ней сделаем?

— Я отправлю за ней корабль с Цереры.

Церера находилась в ста тысячах миль от них Отсюда она выглядела в два раза меньше, чем Луна с Земли.

— Лаки, когда ты мне все расскажешь?— спросил, сгорая от любопытства, Бигман.— Почему изменились планы? Ведь ты говорил, что я один должен лететь туда, не так ли?

— Нет координат астероида, на который собирались тебя отправить,— сказал Лаки. И он подробно пересказал события, происшедшие за несколько последних часов.

— Так куда же мы летим? — спросил Бигман.

— Не знаю точно, — сказал Лаки,— но для начала мы устремимся в ту сторону, где астероид отшельника должен был находиться в данный момент.

Он занялся пультом. Перегрузка быстро нарастала. Лаки и Бигман откинулись в своих диамагнитных креслах, и возрастающее давление равномерно распределялось по поверхности тел. Под контролем чувствительных к ускорению приборов возросла концентрация кислорода в воздухе, что позволяло дышать неглубоко без опасности кислородного голодания. Одетые на них особые g-доспехи (буквой g в науке обычно обозначают ускорение) были легкими и совершенно не стесняли движений, но под давлением нарастающей силы тяжести стали жесткими и защищали кости, в особенности позвоночник, от повреждения. Внутренние органы предохранял от повреждения пояс из нейлоновых ячеек. Кабина

для этого корабля была специально разработана экспериментаторами Совета Наук так, чтобы, находясь в ней, можно было выдержать ускорение на двадцать, тридцать процентов больше, чем на лучшем корабле флота. Сейчас ускорение было вдвое меньше того, которое корабль мог бы вынести, хотя и оно казалось достаточно высоким. Когда ускорение прекратилось, «Звездный стрелок» был в пяти миллионах миль от Цереры, которая стала теперь просто светящейся точкой, более тусклой, чем многие другие звезды.

— Лаки, я давно хотел спросить тебя,— сказал Бигман,— скажи, ты взял с собой «мерцающую защиту»?

Лаки кивнул головой, но Бигман огорченно посмотрел на него.

— Ты большой глупый бык,— сказал коротышка,— почему, черт побери, ты не взял ее с собой, когда летел на поиски пиратов?

— Она была со мной,— тихо сказал Лаки.— Я не расстаюсь с ней с того самого дня, как получил ее от Марсиан.

Никто во всей Галактике, кроме Лаки и Бигмана, не знал, что Марсиане, о которых говорил Лаки, не были ни фермерами, ни скотоводами. Наоборот, это были бестелесные существа, прямые потомки древних разумных существ, населявших поверхность Марса прежде, чем он растерял воду и кислород. Они выкопали под поверхностью Марса гигантские пещеры, разрушив и превратив в энергию несколько кубических миль камня, и жили теперь в комфортабельной изоляции. Так как они покинули свои материальные тела и жили как сгустки чистой энергии, то их существование оставалось неизвестным человечеству. Только Лаки Старр сумел проникнуть в их владения и как награду за это сверхъестественное приключение получил то, что Бигман назвал «мерцающей защитой». Бигман становился все настойчивее.

— Хорошо, если она была с тобой, то почему ты ею не воспользовался? Почему?

— У тебя, Бигман, неверное представление об этой защите. Она может далеко не все на свете. Так, она не может кормить меня и вытирать мне губы после еды.

— Но я же видел, она на многое способна.

— Да, в определенных обстоятельствах. Она может, например, поглотить все виды энергии.

— И такую, как, скажем, энергия вспышки бластера. Не станешь же ты отрицать это?

— Нет, я не возражаю, бластер и вправду против меня бессилен. Эта защита может поглотить также и потенциальную энергию тела, при условии, что масса тела не будет слишком большой или слишком малой. Например, нож или пуля не пробьют ее; и все же пуля собьет меня с ног. А хорошая кувалда пробьет насквозь защиту и, пусть не сразу, но сокрушит меня. Более того, молекулы воздуха прошьют «мерцающую защиту» так, словно ее вообще нет, так как они слишком малы для нее. Я говорю это тебе, чтобы ты понял: даже если бы я оделся в эту защиту, а Динго во время дуэли разбил мой лицевой щиток, то я все равно бы умер. Защита не смогла бы предотвратить утечку воздуха из моего скафандра после повреждения щитка.

— Если бы ты воспользовался ею с самого начала, то тебе вообще не пришлось бы рисковать. Или я забыл, как ты применил ее на Марсе?— вспомнив, Бигман улыбнулся.— Вокруг тебя все переливалось, как в светящемся тумане, и ты был едва виден сквозь это мерцание. Во всяком случае, все, кроме лица. Была пелена белого сияния.

— Да,— сухо сказал Лаки,— я напугал их. Они не причинили бы мне никакого вреда, обстреляв меня из бластеров. Но как только они обнаружили бы, что за пределами «Атласа» защита не действует, они отошли бы на десять миль, обстреляли бы корабль, и я бы погиб. Не забывай, что защита — это всего лишь защита. Она не дает мне никакого преимущества при наступлении.

— Ты больше никогда не воспользуешься ею?— спросил Бигман.

— Только когда это будет необходимо. Если я буду часто применять эту защиту, то ее эффект будет падать. Очень скоро все узнают ее слабые места, и я стану просто мишенью для тех, против кого я ее применяю.

Лаки посмотрел на приборы. Затем тихо сказал:

— Приготовся к новому ускорению.

— Эй,— только и успел крикнуть Бигман.

Затем отброшенный в кресло, он обнаружил, что с большим трудом дышит и не может произнести ни одного слова. В глазах у него потемнело, и он ощутил как кожа оттягивается назад, словно пытаясь слезть с костей. «Звездный стрелок» разгонялся на полной мощности. Это продолжалось пятнадцать минут. Затем ускорение уменьшилось, и жизнь опять вернулась к нему. Лаки мотал головой и тяжело дышал.

— Эй, это совсем не смешно,— сказал Бигман.

— Я знаю,— ответил Лаки.

— В чем дело? Мы что, шли недостаточно быстро?

— Конечно. Но теперь все в порядке. Мы потрясли их.

— Потрясли кого?

— Тех, кто преследовал нас. А нас преследовали, Бигман. С той самой минуты, как ты ступил на палубу. Взгляни на измеритель излучения.

Бигман так и сделал. Измеритель излучения только по названию походил на одноименный прибор на «Атласе». Там он был всего лишь примитивной моделью, предназначенной для выделения излучения гиператомных двигателей, чтобы спасательные шлюпки успели вовремя уйти от опасности, и был предназначен только для этого. Измеритель излучений «Звездного стрелка» мог бы более чем за два миллиона миль выделить излучение гиператомного двигателя спасательной шлюпки. Даже сейчас игла самописца периодически слабо подрагивала.

— Ничего нет,— сказал Бигман.

— Только что было. Убедись сам,— Лаки размотал только что прошедший иглу рулон. Всплески кривой были глубже и характернее.— Видишь это?

— Это мог быть любой корабль. Даже грузовик с Цереры.

— Нет. Во-первых, он несмотря на трудности пытался следовать за нами, что означает, что он оборудован достаточно хорошо измерителем излучений. Во-вторых, видел ли ты когда-нибудь подобный спектр излучений?

— Нет, такого я не встречал ни разу.

— А я встречал. У корабля, захватившего «Атлас». Наш измеритель излучения сделал более подробный спектральный анализ, но сходство несомненно. Двигатель на преследовавшем нас корабле сирианской конструкции.

— Ты думаешь, это корабль Антона?

— Он или другой такой же, не имеет значения. Мы избавились от него,— сказал Лаки,— и сейчас находимся в том месте, где должна была бы быть скала отшельника, плюс-минус сто тысяч миль.

— Здесь ничего нет,— возразил Бигман.

— Это действительно так,— согласился с ним Лаки,— измеритель гравитации не показывает наличия какой-либо массы, близкой нам. Мы находимся в месте, которое астрономы называют запретной зоной.

— Угу,— понимающе сказал Бигман.— Я вижу.

Лаки улыбнулся. Здесь нечего было смотреть. По внешнему виду запретная зона ничем не отличалась от любой другой части пояса, густо нашпигованной астероидами. Если астероида в ближайшей сотне миль не было, внешний мир от этого не менялся. Звезды или астероиды, выглядевшие звездами, по-прежнему заполняли весь небосвод. Для того, чтобы определить астероид ли это, надо было наблюдать в телескоп, меняет ли он свое местоположение относительно других небесных тел.

— Ладно, что будем делать?— спросил Бигман.

— Осмотрим окрестности. Это может занять несколько дней.

«Звездный стрелок» лег на рыскающий курс. Он удалялся от Солнца, двигаясь из запретной зоны к ближайшему скоплению астероидов. Игла измерителя гравитации сдвинулась с нуля под воздействием притяжения удаленной массы. Крошечные миры, один за другим, проплывали в поле зрения. Скорость «Звездного стрелка» сильно уменьшилась, но все еще измерялась сотнями тысяч миль в час. Шло время. Дюжины астероидов появлялись и исчезали.

— А не поесть ли тебе?— спросил Бигман.

Но Лаки перекусил только сандвичами и немного поспал в кресле, пока они с Бигманом по очереди вели наблюдения и следили за измерителями гравитации и излучений. Наконец, возле какого-то астероида, Лаки взволнованно сказал:

— Я спускаюсь вниз.

Бигман удивился.

— Это тот астероид?— он посмотрел на неровную поверхность.— Ты узнал его?

— Я думаю, что да, Бигман. В любом случае его следует обследовать.

Он потратил полчаса, маневрируя судном в тени астероида.

— Держись здесь,— сказал Лаки.— Кто-то один должен постоянно оставаться на корабле, лучше, если это будешь ты. Не забывай, корабль могут обнаружить. Но если он будет в тени, с потушенными огнями и неработающим двигателем, сделать это очень трудно. Согласно измерителю излучений в пространстве около нас сейчас кораблей нет. Это совершенно точно. Теперь самое главное, что ты должен запомнить: ни в коем случае не спускайся вниз. Когда я закончу, я сам поднимусь к тебе. Если в течение двенадцати часов я не вернусь и не свяжусь с тобой, сфотографируй этот астероид под всевозможными углами и немедленно возвращайся на Цереру с моим сообщением.

На лице Бигмана появилось выражение угрюмого упрямства.

— Нет.

— Вот это сообщение,— спокойно сказал Лаки. Он достал из внутреннего кармана персональную капсулу.— Эта капсула предназначена доктору Конвею. Только он один сможет открыть ее. Что бы со мной ни случилось, он должен получить ее. Ты понял?

— Что в ней?— спросил Бигман, протягивая руку, чтобы взять капсулу.

— Всего лишь некоторые мои предположения, пугающие меня. Я о них никому не рассказывал, так как полетел сюда, чтобы убедиться в том, что они верны и я не ошибаюсь. Если я не смогу теперь этого сделать, то, по крайней мере, эти гипотезы должны дойти по назначению. Конвей может ознакомиться с моими записями и добиться, чтобы правительство начало действовать.

— Я не сделаю этого,— сказал Бигман.— Я не брошу тебя.

— Бигман, если я не буду уверен, что ты сделаешь это, поняв, что обстоятельства выше нас, то, даже если все закончится удачно, ты не сможешь быть полезен мне больше.

Бигман протянул руку. Персональная капсула опустилась в его ладонь.

— Ладно,— сказал он.

Лаки падал сквозь вакуум на поверхность астероида, ускоряя падение с помощью газового ружья скафандра. Он знал, что астероид должен находиться где-то справа. Лаки помнил его очертания. Он был весь в зазубринах, а сторона, освещенная Солнцем, была того же самого цвета, что и на астероиде отшельника. Однако все это могло характеризовать и любой другой астероид. Но здесь должно было быть кое-что, отличающее именно этот астероид от всех других. Из подвешенной к поясу сумки Лаки достал прибор, который выглядел, как компас. На самом же деле, это была карманная радарная установка. Расположенный в ней источник мог испускать короткие волны почти всех длин. Группы волн, отражаясь от камня, давали информацию о расстоянии до него и его структуре. Толстый слой камня активизирует движение стрелки на шкале. В случае же его тонкого слоя, что говорит о том, что под ним скрывается полость, часть излучения отразится, но часть проникнет вглубь полости и отразится от противоположной стены. В этом случае получится двойное отражение, один из компонентов которого будет слабее. В ответ на это стрелка отве-

тит двойным вздрагиванием. Лаки, следя за прибором, легко перепрыгивал с одного каменного пика на другой. Подрагивание стрелки стало двойным. Сердце Лаки учащенно забилось. Астероид скрывал в своей глубине полость. Следовало найти, где дрожание стрелки будет наиболее сильным — именно там должен быть воздушный шлюз. На некоторое время все внимание Лаки сконцентрировалось на стрелке. Поэтому он не заметил магнитные кабели, ползущие к нему из-за горизонта. Лаки не замечал их до тех пор, пока они не обвились вокруг него, подбросили его, а затем уложили, совершенно беспомощного на скалу. Через некоторое время из-за горизонта появились три луча света и протянулись к распростертому Лаки. В темноте он не разглядел тех, кто двигался в их сопровождении. Затем он услышал хорошо знакомый хриплый голос пирата Динго. Он произнес:

— Не зови своего приятеля, у меня есть пеленгатор, способный зафиксировать твою волну. Если ты попытаешься позвать на помощь, то я разнесу на куски твой скафандр, шпик.

Он буквально выплюнул последнее слово — презрительную кличку, которой все преступники называют тех, кто добывает сведения для организаций, следящих за соблюдением закона. Лаки молчал. С того момента, как он почувствовал содрогание скафандра под ударами магнитных хлыстов, он знал, что попал в ловушку. Вызвать Бигмана раньше, чем он разберется, что это за ловушка, означало навлечь опасность на «Звездного стрелка», не имея при этом возможности ему помочь. Динго стоял над ним, расставив ноги. В свете одного из прожекторов Лаки уловил мгновенный отблеск на лицевом щитке и укороченных защитных очках, прикрывающих глаза Динго. Лаки знал, что такие блики дает инфракрасный преобразователь, преобразующий тепловое излучение предметов в видимый свет. Даже без прожекторов они могли следить за ним в темноте ночи астероида по излучению его собственных обогревателей.

— В чем дело, шпик? Испугался?— спросил Динго.

Он поднял ногу с утяжеляющими металлическими обмотками и резко ударил каблуком в направлении лицевого щитка Лаки. Лаки быстро повернул голову, подставляя под удар металл шлема, но каблук Динго остановился на полдороге. Он весело рассмеялся.

— Ты так легко не отделаешься, шпик.

Затем он обратился к двум другим пиратам, и его голос стал более суровым.

— Прыгайте вперед и откройте люк.

На мгновение они заколебались. Один из них сказал:

— Но, Динго, капитан велел тебе быть также ...

— Идите, или я начну с него, а кончу вами,— прервал пирата Динго.

После такой угрозы они удалились. Динго же обратился к Лаки:

— Сейчас подумаем, как доставить тебя к воздушному шлюзу.

Он все еще держал в руках рукоятку магнитного хлыста. Потом выключил ток, мгновенно размагнитил его, шагнул в сторону и

дернул хлыст к себе. Лаки потащило по каменному грунту астероида, хлыст начал разматываться с него. Динго снова прикоснулся к выключателю. Оставшийся виток прилип к скафандру Лаки. Динго слегка рванул хлыст вверх. Лаки взлетел, а Динго искусно балансировал. Он управлял телом Лаки, поднимая его то вверх, то вниз. Так болтается на ниточке воздушный шарик. Через пять минут они снова увидели свет фонарей двух пиратов. Они светились внутри ниши, правильные очертания которой говорили о том, что это воздушный шлюз.

— Берегитесь! Сейчас я метну тюк,— крикнул Динго.

Он снова размагнитил хлыст и дернул его вниз. При этом сам полетел на шесть дюймов вверх. Лаки, выскальзывая из хлыста, быстро вращался. Динго подпрыгнул вверх и поймал его. С ловкостью человека, часто бывающего в состоянии невесомости, он не давал Лаки ослабить захват и метнул его в направлении воздушного шлюза. Быстрым двойным ударом газовых ружей Динго прервал свой собственный полет и выпрямился как раз вовремя, чтобы увидеть, что Лаки точно вошел в отверстие воздушного шлюза. Что произошло потом, было хорошо видно в свете пиратских прожекторов. Пойманный псевдогравитационным полем, Лаки с грохотом рухнул на пол, ударившись с такой силой, что у него перехватило дыхание, а Динго расплылся в широкой улыбке. Внешняя сторона двери закрылась, а внутренняя открылась. Лаки поднялся на ноги, чувствуя нормальную силу тяжести.

— Входи, шпик,— в руках у Динго был бластер.

Лаки шагнул внутрь астероида и замер на месте. Его глаза быстро оглядывали все вокруг. Он оказался не в тепло освещенной библиотеке отшельника Хансена, а в длинном коридоре, свод которого поддерживался колоннами. Он не смог разглядеть его противоположного конца. В стенах было множество дверей, ведущих в комнаты. Люди быстро сновали в различных направлениях, а в воздухе стоял запах озона и машинного масла. Вдалеке слышалось характерное постукивание, издававшееся гигантскими гиператомными двигателями. Было совершенно очевидно, что это была не келья отшельника, а большая индустриальная установка — внутри астероида. Лаки в задумчивости прикусил нижнюю губу, задавая себе непростой вопрос: неужели все, что он увидел и узнал, умрет сейчас вместе с ним.

— Входи сюда, шпик,— сказал Динго.

Это была кладовая, полки и резервуары которой были полностью заполнены. Людей здесь не было.

— Скажи, Динго,— нервно спросил один из пиратов,— зачем мы ему все это показали? Я не думаю...

— Молчи,— прервал его Динго и рассмеялся.— Не волнуйся, он никому не расскажет, что увидел здесь. Я гарантирую это. Я немного позабавлюсь прежде, чем с ним разделаться. Снимите с него скафандр.

Говоря это, Динго снял свой скафандр. Он вышагивал большими неуклюжими шагами и потирал свои волосатые руки. Он наслаждался моментом. Лаки решительно сказал:

— Капитан Антон никогда не позволит меня убить. Ты хочешь сделать это из чувства мести, но смерть моя не принесет тебе ничего, кроме неприятностей. Я полезный для капитана человек, и он знает это.

Динго, с усмешкой на лице, сел на край резервуара, заполненного маленькими металлическими предметами.

— Послушай, шпик, ты надеешься получить шанс. Но ты не одурачишь нас ни на минуту. Как ты думаешь, что мы сделали, когда оставили тебя на астероиде отшельника? Мы вели наблюдение. Капитан Антон — не дурак. Он отправил меня обратно и сказал: «Наблюдай за этой скалой и докладывай мне». Я видел, как улетела шлюпка отшельника, я мог бы расстрелять вас в пространстве, но мне было приказано следовать за вами. Я болтался у Цереры полтора дня и увидел, что шлюпка отшельника снова появилась в космосе. Я подождал еще немного. Затем мое внимание привлекло другое судно, подошедшее к шлюпке. Человек со шлюпки перешел на это судно, и когда вы удалились, я последовал за вами.

— Ты хочешь сказать, попытался следовать,— Лаки не мог не уколоть его.

Лицо Динго покрылось красными пятнами. Он буквально выплюнул:

— Хорошо. Вы были быстрее. Твой способ хорош для бегства. Но что из того? Я не последовал за тобой. Я просто вернулся сюда и стал ждать. Я знал, куда ты направляешься. И я заполучил тебя, не так ли?

— Отлично, но что с того?— спросил Лаки.— Я был безоружным на скале отшельника, а у него был бластер. Я должен был делать то, что он мне велел. Он хотел удрать на Цереру и заставил меня следовать за собой, чтобы, если люди астероидов задержат его, заявить, что его похитили силой. Ты сам признал, что я покинул Цереру так быстро, как только мог, и вернулся сюда.

— В правительственном корабле,— заметил Динго.

— Я украл его. Это просто означает, что вы получите еще один корабль для вашего флота. И отличный.

Динго посмотрел на других пиратов.

— Он пускает нам пыль в глаза.

— Я предупреждаю вас,— сказал Лаки.— Капитан накажет вас, если со мной что-нибудь случится.

— Нет, не накажет.— рявкнул Динго.— Потому что капитан знает, кто ты на самом деле, мистер Дэвид Лаки Старр. Давай выходи на середину комнаты.

Динго приказал своим попутчикам:

— Уберите с дороги эти корзины. Оттащите их в сторону.

Они увидели его налитое кровью лицо и беспрекословно сделали то, что он им велел. Коренастое, напоминающее луковицу тело Динго было слегка согнуто, голову он втянул в плечи, а толстые, кривоватые ноги твердо упирались в пол. Шрам на его верхней губе был совершенно белым от ярости.

— Существует много способов прикончить тебя,— сказал он,— я не люблю шпиков, в особенности, тех, с которыми уже встречал-

ся. Так что прежде, чем прикончить, я разорву тебя на клочки.

Лаки, казавшийся рядом с ним тщедушным, спросил:

— Ты сделаешь это один, или твои друзья помогут тебе?

— Я не нуждаюсь в помощи, малыш,— он злобно улыбнулся.— Но если ты попытаешься бежать, то они остановят тебя, а если ты снова попытаешься бежать, то у них есть нейтронные хлысты, которые остановят тебя навсегда.— Он повысил голос.— Эй, вы, используйте их, если потребуется.

Лаки ждал приближения противника. Он знал, что позволить противнику завязать ближний бой — это гибельная тактика. Пират обхватит своими громадными руками его грудную клетку и сломает ее. Динго, отведя правый кулак, бросился вперед. Лаки оставался на месте до самого последнего мгновения, затем быстро шагнул вправо, схватил противника за опущенную руку и, используя инерцию тела пирата, ударил его по лодыжке опорной ноги.

Динго наклонился вперед и тяжело грохнулся на пол. Однако он немедленно вскочил на ноги. Одна из его щек была ободрана, а в глазах плясали огоньки бешенства. Он бросился на Лаки, но тот увернулся и отскочил к одному из стоящих у стены резервуаров. Лаки ухватился за кран одного из резервуаров, подпрыгнул и стал размахивать ногами. И когда Динго бросился к нему, то получил удар в грудь и на мгновение застыл на месте. Лаки спрыгнул и проскочил мимо него на середину комнаты.

— Эй, Динго, позволь нам прекратить это издевательство,— крикнул один из пиратов.

— Я убью его! Я убью его!— задыхаясь, шипел Динго.

Он стал осторожнее. Его глаза почти утонули в жире и мясе, окружавшем глазные яблоки. Он крался вперед, внимательно следя за Лаки, выжидая момент, когда можно будет напасть.

— В чем дело, Динго?— сказал Лаки.— Испугался меня? Для такого большого болтуна ты испугался слишком уж быстро.

Как Лаки и рассчитывал, Динго что-то бессвязно заорал и бросился прямо на него. Но Лаки легко ускользнул от этого бычьего натиска. Ребро его ладони быстро и резко опустилось на затылок Динго.

Лаки не раз вырубал противника этим специфическим ударом. Но Динго только покачнулся. Он встрепенулся, рыча, повернулся к Лаки и решительно двинулся к нему. Тот неожиданно ударил ногой по ободранной щеке Динго, сдирая мясо с кости. Хлынула кровь. Динго не делал попытки отразить удар и вообще не обратил на него никакого внимания. Лаки увернулся в сторону и еще сильней ударил пирата. Динго снова словно и не заметил этого. Он рвался вперед, только вперед, и вдруг упал на пол, будто споткнулся, но во время падения вытянул вперед обе руки и одной из них схватил Лаки за лодыжку. Лаки тоже упал.

— Наконец-то ты у меня в руках,— прохрипел Динго.

Он подтянулся вверх, ухватил Лаки за пояс и, через мгновение, они в тесном объятии катались по полу. Лаки почувствовал громадный вес противника, дикую боль, но ужаснее всего было зловонное дыхание пирата. Правая рука Лаки была свободна,

но левая зажата в мертвом захвате, которым противник сжимал его грудь. Собрав последние силы, Лаки поднял правый кулак и нанес резкий удар в точку, где шея Динго соединялась с позвоночником. Захват Динго на мгновение ослабел. Лаки, извиваясь, высвободился из смертельных объятий и поднялся на ноги. Динго поднимался значительно медленнее. Глаза его остекленели, а из уголков рта стекала тонкая струйка крови.

— Хлыст! Хлыст!— бормотал он заплетающимся языком.

Неожиданно он рванулся к одному из пиратов, застывших от изумления. Он так резко вырвал из его рук оружие, что тот растянулся на полу. Лаки попробовал увернуться, но нейтронный хлыст поднялся вверх и настиг его. Он ударил по правому боку Лаки, и его пронзила невыносимая боль. Тело оцепенело, и он рухнул на пол. Сначала Лаки почувствовал сожаление, и в его затуманенном сознании осталось только ожидание скорой смерти. Сквозь шум в ушах он услышал голос одного из пиратов:

— Послушай, Динго, капитан велел сделать так, чтобы его смерть была похожа на несчастный случай. Он человек Совета Наук...

Это было последнее, что услышал Лаки. Когда он снова пришел в сознание, его бок пронзали миллионы иголок. Лаки увидел, что снова облачен в скафандр, пираты уже почти надели на него шлем. Динго, щека и подбородок которого были в синяках, а губы распухли, злобно наблюдал за ним. В дверном проеме раздался голос. Какой-то человек поспешно вошел в дверь, продолжая на ходу говорить.

— ... для поста двести сорок восемь,— услышал Лаки.— Получается так, что я не в состоянии вести наблюдение за любыми объектами по первому требованию. Я не могу даже поддерживать нашу собственную орбиту, не корректируя ее с помощью...

Голос угас. Лаки повернул голову и поймал взгляд маленького седого человека в очках. Он остановился в дверном проеме, глядя с удивлением и недоверием на беспорядок, который остался после схватки.

— Пошел вон отсюда,— заорал Динго.

— Но я должен получить кое-что по требованию...

— Потом!

Маленький человек ушел, и пираты натянули шлем на голову Лаки. Они снова вывели его через воздушный шлюз на залитую слабым светом удаленного Солнца поверхность астероида. На сравнительно ровной каменной плите их ждала катапульта. Ее устройство не являлось для Лаки тайной. Автоматический толкатель отводил большой рычаг до тех пор, пока он не принимал горизонтальное положение. К оттянутому рычагу привязывали легкие ремни, которые сейчас и застегнули вокруг талии Лаки.

— Лежи спокойно,— сказал Динго. Его голос звучал невнятно и скрипуче. Лаки понял, что они повредили радиоприемник в его шлеме.— Ты зря расходуешь свой кислород. Чтобы улучшить твое самочувствие, мы вышлем корабль и расстреляем твоего друга раньше, чем он сможет набрать скорость, даже если попытает-

ся удрать. Через мгновение Лаки ощутил частую, вызывающую шум в ушах вибрацию отпущенного рычага. Рычаг с ужасающей силой возвращался в исходную позицию. Пряжки на талии Лаки раскрылись, и катапульта выбросила его в пространство со скоростью около мили в минуту, а, может, даже и больше, причем не было гравитационного поля, которое могло бы замедлить его полет. Лаки бросил быстрый взгляд на астероид с наблюдавшими за ним пиратами. Тот удалялся быстрее, чем он мог бы предположить.

Лаки осмотрел свой скафандр. Он уже знал, что его радио испорчено. И действительно, ручка чувствительности свободно крутилась в любом направлении. Это означало, что его голос мог быть услышан в пространстве на расстоянии, не превышающем несколько миль. Они оставили ему ракетные ружья. Он опробовал их, но они не действовали. Весь запас газа был выпущен. Лаки был совершенно беспомощен. Только один-единственный балон с кислородом отделял его от медленной и мучительной смерти. Почти в безнадежном отчаянии Лаки обдумывал ситуацию. Он пытался понять намерения пиратов. С одной стороны, они хотели от него избавиться, так как он слишком много знал о них. С другой — нужно было убить его так, чтобы Совет Наук не смог доказать, что он умер насильственной смертью от рук пиратов. Однажды пираты уже убили агента Совета, и поэтому были уничтожены. Теперь они действовали осторожнее. План их был таков. Они нападут на «Звездного стрелка» и, излучая помехи, чтобы Бигман не мог вызвать помощь, подвергнут его интенсивному обстрелу. Затем воспользуются пробоинами от снарядов, чтобы представить все так, будто корабль погиб от столкновения с метеоритом. Этим займутся их превосходные инженеры. И в конце концов все будет выглядеть так, словно когда метеорит приблизился к кораблю, вышел из строя механизм, управляющий защитой от быстро летящих тел. Лаки знал, что пираты будут знать и его положение в пространстве в любой момент. Ведь ничто не сможет изменить его первоначальной траектории. Позднее, когда он умрет, они подберут его тело и запустят вращаться вокруг «Звездного стрелка». Бигман, маневрируя до последнего момента, погибнет на своем посту за пультом управления. Лаки, сумевший надеть скафандр, будто бы сломал от волнения ручку регулирования мощности сигнала и не смог позвать на помощь. А потом в отчаянных и тщетных попытках найти безопасное место израсходовал весь запас в газовых ружьях и умер от удушья. Конечно, это ничего не даст. Ни Конвей, ни Генри не поверят, что Лаки заботился только о своей безопасности в то время, как Бигман самоотверженно оставался за пультом. Но провал этого плана будет слабой платой за смерть Лаки Старра. И хуже всего, что погибнет не только Лаки Старр, но и вся имеющаяся у него информация. Несколько секунд он размышлял, ругая себя за то, что не заставил Конвея и Генри выслушать рассказ обо всех своих подозрениях, что не приготовил персональную капсулу, прежде чем оказался на борту «Звездного стрелка». Затем он взял себя в руки. Никто тогда не поверил бы ему, нужны были факты. Вот по

этой самой причине он обязан вернуться. Обязан! Но как? Что с того, что он будет говорить «обязан», если он один в космосе, и у него ничего нет, кроме запасов кислорода, и то всего на несколько часов. Кислород! Лаки задумался: ага, у меня есть кислород. Любой человек, только не Динго, опустошил бы его баллон, чтобы смерть наступила как можно скорее. Но, если Лаки правильно понял Динго, пират отправил его с полным баллоном просто для того, чтобы продлить агонию. Отлично! Только Лаки изменит все это. Он использует кислород другим образом. А если и потерпит неудачу, то, вопреки намерениям Динго, смерть наступит быстро. Астероид периодически появлялся в его поле зрения, он удалялся, и его более яркая, освещенная сторона постепенно растворялась в черноте космоса. Скоро астероид станет настолько тусклым, что его нельзя будет отличить от звезд. И ждать этого осталось недолго. Неуклюжие, закованные в металл пальцы Лаки уже нащупали гибкий шланг, который вел от находившегося за спиной баллона с кислородом к воздушному клапану под лицевым щитком. Он попытался отвернуть болт, прижимающий шланг к баллону. Это удалось. Он подождал, чтобы наполнились кислородом шлем и скафандр. Обычно кислород подавался в скафандр порциями, которые необходимы человеку для дыхания. Углекислый газ и вода, образующиеся при дыхании, абсорбировались помещенными на груди, внутри скафандра, специальными клапанами-сосудами. В результате давление кислорода было равно всего одной пятой нормального атмосферного давления, чего было вполне достаточно, так как четыре пятых земной атмосферы составлял совершенно бесполезный для дыхания азот. Однако, это давало возможность повышать давление кислорода до уровня, намного превышающего нормальное атмосферное давление, не опасаясь кислородного отравления. Лаки позволял кислороду свободно вливаться в скафандр. Затем, наполнив скафандр, он перекрыл вентиль под лицевым щитком и снял баллон со спины. Цилиндр мог выполнить функцию газового ружья. Будьте уверены, немногие пользовались таким газовым ружьем. Только безумец, находясь в космосе, мог использовать кислород, который давал ему жизнь, в качестве движущей силы. Безумец или человек неколебимой решимости. Лаки открыл вентиль редуктора и выпустил струю кислорода. Линии кристаллов на этот раз не было. В отличие от двуокиси углерода, кислород замерзал при более низкой температуре, и прежде, чем она успевала достаточно понизиться, рассеивался в пространстве. Однако, газ ли, жидкость ли — третий закон Ньютона все равно действовал: как только газ вылетел в одну сторону, Лаки тут же отлетел в другую. Его вращение замедлилось. Прежде чем вообще прекратить вращение, он осторожно развернул себя лицом к астероиду. Он все еще удалялся от астероида, который уже почти не выделялся на фоне окружающих звезд. Возможно, он ошибся в выборе цели, но Лаки подавил в себе всякую неуверенность. Он смотрел на пятнышко света, про которое решил, что это нужный ему астероид, и выпустил вторую струю кислорода в противоположную сторону. Он сомневался, будет ли этого достаточно, чтобы изме-

нить направление полета на противоположное. Но не было никакой возможности сразу выяснить это. В любом случае он должен потратить немного газа. Газ был необходим ему для маневров вблизи астероида, чтобы выйти на ночную сторону и найти Бигмана и корабль, если только... Если только корабль еще не улетел или не разрушен пиратами. Внезапно Лаки почувствовал, что вибрация, вызванная вытеканием струи кислорода, уменьшилась. Одно из двух: или баллон опустошился, или упала температура газа. Лаки держал баллон на некотором отдалении от скафандра, чтобы не увеличить испарения из-за тепла, выделяемого скафандром. Этого тепла было достаточно, чтобы поддерживать кислород в состоянии, пригодном для дыхания, а двуокись углерода в газовых ружьях поддерживалась в газообразном состоянии. В вакууме космоса тепло могло теряться только при излучении, то есть достаточно медленном процессе, так что баллона хватало надолго. Лаки обхватил баллон обеими руками, прижал к груди и стал ждать. Ему казалось, что пролетели часы, но минуло только пятнадцать минут, прежде чем яркость астероида начала расти. Приближается ли он к этой скале? Или это только кажется? Прошло еще пятнадцать минут, и яркость усилилась. Лаки почувствовал благодарность за шанс, который он получил от судьбы, когда им выстрелили с астероида. И хорошо, что его выбросили с освещенной стороны, так что он мог все время ориентироваться по светящейся на горизонте точке. Дышать стало заметно труднее. Каждый вздох уничтожал часть драгоценного кислорода. Он попытался делать неглубокие вдохи, закрыл глаза и старался не шевелиться. Пока длилось возвращение на астероид, он больше ничего не мог предпринять. Там, на ночной стороне, Бигман, возможно, ждет его. Значит, если он сможет подобраться близко, чтобы позвать его по своему испорченному радио, у него появится еще один шанс.

Для Бигмана время тянулось медленно и мучительно. Он страстно желал спуститься вниз, но не смел нарушить запрет Лаки. Бигман убеждал себя, что если бы здесь были враги, то он был бы уже обезоружен. Но потом он стал сомневаться в этом и вскоре пришел к выводу, что такая тишина и неподвижность означают ловушку и что Лаки уже попался в нее. Он положил перед собой персональную капсулу и задумался о ее содержимом Если бы был хоть какой-нибудь способ вскрыть ее и прочесть тонкий рулон микропленки внутри. Если бы только он смог сделать это, то он передал бы ее текст по радио на Цереру и, развязав себе таким образом руки, с грохотом опустился бы на скалу. Он бы разнес их всех и вытащил бы Лаки, в какую бы ловушку тот ни угодил. Но — нет! Прежде всего, он не имеет права пользоваться передатчиком. Правда, пираты не смогут расшифровать код, но они засекут источник радиоволн, а этого допустить нельзя. Кроме того, нет никакого смысла вскрывать капсулу. Жар Солнца мог бы расплавить ее, атомный взрыв мог распылить ее, но был только один способ открыть капсулу и сохранить в целости ее содержимое,— надо было передать ее тому, кому она предназначалась. Вот так обстояло дело. Прошло уже больше половины установленного времени, более шести часов.

Регистраторы гравитации подали характерный сигнал. Бигман оторвался от мыслей о планах, которые все равно нельзя было осуществить, и с удивлением уставился на анализаторы излучений. Излучения нескольких кораблей смешивались в сложной кривой, которая словно змея, переливалась из одной формы в другую. Защита «Звездного стрелка», которая обычно мерцала на уровне, достаточном для отражения мелких обломков, увеличилась до максимума. Он услышал мягкое мурлыканье разгонявшихся энергетических генераторов. Бигман начал постепенно, ряд за рядом, включать экраны ближнего обзора. Его мысли путались. Корабли поднимались с астероида, так как вдали ничего нельзя было обнаружить. Лаки, должно быть, пойман и, вероятно, мертв. Он не думал сейчас о количестве выступавших против него кораблей. Наконец Бигман овладел собой. Первый блик света появился на одном из видеоэкранов. Он сфокусировал изображение, затем, убрав все лишние излучения, уловил излучение накалившейся обшивки пиратского судна. Это не было следствием каких-либо действий на оболочке судна, а скорее всего результатом поглощения защитой врага большого количества энергии «Звездного стрелка». Оболочка его накалялась все ярче. Затем излучение ослабело, так как пиратский корабль повернул назад и увеличил дистанцию. Потом в поле зрения появились второй и третий корабль. Реактивные снаряды понеслись к «Звездному стрелку». Здесь, в вакууме космоса, не было ни вспышки, ни грохота выстрела, но Солнце освещало снаряды, и они казались маленькими, искрящимися бликами. На видеоэкране они сначала выглядели, как маленькие пятнышки света, затем все увеличивались, пока не исчезли. Бигман мог увернуться, убрав корабль с пути снарядов, но он решил дать им ударить по кораблю, чтобы они поняли, с кем имеют дело. «Стрелок» выглядел, как игрушка богатого человека, но его нельзя было вывести из строя несколькими короткими ударами. Снаряды достигли цели и, ударившись о гистерезисную защиту корабля, которая, как известно, должна была вспыхивать ярким светом, остановились. Корабль плавно двинулся, поглощая проходящий сквозь защиту момент инерции.

— Позвольте вам ответить,— пробормотал Бигман. «Звездный стрелок» не нес на борту ни реактивных, ни каких-либо других снарядов, но мог излучать разнообразные и мощные энергетические импульсы.

Его руки уже тянулись к пульту управления огнем, когда он увидел на одном из видеоэкранов нечто, что сделало его маленькое, полное решимости лицо ужасно сердитым. Это нечто за бортом походило на человека в скафандре. Как ни странно, но космический корабль более уязвим для человека в скафандре, чем для самых мощных орудий другого судна. Вражеский корабль легко обнаруживался детекторами гравитации на расстоянии в мили, а анализаторами излучений — даже в тысячи миль. Одинокого же человека в скафандре детектор гравитации засекал лишь в сотнях ярдов, а анализатор был вообще бессилен. Кроме того, гистерезисная защита работала значительно более эффективно при огромных скоростях

реактивных снарядов. Она могла легко остановить глыбы металла, мчавшиеся со скоростью десятков миль в час, но человек не ощутил бы ничего, кроме небольшого нагрева скафандра. Позвольте дюжине человек подкрасться к кораблю, и только высочайшее мастерство экипажа может помочь избавиться вам от них. Если один или двое из них все-таки прорвутся к нему и сумеют с помощью ручного оружия взорвать воздушный шлюз, то атакованный ими корабль будет серьезно ослаблен. И сейчас, когда он уловил это маленькое пятнышко, ему следовало увеличить бдительность для защиты от такого губительного нашествия. Он стал наводить один из бластеров ближнего боя. Одинокая фигура попала в центр, и Бигман был уже готов открыть огонь, но тут ожил его радиоприемник. На мгновение он замер. Пираты напали без предупреждения, не делая попыток связаться с ним, не предлагая сдаться, не назначая сроков, ничего. Что же им нужно сейчас?

Он заколебался, а звук тем временем превратился в слово:

— Бигман... Бигман...

Бигман выпрыгнул из кресла, забыв про человека в скафандре, про сражение, про все на свете — Лаки! Это ты?

— Я около корабля... Скафандр... Воздух кончается...

— Великая Галактика! — Бигман, с побелевшим от волнения лицом, маневрируя «Звездным стрелком», приближался к фигуре в скафандре, которую он чуть не уничтожил...

Бигман следил за Лаки, который, скинув шлем, все еще жадно вдыхал воздух.

— Ты отдохнул бы, Лаки.

— Позже,— отмахнулся Лаки. Он выбрался из скафандра.— Они уже атаковали?

Бигман кивнул:

— Это ерунда. Они поломают себе зубы о «Звездного стрелка».

— У них есть и более крепкие зубы, чем те, что они показывают,— ответил Лаки.— Мы должны уйти отсюда, и побыстрей. Они вызовут тяжелые суда, и даже наших запасов энергии надолго не хватит.

— Откуда они возьмут тяжелые суда?

— Здесь, внизу, важная пиратская база. Возможно, даже главная база.

— Ты имеешь в виду, что это не астероид отшельника?

— Я имею в виду, что нам следует уйти.

Со все еще бледным от тяжелых испытаний лицом, он взял управление в свои руки. И в первый раз за все это время скала на экранах сдвинулась со своего места. Даже подвергаясь атакам, Бигман не нарушил прощального распоряжения Лаки — находиться на одном и том же месте двенадцать часов. Скала начала расти.

— Если мы должны уйти, то зачем мы приземляемся?— запротестовал Бигман.

— Мы не приземляемся,— в то время как Лаки внимательно следил за экраном, его рука опустилась на управление тяжелыми бластерами. Не торопясь, он настраивал бластер для ведения огня по обширной площади. Он ждал чего-то, о чем удивленный Бигман

не мог догадаться, а затем открыл огонь. Поразительной яркости пламя вспыхнуло на поверхности астероида. Потом оно начало чернеть и исчезло.

— А сейчас давай уносить ноги,— сказал Лаки. И пока новые корабли только поднимались с поверхности астероида, включил двигатели на полную мощность.

Через полчаса, когда астероид исчез, а преследователи благополучно отстали, Лаки сказал:

— Вызывай Цереру, я хочу переговорить с Конвеем.

— Ладно. Послушай, у меня есть координаты этого астероида. Передать их? Мы сможем послать туда флот и ...

— Это ничего не даст,— ответил Лаки,— в этом нет необходимости.

Глаза Бигмана расширились от удивления.

— Не думаешь ли ты, что твой выстрел разрушил астероид?

— Конечно, нет. Я едва прикоснулся к нему. Ты поймал Цереру?

— Есть некоторые трудности,— с обидой ответил Бигман. Он понял, что Лаки что-то замышляет, а в этом состоянии из него и слова не выжмешь.

— Погоди, это здесь. Но что это? Они передают общую тревогу!

Разъяснения были излишними. Передача была некодированной и совершечно ясной.

— Общий вызов всем частям флота, находящимся вне орбиты Марса. Церера атакована вражескими силами, предположительно, пиратами... Общий вызов всем частям флота, находящимся...

— Великая Галактика!— только и смог вымолвить Бигман.

— Что бы мы ни делали, они все время на шаг впереди нас,— с досадой сказал Лаки.— Нам следует вернуться! Быстрее!

Группы отлично взаимодействующих друг с другом кораблей вдруг появились из пространства. Вся группировка ударила прямо по обсерватории. В ответ на это обороняющиеся также сконцентрировали все свои силы в этой точке. Корабль за кораблем пикировал вниз, обрушивая удар за ударом на явно неуязвимую защиту. Ни один из кораблей не рискнул взорвать находящиеся на поверхности энергетические установки, положение которых было, вероятно, хорошо известно пиратам. Правительственные корабли взлетели, наземные батареи открыли огонь. В конце концов, два пиратских корабля были уничтожены. Во время погони еще один корабль едва не был взят в плен, когда исчерпались его запасы энергии. В последний момент он был взорван, возможно, даже собственным экипажем. Еще во время атаки кое-кто из оборонявшихся подозревал, что этот налет — всего лишь отвлекающий маневр. Позднее факты подтвердили это. Пока все внимание обороны было приковано к району обсерватории, три пиратских корабля, оставшиеся незамеченными, опустились в сотне миль от нее. Пираты высадились и с ручным оружием и портативной пушкой атаковали с летающих «космосаней» воздушные шлюзы жилой зоны. Шлюзы были взорваны, и они хлынули вниз, в коридоры, из которых весь воздух немедленно улетучился. В коридорах верхнего уровня располагались фабрики и уч-

реждения, все работники которых были эвакуированы по первому сигналу тревоги. Их место заняли одетые в скафандры члены местной милиции, которые храбро сражались, но были все же не ровня профессионалам с пиратских кораблей. На самых глубоких уровнях был слышен шум битвы. Церера по радио запросила помощи. Пираты отступили так же внезапно, как и появились. Когда они ушли, защитники Цереры подсчитали свои потери. Пятнадцать человек было убито и намного больше ранено. Пираты же потеряли пять человек.

— А один человек,— рассказывал Конвей прибывшему позднее Лаки,— пропал без вести. Но так как он не был в списках постоянных жителей, мы смогли добиться, чтобы его имя не попало в передачу новостей.

Лаки застал Цереру в состоянии истерического страха, что налет повторится. За жизнь целого поколения это было первое нападение врага на значительный земной центр. Лаки пришлось пройти три проверки, прежде чем ему разрешили приземлиться.

Лаки сидел сейчас в офисе Совета вместе с Конвеем и Генри, с горечью в голосе он сказал:

— Так Хансен пропал! Очень жаль.

— Я расскажу тебе про старого отшельника,— отвечал Генри.— У него было достаточно мужества. Когда пираты проникли внутрь, он потребовал разрешения надеть скафандр, добыл бластер и пошел вместе с милицией.

— Если бы он оставался здесь,— сказал Лаки,— то мог бы принести значительно больше пользы. Как вы не остановили его? Разве при нынешних обстоятельствах можно было так рисковать им? — Обычно спокойный, Лаки сейчас едва сдерживал свой гнев.

— Нас не было рядом с ним,— терпеливо объяснял Конвей.— Охранник, на которого возложили заботу о Хансене, жаловался, что из-за него он не может выполнить свой долг и принять участие в защите Цереры. А так как Хансен настаивал на том, чтобы присоединиться к милиции, то охранник решил, что он таким образом сможет сделать и то и другое — и сражаться с пиратами и охранять Хансена.

— Но он не уберег его.

— Едва ли его можно обвинить в этом при таких обстоятельствах. В последний раз охранник видел Хансена, целившегося в пиратов. Следующее что он помнит — пираты отступают, а рядом никого нет. Тело Хансена найдено не было. Пираты захватили его живым или мертвым.

— Да, видно это так,— сказал Лаки.— А сейчас позвольте мне сообщить вам одну вещь. Я уверен, что вся атака на Цереру была задумана только для того, чтобы захватить Хансена.

Генри достал свою трубку.

— Ты знаешь, Гектор,— сказал он, обращаясь к Конвею,— я почти согласен с Лаки. Атака на обсерваторию была какой-то фальшивой, просто дымовая завеса, чтобы отвлечь наши силы. Захват Хансена был единственной целью, которую они ставили перед собой.

Конвей фыркнул.

— Такой источник информации, как отшельник, не стоит того, чтобы рисковать тридцатью кораблями.

— Это еще вопрос,— резко возразил Лаки.— Астероид, где я был, это целый завод. Возможно, они уже готовы начать большую войну. Предположим, что Хансен знал точную дату наступления? Можно даже предположить, что он знал всю систему.

— Тогда почему он не сказал этого нам? — спросил Конвей.

— Возможно, —сказал Генри,— он выжидал, чтобы купить себе безопасность. У нас не хватило времени обсудить с ним это. Вы должны признать, что, если он обладал такого рода информацией, то несколько судов — небольшая плата за нее. И, думаю, Лаки прав, говоря об их готовности к широкомасштабным действиям.

Лаки быстро перевел взгляд с одного на другого.

— Почему вы сказали это, дядюшка Августас? Что произошло?

— Расскажите ему, Гектор,— сказал Генри.

— Зачем говорить ему что-либо,— огрызнулся Конвей,— я устал от его самовольных действий. Он захочет лететь на Ганимед.

— Что там на Ганимеде? — спокойно спросил Лаки. Насколько он знал, на Ганимеде не было ничего интересного. Это был самый большой спутник Юпитера, но его близость к планете затрудняла маневры и делала невыгодным полеты в его окрестностях.

— Скажи ему,— настаивал Генри.

— Послушай,— сказал Конвей,— мы знали, что Хансен важная птица. Мы потому и не следили за ним в последнее время все так же внимательно, что были озабочены сообщением, полученным за два часа до налета пиратов. Совет сообщил, что силы Сириуса высадились на Ганимеде.

— А почему Совет так решил?

— Был обнаружен компактный пучок радиосигналов. Это длинная история, но суть в том, что совершенно случайно было перехвачено несколько отрывков кодированного сообщения. Эксперты заявили, что это сирианский код, и кроме того, на Ганимеде не было ни одной земной станции, которая могла бы излучать пучок сигналов такой плотности. Когда напали пираты, мы, Августас и я, как раз шли к Хансену, чтобы забрать его и вернуться на Землю. Раз появились сирианиты, то в любой момент здесь может разразиться война.

— Я понял,— сказал Лаки.— Но прежде, чем мы вернемся на Землю, мне следует выяснить одну вещь. Нападение пиратов снималось на кинопленку? Я надеюсь, защитники Цереры не были настолько охвачены паникой, чтобы забыть о съемках?

— Съемка проводилась. Ты думаешь, она чем-то поможет?

— Я скажу вам это после просмотра.

Одетый в форму со знаками различия высокого ранга, военный проектировал на стену засекреченные кадры, демонстрирующие события, которые позднее будут фигурировать в истории под названием «Церерского рейда».

— Обсерваторию атаковали двадцать семь кораблей. Это правда? — спросил Лаки.

— Правда,— ответил командир.— Не более того.

— Хорошо. Тогда давайте проверим, правильно ли я знаю факты. Двое из этих кораблей были уничтожены во время боя и еще один при преследовании. Оставшиеся двадцать четыре ушли, но каждый из них получил повреждение во время бегства. Правильно?

Командир улыбнулся.

— Если вы думаете, что какой-нибудь из этих кораблей опустился на Цереру и все еще прячется здесь, то вы заблуждаетесь.

— Поскольку это относится к этим двадцати семи кораблям, возможно. Но три больших корабля высаживались на Цереру, и их команды атаковали воздушный шлюз жилой зоны. Где их изображения?

— К сожалению, мы их не заметили,— смущенно признался командир.— Их маневр был полнейшей неожиданностью. Но мы получили их изображения во время бегства, и вы их уже видели.

— Да, вы их демонстрировали, но изображения лишь двух кораблей. Очевидцы же сообщали, что приземлились три корабля.

— И все три поднялись и улетели,— твердо сказал командир,— очевидцы подтвердили и это.

— Но у вас есть изображения только двух?

— Да, это так.

— Благодарю.

Как только они вернулись к себе, Конвей спросил:

— А теперь скажи, Лаки, зачем тебе это понадобилось?

— Я подумал, что корабль Антона мог делать интересные вещи. Съемки доказывают это.

— Где на них это было?

— Нигде. Вот это и любопытно. Его корабль — единственный пиратский корабль, который я смог бы опознать. Однако в рейде не принимал участия ни один из похожих на него кораблей. Это очень странно, так как Антон их командир. Точнее, это было бы очень странно, если бы не факт, что напало тридцать кораблей, а мы получили изображение лишь двадцати девяти. Недостающим тридцатым и был корабль Антона!

— Даже если это и так,— сказал Конвей,— то что из этого следует?

— Атака на обсерваторию была ложной, — продолжал Лаки.— Это сейчас признают все. Наиболее важную часть операции выполняли те три корабля, которые атаковали воздушные шлюзы, а они-то и были под командой Антона. Два из них при отступлении соединились с основной силой: это был отвлекающий маневр. Тридцатый, *собственный корабль Антона, и единственный, которого мы не видели*, продолжил выполнение основной задачи. Он ушел по совершенно другой траектории. Люди видели его уход в пространство, но затем он так резко изменил свой курс, что наши корабли не смогли даже заснять его на пленку.

Конвей обреченно сказал:

— Ты хочешь сказать, что они полетели на Ганимед?

— Разве это не очевидно? Пираты, даже хорошо организованные, не могут сами атаковать Землю и подвластные ей территории. Но они могут затеять превосходную отвлекающую драку. Они могут

отвлечь столько кораблей, что сирианитский флот легко разобьет оставшиеся. С другой стороны, Сириус не может вести успешную войну на расстоянии восьми световых лет от своих планет без помощи пиратов. Ведь восемь световых лет — это сорок пять триллионов миль. Корабль Антона мчится на Ганимед, чтобы гарантировать им эту помощь и дать слово начать войну. И, конечно, без предупреждения.

— Хорошо,— вздохнул Конвей,— что мы наткнулись на их базу на Ганимеде.

— Даже имея сведения о Ганимеде,— сказал Генри,— мы не понимали бы всей серьезности ситуации без этих двух рейдов Лаки на астероид.

— Я знаю. Мои извинения Лаки,— сказал Конвей,— между тем, у нас мало времени, чтобы что-либо предпринять. Мы должны тут же ударить пиратов в самое сердце. Эскадра кораблей направится к тому астероиду, о котором Лаки рассказывал нам.

— Нет,— сказал Лаки,— это не годится.

— Почему?

— Мы не хотим начинать войну в том случае, если она начнется с победы. Это как раз то, к чему они стремятся. Послушайте, дядюшка Гектор, этот пират, Динго, мог бы сжечь меня прямо на астероиде. Вместо этого, он получил приказ бросить меня умирать в космосе. Раньше я думал, что это было сделано для того, чтобы моя смерть походила на несчастный случай, теперь я понимаю, что пираты хотели вызвать гнев Совета. Они собирались показать, что не побоялись убить человека Совета и этим спровоцировать нас на преждевременное нападение. Их налет на Цереру преследовал ту же цель — заставить напасть на них.

— Ну, а если мы начнем войну с победы?

— Здесь, на этой стороне Солнца? И оставить Землю по другую его сторону, лишенной защиты нашего флота? С находящимися на Ганимеде, также по другую сторону от Солнца, кораблями Сириуса, только и ждущими момента, чтобы напасть на Землю и завладеть ею. Считаю, что это будет очень дорогостоящая победа. Лучшая наша политика — не начинать войну, а постараться предотвратить ее.

— Как?

— Пока корабль Антона не достигнет Ганимеда, ничего не произойдет. Предположим, что мы сумеем перехватить его и тем самым сорвать их встречу.

— Перехват — это счастливый случай,— с сомнением сказал Конвей.

— Нет, если я полечу на «Звездном стрелке». Это самый быстрый и имеющий наиболее чувствительные измерители энергии корабль флота.

— Ты полетишь один? — закричал Конвей.

— Опасно посылать силы флота. Сирианиты на Ганимеде примут это за нападение. Они окажут противодействие, и таким образом начнется большая война, которую мы стараемся предотвратить. А «Звездный стрелок» не вызовет у них подозрения. Это будет

всего один корабль, и они не станут ничего предпринимать.

— Ты слишком оптимистичен, Лаки,— сказал Генри.— Антон стартовал на двенадцать часов раньше. Даже «Звездный стрелок» не сможет догнать его.

— Вы ошибаетесь. Он сможет. И как только я перехвачу их, дядюшка Августас, мне кажется, я сумею вынудить капитана Антона капитулировать. Без их помощи Сириус не сможет напасть на нас, и войны не будет.

Они смотрели на него с изумлением.

— Я уже дважды возвращался,— серьезно сказал Лаки.

— Каждый раз наполовину чудом,— проворчал Конвей.

— В те разы я не знал, с кем имею дело. Я просто чувствовал, что нужно делать. Но этот раз я знаю. И знаю точно. Послушайте, я подготовлю «Звездного стрелка» и договорюсь с обсерваторией Цереры, чтобы они провели необходимые наблюдения. А вы двое свяжетесь по радио с Землей. Добейтесь у Координатора ...

— Я сам позабочусь об этом, сынок,— прервал его Конвей.— Я начал заниматься правительственными делами раньше, чем ты родился. И, Лаки, позаботишься ли ты когда-нибудь о себе?

— Когда-нибудь, дядюшка Генри, дядюшка Гектор.

Он сердечно пожал им руки и умчался.

Бигман шел, мрачно шаркая ногами.

— Мне нужно только надеть скафандр, и я готов,— говорил он.

— Я извиняюсь, но в этот раз ты не сможешь пойти со мной, Бигман,— сказал Лаки.

— Почему?

— Потому что я полечу на Ганимед кратчайшим путем.

— Каким это кратчайшим путем?

Лаки напряженно улыбнулся.

— Я сокращу путь, пройдя сквозь Солнце!

И он пошел по полю к «Звездному стрелку», оставив Бигмана стоять с открытым ртом.

Трехмерная карта Солнечной системы имеет вид плоской плиты. В центре ее расположено Солнце, доминирующий центр системы. Оно действительно доминирует, так как содержит 99,8 процентов всей материи Солнечной Системы. Другими словами, оно весит в пятьсот раз больше, чем все остальное, составляющее Солнечную систему. Вокруг Солнца вращаются планеты. Все они вращаются почти в одной плоскости, называемой эклиптикой. При полетах от планеты к планете космические корабли обычно придерживаются плоскости эклиптики. Оставаясь в ней, они находятся внутри главных линий межпланетных коммуникаций и могут делать остановки на пути к месту назначения. Иногда, для увеличения скорости, или когда корабль хочет остаться незамеченным, и в особенности, когда нужно лететь к объекту, расположенному по другую сторону Солнца, корабль покидает плоскость эклиптики. Это-то, как думал Лаки, и должен был сделать корабль Антона. Он мог бы вылететь из «плиты», которая была Солнечной Системой, сделать гигантскую дугу над Солнцем и вернуться в «плиту» в окрестностях Ганимеда. Несомненно, Антон, стартовал именно по такой траектории, иначе обо-

ронявшиеся засняли бы его на пленку. Это стало второй натурой человека — делать все наблюдения в космосе в плоскости эклиптики. А когда они догадались повернуть камеры в другие направления, Антон уже был слишком далеко. Но, думал Лаки, наиболее вероятно, что Антон ненадолго покинул плоскость эклиптики. Он стартовал таким образом, чтобы покинуть ее и уйти из-под наблюдения, но он должен на нее вернуться. Для этого есть много причин. Пояс астероидов тянулся вдоль Солнца, и астероиды были равномерно распределены по всему поясу. Держась внутри него, Антон мог оставаться среди астероидов до тех пор, пока не подойдет к Ганимеду на расстояние не больше ста миллионов миль. Это означает, что он будет в полной безопасности. Земное правительство фактически отказалось от своей власти над астероидами, и, за исключением трасс к четырем крупнейшим скалам, правительственные корабли не проникали в эту область. Кроме того, даже если бы какой-нибудь корабль и оказался на дороге, Антон был в такой позиции, что легко мог вызвать подкрепление с какого-либо близко расположенного астероида, на котором находилась их база. Да, думал Лаки, Антон вернется в пояс. Отчасти в связи с этими мыслями, а отчасти потому, что у него были собственные планы, Лаки повел «Звездного стрелка» прочь от плоскости эклиптики по дуге малой кривизны. Ключом ко всему было Солнце. Оно было ключом к Системе. При полете с одной стороны Системы на другую, корабль должен был лететь по дуге, огибая Солнце. Ни один пассажирский корабль не приближался к нему ближе шестидесяти миллионов миль. Даже на таком расстоянии для пассажиров требовалось охлаждение системы. Специально оборудованные корабли могли совершать полеты на Меркурий, расстояние которого от Солнца измерялось от двадцати восьми до сорока трех миллионов миль. Корабли могли достигать Меркурия только в наиболее удаленных от Солнца частях его орбиты. На расстояниях ближе тридцати миллионов миль начинали плавиться металлы. Иногда строились специальные корабли, предназначенные для наблюдения за Солнцем на сверхблизких расстояниях. Их корпус обрабатывался и пропитывался электрическим полем особой природы, что вызывало эффект «псевдоразжижения» по внешнему молекулярному слою корпуса. Такое поле почти полностью отражало тепловое излучение, так что во внутрь корабля проникала только ничтожная часть падающего излучения. Снаружи такой корабль казался зеркалом. Однако, на расстоянии пяти миллионов миль температура внутри даже такого корабля поднималась выше точки кипения воды. Даже если бы люди смогли выдерживать такую температуру, они все равно не смогли бы выдержать тот уровень коротковолновой радиации, которому подвергался корабль на таком близком расстоянии от Солнца. Если двигаться вдоль пояса астероидов, то расстояние между Церерой и Ганимедом в это время составляет около миллиарда миль. А если бы корабль и мог пролететь через место, где находилось Солнце, то расстояние было бы шестьсот миллионов миль, то есть, на сорок процентов меньше. Как раз настолько Лаки и собирался сократить свой путь. Он решительно вел «Звездного стрелка», не покидая своего противоперегрузочного

кресла, ел и спал в нем, постоянно ощущая воздействие ускорения. Только в конце каждого часа Лаки давал себе пятнадцатиминутную передышку. Он пролетел над орбитами Земли и Марса, но даже не воспользовался корабельным телескопом. Смотреть было нечего. Земля находилась по другую сторону от Солнца, да и Марс слишком далеко. Солнце уже было такого размера, каким его видишь с Земли. Лаки мог смотреть на него только через поляризованные видеоэкраны. Еще немного, и он должен был бы воспользоваться стробоскопическими приставками. Индикаторы радиоактивности начали пощелкивать. Внутри орбиты Земли плотность коротковолновой радиации достигла значительной величины. Внутри орбиты Венеры следовало принять специальные меры предосторожности, надеть легкий просвинцованный скафандр.

— Я,— думал Лаки,— буду иметь защиту лучшую, чем свинец. На том расстоянии от Солнца, на которое я собираюсь приблизиться, свинец не поможет. Не поможет вообще никакой материал.

Впервые после прошлогодних приключений на Марсе он достал из сумки на боку хрупкий, полупрозрачный предмет, полученный от энергетических существ Марса. Лаки уже давно отказался от попыток понять принцип его работы. Это был продукт науки, которая развивалась на миллион лет дольше, чем человеческая, и при этом совершенно иным путем. Это было так же непостижимо и невоспроизводимо для него, как космический корабль для пещерного человека. Но оно работало! Вот это и имело значение. Лаки надел предмет на голову. Тот немедленно, словно он был носителем какой-то непостижимой жизни, принял форму его черепа, и вокруг него замерцал свет. Да и все тело Лаки замерцало, словно его усыпал миллиард светлячков, именно из-за этого Бигман назвал это явление «мерцающей защитой». На лице и на голове Лаки была сплошная пелена блеска, полностью смазывающая черты его лица, однако не мешающая ему хорошо видеть все происходящее вокруг. Это была энергетическая защита, предназначенная аборигенами Марса для Лаки. Она была непроницаема для всех видов энергии, кроме тех, что были необходимы его телу — таких, как определенной интенсивности свет и небольшое количество тепла. Газы проникали внутрь свободно, так что Лаки мог легко дышать, но у горячих газов при этом отбиралась лишняя энергия, так что они проникали внутрь значительно охлажденными. После того как «Звездный стрелок» пересек орбиту Венеры, продолжая при этом приближаться к Солнцу, Лаки совсем перестал снимать свою защиту. Пока он носил ее, он не мог ни есть, ни пить, но вынужденный пост не должен был продлиться больше суток. Он летел сейчас с ужасающей скоростью, значительно большей, чем когда-либо ранее. К тяге гиператомного двигателя «Звездного стрелка» добавилось невообразимое притяжение гигантского гравитационного поля Солнца. Сейчас он пролетал несколько миллионов миль в час. Лаки включил электрическое поле, вызывающее эффект «псевдоразжижения» во внешнем слое обшивки корабля. Он порадовался своей предусмотрительности, которая заставила его настоять на этом дополнительном оборудовании во время строительства «Звездного стрелка». Ртуть в термо-

метре, показывающем температуру около ста градусов по Фаренгейту, начала падать. Видеоэкраны потемнели, так как их тонкий стеклопластик был накрыт металлическими щитками, предохраняющими его от размягчения и повреждения, вызванного жаром Солнца. К моменту, когда была достигнута орбита Меркурия, счетчики радиации обезумели. Их трескотня стала непрерывной. Лаки поместил свою мерцающую руку над приемным окном, и шум стих. Проникновение внутрь сверхжесткой гамма-радиации, заполнившей весь корабль, было задержано нереальным свечением, окутывающим его тело. Температура, упавшая было ниже восьмидесяти градусов, несмотря на зеркальный слой обшивки, снова начала расти. Она миновала отметку в сто пять градусов и продолжала повышаться. Регистраторы гравитации показывали, что до Солнца осталось не больше десяти миллионов миль. Вода в глубокой миске, которую Лаки поместил на столе и которая начала парить час назад, теперь кипела. Температура внутри корабля достигла точки кипения воды — двести двадцать градусов. «Звездный стрелок», подгоняемый Солнцем, был теперь не дальше пяти миллионов миль от него. Подходить ближе было нельзя. Фактически корабль находился внутри внешнего, наиболее разреженного слоя солнечной атмосферы — его короны. Так как Солнце было целиком газообразным (хотя большей частью это был газ, который не мог существовать даже в самых экстремальных условиях в лаборатории), оно не имело поверхности и его «атмосфера» была частью гигантского тела Солнца. Прохождение сквозь корону означало прохождение сквозь Солнце. То, что Лаки сказал Бигману, он и собирался сейчас сделать. Им овладело любопытство. Ни один человек никогда не был так близко к Солнцу. Возможно, никто и никогда не будет здесь снова. Никто, конечно, не сможет с такого расстояния посмотреть на Солнце невооруженным глазом. Самый быстрый взгляд на него отсюда — это мгновенная смерть. Но на нем была надета марсианская энергетическая защита. Могла ли она выдержать излучение Солнца на дистанции в пять миллионов миль? Он понимал, что не имеет права рисковать, но им овладел порыв безрассудства. Главный экран корабля был снабжен стробоскопическим рядом отверстий. Они открывались по очереди — каждое из шестидесяти четырех отверстий на одну миллионную долю секунды раз в четыре секунды. Для глаза (да и для кинокамеры) экспозиция казалась непрерывной, но в действительности каждый участок стекла получал только одну четырехмиллионную часть излучаемой Солнцем энергии. Однако, даже в этом случае требовались специально сконструированные, мало пропускающие свет линзы. Пальцы Лаки твердо, но почти без участия сознания потянулись к пульту управления. Ему не давала покоя мысль, что он может упустить такую невероятную возможность. Используя детектор гравитации как индикатор, он направил экран прямо на Солнце. Затем повернулся и замкнул контакт. Прошли секунда, затем две. Он представлял себе, как нагревается его затылок, он был почти готов к смерти от радиации. Но ничего не случилось. То, что он увидел, невозможно было забыть. Сверкающая поверхность, вся в морщинах и складках, заполнила весь видеоэкран. Это была только часть Соли-

ца, так как на таком расстоянии невидимый диаметр Солнца был в двадцать раз больше того, который был виден с Земли. Оно занимало на небе в четыреста раз больше места. То, что попало на видеоэкран, было парой солнечных пятен, казавшихся темными на ярком фоне. Внутри них кружились и погружались в глубину раскаленные добела нити. Пятна представляли собой активные области, заметно двигавшиеся по экрану. Это было вызвано не собственным движением Солнца или его вращением, которое даже на экране не превышало четыреста миль в час, а просто гигантской скоростью «Звездного стрелка». Пока он смотрел на светило, сгусток раскаленного, слабо различимого на ярком фоне газа выстрелил по направлению к нему и начал постепенно темнеть по мере того, как удалялся от Солнца и охлаждался. Лаки переместил экран, поймав край Солнечного диска, и сейчас пылающий газ, гигантские струи газообразного вещества, называемого протуберанцами, ярко пламенели на фоне черного неба. Протуберанцы, в медленном движении, вытягивались наружу, утончаясь и приобретая фантастические формы. Лаки знал, что каждый их них может разместить дюжину планет, подобных Земле, и что любое солнечное пятно способно проглотить Землю, даже без всякого всплеска. Он закрыл экран. Даже находясь в безопасности, ни один человек не мог наблюдать Солнце с такой дистанции спокойно — его начала угнетать мысль о ничтожности Земли и всех ее творений. «Звездный стрелок» миновал половину пути и быстро удалялся в сторону орбит Меркурия и Венеры. Сейчас он замедлял свой стремительный бег. Он летел кормой вперед и его главный двигатель действовал как тормоз. После пересечения орбиты Венеры, Лаки снял и убрал свою защиту. Охлаждающие системы работали на полную мощность, освобождая корабль от излишков тепла. Питьевая вода была все еще неприятно горячей, а консервы, из которых вся влага испарилась, вздулись.

Солнце съежилось. Лаки смотрел на него. Оно снова было равномерно пылающей сферой — пятна, гигантские протуберанцы, сгустки газа не просматривались с такого расстояния. Только его корона, видимая в космосе отовсюду, вытягивалась на миллионы миль во всех направлениях. Лаки невольно вздрогнул при мысли, что он только что прошел сквозь нее. Он прошел не более чем в пятнадцати миллионах миль от Земли и в свой телескоп хорошо разглядел знакомые очертания, проглядывающие сквозь рваные белые массы облачных валов. Лаки почувствовал приступ острой тоски по Земле, а затем ее сменила твердая решимость отвести угрозу войны от занятых интенсивной деятельностью миллиардов людей, населяющих эту планету, которая была Родиной человечества, расселившегося по всей Галактике. Затем и Земля осталась позади. Пройдя Марс и вернувшись в пояс астероидов, Лаки спокойно направил корабль к Юпитеру — этой миниатюрной системе, расположенной внутри другой — большой системы. Ее центром был Юпитер, размеры которого превышали все остальные планеты солнечной системы вместе взятые. Вокруг него вращались четыре больших спутника, три из которых — Ио, Каллисто и Европа были такого же размера, как Лу-

на, а четвертый, Ганимед, намного больше. Он был больше Меркурия и почти равен по величине Марсу. Вдобавок вокруг Юпитера вращалось около дюжины мелких спутников с диаметрами от сотен миль до нескольких ярдов. В корабельный телескоп Юпитер казался огромным желтым шаром, испещренным слабыми оранжевыми полосами, одна из которых так раздувалась, что была известна с докосмического времени под именем «Большое красное пятно». Три больших спутника, включая Ганимед, были по одну сторону планеты, а четвертая по другую. Теперь Лаки мог почти целый день поддерживать связь с главной штаб-квартирой Совета на Луне, зная, что его никто не подслушивает. Его анализаторы спектра обшаривали пространство. Они обнаружили множество кораблей, но Лаки был нужен только один, с двигателями сирианитского производства, спектр которых он опознает сразу же, в любой момент его появления. И, наконец, на расстоянии в двадцать миллионов миль появился корабль, спектр излучения которого вызвал у него подозрение. Лаки двинулся в его направлении, и характерные кривые стали более определенными. На дистанции в сотню тысяч миль корабль выглядел в телескоп как слабое пятнышко. На расстоянии в десять тысяч миль стали видны очертания и форма. Это был корабль Антона. На расстоянии в тысячу миль (и все еще в пятидесяти миллионах миль от Ганимеда) Лаки послал первое сообщение, требуя, чтобы Антон повернул свой корабль назад, в направлении Земли. В сотне миль Лаки получил ответ — энергетический импульс, который заставил завыть от напряжения генераторы и тряхнул «Звездный стрелок» так, словно он столкнулся с другим кораблем. Усталое лицо Лаки вытянулось от удивления. Корабль Антона был вооружен куда лучше, чем он предполагал.

В течение часа маневры обоих кораблей ни к чему не привели. Корабль Лаки был лучше и быстрее, но у капитана Антона был экипаж. Каждый из людей Антона мог заниматься чем-нибудь одним. Один мог наводить орудия, другой вести огонь, третий контролировать работу реактора, в то время как Антон руководил их действиями. Лаки, которому приходилось все делать самому, оставалось надеяться на силу слова.

— Вы не сможете попасть на Ганимед, Антон, а ваши друзья не посмеют высунуться раньше, чем узнают, что происходит. Вы, Антон, обречены, мы знаем все ваши планы ... Нет смысла пытаться послать сообщение на Ганимед, Антон. Мы заглушили радиосвязь в направлении Юпитера. Сообщение не достигнет цели ... Правительственные корабли на подходе. Считайте минуты. У вас их осталось не много, если вы не сдадитесь... Сдавайтесь, Антон. Сдавайтесь.

Все это говорилось в то время, как «Звездный стрелок» увертывался от огня такой мощи, которого Лаки никогда раньше не видел. И не от всех струй энергии удавалось увернуться. Энергетические запасы «Звездного стрелка» были на исходе. Лаки хотелось верить, что корабль Антона испытывает те же трудности, но когда он сам выстрелил по его кораблю, снаряды не достигли цели. Он не осмелился ослабить защиту. Спешащие к месту схватки корабли Земли будут здесь не раньше, чем через несколько часов. Что, если в эти

часы Антон сумеет подавить его энергетические запасы, избавиться от него и рвануться к Ганимеду. А «Звездный стрелок» сможет лишь следить за ним, не в силах остановить пиратов. Кроме того на помощь Антону в любую минуту может прийти пиратский флот... Лаки не осмеливался до конца осмыслить эти варианты. Возможно, он ошибся, не доверяя с самого начала правительственным судам. Нет, убеждал он себя, только «Звездный стрелок» мог перехватить Антона в пятидесяти миллионах миль от Ганимеда, только с его скоростью, только с его анализаторами спектра можно было сделать это. На таком расстоянии от Ганимеда не было опасно вызывать подразделения флота для уничтожения пиратов. Ближе к Ганимеду действия флота станут опасными. Внезапно ожил включенный все это время радиоприемник. Беззаботное и улыбающееся лицо Антона заполнило экран.

— Я вижу, ты снова ускользнул от Динго?

— Снова? — удивился Лаки.— Вы хотите сказать, что во время дуэли на газовых ружьях он просто выполнял приказ?

Протянувшееся к кораблю Лаки энергетическое щупальце внезапно превратилось в разрушительной силы поток энергии. Лаки рванулся в сторону с ускорением, которое едва смог вынести. Антон рассмеялся.

— Не карауль меня так близко. Мы едва не застали тебя врасплох. Конечно, Динго действовал по приказу. Мы знаем, что делаем. Динго не знал, кто ты такой на самом деле, но я знал. Почти с самого начала.

— Это знание ничего вам не дало,— сказал Лаки.

— Это Динго не дало. Возможно, ты позабавишься, узнав, что он, скажем так, казнен. Плохо совершать ошибки. Но здесь этот разговор не к месту. Я только хотел сказать, что хоть это все и развлекает меня, но я сейчас уйду.

— Вы никуда не уйдете,— ответил Лаки.

— Я попробую пролететь на Ганимед.

— Вы будете остановлены.

— Правительственными судами? До сих пор я их не видел. И здесь нет никого, кто мог бы вовремя остановить меня.

— Я смогу остановить вас.

— Ты остановишь меня? Но что ты можешь со мной сделать? Я вижу, как ты сражаешься. Ясно, что на борту ты один. Если бы я знал это с самого начала, то не возился бы с тобой так долго. Ты не сможешь воевать с целой командой.

— Я могу пойти на таран,— сказал Лаки низким, напряженным голосом.— Я могу совершенно уничтожить вас.

— И себя также, помни это.

— Это не имеет значения.

— Пожалуйста. Ты вещаешь, словно космический бойскаут. Сейчас ты еще продекламируешь клятву юного космического патрульного.

— Слушайте, люди на борту космического корабля!— Лаки повысил голос.— Если ваш капитан попытается прорваться в сторону Ганимеда, я протараню судно. Это верная смерть для всех

вас, если только вы не сдадитесь. Я обещаю вам беспристрастное судебное разбирательство. Я обещаю вам, что если вы присоединитесь к нам, то получите максимально возможное вознаграждение. Не позволяйте Антону расплачиваться вашими жизнями ради выгоды его сирианитских друзей.

— Говори, шпик, говори,— сказал Антон.— Я позволил им слушать. Они знают, какой суд и какое вознаграждение их ожидают. Впрыскивание энзимного яда.— Его пальцы сделали движение, словно втыкали иглу в кожу,— вот что они получат. Они не боятся тебя, прощай, шпик.

Иглы регистраторов гравитации поползли вниз, когда корабль Антона набрал скорость и рванулся прочь Лаки посмотрел на экраны. Где же правительственные суда? Проклятый космос, где правительственные суда? Он увеличил ускорение. Иглы регистраторов гравитации снова пошли вверх. Мили между кораблями таяли. Антон увеличил скорость, но возможности к ускорению у «Звездного стрелка» были выше. Улыбка продолжала сиять на лице Антона.

— Осталось пятьдесят миль,— сказал он. Затем,— сорок пять.— Еще пауза.— Сорок. Ты помолился, шпик?

Лаки не ответил. У него не было выбора. Раньше, чем Антон сможет связаться с Ганимедом, раньше, чем война придет на Землю, он должен остановить Антона даже ценой собственной жизни, если нет другой возможности. Корабли неслись один за другим по длинной пологой кривой.

— Тридцать,— лениво произнес Антон.— Ты никого не испугаешь, Старр, ты будешь просто смешон. Меняй курс и уходи домой.

— Двадцать пять,— решительно ответил Лаки.— Вы имеете пятнадцать минут, чтобы сдаться или умереть.

На видеоэкране позади Антона появилось чье-то лицо. Человек стоял, прижав палец к бледным узким губам. Лаки отвел взгляд, чтобы Антон не мог ничего заметить, а затем снова взглянул на экран. Оба корабля неслись с максимальным ускорением.

— В чем дело, Старр?— спросил Антон.— Испугался? Сердце затрепетало?— В его глазах плясали огни, губы приоткрылись.

Лаки вдруг осознал, что Антон наслаждается ситуацией, что он считает все это увлекательной игрой, что для него это просто прием, посредством которого он мог продемонстрировать свою силу.

В этот момент Лаки понял, что Антон никогда не сдастся, что он скорее позволит таранить свой корабль, чем отступит. И Лаки понял, что спасения от смерти нет.

— Пятнадцать миль,— сказал Лаки.

Лаки узнал человека, что стоял за Антоном. Это был Хансен. Отшельник. В руках у него был какой-то предмет.

— Десять миль,— сказал Лаки. И добавил:— Шесть минут и я протараню вас. Ради космоса, я протараню вас!

Это был бластер. Хансен держал бластер. Но Антон не должен был увидеть на лице Лаки ничего, что могло бы выдать Хансена. Антон жаждал увидеть появление страха на лице Лаки. Для Лаки

это было совершенно ясно. Антон не услышал, как щелкнул за ним затвор бластера.

Выстрел пришелся пирату в спину. Смерть наступила так внезапно, что улыбка не успела исчезнуть с его лица. Антон упал вперед, на видеоэкран, и несколько мгновений его лицо оставалось прижатым к экрану — гораздо большее, чем при жизни, злобно глядевшее на Лаки мертвыми глазами.

— Эй, вы, все назад,— услышал Лаки громкий голос Хансена. — Вы что, хотите умереть? Мы сдаемся. Приходи и бери нас, Старр.

Лаки изменил направление ускорения на два градуса. Этого было достаточно, чтобы пройти мимо. Его регистраторы спектра сейчас ясно регистрировали излучение двигателей приближающихся правительственных кораблей. Они в конце концов пришли. Корпус корабля Антона был усыпан белыми огнями — сигнал о сдаче.

Это было почти правилом — флот никогда не был удовлетворен, когда Совет Наук вмешивался в то, что военные считали компетенцией вооруженных сил. Особенно, когда вмешательство было эффективным и успешным. Лаки Старр хорошо это знал. Он был подготовлен к плохо скрываемому адмиральскому неодобрению.

— Доктор Конвей подробно разъяснил мне ситуацию,— сказал адмирал. — И мы благодарим вас, Старр, за ваши действия. Однако, вы должны понять, что флот давно осознал сирианитскую опасность и выработал собственный план действий. Эти действия могут быть неприемлемы для части членов Совета. Вы можете упомянуть об этом доктору Конвею. Сейчас запрошу Координатора и согласую с ним дальнейшее взаимодействие с Советом на последующих стадиях борьбы с пиратами, но,— в его взгляде скользило упрямство,— я не могу согласиться с вашими предложениями отложить атаку на Ганимед. Я думаю, флот способен принимать свои собственные решения там, где дело касается сражения и победы.

Адмиралу было за пятьдесят, и он не привык советоваться на равных с тем, кто вдвое моложе его. Это было написано на его квадратном, с колючими, седыми усами, лице.

Лаки скучал. Он понимал, что это реакция военных на успешное завершение дела — что ни говори, а корабль Антона плелся на буксире, и его команда находилась под стражей. Поэтому Лаки заставлял себя быть почтительным.

— Я думаю,— сказал он,— что если мы сумеем в первую очередь очистить астероиды, то сирианиты на Ганимеде сразу перестанут быть проблемой.

— Великая Галактика, как сделать то, что вы называете «очистить»? Мы пытаемся добиться этого уже двадцать лет и без особого успеха. Очистка астероидов похожа на погоню за призраками. Что же касается базы Сириуса, то мы хорошо знаем, где она расположена, и вполне представляем себе их силы.— Он улыбнулся.— О, возможно, Совету трудно это понять, но флот так же способен принять решение, как и они. Я думаю, флот может быть даже более решителен. Думаю, под моей командой достаточно сил, чтобы разбить сирианитов на Ганимеде. Мы готовы к битве.

— Я не сомневаюсь, что вы способны разгромить сирианитов.

Но только на Ганимеде, а там далеко не все их силы. Вы, возможно, готовы к битве, но готовы ли вы к затяжной и дорогостоящей войне?

Адмирал покраснел.

— Я предлагаю вам сотрудничество, но я не могу рисковать безопасностью Земли. Пока сирианитский флот находится в пределах Солнечной системы, я не могу одобрить план, который предусматривает распыление нашего флота в поясе астероидов.

— Можете ли вы дать мне час?— прервал его Лаки.— Один час для разговора с Хансеном, захваченным пиратами на Церере, которого я перевел на борт своего судна как раз перед тем, как вы прибыли, сэр?

— Чем это может помочь?

— Дайте мне час и вы увидите.

Адмирал сжал губы.

— Час теперь может обойтись нам очень дорого... Он может быть бесценным... Ладно, давайте, но поскорей. Разрешите мне присутствовать при этом.

— Хансен!— позвал Лаки, не отрывая взгляда от адмирала.

Отшельник вошел со стороны спальной каюты. Он выглядел уставшим, но сумел улыбнуться Лаки. Пребывание на пиратском судне явно не сломило его дух.

— Я восхищен вашим кораблем, мистер Старр,— сказал он.— Это почти произведение искусства.

— Послушайте,— сказал адмирал,— сейчас нет времени. Кончайте с этим, Старр! Некогда обсуждать достоинства вашего корабля.

— Итак, мистер Хансен,— сказал Лаки,— с вашей помощью, за что я вам весьма благодарен, мы сумели остановить Антона и тем самым отсрочить начало военных действий против Сириуса. Однако, мы нуждаемся в большем, чем просто отсрочка. Мы должны полностью уничтожить опасность войны и, как сказал сам адмирал, у нас очень мало времени.

— Как я могу помочь вам?— спросил Хансен.

— Вы сделаете это, отвечая на мои вопросы.

— С удовольствием. Но все, что я знал, я вам уже рассказал. Жаль, что вам это не пригодилось.

— Тем не менее, пираты считали, что вы для них опасны. Они рискнули большими силами, чтобы вырвать вас из наших рук.

— Я не могу объяснить это.

— Возможно, вы обладаете какой-то информацией, даже не сознавая этого? Чем-то таким, что могло быть для них смертельно опасным.

— Не понимаю, как это могло случиться.

— Ну ладно. Судя по тому, что вы сами рассказывали, они вам доверяли. У вас были на Земле солидные капиталовложения. Вы, безусловно, жили намного лучше, чем обычный отшельник. Тем не менее, пираты не причинили вам никакого вреда. Они не тронули ваши вещи. Фактически, они оставили вас и ваш роскошный дом в покое.

— Вспомните, мистер Старр, что за все это я вынужден был помогать им.

— Не очень много. Вы говорили, что позволили пиратам садиться на вашу скалу и оставлять иногда там людей — вот и все. Если бы они просто пристрелили вас, то могли бы иметь и все это, и вашу квартиру вдобавок. Кроме того, им не пришлось бы беспокоиться, что вы можете выдать какую-то тайну. В конце концов, как мы знаем, это и произошло.

Хансен отвел взгляд.

— Тем не менее, так и было на самом деле. Я говорил вам правду.

— Да, то, что вы говорили, было правдой. Однако, это была не вся правда. Я уверен, что должна быть причина, по которой пираты так доверяют вам. Они должны быть уверены, что ваш переход на сторону правительства означает смерть.

— Я объяснил вам и это,— тихо сказал отшельник.

— Вы говорите, что обвиняете себя в помощи пиратам, но они поверили вам уже тогда, когда высадились у вас впервые — раньше, чем вы начали помогать им. Иначе они пристрелили бы вас с самого начала. Я утверждаю, что до того, как стать отшельником, вы, Хансен, сами были пиратом, и что Антон и его банда знали об этом. Что вы на это скажете?

Лицо Хансена побледнело.

— Что вы на это скажете?— еще раз спросил Лаки.

Голос Хансена стал едва слышен.

— Вы правы, мистер Старр. Я был членом команды пиратского судна. Но с тех пор прошло уже много времени. Я пытался своим образом жизни загладить все это. Я удалился в пояс астероидов и сделал все возможное, чтобы умереть для Земли. Когда новое поколение пиратов появилось в Солнечной Системе, они вовлекли меня. Мне не оставалось ничего другого, как сотрудничать с ними. Когда вы приземлились на моем астероиде, я получил свой первый в жизни шанс бросить все это, не боясь что придется отвечать перед законом. Прошло уже двадцать пять лет. Истек срок давности. Кроме того, я искупил вину тем, что рискнул своей жизнью, чтобы спасти жизнь члену Совета. Вот почему я так стремился принять участие в сражении на Церере. Это тоже говорило в мою пользу. В конце концов, я убил Антона, вторично спас вам жизнь и предоставил Земле передышку, во время которой, как мы говорили, война может быть предотвращена. Я был пиратом, мистер Старр, но это все в прошлом, и я сполна уплатил свой долг.

— Ладно,— сказал Лаки.— Поскольку все это в прошлом. Нет ли у вас для нас еще чего-нибудь, о чем вы не говорили раньше.

Хансен отрицательно покачал головой.

— Вы не сообщили нам, что были пиратом,— сказал Лаки.

— Это было бы крайне неуместно. И вы сами все выяснили. Я и не пытался это отрицать.

— Хорошо, тогда давайте посмотрим, не сможем ли мы выяснить еще чего-нибудь, что вы не сможете отрицать. Видите ли, вы все еще не сообщили нам всей правды.

— Что же осталось?— удивленно спросил Хансен.

— То, что вы никогда не переставали заниматься пиратством. То, что вы являетесь персоной, упоминание о которой я слышал всего один раз в беседе с членом команды Антона, сразу после дуэли с Динго на газовых ружьях. То, что вы — так называемый босс. Вы, мистер Хансен, являетесь главой всех пиратов с астероидов.

Хансен вскочил с кресла и остался стоять. Его дыхание с присвистом вырывалось сквозь полуоткрытые губы.

Адмирал, удивленный едва не меньше Хансена, вскрикнул.

— Великая Галактика! Парень, ты что, серьезно?!

— Садитесь, Хансен,— сказал Лаки.— И давайте попробуем разобраться. Посмотрим, что из этого выйдет. Если я ошибаюсь, то где-то в моих рассуждениях должны быть противоречия. Все началось с того момента, когда Антон высадился на «Атласе». Он был знающим и интеллигентным человеком, хотя его мысли иногда и путались. Он сомневался во мне и не верил в то, что я ему о себе рассказывал. Он сделал мое трехмерное изображение (что было нетрудно сделать даже без моего ведома) и послал его Боссу для инструкции. Босс, решил он, опознает меня. Безусловно, Хансен, если боссом были вы, а так оно и было, вам не трудно было позднее, когда мы встретились лицом к лицу, сразу опознать меня. Босс распорядился убить меня. Чтобы развлечься, Антон придумывает дуэль на газовых ружьях с Динго. Затем, когда я вернулся, заручившись обещанием Антона позволить мне, если я уцелею, присоединиться к команде, вы занялись мной сами. Я был доставлен на вашу квартиру.

— Но это же бессмысленно,— воскликнул Хансен.— Ведь я не причинил вам никакого вреда. Наоборот, я доставил вас назад на Цереру.

— Да, вы помогли мне вернуться, но и сами полетели вместе со мной. Моя идея состояла в том, чтобы проникнуть в пиратскую организацию и попытаться изнутри разобраться в ситуации. Вы воспользовались той же идеей, но с большим успехом. Вы доставили меня на Цереру и прибыли туда сами. Вы выяснили, что мы совершенно не подготовлены к борьбе с вами и очень сильно недооцениваем пиратскую организацию. Это означало, что вы можете действовать. Рейд на Цереру становится совершенно понятным. Я полагаю, вы каким-нибудь образом послали Антону сообщение. Остро направленный пучок радиоволн вещь вполне возможная, а коды могут быть достаточно хорошо разработаны. Вы поднялись в верхние коридоры не для того, чтобы драться с пиратами, а для того, чтобы присоединиться к ним. Они не убили вас. Они взяли вас в плен. Это было очень странно. Если бы ваша история была правдой, то вы были бы весьма опасны для них, так как обладали нужной нам информацией. Они должны были застрелить вас сразу, как только вы оказались в пределах досягаемости. Однако, они не причинили вам никакого вреда. Вместо этого они поместили вас на корабль Антона и взяли вас с собой на Ганимед. Вы даже не были взаперти или хотя бы под надзором. Для вас оказалось вполне возможным оказаться за спиной Антона и убить его.

— Но ведь я убил его,— закричал Хансен.— Если я тот, о ком вы говорите, то зачем же, во имя Земли, я убил его?

— Потому что он был маньяк. Он был готов скорее позволить мне таранить корабль, чем отступить. У вас были грандиозные планы, и вы не намеревались умереть только для того, чтобы он мог потешить свое тщеславие. Вы знали, что даже если мы предотвратим контакт Антона с Ганимедом, то это будет только отсрочка. Атакуя Ганимед, мы все равно вызовем войну. Тогда, продолжая играть роль отшельника, вы, в конце концов, получили бы возможность бежать и занять свое истинное место. Что означали по сравнению со всем этим гибель Антона и потеря одного корабля?

— Где же здесь доказательства?— спросил Хансен.— Все это предположения! А где доказательства?

Адмирал, который все это время наблюдал за происходящим, вмешался достаточно энергично:

— Послушайте, Лаки, этот человек — неоценимый источник информации. Мы добьемся от него всей правды.

— Не торопитесь, адмирал. Мой час еще не истек... Предположения, Хансен? Давай-ка продолжим. Я попытался вернуться на вашу скалу, но у вас не было координат, что, несмотря на ваши усердные старания оправдаться, было весьма странно. Я вычислил координаты по траектории, по которой мы летели с вашей скалы на Цереру, она оказалась внутри запретной зоны, где ни один астероид не может оказаться сам по себе. Так как я был уверен в правильности своих расчетов, то теперь я знал, что ваш астероид находился там, где его местонахождение противоречило законам природы.

— Как? Что?— спросил ошеломленный адмирал.

— Я подразумеваю, что если скала достаточно мала, то ей вовсе не обязательно двигаться по естественной орбите. Она может быть оснащена гиператомным двигателем и менять свою орбиту, словно космический корабль. Как вы еще можете объяснить пребывание астероида в запретной зоне?

— Сказать, еще не значит сделать,— испуганно сказал Хансен.— Я не знаю, зачем вы говорите мне все это, Старр. Вы испытываете меня? Это просто уловка?

— Нет, не уловка, мистер Хансен,— сказал Лаки.— Я решил найти вашу скалу. Я подумал, что вы станете прятать ее далеко. Астероид, оснащенный двигателями, имеет определенные преимущества. Даже если его обнаружат, всегда можно избавиться от наблюдателей и просто уйти на другую орбиту. Однако смена орбиты таит в себе определенный риск. Случайно увидевший ее в телескоп астроном может заинтересоваться, как это астероид двигается в запретной зоне или вне плоскости эклиптики. Или, если он находится достаточно близко, его может заинтересовать, почему на одном конце астероида светится реактивный выхлоп. Я полагаю, вы уже двигались однажды навстречу Антону, чтобы пираты могли без всяких подозрений высадить меня на вашей скале. Я был уверен, что вы станете снова двигать астероид на большое расстояние. Тогда я вернулся и стал один за другим обшаривать находящиеся

поблизости астероиды подходящего размера и формы. И нашел его. Я нашел астероид, который является одновременно базой, заводом и крепостью пиратов. Я слышал там шум гигантских гиператомных двигателей, вполне способных нести его сквозь пространство. Я думаю, они импортированы с Сириуса.

— Но это была не моя скала,— сказал Хансен.

— Не ваша? Там был Динго. Он хвастал, что ему вовсе незачем было следовать за мной по пятам — он и так знал, куда я направился. Единственное место, о котором он мог знать — это ваша скала. Из всего я сделал вывод, что на одной и той же скале размещено ваше жилище — на одном конце, и пиратская база — на другом.

— Нет, нет,— закричал Хансен.— Я призываю адмирала быть судьей. Существуют тысячи астероидов, имеющих такой же размер и форму, как и мой, и я не несу ответственности за несерьезные высказывания какого-то пирата.

— Есть и другие факты, которые придутся вам не по вкусу,— сказал Лаки.— На пиратской базе была долина между холмами — расщелина, заполненная использованными консервными банками.

— Использованные консервные банки!— громко воскликнул адмирал.— Какую связь они могут иметь с тем, о чем вы говорите, Старр?

— Хансен на своей скале выбрасывал использованные банки в долину между холмами. Он говорит, что ему не нравится, если его скалу будет сопровождать его же собственный мусор. В действительности, он, вероятно, не хотел, чтобы они кружились вокруг скалы и привлекали к ней внимание. Я видел эту долину, когда мы покидали его скалу. Я снова увидел ее, когда приближался к пиратской базе. Как раз по этой примете я и выбрал для разведки именно этот астероид. Взгляните на Хансена, адмирал, и скажите, сомневаетесь ли вы в моей правоте?

Лицо Хансена исказилось от ярости. Это был совсем другой человек. Маска доброжелательности слетела с него.

— Пусть даже так. Что из того? Чего вы хотите?

— Я хочу, чтобы вы связались с Ганимедом. Я уверен, что все предыдущие переговоры вели с ними именно вы. Они вас узнают. Скажите им, что астероиды переходят на сторону Земли и, если потребуется, будут действовать против Сириуса...

Хансен рассмеялся:

— Мне делать это? Нет уж, дудки. Вы захватили меня, но астероидов вам не получить. Вы не сможете очистить их.

— Сможем, если захватим вашу скалу. Там есть все необходимые сведения, не так ли?

— Попробуйте захватить ее,— зло ухмыльнулся Хансен.— Попробуйте найти ее среди астероидов. Вы сами говорили, что она двигается.

— Найти ее будет довольно легко,— сказал Лаки.— Ваша долина с консервными банками, знаете ли, хороший опознавательный знак.

— Действуйте, осматривайте каждый астероид, пока не найдете эту долину. Это займет около миллиона лет.

— Нет, не больше нескольких дней. Когда я улетал от вашего астероида, я ударил по долине с банками тепловым лучом. Я расплавил их. Когда они застыли, то получилась обширная поверхность гладкого металла. Ржавчина не может разъесть ее, так как там нет атмосферы, так что эта поверхность останется такой же гладкой, как металлическая фольга финишных столбов, используемых в дуэлях на газовых ружьях. Она улавливает излучение Солнца и отражает его в пространство яркими, узкими пучками света. Вся обсерватория Цереры, разделив небо на участки, осматривала каждый близлежащий астероид и проверяла, соответствует ли его яркость его размеру. Я дал им указания начать поиск еще до того, как я вылетел на перехват корабля Антона.

— Это ложь!

— Ложь? Задолго до того, как я достиг Солнца, я получил сообщение и вот эту фотографию,— Лаки вытащил фото из-под лежавшей на столе записной книжки.— Яркое пятнышко, на которое указывает стрелка, это и есть ваша скала.

— Вы думаете, что я испугался?

— Испугаетесь. На этой скале высадились корабли Совета.

— Что?— взревел адмирал.

— Нельзя терять времени, сэр,— ответил Лаки.— На другом конце скалы мы нашли жилище Хансена и обнаружили тоннели, связывающие его с пиратской базой. У меня есть несколько телеграмм с координатами важнейших вспомогательных баз пиратов и фотографии этих баз. Они подлинны, Хансен.

Хансен весь сжался. Из его рта вырывалось только всхлипывание, в котором было признание всей безнадежности его положения.

— Я провел вас сквозь все это, Хансен,— сказал Лаки,— чтобы убедить вас в том, что вы проиграли. Вы проиграли полностью и окончательно. У вас не осталось ничего, кроме вашей жизни. Я ничего не обещаю, но если вы сделаете то, что я сказал, то у вас есть шанс сохранить хотя бы ее. Вызывайте Ганимед.

Хансен в полной безысходности уставился на свои пальцы.

— Совет вычистил астероиды? — с дрожью в голосе воскликнул адмирал. — Они успели это сделать? Они не поставили в известность адмиралтейство?

— Ну как, Хансен?— спросил Лаки.

— Какая теперь разница?— безразлично ответил Хансен.— Я сделаю это.

Конвей, Генри и Бигман встретили Лаки в космопорте, когда тот вернулся на Землю. Они все вместе обедали в стеклянном зале на верхнем этаже ресторана Планет. Сквозь сделанные из изогнутого стекла стены были видны огни расстилающегося внизу города.

— Счастье, что Совет сумел опередить флот и занять пиратские базы прежде него,— сказал Генри.— Военная акция не решила бы проблемы.

— Вы правы,— кивнул головой Конвей.— Военная акция просто очистила бы астероиды для следующей порции пиратов. Большинство из этих людей действительно не знали, что они сражаются в союзе с Сириусом. Они в общем-то самые обычные люди, желавшие лучшей жизни. Я полагаю, что мы сумеем убедить правительство амнистировать тех, кто не участвовал в налетах, а таких должно быть не так уж и мало.

— На самом деле,— сказал Лаки,— помогая им продолжить преобразование астероидов, финансируя расширение их продуктовых фабрик, снабжая их водой, воздухом и энергией, мы гарантируем себе безопасность в будущем. Лучшей защитой против преступных элементов в поясе астероидов будут обосновавшиеся там мирные и преуспевающие общины.

— Не обманывайте себя,— воинственно сказал Бигман.— Мир там будет лишь до тех пор, пока Сириус не рискнет попробовать свои силы вновь.

Лаки поднес руку к хмурому лицу коротышки и потрепал его по щеке.

— Бигман, я думаю мы покончили с этой войной. И нас ждут новые дела. Но что с тобой? Может, ты хочешь отдохнуть? Или займемся тем, что еще осталось на нашу долю?

— Знаешь, Лаки, ты мог бы все это время побольше делиться с нами своими планами,— сказал Конвей.

— Я хотел это сделать,— ответил Лаки,— однако мне самому было необходимо разделаться с Хансеном. На это были веские причины.

— Но когда ты впервые заподозрил его? Чем он себя выдал?— поинтересовался Конвей.— Не тем ли, что его астероид случайно оказался в запретной зоне?

— Это была последняя капля,— признал Лаки,— но я понял, что он не простой отшельник, уже через час после встречи с ним. Уже тогда я догадался, что он для меня самый важный человек в Галактике.

— Но почему?— Конвей воткнул вилку в остаток бифштекса.

— Хансен опознал во мне сына Лаврентия Старра,— сказал Лаки.— Он сказал мне, что встречался однажды с моим отцом и помнит его. Члены Совета не пользуются широкой известностью, лица их мало кто знает. И вряд ли можно было уловить мое сходство с человеком, которого случайно видел единственный раз в жизни и много лет назад. Однако, было еще два странных обстоятельства. Он видел во мне сходство более четко, когда я сердился. Он сам мне об этом сказал. Но вы мне говорили, дядюшка Августас, и вы, дядюшка Гектор, что отца было очень трудно рассердить. «Веселый»— именно это слово вы обычно произносили, когда говорили об отце. И потом, когда Хансен прибыл на Цереру, он не узнал никого из вас.

— Ну и что же?— спросил Генри.

— Отец и вы были всегда вместе, не так ли? Как мог Хансен встретиться с отцом и не встретиться с вами? Более того, встретиться с отцом тогда, когда тот был очень рассержен — разгневан.

Лицо отца запечатлелось в его памяти настолько твердо, что спустя двадцать пять лет Хансен сумел опознать меня благодаря сходству с отцом. Может существовать лишь одно объяснение всему этому. Отец отделился от вас только перед своим полетом на Венеру. Хансен видел отца перед его смертью. При этом он не был рядовым пиратом. Рядовой пират не смог бы завладеть роскошным астероидом и через двадцать пять лет после того, как правительство очистило астероиды, создать новую и значительно большую пиратскую организацию. Он должен был быть капитаном нападающего тогда корабля.

— Великий космос! — озадаченно произнес Конвей.

— И ты так и не пристрелил его? — негодующе закричал Бигман.

— Как я мог? Я должен был думать о куда более важных вещах, чем о своей личной мести. Да, он убил моих родителей, но тем не менее, я какое-то время вынужден был обходиться с ним достаточно любезно.

Лаки поднес к губам кофе и снова посмотрел на расстилающийся внизу город.

— Хансен пробудет в Меркурианской тюрьме до конца своей жизни. Это наказание лучше, чем быстрая смерть, — продолжал он. — А спрашиты будут вынуждены покинуть Ганимед — так что здесь воцарится мир. Это куда большая награда для меня, чем смерть Хансена, и самая лучшая дань памяти моим родителям.

ЛАКИ СТАРР И ОКЕАН ВЕНЕРЫ

Лаки Старр и Джон Бигман Джонс оттолкнулись от парившей в пространстве космической станции и понеслись к ждущему их с открытым воздушным шлюзом катеру. Несмотря на то, что в скафандрах они выглядели толстыми и нелепыми, движения их были полными грации. Бигман не отрывал взгляда от Венеры, хотя для этого ему пришлось выгнуть спину и вытянуть шею. Его голос, переданный радиоприемником, громко звучал в ушах Лаки.

— О, Космос! Ты видишь этот бриллиант или нет? — каждый дюйм его тела пронизывало нервное возбуждение, вызванное прекрасным зрелищем, открывшемся перед его взором.

Бигман родился и вырос на Марсе и никогда в жизни не был так близко к Венере. Он привык к красноватой поверхности Марса и к каменистым астероидам. Он посещал и голубую, зеленую Землю. Здесь же все было белым и серым. Венера занимала больше половины неба. От космической станции, где они сейчас находились, до Венеры было не больше двух тысяч миль. Вторая космическая станция располагалась в этот момент на противоположной стороне планеты. Эти две станции, служившие перевалочными базами для прибывших на Венеру космических кораблей, мчались вокруг планеты одна за другой с трехчасовым периодом обращения, словно маленькие щенки, непрестанно преследующие собственный хвост. Но даже с этих станций, как ни близко они находились к Венере, ничего нельзя было рассмотреть на поверхности планеты. Не видно ни континентов, ни океанов, ни пустынь, ни холмов, ни зеленых долин. Только сверкающая белизна, усеянная движущимися серыми полосами. Белизна была клубящимися пластами облаков, что вечно висели над всей поверхностью планеты, а серые линии — границами, где встречались и сталкивались облачные массы. По этим границам устремлялись вниз пары воды, и под этими серыми линиями невидимую поверхность Венеры омывал дождь.

— Нет смысла глядеть на Венеру, Бигман,— сказал Лаки Старр.— Ты скоро насмотришься на нее внизу. А здесь есть Солнце, которому тебе следовало бы сказать «до свидания».

Бигман пренебрежительно хмыкнул. Для его глаз, привыкших к марсианскому Солнцу, даже земное Солнце казалось распухшим

и слишком ярким. Солнце же, видимое с орбиты Венеры, выглядело как чрезвычайно раздутое чудовище. Оно было в два с четвертью раза ярче Солнца Земли и в четыре раза ярче, чем родное Бигману Солнце Марса. Лично он был рад тому, что вскоре облака Венеры скроют чудовищное Солнце. Он был доволен, что лопасти космической станции постоянно устанавливаются так, что перекрывают свет Солнца.

— Ну, глупый марсианин, войдешь ты наконец или нет? — прозвучал голос Лаки.

Касаясь рукой проема, Бигман все еще медлил у шлюза, неотрывно любуясь Венерой. Видимая половина планеты была полностью освещена Солнцем, но с востока уже начала наползать тень, двигаясь с той же скоростью, с которой неслась по своей орбите космическая станция. Лаки ухватился рукой, закованной в перчатку скафандра, за край люка, а другой шлепнул Бигмана по заду. В условиях невесомости это привело к тому, что тело Бигмана медленно начало падать внутрь шлюза, а Лаки качнулся в обратном направлении. Мускулы Лаки напряглись, и он плавно влетел в люк. У него не было причин для веселья, но, когда обнаружил, что Бигман распростерт в воздухе и держится кончиком пальца за край внутреннего люка, он заставил себя улыбнуться. Как только он миновал внешний люк, тот закрылся.

— Послушай, ты, младенец,— проговорил Бигман.— Когда-нибудь я брошу тебя, и ты сможешь поискать себе другого....

Воздух с шипением ворвался в маленький шлюз и внутренний люк открылся. Через него, уклонившись от болтающихся в воздухе ног Бигмана, влетели два человека.

— Вы не ушиблись, джентльмены? — спросил влетевший первым парень с черными волосами и неожиданно большими усами.

— Может быть, вам помочь? — спросил второй, более высокий и стройный, со светлыми волосами, но с еще большими усами.

— Вы можете помочь нам, дав помещение, где мы могли бы сбросить скафандры,— важно сказал Бигман. Он опустился на пол и начал снимать свой скафандр. Лаки свой уже снял.

Они все вместе прошли через открытый люк, который закрылся за ними. Скафандры, температура поверхности которых была равна температуре открытого космоса, начали покрываться инеем по мере того, как на них конденсировалась влага. Бигман убрал скафандры на покрытые кафелем полки, где лед окончательно оттает.

— Теперь давайте выясним,— произнес темноволосый парень.— Вы — Вильямс Бигман, а вы — Джон Джонс. Правильно?

— Я — Вильямс,— ответил Лаки. Использовать это вымышленное имя стало для него делом привычным. Члены Совета Наук обычно избегали популярности. Это было особенно целесообразно при той запутанной и неясной ситуации, какая была сейчас на Венере.

— Полагаю, наши бумаги в порядке и багаж на борту,— продолжал Лаки.

— Все в порядке,— ответил темноволосый.— Я Георг Ривел, пилот, а это Тор Джонсон, второй пилот. Мы снимаемся через

несколько минут. Если вам что-нибудь потребуется, дайте нам знать.

Пассажиров провели в небольшую каюту, и оказавшись внутри, Лаки тоскливо вздохнул. Он чувствовал себя вполне уютно в космосе только на своей яхте «Звездный стрелок», которая осталась в ангаре космической станции.

— Позвольте предупредить вас,— громко сказал Тор Джонсон,— что, как только мы сойдем с орбиты космической станции, невесомость исчезнет. Сила тяжести будет расти. Если у вас бывают приступы космической болезни...

— Космическая болезнь! — выкрикнул Бигман.— Ты, планетный извозчик, я в детстве мог вынести изменение гравитации, какое тебе и сейчас не под силу.— Он слегка оттолкнулся от стены пальцем, крутанул сальто и, снова коснувшись стены, повис в полудюйме над полом.— Когда наберешься смелости, попробуй проделать этот трюк.

— Скажи-ка,— вспыхнул второй пилот,— как столько нахальства вмещается в полпинте?

— Полпинты! — мгновенно парировал Бигман.— Почему это ты, глистообразный бугай... — Но рука Лаки опустилась ему на плечо, и он проглотил конец фразы.— Поговорим на Венере,— злобно пробормотал он. Тор был все еще красный от возбуждения, но молча последовал за своим командиром в рубку управления в носовой части катера. Бигман, чья злость мгновенно улетучилась, сгорая от любопытства, обратился к Лаки.

— Как тебе нравятся эти усы? Никогда не встречал таких больших.

— Это просто мода, Бигман,— ответил Лаки.— Я полагаю, что практически каждый мужчина на Венере отрастил их.

— Вот такие? — и Бигман приложил к верхней губе палец, слегка поглаживая ее.— Интересно, как я буду выглядеть с ними.

— С такими же большими? — улыбнулся Лаки.— Они закроют тебе все лицо.

Пол под их ногами завибрировал и «Чудо Венеры» отделилось от космической станции. Катер развернулся и лег на расчетную спиральную траекторию, которая должна была привести его вниз, на Венеру. Как только катер увеличил скорость, Лаки наконец-то почувствовал, что напряжение начало оставлять его. Его взгляд стал задумчивым, а строгое, с тонкими чертами лицо — спокойным. Он был очень высок и казался худым, но за этой обманчивой худобой скрывались стальные мускулы. В жизни Лаки уже видел немало и добра и зла. Еще в детстве во время пиратского нападения вблизи той самой Венеры, к которой сейчас приближался, он потерял родителей. Его воспитатели — ближайшие друзья отца: Гектор Конвей, ныне глава Совета Наук, и Августас Генри, служивший там же начальником отдела. Все воспитание и обучение Лаки преследовало одну цель: когда-нибудь он тоже должен стать членом Совета Наук и посвятить свою жизнь прогрессу человечества и борьбе с врагами цивилизации. И он стал самым молодым членом Совета, и, вероятно, останется таковым в ближайшее время.

Тем не менее, он успел уже выиграть свои первые сражения. В пустынях Марса и среди слабо освещенных скал пояса астероидов. Он сражался с преступниками и побеждал их. Но борьба со злом и преступлениями не является краткосрочной кампанией, и сейчас ее ареной стала Венера, причем положение было особенно тревожным потому, что подробности были совершенно не ясны.

— Я не знаю, заговор ли это Сириуса против Солнечной федерации или же просто уголовщина,— процедил сквозь сжатые зубы глава Совета Наук Гектор Конвей.— Но местные работники склонны считать, что ситуация серьезная.

— Послали ли вы кого-нибудь из наших специалистов по кризисным ситуациям? — спросил Лаки. Он не так давно вернулся с пояса астероидов и слушал все это с нескрываемым интересом.

— Да, Эванса,— ответил Конвей.

— Лу Эванса? — спросил Лаки с заблестевшими от возбуждения глазами.— Я, когда учился в Академии, жил с ним в одной комнате. Он хороший парень.

— Так ли? Венерианское отделение Совета потребовало его смещения и расследования обвинения в коррупции.

— Что? — Лаки вскочил на ноги.— Дядя Гектор, это абсолютно невозможно.

— Не хочешь ли ты полететь туда и сам во всем разобраться?

— Конечно! Великий Космос! Мы с Бигманом отправимся туда сразу же, как только «Звездный стрелок» будет готов к полету.

И вот Лаки задумчиво сидит, глядя в иллюминатор. Ночная тень наползла на Венеру, и в течение часа вокруг была только тьма. Огромная Венера закрывала звезды. Затем они снова вылетели на освещенную сторону, но за иллюминатором была сплошная серость. Они подлетели слишком близко, чтобы видеть целиком всю планету, и были уже внутри облачного слоя. Бигман, успевший прикончить большой сандвич с цыпленком и овощами, вытер губы и произнес:

— Не хотелось бы мне вести корабль сквозь эту дрянь.

Чтобы воспользоваться наличием атмосферы, катер выдвинул крылья, и это сразу сказалось на характере полета. Теперь каждый порыв ветра изменял подъемную силу крыльев. Корабли, построенные специально для открытого космоса, не были приспособлены к полетам в плотной атмосфере. Именно поэтому таким планетам как Земля и Венера требовались космические станции-спутники. К ним пришвартовывались корабли, приходящие из глубин пространства. С этих станций, преодолевая запутанные воздушные течения, уходили к поверхности планет катера с убирающимися крыльями. Бигман, который с завязанными глазами мог бы провести корабль от Плутона до Меркурия, потерял бы управление в первом же воздушном потоке. Даже Лаки, которому во время интенсивных тренировок в Академии приходилось иметь дело с катерами, не хотелось бы брать на себя управление внутри столь плотных облаков.

— Пока первые исследователи не высадились на поверхность Венеры,— сказал Лаки,— все, что люди видели на этой планете — это верхняя кромка облаков. Из-за этого у них были совершенно

фантастические представления об этой планете.

Бигман не ответил. Он осматривал пластиковый контейнер, проверяя, нет ли там еще одного сандвича.

— Они не имели представления о скорости вращения Венеры,— продолжал Лаки.— Даже не знали, что здесь есть углекислый газ, но до конца XX века астрономы полагали, что на Венере нет воды. Только когда корабли начали приземляться здесь, человечество узнало, что это не так.

Внезапно он прервал свой рассказ. Вопреки его желанию мысли его снова возвратились к радиограмме, которую он принял уже в полете, отдалившись на десять миллионов миль от Земли. Она была от его старого товарища по Академии Лу Эванса, которому он радировал, что находится в дороге. Сообщение было кратким, резким и ясным. Оно гласило: «Возвращайся!» Именно так! Это было совсем не похоже на Эванса. Для Лаки подобное сообщение означало беду, большую беду, и он, конечно, не повернул назад. Вместо этого он до предела увеличил скорость реактора и ринулся вперед.

— Очень забавно представить себе,— сказал Бигман,— что когда-то все люди теснились на Земле. Что бы ни случилось, улететь было невозможно. Они не знали ничего ни о Марсе, ни о Луне, ни обо всем остальном. Одна только мысль о том, что такое могло быть, бросает меня в дрожь.

Как раз в этот момент они пронзили барьер облаков, и даже мрачные мысли Лаки отступили перед открывшимся за иллюминатором видом. Это произошло внезапно. Только что они были окружены, казалось, нескончаемым белесым туманом, и вдруг вокруг совершенно прозрачный воздух. Внизу все залито ясным жемчужным светом, а наверху — серая поверхность облаков.

— Эй, Лаки, смотри,— воскликнул Бигман.

Под ними простиралась Венера, сплошной ковер зелено-голубой растительности. На поверхности не было ни одной неровности. Она была совершенно гладкой, словно выровненной огромным катком. Не было видно ничего, что напоминало бы земные пейзажи. Ни дорог, ни домов, ни городов, ни рек. Лишь неизменный голубой цвет, насколько хватало глаз.

— Это все углекислый газ,— сказал Лаки.— Все это вскормлено им. В воздухе Земли его всего лишь три тысячных процента, а здесь почти десять процентов атмосферы приходится на него.

Бигман, выросший на марсианской ферме, кое-что знал о двуокиси углерода.

— Почему, несмотря на все эти облака, здесь так светло? — поинтересовался он.

Лаки улыбнулся.

— Ты, видимо, забыл, что Солнце светит здесь вдвое ярче, чем на Земле.— Затем он снова глянул в иллюминатор, и улыбка исчезла с его лица.

— Странно,— пробормотал он.

Внезапно он оторвался от иллюминатора.

— Бигман, скорее в кабину пилотов.

Двумя огромными прыжками Лаки выскочил из каюты. Еще

два — и он уже у пилотской рубки. Бигман не отставал от него. Дверь не была задраена. Лаки потянул ее и открыл. Два пилота, Георг Ривел и Тор Джонсон, сидели на своих местах, уставившись на пульт управления. Когда Лаки вошел, они даже не пошевелились.

— Парни! — крикнул Лаки.

Никакой реакции.

Он тронул Джонсона за плечо, и второй пилот болезненно дернулся, освобождаясь от руки Лаки.

— Займись другим, Бигман,— сказал Лаки и обхватил Джонсона за плечи.

Малыш, не задавая вопросов, уже атаковал Ривела, как бойцовский петух. Лаки отшвырнул Джонсона от себя. Тот отшатнулся назад, выпрямился и бросился на него. Лаки уклонился от этого бешеного натиска и нанес пилоту удар в челюсть. Джонсон рухнул, потеряв сознание. Почти в тот же момент Бигман быстро и ловко вывернул руку Ривелу, свалив его на пол, и нанес удар в солнечное сплетение. Бигман вытащил обоих пилотов из рубки и закрыл за ними дверь. Вернувшись, он увидел, что Лаки лихорадочно манипулирует рычагами управления.

Только тогда он поинтересовался:

— Что произошло?

— Мы не выровнялись,— мрачно ответил Лаки.— Я следил за поверхностью и понял, что она приближается слишком быстро. Это продолжается и сейчас.

Он пытался обнаружить ручку управления элеронами — плоскостями, от которых зависит угол полета. Голубая поверхность Венеры была очень близко и неслась на них. Лаки не отрывал глаз от анероида, показывавшего давление забортного воздуха. По мере приближения к поверхности столбик поднимался вверх. Рука Лаки крепко сжала раздвоенный рычаг, прижимая его половинки друг к другу. Это могло оказаться тем, что нужно. Он опасался сжать рычаг слишком сильно, так как элероны могли быть снесены резким потоком рассекаемого кораблем воздуха. До планеты оставалось всего пятьсот футов. Лаки манипулировал элеронами, и от напряжения жилы у него на шее вздулись, ноздри расширились.

— Мы выравниваемся,— прошептал Бигман.— Мы выравниваемся.

Но высоты не хватало. Зелено-голубая поверхность все приближалась, пока не заполнила собой все видимое из иллюминатора пространство. Затем катер «Чудо Венеры», так и не погасив до конца скорость, врезался в поверхность Венеры. Если бы поверхность Венеры была такой, какой представлялась с первого взгляда, катер разлетелся бы на куски и сгорел бы дотла. И на этом бы оборвался жизненный путь Лаки и Бигмана. К счастью, расстилавшийся перед глазами толстый слой растительности состоял не из травы или кустарника, а из морских водорослей. Плоская равнина представляла собой не твердый грунт, а поверхность омывающего всю планету океана. «Чудо Венеры» с грохотом врезался в растительность, пробил толстый слой водорослей и в клубах пара стал опускаться в глубину. Лаки и Бигмана швырнуло на стену рубки. Обычный катер,

возможно, разбился бы, но «Чудо Венеры» был сконструирован так, чтобы он мог входить в воду на высокой скорости. Он имел обтекаемую форму и высокую прочность. Крылья, которые Лаки не убрал, так как не знал, как это делается, были снесены, корпус стонал под напором воды, но катер оставался пригодным для плавания. Все глубже и глубже погружался он в зелено-черные воды океана Венеры. Рассеиваемый облаками свет почти не проникал сквозь плотный ковер водорослей. Освещение катера не работало. Видимо, была повреждена контактная система. Голова Лаки кружилась.

— Бигман,— позвал он.

Ответа не последовало, и он, вытянув вперед руки, стал искать на ощупь. Его рука коснулась лица друга.

— Бигман,— снова позвал он. Ощупав грудь маленького марсианина, он услышал, что сердце бьется нормально, и облегченно вздохнул. Лаки не имел понятия, что случилось с кораблем. Он знал, что никогда не сможет найти в темноте пульт управления. Оставалось только надеяться, что трение остановит корабль раньше, чем он будет уничтожен давлением. Лаки достал из кармана рубашки маленький фонарик. Включенный, он давал сильный луч света, хорошо освещавший даже на значительном расстоянии. Он снова ощупал Бигмана и осторожно осмотрел его. На виске у него была шишка, но кость не сломана. Веки Бигмана дрогнули. Он застонал.

— Успокойся, Бигман, все будет в порядке,— прошептал Лаки. Он далеко не был уверен в этом, когда шагнул в коридор. Чтобы корабль мог снова увидеть родной порт, пилоты должны были быть живы и готовы к сотрудничеству.

Когда Лаки показался в двери, они сидели на полу, моргая от света фонарика.

— Что произошло? — простонал Джонсон.— Минуту назад я сидел за пультом, а затем ... — в его взгляде не было враждебности, лишь огорчение и смущение.

«Чудо Венеры» был немного приведен в порядок. Он двигался крайне медленно, но его прожекторы, носовая и кормовая части были восстановлены, а полностью заряженные аварийные аккумуляторы давали жизненно необходимую энергию. Шум винтов был едва слышен, и планетарный катер успешно демонстрировал свою третью функцию. Это был корабль, который мог двигаться не только в межпланетном пространстве и в воздухе, но и под водой. В кабину пилотов вошел Георг Ривел. Он был подавлен и явно обеспокоен. На его голове виднелся глубокий порез, который Лаки промыл, продезинфицировал и искусно опрыскал коагулятором.

— Есть несколько незначительных трещин, но я залатал их,— сказал Ривел.— Крылья оторваны, а большая часть батарей превратилась в утиль. Нам нужен капитальный ремонт, но я считаю, что мы счастливо отделались. Вы успешно справились с этим, мистер Вильямс.

Лаки ответил коротким кивком.

— Полагаю, что вы объясните мне, что произошло.

Ривел покраснел.

— Не знаю. Рад был бы объяснить, но сам не понимаю.

— А вы? — спросил Лаки у второго пилота.

Тор Джонсон, который в этот момент осторожно восстанавливал радиостанцию, покачал головой.

— Последнее, что я помню,— сказал Ривел,— это то, что мы находились внутри облачного слоя. После этого я не помню ничего до того момента, когда вы появились в двери с фонариком в руках.

— Не пользовались ли вы или Джонсон каким-нибудь наркотиком? — спросил Лаки.

Джонсон бросил на него гневный взгляд.

— Нет,— громко произнес он.

— Тогда что же отключило сознание у вас обоих сразу в один и тот же момент?

— Хотел бы я знать,— ответил Ривел.

— Послушайте, мистер Вильямс, мы оба не новички. Мы имеем дипломы пилотов первого класса. После случившегося нас, вероятно, лишат этих дипломов.

— Посмотрим,— ответил Лаки.

— Что толку обсуждать, что было да прошло,— раздраженно вмешался Бигман.— Что я желал бы знать, так это где мы находимся и куда движемся.

— Мы сошли с курса,— ответил Тор Джонсон.— Могу сказать, что потребуется пять-шесть часов, чтобы добраться до Афродиты.

— Великий Юпитер и Маленькие астероиды! — воскликнул Бигман, с отвращением уставившись во тьму за иллюминатором.— Пять-шесть часов в этой мгле!

Афродита была самым большим городом Венеры. Его население превышало четверть миллиона. Когда катер «Чудо Венеры» приблизился на расстояние мили, море вокруг города, подсвеченное огнями, заблестело призрачным зеленым светом. В этом жутковатом свете ясно различались темные гладкие обводы спасательных судов, высланных им навстречу после установления радиосвязи. Они безмолвными спутниками скользили рядом с катером. Как для Лаки, так и для Бигмана это было первое знакомство с накрытым куполом подводным городом Венеры. Изумленные представшим их взору чудесным зрелищем, они почти забыли об испытаниях, через которые только что прошли. Смутно различались здания в паутине стальных конструкций, предохраняющих город от давления воды. По мере их приближения купол рос и сверкал все ярче и ярче. Афродита становилась менее сказочной, но еще более притягательной. Подойдя вплотную, они проскользнули гигантский воздушный шлюз, где мог бы разместиться небольшой флот грузовых судов или даже небольшой боевой крейсер, и стали ждать, пока откачают воду. Когда это было сделано, грузовой лифт поднял катер из шлюза в город. Лаки и Бигман проследили за выгрузкой багажа, сдержанно пожали руки пилотам и взяли глиссер до гостиницы «Колокол Афродиты». Бигман неотрывно глядел в изогнутые окна глиссера, который легко нес их среди строений города и над их крышами.

— Так вот она какая, Венера,— произнес он.— Не знаю, стоит ли она того, чтобы мы сюда явились. Я никогда не забуду, как этот океан надвигался на нас.

— Боюсь, что это только начало,— сказал Лаки.

Бигман с тревогой посмотрел на друга.

— Ты действительно так думаешь?

Лаки пожал плечами.

— Все зависит от обстоятельств. Посмотрим, что скажет Эванс.

Зеленый зал гостиницы вполне соответствовал своему названию. Тип освещения и его мерцание придавали посетителям вид существ, парящих в глубине моря. Потолок представлял собой опрокинутую вверх дном чашу, под которым медленно вращался большой, шарообразной формы аквариум, поддерживаемый ловко замаскированными тросами. Вода в нем была украшена нитями венерианских водорослей, среди которых извивались разноцветные «морские ленты» — одна из наиболее красивых форм животного мира Венеры. Вначале Бигман сосредоточился на пище. Он был недоволен отсутствием в меню пунша, взволнован присутствием настоящих официантов и возмущен тем, что, по их словам, в Зеленом зале подавалась еда, предназначенная только для работников администрации. Он немного успокоился, когда убедился, что закуски достаточно хороши, а суп очень вкусен. Вскоре заиграла музыка, куполообразный потолок засветился, а шар-аквариум начал свое медленное вращение. Бигман застыл с открытым ртом, забыв про обед.

— Взгляни на это,— произнес он.

Лаки поднял глаза. Морские ленты были различных размеров: от тончайших ниточек двух дюймов длины до широких извилистых поясов, достигавших ярда в длину. Все они были плоскими, как лист бумаги. Они двигались, извиваясь, и по ним перекатывались разноцветные волны. И каждая флюоресцировала. Это было потрясающее зрелище — нижняя сторона каждой морской ленты казалась переливающейся спиралью, малиновой, розовой, оранжевой, голубой, фиолетовой. И все от внешнего света было покрыто светло-зеленым налетом. По мере своего движения цветные ленты переплетались и расходились снова. Ослепленному глазу они казались купающейся в воде живой радугой, которая исчезала только для того, чтобы вновь возродиться в еще более ярких красках. Бигман с трудом оторвал взгляд от зрелища и удостоил вниманием десерт. Официант назвал его желе из овощей, и вначале Бигман с подозрением рассматривал поданное блюдо. Желе состояло из непрочно скрепленных между собой и легко разделяемых ложкой оранжевых овалов. Во рту они сначала оставались сухими и безвкусными, но затем внезапно расплывались в густую сиропообразную массу, доставляющую истинное наслаждение.

— Космос побери! — воскликнул изумленный Бигман.— Ты попробовал десерт?

— Что? — рассеянно спросил Лаки.

— Ты попробовал десет или нет? Он похож на густой ананасовый сок, только в миллион раз вкуснее. В чем дело?

— У нас гость,— сказал Лаки.

— Ему следовало бы подойти,— Бигман сделал попытку повернуться в кресле и посмотреть на посетителя.

— Успокойся,— тихо сказал Лаки, и Бигман застыл на месте.

Потом он услышал мягкие приближающиеся шаги. Он попытался боковым зрением рассмотреть подходящего человека. Его бластер остался в номере, но у него в кармане лежал силовой нож. Такой нож выглядел, как брелок от часов, но при необходимости им можно было перерубить человека пополам. Бигман напряженно нащупал его пальцами.

— Не разрешите ли присоединиться к вам, друзья? — произнес голос позади него.

Бигман повернулся в кресле, сжимая в руке нож, готовый к броску, быстрому колющему удару, направленному вверх. Но стоящий перед ним человек выглядел кем угодно, только не преступником.

Он был довольно толст, но одежда хорошо сидела на нем. У него было круглое лицо, седоватые тщательно зачесанные назад волосы, которые не могли скрыть небольшой лысины. Его маленькие голубые глаза глядели вполне дружелюбно. И, конечно, у него были соответствующие моде большие седые усы.

— Садитесь,— невозмутимо сказал Лаки. Казалось, все его внимание поглощает чашка горячего кофе, которую он держал в правой руке.

Полный человек сел и положил руки на стол так, что запястье одной руки слегка прикрывало полуоткрытую ладонь другой. В ней вдруг вспыхнули желтые пятнышки света, складывающиеся в хорошо известные созвездия Ориона и Большой Медведицы. Затем они исчезли, и видно было только чистое пухлое запястье и улыбающееся круглое лицо над ним. Этот опознавательный знак, создаваемый силой мысли, нельзя было подделать и он являлся одной из наиболее охраняемых тайн Совета.

— Мое имя Моррис,— представился толстый человек.

— Я уже узнал вас по описанию,— ответил Лаки.

Бигман откинулся в кресле и положил нож на место. Нод Моррис был главой Венерианского отделения Совета. Бигман слышал о нем. Он успокоился, но с другой стороны, был несколько разочарован. Он ожидал драки, возможно, выплескивания кофе в лицо толстяка, опрокидывания стола и всего прочего в том же духе.

— Венера кажется не совсем обычным, но прекрасным местом, — начал беседу Лаки.

— Вы уже видели наш флюоресцирующий аквариум?

— Это очень яркое зрелище.

Моррис улыбнулся и поднял вверх палец. Официант тут же принес ему чашку горячего кофе. Моррис некоторое время помешивал его, затем тихо проговорил:

— Я думаю, увидев меня, вы слегка разочаровались. Полагаю, что вы ждали другого гостя?

— Я собирался сначала увидеться с другом для неофициальной беседы,— спокойно ответил Лаки.

— Действительно,— сказал Моррис,— вы послали сообщение члену Совета Эвансу, что хотите с ним встретиться.

— Я вижу, вы хорошо осведомлены.

— Безусловно, Эванс уже довольно давно находится под при-

стальным наблюдением. Все адресованные ему сообщения перехватываются.

Они говорили очень тихо, даже Бигман с трудом улавливал смысл их беседы, так как они сидели напротив друг друга, сохраняя безучастное выражение лиц, и маленькими глотками потягивали горячий кофе.

— Поступив так, вы совершили ошибку,— сказал Лаки.

— Вы говорите это потому, что он ваш друг?

— Да.

— И я полагаю, что он из дружеских соображений потребовал, чтобы вы держались подальше от Венеры.

— Вы знаете и это.

— Разумеется. И по прибытии на Венеру с вами произошел несчастный случай. Я прав?

— Да, вы правы. И вы полагаете, что Эванс опасался именно такого поворота событий?

— Опасался? Великий Космос, Старр! Это происшествие — дело рук вашего друга Эванса.

Выражение лица Лаки не изменилось. Даже блеск глаз не выдал его отношения к услышанному.

— Подробности, пожалуйста,— сказал он.

Было видно, что Моррис опять улыбнулся, хотя верхнюю часть его рта закрывали нелепые венерианские усы.

— Здесь опасно.

— Тогда назовите место.

— Сейчас,— Моррис посмотрел на часы,— Ровно через минуту начнется развлекательная программа. Будут танцы при свете моря.

— При свете моря?

— Шар наверху будет давать сумрачный зеленый свет. Посетители начнут танцевать. Мы смешаемся с ними и незаметно исчезнем.

— Судя по вашим словам, мы находимся в опасности.

— Так оно и есть,— серьезно ответил Моррис.— Уверяю, с момента вашего появления в Афродите следят за каждым вашим шагом.

Внезапно прозвучал приятный голос. Казалось, он исходил из прозрачной центральной части стола. Судя по тому, куда повернулись другие посетители, голос действительно звучал из центра каждого стола.

— Леди и джентльмены,— произнес он,— добро пожаловать в Зеленый зал. Хорошо ли вы пообедали? Для улучшения вашего настроения администрация рада предоставить вам магнитомузыкальные ритмы Тоби Тобиаса и его ...

Пока звучал голос, свет угасал, и последние слова утонули в дружном вздохе изумления посетителей, большинство которых только что прибыли с Земли. Шар аквариума под потолком внезапно засветился зеленым светом и ярко засверкали разноцветные спирали морских лент. Поверхность шара состояла из множества граней, так что по мере его вращения в зале возникал гипнотический танец теней. Музыка, едва слышным потоком изливающаяся из таинственных шероховатых ящиков магнитомузыкальных инстру-

ментов, становилась все громче. Звуки исходили из различной формы стержней, двигающихся по определенной системе в магнитном поле. Мужчины и женщины встали и начали танцевать. Прикосновение к рукаву подняло Лаки, а затем и Бигмана на ноги. Они молча последовали за Моррисом. Одну за другой они миновали несколько фигур с суровыми лицами, которые почти незаметно появлялись из-за драпировки. Они были достаточно далеко, но Лаки был уверен, что каждый из них сжимал рукоятку бластера. Так оно и было. Но Моррис относился к ситуации чрезвычайно серьезно.

Лаки с одобрением окинул взглядом апартаменты Морриса. Они были весьма комфортабельны, но без лишней роскоши. Находясь здесь, можно было забыть, что в сотне ярдов над тобой находится полупрозрачный купол, над которым многие ярды насыщенной углекислотой воды и около сотни миль смертоносной непригодной для дыхания атмосферы. Но что больше всего понравилось Лаки, так это подбор фильмокниг, переполнивших один из шкафов.

— Вы что, биофизик, доктор Моррис? — спросил он, автоматически воспользовавшись принятым у ученых обращением.

— Да,— ответил Моррис.

— Я тоже во время учебы в Академии проводил некоторые исследования по биофизике, - сказал Лаки.

— Я знаю, читал вашу статью. Неплохая работа. Могу я теперь называть вас Дэвид?

— Это мое первое имя. Но сейчас все зовут меня Лаки.

Бигман тем временем открыл один из футляров с фильмокнигами, отмотал часть ленты и поднес ее к свету. Проглядев несколько кадров, он пожал плечами и поставил футляр на место.

— Вы же совершенно не похожи на ученого,— агрессивно сказал он Моррису.

— Надеюсь, вы правы. Вы же знаете, что это помогает в работе.

Лаки вполне понимал его. Во времена, когда наука пронизала все человеческое общество, ученые уже не могли ограничиваться только своими лабораторными исследованиями. Именно поэтому и родился Совет Науки. Первоначально он был задуман как консультативный орган правительства для помощи в освоении Галактики, где только хорошо подготовленные ученые могли получить достаточно сведений, чтобы принять правильное решение. Но постепенно он начал брать на себя функции борьбы с преступниками, функции контрразведки. В его руках начали сосредотачиваться нити управления государством. В результате его деятельности в Галактике когда-нибудь должна была образоваться огромная Федерация Млечного Пути, в которой все люди смогут жить в мире и гармонии. И так как вследствие этого члены Совета должны были заниматься делами, достаточно далекими от чистой науки, то для них было лучше, если они не выглядели учеными, оставаясь ими на самом деле.

— Это сообщили вам на Земле?

- О, только самый минимум. Все остальное я решил выяснить у местных работников.

Моррис иронически улыбнулся.

— Положиться на местных работников. Необычная позиция для людей центра. Они занимаются своими делами, а сюда присылают людей типа Эванса.

— И меня тоже,— сказал Лаки.

— В случае с вами есть небольшая разница. Все мы знаем о ваших прошлогодних успехах на Марсе и о той работе, которую вы только что закончили в поясе астероидов.

Бигман весело рассмеялся.

— Вы должно быть все время находились рядом с нами, если полагаете, что знаете все о том, что он сделал.

Лаки слегка покраснел.

— Сейчас не время для таких пустяков, Бигман, избавь нас от твоих историй,— поспешно сказал он.

Они сидели в мягких удобных креслах, явно сделанных на Земле. По специфическому эху их голосов тренированному слуху Лаки стало ясно, что помещение экранировано и защищено от прослушивания.

Моррис достал сигарету и предложил остальным закурить, но они отказались.

— Что вы знаете о Венере, Лаки?

— Только то, что учат в школе,— улыбнулся он.— Совсем коротко расскажу об этом. Это вторая от Солнца планета и находится приблизительно в шестидесяти семи миллионах миль от него. Это ближайший к Земле мир. Она может приближаться на расстояние двадцати шести миллионов миль к Земле. Венера немного меньше Земли, и сила тяжести на ней составляет пять шестых земной. Она обращается вокруг Солнца за семь с половиной месяцев, а день длится здесь тридцать шесть часов. Температура воздуха немного выше земной, но из-за наличия облаков разница невелика. Также из-за облачного покрова здесь нет заметного различия во временах года. Венера покрыта океаном, вся поверхность которого заросла водорослями. Ее атмосфера состоит из азота и углекислого газа и непригодна для дыхания. Ну как, доктор Моррис?

— У вас были хорошие отметки,— ответил тот,— но я спрашивал скорее об обществе Венеры, чем о самой планете.

— Н-да, это труднее. Я конечно, знаю, что люди живут здесь в закрытых куполами городах в неглубоких местах океана, и как я мог сам убедиться, живут неплохо — намного лучше, чем, например, в городах Марса.

— Эй,— выкрикнул Бигман.

— Вы не согласны со своим другом? — перевел смеющиеся маленькие глазки на него Моррис.

— Возможно и так, но он не должен был говорить это,— с обидой ответил Бигман.

Лаки улыбнулся и продолжал.

— Венера довольно развитая планета. Я знаю, что на ней около пятидесяти городов с общим населением шесть миллионов. Вы перерабатываете сушеные водоросли, которые, должен отметить, являются превосходным удобрением, и идущие на корм скоту обезвоженные дрожжевые брикеты.

— Все это отлично,— сказал Моррис,— как вам понравился обед в Зеленом зале?

Лаки замер на мгновение, удивленный сменой темы, а потом ответил:

— Очень хороший. А почему вы спрашиваете?

— Скоро поймете. А что вы ели?

— Не могу точно сказать,— ответил Лаки.— Я предполагаю, что мы ели гуляш из говядины с довольно пикантным соусом и овощами, которых я не знаю. Я думаю, что был фруктовый салат и суп из помидоров.

— А овощное желе на десерт,— вмешался Бигман.

Моррис разразился оглушительным хохотом.

— Так знайте, что вы оба ошибаетесь,— сквозь смех проговорил он.— Вы не ели ни говядины, ни фруктов, ни томатов. Ни даже кофе. Вы ели один продукт — дрожжи.

— Что?! — воскликнул Бигман.

Лаки тоже застыл от удивления.

— Вы серьезно? — спросил он.

— Конечно, это особенность зеленого зала. Они никогда не афишируют это, боясь отпугнуть. Однако позже вас должны были тщательно расспросить, как вам понравилось каждое блюдо, как его можно улучшить и так далее. Зеленый зал наиболее ценный испытательный полигон на Венере.

Бигман скривил свое маленькое лицо и крикнул:

— Я подам на них в суд! Я устрою судебный иск Совета. Они не имеют права кормить меня дрожжами, не сообщая мне об этом, словно я корова, или лошадь, или ...

От возбуждения его речь стала совершенно бессвязной.

— Вы так считаете? — сухо спросил Моррис.— Значит, вы не читали наших отчетов. Я не удивлен. Земля считает, что мы здесь все преувеличиваем. Однако, уверяю вас, совсем нет. И это не простой рост преступности. Дрожжи, Лаки, дрожжи — суть всего на этой планете.

Робот-официант вкатил в комнату тележку с кипящим кофейником и тремя чашками дымящегося кофе. Робот подъехал сперва к Лаки, затем к Бигману. Моррис взял третью чашку, поднес ее ко рту, а затем с удовольствием вытер свои большие усы.

— Добавьте сливки и сахар, если желаете,— сказал он.

Бигман посмотрел на чашку и фыркнул. Он с явным подозрением перевел взгляд на Морриса.

— Дрожжи?

— Нет, на этот раз настоящий кофе. Я клянусь.

Некоторое время они молча наслаждались кофе, затем Моррис сказал:

— Венера требует больших затрат на свое содержание. Наши города вынуждены добывать кислород из воды, а это связано с гигантскими электролитическими установками. Городам необходима масса энергии для поддержания куполов против давления миллиардов тонн воды. Афродита потребляет за год больше энергии, чем вся Южная Америка, хотя наше население в тысячу раз

меньше. Разумеется, нам надо заработать эту энергию. Мы должны что-нибудь экспортировать на Землю в обмен на силовые установки, горючее, машины и многое другое. Единственный, причем неисчерпаемый, венерианский продукт — водоросли. Некоторое их количество мы экспортируем в качестве удобрения, но это не решает проблему. Поэтому большую часть наших водорослей мы используем для получения дрожжей тысяча и одной разновидности.

— Это немного меняет дело,— скривил губы Бигман.

— Разве вы не нашли свой последний обед хорошим? — отпарировал Моррис.

— Продолжайте, пожалуйста, доктор Моррис,— сказал Лаки.

— Конечно, мистер Джонс совершенно прав ...

— Зовите меня Бигман.

Моррис перевел на него взгляд и продолжал:

— Как хотите, но Бигман совершенно прав в своей низкой оценке дрожжей в целом. Большинство производимых нами видов пригодно только на корм скоту. Но даже они очень полезны. Свинина, полученная при использовании дрожжей, дешевле и полезней любой другой. Дрожжи высококалорийны, в них много протеина, минеральных солей и витаминов. У нас есть и другие высококачественные разновидности, которые применяются тогда, когда пища должна занимать как можно меньше места и храниться долгое время. Например, У-рацион, который составляет главный продукт питания в длительных космических полетах. И, наконец, мы имеем несколько разновидностей наивысшего качества, чрезвычайно дорогостоящих и скоропортящихся, которые входят в меню Зеленого зала и дают возможность имитировать обычные продукты питания. Сейчас мы не можем производить их в большом количестве, но когда-нибудь сможем. Полагаю, Лаки, вы уловили суть сказанного.

— Думаю, что да.

— А я нет,— вновь агрессивно вмешался Бигман.

— Венера будет иметь монополию на эти высшие разновидности,— быстро пояснил Моррис.— Ни один другой мир не будет обладать ими. Без нашего опыта работы с дрожжевыми культурами ...

— С чем? — переспросил Бигман.

— С дрожжевыми культурами. Без венерианского опыта работы с ними никто не сможет вывести эти виды, а если даже случайно их получит, не сохранит их. Как видите, Венера сможет наладить торговлю небольшими партиями сверхвысококачественных разновидностей дрожжей со всей Галактикой. Это выгодно не только для Венеры, но и для Земли и всей Солнечной Системы. Мы, будучи самой старой системой в Галактике, являемся и самой густонаселенной. Если сможем заменить тонну зерна на фунт дрожжей, это будет очень выгодно для нас.

Лаки терпеливо выслушал лекцию Морриса.

— По этой же причине,— сказал он,— этим же должны заинтересоваться враги, которые стремятся ослабить Землю, постараться подорвать венерианскую монополию на дрожжи.

— Вы поняли это? Не так ли? Я желал бы, чтобы остальные

члены Совета поверили в эту страшную опасность. Если враг сможет тайком добыть сведения, живые образцы культуры и некоторые знания по их развитию и содержанию, последствия будут катастрофическими.

— Отлично,— сказал Лаки.— Наконец, мы добрались до нужной точки. Есть ли какие-нибудь случаи воровства?

— Пока нет,— мрачно ответил Моррис,— за последние шесть месяцев произошло множество всяких случайных аварий и странных инцидентов. Некоторые из них просто досадны, даже смешны, как, например, случай со странным человеком, который кидал детям монеты по полпенса, а затем помчался в полицию и заявил, что его ограбили. И когда очевидцы показали, что он разбрасывал монеты, он едва не сошел с ума, яростно доказывая, что не мог совершить такой глупости. Были и более серьезные происшествия. Оператор грузового крана выпустил полутонный тюк водорослей, убив при этом двух человек. Позже он утверждал, что ничего не помнит.

— Лаки! — взволнованно воскликнул Бигман.— Пилоты на катере тоже утверждали, что ничего не помнят.

Моррис кивнул.

— Учитывая, что вы остались живы, я почти доволен, что это произошло. Теперь Совет, может быть, поверит, что за этим что-то кроется.

— Мне кажется, вы подозреваете, что во всех этих случаях не обошлось бех гипноза,— сказал Лаки.

— Гипноз — это слишком безобидно,— мрачно улыбнулся Моррис.— *Вы знаете хоть одного гипнотизера, который мог бы на* расстоянии оказывать влияние на людей, не желающих поддаться его воздействию? Я утверждаю, что на Венере есть группа людей, которая обладает силой, дающей ей власть над мозгом других. Они пользуются этой силой, постоянно совершенствуют ее. С каждым днем с ними все труднее будет справиться. Возможно, сейчас уже слишком поздно!

Глаза Бигмана сверкнули.

— Никогда не может быть слишком поздно, раз Лаки здесь. Так с чего мы начнем?

— С Лу Эванса,— спокойно ответил Лаки.— Я все ждал, когда же вы упомянете о нем, доктор Моррис.

Брови Морриса поползли вверх, и его круглое лицо стало хмурым.

— Вы его друг, и полагаю, хотите оправдать его. Это весьма неприятная история. Она была бы неприятна, если бы в ней был замешан даже совершенно незнакомый член Совета, а коль речь идет о друге — тем более.

— Я действую не из сентиментальных побуждений, доктор Моррис,— ответил Лаки,— я знаю Лу Эванса так хорошо, как только может один человек знать другого. И уверен, что он не мог сделать ничего такого, что принесло бы вред Совету или Земле.

— Тогда слушайте и решайте сами. За все время работы на Венере Эванс почти ничего не добился. Его рекомендовали нам

как «истребителя неприятностей», но это оказалось всего лишь хорошими словами.

— Не обижайтесь, доктор Моррис, но не возмутил ли вас сам факт его прилета?

— Конечно, нет. Я просто не вижу в этом смысла. Мы состарились здесь на Венере. У нас есть опыт. А на что надеются они, посылая с Земли неоперившихся юнцов?

— Свежий подход иногда помогает.

— Нонсенс. Я говорю вам, Лаки, главная беда в том, что штаб-квартира Совета на Земле не считает наши дела заслуживающими внимания. Цель присылки Эванса заключалась в том, чтобы он сделал здесь быстрый осмотр... Вскрыл имеющиеся недостатки, и, вернувшись, доложил, что ничего особенного здесь не происходит.

— Я знаю, что люди в штаб-квартире лучше, чем вы о них говорите. Да вы и сами знаете это.

Но Моррис продолжал ворчать:

— Во всяком случае три недели назад Эванс попросил предоставить ему конкретные засекреченные данные, касающиеся выращивания дрожжевых культур. Специалисты, занимающиеся этими вопросами, отказали.

— Отказали? — переспросил Лаки.— Но это же был запрос члена Совета.

— Да, но люди, культивирующие дрожжи, очень скрытны. Никто из членов Совета никогда не делал таких запросов. Они спросили у Эванса, зачем ему нужна эта информация. Он отказался объяснить им. Тогда они направили этот запрос ко мне, и я аннулировал его.

— На каком основании? — спросил Лаки.

— Он и мне отказался объяснить причину, а до тех пор, пока я глава местного отделения Совета, ни от кого из моих людей у меня нет секретов. Но тогда ваш друг Эванс сделал то, чего я не ожидал. Он, воспользовавшись своим положением члена Совета, проник в секретный сектор, производящий дрожжи, и вынес оттуда микропленку, спрятав ее в ботинок.

— Несомненно, у него была для этого важная причина.

— Была,— саркастически проговорил Моррис.— На микропленке запечатлены формулы питательных веществ, необходимых для роста нового, чрезвычайно важного грибка. Двумя днями позже рабочий, приготавливавший один из компонентов смеси, ввел в него соли ртути. Грибок погиб и шестимесячный труд пропал даром. Рабочий клялся, что он ни при чем, но это его рук дело. Наши психиатры подвергли его психозондированию. К счастью, сейчас мы уже понимаем, что происходит. У него был период помрачения. Враг все еще не смог выкрасть наследственные характеристики дрожжей, но он близок к этому.

Глаза Лаки посуровели.

— Здесь можно сделать лишь один вывод. Лу Эванс перешел на сторону врагов, кто бы они ни были.

— Сириниты! — выпалил Моррис.— Я был в этом уверен.

— Возможно,— согласился Лаки.— За последние столетия обитатели планет Сириуса были самыми яростными врагами Земли. Возможно, Лу согласился добыть для них данные, которые помогли бы им организовать работу дрожжевых фабрик.

— Да, я так думаю, а вы можете предложить что-нибудь другое?

— Может быть, Эванс находится под мысленным контролем?

— Не похоже, Лаки. У нас в архиве описаний таких случаев много. Ни один из тех, кто попадал под мысленный контроль, не был под ним более получаса, и у всех позже обнаруживали целые периоды полной амнезии. Эванс, чтобы сделать то, что он сделал, должен был находиться под мысленным контролем не менее двух дней, а у него не было признаков амнезии.

— Его обследовали?

— Конечно. Когда человека ловят на краже секретного материала, следует предпринять определенные шаги. Меня это не могло не обеспокоить, будь он хоть сто раз членом Совета. Я сам доставил его на обследование. Когда мы обнаружили, что у него есть собственное оборудование связи, немедленно подключились к его шифровальному аппарату и теперь в курсе всех его связей с внешним миром. Сообщение, посланное вам, было последним. Я готовлю рапорт в штаб-квартиру, что я уже давно должен был сделать, в котором предлагаю исключить его из организации и предать суду по обвинению в коррупции, если не в измене.

— Прежде чем это сделать... — начал Лаки.

— Да?

— Позвольте мне поговорить с ним.

Моррис, иронически улыбаясь, поднялся из-за стола.

— Вы хотите этого? Пожалуйста. Я провожу вас к нему. Он содержится в этом здании. Я даже доволен, что вы сами послушаете его оправдания.

Они миновали несколько застывших охранников. Бигман смотрел на них с любопытством.

— Это что — тюрьма?

— Да, на этом этаже что-то вроде тюрьмы,— ответил Моррис.— Здания на Венере пригодны для многих целей.

Они вошли в маленькую комнату, совершенно неожиданно Бигман разразился громким смехом.

— В чем дело, Бигман? — спросил Лаки, не в силах сдержать улыбку.

— Все в порядке,— ответил Бигман, вытирая слезы со щек.— Просто, Лаки, ты очень потешно выглядишь со своей безусой верхней губой. После всех этих усов ты кажешься мне как бы деформированным, словно кто-то сдул твои усы, которые ты должен был иметь.

При этих словах Моррис с нескрываемой гордостью пригладил тыльной стороной ладони свои модные усы.

Лаки расплылся в улыбке.

— Забавно, но я подумал то же самое о тебе, Бигман.

— Эванса сейчас приведут сюда,— сказал Моррис. Он нажал

маленькую кнопку. Лаки обвел комнату взглядом. Она была меньше комнаты Морриса и выглядела более безликой. Ее обстановка состояла из нескольких кресел, софы, низкого стола посреди комнаты и двух высоких столиков, стоящих у фальшивых окон, за каждым из которых находился искусно сделанный морской пейзаж. На одном из столиков стоял аквариум, а на другом — две чашки, одна с горохом, другая с маслянистой черной жидкостью. Взгляд Бигмана автоматически следовал за взглядом Лаки.

— Лаки, скажи, что это? — внезапно спросил он, быстрыми шагами подошел к аквариуму, нагнулся и стал заглядывать в глубину.— Ты когда-нибудь видел подобное?

— Это просто В-лягушка, которых содержат местные жители,— ответил Моррис.— Неужели вы еще не видели?

— Нет,— сказал Лаки. Он тоже приблизился к аквариуму, который имел два фута в ширину и три в высоту, и присоединился к Бигману. Воду в аквариуме тут и там пересекали похожие на перья водоросли.

— Она не кусается? — спросил Бигман и, разогнав водоросли указательным пальцем, нагнулся ближе к воде, стараясь рассмотреть, что же скрывается в глубине. То же самое сделал и Лаки. В-лягушка смотрела на них очень важно. Это было маленькое существо около восьми дюймов длиной, с треугольной головкой, на которую были насажены два выпученных черных глаза. Оно опиралось на шесть поджатых к телу маленьких пухлых ног. На каждой ноге было три пальца спереди и один сзади. Ее кожа зеленого цвета походила на лягушечью, а на спине находились оборчатые плавники, которые непрерывно вибрировали. Вместо рта у нее был прочный изогнутый клюв, напоминающий клюв попугая. Пока они изучали В-лягушку, она начала подниматься к поверхности воды. Ее ноги оставались на дне аквариума, а бесчисленные суставы растягивались, словно телескопические антенны. Как только ее голова достигла поверхности воды, подъем прекратился.

— Она не любит выходить из воды,— сказал Моррис, который присоединился к ним и с нежностью наблюдал за маленьким существом.— В воздухе слишком много кислорода, а им он нужен в умеренных количествах.

Бигман был восхищен. На Марсе фактически не было животного мира, и подобные существа были ему внове.

— А где они живут? — спросил он.

Моррис опустил палец в воду и погладил лягушку. Она позволила сделать это и лишь закрыла глаза порывистым движением, что, как можно было догадаться, свидетельствовало о получаемом удовольствии.

— Они собираются в водорослях большими стаями,— ответил Моррис,— и живут в них, словно в лесу. Длинные пальцы легко удерживают их на водорослях, а клюв способен разорвать даже самые прочные водоросли. Они могли бы поранить палец человека, но я никогда не слышал, чтобы они хоть кого-нибудь укусили. Я поражен, что вы до сих пор не видели ни одной из них. В гостинице демонстрируется большая коллекция их, целые семейства. Вы

еще не были на этой выставке?

— Едва ли у нас имелась возможность для этого,— сухо ответил Лаки. Бигман быстро подошел к другому столику, взял горошину, обмакнул ее в маслянистую жидкость и вернулся с ней назад. Он протянул ее В-лягушке, а та, высунув клюв из воды, с величайшей осторожностью взяла горошину из его пальцев.

— Вы видели? — явно довольный спросил он.

Моррис важно, словно шалостям ребенка, улыбнулся.

— Маленький бесенок. Они готовы это есть непрестанно. Взгляните, как она жадно ест.

В-лягушка с хрустом разгрызла горох. Маленькая черная капелька вытекла из клюва. И сразу ноги существа сложились, опуская его в толщу воды. Клюв открылся и капля была поймана.

— Что это за вещество? — спросил Лаки.

— Горох, выкупанный в машинном масле,— ответил Моррис.— Углеводороды — великое лакомство для них, как для нас сахар. Они с трудом находят его в естественных условиях. Можно даже предположить, что они позволяют себя поймать только ради того, чтобы заполучить это лакомство.

— Их что, так и ловят?

— Зачем же. Когда специальный траулер собирает водоросли, попадаются и они в большом количестве. И другие животные тоже.

— Эй, Лаки! — начал Бигман,— как ты полагаешь, позволят нам заполучить хоть одну...

Разговор прервали охранники, решительно вошедшие в комнату. Между ними стоял долговязый и белобрысый молодой парень.

Лаки вскочил на ноги.

— Лу! Лу, дружище! — он с улыбкой протянул руку.

На мгновение показалось, что вошедший тоже готов был броситься ему навстречу. В его глазах вспыхнула радость. Но она быстро угасла. Он не подал руки, а лишь безучастно произнес:

— Привет, Старр.

Протянутая для приветствия рука Лаки опустилась.

— Мы не виделись с тех пор, как закончили учебу,— сказал он. Затем замолк.

Эванс, казалось, осознал нелепость ситуации. Отрывисто кивнув на стоящих по бокам охранников, он произнес с мрачным юмором.

— С тех пор кое-что изменилось.— И затем, судорожно сжав зубы, продолжил,— зачем ты прибыл? Почему не остался на Земле? Я тебя спрашиваю?

— Я не мог остаться в стороне, когда мой друг попал в беду, Лу.

— Надо было подождать, когда твоей помощи попросят.

— Я думаю, Лаки, вы просто теряете время,— вмешался Моррис.— Вы думаете о нем как о члене Совета. А я полагаю, что он ренегат.

Последнее слово ударило Лаки, словно хлыстом. Эванс слегка покраснел, но ничего не ответил.

— Мне потребуются чрезвычайные, серьезные доказательства, прежде чем я поверю, что подобное слово можно отнести к члену

Совета Эвансу,— сказал Лаки. Он особенно подчеркнул — «члену Совета».

Лаки опустился в кресло. Он довольно долго и спокойно рассматривал своего друга, и Эванс отвел взгляд.

— Доктор Моррис, попросите охранников удалиться,— сказал Лаки.— Я беру на себя охрану Эванса.

Брови Морриса удивленно поползли вверх, но после минутного размышления он сделал охранникам разрешающий жест рукой.

— Бигман, если не возражаешь, и ты оставь нас,— попросил Лаки.

Бигман кивнул и вышел.

— Лу,— мягко произнес Лаки,— мы теперь только втроем, ты, я и доктор Моррис. Три сотрудника Совета Наук. Давай начнем с самого начала. Брал ли ты из архива секретные данные по выращиванию дрожжей?

— Брал,— коротко ответил Эванс.

— Значит, у тебя были для этого веские основания. Какие?

— Я украл эти данные. Я говорю, украл. Полагаю, что этого достаточно. Что вам еще нужно! У меня не было причин для этого. Оставьте меня в покое,— произнес Эванс дрожащим голосом.

— Вы желали выслушать его объяснения, Лаки,— вмешался Моррис.— Так вот, у него их нет.

— Я полагаю,— продолжал Лаки,— ты знаешь, что после того, как ты взял эти документы, на фабрике произошел инцидент как раз с тем видом грибков, о котором в них говорилось.

— Я знаю это,— ответил Эванс.

— Как ты можешь объяснить это?

— У меня нет объяснений.

Лаки внимательно наблюдал за Эвансом, стараясь найти черты того добродушного жизнерадостного юноши со стальными нервами, которого он так хорошо помнил по Академии. Если не принимать во внимание усы, отпущенные по венерианскому обычаю, человек, стоящий перед ним, внешне очень походил на того, кого Лаки помнил. Те же длинные руки и ноги, коротко подстриженные светлые волосы, тот же острый подбородок, та же атлетическая фигура без грамма лишнего жира. Но остальное. В бегающих глазах беспокойство, пересохшие губы, нервно обкусанные ногти. Лаки пришлось сделать немалое усилие, чтобы задать следующий вопрос. Допрашиваемый был его другом, человеком, которого он хорошо знал, в чьей преданности не сомневался, за которого он мог бы без раздумий поручиться своей жизнью.

— Лу, неужели ты продался? — тихо проговорил он.

— Думай, что хочешь,— ответил тот безучастным голосом.

— Лу, я снова обращаюсь к тебе. Во-первых, я хочу, чтобы ты знал, что я на твоей стороне, чтобы ты ни натворил. Если ты не оправдал ожиданий Совета, этому должна быть причина. Если тебя накачали наркотиками, вынудили физически или с помощью ментальных сил, скажи. Если тебя шантажировали, угрожая расправой над близкими, скажи. Ради Земли, Лу, если даже тебя соблазнили, предложив деньги или власть, скажи. Не существует

такой ошибки, которую было бы поздно хотя бы частично исправить искренним признанием!

На мгновение показалось, что Эванс решился. Он поднял полные боли глаза и посмотрел в лицо друга.

— Лаки,— начал он,— я...— Потом опять как-то сник и закричал.— Думай, как знаешь, Старр! Думай, как знаешь!

— Вот оно, Лаки,— скрестив руки на груди, сказал Моррис.— Это его позиция. Только он обладает необходимой нам информацией, и, ради Венеры, мы должны заполучить ее тем или иным способом.

— Погодите,— сказал Лаки.

— Мы не можем ждать,— ответил Моррис.— Подумайте сами. Совсем нет времени. Как только они приблизятся к своей цели, все эти так называемые инциденты станут куда более серьезными. Нам нужно разделаться со всем этим сейчас.— И как раз в тот момент, когда он хлопнул пухлым кулаком по ручке кресла, прозвучал телефонный звонок. Моррис нахмурил брови.

— Сигнал чрезвычайного происшествия, Космос побери...

Он щелкнул переключателем и поднес трубку к уху.

— Моррис слушает. Что случилось? Что? Что???

Трубка упала на пол, а лицо Морриса побледнело.

— Загипнотизирован человек у люка номер двадцать три,— с трудом выдохнул он.

Гибкое тело Лаки сжалось, как стальная пружина.

— Что значит «люк». Неужели вы имеете в виду купол?

Моррис кивнул и с трудом произнес:

— Я говорил, что начнутся более серьезные неприятности. На этот раз морские ворота купола... Этот парень может ... в любой момент ... впустить океан внутрь Афродиты!

Сидя в скоростном каре, Лаки следил за мелькавшим над головой куполом. Строительство города под водой, думал он, требует воплощения на практике настоящих чудес инженерного искусства. Города под куполом строились во многих мирах Солнечной Системы. Самые старые и наиболее известные из них находились на Марсе. Но сила тяготения на Марсе составляла всего лишь две пятых земной, и купола марсианских городов испытывали давление лишь разреженной атмосферы. Здесь, на Венере, сила тяготения составляла пять шестых земной, и венерианские города находятся под водой. Даже учитывая, что они строились лишь на отмелях, так что верхушки куполов почти обнажались при сильных отливах, все равно их материал выдерживал давление миллионов тонн воды. Лаки, как и большинство землян (и венериан тоже), был склонен принимать подобные достижения человеческого разума как нечто само собой разумеющееся. Но сейчас, хотя он был занят размышлениями о том, что Лу Эванс вернулся в свою камеру и вытащить его оттуда будет очень трудно, его живое воображение требовало сведений об этом новом для него материале.

— Доктор Моррис, как поддерживается этот купол? — спросил он.

Моррис немного успокоился. Ведомый им гидрокар мчался к

тому сектору города, где создалось угрожающее положение. Но говорил он все еще скованно и мрачно.

— Размещенное в куполе железо дает магнитное поле,— ответил он.— Может показаться, что купол поддерживают стальные балки, но это не так. Сталь недостаточно прочна для этого. Купол поддерживает силовое поле.

Взгляд Лаки приковали проносившиеся под ними городские улицы, кишевшие людьми.

— Случалось ли здесь раньше что-нибудь подобное? — спросил он.

Моррис тяжело вздохнул.

— Великий Космос, ничего похожего на это... Через пять минут мы будем на месте.

— Предусмотрены ли какие-нибудь меры против подобных происшествий? — бесстрастно продолжал Лаки.

— Конечно, предусмотрены. У нас есть система оповещения и достаточно надежный автоматический регулятор поля. Весь город разделен на сектора. Локальные повреждения купола приведут только к уничтожению прилегающих секторов — вода будет остановлена дополнительными полями.

— Значит, город не будет разрушен, даже если океан ворвется внутрь купола. Это правда? И население об этом знает?

— Безусловно. Люди знают, что они защищены, но, тем не менее, большая часть города будет разрушена. В этих районах возможны жертвы, а материальный ущерб будет огромным. Хуже всего то, что им удалось заставить кого-то сделать это однажды, они могут заставить его, или кого-нибудь другого, сделать это снова.

Бигман с тревогой посмотрел на Лаки. Тот был погружен в свои мысли и выглядел хмурым.

— Мы прибыли,— неожиданно сказал Моррис. Машина начала быстро замедлять ход и, дребезжа, остановилась.

Часы Бигмана показывали четверть третьего, но это ничего не означало. На Венере ночь длилась восемнадцать часов, а здесь, под куполом, вообще не было чередования дня и ночи. Все вокруг залито искусственным светом, дома хорошо освещены. Нельзя было не обратить внимания на необычное поведение жителей. Они стекались из различных секторов города. Слухи о случившемся распространялись с непостижимой быстротой, и они, сгорая от любопытства, собирались со всех сторон, чтобы посмотреть на зрелище, словно на цирковое представление или, как люди на Земле, на магнитомузыкальный концерт. Полицейские, сдерживая галдящую толпу, проделали проход для Морриса и Лаки с Бигманом. Уже были опущены перегородки из полупрозрачного пластика, отделив сектор, которому угрожало затопление. Моррис провел Лаки и Бигмана через дверь. Как только дверь закрылась за ними и шум толпы смолк, к Моррису сразу же подошел какой-то человек.

— Доктор Моррис ... — поспешно начал он.

Моррис поднял глаза и представил их друг другу.

— Лайман Танер, главный инженер,— Дэвид Старр, член Совета;— Бигман Джонс.

Потом он с удивительной для его комплекции скоростью рванулся на какой-то сигнал в другой части комнаты. Уже на бегу он крикнул:

— Танер позаботится о вас!

— Одну минуточку, доктор Моррис! — попытался что-то сказать ему Танер, но его призыв остался без ответа.

Лаки сделал жест Бигману, и тот последовал за Моррисом.

— Он хочет вернуть доктора Морриса? — беспокойно спросил Танер. У него было костлявое, усыпанное веснушками лицо, огненно-рыжие волосы, торчащий крючковатый нос и широкий лоб. На лице его была написана тревога.

— Нет,— ответил Лаки.— Наверное Моррису потребовалось уйти отсюда. Я просто попросил своего друга держаться поближе к нему.

— Я не знаю, хорошо ли это,— бормотал инженер.— Не представляю, что можно сделать.— Он взял в рот сигарету и рассеянно протянул пачку Лаки. Отказ Лаки остался незамеченным, и некоторое время Танер стоял, погруженный в свои мысли, держа в протянутой руке пачку сигарет.

— Я полагаю, люди из сектора уже эвакуированы? — спросил Лаки.

Танер убрал пачку с сигаретами и затянулся той, что держал во рту. Затем уронил ее и растер подошвой ботинка.

— Да, но я не знаю ... — начал он и замолчал.

— Внутренние перегородки достаточно надежны? — снова задал вопрос Лаки.

Лаки немного подождал, а затем опять обратился к нему:

— Но вы чем-то недовольны? Вы пытались что-то сказать доктору Моррису.

Инженер бросил быстрый взгляд на Лаки, дотронулся до черной коробки на своем плече и произнес.

— Ничего. Забыл.

Он направился в угол комнаты. А туда в этот момент, вытирая потные лбы, вошли люди в скафандрах со снятыми шлемами. Лаки уловил обрывки фраз.

— ... не можем подобраться к нему. Жена по радио призывает его очнуться.

— Проклятье. Он держит руку на рычаге. Достаточно ему нажать на него, и мы...

— Если бы только мы смогли добраться достаточно близко, чтобы застрелить его ... Если бы только мы были уверены, что он не заметит нас раньше и ...

Казалось, Танер слушал все это с внушающим страх торжеством но не двигался из угла.

— Посмотрите на эту давку снаружи! — свирепо выкрикнул он. — Для них это просто забава! Развлечение! А я не знаю, что делать. Говорю вам — не знаю,— он передвинул свой ящик в более удобное положение и стал манипулировать ручками.

— Что это? — требовательным тоном спросил Лаки.

Танер посмотрел на ящик, словно видел его впервые, потом ответил:

— Это мой компьютер, особая портативная модель, которую я сам сконструировал,— на мгновение гордость в его голосе заглушила тревогу.— Во всей Галактике нет ничего подобного. Я всегда ношу его с собой. Это, как я знаю ... — и он снова замолк.

— Ну, ладно, Танер, что же вы все таки знаете? - твердым голосом спросил Лаки, - я хочу начать разговор,— и его рука, слегка поднявшись, легла на плечо инженера и чуть-чуть сжала его. Танер испуганно поднял глаза, но твердый и решительный взгляд собеседника успокоил его.

— Я Дэвид Старр.

Глаза Танера прояснились.

— Человек, которого называют «Счастливчик Старр»?

— Да, это я.

— Ладно, тогда я вам все расскажу. Но я не могу говорить громко. Это слишком опасно.

Лаки нагнул голову, и Танер начал шептать ему прямо в ухо. Они оба совершенно не обращали внимания на деловито снующих людей, появляющихся в комнате и исчезающих. Слова хлынули из Танера, словно он был рад возможности избавиться от них.

— Видите ли, стены купола двойные, — начал он.— Каждый из слоев сделан из тренсита — самого прочного и гибкого из известных науке силиконовых пластиков. Стены поддерживаются силовым полем. Они могут выдержать громадное давление. Пластик ничто не может разъесть, на нем ничто не может прижиться. В промежуток между стенами закачана окись углерода. Это сделано для того, чтобы погасить ударную волну в случае прорыва внешнего слоя. К тому же внутренний слой достаточно прочен, чтобы выдержать давление в ;ды самостоятельно. И, наконец, промежуток между слоями разделен перегородками на ячейки, так что в случае аварии будет затоплена лишь часть промежутка.

— Хорошо продуманная система,— похвалил Лаки.

— Слишком хорошо,— с горечью продолжил Танер.— Землетрясение могло бы расколоть купол пополам, но это не случится, ибо в этой части планеты не бывает землетрясений.— Он замолк, чтобы закурить еще одну сигарету. Его руки дрожали.— Более того, к каждому футу купола подведены провода приборов, измеряющих влажность в промежутках между слоями. Малейшая трещина и приборы отреагируют Сразу завоет сирена, и громкоговорители объявят: «Тревога! Тревога! Тревога! Вода!»

Он криво успехнулся.

— Тревога! Вода! Это просто смешно. Я нахожусь на этой работе уже десять лет, и за это время приборы включались всего пять раз. И ремонт занимал меньше часа. Требуется подвести водолазный колокол к поврежденной части купола, откачать воду, расплавить тренсит, наложить дополнительный слой пластмассы и дать ему остыть. После этого купол становится прочнее, чем был раньше. У нас еще ни разу ни одна капля в него не проникла.

— Теперь я представляю общую картину,— сказал Лаки.— Хотелось бы услышать подробности.

— Суть дела в чрезмерной уверенности, мистер Старр. Мы изолировали сектор перегородками, но насколько они прочны? При расчете мы всегда исходили из постепенного прорыва стены купола, возникающего при расширении течи. Вода втекает в этом случае тонкой струйкой, и у нас достаточно времени, чтобы подготовиться. Никто даже и представить себе не мог, что кто-то откроет шлюз. Вода прорвется с огромной скоростью и ударит по тренситовым перегородкам с силой космического корабля на полном ходу.

— И вы хотите сказать, что они не выдержат?

— Я хочу сказать, что никому даже не приходило в голову заниматься этой проблемой. Еще полчаса назад никто не думал просчитать возникшую ситуацию. Я решил заняться этим. Мой компьютер как всегда был под рукой. Я сделал несколько допущений и начал работать.

— И они не выдержат?

— Я не совсем уверен. Не знаю, насколько оправданы некоторые из моих допущений, но я полагаю, что перегородки не выдержат. А если так, то Афродита погибнет. Погибнет весь город. И вы, и я, и еще четверть миллиона людей. Эти толпы снаружи обречены, если рука этого парня потянет вниз рычаг, на котором лежит.

Лаки с ужасом уставился на Танера.

— И как давно вы это знаете?

— Полчаса. Но что я могу сделать? — выпалил Танер, защищая себя.— Ведь мы не можем одеть в скафандры четверть миллиона жителей. Я хотел поговорить с Моррисом и, возможно, спасти хоть руководителей города, женщин с детьми. Не знаю, как выбрать тех, кто будет спасен, но хоть что-то надо предпринять. Как вы думаете?

— Не уверен, что это самое разумное решение.

— Я уже подумывал надеть скафандр и удрать отсюда,— продолжал Танер.— Вообще покинуть город. В такое время выходы плохо охраняются.

Лаки с ужасом посмотрел на него. Его глаза сузились.

— Великая Галактика! Я был слеп! — И он бросился из комнаты.

В окружающей сутолоке Бигман чувствовал себя совершенно беспомощным. Стараясь держаться вплотную к неугомонному Моррису, он был вынужден непрестанно носиться от группы к группе и выслушивать сбивчивые разговоры, смысл которых не всегда понимал из-за слабого знания местных условий. Моррис не отдыхал ни секунды. Каждая минута — новые люди, новые сообщения, новые планы. Прошло всего двадцать минут с того момента, как Бигман последовал за Моррисом, а уже дюжина различных планов предложена и отвергнута.

— Они сумели навести на него следящий луч, и мы можем наблюдать за ним,— говорил человек, только что вернувшийся из сектора.— Он просто сидит, сжимая в руке рычаг. Мы транслировали ему обращение жены через установленные снаружи громко-

говорители. Я не думаю, что он слышит, по крайней мере, не реагирует.

Бигман прикусил губу. Что бы сделал Лаки, находясь здесь? Первой пришедшей в голову Бигмана мыслью было появиться внезапно за спиной этого человека и застрелить его. Но эта мысль приходила в голову каждому, и ее тут же отвергали. Парень у рычага заперся, а помещение управления шлюзами были построены так, что проникнуть в них было очень сложно. Каждая дверь контролировалась устройством внутренней охраны. И сейчас все эти предосторожности работали против них, скорее подвергая опасности город, чем оберегая его. Бигман был уверен, что при первой же вспышке сигнальной лампы рычаг будет опущен и океан Венеры ворвется в город. Нельзя ничем рисковать, пока не закончена эвакуация. Кто-то предложил отравляющий газ, но Моррис, не вдаваясь в объяснения, отрицательно покачал головой. Бигману было ясно, с чем связан его отказ. Человек у рычага не был ни больным, ни злодеем, ни сумасшедшим, он просто находился под ментальным контролем. А это означает, что он почувствует слабость раньше, чем заснет под действием газа. Мышцы человека, находящегося под контролем, действуют достаточно быстро и он успеет потянуть рычаг.

— На что же он надеется? — тяжело дыша, рявкнул Моррис.— Если бы я мог навести на это место атомную пушку!

Бигман знал, что и это тоже невозможно. Применение атомной пушки с такого близкого расстояния потребовало бы, чтобы довольно большая часть энергии прошла сквозь четверть мили строений, при этом купол был бы поврежден так сильно, что это привело бы к катастрофе, большей, чем та, которую они пытались предотвратить.

Где же, в конце концов, Лаки, подумал он. Вслух он заявил.

— Если вы ничего не можете сделать с этим парнем, как насчет управления шлюзом?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Моррис.

— Я говорю о механизме рычага. Чтобы открыть шлюз, ему нужна энергия. Не так ли? А если отключить энергию?

— Хорошая мысль, Бигман. Но каждый шлюз оснащен собственным аварийным генератором.

— Можно ли его отключить?

— Как? Он заперт в том же помещении, а каждый кубический фут этого помещения контролируется охранным устройством.

Бигман поднял глаза и представил себе всю эту толщу воды над ним.

— Этот город похож на города Марса,— сказал он.— Мы на Марсе вынуждены качать воздух насосами. Делаете ли вы то же самое?

Моррис вытер платком вспотевший лоб и уставился на Бигмана.

— Вентиляционные трубы?

— Да. Подходит ли хоть одна из них вплотную к этому шлюзу?

— Конечно.

— И проходит ли она в таком месте, где можно перерезать провод, отключить генератор?

— Погодите, погодите. Пустить в трубу вместо отравляющего газа микробомбу...

— Не уверен, что это поможет,— раздраженно прервал его Бигман.— Пошлите человека. Ведь трубы, должно быть, достаточно большого диаметра? Вопрос в том, выдержат ли они вес человека?

— Они не так велики для этого,— ответил Моррис.

Бигман болезненно вздохнул. Ему стоило больших усилий произнести следующую фразу.

— Я не так велик, как другие. Может быть я пролезу.

— О, Венера! — воскликнул Моррис, окинув пристальным взглядом Бигмана.— Вы сможете. Вы сможете!

По внешнему виду улиц Афродиты можно было решить, что в городе не спит ни один человек. Все улицы у тренситовых перегородок и здания «штаба спасения» превратились в сплошной галдящий людской муравейник. Вокруг здания были натянуты цепи, а за ними беспокойно вышагивали полицейские с парализаторами в руках. Лаки в глубокой задумчивости вышел из штаба. На него обрушилась масса впечатлений. Высоко в небе без видимой опоры висела причудливо оформленная сверкающая надпись: «Афродита — лучшее место Венеры. Добро пожаловать к нам». Вблизи двигалась колонна людей. У них в руках были туго набитые чемоданы, одежда, шкатулки с драгоценностями. Один за другим они садились в глиссеры. Было совершенно очевидно, что это прошедшие через шлюз беженцы из находящегося под угрозой сектора, спасающие то, что смогли унести и что казалось им наиболее ценным. Эвакуация была хорошо организована. В очереди не было ни женщин, ни детей.

— Нет ли поблизости глиссера, которым я смог бы воспользоваться? — окликнул Лаки проходящего полицейского.

— Нет, сэр, все заняты.

— Дело Совета,— раздраженно сказал Лаки.

— Ничем не могу помочь, все глиссеры в городе перевозят этих людей,— он ткнул пальцем в сторону двигающейся очереди.

— Это очень важно.

— Тогда вам придется отправиться пешком,— ответил полицейский.

Лаки от досады заскрежетал зубами. Ни пешком, ни на колесах нельзя было прорваться сквозь эти толпы. Только по воздуху и немедленно.

— Есть ли здесь хоть что-нибудь, что помогло бы мне? — Едва ли Лаки, раздраженный и рассерженный тем, что враг так просто одурачил его, обращался к полицейскому. Скорее к самому себе. Но полицейский, скривившись, ответил:

— Разве что захотите воспользоваться кузнечиком.

— Кузнечик? Где? — У Лаки загорелись глаза.

— Я просто пошутил,— сказал полицейский.

— А я нет. Где кузнечик?

В подвале здания, у которого они стояли, валялось несколько разобранных машин. С помощью четверых мужчин из толпы Лаки удалось собрать на площади ту, что выглядела лучше других

Толпа с любопытством следила за ними, а некоторые весело кричали:

— Скачи, кузнечик!

Это был старый клич гонок на кузнечиках. Пять лет назад эти гонки — скачки с препятствиями, прыжками через барьеры и так далее — являлись повальным увлечением, охватившим всю Солнечную Систему. Потом увлечение прошло. Венера была больше всех подвержена этой страсти. Кузнечиков можно было разыскать в подвалах почти всех домов города. Лаки проверил микрореактор, он действовал. Включил мотор и гироскопы. Кузнечик тотчас же выпрямился и застыл на своей единственной ноге. Кузнечик был, вероятно, самым нелепым видом транспорта, который только можно было придумать. Он представлял собой довольно большой, чтобы мог поместиться человек, изогнутой формы корпус, над которым возвышался четырехлопастный пропеллер, а снизу торчала металлическая нога с резиновым наконечником. Аппарат был похож на гигантскую цаплю с одной подогнутой ногой. Лаки коснулся кнопки прыжка, и нога начала втягиваться. Тело кузнечика стало опускаться, в то время как его нога втягивалась в специальную трубу, расположенную прямо за панелью управления. Когда корпус кузнечика опустился на уровень семи футов над землей, нога с громким щелчком освободилась и кузнечик взлетел в воздух. Вращающиеся лопасти замедлили падение, и на несколько секунд кузнечик завис в воздухе в верхней точке траектории. За эти секунды Лаки смог рассмотреть размер толпы, находящейся теперь прямо под ним. Толпа растянулась не менее чем на полмили, а это означало, что ему потребуется несколько прыжков. Его губы болезненно сжались — будет потеряно драгоценное время. Теперь кузнечик опустился вниз, и его нога вытянулась во всю длину. Толпа под снижающимся кузнечиком постаралась рассыпаться, но это ей не удалось. Но тут четыре струи сжатого воздуха отбросили людей на расстояние, достаточное, чтобы нога могла коснуться земли, никого не задев. Она ударилась о бетон и вновь втянулась внутрь. Несколько мгновений Лаки мог снизу наблюдать перепуганные лица людей, а потом кузнечик снова рванулся вверх. Лаки ощутил азарт гонок на кузнечиках. В юности он участвовал в нескольких из них. Профессиональные «наездники на кузнечиках» могли выписывать на своих «скакунах» самые невероятные фигуры, находя опору для ноги там, где это казалось совершенно невозможным. А здесь, в покрытых куполами городах Венеры, скачки были не менее сложными, чем на грозящих опасностями громадных каменистых аренах Земли с их неровной почвой. За четыре прыжка кузнечик преодолел толпу. Лаки выключил мотор и спрыгнул. Теперь в кузнечике больше не было нужды. Лаки мог воспользоваться наземным экипажем. Но было потеряно слишком много времени.

Бигман чуть не задохнулся и сделал короткую остановку, чтобы перевести дыхание. Все произошло уж очень быстро — он бросился в поток, который нес его все дальше и дальше. Всего двадцать минут назад он сделал Моррису свое предложение. А сейчас он был в узкой трубе, сжимающей и обволакивающей тьмой его тело. Он снова

пополз, поминутно останавливаясь, чтобы в слабом свете фонарика сориентироваться по прикрепленной к рукаву поспешно набросанной схеме. Моррис скопировал схему с зашифрованной карты, полученной по видеофону из департамента общественных работ Афродиты. Моррис долго тряс ему руку перед тем, как Бигман наполовину вполз, наполовину впрыгнул в раскрытую с одной стороны насосную станцию. Моторы гигантских вентиляторов были остановлены, и воздушный поток иссяк.

— Я надеюсь, вы не взорвете его,— пробормотал Моррис и снова сжал ему руку.

Бигман слегка улыбнулся в ответ и пополз в темноту. Все прекрасно понимали: он направлялся туда, откуда поспешно эвакуировались другие. Если рычаг будет опущен, ворвавшаяся вода сокрушит, словно картонные, и трубы, и стены, в которых они проходили. Извиваясь и продвигаясь вперед, Бигман задавал себе вопрос, даст ли вода знать о себе, прежде чем уничтожить его. Он надеялся, что нет. Если уж вода ворвется, то пусть делает свое дело быстро. Бигман почувствовал, что стена начала изгибаться. Он остановился, чтобы свериться со схемой. Это был второй поворот из указанных на схеме, и сейчас труба пойдет вверх. Обдирая колени, он полез вверх по закруглению. Губы его бормотали ругательства. Мышцы болели, так как, чтобы не соскользнуть вниз, он должен был все время, широко расставив ноги, упираться коленями о стенки трубы. Дюйм за дюймом он продвигался по пологому подъему. Наконец, он достиг одной из распорок, пересекающих воздуховод по диагонали. Он даже обрадовался ей, так как мог, ухватившись за нее руками, дать передохнуть болевшим локтям и коленям. Он сунул в рукав схему и повис на распорке на левой руке. Правой же он повернул фонарик рефлектором к себе и поднес противоположный конец к торцу распорки. Энергия внутреннего микрореактора, в обычных условиях питавшая электрическую лампочку фонаря, заставляя ее светиться холодным светом, при другом положении переключателя могла превращаться в силовое поле небольшого радиуса действия, вырывающееся через обратный торец фонаря. Это поле мгновенно разрезало любую материю. Бигман активизировал поле, и один из концов распорки освободился. Он сменил руки, затем поднес свой фонарик-нож к другому концу распорки. Секунда — и все было кончено. Распорка осталась в его руке, он просунул ее вниз, к ногам, и отпустил. Она заскользила по трубе и стукнулась где-то внизу. Воды все еще не было. Но тяжело дышащий, ползущий словно уж, Бигман даже не осознавал это. Он миновал еще две распорки, еще один поворот и, наконец, добрался до замедлителей, ясно обозначенных на схеме. Ему оставалось преодолеть не более двух сотен ярдов, но сколько у него было еще в запасе времени? Замедлители — торчащие с обеих сторон трубы полосы, служащие для уменьшения турбулентности воздушного потока — были последними ориентирами. Он срезал их быстрым взмахом руки с фонарем, и теперь ему следовало отмерить от дальней полосы девять футов. Он снова воспользовался фонарем, который имел в длину ровно шесть дюймов, и следовательно, его нужно было приложить к стене

восемнадцать раз. Дважды фонарь соскальзывал, и дважды, бормоча проклятья, Бигман карабкался к остаткам срезанной полосы и начинал отсчет сначала. Наконец измерения были закончены. Бигман прижал палец к этой точке трубы. Моррис говорил, что нужное место будет точно над ним. Бигман включил фонарь перевернулся на спину, ведя пальцем по изогнутой поверхности трубы. Снова воспользовавшись режущим концом и стараясь в темноте держать его как можно ближе к поверхности трубы (силовое поле не могло резать с большого расстояния), он описал круг. Разрезанный металл свалился на него, и он отодвинул его в сторону. Бигман направил свет фонаря на открывшиеся провода и стал изучать их. Следующие манипуляции следовало проводить уже внутри комнаты, не более чем в ста футах от сидящего с рукой на рычаге парня. Был ли он все еще там? Видимо, он не нажал рычаг, но чего же он ждал? Может быть, его уже сумели остановить, и он взят под стражу? Когда он подумал, что, возможно, он впустую полз, как червь, в металлической трубе, его лицо исказила кривая усмешка. Он занялся проводами. Где-то здесь должно быть реле. Он осторожно, один за другим, начал подтягивать провода. Еще одно движение, и в поле зрения появился двойной черный конус. Бигман вздохнул с облегчением. Чтобы высвободить обе руки, взял фонарик в зубы. Осторожно, очень осторожно повернул половинки конуса в противоположных направлениях. Магнитный замок поддался и половинки отделились друг от друга, обнажив содержимое. Внутри было реле: два блестящих контакта, разделенных почти незаметной цепью. При соответствующем воздействии, например, при опускании рычага, в обмотке возбуждалось магнитное поле, которое притягивало второй контакт к первому, и через точку соприкосновения шел электрический ток. Шлюз открывался, все это происходило за миллионную долю секунды. Покрытый потом и почти уверенный, что как раз сейчас, когда он почти достиг своей цели, наступит конец, Бигман искал в кармане моток изоляционного пластика. Тот уже достаточно размягчился от тепла его тела. Он еще немного размял его руками, с величайшей предосторожностью поднес к месту сближения контактов и прижал его к этой точке. Теперь уже контакты не сомкнутся — между ними пластик. Ток не пойдет и при опущенном рычаге — шлюз не откроется. Усталый, но счастливый Бигман направился в обратный путь, минуя остатки замедлителей, оставляя за собой срезанные распорки, соскальзывая по уклону.

В охватившей весь город панике Бигман настойчиво разыскивал Лаки. Парень у рычага был схвачен, тренситовые барьеры были убраны, и население, недовольное администрацией за то, что она позволила случиться всему этому, устремилось назад в свои квартиры. Толпам же на улицах устранение опасности послужило сигналом к веселью. Наконец, появившийся откуда-то Моррис тронул его за рукав и сказал:

— Лаки вызывает.

— Откуда? — встревоженно спросил Бигман.

— Из моей квартиры в Совете. Я рассказал ему, что вы сделали.

Бигман покраснел от удовольствия. Лаки будет доволен.

— Я хочу говорить с ним,— сказал он.

Но лицо Лаки на экране было мрачным.

— Поздравляю Бигман, я слышал, действовал ты потрясающе.

— Ерунда,— широко улыбаясь, сказал Бигман.— Но где же ты был?

— Доктор Моррис здесь? — спросил Лаки.— Я не вижу его.

— Я здесь,— ответил Моррис и втиснулся в поле зрения камеры.

— Я слышал, вы захватили парня у рычага?

— Да, но только благодаря Бигману,— ответил Моррис.

— Тогда позвольте высказать предположение. Когда вы приблизились к нему, он не пытался нажать рычаг. Он спокойно позволил захватить себя, не оказав никакого сопротивления.

— Да,— нахмурился Моррис,— но почему вы предполагаете это?

— Потому что весь инцидент у люка был всего лишь ширмой, дымовой завесой, чтобы отвлечь нас от того, что должно было произойти здесь. Когда я осознал это, я попытался вернуться сюда. Чтобы прорваться сквозь толпу, мне пришлось воспользоваться кузнечиком, а весь остальной путь я проделал на наземной машине.

— И?— с волнением спросил Моррис.

— И я все же опоздал,— ответил Лаки.

День кончался. Толпы рассеялись. В городе установилась мирная, почти сонная атмосфера, и лишь редкие группки в два—три человека все еще обсуждали события последних нескольких часов. А Бигман был готов взорваться. Покинув вместе с Моррисом «штаб спасения», он прибыл в здание Совета. Здесь у Морриса с Лаки состоялась беседа, на которой Бигману не разрешили присутствовать и после которой Моррис вышел страшно рассерженный. Лаки оставался спокойным, но молчаливым. Даже когда они остались одни, Лаки сказал только:

— Давай вернемся в гостиницу. Мне нужно поспать. Да и тебе после твоих сегодняшних приключений.

Как и всегда, будучи погруженным в свои мысли, он замурлыкал вполголоса марш Совета и подал сигнал проходящему такси, которое автоматически остановилось. Когда они уселись, Лаки набрал на диске координаты гостиницы «Колокол Афродиты», положил нужное число монет и включил робота-водителя. Такси плавно тронулось с места. Бигман наслаждался ездой, которая успокаивала, однако его съедало зудящее любопытство. Он бросил быстрый взгляд на друга. Лаки, казалось, интересовался только отдыхом и собственными мыслями. Он откинулся на сидение, закрыл глаза и задремал, в то время как гостиница, постепенно приближаясь, выросла в большой холм, который поглотил их, как только такси въехало на приемную платформу ее гаража. Когда они наконец оказались в своем номере, Бигман взорвался:

— Лаки, что все это значит?— закричал он.— Я схожу с ума, пытаясь понять, что же происходит!

Лаки стянул рубашку и лишь потом ответил:

— Фактически мы имеем только несколько логических выводов.

Какие инциденты происходили до сегодняшнего дня с людьми, находящимися под ментальным контролем? О чем рассказывал Моррис? Человек разбрасывал деньги. Человек сбросил тюк водорослей. Человек влил отраву в питательную смесь. В каждом случае действие было невелико, но это было действие. Все они что-нибудь делали.

— Вот как?— удивился Бигман.

— А что мы имеем сегодня? Это вовсе не было чем-то незначительным, даже наоборот, но это не было действием. Просто человек положил руку на рычаг управления шлюзом купола и больше ничего не сделал. Ничего!

Лаки зашел в ванную, и до Бигмана доносился только шум душа и вызванные тугими струями приглушенные вздохи Лаки. Наконец, свирепо что-то бормоча себе под нос, Бигман последовал за Лаки.

— Эй!— завопил он.

— До тебя не дошло?— спросил Лаки, чье мускулистое тело сохло под струями теплого воздуха.

— Космос побери! Лаки, не напускай на себя таинственность! Ты же видишь, что я не понял.

— Но здесь нет ничего таинственного. Гипнотизеры полностью изменили свой стиль, и для этого должна быть причина. Ты не сообразил, зачем заставлять человека сидеть у рычага управления шлюзом и ничего не делать?

— Я же сказал, что нет!

— Хорошо. Что же произошло из-за этого?

— Ничего.

— Ничего! Великая Галактика! Ничего? Кроме того, что возле подвергшегося опасности сектора собралась половина населения города и почти все официальные лица. Они выманили отсюда и меня, и тебя, и доктора Морриса. Большая часть города, в том числе помещение штаб-квартиры Совета, осталась пустой. И я был таким болваном, что только когда Танер — главный инженер города — упомянул, как легко при таких пертурбациях покинуть город, понял, что происходит.

— А я пока ничего не понимаю. Помоги же мне, Лаки. Я схожу...

— Держись, мальчик,— и он поймал угрожающе сжатые кулаки Бигмана своей большой ладонью.— Главное вот в чем: я быстро, как мог, вернулся в штаб-квартиру и обнаружил, что Эванс уже исчез.

— Куда же они его дели?

— Если ты имеешь в виду Совет, то он здесь ни при чем. Эванс сбежал. Он сбил с ног охранника, захватил оружие. Воспользовавшись знаком члена Совета, получил подводную лодку и исчез в океане.

— И именно этого они добивались?

— Видимо, да. Угроза городу была просто отвлекающим маневром. Как только Эванс благополучно выбрался из города, парень за рычагом был освобожден из-под контроля и спокойно сдался.

— Марс побери!— выругался Бигман.— Значит, все мои приключения в трубе были впустую. Я был просто идиотом.

— Нет, Бигман,— спокойно сказал Лаки,— ты сделал хорошее дело, и Совет об этом узнает.

Маленький марсианин вспыхнул, и на мгновение чувство гордости вытеснило все остальные чувства. Лаки получил удобный случай лечь в постель.

— Но, Лаки, это означает...— снова начал Бигман.— Я полагаю, раз Эванс удрал под прикрытием гипнотизеров, то он виновен, не так ли?

— Нет,— резко ответил Лаки.— Он не виновен.

Бигман приготовился слушать, но Лаки больше не проронил ни слова, и Бигман почувствовал, что лучше пока оставить эту тему. Только после того, как он умылся, разделся и тоже занырнул под свежую простынь, он снова возобновил разговор.

— Лаки?

— Да, Бигман?

— Что же мы теперь будем делать?

— Последуем за Эвансом.

— Мы. А как же Моррис?

— Теперь за это отвечаю я. Все согласовано с шефом Совета Конвеем во время сеанса связи с Землей.

Бигман понял, почему ему нельзя было присутствовать на совещании. Он мог быть тысячу раз другом Лаки, но он не являлся членом Совета Науки. В такой деликатной ситуации, когда Лаки, опираясь на авторитет Земли и главного штаба, брал верх над главой местного отделения, не члену Совета никак нельзя было присутствовать на совещании. Но в нем опять взыграла жажда деятельности. Отныне ее ареной будет самый большой океан внутренних планет Системы.

— Когда мы отправляемся?— спросил он.

— Как только будет готов снаряжаемый для нас корабль. Однако сначала надо повидаться с Танером.

— С инженером, зачем?

— У меня собраны данные на всех людей, замешанных в подобных инцидентах, и я хочу получить еще сведения об этом парне у шлюза. Танер, по-видимому, знает о нем больше всех. Но прежде чем мы встретимся с Танером...

— Да?

— Прежде, крошка марсианин, нам необходимо поспать. Поэтому помолчи.

Танер жил в большом доме, предназначенном, видимо, для высшей администрации города. Бигман тихо присвистнул от восхищения, когда они оказались в вестибюле с отделанными деревянными панелями и увешанными морскими пейзажами стенами. Лаки первым вошел в лифт и нажал номер квартиры Танера. Лифт поднял их сначала вверх на пятый этаж, а затем понесся по направляющим силовым лучам вдоль этажа и остановился прямо у квартиры Танера. Они вышли, и лифт с шумом исчез за поворотом коридора.

Бигман с изумлением наблюдал за ним.

— Послушай, я никогда не видел ничего подобного.

— Это венерианское изобретение,— ответил Лаки.— Сейчас их устанавливают и в новых домах на Земле. Однако в старых это сделать невозможно, пока их полностью не перестроишь.

Лаки коснулся индикатора, который тут же покраснел. Дверь открылась. За нею стояла женщина. Она была изящного телосложения, молода и довольно привлекательна, с голубыми глазами и зачесанными по венерианской моде назад за уши белокурыми волосами.

— Мистер Старр?

— Да, миссис Танер,— ответил Лаки. Он слегка запнулся, назвав ее так — она, пожалуй, была слишком молода для хозяйки дома.

Но она дружелюбно улыбнулась им.

— Что же вы не входите? Мой муж вас ждал, но он не мог не поспать хотя бы два часа и не вполне...

Они вошли и дверь закрылась за ними.

— Извините, что побеспокоили вас так рано,— сказал Лаки,— но это крайне необходимо, и я полагаю, мы не задержим вашего мужа долго.

— О, все в порядке, я понимаю,— она суетливо двигалась по комнате, приводя в порядок предметы, хотя в этом не было никакой надобности.

— У вас здесь очень приятно, миссис... мадам...— сбивчиво проговорил Бигман.

— Спасибо,— смутившись, ответила она.— Не думаю, чтобы Лаймону нравилось, как я все здесь обставила, но он никогда не протестовал, а я очень люблю маленькие безделушки. А вы нет?

Лаки избавил Бигмана от необходимости отвечать, сам спросив:

— Давно ли вы здесь живете?

— С тех пор как поженились. Меньше года. Это замечательный дом, почти что самый лучший на Афродите. Его коммунальные сооружения полностью автономны, он оснащен гаражом для катеров, а также телефонной станцией. Под ним есть убежище. Представьте себе, убежище! Никто никогда не пользовался им, даже прошлой ночью. По крайней мере, я думаю, что никто не пользовался, но я не могу сказать точно, так как я просто проспала все эти события. Можете себе представить? Я даже ни о чем не слышала, пока не вернулся домой Лаймон.

— Возможно, так оно и лучше,— сказал Лаки.— Вы избавились от лишних волнений.

— Вы говорите — избавилась от волнений,— запротестовала она.— Все были в гуще событий, а я спала. Проспала все. Никто не разбудил меня. Я полагаю — это ужасно!

— Что ужасно?— спросил, входя в комнату, Лаймон Танер. Его волосы были в беспорядке, глаза заспаны, а грубое лицо изрядно помято. Под мышкой он держал свой любимый компьютер, а сев, поставил его под стул.

— То, что я проспала все события,— ответила его жена.— Как ты считаешь, Лаймон?

— Ладно, учтем, но никогда не сожалей, что избавилась от лишних волнений. Я рад, что ты все проспала... Привет, Старр. Прошу прощения, что заставил вас ждать.

— Я всего на несколько минут,— ответил Лаки.

Миссис Танер подбежала к мужу и быстро чмокнула его в щеку.

— Пожалуй, я лучше оставлю вас одних.

Танер погладил жену по плечу и проводил ее любящим взглядом.

— Прошу прощения, джентльмены, что застали меня в таком виде, но последняя переделка вывела меня из строя.

— Вполне понимаем это. А как обстоят дела сейчас?

Танер потер глаза.

— Мы задублировали служащих у всех люков и сделали управление шлюзами менее автономными. Это в некоторой степени возврат к инженерным решениям прошлого века. Мы подвели кабель к нескольким рубильникам в городе, так что если что-нибуль подобное произойдет еще раз, сможем просто выключить энергию на расстоянии. Ну, и конечно, мы усилим внутренние барьеры. Кто-нибудь из вас курит?

— Нет,— ответил Лаки, а Бигман отрицательно покачал головой.

— Тогда, пожалуйста, подайте мне сигару из коробки около вас на столе,— попросил Танер.— Она похожа на рыбу. Мою жену не удержать, когда дело касается приобретения столь нелепых приспособлений, но они доставляют ей удовольствие.— Он слегка покраснел.— Я совсем недавно женился и, боюсь, все еще балую ее.

Лаки с любопытством разглядывал вырезанную из похожего на камень зеленого материала рыбу, из пасти которой, когда он нажал на спинной плавник, появилась зажженная сигара. Танер, казалось, несколько расслабился, закурив сигару. Он скрестил ноги и начал покачивать одной из них над своим компьютером.

— Есть ли у вас что-нибудь новое о парне, с которого все началось, о парне у шлюза?— спросил Лаки.

— Он под наблюдением, видимо, сумасшедший.

— Его психическая неустойчивость раньше не была зарегистрирована?

— Нет. Это-то как раз и проверяют. Так как я главный инженер, то весь персонал купола в моем распоряжении.

— Я знаю, именно поэтому я обратился к вам.

— Я рад был бы вам помочь, но этот парень — простой служащий. Он у нас около семи месяцев и до сих пор не имел никаких нареканий. У него была отличная репутация: скромный, старательный.

— Всего семь месяцев?

— Да, это так.

— Он инженер?

— Он на инженерной должности, но его работа состояла, главным образом, в охране шлюза. Нужно открывать и закрывать

шлюз, проверяя накладные, вести записи. Скорее обычная конторская работа, а не инженерная.

— Был ли у него какой-нибудь инженерный опыт?

— Всего лишь элементарный курс колледжа. Это его первая должность. Он довольно молод.

Лаки кивнул.

— Я слышал, что за последние дни в городе произошел целый ряд странных случаев,— сказал он как бы между прочим.

— Здесь?— Танер поднял на Лаки усталый взгляд и пожал плечами.— У меня редко бывает возможность ознакомиться с городскими новостями.

Загудело связное устройство. Танер приложил трубку к уху.

— Это вас, мистер Старр.

Лаки кивнул.

— Старр слушает,— сказал он. Затем тут же положил трубку и встал.— А теперь мы должны уйти.

Танер тоже поднялся.

— Всегда готов вам помочь. Вызывайте меня в любое время.

— Спасибо, передавайте сердечный привет вашей жене.

— Что случилось?— спросил Бигман, когда они покинули здание.

— Наш корабль готов,— ответил Лаки, останавливая такси.

Они сели в машину, и Бигман снова нарушил молчание:

— Чего-нибудь добился от Танера?

— Кое-что есть,— коротко ответил Лаки.

Бигман беспокойно задвигался и переменил тему.

— Надеюсь, мы найдем Эванса.

— Я тоже на это надеюсь.

— Марс меня побери, он в очень трудном положении! Чем больше я об этом думаю, тем меньше мне оно нравится. Виновен он или нет, но трудно жить, будучи обвиненным в коррупции.

Лаки повернул голову и с удивлением посмотрел на Бигмана.

— Моррис никогда не посылал никакого рапорта на Эванса. Я думал, ты понял это из вчерашней беседы с ним.

— Он, не посылал?— недоверчиво переспросил Бигман.— Так кто же?

— Великая Галактика!— сказал Лаки.— Это же совершенно очевидно. Лу Эванс сам послал этот рапорт, воспользовавшись именем Морриса.

По мере того, как Лаки осваивался с управлением и окружавшим их океаном, он вел отлично подготовленную подводную лодку все лучше и лучше. Человек, передавший им эту лодку, предложил пройти курс обучения управления ею. Но Лаки лишь улыбнулся в ответ и ограничился несколькими вопросами, а Бигман воскликнул с присущим ему бахвальством:

— Нет машины, способной двигаться, которой мы с Лаки не могли бы управлять.

Бахвальство бахвальством, но он был недалек от истины. Лодка, носившая имя «Хильда», дрейфовала сейчас с выключенными двигателями. Они плыли вслепую. Ни один из прожекторов не был

включен. Вместо них пространство впереди прощупывал мощный радар, который давал куда больше информации, чем прожекторы. Радар был настроен таким образом, чтобы максимум отражения приходился на специальные металлические сплавы, из которых создан корпус подводной лодки. Словно щупальца, лучи радара пронзали темные воды океана, ловя отражение металлических предметов. В ожидании отраженных импульсов «Хильда» устроилась на глубине в полмили. И, если не считать легкое покачивание, вызываемое океанским течением, была совершенно неподвижна. В первое время из головы Бигмана совершенно вылетели все мысли о радаре и о предмете их поиска. Он был зачарован видимым сквозь иллюминатор. Подводные организмы Венеры фосфоресцировали, океанские глубины были испещрены разноцветными огнями, словно небо звездами, причем огней было больше, были они крупней, ярче и притом двигались. Бигман прижался носом к толстому стеклу и не отрывал глаз от захватывающего зрелища. Некоторые животные напоминали маленькие круглые пятна, чье движение было лишь слабой пульсацией. Другие проносились так быстро, что казались прямой линией. Третьи были светящимися лентами, которые он уже видел в Зеленом зале. Однако вскоре Лаки вернул его к действительности.

- Насколько я помню ксенозоологию...— начал он.

— Помнишь что?

— Ксенозоология — наука об инопланетных животных, Бигман. Я как раз читал книгу об организмах Венеры. Если хочешь ее посмотреть, она лежит на твоей койке.

— Ну что же, обязательно.

— Хорошо, тогда начнем прямо с этих маленьких существ. Полагаю, они вполне годятся на роль школьных пособий.

— Пособий?— удивился Бигман.— А, понятно, о чем ты подумал.

Сквозь мглу за иллюминатором виднелась целая стая светящихся желтых овалов. На каждом была черная сетка в виде двух коротких параллельных линий, что делало их похожими на обыкновенные пуговицы. Они двигались короткими рывками, опускались, на мгновение замирали и снова начинали подниматься. Причем настолько синхронно, что у Бигмана появилось ощущение, что они вовсе не двигаются, а просто с периодичностью в полминуты покачивается лодка.

— Я думаю, что они откладывают яйца,— сказал Лаки. Он на какое-то время замолчал, затем добавил:— Ничего не понимаю. Видишь темно-красное пятно с неправильными очертаниями? Оно кормится этими «пуговицами». Последи за ним.

Среди желтых пятнышек началась суета, как только они осознали нападение хищника, но дюжина пуговиц уже прилипла к красному пятну. Затем за иллюминатором осталось только тусклое свечение красного пятна. «Пуговицы» рассеялись по сторонам.

— В книге сказано,— заметил Лаки,— это пятно имеет овальную форму. Оно состоит чуть ли не из одной оболочки с маленьким мозгом в центре. Толщина его не больше дюйма. Можно про-

колоть его в дюжине мест, не принося ему большого вреда. Видишь, какая неправильная форма у него. Наверное, рыба слегка пожевала его.

Красное пятно начало двигаться, уходя из поля зрения. За иллюминатором не осталось ничего, кроме тьмы. Постепенно «пуговицы» начали появляться снова.

— Красное пятно просто опускается,— сказал Лаки,— прижимается краями к илу и переваривает все, что накрыло. Здесь водится и более агрессивный вид — так называемый оранжевый. Такое пятно выстреливает струю воды, настолько сильную, что может пошатнуть человека, хотя оно само не толще листа бумаги. Большие особи намного опаснее.

— Насколько они велики?— спросил Бигман.

— Точно не знаю. Но в книге описаны встречи с настоящими чудовищами: рыбой-стрелой длиной в милю и пятном, способным накрыть Афродиту. Однако достоверных сведений нет.

— В милю длиной! Держу пари, что никаких достоверных сведений и быть не может.

Лаки насупился.

— Это не так уж невозможно. Окружающие нас существа — всего лишь жители мелководья. Глубина венерианского океана достигает в отдельных местах десяти миль. В нем хватит места и таким большим существам.

Бигман с сомнением посмотрел на него.

— Уж не пытаешься ли ты втереть мне очки?— затем он внезапно обернулся и продолжил:— Придется мне все же просмотреть эту книгу.

«Хильда» продвигалась немного вперед и замирала, пока лучи радара обшаривали все вокруг. Затем это повторялось снова и снова. Лаки милю за милей обследовал подводное плато, на котором находилась Афродита. И наконец его глаза уловили первую вспышку ответного сигнала. Аппаратура радара нашла нужное направление, и изображение отражающего предмета заполнило весь экран. Рука Бигмана в то же мгновение легла на плечо Лаки.

— Это он! Это он!

— Возможно,— ответил Лаки,— но это может быть и другой корабль, или какие-нибудь обломки.

— Засеки его координаты, Лаки! Марс побери, засеки его координаты!

— Я уже сделал это и сейчас мы двигаемся к нему.

Бигман ощутил ускорение, услышал, как вспенивается вода винтом двигателя. Лаки нагнулся ближе к дешифровальному прибору и стал настойчиво повторять.

— Лу! Лу Эванс! Говорит Лаки. Ответь! Лу! Лу! Эванс!

Эти слова вновь и вновь выстреливались в эфир. Отраженный радарный сигнал становился все ярче и ярче, по мере того, как уменьшалось расстояние между кораблями.

Ответа не было.

— Корабль, который мы засекли, не двигается,— сказал Биг-

ман.— Наверное, это обломки. Ведь Лу должен или отозваться, или попытаться удрать, не так ли?

— Тише,— прервал его Лаки. Он снова нагнулся к микрофону и заговорил спокойно, настойчивым голосом.

— Лу! Сейчас нет смысла прятаться. Я знаю правду, я знаю, почему ты послал от имени Морриса сообщение на Землю, требующее твоего отзыва. И мне известно, кого ты считаешь врагом. Лу Эванс! Ответь ...

Из приемника послышался треск, напоминающий атмосферные помехи. Однако, пройдя дешифровальный прибор, звук распался на отдельные слова.

— Уходи, если знаешь это, немедленно уходи.

Лаки облегченно вздохнул.

— Мы нашли его!— радостно закричал Бигман.

— Мы пришли за тобой,— сказал Лаки в микрофон.— Держись! Вместе справимся с чем угодно.

Эванс говорил очень медленно.

— Ты не понимаешь, я пытался...— затем раздался почти истерический вопль:— Ради Земли, Лаки, уходи! Не приближайся ко мне!

И больше ни слова. «Хильда» тем не менее неумолимо приближалась к судну Эванса. Лаки нахмурился, откинувшись на спинку кресла.

— Если он напуган, почему не бежит?— спросил он.

Но Бигман не слушал его.

— Потрясающе, Лаки!— произнес он.— Потрясающе, как ты взял его на пушку.

— Я не блефовал, Бигман,— твердо ответил Лаки.— Я знаю главное из того, что вызвало всю эту кутерьму. Это знал бы и ты, если бы немного подумал.

— Что ты подметил?— с сомнением спросил Бигман.

— Помнишь момент, когда ты, я и доктор Моррис вошли в маленькую комнату, чтобы подождать, пока доставят Лу Эванса? Помнишь, что случилось в первый момент?

— Нет.

— Ты начал смеяться. Ты сказал, что я выгляжу странным и деформированным без усов. А я почувствовал то же самое, глядя на тебя. Почему эта мысль пришла нам обоим в один и тот же момент?

— Не знаю.

— Видимо, эта мысль пришла в голову кому-то другому, кто обладает телепатическими способностями, а из его мозга попала к нам.

— Ты имеешь в виду, что вместе с нами в комнате был один из гипнотизеров?

— Разве это не очевидно?

— Но это невозможно! Вместе с нами был только доктор Моррис. Не подозревать же его!

— Моррис видел нас уже несколько часов. Почему бы он вдруг, спустя столько времени, поразился отсутствием у нас усов?

— Значит в комнате прятался еще кто-то?

— Не прятался,— ответил Лаки.— В комнате было еще одно живое существо, и оно было на виду.

— Нет!— воскликнул Бигман.— О, нет!— и он разразился смехом.— Марс побери! Неужели ты можешь заподозрить В-лягушку?

— А почему бы нет?— невозмутимо ответил Лаки.— Мы были вероятно, первыми людьми, не имеющими усов, которых она видела. Вот и удивилась.

— Но ведь это невозможно!

— Так ли? Они в центре внимания в городе. Люди любят В-лягушек, чтобы избавиться от забот о пище?

— О, Космос, Лаки!— воскликнул Бигман.— Нет ничего удивительного в том, что люди любят их! Они прелестны. Чтобы понять это, не требуется никакого внушения...

— Ты так полюбил их сам по себе? Ничто не заставляло тебя?

— Я уверен, что никто не внушил мне любовь к ним.

— Ты просто полюбил их?! И через две минуты после того, как увидел первую в жизни В-лягушку, стал кормить ее. Помнишь это?

— Но ведь в этом нет ничего плохого.

— Да. Но чем ты стал ее кормить?

— Тем, что любит. Горошиной, вымоченной в машинном масле...— Бигман вдруг замолчал.

— В том-то и дело. Чем-то похожим на машинное масло. Не важно, чем именно. Откуда ты узнал, что надо обмакнуть в него горошину? Ты что, часто кормишь домашних животных машинным маслом? Знаешь ли ты животных, которые лакомятся машинным маслом?

— Марс побери!— бессильно пробормотал Бигман.

— Совершенно очевидно, что эта В-лягушка захотела его, а так как ты оказался легко управляемым, то она заставила тебя дать ей эту горошину. Так что ты действовал не по своей воле.

— Я даже предположить не мог такого. Но теперь, когда ты объяснил, все стало ясно. Я боюсь.

— Почему?

— Это отвратительно, когда в твоей голове копошатся мысли животного, к тому же негигиенично,— его лицо исказила гримаса отвращения.

— Это куда хуже, чем просто негигиенично,— сказал Лаки.

Он снова повернулся к приборам. Когда, судя по интервалу между излучением и приемом отраженного импульса, до корабля Эванса оставалось меньше полумили, на экране с пугающей внезапностью появились его очертания.

— Эванс, я вижу тебя!— крикнул Лаки в микрофон.— Ты можешь двигаться? Или твой корабль поврежден?

Прозвучавшие в ответ слова явно раздирали противоречивые эмоции.

— Да поможет нам Земля! Лаки! Я ведь пытался предупре-

дить тебя! Ты угодил в ловушку! Тебя заманили, как и меня!

И, словно согласуясь с воплем Эванса, мощная струя обрушилась на «Хильду», отшвырнув ее в сторону и выведя из строя главный двигатель. Впоследствии, когда Бигман пытался осмыслить события минувших нескольких часов, они представлялись ему неким непонятным кошмаром. При ударе его швырнуло на стену рубки. Несколько мгновений, длившихся, наверное, меньше секунды, но показавшихся ему невероятно долгими, он оставался распростертым на полу.

— Отключены главные генераторы!— воскликнул Лаки, сумевший удержаться за пультом.

Бигман с трудом встал на ноги.

— *Что произошло?*

— Нам нанесли удар, но я не знаю, насколько сильный.

— Свет горит,— заметил Бигман.

— Да. Включились аварийные генераторы.

— Что с главным двигателем?

— Не знаю. Пытаюсь протестировать его.

Где-то позади и снизу закашлял двигатель. Плавное мурлыканье исчезло, затем раздался такой оглушительный грохот, что по телу Бигмана пробежали мурашки. «Хильда» дернулась, как раненый зверь, и двигатель опять заглох. Из приемника слышались хрипы и неразборчивые слова, но Лаки уже пришел в себя и попытался разобрать их.

— Старр!— слышалось из приемника.— Лаки Старр! Говорит Эванс! Ответь мне.

— Говорит Лаки. Что нас ударило?

— Это не имеет значения,— ответил усталый голос.— Оно не побеспокоит вас больше. Оно удовлетворится тем, что вы останетесь здесь навсегда. Почему ты не удалился? Я тебя спрашиваю?

— Эванс, что с твоим кораблем?

— Я здесь уже двенадцать часов. Света нет, энергии хватает только для радиопередатчика, да и та кончается. Генератор воздуха разбит, его запасы на исходе. Прощай, Лаки.

— *Ты можешь покинуть корабль?*

— Механизм шлюза не работает. У меня есть скафандр, но если я прорежу отверстие для выхода, меня раздавит.

Лаки понял, что хотел сказать Лу, и содрогнулся от ужаса. Шлюзы на подводных лодках были сконструированы таким образом, чтобы вода проникала в подводную камеру медленно, очень медленно. Попытка прорезать отверстие означала впустить внутрь воду под давлением в сотни тонн. Даже стальной скафандр будет при этом расплющен, словно пустая жестянка.

— Мы можем двигаться,— сказал Лаки.— Я подойду вплотную к тебе и состыкуюсь шлюзами.

— Спасибо. Но зачем все это? Если вы двинетесь, вас ударит еще раз. А если даже и нет, то не все ли равно, умру я сейчас здесь или немного позже на твоем корабле.

— Мы умрем, когда предназначено судьбой, но ни секундой раньше!— яростно возразил Лаки.— Каждый когда-нибудь умрет,

но это не повод опускать руки. Спустись в машинное отделение,— обратился он к Бигману,— и осмотри повреждения. Я хочу знать, можно ли их исправить.

Обследуя с помощью манипуляторов горячую зону микрореактора в машинном отделении, Бигман буквально собственной кожей почувствовал, как корабль мучительно полз по дну моря, слышал хриплый скрежет его двигателей. Один раз он услышал отдаленный гул, отозвавшийся во всем корпусе «Хильды», словно в сотне ярдов от нее в дно врезался гигантский снаряд. Шум моторов перешел в хриплое урчание, и Бигман понял, что корабль остановился. Затем люк «Хильды», постепенно выдвигаясь, достиг корпуса другого судна и плотно прижался к нему. Чтобы перейти с корабля на корабль, Эванс не нуждался теперь в скафандре. Когда Бигман вернулся в рубку, он застал там Лу Эванса беседующим с Лаки. Эванс выглядел сильно осунувшимся и усталым. Увидев Бигмана, он лишь сумел выдавить жалкую улыбку.

— Продолжай, Лу,— сказал Лаки.

— Сначала, Лаки, это было лишь дичайшее подозрение,— снова заговорил Эванс.— Я тщательно обследовал каждого, с кем случались эти странные происшествия. Единственное, что я мог обнаружить у них общего, это то, что все они были большими любителями В-лягушек. Их на Венере в большей или меньшей степени любят многие, но каждый из пострадавших держал полный дом этих существ. Я побоялся стать посмешищем, выдвигая свои предположения, не имея достаточного количества фактов. Если бы я только имел... И я решил попытаться поймать в ловушку В-лягушек, применив в виде приманки то, что могли знать лишь немногие.

— Ты решил предложить им данные по выращиванию дрожжей?— спросил Лаки.

— Это решение напрашивалось само собой. Я должен был использовать что-либо малоизвестное, иначе как я мог быть уверенным, что они получили информацию именно от меня. Эти данные были идеальным материалом. Не сумев получить их легальным путем, я их украл. И взял в штаб-квартиру одну В-лягушку, поместил ее в банку на своем столе и стал просматривать бумаги. Я даже читал некоторые из них вслух. Когда через два дня на дрожжевой фабрике случился инцидент как раз с тем видом водорослей, о котором говорилось в этих бумагах, мне стало ясно, что за всей этой кутерьмой стоят В-лягушки. Только...

— Что только?— спросил Лаки.

— Только я просчитался,— ответил Эванс.— Я открыл им свои мысли, пригласил их в свой мозг и устроил им торжественную встречу, а теперь не могу выгнать их оттуда. Охранники пришли осмотреть мои бумаги, мне не разрешили покидать здание и прислали следователя, который стал допрашивать меня, правда, в весьма вежливой форме. Я вернул бумаги и попытался все объяснить. И не смог.

— Не смог? О чем ты говоришь?

— Именно не смог. Оказался физически не способен на это. Я не был даже в состоянии просто упомянуть о В-лягушках. Я все

время получал приказы покончить с собой, но с этим сумел справиться. Они не могут заставить меня сделать то, что противно моему существу. Тогда я решил, что если я смогу покинуть Венеру и удалиться от них на значительное расстояние, то избавлюсь от их власти над собой. И я сделал то, в результате чего, как я думал, меня должны были немедленно отозвать. Я составил против себя обвинение и послал его от имени Морриса.

— Да,— решительно сказал Лаки,— о большей части того, что ты рассказал, я и раньше догадался.

— Как?— встревоженно спросил Эванс.

— Вскоре после нашего прибытия на Афродиту, Моррис поведал мне свою версию этой истории и в конце беседы сообщил, что подготовил донесение в Главную штаб-квартиру. Не послал, а только подготовил. Но я знал, что сообщение было послано. Кто, кроме Морриса, мог знать все обстоятельства дела и код Совета? Только ты.

Эванс покачал головой и с горечью произнес:

— И вместо того, чтобы отозвать меня, они прислали тебя?

— Я сам добился этого, Лу. Я не мог поверить, что ты виновен в коррупции.

Эванс обхватил голову руками.

— Это худшее, что ты мог сделать. Ведь узнав о твоем прибытии, я просил тебя держаться отсюда подальше, не так ли? Я не мог сообщить тебе, почему. Я был физически не способен на это. Но, прочитав мои мысли, В-лягушки должны были понять, каким волевым человеком ты являешься, что я думаю о твоих замечательных способностях, и постараться убить тебя.

— И были близки к успеху,— пробормотал Лаки.

— И достигли его на этот раз. За что я искренне прошу прощения, Лаки, так это за то, что ничем не смог помочь тебе. Когда они парализовали парня у шлюза, у меня не было сил сопротивляться желанию бежать в океан. И, конечно же, вы последовали за мной. Я был приманкой, и вы попались в ловушку. Еще одна попытка удержать вас, к сожалению, не увенчалась успехом...

Он судорожно вздохнул...

— Однако сейчас я могу говорить об этом. Они сняли блокировку в моем мозгу. Полагаю, решили, что на нас просто не стоит тратить ментальную энергию. Все равно в ловушке, наш конец неизбежен. И им незачем бояться нас.

— Марс побери, что происходит? — спросил Бигман, слушающий все это со все возрастающим замешательством.— Почему мы заживо похоронены?

Эванс, все еще сидящий, опустив голову на ладони, не ответил.

— Мы под оранжевым пятном,— хмуро проговорил Лаки.— Под роскошным оранжевым пятном из бездны океана.

— Пятно настолько большое, что в состоянии накрыть корабль?

— Оно две мили в окружности! — ответил Лаки,— а то, что вывело из строя судно и чуть не стукнуло нас во второй раз, когда мы пробивались к судну Эванса, всего лишь струя воды, но сжатая давлением глубин.

— Но как мы могли забраться под него, даже не заметив этого?

— Эванс полагает, что пятно находится под ментальным контролем, и я думаю, что он прав,— сказал Лаки.— Оно могло притушить свое сечение, сжав светящиеся участки оболочки. Оно приподняло край своей «мантии», чтобы пропустить нас, и вот мы здесь.

— И сейчас, если мы попытаемся пробиться наружу, пятно ударит снова, а оно никогда не промахивается,— заметил Эванс.

Лаки задумался.

— Но ведь оно промахнулось,— внезапно сказал он.— Оно промахнулось, когда мы пробились к твоему кораблю, а ведь мы двигались очень медленно.— Он повернулся к Бигману, глаза сузились.— Сможешь починить главный двигатель?

Бигман, словно очнувшись от раздумий, ответил:

— Центровка микрореактора не нарушена, так что, если найдется все необходимое оборудование, его можно будет наладить.

— Сколько потребуется времени?

— Вероятно, несколько часов.

— Тогда приступай к работе, а я выхожу в океан.

Эванс удивленно поднял глаза.

— О чем ты говоришь?

— Я иду к этому пятну.— Он уже достал скафандр и начал проверять, в порядке ли силовое поле, служившее подкладкой скафандра, достаточны ли запасы энергии, полны ли кислородные баллоны.

В абсолютной тьме за бортом царило обманчивое спокойствие. Но Лаки хорошо осознавал, что он на дне океана, а над ним огромная резиноподобная чаша. Двигатель его скафандра выпустил направленную струю воды, и Лаки начал медленно подниматься, держа оружие наготове. Он невольно восхищался подводным ружьем, которое было у него в руках. Ему было хорошо известно, что необходимость приспособления к враждебной окружающей среде чужих планет во сто раз увеличивает человеческую изобретательность. Когда-то молодой континент, Америка, рванулся вперед с такой скоростью, которой Европа никогда не смогла бы достигнуть, а сейчас Венера демонстрирует свои способности Земле. Например, подводные купола. Нигде на Земле не могли так искусно переплетать ткань силовыми полями. Скафандр Лаки и долю секунды не мог бы сопротивляться давлению сотен тонн воды, если бы не переплетающие металл силовые поля. Во всех отношениях его скафандр был чудом инженерного искусства. Его реактивный двигатель, его снабжение кислородом, его компактное управление — все было превосходно. Как и оружие, которым он восхищался. Но его мысли тут же перекинулись на чудовище. Оно тоже было венерианским достижением. Достижением планетной эволюции. Могли ли на Земле существовать когда-нибудь подобные существа? Не на суше, конечно. При земном тяготении живая ткань не могла выдержать вес более сорока тонн. У гигантских бронтозавров мезозойской эры ноги походили на стволы деревьев, но они все равно не могли покинуть болота, где вода помогала им поддерживать собственное тело. В этом и состоял ответ — подъемная сила воды.

В океане могли существовать животные любых размеров. Киты были намного больше любого из животных, когда-либо живших на Земле. Но, как подсчитал Лаки, это чудовище над ними должно было весить около двух миллионов тонн, столько же, сколько весят сотни китов, вместе взятых. Сколько же ему лет? Сколько лет требуется существу, чтобы достигнуть таких гигантских размеров? Сто? Тысячу? Но размеры должны стать и причиной его гибели. Даже в глубинах океана, чем огромнее оно становится, тем все больше замедляется его реакция. Для прохождения нервных импульсов требуется время. Эванс полагал, что пятно не нанесет им еще одного удара, потому что, раз их корабль искалечен, то В-лягушка, которая управляет пятном, перестала интересоваться их дальнейшей судьбой. Но все могло быть и иначе! Скорее всего, чудовищу требовалось время, чтобы наполнить свой чудовищный водяной мешок и нанести еще один удар. Кроме того, чудовище вероятно было не в лучшей форме. Оно привыкло к океанским глубинам, чтобы слой воды над ним был не менее шести миль. Здесь же эффективность его действий неизбежно должна уменьшиться. Оно, видимо, потому и промахнулось по «Хильде» второй раз, что не успело полностью восстановиться после первого удара. Но сейчас оно выжидает, и его мешок мало-помалу наполняется, а как только он наполнится, оно восстановит свою мощь. И он, человек весом всего лишь сто девяносто фунтов, противостоит чудовищу массой в два миллиона тонн и обязан победить его. Лаки посмотрел вверх, но не мог ничего разглядеть. Тогда он включил фонарь, вделанный в перчатку левой руки, и направил его вверх. Белый луч осветил какое-то пространство вокруг и растаял вверху. Достиг ли он тела чудовища? Трижды оно исторгало водяную струю. Первый раз, разбив корабль Эванса. Второй, искалечив «Хильду» (но не так сильно, может частично истощил свои силы?), а в третий раз оно не попало в цель. Лаки поднял ружье. Оно было громоздким, с массивной рукояткой, в которой помещались сотни миль проводков и крошечные генераторы, выбрасывающие заряд высокого напряжения. Он направил ружье вверх и нажал спуск. В первое мгновение ничего не изменилось, но он знал, что насыщенную углекислотой воду океана пронзает тонкий, как волос, луч ... Вот он достиг цели и Лаки увидел результат. В то мгновение, когда луч коснулся тела чудовища, по нему со скоростью света рванулась вверх струя электричества. Тонкий луч яростно сиял, превращая в пар бурно кипящую воду. И там был не только водяной пар. Кипение было чудовищно бурным из-за того, что выделялся растворенный в воде углекислый газ. Лаки почувствовал, что попал в бурно восходящее течение. Над всем этим, над кипящей водой, над огненной нитью, над бурлящим паром, расцвел огненный шар. Там, где он соприкоснулся с телом монстра, произошла ужасной силы вспышка. Она выжгла в живой горе над Лаки воронку в десять футов шириной и не меньше фута глубиной. Лаки безжалостно усмехнулся. Для гигантского тела чудовища это, казалось бы, не более чем булавочный укол, но пятно почувствует его минут через десять. Вначале нервные импульсы должны проделать свой медленный путь вдоль огромного те-

ла. Когда боль достигнет крошечного мозга животного, оно будет вынуждено оставить в покое беспомощное судно на дне океана и дать отпор новому врагу. Но, думал спокойно Лаки, оно не найдет его. За десять минут он успеет сменить позицию. За десять минут он... Лаки так и не успел додумать эту мысль. Меньше чем через минуту после того, как его выстрел достиг цели, чудовище нанесло ответный удар. Оглушенный, Лаки успел понять, что стремительно несется вниз в бурлящей струе бешено мчащейся воды. Удар был очень силен. Любой скафандр обычной конструкции не выдержал бы, и был бы смят и уничтожен. Да и другой человек потерял бы сознание и, будучи унесенным ко дну океана, разбился. Но Лаки отчаянно сопротивлялся. Он сумел, борясь с мощным течением, поднять левую руку и дотянуться до пульта приборов, контролирующих механизмы скафандра. Он тяжело вздохнул. Индикаторы были совершенно безжизненны. Их чувствительные стрелки дрожали, ни на что не реагируя. Однако главное, запасы кислорода не пострадали (легкие не отмечали снижения давления) и скафандр не протекал. Реактивный двигатель как будто тоже в порядке. Но не имело смысла пытаться выбраться из потока вслепую, используя мощь двигателя. Тогда почти наверняка не хватит энергии. Он должен выждать и использовать то важное обстоятельство, что по мере погружения поток быстро теряет скорость. По краю потока растет турбулентность, нарушая его монолитность. Будучи около пятисот футов в диаметре на выходе из трубы животного, поток в зависимости от скорости и расстояния до дна мог уменьшиться до пятидесяти футов в диаметре. Да и скорость его тоже падала. Лаки, однако, знал, что и такой уменьшенной скорости вполне достаточно. Он оценил силу потока при ударе по судну. Все зависело от того, насколько точно животное сумело прицелится и как далеко он находится от центра потока. Не включая двигатель, он позволил потоку тащить себя вниз, стараясь попытаться угадать, как близко он находится ко дну. Наконец досчитав до десяти, он включил двигатель. Маленькие высокоскоростные пропеллеры на его плечах затряслись от напряжения, выбрасывая воду вправо от главного потока. Лаки почувствовал, как изменяется направление движения его тела. Если он в центре потока, ничто не поможет. Его запаса энергии не хватит, чтобы преодолеть его мощь. Однако если он достаточно далеко от центра, то его скорость уже упала и растущая турбулентность поможет ему вырваться из потока. Не успел Лаки подумать об этом, как его начало с ужасающей силой швырять из стороны в сторону, и он понял, что находится в безопасности. Он направил вниз луч фонаря. И как раз вовремя. В пятидесяти футах под ним вспучился и заволок все поле видимости ил, поднятый потоком. После секундного раздумья он направился прочь от потока. Теперь со всей скоростью, которую только мог обеспечить двигатель, он несся вверх. Лаки отчаянно спешил, его губы сжались, лицо насупилось. Он явно недооценил противника. Он полагал, что в него целится гигантское пятно, но это было неверно. В него целилась находящаяся на поверхности В-лягушка, управляющая пятном на расстоянии. Ей не надо было ждать ощущений пятна, чтобы узнать, что

удар нанесен. Ей достаточно читать мысли Лаки и прицелиться в источник этих мыслей. И, значит, не было никакой надежды с помощью булавочных уколов заставить пятно оставить в покое «Хильду» и убраться в бездну, которая его породила. Чудовище следовало убить. И как можно быстрее, ни «Хильда», ни его скафандр не выдержат еще один удар. Индикаторы уже отказали, следующим может выйти из строя управление, могут получить повреждение и крошечные силовые генераторы. Лаки торопился подняться повыше, к единственному безопасному месту. Он никогда не видел извергающую воду трубу чудовища, но она представлялась ему упругой и раздвижной. Чудовище могло направлять ее в разные стороны, кроме своей внутренней поверхности. В этом случае оно могло поранить само себя и, кроме того, изгиб трубы под таким большим углом воспрепятствует силе извергаемого ею водяного потока. Поэтому-то Лаки и стремился вверх поближе к телу чудовища, где водяная труба не могла бы его достать. Он должен успеть раньше, чем чудовище наполнит свой водяной мешок и будет готово к следующему удару. Лаки направил вверх луч света, хотя это было рискованно — свет делал его хорошей мишенью. Но другого выхода не было. В пятидесяти футах над его головой луч уперся в неровную сероватую поверхность, исполосованную глубокими трещинами. Лаки не стал пытаться затормозить движение и врезался в животное, почувствовав, как поддается его тело. Довольно долго он выбирался из всех этих неровностей. Впервые с тех пор, как покинул корабль, он осознал, что находится в полной безопасности. Однако чувство облегчения недолго владело им. В любой момент животное (точнее, управляющий им маленький гипнотизер) могло нанести удар по судну. Этого нельзя допустить. С любопытством, испытывая в то же время отвращение, Лаки с помощью фонаря осматривал чудовище. На его теле имелись отверстия около шести футов в диаметре, через которые всасывались потоки воды. Через большие интервалы виднелись складки, периодически раскрывающиеся и выбрасывающие через десятифутовые щели бурлящие потоки воды. Видимо, таким образом чудовище питалось. Сначала оно засасывало воду, оказавшуюся под колпаком своего тела, затем выпускало ее снова с остатками пищи и собственными отходами. Было очевидным, что оно подолгу задерживаться на одном месте не могло, иначе вода, отравленная его отходами, стала бы для него пагубной. По собственной воле оно не оставалось бы здесь так долго, но им управляла В-лягушка ... Вдруг, без всяких действий со своей стороны, Лаки судорожно дернулся и, удивленный, направил луч света на ближайшую к нему точку чудовища. Пораженный, он на мгновение с ужасом представил себя внутри огромной складки, которую заметил на теле монстра. Она только что сформировалась рядом с ним и начала жадно всасывать воду. Стенки складки с силой терлись друг о друга, переламывая в мельчайшие частицы пищу, слишком большую, чтобы пройти через всасывающие поры. Лаки не мог рисковать, подвергая свой потрепанный скафандр действию фантастически сильных мышц чудовища. Сам скафандр, возможно, и выдержал бы, но нежные рабочие механизмы — вряд ли. Он быстро развернул свое

тело так, чтобы двигатель, включенный на полную мощность, унес его подальше от тела чудовища. С громким чавкающим звуком скафандр вырвался из потока. Лаки не стал снова приближаться к коже монстра, а, повиснув рядом с ним, начал подниматься вверх, к центру образованного животным купола. Неожиданно он добрался до места, где внутренняя поверхность животного поворачивала вниз, превращаясь в стену мяса, простиравшуюся за пределы, которые мог высветить фонарь. Стена изгибалась и состояла из эластичной ткани. Это и был водомет чудовища. Лаки не сомневался, что это он — гигантская каверна в сотню ярдов в диаметре, из которой вырывался яростный поток воды. Лаки обогнул его. Несомненно, здесь, у основания водомета, самое безопасное место, и все же Лаки был предельно осторожен. Однако водомет не являлся целью его поиска. Он двинулся дальше вверх, и, наконец, добравшись до вершины купола, нашел, что искал. Вначале до слуха Лаки донесся продолжительный, почти непереносимый грохот, как он понял, создаваемый вибрацией. Это сразу привлекло его внимание. Он рассмотрел на теле чудовища выпуклость. Она корчилась и ходила вверх-вниз — огромная опухоль, свисающая на тридцать футов вниз, и возможно, столь же большая в диаметре, как и водомет. Это явно был центр организма, его сердце, или то, что заменяло чудовищу сердце. Оно должно биться с такой силой, что Лаки, лишь представив себе это, почувствовал головокружение. Однако его сокращение длилось целых пять минут, в течение которых тысячи кубических ярдов крови (или того, что заменяло чудовищу кровь) проходили через кровеносные сосуды, такие большие, что в них спокойно могла поместиться «Хильда». Какой же это мощный механизм, подумал Лаки. Если бы суметь захватить эту штуку живой и изучить ее физиологию! Где-то здесь должен был находиться и мозг чудовища. Мозг? Вполне возможно, что то, что заменяло ему мозг, было всего лишь маленьким сгустком нервных клеток, без которых оно могло бы спокойно жить дальше. А вот обойтись без сердца?! Оно как раз заканчивало очередное сокращение. Опухоль почти совсем исчезла. Сердце начало расслабляться, готовясь к очередному сокращению через пять минут, и по мере того как оно наполнялось кровью, опухоль снова начала увеличиваться. Лаки поднял ружье и сосредоточил луч света на гигантском сердце, позволив себе опуститься немного ниже. Наверное, не следовало находиться так близко. Но, с другой стороны, он не имел права промахнуться. На мгновение его охватил приступ острого сожаления. С научной точки зрения убийство этого необыкновенного, самого крупного в природе животного, было настоящим преступлением. Была ли это его собственная мысль или же она была внедрена в него находящимися на поверхности В-лягушками? Больше он не имел права медлить. Глаза Лаки осветила вспышка, которая насквозь прожгла ближайшую стенку сердца чудовища. Несколько минут вода вокруг бурлила от предсмертных судорог чудовища. Его тело содрогалось в гигантских конвульсиях. Лаки, которого швыряло из стороны в сторону, был совершенно беспомощен. Он попытался вызвать «Хильду», но в ответ раздавались только ка-

кие-то нечленораздельные звуки, что явно указывало на то, что корабль тоже безжалостно швыряет из стороны в сторону. Но смерть, когда она в конце концов наступает, пронизывает все тело любого существа, даже если оно весит миллионы тонн. Вода постепенно успокоилась. И смертельно уставший Лаки стал медленно спускаться вниз. Он снова вызвал «Хильду».

— Оно мертво,— сказал он.— Включите радиоприемник, чтобы я мог определить направление.

... Лаки позволил Бигману снять с себя скафандр и улыбкой смягчил беспокойство, сквозившее во взгляде марсианина.

— Я уже думал, что больше никогда не увижу тебя, Лаки,— довольно громко произнес Бигман.

— Ты лучше скажи, главный двигатель уже готов?

— Это займет еще немного времени,— ответил на вопрос Эванс,— осколки, разлетевшиеся вокруг при ударе, в нескольких местах нарушили сварку деталей.

— Ну ладно,— ответил Лаки.— Мы просто обязаны справиться с этим. Все оказалось не так просто, как я рассчитывал,— и он устало упал в кресло.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Эванс.

— Я надеялся,— ответил Лаки,— с помощью булавочных уколов заставить чудовище убраться отсюда. Но мне это не удалось, и я был вынужден убить его. В результате осевшее тело накрыло «Хильду», словно свалившийся шатер.

— Ты хочешь сказать, что мы в ловушке,— в ужасе спросил Бигман.

— Можно сказать, что так,— хладнокровно ответил Лаки.— Но можно также сказать, что мы в безопасности. Безусловно, здесь мы в большей безопасности, чем в любом месте Венеры. Благодаря этой горе мертвого мяса нам ничто и никто физически не сможет причинить никакого вреда. А когда главный двигатель заработает, мы просто пробьем себе дорогу наружу. Бигман займется двигателем, а Эванс сварит кофе, и мы кое-что обсудим. Другого случая для спокойной беседы нам может не представиться ...

Лаки был искренне рад передышке, давшей возможность отдохнуть, поговорить и спокойно подумать. Эванс, однако, был чем-то встревожен. Взгляд его метался из стороны в сторону.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил Лаки.

— Да, я обеспокоен. Что мы будем делать?

— Я думаю об этом,— ответил Лаки.— Мне кажется, мы прежде всего должны сообщить все, что знаем о В-лягушках тому, кто не может оказаться под их мысленным контролем.

— И кто же это?

— Никто на Венере. Это-то уж точно.

Эванс удивленно уставился на своего друга.

— Ты хочешь сказать, что все люди на Венере находятся под контролем?

— Нет, но любой может под него попасть. Кроме того, эти существа могут несколькими способами манипулировать разумом человека. Во-первых, на короткое время над мозгом человека мо-

жет быть установлен полный контроль. В течение этого периода человека можно заставить совершить поступки, противные его натуре — поступки, ставящие под угрозу как его собственную жизнь, так и жизнь других людей. Примером тому пилоты катера, на котором мы высадились на Венеру.

— Со мной было иначе,— мрачно сказал Эванс.

— Я знаю, что этого-то Моррис и не мог понять. Он был уверен, что раз у тебя нет признаков амнезии, то ты не находишься под контролем. Но ты был подвержен второму виду контроля. Его интенсивность ниже, личность полностью сохраняет свою память. Однако именно потому, что его интенсивность ниже, человека нельзя заставить поступать вопреки его природе. К примеру, тебя не смогли заставить совершить самоубийство. Но воздействие длится дольше, скорее дни, чем часы. В-лягушки выигрывают во времени то, что теряют в интенсивности. Должен существовать и третий тип контроля...

— И какой же?

— Такой, при котором интенсивность еще ниже, чем при втором типе. Контроль настолько слабый, что жертва даже не осознает его, но все же достаточно сильный, чтобы обыскивать мозг жертвы и выкачивать из него нужную информацию. Возьмем, к примеру, инженера Танера.

— Главного инженера Афродиты?

— Да, он как раз подходящий пример. Неужели не понимаешь? Подумай, что за человек сидел вчера, сжимая рычаг управления шлюзом, сумевший включить систему оповещения, так обезопасить себя, что до тех пор, пока Бигман не совершил своего рейда по вентиляционной трубе, никто не смог подобраться к нему. Тебе это не кажется странным?

— Нет. А почему это должно казаться странным?

— Этот парень находился в должности всего несколько месяцев. Он даже не был настоящим инженером, а, по сути, клерком или рассыльным. Откуда у него те знания, которые позволили так квалифицированно обезопасить себя? Как он мог так хорошо разбираться в энергетической системе этой секции купола?

Эванс сморщил губы и тихо присвистнул.

— Это не имеет смысла.

— Танер не понял этого. Я расспрашивал его об этом как раз перед выходом в океан. Конечно, я не сказал ему, что понял потом. Он сам рассказал мне о неопытности парня, но невероятность ситуации не дошла до него. Кто же имел всю необходимую информацию? Кто, как не главный инженер? Кто знал все лучше, чем он?

— Верно. Верно.

— Тогда предположим, что Танер был под контролем, под очень слабым контролем. Информация была взята из его мозга, и ему очень мягко внушили не замечать ничего, выходящего за рамки самого происшествия. Понимаешь, о чем я говорю? И затем Моррис.

— Моррис тоже? — потрясенно спросил Эванс.

— Возможно. Он твердо уверен, что это диверсия Сириуса

против дрожжевой монополии Венеры. Он не способен видеть ничего, кроме этого. Является ли это просто заблуждением, ошибкой или его тонко убедили в этом? Он был готов заподозрить тебя, Лу, даже очень предрасположен к этому. Член Совета не должен так легко возводить подозрения на другого члена Совета.

— Космос побери! Кто же тогда в безопасности?

— Никто на Венере,— вновь подтвердил Лаки, не отрывая взгляда от своей опустевшей чашки кофе.— Я уверен в этом. Мы должны сообщить всю эту историю и наши выводы кому-нибудь, кто находится вне Венеры.

— А как мы сможем это сделать?

— Как сможем? — Лаки с грустью повторил вопрос.— В этом-то все дело.

— Мы физически не в состоянии покинуть планету,— сказал Эванс.— «Хильда» предназначена лишь для плавания в океане. А если мы вернемся в Афродиту, чтобы взять что-нибудь подходящее, то уже не выберемся оттуда.

— Ты, конечно, прав,— сказал Лаки.— Но нам совсем не обязательно самим покидать планету. Наша информация должна покинуть ее, вот и все.

— Если ты имеешь в виду передатчик «Хильды», то из этого ничего не выйдет. Передатчик на этой лохани предназначен лишь для связи в пределах планеты. Это не субрадио, и сигнал не достигнет Земли, фактически отсюда, снизу, он не выйдет даже за пределы океана.

— Я это прекрасно понимаю,— сказал Лаки.— Между нами и Землей есть другое место, куда мы с успехом можем направить сигнал.

На мгновение Эванс был озадачен, а затем произнес:

— Ты имеешь в виду космические станции?

— Конечно, вокруг Венеры крутятся две станции. И до них не более двух тысяч миль. На них нет В-лягушек. В этом я уверен. Моррис говорил, что они плохо переносят свободный кислород, а станции, из-за экономии веса, вряд ли оснащены двуокисью углерода. Так что если нам удастся через них связаться с Землей, то мы выполним поставленную перед нами задачу.

— Это выход, Лаки,— взволнованно сказал Эванс.— Их сила мысленного контроля не может быть так велика, чтобы преодолеть две тысячи миль ... — но вдруг лицо его стало еще мрачнее, чем раньше.— Нет, ничего не выйдет. Корабельный передатчик не сможет пробить поверхность океана и атмосферы.

— Отсюда, возможно, и нет, но предположим, что мы поднимемся на поверхность и передадим сообщение в атмосферу

— Поднимемся на поверхность?

— А почему бы и нет?

— Но там же В-лягушки.

— Я знаю.

— Мы же попадем под их контроль.

— Ты уверен? — спросил Лаки.— До сих пор им не приходилось иметь дело с людьми, которые знают, кто они такие и чего от

них ожидать, и готовы к отпору. Большинство из их жертв ни о чем не подозревают. В твоем случае, как ты сказал, ты сам пригласил их в свой мозг. Я же вполне подготовлен и не собираюсь делать никаких предположений.

— А я говорю, что ты не выстоишь. Ты не знаешь, на что это похоже.

— Ты можешь предположить что-нибудь другое?

Прежде, чем Эванс сумел ответить, вошел Бигман, раскатывая рукава рубашки.

— Все в порядке,— сказал он.— Я починил двигатель.

Лаки кивнул и шагнул к пульту управления, а взволнованный Эванс остался сидеть в кресле. Звук двигателя снова напоминал мелодичное пение. «Хильда» двигалась сквозь бурлящую воду, попавшую под осевшую тушу гиганта и с возрастающей скоростью вырывающуюся из ловушки.

— Много ли у нас здесь места? — с тревогой спросил Бигман.

— Около полумили,— ответил Лаки.

— Что, если мы не сможем пробиться сквозь эту тушу? — пробормотал Бигман.— Что, если застрянем в ней, словно топор в старом пне?

На мгновение установилась тишина. Стало слышно, как Эванс пробормотал:

— Мы здесь под пятном, словно в убежище.

— В чем? — переспросил Лаки.

— В убежище,— ответил Эванс, все еще погруженный в свои мысли,— их много настроено на Венере. Это небольшие трансситовые купола, расположенные на дне океана. Они напоминают укрытия от циклонов и бомбоубежища Земли. Предполагают, что они могут послужить защитой при полном разрушении большого купола, скажем, при землетрясении. Не знаю, пользовались ли ими когда-нибудь. Под самыми дорогими домами есть легко доступные в случае катастрофы убежища. И это всегда рекламировалось.

Лаки внимательно выслушал его, но ничего не сказал.

Пение двигателя стало громче.

— Держитесь! — крикнул Лаки.

Корпус «Хильды» завибрировал, и резкое торможение с силой прижало Лаки к панели управления. Бигман и Эванс с такой силой вцепились в ручки кресел, что их пальцы побелели от напряжения. Судно замедлило ход, но не остановилось. С визжащим от перенапряжения двигателем «Хильда» продиралась сквозь мясо, мышцы, пустые кровеносные сосуды и бесполезные, похожие на двухфутовые канаты нервы пятна. Лаки, сжав губы, придерживался такого направления, при котором скорость передвижения была бы максимальной. И наконец они снова оказались в открытом океане. Они прошли сквозь чудовище! В полной тишине «Хильда» плавно поднималась вверх сквозь мрачные, насыщенные углекислотой воды океана. Все трое молчали. Они окончательно победили самого большого представителя враждебной фауны Венеры. Эванс с того момента, когда пятно осталось позади, не проронил ни звука. Лаки сидел позади, в пилотском кресле и постукивал пальцами по колену.

Даже неугомонный Бигман мрачно направился к хвостовому иллюминатору, который благодаря своей выпуклости давал большой обзор.

— Лаки, взгляни на это,— внезапно сказал он.

Лаки подошел к нему. Они вместе молча смотрели в иллюминатор. Большую половину видимого пространства занимали похожие на звезды маленькие фосфоресцирующие существа, сияющие мягким нежным светом, но другую половину занимала чудовищная стена, усыпанная непрерывно изменяющимися разноцветными пятнами.

— Лаки, ты уверен, что это то самое пятно? — спросил Бигман.— Оно не светилось, когда мы спускались сюда, и во всяком случае, оно не должно светиться после смерти, не так ли?

— Все это движется к пятну,— задумчиво ответил Лаки.— Я полагаю, что весь океан собирается на пиршество.

Бигман снова взглянул и ощутил легкую тошноту. Здесь находились сотни миллионов тонн мяса, и свет, который они видели, конечно же, исходил от маленьких существ мелководья, поедавших мертвое чудовище. Проносящиеся за иллюминаторами существа двигались в том же направлении, к гигантской туше, которую «Хильда» оставила позади. Среди них резко выделялись стреловидные рыбы. У каждой на позвоночнике выделялась светящаяся белая линия (в действительности у них был не позвоночник, а своего рода прут из рогового вещества). На голове этих созданий белая линия переходила в две желтые черточки в виде латинской буквы V. Бигману они казались бесчисленными роями живых стрел, кишащих позади судна, и он мог хорошо представить себе их огромные, узкие, прожорливые пасти.

— Великая Галактика! — пробормотал Бигман.— Океан, наверное, совершенно пуст. Все, что может двигаться, сейчас стекается сюда.

Позади них прозвучал голос Эванса:

— Лаки, я хочу кое-что сказать тебе.

Лаки обернулся.

— Я слушаю, в чем дело, Лу?

— Когда ты впервые предложил двигаться к поверхности, ты спросил, могу ли я предложить что-нибудь другое.

— Я помню, что ты не ответил.

— Я могу ответить сейчас. Я считаю, что мы должны вернуться в город.

— Эй, что за фокусы? — вмешался Бигман.

Лаки не нужно было задавать этот вопрос. Его ноздри трепетали, он мысленно ругал себя за те минуты, которые он потратил, глядя в иллюминатор, вместо того, чтобы сконцентрировать все свои силы, мысли и чувства на выполнении задуманного.

Эванс сжимал в руках бластер Лаки. В его глазах горела мрачная решимость.

— Мы возвращаемся в город,— повторил он.

— Что случилось, Лу? — спросил Лаки.

Эванс нетерпеливо повел бластером.

— Давай задний ход, вернись на дно и поверни корабль по направлению к городу. Нет, не ты, Лаки. Уступи место за пультом Бигману, а сам встань рядом с ним так, чтобы я мог следить сразу за вами обоими и за пультом управления.

Бигман бросил быстрый взгляд на Лаки. Тот не шелохнулся.

— Может быть, ты скажешь мне, что тебя толкнуло на это? — решительно спросил он.

— Меня ничего не понуждало,— ответил Эванс.— Совсем ничего. А вот что вынудило тебя? Ты вышел и убил чудовище, а затем, вернувшись, начал убеждать меня, что мы должны двигаться к поверхности. Почему?

— Я объяснил свои соображения.

— Я не верю твоим доводам, если мы поднимемся на поверхность, В-лягушки завладеют нашим сознанием. Я уже пережил это и знаю, что они контролируют твой мозг.

— Что?! — взорвался Бигман.— Ты что, спятил?

— Я понимаю, что делаю,— ответил Эванс, не спуская глаз с Лаки.— Если ты все хладнокровно обдумаешь, ты тоже придешь к выводу, что Лаки безусловно находится под контролем. Не забывай, что он и мой друг тоже. Я знаю его больше, чем ты, и мне вовсе не хочется так поступать, но другого выхода нет. Я вынужден сделать это.

Бигман неуверенно переводил взгляд с одного на другого, а затем спросил:

— Лаки, это правда? В-лягушки действительно контролируют тебя?

— Нет,— ответил Лаки.

— Ты что, надеешься, что он подтвердит это? — с горячностью спросил Эванс.— Конечно же, они захватили его. Чтобы убить чудовище, он должен был подойти близко к поверхности, достаточно близко, чтобы В-лягушки могли захватить контроль над его мозгом. Они позволили ему убить чудовище. Почему бы и нет? Они с радостью обменяли контроль над чудовищем на контроль за его мозгом. Поэтому, вернувшись, Лаки и начал лепетать о том, что нам следует подняться к поверхности, где мы, единственные люди, которые знают правду, окажемся среди них и с легкостью будем захвачены.

— Лаки! — простонал Бигман. Его голос умолял.

— Ты совершенно не прав, Лу,— спокойно ответил Лаки.— То, что ты сейчас делаешь,— результат твоей собственной зависимости от В-лягушек. Ты уже побывал под контролем, и они знают твои мысли. Возможно, они никогда полностью не прекращали контролировать тебя. Ты поступаешь так, как они заставляют тебя.

Эванс крепче сжал бластер.

— Извини, Лаки, но это не поможет. Поворачивай к городу.

— Если ты не под контролем,— возразил Лаки,— если твой мозг свободен, то ты убьешь меня, если я попытаюсь прорваться к поверхности, не так ли?

Эванс не ответил.

— Ты вынужден будешь это сделать,— продолжал Лаки.— Тебя вынудит долг перед Советом и Человечеством. С другой стороны,

если ты под ментальным контролем, то тебя могли заставить угрожать мне, постараться вынудить изменить курс, но я сомневаюсь, что ты можешь убить меня. В самом деле, убийство человека и к тому же члена Совета слишком противоречит твоей натуре. Так отдай мне бластер.— Лаки протянул руку и шагнул к Эвансу.

Бигман с ужасом смотрел на происходящее.

Эванс попятился.

— Я предупреждал тебя, Лаки,— хриплым голосом сказал он.— Я буду стрелять.

— А я утверждаю, что ты не выстрелишь, ты отдашь мне бластер.

Эванс уперся спиной в стену. В его голосе звучало безумие.

— Я буду стрелять! Я буду стрелять!

— Лаки, остановись! — крикнул Бигман.

Но Лаки уже сам остановился и начал отступать. Медленно, очень медленно, он вернулся на свое место.

Глаза Эванса помертвели, и он стоял неподвижно, словно каменная статуя, держа палец на курке бластера. Голос его был совершенно безжизненным.

— Возвращайся в город.

— Поверни корабль к городу, Бигман,— сказал Лаки.

— Он что, действительно под контролем? — пробормотал Бигман.

— Я опасался, что это может случиться,— ответил Лаки,— чтобы быть уверенными, что он выстрелит, они были вынуждены взять его под очень сильный контроль. И, без сомнения, он сделает это. Потом он ничего не будет помнить.

— Слышит ли он нас? — спросил Бигман, вспомнив пилотов на катере и то, что они совершенно не реагировали, когда к ним обращались.

— Полагаю, нет,— ответил Лаки,— но он следит за пультом, и если мы попытаемся отклониться от курса на город, он будет стрелять. Не следует заблуждаться на этот счет.

— Тогда что же нам делать?

— Поворачивай к городу. Быстро! — снова произнес Эванс бледными холодными губами.

Лаки, не сводя с бластера глаз, быстро разъяснил Бигману, что следует делать. Бигман легким кивком головы подтвердил, что все понял. «Хильда», следуя тем же курсом, которым пришла сюда, возвращалась в город. Эванс, бледный и непреклонный, переводил безжалостный взгляд с Лаки на Бигмана и на пульт управления, сжимая бластер в руке, прислонившись к стене спиной. Его застывшее тело было абсолютно покорно тем, кто захватил его мозг — он не испытывал потребности даже переложить бластер из одной руки в другую. Лаки напряг слух, чтобы сразу уловить тон звучания маяка Афродиты, как только «Хильда» войдет в зону устойчивости приема. Радиоприемник, работающий в широком диапазоне волн, располагался в самой высокой точке купола. Обратный курс становился настолько очевидным, словно купол находился на расстоянии прямой видимости. По высоте тона сигнала Лаки легко опреде-

ли, что они приближаются к городу не по кратчайшему пути. Однако небольшое отличие в высоте тона было не очень заметно. Для находящегося под контролем Эванса оно могло пройти незамеченным. Лаки горячо на это надеялся. Он постарался проследить путь пустого взгляда Эванса, когда тот перевел его на пульт управления. Лаки был уверен, что взгляд Эванса задержался на указателе глубины. С места, где стоял Эванс, было хорошо видно, начала ли «Хильда» подниматься к поверхности. Лаки теперь не сомневался, что, как только стрелка прибора двинется в нежелательном направлении, Эванс выстрелит без малейшего промедления. Пытаясь думать как можно меньше, так как он учитывал, что любые конкретные мысли станут сразу известны следящим за ним В-лягушкам, Лаки не мог не задать себе вопроса, почему Эванс не прикончил их сразу. Раньше они были обречены на гибель под гигантским пятном, а сейчас их всего лишь заставляют вернуться на Афродиту. А может быть, Эванс начнет стрелять сразу же, как только В-лягушки сумеют преодолеть последние барьеры в его мозгу? Высота тона сигнала слегка изменилась. Лаки снова метнул взгляд в сторону Эванса. Была ли это игра воображения, или в глазах Эванса промелькнула какая-то искорка (конечно же, не эмоций, а чего-то другого). Но через долю секунды уже не требовалось воображения, чтобы заметить напряжение бицепсов и легкое движение рук Эванса. Он был готов стрелять. И как раз в этот момент, когда в голове Лаки пронеслась эта мысль, а мышцы самопроизвольно напряглись в попытке избежать выстрела, судно на что-то налетело. Эванс, застигнутый врасплох, рухнул на пол, бластер выскользнул из его руки. Лаки действовал без промедления. Тот же толчок, что опрокинул Эванса, бросил его вперед. Он взлетел в воздух, упал на Эванса и стиснул ему запястье своими железными пальцами. Но Эванс был далеко не пигмей и боролся с навязанной ему нечеловеческой яростью. Он согнул ноги в коленях, обвил ими бедра Лаки и рванулся вверх. Совершенно случайно его рывок совпал с подъемом все еще качающегося судна, и Эванс оказался наверху. Он нанес удар кулаком, но Лаки плечом парировал этот удар. Он сам поджал ноги и стиснул противника железной хваткой чуть выше бедер. Лицо Эванса исказилось от боли. Он попытался вырваться, но Лаки все усиливал захват и вскоре оказался верхом на противнике.

— Я не знаю, можешь ли ты понять, что я говорю, Лу.

Эванс среагировал на это обращение. Изогнув тело в последнем усилии, он умудрился взлететь в воздух вместе с Лаки и разорвать захват. Упав на пол, Лаки изогнулся и легко вскочил на ноги. Он поймал Эванса за запястье и бросил его через плечо. Эванс грохнулся на пол и затих. Лаки быстрым движением руки отбросил назад сбившиеся волосы и, все еще тяжело дыша, сказал:

— Бигман!

— Я здесь,— ответил тот, широко улыбаясь и беспечно размахивая блестером.— Я был наготове на всякий случай.

— Хорошо. А теперь отложи бластер и осмотри Лу. Проверь, целы ли у него кости. А затем свяжи его.

Лаки подошел к пульту управления и начал очень осторожно

отводить «Хильду» от останков убитого им чудовища. Авантюра, которую он задумал, увенчалась успехом. Он рассчитывал, что В-лягушки с их привычкой к мысленному контролю не имеют представления об истинных размерах пятна, и при их слабом представлении о подводных путешествиях не уяснят себе смысл того небольшого отклонения от курса, который допустил Бигман. Весь смысл ловушки заключался в той короткой фразе, которую Лаки прошептал Бигману, когда тот под дулом бластера Эванса разворачивал корабль к городу.

— К пятну,— вот что он сказал.

Курс «Хильды» изменился. Ее нос задрался вверх, и она двинулась к поверхности. Эванс, привязанный к койке, в замешательстве уставился на Лаки.

— Извини меня.

— Мы все понимаем, Лу. Не терзай себя,— успокаивающе сказал Лаки.— Но пока мы не можем позволить тебе спокойно разгуливать по судну. Да ты и сам это понимаешь, не так ли?

— Конечно, свяжи меня покрепче. Я это заслужил. Поверь мне, Лаки, большую часть того, что произошло, я даже не помню.

— Послушай, дружище, ты бы лучше поспал,— и Лаки слегка ткнул его кулаком в плечо.— Мы разбудим тебя, как только достигнем поверхности, если нам это удастся сделать.

Спустя несколько минут он тихо обратился к Бигману.

— Собери все бластеры на корабле и вообще все, что может служить оружием.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Выбросить за борт.

— Что?

— То, что слышал. Ты тоже можешь попасть под контроль. Или я. Если это произойдет, я хочу, чтобы на корабле не было ничего, что могло бы служить оружием. В любом случае против В-лягушек физическое оружие бесполезно.

Два бластера и электрические хлысты скафандров один за другим полетели в мусоропровод.

Вращающаяся на шарнирах крышка мусоропровода располагалась заподлицо со стеной, как раз рядом с аварийным выходом, и, попав в него, отходы через клапаны одностороннего действия выталкивались наружу.

— Я чувствую себя совершенно голым,— пробормотал Бигман, пристально вглядываясь в иллюминатор, словно пытаясь рассмотреть исчезнувшее оружие. Но в поле зрения мелькали только фосфоресцирующие рыбы-стрелы. Судя по указателю глубины, давление за бортом стало падать. Перед началом всплытия он показывал глубину в две тысячи восемьсот футов. А теперь до поверхности оставалось меньше двух тысяч. Бигман неотрывно смотрел в иллюминатор. Лаки заметил это.

— Что ты там высматриваешь?

— *Я полагаю*,— ответил Бигман,— что по мере нашего всплытия за бортом должно становиться все светлее и светлее.

— В этом я сильно сомневаюсь,— возразил Лаки.— Вся поверх-

ность воды покрыта слоем водорослей. Пока мы не минуем их, за бортом будет темно.

— Думаешь, наверху можно наткнуться на непроходимые водоросли?

— Надеюсь, что нет.

До поверхности оставалось полторы тысячи футов.

— Скажи, Лаки,— вдруг спросил Бигман, пытаясь изменить направление собственных мыслей,— как при наличии такого количества растений в атмосфере Венеры могло сохраниться столько углекислоты? Ведь растения обязательно преобразовывают углекислый газ в кислород?

— На Земле так и происходит. Однако, насколько я помню курс ксеноботаники, растения Венеры придумали одну хитрую штуку. Земные растения выделяют весь полученный кислород в атмосферу, а венерианские сохраняют его в своем теле в виде соединений с высоким содержанием кислорода,— Лаки говорил рассеянно, словно тоже пытаясь разговором отвлечься от более серьезных вещей.— Вот почему животные Венеры не дышат. Весь необходимый кислород они получают с пищей.

— И ты все это выучил? — изумленно спросил Бигман.

— По всей видимости, с пищей они получают даже больше кислорода, чем им нужно. Иначе они не любили бы так сильно продукты с низким содержанием кислорода, вроде машинного масла, которым ты кормил эту В-лягушку. По крайней мере, я думаю именно так.

Они находились уже всего в восьмистах футах от поверхности.

— Между прочим,— продолжал Лаки,— ты прекрасно управился с судном. Я говорю о том, как ты врезался в пятно.

— Пустяки,— ответил Бигман, вспыхивая от удовольствия.

Он посмотрел на шкалу измерителя глубины, до поверхности оставалось пятьсот футов. Они погрузились в молчание, прерванное раздирающим уши скрежетом. Подъем внезапно прекратился, двигатели замолкли. Пространство за иллюминатором начало быстро светлеть, и появилось ослепительно сияющее облачное небо. Стала видна поверхность воды, покрытая водорослями и испещренная мельчайшими всплесками.

— Идет дождь,— сказал Бигман.— Боюсь, что мы прочно застряли, и нам остается только сидеть и ждать, пока В-лягушки доберутся до нас.

— Ясно-ясно,— безучастно ответил Лаки.— Они уже здесь.

Как раз в этот момент в поле зрения иллюминатора появилась В-лягушка, сидевшая, поджав ноги, на водорослях и серьезно глядевшая внутрь корабля своими светлыми, покрытыми влагой глазами.

«Хильда» плавно покачивалась на волнах океана. Непрекращающийся сильный дождь барабанил по корпусу судна, порождая почти земные звуки. Бигману, выросшему на бедном водой Марсе, и океан, и дождь были совершенно чужды, но у Лаки эти звуки будили память о доме.

— Посмотри на эту В-лягушку, Лаки,— сказал Бигман.

— Вижу,— спокойно сказал Лаки.

Бигман протер глаза и стекло иллюминатора, чтобы было лучше видно, и прижался к стеклу.

— Э, нет,— подумал он внезапно,— я лучше отодвинусь подальше.

Он отшатнулся, затем не спеша сунул мизинцы в рот и растянул губы в стороны, высунув язык, скосил глаза к переносице и начал шевелить пальцами рук. В-лягушка смотрела на него все тем же серьезным взглядом. С тех пор, как они увидели ее, она ни разу не шевельнулась, только слегка покачивалась на волнах. Казалось, она совершенно не замечает плещущуюся вокруг нее воду. Бигман скорчил еще более страшную гримасу и гавкнул на В-лягушку.

— Бигман, что ты делаешь? — донесся до него голос Лаки.

Бигман вздрогнул и опустил руки. Его лицо приняло нормальное выражение.

— Я просто показал ей, что я о ней думаю,— ответил он, покраснев.

— А она просто показала тебе, что она о тебе думает!

Сердце Бигмана учащенно забилось. В голосе Лаки слышалось неодобрение: в такой решающий, в такой опасный момент он, Бигман, вел себя как ребенок. Ему стало стыдно.

— Лаки, я не знаю, что на меня нашло,— дрожащим голосом сказал он.

— Это они,— сурово ответил Лаки.— Пойми это. В-лягушки ищут твое слабое место. Как только нащупают его, сразу проникнут в твой мозг и смогут использовать твою ловкость в своих целях. Так что ничего не делай, не подумав как следует.

— Хорошо, Лаки,— пробормотал Бигман.

— Так, а что дальше? — Лаки оглядел судно. Эванс спал, тяжело дыша и судорожно вздрагивая во сне. Взгляд Лаки на мгновение задержался на нем, а затем двинулся дальше.

— Лаки? — робко позвал Бигман.

— Да?

— Ты уже начал вызывать орбитальную станцию?

Несколько мгновений Лаки с удивлением смотрел на своего маленького друга, ничего не понимая. Затем морщинки на его лбу исчезли, и он прошептал:

— Великая Галактика! Я забыл, Бигман! Я забыл! Я ни разу не подумал об этом.

— Ты думаешь, она ... — Бигман пальцем указал через плечо на иллюминатор, за которым по-прежнему таращила глаза В-лягушка.

— Думаю, они. Их здесь, возможно, великое множество.

Бигман со стыдом признался себе, что он почти рад тому, что Лаки, как и он сам, попал в плен к этим существам. Это избавит его от чувства вины, которое в противном случае терзало бы его. Ведь фактически Лаки был неправ. Бигман в ужасе прервал эти размышления. Он затаил злобу на Лаки! Нет, это был не он, это они! Он с яростью отбросил эти мысли и сконцентрировал свое внимание на Лаки, чьи пальцы искусно настраивали передатчик для работы с

космосом. Внезапно Бигман услышал в своей голове новый, совершенно незнакомый ему звук. Это был ровный, совершенно лишенный интонаций голос.

— Не дотрагивайся до своей машины для разговоров на расстоянии. Мы не хотим этого.

Бигман обернулся и застыл, в изумлении раскрыв рот.

— Кто это сказал? — спросил он.— Где он?

— Спокойно, Бигман,— ответил Лаки.— Этот голос звучит в твоем мозгу.

— Но это не В-лягушки! — отчаянно выкрикнул Бигман.

— Великая Галактика! Кто это еще может быть?

Бигман повернул голову и стал внимательно рассматривать в иллюминатор сквозь струи дождя раскачивающуюся на ветру В-лягушку.

В жизни Лаки уже был случай, когда чужеродные существа передавали ему в мозг свои мысли. Это произошло в тот день, когда он встретился с нематериальными энергетическими существами, живущими в пещерах глубоко под поверхностью Марса. Он не мог им воспротивиться, но проникновения были тогда совершенно безболезненными и даже приятными. Он чувствовал свою полную беспомощность, но тем не менее не ощущал страха. В данном случае имелось существенное отличие. Мысленные щупальца силой прокладывали себе дорогу в его мозгу, и он со злобой, болью и негодованием ощущал их. Рука Лаки упала с передатчика, и он не испытывал желания вернуть ее туда, опять забыв о нем. Голос зазвучал снова:

— Производи ртом колебания воздуха.

— Вы хотите сказать, что нам надо говорить? — спросил Лаки.— Разве вы не можете читать наши мысли, когда мы не высказываем их вслух?

— С большим трудом и довольно смутно. Это очень трудно делать до тех пор, пока мы не изучили твой мозг достаточно хорошо. Когда ты говоришь, формулируешь мысли четче, и нам легче прочесть их.

— Но мы слышим вас без каких-либо затруднений,— сказал Лаки.

— Да. Мы можем эффективно и с большой силой передавать свои мысли. А вы — нет.

— Вы слышали все, что я говорил раньше?

— Да.

— Что вы хотите от меня?

— Из твоих мыслей мы узнали о находящейся очень далеко, по другую сторону неба, организации похожих на тебя существ. Ты называешь ее Советом. Мы хотим узнать о ней побольше.

В глубине души Лаки почувствовал удовлетворение. По крайней мере, на один вопрос ответ стал ясен. Пока он казался врагам обычной заурядной личностью, они стремились его прикончить. Но за последние несколько часов враги открыли, что он успел слишком многого достичь, и это их беспокоило. Их интересовало, смогут ли и другие члены Совета так легко во всем разобраться? Какова природа

этого Совета? Лаки мог объяснить любопытство врагов новой ситуацией, желанием выпытать у него как можно больше, прежде чем убить. Ничего удивительного, что они не торопились заставить Эванса прикончить его, когда дуло бластера смотрело ему в лицо, и он был совершенно беспомощен. Но Лаки постарался поглубже загнать подобные мысли. Ведь они сказали, что могут, хотя и с трудом, читать и невысказанные мысли.

— Что вы имеете против наших людей? — внезапно спросил Лаки.

— Мы не очень хорошего мнения о ваших людях,— продолжал голос.— Они убивают животных, они едят мясо. Это очень плохо — быть разумным и есть мясо. Каждый, кто ест мясо, должен убивать, а разумный поедатель мяса принесет куда больше вреда, чем лишенный разума, так как придумает множество способов убивать. У вас есть маленькие трубки, которые могут убивать сразу многих в одно мгновение.

— Но мы не убиваем В-лягушек.

— Убивали бы, если бы мы вам позволили. Ведь вы убиваете без разбора и больших, и маленьких.

Лаки уклонился от обсуждения этой темы. Вместо этого он снова повторил свой вопрос.

— Так чего же вы хотите от наших людей?

— Ваша численность на Венере растет,— ответил голос.—Вы расширяете свои поселения и отнимаете у нас место.

— Мы не отнимаем у вас слишком много места,— возразил Лаки.— Мы можем строить свои города только на отмелях. Глубокие места всегда останутся вашими, а они занимают девять десятых площади океана. Кроме того, мы можем помочь вам. Если вы хорошо изучили способности мозга, то мы имеем обширные познания о мертвой материи. Вы видели наши города и машины из блестящего материала, которые способны двигаться и в воде, и в воздухе, и даже добираться до далеких миров по ту сторону неба. Подумайте, какую помощь мы, обладающие такой мощью, в состоянии оказать вам.

— Мы ни в чем не нуждаемся. Мы живем и мыслим, мы ни к кому не испытываем ненависти. В чем же мы можем нуждаться? Зачем нам ваши города, ваши корабли? Чем они могут улучшить нашу жизнь?

— Ясно. Значит, вы собираетесь всех нас уничтожить?

— Мы не хотим убивать живое. Для нас достаточно контролировать ваши мысли. Тогда мы будем уверены, что вы не причините нам зла.

Перед мысленным взором Лаки промелькнуло видение (собственное? навеянное?) — расы людей, живущих и действующих под контролем местных существ и постепенно утрачивающих связь с Землей и превращающихся в роботов, вполне довольных своей участью. Он ответил словами, в которых не был до конца уверен.

— Люди не могут допустить, чтобы ими управляли, как марионетками.

— Это единственный возможный путь, и ты должен помочь нам.

— Я не сделаю этого.

— У тебя нет выбора. Ты должен поведать нам о мирах по ту сторону неба, о вашей организации и о том, что она может предпринять против нас и как она защитит себя.

— Вы не сможете заставить меня сделать это.

— Неужели? — спросил голос.— Подумай вот о чем. Если ты не дашь нам всю необходимую информацию, мы заставим тебя направиться в глубину океана, и там ты впустишь в свой корабль воду.

— И умру? — мрачно спросил Лаки.

— Твоя смерть необходима в любом случае. При твоей осведомленности позволить тебе общаться с твоими друзьями небезопасно. Ты можешь все рассказать им и тем самым заставить их принять ответные меры против нас. И мы этого не допустим.

— Тогда я ничего не теряю, не сказав вам ни слова.

— Ты можешь много потерять. Если ты не согласишься отвечать на наши вопросы, мы силой вытащим из тебя эту информацию. Это не очень эффективная процедура, мы можем потерять много важного. Чтобы уменьшить опасность этого, мы должны будем извлечь твои мысли бит за битом, а это весьма неприятно для тебя. Намного лучше и для тебя, и для нас, если ты поможешь нам добровольно.

— Нет,— Лаки отрицательно покачал головой.

Возникла пауза, а затем голос заговорил снова.

— Мы выспрашиваем у тебя сведения не для собственной безопасности, а чтобы избавить тебя от необходимости вынудить нас совершить неприятные поступки. Если мы не будем знать, как защитить себя от ваших людей с другой стороны неба, мы покончим с этой угрозой, убив всех людей в этом мире, впустив воду в ваши города, как уже почти сделали в одном из них. Они будут затоплены, и жизнь ваших людей кончится, как залитое пламя. Она погаснет и уже не возгорится.

Лаки дико расхохотался.

— Заставьте меня! — сказал он.

— Заставить тебя?

— Заставьте меня рассказать. Заставьте меня потопить судно. Заставьте меня сделать хоть что-нибудь.

— Ты думаешь, мы не сможем?

— Я знаю, что не сможете.

— Тогда оглянись и посмотри, чего мы уже добились. Родственное тебе существо, которое связано, в наших руках. Существо, которое было на твоей стороне, тоже в нашей власти.

Лаки огляделся. Все это время он не слышал голоса Бигмана. И сейчас он увидел, что тот скорчившись лежал в углу отсека. Лаки подошел и опустился на колени около Бигмана. Страшная тревога за друга сжала ему горло.

— Вы убили его?

— Нет, он жив. Ему даже не больно. Но видишь, сейчас ты одинок. Никто не придет к тебе на помощь. Они не смогли выстоять против нас, и ты тоже не сможешь.

— Нет,— ответил Лаки, хотя его лицо побледнело от напряжения,— вам не удастся заставить меня сделать хоть что-нибудь во вред людей.

— Даем тебе последний шанс. Выбирай. Если ты согласишься помочь нам, твоя смерть будет быстрой и приятной. Если же ты откажешься, твоя жизнь кончится в муках, и за твоей смертью, возможно, последует гибель всех жителей подводных городов. Так что же ты выбираешь? Отвечай.

Эти слова все еще звучали в мозгу Лаки, а он уже приготовился к схватке— одинокий, понятия не имеющий, как бороться против телепатических ударов, но обладающий несгибаемой силой воли. Как можно выстоять против телепатических атак? Лаки желал бы сражаться, но невозможно было возвести барьеры и ответить на силу силой. Он мог лишь оставаться на месте и стараться воздерживаться от всех затопляющих его мозг желаний, о которых нельзя было с уверенностью сказать, что они его собственные. И как разобраться, что он хотел сделать? Мысли ни на чем не задерживались. В голове пусто. Несомненно он собирался что-то предпринять. Он не поднялся бы сюда без какой-то цели. Поднялся сюда? Значит, вначале он был внизу. На корабле. А корабль всплыл из морских глубин. И сейчас находится на поверхности. Отлично, но что же дальше? Почему на поверхности? Он смутно помнил, что внизу безопаснее. Лаки с большим трудом повернул голову, закрыл и снова открыл глаза. Мысли текли тонкой струйкой. Он собирался послать сообщение куда-то ... куда-то ... о чем ... Должен был послать сообщение. Послать сообщение. И вдруг его прорвало. Словно где-то внутри себя он с силой толкнул плечом дверь, и она с грохотом распахнулась. В его мозгу вспыхнула яркая искра света, и он вспомнил все, о чем забыл. Конечно — корабельная радиостанция и космическая станция.

— Вам не удалось заполучить меня,— хрипло сказал он,— слышите, что я говорю? Я все вспомнил и сохраню свою память.

Ответа не последовало.

Из его горла вырвались бессвязные звуки. Его мозг впал в оцепенение, как у человека, борющегося со слишком большой дозой снотворного. Ни в коем случае, думал он, не позволять себе, своим мышцам расслабиться. Сохранить способность двигаться. И главное — сохранить активным мозг, нервные клетки — работоспособными. Он продолжал кричать и звуки складывались в слова: «Я сделаю! Я сделаю это!»

Сделает это! Он чувствовал, что что-то снова усыпляет его. Он лихорадочно убеждал себя: «Радиограмма на станцию ... радиограмма на станцию ...» Теперь он двигался. Хотя казалось, что все его суставы одеревенели и срослись, но все-таки неуклюже поворачивались. Наконец он повернулся лицом к радиостанции. Какое-то мгновение видел ее совершенно отчетливо, но затем картина заколебалась и все заволокло туманом. Он напряг свой мозг, и туман исчез. Он ясно видел передатчик, ручки настройки частоты и направления и сумел вспомнить и осознать их назначение. С трудом передвигая ноги, сделал шаг к радиостанции и сейчас же почувствовал,

что в его мозг впилась раскаленная докрасна игла. Несмотря на застилавшую глаза боль, он все же видел радиостанцию. Передвинул одну ногу, затем другую. Смутно различимая сквозь кроваво-красный туман, радиостанция, казалось, находилась в сотне ярдов. Шум в голове усиливался с каждым шагом. Он, стараясь игнорировать боль, сосредоточил все свое внимание на радиостанции, думал только о ней. Его ноги словно опутали резиновыми путами, но он усилием воли заставлял себя двигаться. Когда его вытянутую вперед руку отделяло от передатчика не больше восьми дюймов, он понял, что все силы исчерпаны. Он ни на миллиметр не мог продвинуться вперед. Это был конец. «Хильда» представляла собой картину полной беспомощности. Эванс без сознания лежал на койке. Бигман скорчился на полу у ног Лаки, а у самого Лаки, хотя он упрямо сохранял вертикальное положение, единственным признаком жизни были дрожащие кончики пальцев. В мозгу Лаки снова с привычной монотонностью зазвучал голос.

— Ты беспомощен, но, в отличие от твоих товарищей, не потерял сознание. И не потеряешь. Боль будет терзать тебя до тех пор, пока ты не решишься выложить нам все, что ты знаешь, затопить судно и покончить с собой. Ты не сможешь сопротивляться нам. Ты не сможешь победить нас. Нас не возьмешь ни подкупом, ни угрозой!

Лаки, хоть и измученный бесконечной пыткой, почувствовал в этой затуманенной болью и сонливостью фразе что-то новое. Ни подкупом? Ни угрозой? Ни подкупом? Даже несмотря на застилающий сознание туман, эта мысль, словно искра, зажгла пламя в его мозгу. Он перестал концентрировать свои мысли на передатчике, оставил его в покое, и сразу же боль чуть-чуть отступила. Лаки, пошатываясь, сделал шаг назад и стало еще немного легче. Он совсем отвернулся от передатчика. Старался не думать. Пытался действовать автоматически, без предварительного обдумывания. Враги сконцентрировали свои усилия на передатчике. И не могли себе представить, чем еще он может угрожать им. Пока они не успели разобраться в его намерениях, ему надо действовать. Действовать быстро. Они не должны остановить его. Они не должны! Лаки добрался до висящей на стене аптечки и рывком открыл дверцу. Он не мог ясно видеть окружающее и потерял драгоценные секунды, ощупью разыскивая то, что ему было нужно.

— Каково же твое решение? — спросил голос, и на него снова начала наваливаться невыносимая боль.

Наконец Лаки нащупал то, что искал — небольшую банку из голубоватой пластмассы. Его пальцы нашли выключатель, отключающий запиравшее банку парамагнитное поле. Он почти не видел, как крышка открылась и отвалилась. Он почти не слышал, как она с характерным звуком удара пластика о металл упала на пол. Но банка была открыта, и он протянул руку к мусоропроводу. Боль снова яростно его атаковала. Лаки открыл дрожащей от напряжения рукой крышку мусоропровода, и начал поднимать драгоценную банку к отверстию. Казалось, это длилось целую вечность. Он совершенно не различал окружающего. Все вокруг заволокла кроваво-красная мгла. Самое главное удержать банку. Он обхватил ее обе-

ими руками. Она медленно поползла вверх, в то время как Лаки был близок к тому, чтобы потерять сознание. Наконец банка прошла в отверстие! Лаки показалось, что звук вырывающегося наружу сжатого воздуха донесся до него с расстояния в миллион миль, но он знал, что банка выпала в теплую воду венерианского океана. Несколько мгновений боль еще пронизывала его, потом исчезла. Лаки отошел от стены. Голова кружилась, лицо и тело покрыл обильный пот. Со всей возможной скоростью, на какую было способно его измученное тело, он рванулся к передатчику, и на этот раз ничто его не остановило. Эванс, обхватив голову руками, сидел в кресле. Он стакан за стаканом пил воду и непрестанно повторял:

— Я ничего не помню. Я ничего не помню.

Бигман, раздевшись до пояса, протирал лицо и грудь влажной губкой, и слабый румянец вновь проступал на его щеках.

— А я все помню. Я стоял и слушал голос и даже не заметил, как оказался распластанным на полу. Ничего не почувствовал, не мог повернуть голову, но все слышал, что говорил голос, и то, что ты, Лаки, отвечал ему. Я видел, как ты пошел к радиостанции.

Он вздохнул и покачал головой.

— Тогда ты знаешь, что в первый раз я ничего не смог сделать,— спокойно сказал Лаки.

— Не знаю. Ты вышел из поля моего зрения, и единственное, что мне оставалось, это лежать и ждать, пока ты закончишь разговор со станцией. Ничего не происходило, и я решил, что тебя тоже сломили. Мысленно я представлял себе, как мы трое валяемся здесь живыми трупами. Это был конец, я не был в состоянии даже пошевелиться. Я мог только дышать. Затем ты снова появился в поле зрения, и мне захотелось смеяться, плакать, вопить, все сразу, но я по-прежнему был способен только лежать и смотреть. И я увидел, что ты выхватил из стены. Только не мог понять, что ты делаешь. Но через несколько минут все кончилось. Блеск!

— И сейчас мы действительно возвращаемся в Афродиту? — устало спросил Эванс.— Это точно?

— Если не врут приборы, мы на пути в Афродиту,— ответил Лаки.— Когда вернемся, надо выкроить время, и пройти медосмотр.

— Спать! — потребовал Бигман.— Все, что мне нужно, это двое суток спокойного сна.

— Ты получишь и это,— пообещал Лаки.

Но Эванса больше, чем остальных, тревожило то, что произошло с ним. Об этом говорил его удрученный вид.

— Не помешают ли они нам снова? — спросил он, сделав ударение на слове «они».

— Этого я не могу гарантировать,— ответил Лаки,— но это ничего не изменит. Я сумел связаться с космической станцией.

— Ты уверен, что здесь нет ошибки?

— Они даже связали меня с Землей, и я мог поговорить с Конвеем. Эта часть проблемы решена.

— Тогда решена вся проблема целиком. Земля узнала правду о В-лягушках и сумеет справиться с ними,— радостно сказал Бигман.

Лаки улыбнулся и ничего не ответил.

— Одну минутку, Лаки,— попросил Бигман.— Объясни мне, что же произошло. И как тебе удалось справиться с ними? Марс побери! Что ты сделал?

— Ничего такого, чего я не мог бы предвидеть заранее и избавить нас тем самым от большой части ненужных мучений. Главное для них, если ты помнишь — это жить и мыслить. Позже голос сказал, что мы не можем их ни запугать, ни подкупить, не так ли? И в этот момент меня осенило: это как раз то, что мы с тобой знаем лучше.

— Я знаю лучше? — неуверенно спросил Бигман.

— Конечно, знаешь. Через две минуты после того, как ты увидел первую в своей жизни В-лягушку, ты уже выяснил, в чем они нуждаются. По дороге к поверхности я рассказывал тебе, что растения Венеры запасаются кислородом в своих тканях, а венерианские животные получают кислород вместе с пищей. Я также говорил тебе, что, по всей видимости, они получают с пищей даже избыток кислорода, поэтому так любят пищу с низким содержанием кислорода, такую, как углеводы. Например, машинное масло. Ты не забыл?

Глаза Бигмана широко раскрылись.

— Конечно, помню.

— Они жаждут углеводов, как дети сладостей.

— Понятно,— сказал Бигман.

— Так вот, для того, чтобы держать нас под контролем, В-лягушки должны целиком сконцентрироваться на этом. Все, что мне необходимо было сделать, это отвлечь их, по крайней мере, тех, которые находятся рядом с кораблем и чье воздействие на нас было наиболее сильным. Тогда я подбросил им одну наиприятнейшую для них вещь.

— Какую же? Не томи, Лаки!

— Банку с очищенной нефтью, которую взял в аптечке. Это чистый углевод, намного более чистый, чем машинное масло. Они не смогли удержаться от соблазна. Не смогли устоять, хотя так много было поставлено на карту. Те, которые были поближе к банке, бросились к ней. Остальные, находящиеся в телепатической связи с первыми, не могли думать ни о чем, кроме углеводов. Они утратили контроль над нами, и я получил возможность связаться со станцией.

— Отлично,— сказал Эванс.— Теперь мы покончим с ними.

— Если дойдет до этого,— ответил Лаки.— Но я не уверен, что это потребуется. Здесь есть несколько аспектов.— Он, вдруг нахмурившись, запнулся на полуслове, словно сказал лишнее. За иллюминатором во всем своем великолепии сверкал купол, и Бигман почувствовал, как от одного его вида у него поднимается настроение. Он успел поесть и немного вздремнуть, и теперь в нем, как обычно, бурлила энергия. Эванс почти избавился от своей подавленности. И только Лаки не утратил настороженности.

— Лаки, я говорю тебе, что В-лягушки деморализованы,— заявил Бигман.— Ведь мы сейчас проделали сотни миль по океану в непосредственной близости от них, и они нас не тронули. Так неужели они смогут напасть здесь?

— Сейчас меня больше всего интересует, почему нет ответа из купола,— сказал Лаки.

— Они не могут быть так долго заняты,— тоже нахмурившись, добавил Эванс.

Бигман с недоумением переводил взгляд с одного на другого.

— Уж не думаете ли вы, что случилось что-нибудь в самом городе?

Лаки жестом призвал к молчанию. Из приемника прозвучал низкий голос, торопливо произнесший:

— Будьте добры, сообщите вашу принадлежность.

— Зафрахтованная Советом подводная лодка «Хильда», порт приписки — Афродита,— ответил Лаки.— Говорит командир судна Дэвид Старр.

— Вам придется подождать.

— Будьте любезны, сообщите причину

— В данный момент заняты все шлюзы.

Эванс нахмурился и пробормотал:

— Да, Лаки, это возможно.

— Когда они освободятся? — спросил Лаки.— Дайте координаты того, который освободится первым, и включите на нем радиомаяк.

— Вам следует ждать.

Канал связи остался включенным, но человек на другом конце не произнес больше ни слова.

— Вызывай Морриса, Лаки,— возмущенно вмешался Бигман.— Это должно подействовать.

— Моррис думает, что я предатель,— запнувшись на последнем слове, сказал Эванс.— Не кажется ли тебе, Лаки, что он решил, что вы заодно со мной?

— Если бы это было так,— ответил Лаки, — он бы старался, чтобы мы поскорее были в городе. Нет, я думаю, что говоривший с нами человек находится под ментальным контролем.

— Чтобы не впустить нас в город? — спросил Эванс.— Ты серьезно.

— Вполне.

— Они не могли остановить нас на пути и разве только .. — Эванс побледнел и в два прыжка оказался у иллюминатора.— Лаки, ты прав! Они притащили тяжелый бластер! Они уничтожат нас!

Бигман тоже подскочил к иллюминатору. Ошибиться было нельзя. Секция купола отошла в сторону, а за ней располагалась казавшаяся сквозь толщу воды слегка нереальной приземистая труба. Он с ужасом следил, как ствол опускается вниз, целясь прямо в них. «Хильда» была совершенно безоружной. Она не могла даже набрать необходимую для бегства скорость. Казалось, у них нет никакой возможности избежать немедленной гибели. Но как раз в тот момент, когда Бигман почувствовал, как перед лицом неминуемой гибели испаряется все его мужество, он услышал спокойный голос Лаки, говорящего в микрофон.

— Подлодка «Хильда», прибывшая с грузом нефти... подлодка «Хильда», прибывшая с грузом нефти... подлодка «Хильда»...

Внезапно из приемника прозвучал взволнованный голос.

— Говорит Клемент Хебер из управления шлюзами. Что случилось?

— Лаки, они убирают бластер! — выкрикнул Бигман.

Лаки позволил себе облегченно вздохнуть. Это было единственное свидетельство того напряжения, в котором он находился.

— Подлодка «Хильда» докладывает о прибытии в Афродиту. Укажите нам шлюз. Повторяю, пожалуйста, укажите шлюз,— произнес он в микрофон.

— Вы можете воспользоваться шлюзом номер пятнадцать. Включаю маяк. Кажется, произошла какая-то путаница.

Лаки поднялся и сказал Эвансу.

— Лу, сядь за пульт управления и как можно быстрее введи лодку в город... — Он жестом пригласил Бигмана следовать за собой и вышел в другую каюту.

— Я предполагал, что В-лягушки попытаются принять меры, чтобы мы не смогли попасть в город, и подготовил этот трюк с нефтью. Но я не мог и подумать, что они направят на нас тяжелый бластер. Это и вправду было совершенно невероятно. Я вовсе не был уж так уверен, что этот трюк с нефтью сработает.

— Но почему он вообще сработал?

— Снова углевод. Нефть состоит из углеводов. Услышав по радио мои слова, В-лягушки, которые держали под контролем охрану купола, были сбиты с толку.

— Откуда они знают, что такое нефть?

— Я обрисовал это в своем мозгу, Бигман, со всей яркостью, на которую только способен. Ты же знаешь, что они могут читать мысли, когда конкретизируешь их в своем мозгу, прежде чем высказать. Но некогда думать об этом,— голос Лаки упал до шепота,— если они пошли на такой отчаянный шаг, как наше уничтожение с помощью лазера, значит, положение у них очень скверное, но и у нас тоже. Мы должны быть осторожны и не совершать необдуманных поступков. Любая ошибка может оказаться роковой.

Лаки достал из кармана рубашки заточенную палочку и стал что-то быстро писать на куске металлической фольги.

Затем он протянул фольгу Бигману.

— Вот что ты должен сделать по моему сигналу.

У Бигмана удивленно расширились глаза.

— Но, Лаки ...

— Тсс! Не обсуждай вслух.

Бигман кивнул.

— Но ты уверен, что ты прав?

— Надеюсь, что да,— на лице Лаки отразилась тревога.— Сейчас, когда Земля уже знает о В-лягушках, они никогда не возьмут верх над людьми, но они все еще могут приносить вред здесь, на Венере. Мы так или иначе должны предотвратить это. Так ты понял, что ты должен сделать?

— Да.

— В таком случае, все.— Лаки сложил фольгу, разгладил ее и спрятал в карман рубашки.

— Так, мы в шлюзе,— послышался голос Эванса.— Через пять минут будем в городе.

— Отлично,— ответил Лаки,— свяжись по радио с Моррисом.

Они находились в штаб-квартире в Афродите, где впервые встретились с В-лягушкой. Бигман содрогнулся при мысли о том, что, когда ментальные щупальца первый раз проникли в его мозг, он даже не заметил это. В комнате было только одно изменение: приземистые столики перед фальшивыми окнами были пусты — ни аквариума, ни сосудов с горохом и машинным маслом. Моррис жестом обратил на это внимание, как только они вошли в комнату. Его полные щеки обвисли, и стали заметны морщины вокруг глаз. Он нерешительно пожал им руки. Бигман осторожно поставил на один из столов сосуд, который принес с собой.

— Желе из нефти,— пояснил он.

Эванс сел. Лаки тоже. Моррис остался стоять.

— Я убрал всех В-лягушек из этого здания: — сказал он.— Но это все, что было в моих силах. Нельзя, не объяснив причину, потребовать, чтобы наши люди расстались со своими любимцами. И совершенно очевидно, что я не могу сообщить им саму причину.

— Этого достаточно,— ответил Лаки.— Однако желательно, чтобы во время этого совещания мы не отрывали глаз от углеводов. Все время думайте о них.

— Вы считаете, что это поможет? — спросил Моррис.

— Полагаю, что да.

Моррис тут же перестал метаться по комнате и остановился перед Лаки. Неожиданно он почти закричал:

— Старр, я не могу в это поверить! В-лягушки уже давно живут в этом городе! Они появились почти сразу же после постройки купола.

— Вы должны помнить ... — начал Лаки.

— Что я нахожусь под их влиянием? — вспыхнул Моррис.— Но это не так! Я это отрицаю.

— В этом нет ничего постыдного,— твердо сказал Лаки.— Эванс несколько дней находился под их контролем. Я и Бигман тоже попадали под их влияние. Можно даже не подозревать, что твой мозг постоянно обыскивается.

— Конечно, это не доказательство, но это вполне возможно, — задумчиво сказал остывший Моррис.— Допускаю, что вы правы. Вопрос в том, что мы сможем сделать. Как нам бороться с ними? Посылать против них людей совершенно бесполезно. Если же мы вызовем флот для бомбардировки Венеры из космоса, то в отместку они заставят людей открыть шлюзы и затопить все города. И мы не сможем никогда перебить В-лягушек. На Венере восемьсот миллионов кубических миль океана, есть где скрыться, к тому же они могут быстро размножаться. Я согласен, что то, что вы сообщили обо всем на Землю, весьма важно, но все это не избавляет нас от многих серьезных проблем.

— Вы правы,— согласился Лаки,— но дело в том, что я не обо всем сообщил на Землю. Я не мог этого сделать до тех пор, пока не был уверен в своей правоте. Я ...

Вспыхнул красный свет интеркома, и Моррис сразу рявкнул в него:

— Что там?

— Лаймон Танер по вашему приказу, сэр,— последовал ответ.

— Одну секунду,— Моррис обернулся к Лаки и спросил, понизив голос: — Вы уверены, что он нам понадобится?

— Вы назначили эту встречу с ним, чтобы выяснить, как обстоят дела с усилением тренситовых перегородок, не так ли?

— Да, но ...

— И Танер тоже жертва. Мне кажется, что это совершенно очевидно. Он единственное, кроме вас, высокопоставленное лицо, о котором это можно сказать наверняка. Я полагаю, что нам следует встретиться с ним.

— Направьте его к нам,— произнес в интерком Моррис.

Когда Танер вошел, на его худом лице застыл вопрос. Тишина в комнате и то, как все, кто был в ней, уставились на него, вызвали бы недоброе предчувствие и у менее чувствительного человека.

— Что случилось? — спросил он, поставив на пол свой компьютер.

Лаки, не торопясь, тщательно обрисовал ситуацию.

Губы Танера приоткрылись.

— Вы считаете, что мой мозг ... — тихо начал он.

— А как еще мог парень у шлюза так хорошо знать, как предохранить себя от вторжения? Он не имел ни нужной подготовки, ни квалификации, но тем не менее сумел превосходно забаррикадироваться с помощью электроники.

— Я никогда не думал об этом. Я никогда не думал об этом,— тихо повторил Танер.— Как я мог не заметить этого ...

— Они хотели, чтобы вы не заметили,— пояснил Лаки.

— Мне очень стыдно.

— О, у вас, Танер, хорошая компания. Я, доктор Моррис, член Совета Эванс, Бигман ...

— Что же нам тогда делать?

— Как раз об этом спрашивал доктор Моррис перед тем, как вы вошли,— сказал Лаки.— Я пригласил вас на это совещание, помимо прочего еще и потому, что нам возможно понадобится ваш компьютер.

— Надеюсь, понадобится! — пылко произнес Танер.— Если бы я только мог сделать хоть что-нибудь, что компенсировало бы ... — и он поднес руку ко лбу, словно опасаясь, что на плечах его не собственная голова, а чужая.— Сейчас мы наедине? — спросил он.

— Нам не угрожает постороннее вмешательство до тех пор, пока мы будем концентрировать свои мысли на этом нефтяном желе,— вмешался Эванс.

— Не понимаю. Почему это должно помочь?

— Поможет,— сказал Лаки.— А почему — некогда объяснять. Сейчас я поведаю всем то, о чем я начал рассказывать, когда появились вы, Танер.

Бигман непринужденным шагом направился к стене и сел на стол, где раньше стоял аквариум. Слушая, он лениво поглядывал в открытую банку, стоявшую на другом столике.

— Уверены ли вы, что угроза действительно исходит от В-лягушек? — спросил Лаки.

— Но ведь это ваша теория,— удивленно ответил Моррис.

— О, я признаю, что именно они предназначены контролировать мозг человека, но они ли являются истинными врагами? Они направляют свои ментальные способности против Земли и оказываются страшными противниками. Однако отдельные В-лягушки кажутся почти что лишенными разума.

— Как так?

— Послушайте, у В-лягушки, которую вы здесь держали, не было никакой необходимости обращать на себя внимание. Однако она во всеуслышание транслировала свое удивление отсутствием у нас усов. Она приказала, чтобы Бигман дал ей горошину, окунув ее предварительно в машинное масло. Что это — разум? Она же сразу выдала себя.

— Возможно, не все лягушки разумны,— пожал плечами Моррис.

— Все гораздо сложнее. Когда мы попали под их ментальный контроль на поверхности океана, мы были совершенно беспомощны. Однако, так как я сохранил определенную способность сопротивляться, то попробовал использовать против них банку с нефтяным желе, и это сработало. Подумайте только, на карту был поставлен успех всей их затеи. Они обязаны были не позволить нам сообщить на Землю об их существовании, и тем не менее они этого не сделали из-за одной банки с нефтью. Они снова почти заполучили нас, когда мы пытались вернуться в Афродиту. Орудие было уже наведено на нас, но одно лишь упоминание о нефти спутало все их карты.

Танер шевельнулся в кресле.

— Теперь я понимаю, что вы имели в виду, говоря о нефти. Все знают, что В-лягушки обожают смазку любого сорта. Они любят ее слишком сильно.

— Слишком сильно для существ, достаточно разумных, чтобы бороться с Землей. Откажетесь ли вы, Танер, от жизненно важной победы ради бифштекса или куска шоколадного торта?

— Я-то, конечно, не откажусь, но где доказательства, что и В-лягушки не откажутся?

— Я согласен — доказательств нет. Мышление В-лягушек чуждо нам, и мы не можем быть уверены, что то, что логично для нас, логично и для них. Однако их увлечение углеводами очень подозрительно. Это заставляет меня сравнивать В-лягушек скорее с собакой, чем с человеком.

— С какой стати? — спросил Моррис.

— Подумайте вот о чем. Собаку можно научить совершать многие кажущиеся разумными поступки. Существо, никогда не видевшее собаку и не слышавшее о ней, увидев, как собака-поводырь ведет слепого, может ошибиться, определяя кто из них разумнее. Но если он пройдет мимо, держа кость с мясом, и заметит, что внимание собаки отвлечено этим, истина станет понятной.

— Вы хотите сказать, что В-лягушка просто оружие каких-то

разумных существ? — выкатив глаза, спросил Танер.

— Разве это не выглядит правдоподобно, Танер? Как недавно упомянул доктор Моррис, В-лягушки уже много лет живут в городе, но только в последние несколько месяцев стали источником различных происшествий. Причем вначале происшествий весьма безобидных, как, например, с человеком, разбрасывающим деньги на улице. Словно какие-то люди изучали, как можно использовать природную способность В-лягушек к телепатии для влияния на мозг человека. Будто они просто практиковались, изучая возможности и недостатки своего оружия, прежде чем перейти к решительным действиям. В конечном счете их интересовали куда более серьезные вещи, чем дрожжевые секреты — вероятно, контроль над Солнечной Федерацией, а возможно, и над всей Галактикой!

— Я не могу в это поверить! — воскликнул Моррис.

— Тогда я изложу вам остальные факты. Когда мы были в океане, мысленный голос, видимо, В-лягушек, беседовал с нами. Он пытался заставить нас дать ему определенные сведения, а затем покончить с собой.

— Ну и что?

— Голос исходил от В-лягушек, но рождался не ими, а человеком.

Эванс вскочил на ноги и с недоверием уставился на Лаки.

Лаки улыбнулся.

— Даже Лу мне не верит, но это так. Голос пользовался непривычными терминами, например, «машины из блестящего металла» вместо корабля. Мы обязаны были думать, что В-лягушки не знакомы с этими понятиями, а голос стимулирует наш мозг, чтобы мы узнавали знакомые нам предметы. Но затем голос сам забывает об этом. Я помню его слова: «Жизнь ваших людей кончится, как залитое пламя. Она погаснет и уже не возгорится».

— Ну и что! — опять спросил Моррис.

— Вы все еще не поняли? Как могли В-лягушки воспользоваться такими понятиями, как «залитое пламя» и «жизнь уже не возгорится». Если голосу незнакомо слово «корабль», то как он может знать, что такое «пламя»?

Все уже все поняли, но Лаки продолжал в ярости.

— Атмосфера Венеры состоит из азота и углекислого газа. В ней нет кислорода. Здесь не может быть пламени. В течение миллиона лет ни одна В-лягушка не могла видеть огонь, и ни одна из них не может знать, что это такое. Даже если допустить, что некоторые из них видели пламя внутри наших городов, они могли разобраться в его природе не больше, чем они разобрались в наших кораблях. Я сразу понял, что принимаемые нами мысли порождались не В-лягушками, а человеком, использующим их как инструмент для проникновения в наш мозг.

— Но как они могли это сделать? — спросил Танер.

— Не знаю,— ответил Лаки,— Но хочу узнать. Бесспорно, что это посильно только гениальному мозгу. Человек с таким мозгом должен иметь обширнейшие познания о принципах работы нервной

системы и сопутствующих им электрических явлениях.— Лаки неприветливо посмотрел на Морриса.— Например, это мог бы сделать человек, который специализируется в биофизике.

Все взгляды обратились на главу Венерианского отделения Совета, от круглого лица которого отхлынула кровь, и побледневшая кожа стала одного цвета с седыми усами.

— Вы пытаетесь ... — пересиливая себя, начал Моррис, но тут же захрипел и замолк.

— Я ничего не утверждаю,— спокойно сказал Лаки.— Я просто размышляю.

Моррис беспомощно озирался вокруг, поворачиваясь от одного к другому, умоляюще ловя взгляды.

— Это сумасшествие, полный идиотизм! — выдохнул он.— Я первый сообщил об этих происшествиях на Венере ... Найдите подлинный экземпляр рапорта Совету. Под ним стоит моя подпись. Зачем бы я обратился в Совет, если бы я ... И мои мотивы? Мои мотивы?

Эванс казался смущенным. По быстрому взгляду, который он бросил в сторону Танера, Бигман догадался, что Эвансу не нравится, что вся эта перепалка между членами Совета происходит при постороннем. Тем не менее Эванс вмешался в разговор.

— Это можно объяснить как попытку дискредитировать меня, доктор Моррис. Я был чужаком и мог наткнуться на правду. Несомненно, я и так уже наполовину разобрался во всем.

Моррис тяжело дышал.

— Я отрицаю, что у меня могла возникнуть подобная мысль. Это просто заговор против меня, и я потребую судебного разбирательства.

— Вы имеете в виду, что потребуете суда Совета, не так ли? — спросил Лаки.— Вы желаете, чтобы ваше дело заслушали на пленуме Центрального Комитета Совета?

Процедура, о которой упомянул Лаки, была установлена для суда над членами Совета, обвиняемыми в особо тяжелых преступлениях против Совета и Солнечной Федерации. За всю историю Совета ни один человек не смог выстоять в подобном процессе. При одном упоминании о нем Моррис потерял голову. Он зарычал, вскочил на ноги и кинулся на Лаки, который, не покидая кресла, ловко перебросил Морриса через себя и одновременно коротким взмахом руки подал сигнал Бигману. Именно этого сигнала и ждал Бигман. Увидев его, он начал действовать согласно инструкции, которую получил на борту «Хильды», когда она проходила шлюз, возвращаясь в город. Ударил выстрел из бластера. И хотя он был малой интенсивности, в воздухе появился характерный запах озона. На мгновение все замерло. Моррис, голова которого уткнулась в перевернувшийся стул, не делал попыток подняться. Бигман с бластером в руках замер, как статуя, словно кто-то заморозил его в момент выстрела. А объект, куда пришелся выстрел, был полностью разрушен, и его осколки разлетелись по полу.

Эванс первым пришел в себя, но смог выдавить только короткое восклицание:

— Космос побери! Что!...

— Что вы сделали? — прошептал Танер.

Моррис все еще тяжело дыша, молчал, уставившись на Бигмана.

— Отличный выстрел, Бигман,— похвалил Лаки, и тот зарделся от удовольствия.

Наконец Танер обрел дар речи.

— Мой компьютер! Идиот! Что ты наделал?

— Только то, Танер, что он должен был сделать,— твердо сказал Лаки.— Сейчас все объясню.

Он подошел к Моррису, помог ему подняться на ноги и сказал:

— Прошу прощения, доктор Моррис, но мне было необходимо что-нибудь предпринять, чтобы отвлечь внимание Танера. Я был вынужден использовать для этой цели вас.

— Так вы не подозреваете меня в ... — пробормотал он.

— Я ни секунды не подозревал вас,— ответил Лаки.

Моррис отшатнулся от него, его глаза загорелись гневом.

— Тогда объясните свое поведение, Старр.

— До этого совещания,— начал Лаки,— я ни разу не осмелился сообщить кому бы то ни было, что за В-лягушками стоит человек. Я не мог даже высказать эту мысль в сообщении, посланном мной на Землю. Мне было совершенно ясно, что, если я это сделаю, то истинный враг окажется в отчаянном положении и начнет действовать. К примеру, попытается затопить один из городов и, шантажируя возможностью повторения этого, захватит власть. Я надеялся, что, если он как можно дольше не будет знать, что я в своих подозрениях пошел дальше В-лягушек, то он, чтобы выиграть время, воздержится от каких-либо действий, или, по крайней мере, попытается убить только меня и моих друзей. На этом же совещании я мог рассказать только суть дела, потому что был уверен, что этот человек будет при этом присутствовать. Тем не менее я не осмелился действовать против него без соответствующей подготовки, так как опасался, что, несмотря на присутствие нефти, он может захватить контроль над нами и приступить к решительным действиям. Первым делом мне было необходимо полностью отвлечь его внимание, чтобы, по крайней мере, на несколько секунд он целиком втянулся в происходящее здесь и не сумел через своих В-лягушек обнаружить эмоции, которые могли случайно вырваться из мозга Бигмана или моего собственного. Я уверен, что в этом здании нет ни одной В-лягушки, но он мог использовать В-лягушек в других частях города, как он сумел использовать их на поверхности океана, в нескольких милях от Афродиты. Чтобы отвлечь его, я и обвинил вас, доктор Моррис. Я не мог предупредить вас заранее, так как хотел, чтобы ваши эмоции были естественными. И вы превосходно сыграли. Ваше нападение на меня — вот все, что мне было необходимо.

Моррис достал из кармана носовой платок и вытер блестящий от пота лоб.

— Это было довольно круто, Лаки, но я думаю, что я понял. Этот человек — Танер?

— Да, он,— ответил Лаки.

Танер стоял на коленях, роясь в разбросанных и оплавленных обломках своего компьютера. Он посмотрел на присутствующих глазами, полными ненависти.

— Вы разрушили мой компьютер.

— Сомневаюсь, что это был компьютер,— ответил Лаки.— Вы были слишком уж неразлучны с ним. Когда мы впервые встретились с вами, он был при вас. Вы заявили, что пользуетесь им, чтобы рассчитать, выдержат ли внутренние перегородки при грозящем затоплении. А на этот раз вы взяли его с собой, вероятно, на случай, если потребуются новые расчеты во время беседы с доктором Моррисом по поводу тех же самых перегородок.

Лаки на секунду замолк, а затем продолжил совершенно спокойным голосом.

— Я пришел побеседовать с вами домой, утром, после угрозы затопления. Я собирался задать вам несколько вопросов, при ответах на которые не требовалось никаких вычислений — и вы знали об этом. Но, однако, вы все время его таскали с собой. Вы не могли заставить себя оставить его в соседней комнате. Он всегда должен был быть с вами, у ваших ног. Почему?

— Это моя собственная конструкция,— с отчаянием в голосе ответил Танер.— Я сам изобрел его и я всегда ношу его с собой.

— Он весит где-то двадцать пять фунтов. Слишком много, даже для пылкой любви. А может, это и было то самое устройство, которое вы использовали для поддержания постоянного контакта с В-лягушками?

— Как вы собираетесь доказать это? — отпарировал Танер.— Вы только что говорили, что я сам являюсь жертвой. Это слышали все присутствующие.

— Да,— сказал Лаки.— Человек, который, несмотря на его неопытность, так хорошо забаррикадировался у шлюза, получил информацию от вас, но была ли эта информация выкрадена из вашего мозга, или вы передали ее сознательно?

— Лаки, позвольте мне спросить его прямо,— вмешался Моррис сердито.— Действительно ли вы, Танер, ответственны за все эти случаи с ментальным контролем, или же нет?

— Конечно, нет! — вскрикнул Танер.— Нельзя делать выводы, основываясь на голословных утверждениях молодого дурня, который может обвинить кого угодно только потому, что является членом Совета!

— Скажите, Танер,— спросил Лаки,— вы помните ту ночь, когда парень сидел у шлюза, держа руку на рычаге? Вы хорошо ее помните?

— Довольно хорошо.

— Помните, как вы подошли ко мне и начали убеждать, что, если шлюз откроется, то внутренние перегородки не выдержат и вся Афродита будет затоплена. Вы были очень напуганы. Чуть ли не в панике.

— Правильно. Я был очень напуган. Я и сейчас боюсь. Есть от чего запаниковать.— И он добавил, презрительно скривив губы:

— Разве только вы, Лаки Старр,— храбрец.

Лаки не обратил внимания на эту реплику.

— Не для того ли вы подошли ко мне с этой информацией, чтобы еще усилить наше замешательство и быть уверенным, что мы будем дезорганизованы достаточно долго, чтобы вы успели выставить Эванса из города, зная, что в океане он будет убит? Эвансом трудно было управлять, и он слишком много узнал о В-лягушках. Вы пытались также запугать меня и заставить убраться с Венеры.

— Все это просто смешно,— сказал Танер.— Внутренние барьеры действительно недостаточно прочны. Спросите у Морриса. Он уже видел мои расчеты.

Моррис неохотно кивнул.

— Думаю, в этом Танер совершенно прав.

— Это не имеет значения,— ответил Лаки.— Учтем это в будущем. Это по-настоящему опасно, и Танер имел все основания для паники ... Вы женаты, Танер?

Танер с тревогой взглянул на Лаки и снова отвел взгляд.

— А что?

— Ваша жена красива и значительно моложе вас. Вы женаты меньше года.

— Что вы пытаетесь этим сказать?

— То, что вы, вероятно, сильно любите ее. Сразу после свадьбы вы, чтобы доставить ей удовольствие, переехали в дорогостоящую квартиру, несмотря на то, что вам не нравится это. Вы, несомненно, не стали бы пренебрегать ее безопасностью.

— Не понимаю, о чем вы говорите?

— Думаю, что вы поняли. При встрече с вашей женой она пожаловалась мне, что проспала все события ужасной ночи. Мне показалось, она была очень расстроена этим. Она также похвасталась мне, в каком превосходном доме она живет. Она сказала, что он оборудован даже «убежищем». К сожалению, в то время это слово ничего не значило для меня, иначе я бы все понял. И только позже Эванс случайно упомянул это слово и разъяснил мне, что это такое. «Убежище» — чисто венерианский термин для обозначения специальных укрытий, способных выдержать всю мощь океана Венеры в случае, если купол города будет разрушен землетрясением. Теперь понятно, о чем я толкую?

Танер безмолствовал.

— Если вы той ночью так боялись катастрофы,— продолжал Лаки,— почему же не подумали о своей жене? Вы говорили о спасении людей, о бегстве из города. Но вы даже не подумали о безопасности жены. В подвале дома есть убежище. Две минуты и она была бы в полной безопасности. Вам следовало только связаться с ней и предупредить. Но вы не сделали этого. Вы позволили ей спать.

Танер пробормотал что-то невразумительное.

— Не говорите, что вы забыли,— сказал Лаки.— Это совершенно невероятно. Вы могли бы забыть о чем угодно, но только не о безопасности своей молодой жены. Позвольте мне предположить

другое объяснение этого факта. Вы не беспокоились о своей жене, потому что знали, что никакая опасность ей не угрожает. А о том, что реальной опасности нет, вы знали, так как были уверены, что шлюз никогда не будет открыт. А уверены в этом вы были потому, что сами осуществляли ментальный контроль за сидевшим у рычага парнем. Вы так сильно любите свою жену, что невольно выдали себя. Вы не смогли заставить себя потревожить ее сон только для того, чтобы сделать ваши фальшивые действия более правдоподобными.

— Без адвоката я не скажу больше ни слова,— внезапно прервал его Танер.— То, о чем вы говорите,— это не доказательство.

— Тем не менее этого достаточно для начала следствия Совета,— ответил Лаки.— Доктор Моррис, можете ли вы арестовать его и подготовить к отправке под стражей на Землю? Мы с Бигманом полетим вместе с ним. Я прослежу, чтобы он полетел без происшествий.

Когда они вернулись в гостиницу, Бигман озабоченно обратился к Лаки.

— Марс побери, Лаки, я не вижу, как мы сможем доказать виновность Танера. Твои рассуждения очень убедительны, но это не настоящие доказательства.

Лаки, только что съевший горячий обед из дрожжей, впервые с того момента, как они с Бигманом пробили окружающий Венеру слой облаков, мог позволить себе немного расслабиться.

— Я не думаю, чтобы Совет был сильно заинтересован в осуждении или казни Танера,— ответил он.

— Лаки?! Почему же? Эта сволочь ...

— Я знаю. Он совершил несколько убийств. У него, несомненно, были замыслы стать диктатором, так что он еще и предатель. Но важнее всего то, что он проделал гениальную работу.

— Ты говоришь о машине?

— Конечно. Мы разрушили, по-видимому, единственный экземпляр, но мы заставим его построить другой. Есть множество вопросов, которые нам хотелось бы задать ему и получить на них ответ. Как Танер управлял В-лягушками? Детально ли он инструктировал их, когда решил убить Эванса, разъясняя им каждый шаг, приказав притащить гигантское пятно? Или же он просто приказал им «убейте Эванса» и позволил, словно дрессированным псам, выполнить это приказание так, как они найдут нужным? Кроме того, представляешь, сколько пользы принесет подобный прибор? Он может дать новые методы борьбы с психическими заболеваниями и преступными побуждениями. Возможно даже, что с помощью этого прибора в будущем удастся предотвратить войны, а если война все же будет нам навязана, одержать быструю и бескровную победу. Насколько этот прибор опасен в руках какого-нибудь властолюбца, настолько же он может оказаться полезным в руках Совета.

— Ты считаешь, Совет может его убедить построить еще один такой прибор? — спросил Бигман.

— Полагаю, что да. Причем, приняв соответствующие меры предосторожности. Если мы предложим ему выбор между проще-

нием и реабилитацией с одной стороны и тюремным заключением и невозможностью когда-нибудь снова увидеть свою жену с другой, то, думаю, он согласится нам помочь. И первое, что мы сделаем с этой машиной — это изучим мозг самого Танера, чтобы вылечить его от гипертрофированного властолюбия и сохранить для службы человечеству этот первоклассный мозг.

На следующий день им предстояло покинуть Венеру и снова направиться к Земле. Лаки с грустью думал о голубом небе родной планеты, настоящей еде и безграничном горизонте Земли.

— Запомни, Бигман,— сказал он,— легко «защитить общество», казнив преступника, но это не вернет его жертв. Однако гораздо полезнее вместо казни суметь его использовать для того, чтобы сделать жизнь общества лучше и счастливее!

ЛАКИ СТАРР И БОЛЬШОЕ СОЛНЦЕ МЕРКУРИЯ

Лаки Старр и его маленький друг Джон Бигман Джонс в сопровождении молодого инженера направлялись вверх по трапу к шлюзу, ведущему на поверхность Меркурия.

— События складываются — один к одному,— подумал Лаки.

Первым делом он решил осмотреть свой корабль «Метеор», благополучно припаркованный в подпочвенный ангар. В ангаре Лаки встретил только механиков, которые убирали красную посадочную полосу и осматривали корабль. Инженер Скотт Майндз, ответственный за проект «Свет», казалось, специально поджидал Лаки. Почти сразу же он предложил совершить экскурсию на поверхность.

— Сначала давайте ознакомимся с достопримечательностями,— предложил Скотт.

Разумеется, Лаки ему не доверял. На заострённом к подбородку лице инженера застыла тревога, губы при разговоре подергивались, а глаза ускользали в сторону от холодного, спокойного взгляда Лаки. И все же Лаки согласился осмотреть поверхность планеты. Все его сведения о Меркурии сводились к тому, что на этой планете надо ждать сюрпризов, которые могут остаться загадкой даже для Совета науки. Однако он принял предложение Майндза, хотя бы для того, чтобы узнать, какие неожиданности ждут их на первой прогулке. А Бигман был всегда готов сопровождать Лаки, куда угодно и в любое время. По любому поводу и даже без повода. Когда все трое натягивали скафандры, брови Бигмана поднялись вверх. Глянув на Лаки, он незаметно кивнул на кобуру, прилаженную к скафандру Майндза. Лаки хладнокровно кивнул в ответ. Он тоже заметил, что из кобуры высовывалась рукоятка крупнокалиберного бластера. Молодой инженер вышел на поверхность планеты первым. За ним — Лаки Старр, за которым следовал Бигман. Какое-то время они шли в полной темноте. Только звезды ярко сияли, холодные и жестокие, в ледяной пустыне. Бигман пришел в себя первым. Здесь, на Меркурии, гравитация была почти такая же, как на его родном Марсе. Но марсианские ночи были темнее, звезды в небе сверкали не так ярко. Его высокий голос прозвучал в динамике попутчиков:

— Лаки! Почему так светло? Как ты думаешь, в чем тут дело?

Лаки и сам был удивлен. Наверняка, звездный свет не мог быть таким ярким. Лаки встречал нечто подобное на Луне, в период двухнедельной лунной ночи. Там тоже был совершенно пустынный ландшафт, твердый, каменистый. Миллионы лет на Луне и Меркурии все оставалось без изменения. Не веяли ветры, не шли дожди, которые на земле сглаживают поверхность планеты. И даже невозможные в земных условиях ужасающие морозы ничего не могли поделать с этими вечными скалами на необитаемом пространстве. Пожалуй, так же морозно было и на луне, объятой ночною тьмой. Но там, над половиной лунного шара висел шар Земли. Когда было полноземие, ее свет был в шестнадцать раз ярче света Луны, падающего на Землю во время полнолуния. Здесь, на Меркурии, в Обсерватории Солнца на Северном полюсе, не было планет, спутников, чтобы объяснить происхождение этого света.

— Неужели все это от звезд? — наконец спросил он, хотя прекрасно знал, что звезды не могут гореть так ярко.

— Это отблеск короны,— ответил Скотт.

— Великая Галактика! — воскликнул Лаки.— Корона! Конечно же! Я должен был это знать!

— Знать, что? — спросил Бигман.— Эй, Скотт, продолжай!

— Повернись, ты стоишь спиной к источнику света,— ответил Скотт.

Все повернулись. Лаки тихо присвистнул. Бигман вскрикнул от удивления. Скотт промолчал. Очертания горизонта резко выделялись на фоне жемчужного небосвода. Каждый излом горных отрогов с острыми краями был необычайно ярко выделен, небо заливало постепенно ослабевающее к зениту зарево.

— Это корона, м-р Джонс,— сказал Майндз.

Даже удивляясь, Бигман не забывал о правилах приличия. Панибратства он не переносил.

— Зови меня Бигман,— проворчал он, а затем добавил, обращаясь к Лаки.— он имеет в виду корону вокруг Солнца? Я не думал, что она так велика.

— Расстояние до нее миллион миль, может быть, чуть больше,— заметил Майндз, вы ведь на Меркурии, планете, ближайшей к Солнцу. Если считать в среднем, то мы сейчас отстоим от него только на тридцать миллионов миль. Вы с Марса, не так ли? — обратился он к Бигману.

— Рожден и вскормлен там.

— Хорошо, если б нам удалось увидеть Солнце, оно отсюда кажется в шестьдесят, если точно, в шестьдесят шесть раз больше, чем мы бы увидели его с Марса, а если так, то и корона вокруг него должна быть в шестьдесят шесть раз ярче. С земли же Солнце должно казаться в девять раз больше. А корона с Земли не видна вообще, за исключением того короткого времени, когда наступает солнечное затмение.

— Все правильно, Майндз,— кивнул Лаки.

Да, на Меркурии были достопримечательности, их стоило посмотреть. Лаки пытался представить себе всю корону, вообразить Солнце, которое она окружает, и которое сейчас находится за го-

ризонтом. Это должно быть величественное зрелище. Майндз продолжал:

— Этот свет прозвали «белым призраком солнца».

— Мне нравится,— заметил Лаки.— Довольно удачное выражение.

— Довольно удачное? — рассердился Майндз.— Я так и думал. На этой планете слишком много разговаривают о призраках. Но удачи они не приносят. Я не знаю ни одного человека, которому бы здесь улыбнулось счастье. Рудники не оправдывают себя...— его голос ослаб.

Покипятится и остынет, подумал Лаки.

— Тем не менее прогулку прерывать не будем. Только не забывайте о местной гравитации, внимательно смотрите под ноги. Здесь нет асфальтовых мостовых, а мерцание короны обманчиво. Я советую включить фонари на ваших шлемах.

Говоря это, он включил свой фонарь, и луч света вырвался из фонаря, расположенного над лицевым стеклом. Вспыхнули еще два фонаря, и три фигуры двинулись вперед. Они ступали совершенно бесшумно, так как находились в вакууме, но чувствовали внутри скафандра слабую вибрацию, возникающую в воздухе при каждом шаге. Майндз был напряжен и задумчив. Он возбужденно сказал:

— Я ненавижу Меркурий. Я здесь уже шесть месяцев. Это два меркурианских года, и я уже смертельно устал. Никогда не думал, что пробуду здесь шесть месяцев. И когда только закончится моя каторга, где меня окружает одно зло. Это маленькая, самая близкая к солнцу планета. Только одна ее сторона обращена к светилу. Там,— его рука качнулась в направлении мерцающей короны,— солнечная сторона и так жарко, что плавится свинец, кипит сера. В другом направлении,— он снова взмахнул рукой,— единственная в солнечной системе твердь планеты, которая никогда не бывает освещена солнцем.

Он замолчал, перепрыгнул через расщелину футов шесть в ширину, которую, видимо, навечно оставило землетрясение, вернее меркуротрясение древних эпох. На этой планете ничего не изменяется тысячелетиями, так как нет дождей и ветра. Прыжок получился неуклюжим, вернее обычным для землянина в условиях Меркурия, где трудно соразмерить силу толчка с тяготением планеты. Бигман неодобрительно щелкнул языком. Он и Лаки потратили на прыжок немного больше усилий, чем на обычный шаг.

Через четверть мили Майндз внезапно сказал:

— Сейчас мы увидим еще одно чудо.

Он остановился, качнулся вперед и расставил руки для равновесия. Бигман и Лаки последовали его примеру. Фонарь Майндза погас, и он поднял руку. Лаки и Бигман выключили свои фонари и в темноте увидели маленькое, неправильной формы, белое пятнышко. Оно сияло. Этот свет был сильнее, чем тот, который Лаки видел когда-либо на Земле.

— Здесь наилучший угол для наблюдения,— сказал Майндз,— это вершина Черно-Белой горы.

— Так она называется? — поинтересовался Бигман.

— Да. Вы теперь сами понимаете, почему она называется именно так? Гора находится на ночной стороне на достаточно большом расстоянии от терминатора — границы между Солнечной и Ночной сторонами.

— Это я понял,— рассердился Бигман.— Ты думаешь, что я совсем невежа?

— Я только объясняю. Вокруг Северного полюса есть небольшое пятно, а другое вокруг Южного полюса, и там, когда Меркурий огибает Солнце, терминатор немного перемещается. Ниже, на экваторе, терминатор перемещается на семьсот миль в одном направлении за сорок четыре дня, а затем возвращается на свое место за следующие сорок четыре дня. Здесь он передвигается на полмили или около этого, поэтому это место очень удобно для обсерватории. Солнце и звезды здесь неподвижны. Так или иначе, Черно-Белая гора и ее верхняя половина освещается лучше другой территории. Затем, когда Солнце уползает прочь, свет движется вверх по склонам горы.

— И сейчас,— вставил Лаки,— освещается только самая ее верхушка.

— Только вершина, фут или два, но скоро и этого не будет. Она потемнеет за один или два земных дня, а затем свет возвратится вновь.

Даже за то время, пока он говорил, белое пятно сократилось до точки, которая горела, как яркая звезда. Трое мужчин ждали.

— Посмотрите в сторону,— посоветовал Майндз.— Чтобы ваши глаза привыкли к темноте.

После нескольких долгих минут он сказал:

— Все в порядке, смотрите снова.

Лаки и Бигман последовали его совету и некоторое время не могли ничего различить вокруг. А затем весь ландшафт словно окрасился кровью. Глаза воспринимали только красный свет. В этом свете можно было рассмотреть, как массивная гора, багровея, сужается в остроконечный пик. Сейчас пик стал ярко-красным: но краснота темнела и растворялась по мере того, как глаза опускались вниз к подножию, пока все не покрыл мрак.

— Что это? — спросил Бигман.

— Снова солнце,— ответил Майндз.— Спряталось настолько, что, если смотреть с пика горы, видны только корона и протуберанцы. Протуберанцы — это струи водорода, которые поднимаются над поверхностью Солнца на тысячи миль. Цвет у них ярко-красный. Они светятся все время, но их свет темен в обычных лучах Солнца.

Лаки снова кивнул. Протуберанцы разливались по небу сиянием. Такое можно увидеть и на земле во время полного солнечного затмения или при особом состоянии атмосферы с помощью специальных приборов.

— Вот почему это место,— добавил Майндз,— прозвали «красным призраком солнца».

— Есть два призрака,— неожиданно проговорил Лаки,— белый и красный. Вы носите с собой бластер из-за призраков, м-р Майндз?

— Этот?! — воскликнул Майндз, а затем раздраженно добавил.— О чем вы говорите?

— Я говорю,— сказал Лаки,— что настало время рассказать, зачем на самом деле вы завлекли нас сюда? Надеюсь, не только затем, чтобы показать нам эти чудеса. Я уверен, что иначе вы не стали бы носить бластер на этой пустынной необитаемой планете.

Пока Майндз собирался с мыслями, прошло некоторое время, а затем он сказал:

— Вы Дэвид Старр, не так ли?

— Верно,— спокойно ответил Лаки.

— Вы член Совета Науки. Вы человек, которого называют Лаки Старр — Счастливчик Старр.

Лаки повторил:

— Верно.

— Тогда я не ошибся. Вы один из их специальных исследователей, и вы здесь, чтобы расследовать историю, происшедшую с проектом «Свет».

Губы Лаки сжались, стали тоньше. Майндз хотел знать слишком много. Лаки сказал:

— Может, правда, а может, и нет. Зачем ты привел нас сюда?

— Да, я нарочно увел вас сюда,— размахивая руками, начал Майндз,—чтобы рассказать вам правду, прежде чем другие смогут наполнить ваши уши ложью.

— О чем рассказать?

— Об авариях, которые нас все время преследуют,— я ненавижу слово «авария».

— Но ты мог рассказать мне все, что ты хочешь, там, под куполом. Зачем вести сюда?

— По двум причинам,— сказал Майндз. Его дыхание стало быстрым и прерывистым.— Во-первых, все они думают, что это моя вина. Они считают, что я не могу спасти Проект, что я транжирю отпущенные мне деньги. Я хотел вас увести от них. Я хотел сделать так, чтобы ты выслушал меня первым...

— Почему они обвиняют именно тебя?

— Они твердят, что я слишком молод для большого дела.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать два года.

Лаки Старр, который был ненамного старше его, сказал:

— А вторая причина?

— Я хотел, чтобы ты почувствовал Меркурий. Я хотел, чтобы ты впитал это все... — он замолчал.

Фигура Лаки возвышалась над каменистой поверхностью Меркурия. Металлический скафандр отражал молочный блеск короны — «белый призрак Солнца».

— Хорошо, Майндз,— сказал Лаки,— я допускаю, что ты не несешь ответственности за неполадки в проекте. Тогда кто же?

Голос инженера сначала походил на неразборчивое бормотание. Постепенно оно складывалось в слова:

— Я не знаю. В конце концов...

— Я не понимаю тебя.

— Послушай! — с отчаянием сказал Майндз.— Я расследовал это все. Я не спал сутками, пытаясь определить, кто виноват. Я следил за каждым. Я замечал время, когда происходили аварии, когда возникали замыкания в кабелях и когда светоприемники были разбиты вдребезги... И в одном я уверен.

— В чём?

— Что никто из живущих под куполом не может быть виноватым. Никто. Под куполом всего около пятидесяти человек. Пятьдесят два, если быть точным. По крайней мере, шесть последних аварий произошли, когда все были на месте, я могу ручаться за каждого. Никто не был поблизости от места происшествия.

— Тогда что же является причиной этих неудач? Меркурианские землетрясения? Солнечная активность? — спросил Лаки.

— Призраки! — почти крикнул инженер.— Есть белый призрак и красный призрак. Ты видел их. Но есть еще двуногие призраки. Я видел их, но кто мне поверит? — почти бессвязно бормотал он.— Я расскажу тебе...

— Призраки! Ты спятил? — сказал Бигман.

— Вы все еще мне не верите? — закричал Майндз.— Я уничтожу дураков, которые не хотят мне верить! Я уничтожу каждого из вас!

Неестественно захохотав, он вытащил бластер и с бешеной скоростью, прежде чем Бигман успел схватить его за руку, наставил дуло на Лаки и нажал курок... Невидимый снаряд вырвался наружу.

Сумасшедший или фанат? Если бы Майндз выстрелил на земле, Лаки был бы уже мертвым. Лаки никак не ожидал такого развития событий, хотя Майндз сразу же насторожил его. Он понимал, что этот парень может выкинуть фокус. Но стрелять без видимого на то повода? Реакция явно была неадекватной. Когда рука Майндза устремилась к кобуре, Лаки отпрянул в сторону, на Земле такого стремительного прыжка не получилось бы. Но здесь, на Меркурии, все получалось иначе. Тяготение планеты здесь гораздо ниже земного. Малейший толчок и тело даже в скафандре летит на невероятное расстояние. Лаки скорее не отпрыгнул, а отлетел в сторону, а Майндз, не рассчитавший меркурианскую гравитацию, повернулся чересчур резко для того, чтобы попасть. Он промахнулся.

Заряд бластера ударил в каменистую почву в дюйме от опустившегося на грунт Лаки, выдолбив в холодной скале отверстие в фут глубиной. Прежде чем Майндз смог прицелиться снова, Бигман ударил его ногой по руке с естественной марсианской грацией, и расчёт его был точен, потому что он привык к почти такому же тяготению на своей родной планете. Майндз свалился. Он бессвязно ругался. Потом замолк. Видимо, потерял сознание.

— Он притворяется,— закричал Бигман.— Грязный тип! Кончай притворяться мертвым.— Он поднял бластер, валявшийся у ног инженера, и приставил его к голове Майндза.

— Ладно, брось, Бигман,—успокоил друга Лаки.

— Но он пытался убить тебя, Лаки.

Было ясно, что маленький марсианин не стал бы так сердиться, если бы убить попытались его. Лаки наклонился над не-

нормальным инженером, разглядывая бледное лицо Майндза. Он посмотрел на манометр скафандра, удостоверившись, что Майндз при падении не повредил его соединений. Затем, ухватив инженера за кисть и лодыжку, вскинул его на плечи и поднялся на ноги.

— Назад, к куполу,— сказал он,— я боюсь идти напрямик к загадке, которая намного таинственнее, чем думает шеф.

Бигман хмыкнул и последовал за широко шагающим Лаки. Он почти бежал за ним, легко отталкиваясь от поверхности, и держал бластер наготове, чтобы в случае нужды поразить Майндза, не задев Лаки.

«Шефом» был Гектор Конвей, глава Совета Наукй. Среди своих Лаки звал его дядя Гектор, с тех пор, как Гектор Конвей и Августас Генри стали опекунами юного Лаки после смерти его родителей, убитых пиратами на орбите Венеры. Неделей раньше, как будто предоставляя Лаки отпуск, Конвей небрежно сказал ему:

— Как ты смотришь на возможность полета на Меркурий, Лаки?

— Что случилось, дядя Гектор? — спросил тот.

— Ровным счетом ничего,— ответил Конвей.— Всего лишь немного политики. Мы поддерживаем довольно дорогой проект на Меркурии. Результаты его могут совершить революцию в науке.

— Я что-нибудь знаю об этом? — спросил Лаки.

— Скорее всего, нет. Это нечто совершенно новое. Как бы то ни было, но сенатор Свенсон считает, что Совет разбазаривает деньги налогоплательщиков. Ты же его знаешь. Он настаивает на расследовании и несколько месяцев назад один из его парней вылетел на Меркурий.

— Сенатор Свенсон? — кивнул Лаки.— Понимаю.

Для него все это не было новостью. Вот уже добрых десять лет Совет науки был во главе борьбы с силами, угрожающими Земле внутри и вне Солнечной системы. В расцвет галактической цивилизации, когда люди расселились на планетах всех ближайших звезд Млечного Пути, только ученые могли должным образом справиться с проблемами человечества. Но в правительстве Земли все еще были люди, которые боялись растущей мощи Совета Науки. Были и такие, которые использовали недоброе отношение правительства к людям науки в своих корыстных целях. Сенатор Свенсон занимал в этой группе ведущее место. Его нападки, направленные против «расточительства» Совета, делали его популярным.

— Кто отвечает за проект на Меркурии? — спросил Лаки.— Я кого-нибудь из них знаю?

— Он, кстати, называется «Проект Свет» и ответственность за него несет инженер Скотт Майндз. Смышленый парень, но он не тот человек, которому можно доверить большое дело. Главная сложность состоит в том, что когда Свенсон поднял эту шумиху, все дела с проектом действительно пошли насмарку.

— Я разберусь с этим, если ты хочешь, дядя Гектор.

— Хорошо. Только вот что. Аварии и замыкания — это не глав-

ное. Я в этом уверен. Но не хочется, чтобы Свенсон оказался прав. Я чувствую, что он там затевает что-то серьезное. И остерегайся человека, которого зовут Уртейл. У него репутация авантюриста.

Вот так все это началось. Только небольшое расследование, чтобы предупредить осложнения в политике. И ничего больше. Лаки высадился на Северном полюсе Меркурия, не ожидая ничего особенного, и через два часа оказался перед дулом бластера. Пробираясь назад к куполу с Майндзом на плечах, Лаки думал: «Нет, здесь, конечно, скрыто нечто большее, чем немного политики».

Доктор Карл Гардома вышел из небольшой палатки и столкнулся с Лаки и Бигманом. Он вытер руки о пуховую прокладку, которую после этого бросил в мусоросборник. Смуглое, почти коричневое его лицо с низко опущенными бровями выглядело озабоченным. Даже его черные волосы, подстриженные так коротко, что они стояли жестким густым ежиком, казалось, подчеркивали его озабоченный вид.

— Я усыпил его,— сказал он.— Проснувшись, он будет в полном порядке. Не знаю, четко ли вспомнит он все, что с ним произошло.

— Были ли у него раньше подобные припадки?

— С тех пор, как он прибыл на Меркурий — нет, м-р Старр. Я не знаю, как до этого, но последние месяцы он находился в страшном напряжении.

— Почему?

— Он считает себя ответственным за аварии, которые препятствуют успеху проекта «Свет».

— А он несет ответственность за это?

— Нет, конечно, нет. Вы видите, как он нервничает. Он уверен, что его обвинят. Проект «Свет» жизненно важен. В него вложена уйма денег и усилий. Майндз отвечает за десять сборщиков и оборудование. Вот и всё.

— Почему получилось так, что назначили такого молодого инженера?

Доктор мрачно улыбнулся. Его белые ровные зубы делали его привлекательным. Они как бы освещали лицо.

— Подпространственная оптика, м-р Старр,— сказал он,— совершенно новая ветвь в науке. Только молодой, недавно закончивший обучение специалист разбирается в ней.

— Вы говорите об этом так, будто разбираетесь во всех тонкостях дела.

— Это Майндз растолковал мне. Мы прибыли на Меркурий на одном корабле, вы знаете, он очаровал меня, всецело покорил тем, какие надежды возлагал на проект. Кстати, вам известно в чём его суть?

— Нет.

— Так вот. Это касается гиперпространства той части Вселенной, которая лежит за границами обычного космоса, хорошо знакомого нам. Законы природы, относящиеся к обычному космосу, в гиперпространстве неприемлемы. Например, в обычном пространстве невозможно двигаться со скоростью выше световой, так что дос-

тичь ближайшей звезды мы сможем, самое меньшее, через четыре года А при переходе через гиперпространство возможна любая скорость.... — доктор прервал свою речь с неожиданной виноватой улыбкой.— Я уверен, что вы все это знаете.

— Я полагаю, большинство людей знает, что открытие полета через гиперпространство сделало возможным путешествия к звездам,— ответил Лаки.— Но все-таки, что касается проекта «Свет»...

— Итак,— сказал доктор Гардома.— В обычном космосе, в вакууме луч света распространяется по прямой линии. Отклонен он может быть только мощным полем гравитации. С другой стороны, в гиперпространстве он искривляется более легко, почти как хлопковая нить. Он может быть сфокусирован, рассеян, развернут в противоположном направлении.Так утверждает теория гиперпространства.

— И Скотт Майндз, я полагаю, находится здесь, чтобы проверить эту теорию?

— Да, это так.

— Почему же именно здесь? — спросил Лаки.— Я имею в виду, на Меркурии?

— Потому что в Солнечной Системе нет другой планеты с поверхностью, где была бы такая концентрация солнечной энергии на столь большой площади. Эффект, которого ожидал Майндз, мог быть достигнут наиболее легко именно здесь. На Земле проект «Свет» обошелся бы в сто раз дороже, и результаты были бы в сто раз неопределеннее. Так Майндз объяснил мне это.

— Но у вас все время что-то ломается,— сказал Лаки.

— Поломки не происходят сами по себе, м-р Старр. Они должны прекратиться. Знаете ли вы, что будет означать успех проекта «Свет»? — он встал.— Земля больше не будет рабой Солнца. Космические станции, окружающие Землю, смогут задерживать солнечный свет, посылать его через гиперпространство и равномерно рассеивать его над всей Землей. Жар пустынь и полярный холод исчезнут. Времена года будут изменяться по нашему желанию. Мы сможем управлять погодой, контролируя распределение солнечных лучей. Мы сможем продлевать световой день. Земля превратится в декоративный сад с кондиционированным воздухом.

— Чтоб осуществить все это, мне кажется, потребуются века.

— Да, сразу всего не сделаешь, но это только начало.. Простите, может быть, мой вопрос некстати, но не вы ли тот самый Дэвид Старр, который раскрыл причину пищевых отравлений на Марсе?

— Почему вы так решили? — в голосе Лаки прозвучало раздражение, брови его чуть сдвинулись.

— Я, кроме всего прочего, еще и врач. Сперва отравления казались признаком эпидемии, и в свое время я сильно заинтересовался всем этим. Там циркулировали слухи о молодом члене Совета, который играл главную роль в раскрытии тайны, но имена были изменены.

— Я думаю, мы пока отложим марсианские дела,— проговорил Лаки. Он не любил, когда его дела становились достоянием глас-

ности. Сперва Майндз, а затем Гардома.

— Но если вы тот самый Старр, то вы, видимо, здесь затем, чтобы прекратить так называемые «поломки»,— продолжил доктор.

Казалось, Лаки не слышал его. Он спросил:

— Так когда я смогу поговорить с Майндзом, доктор?

— По крайней мере, не сегодня,— ответил тот.

— А он вообще придет в себя?

— Я уверен в этом.

Его прервал незнакомый гортанный голос:

— Как можно быть уверенным, Гардома? Ведь ты хорошо знаешь, что наш мальчик был сумасшедшим?

Доктор Гардома откликнулся на голос, не стараясь скрыть своё недовольство.

— Что вы здесь делаете, Уртейл?

— Держу глаза и уши открытыми, так как я полагаю, что ты делаешь все, чтобы я держал их закрытыми,— ответил вновь вошедший.

Лаки и Бигман с любопытством уставились на него. Это был крупный мужчина. Невысокий, но широкоплечий, с сильно развитой мускулатурой. Его щеки голубели от небритой щетины, и держался он с довольно неприятной самоуверенностью.

— Меня не беспокоит, что вы будете делать со своими глазами и ушами, только меня в эти дела не вмешивайте,— произнес доктор.

— Почему же не вмешивать? Ты доктор. Пациенты имеют право заходить сюда. Может быть, я заболел. Скажите-ка мне лучше насчет этих двух? Чем они болеют? Я полагаю, гормональная недостаточность,— глаза его при этом остановились на Бигмане.

Наступила напряженная пауза, во время которой Бигман стал смертельно бледным, а затем, казалось, распух. Он медленно поднялся со своего места. Глаза его округлились и горели, губы двигались, как бы произнося слова «гормональная недостаточность», словно он пытался убедиться в том, что действительно слышал эти слова, что это не иллюзия. Затем, со скоростью удара кобры пять футов два дюйма упругих мускулов Бигмана обрушились на самодовольно усмехающегося Уртейла. Но Лаки был быстрее. Его руки метнулись вниз и крепко схватили Бигмана.

— Полегче, Бигман.

Маленький марсианин отчаянно отбивался.

— Ты слышал, что он сказал, Лаки? Ты слышал?

— Не сейчас, Бигман.

Уртейл разразился лающим смехом.

— Отпусти его, приятель. Я размажу мальчишку по полу одним пальцем.

Бигман стонал и корчился в объятиях Лаки.

— Я молчу, Уртейл,— проговорил Лаки.— Но ты можешь попасть в такую заваруху, откуда тебя не сможет вытащить твой друг сенатор.

Его взгляд стал ледяным и суровым, а в голосе звучали стальные нотки. Взгляды Уртейла и Лаки на мгновение встретились: затем Уртейл отвел глаза, пробормотав, что он пошутил. Тяжелое ды-

хание Бигмана понемногу восстанавливалось, и Лаки тоже отошел, но успокоиться они не могли. Доктор Гардома, с напряжением следивший за этой сценой, спросил:

— Вы знаете Уртейла, м-р Старр?

— Понаслышке. Джонатан Уртейл — выездной инспектор сенатора Свенсона.

— Да, это он,— заметил доктор.

— И я тебя знаю, Дэвид Старр, Счастливчик Старр, как называют тебя,— ответил Уртейл.— Ты — восходящая звезда Совета Науки, работающая по выездам. Отравление на Марсе, пираты Астероидов, венерианская телепатия. Я правильно огласил список?

— Предположим,— ответил Лаки.

Уртейл победоносно усмехнулся.

— Нет ничего в Совете Науки такого, о чем бы не знало учреждение сенатора. И не происходит событий, о которых не знаю я. Например, мне известно о покушении на тебя и, если хочешь знать, поэтому я здесь. Я хочу сделать тебе небольшое предупреждение. Совсем маленькое. Я полагаю, что доктор рассказал тебе, какой Майндз хороший парень. Это всего лишь кратковременная вспышка недомогания от громадного перенапряжения. Я считаю, что они большие друзья, Майндз и доктор Гардома.

— Я только сказал... — начал доктор.

— Дай сказать мне,— прервал его Уртейл.— Дай сказать это мне. Скотт Майндз безопасен примерно так же, как астероид массой тонны в две, держащий курс на космический корабль. Он не был в состоянии помешательства, когда нацелил на тебя бластер. Он знал, что делает. Он хладнокровно пытался убить тебя, Старр, и если ты будешь неосмотрителен, то в следующий раз он будет удачливее. Кроме того, ты рискуешь своим маленьким другом-марсианином, если он снова попытается помочь тебе.

Последовавшее за этим молчание было неприятным для всех, кроме Уртейла. Затем Лаки произнес:

— Ну а ты как думаешь, зачем он поступил так?

— Тут все яснее ясного — он боится,— спокойно ответил Уртейл.— Он не в ладах с миллионами, вложенными в это дело, суммой, которая была дана ему расточительным Советом Науки, а он не может применить свои эксперименты на деле. В результате своей некомпетентности он совершает грубые ошибки. В конце концов он улетит обратно на Землю и расплачется, будет рассказывать там легенды о Меркурии, приносящем несчастья. Затем он добудет у Совета, вернее, у налогоплательщиков, еще денег на какой-нибудь дурацкий проект. Сейчас ты прилетел для расследования на Меркурий, и он боится, что Совет, в ущерб себе, может узнать часть правды. Ты привезешь им ее отсюда.

— А это именно та правда, которую ты уже знаешь? — спросил Лаки.

— Да, я надеюсь доказать это.

— Но тогда и ты представляешь для него опасность. Если правильны твои рассуждения, именно тебя он попытается убить.

Уртейл улыбнулся, и его небритые щеки расширились до таких

размеров, что его физиономия стала больше в ширину, чем в длину.

— Он пытался убить и меня,— заявил он.— Но я, работая на сенатора, прошел через суровые испытания. Так что это непросто сделать.

— Скотт Майндз никогда не пытался убить ни тебя, ни кого-либо другого,— проговорил доктор. Его лицо побледнело и напряглось.— Ты тоже это хорошо знаешь.

Уртейл ничего не ответил. Вместо этого он опять заговорил с Лаки.

— И за добрым доктором присматривай тоже. Как я говорил, они с Майндзом большие друзья. Если бы я был на твоем месте, я не позволил бы ему лечить себя даже от головной боли. Пилюли и уколы могут... — он щелкнул пальцами, издав резкий, как удар кнута, звук.

— Придет время, и ты ответишь за свой поганый язык,— хриплым голосом произнес доктор Гардома.

— Да? — небрежно спросил Уртейл.— Ты рассчитываешь быть тем, кому я буду отвечать? — он повернулся, собравшись уходить, а затем бросил Лаки через плечо: — Да, совсем забыл. Я слышал, что старина Певерал хочет повидать тебя. Он очень расстроен тем, что тебе не было оказано должного приема. Он в растерянности. Так что навести его и успокой эту старую бедную голову... И, Старр, еще один маленький совет. В дальнейшем не используй ни одного скафандра, предварительно тщательно не проверив его. Понимаешь, что я имею в виду? — после этого он, наконец, ушел.

Прошло время, прежде чем Гардома наконец пришел в себя и смог говорить прежним спокойным голосом.

— Он злит меня каждый раз, когда я вижу его,— сказал он. — Лжец с подлым языком...

— Чрезвычайно хитрый тип,— сухо заметил Лаки.— Очевидно его стиль — намеренно говорить то, что приводит оппонента в ярость. И его противник, выведенный из себя, становится беспомощным. А ты, Бигман, что случилось с тобой? Ты ведь не можешь кидаться и молотить кулаками каждого, кто решит, что в тебе меньше шести футов роста.

— Лаки! — завопил маленький марсианин.— Он сказал, что у меня гормональная недостаточность!

— Тогда жди подходящего момента, чтобы доказать его ошибку другим способом.

Бигман что-то недовольно проворчал, постукивая кулаком по упругому пластику на голенищах своих высоких, до бедер, серебристо-красных сапог. Серебристо-красные сапоги никто, кроме марсианского фермера, не наденет. У Бигмана была их целая дюжина.

— Что ж,— сказал Лаки.— Пошли к доктору Певералу. Он глава обсерватории, не так ли?

— Глава всего купола,— ответил врач.— Но на самом деле он настолько стар, что теряет контакт с людьми. Он ненавидит Уртейла больше, чем кто-нибудь из нас, но ничего не может с ним поделать. Он не может выступить против сенатора. Любопыт-

но, может ли это сделать Совет Науки? — мрачно закончил он.

— Я думаю, да,— ответил Лаки— А теперь запомните: я хочу повидать Майндза, как только он проснется.

— Хорошо, поберегите себя.

Лаки с удивлением уставился на него.

— Поберечь себя? Что это значит?

Доктор покраснел.

— Всего лишь выражение. Я всегда так говорю. Я ничего под этим не подразумеваю.

— Я это вижу. Хорошо. Мы еще встретимся. Пошли, Бигман, и перестань хмуриться.

Доктор Ланк Певерал пожал им руки с силой, неожиданной для его возраста. В его темных глазах, казавшихся еще темнее из-за белых бровей над ними, читалось беспокойство. Его все еще густые волосы в основном сохранили свой натуральный цвет, но покрылись стальной сединой старости. Жесткие щеки выдавали его возраст. Он говорил медленно и деликатно.

— Я извиняюсь, джентльмены. Я очень огорчен тем, что вам было суждено испытать столь неприятные ощущения сразу же по прибытии на Меркурий. Я вину в этом только себя.

— У вас нет на то никаких оснований, доктор Певерал,— ответил Лаки.

— Это моя вина, сэр. Если бы я вышел, чтобы приветствовать вас, то этого не произошло бы.

— Но мы наблюдали изумительной красоты протуберанец.

— Я боюсь, что позволил делам отвлечь меня от элементарного выражения гостеприимства.

— В любом случае все кончилось благополучно,— Лаки в некотором замешательстве оглянулся на Бигмана, который с открытым ртом вслушивался в обильный поток слов старика.

— Я не заслуживаю прощения,— проговорил старый астроном.— Но мне доставило удовольствие то, что вы сделали такую попытку. Между тем, я приказал, чтобы в ваше распоряжение были предоставлены жилые помещения.— Он протянул руки им настречу, увлекая гостей по хорошо освещенным узким коридорам купола. — Наши каюты переполнены, особенно с тех пор, как прибыл Майндз с инженерами и... остальные. Я надеюсь, что вам понравится комната, где вы сможете отдохнуть с дороги, освежиться и, возможно, поспать. Я уверен, что вы хотите есть. И сейчас вас накормят. Завтра у вас будет достаточно времени, чтобы встретиться со всем населением купола, а мы узнаем о цели вашего приезда. Для меня достаточно того, что Совет Науки поручился за вас. Завтра будет нечто вроде банкета в вашу честь.

Коридор опускался, и они углублялись в недра Меркурия, к жилому уровню купола.

— Вы очень добры. Возможно, у меня будет подходящий случай для осмотра обсерватории,— сказал Лаки.

Певерал, казалось, был восхищен этим.

— Я буду к вашим услугам. Я уверен, что вы не пожалеете о времени, затраченном на осмотр. Наше основное оборудование ус-

тановлено на подвижной платформе, которая перемещается вместе с приближением или удалением терминатора. Таким образом, основная часть солнечного диска постоянно находится в поле нашего зрения независимо от движения Меркурия.

— Великолепно! Но сейчас, доктор Певерал, один вопрос. Какое у вас мнение об инженере Майндзе? Я жду правдивый ответ, независимо от того, каким бы недипломатичным он ни был.

— Вы тоже специалисты по гиперпространству? — нахмурился Певерал.

— Не совсем, но я спрашиваю вас о Майндзе,— сказал Лаки,— о человеке, а не его деле.

— Совершенно верно. Хорошо.— Астроном, казалось, задумался.— Он симпатичный молодой человек, абсолютно компетентный, я думаю, но очень раздражительный, легко выходит из себя, очень легко. Это проявилось, когда дела с его проектом пошли не совсем гладко, и у него возникли затруднения. Жалко. Как я уже говорил, в других отношениях он очень приятный молодой человек. Я его начальник. Конечно, пока он здесь, в куполе. Но на самом деле я не докучаю ему. Его проект не связан с работой Обсерватории.

— А ваше мнение о Джонатане Уртейле?

Старый астроном на мгновение остановился.

— Нет, нет! Только не о нем.

— Как он здесь живет?

— Мне неинтересно говорить об этом человеке.

Некоторое время они шли молча. Лицо астронома потемнело.

— В куполе есть еще посторонние? — спросил Лаки.— Вы и ваши люди, Майндз и его люди. Уртейл. А есть еще кто-нибудь?

— Доктор. Конечно, доктор Гардома.

— А что, вы не считаете его одним из ваших людей?

— Он доктор, а не астроном. Он представляет единственную службу, которую должен иметь купол, не имеющий своей автоматики. Он заботится о нашем здоровье. Он здесь новичок.

— Как новичок?

— Он заменил нашего старого доктора, после которого прилетел сюда на год. Собственно говоря, доктор Гардома прибыл на том же корабле, который привез Майндза и его людей.

— Одногодовая смена? Это общее правило для всех врачей?

— И для большинства других людей. Поддерживать преемственность трудно. Тяжело обучить человека и отправить его назад. Но с другой стороны, Меркурий — не тепленькое местечко, чтобы оставаться тут надолго. Так что наши люди должны регулярно меняться.

— И сколько же новичков вы приняли за последние шесть месяцев?

— Где-то около двадцати. Точное число можно установить по нашим журналам.

— А вы, вероятно, находитесь здесь все время?

Астроном рассмеялся.

— Много лет. Я боюсь вспомнить, сколько. И доктор Кук, мой заместитель, здесь уже в течение шести лет. Конечно, мы ре-

гулярно берем отпуска. Ну, вот здесь ваши апартаменты, джентльмены. Если вы чего-нибудь пожелаете, не колеблясь сообщите мне.

Бигман огляделся вокруг Помещение было маленьким, но в нем стояли две койки, которые, когда ими не пользовались, могли быть убраны в ниши в стенах: два кресла, одноместное кресло-стол, маленький стенной шкаф и примыкающая к помещению душевая.

— Эй,— сказал Бигман,— в любом случае это лучше, чем корабль, а?

— Неплохо,— ответил Лаки.— Это, наверное, у них одна из лучших комнат

— Почему бы и нет? Ручаюсь, что он знает, кто ты.

— А я ручаюсь, что нет, Бигман,— ответил Лаки.— Он думает, что я, вероятно, инженер, специализирующийся по гиперпространству. Все, что он знает, это то, что меня послал Совет.

— Всякий другой, кроме него, знает, кто ты,— ответил Бигман.

— Не каждый. Только Майндз, Гардома и Уртейл. Бигман, а почему бы тебе не воспользоваться душем-ванной? А я пока добуду немного пищи из бытового шкаф-холодильника «Метеора».

— Это меня устраивает,— радостно проговорил Бигман.

Через несколько минут громкое пение пробилось через шум душа.

Как обычно, в мире, лишенном влаги, вода для душа была строго нормирована, на стенах были суровые предупреждения о недопустимости ее перерасхода. Но Бигман был рожден и вскормлен на Марсе и у него было глубокое уважение к воде. Итак, он обильно использовал моющие средства, экономил воду и громко пел. Он встал перед воздушной сушилкой, которая покалывала его тело струйками сухого воздуха, и похлопывал руками по телу, чтобы усилить эффект

Эй, Лаки,— крикнул он.— Еда на столе? Я голоден.

Он слышал голос Лаки, но слов разобрать не мог

— Эй, Лаки,— повторил он, выходя из душевой.

На столе стояли две испускающие пар тарелки с ростбифом и картошкой. Лаки, однако, не ел, а сидел на кровати и разговаривал по внутреннему видеофону. С экрана смотрел доктор Певерал.

— Хорошо, а все знали, что эта комната будет нашей? — спросил Лаки.

— В начале нет, но потом я дал распоряжение подготовить вам комнату по открытому каналу Насколько мне известно, причин для секретности нет Я думаю, что ваше помещение одно из немногих, которые сохраняются для высоких гостей. Это не является секретом.

— Благодарю вас.

— Что-нибудь не так?

— Ничего, все в порядке,— улыбаясь ответил Лаки и прервал связь. Но улыбка его сразу погасла, и он выглядел задумчивым.

— Ничего плохого, ах ты, моя лапочка,— продекламировал Бигман.— Только, Лаки? Не говори мне, что все в порядке.

— Кое-что не так. Я здесь осмотрел снаряжение. Тут находятся

специально изготовленные скафандры, как я полагаю, для прогулок по солнечной стороне.

Бигман поднял один из скафандров, висевших в специальном углублении стены. Он был удивительно легок для своих размеров. Это нельзя было отнести за счет гравитации Меркурия, так как в куполе поддерживалось земное притяжение. Бигман покачал головой. Как обычно, если он использовал скафандр, взятый из имеющихся запасов, он должен был снижать все параметры до минимума и даже после этого он находил его неудобным. Марсианин беспомощно вздохнул. Это была дань, которую он платил за то, что был невысокого роста. Именно невысокого, а не маленького, именно так думал он о своих пяти футах и двух дюймах.

— Пески Марса! — воскликнул Бигман.— Они сделали для нас все, постель, душ, еда, скафандры.

— И кое-что еще,— загадочно сказал Лаки,— смерть затаилась в этой комнате. Смотри сюда.

Он поднял рукав большого скафандра. Плечевое шаровое соединение легко повернулось, но там, где оно соединялось с костью плеча, была маленькая щель. Она была бы совершенно незаметна, если бы пальцы Лаки не раздвинули ткань. Это был порез! И притом сделаный человеком — это было совершенно очевидно! Оттуда высовывалась прокладка.

— На внутренней прокладке точно такой же,— сказал Лаки.— Этот скафандр будет герметичен, пока в нем не доберутся до солнечной стороны. А затем он мгновенно убьет человека.

— Уртейл! — сразу же воскликнул Бигман свирепо.— Этот гнусный подонок...

— Почему именно Уртейл? — спокойно спросил Лаки.— Ведь именно он советовал нам осмотреть скафандры? Помнишь?

— Конечно.

— И это именно то, что я сделал.

— Верно. Мы находим прорезанные скафандры и думаем, что он великолепный парень. Затем мы становимся для него открытой мишенью в любом месте и в любое время. Но мы не попадемся на эту удочку. Он...

— Подожди, Бигман! Не делай поспешных выводов. Посмотри на все это с другой стороны. Уртейл говорил нам, что Майндз пытался убить и его. Предположим, кто-то пытался продырявить скафандр Уртейла и тот вовремя обнаружил это. Уртейл предупредил нас, что и с нами может быть проделан тот же самый трюк. Может быть, это сделал Майндз?

— Пески Марса! Лаки, этого не может быть! Этот парень, Майндз, лежит набитый снотворными пилюлями, а перед этим он все время был с нами.

— Хорошо. Как мы узнали о том, что Майндз усыплен? — спросил Лаки.

— Гардома сказал... — начал Бигман и осекся.

— Именно. Гардома сказал. Мы ведь и не видели Майндза. Мы только знаем, что нам сказал доктор Гардома и что доктор хороший друг Майндза.

— Они оба заодно,— проговорил Бигман, моментально меняя убеждение.— Скачущие кометы...

— Обожди! Не скачи сам. Великая Галактика, Бигман! Я только стараюсь разобраться в своих мыслях, а ты прерываешь их.— Лаки продолжал: — Ты десятки раз жаловался, что я не выкладываю тебе того, что у меня на уме, пока все не станет ясным. Так вот, простофиля с бластером. Как только я разработаю теорию, ты должен быть на посту с готовым к бою оружием.

— Ну-ну, Лаки. Продолжай дальше.

— Хорошо. Сейчас Уртейла легко подозревать. Он никому не нравится. Даже доктору Певералу. Ты видел, как он помрачнел, когда я назвал его имя?

— Я сказал... — пробормотал Бигман.

— Пока и мне не нравится именно он. Любой мог прорезать скафандр.

— Мне все это ясно, Лаки.

— С другой стороны,— мягко продолжил Лаки.— Майндз, уже пытался убрать меня с помощью бластера. Если это серьезно, вряд ли он будет заниматься чепухой — резать скафандр. Что же касается доктора Гардомы, то я думаю, что он бы не стал впутываться в убийство только из-за дружбы с Майндзом.

— Какие же из этого следуют выводы? — нетерпеливо вскричал Бигман.

— Не надо спешить,— ответил Лаки.— Знаешь, ложись-ка ты лучше спать,— он расстелил кровать и шагнул в душевую.

Бигман, пожав плечами, посмотрел ему вслед.

Скотт Майндз сидел на постели, когда на следующее утро Лаки и Бигман вошли в его палату. Он был бледен и выглядел усталым.

— Хелло,— сказал он.— Карл Гардома рассказал мне, что случилось. Вы и не представляете, насколько я сожалею об этом.

Лаки пропустил это мимо ушей.

— Как вы себя чувствуете?

— Как будто меня выжали, но ничего, я буду на ужине, который старина Певерал дает сегодня вечером.

— А стоит ли?

— Я не хочу оставлять последнее слово за Уртейлом,— ненависть внезапно исказила лицо Майндза,— рассказывающем всем и каждому, что я сумасшедший. Доктору Певералу, например.

— Доктор Певерал сомневается в вашем рассудке? — спросил Лаки.

— Ну... Послушайте, Старр. Я провожу разведку Солнечной стороны в небольшом ракетном скутере с того времени, как начались эти аварии. Я должен делать это. Это мой проект. Дважды я... Я видел что-то.

Майндз остановился и Лаки был вынужден поторопить его.

— Что вы видели?

— Я надеюсь, что смогу рассказать. Каждый раз я видел только издалека. Что-то движущееся, похожее на человека в скафандре. Но не в нашем спецскафандре, специально изолированном, вы понимаете, о чем я говорю. Это было похоже на обычный скафандр.

— Вы пытались приблизиться?

— Да, и всякий раз я терял его из виду. И фотографии не дали ничего. Только пятна света и тьмы, которые могли быть чем-то, а могли и не быть ничем. Это было нечто. Нечто, двигающееся под Солнцем, словно ему были безразличны такие вещи, как жара и радиация. Это нечто даже время от времени неподвижно стояло под Солнцем. Вот что поразило меня.

— Это странно? Я имею в виду, стоять неподвижно.

— На солнечной стороне Меркурия? — Майндз рассмеялся.— Вне всяких сомнений, это так. Там никто неподвижно не стоит. Изолированный скафандр и все остальное... Вы идете туда, быстро делаете свое дело и столь же поспешно уходите оттуда. Здесь, у терминатора, жара не настолько сильна. Это же относится и к радиации. Но там, подальше... Побывать там хоть немного – довольно хорошая тренировка. Даже специальный костюм не обеспечивает полную защиту от гамма-лучей. Если вам надо стоять неподвижно, то вы ищите тень скалы.

— Ну и каково ваше объяснение всему этому?

Голос Майндза упал почти до неслышного шепота.

— Я не думаю, что это человек.

— Вы собираетесь утверждать, что это двуногий призрак, не так ли? — внезапно, прежде чем Лаки смог его остановить, спросил Бигман.

Но Майндз только покачал головой.

— Нет, это не призрак. Я думаю... Это меркурианин.

— Что?! — вскричал Бигман, как будто это было гораздо хуже того, что он ожидал.

— Кто еще может столько времени выдержать солнечную жару и радиацию?

— Тогда почему он нуждается в скафандре? — спросил Лаки.

— Я не знаю,— глаза Майндза горели беспокойной одержимостью,— но это нечто, не поддающееся объяснению. Доктор Певерал не стал отправлять экспедицию для тщательного исследования. Он сказал, что мы недостаточно оснащены для этого.

— Вы рассказали ему то же, что и нам.

— Он думает, что я сумасшедший. Я в этом уверен. Он думает, что я видел отблески, и в моем воображении из них сложилась фигура человека. Но это не так, Старр!

— Вы что-нибудь докладывали об этом Совету Науки? — спросил Лаки.

— Как я могу? Доктор Певерал не разрешил мне. Уртейл скажет, что я сумасшедший, и они поверят ему, а не мне Кто же поверит мне?

— Я,— сказал Лаки.

Майндз вздрогнул и откинулся на постели. Его руки взметнулись в сторону, будто готовясь схватить что-то, и снова упали. Надтреснутым голосом он проговорил:

— Значит, вы расследуете это?

— Да,— пообещал Лаки.— Я сделаю это своим методом.

Вечером все уже собрались на торжественный ужин, когда приш-

ли Лаки и Бигман. Несмотря на гул приветствий, поднявшийся, как только они вошли, было нетрудно заметить, что не все собравшиеся рады прибытию новых людей.

Доктор Певерал сидел во главе стола. Его тонкие губы были сжаты, впалые щеки дрожали, было заметно, что он с трудом сдерживает себя, чтобы не потерять самообладание. Слева, откинувшись на спинку кресла, сидел Уртейл. Его толстые пальцы изящно поигрывали ножкой бокала. Ближе к концу стола сидел Скотт Майндз. Болезненно бледный и усталый, он сердито и одновременно расстроенно уставился на Уртейла. Рядом с ним был доктор Гардома, выглядевший озабоченным и задумчивым, чувствовалось, что он готов вмешаться, если Майндз потеряет над собой контроль. Остальные места, за исключением двух пустых справа от доктора Певерала, были заняты старшими сотрудниками Обсерватории. Хенли Кук, заместитель доктора Певерала, потянулся всем своим длинным сухим телом навстречу вошедшим и пожал руку Лаки. Лаки и Бигман заняли свои места. Тут же был подан салат. Почти сразу же, перекрывая своим резким голосом беседу, Уртейл произнес:

— Мы как раз перед вашим приходом интересовались, обещает ли Майндз не рассказывать о великих чудесах, которые у него заготовлены для Земли, чтобы оправдать результаты экспериментов.

— Ничего подобного,— огрызнулся Майндз.— Если ты не против, я сразу и начну рассказывать.

— О, продолжай, Скотт,— ответил Уртейл, широко улыбаясь.— Ну, а потом послушаем, что скажу я.

Рука Гардомы как бы случайно опустилась на плечи Майндза. Молодой инженер подавил вспышку негодования и ничего не ответил.

— Сейчас я предупрежу тебя, Старр,— продолжал Уртейл.— Информация пойдет тебе на пользу... Она...

— Я знаю кое-что об экспериментах,— прервал его Лаки.— И думаю, возможны грандиозные результаты.

Уртейл нахмурился.

— Это так. Мне приятно, что ты оптимист. Бедняга Майндз не может даже провести экспериментальную работу как пилот. В конце концов он сам признается в этом, не так ли, Скотт?

Майндз было приподнялся, но рука Гардомы снова опустилась на его плечо. Бигман переводил свой взгляд с одного говорящего на другого, подолгу смотрел на Уртейла. Но тот молчал. На какое-то время за столом стало тихо, и доктор Певерал отчаянно пытался перевести беседу в более безопасное русло. Вначале ему это удавалось, но затем Уртейл, наколов последний кусок ростбифа на вилку, наклонился к Лаки.

— Так вы прилетели для того, чтобы обеспечить продолжение проекта Майндза. Не так ли?

— Я думаю, что так.

— Ты так считаешь, являясь членом Совета Науки. Но что, если я скажу тебе, что результаты экспериментов здесь все дутые. Эти эксперименты могли бы пройти на Земле в сто раз дешевле, если бы только Совет Науки был хоть чуточку заинтересован в том, чтобы

сохранить деньги налогоплательщиков. Что бы ты сказал, если бы я доказал тебе все это?

— То же, что я сказал бы, если бы ты мне ничего не доказывал,— спокойно парировал Лаки.— Я бы сказал: «М-р Уртейл, дело в том, что вы лжете. Это ваш величайший талант, и я верю, что вы наслаждаетесь им».

Все присутствующие мгновенно прекратили разговор и воцарилась гробовая тишина. Даже Уртейл замолк. Его глаза широко открылись, а толстые щеки, казалось, внезапно отвисли. Через мгновение он с неожиданной яростью рванулся прямо через доктора Певерала и с силой ударил правой рукой чуть ли не по тарелке Лаки.

— Нет, многоуважаемый Лаки,— зарычал он.

Прошла доля секунды, и рядом с ним оказался Бигман. Никто за столом не заметил, как это произошло. Так, атакуя, делает свой бросок кобра. Злое урчание Уртейла заглушил крик ужаса. И была на это причина. Непонятно откуда взявшись, из руки Уртейла, только что стукнувшей по столу, торчал резной самодельный нож.

Доктор Певерал от неожиданности чуть не свалился с кресла, и у всех, кроме Бигмана, вырвалось невольное восклицание. Даже Лаки выглядел растерянным.. Только Бигман был спокоен. Больше того, в лице его светилось наслаждение, было написано полное удовлетворение.

— Раздвинь пальцы, ты, чан с постным маслом. Раздвинь их и уползи обратно на свое место.

Уртейл, ничего не понимая, уставился на Бигмана, а затем очень медленно разжал пальцы. Его рука не была повреждена. Нож дрожал над поверхностью стола. Виднелся только дюйм его лезвия. Почти весь он вошел в стол, проскользнув между указательным и большим пальцами руки Уртейла. Тот одернул руку, будто ее неожиданно охватило пламя.

Бигман с мстительным чувством сказал:

— В следующий раз, если ты протянешь руку к Лаки или ко мне, грязный подонок, я отрублю ее. Что ты скажешь на это? Только большая просьба: если надумаешь что-то сказать, — говори вежливо.

Он выдернул нож и убрал его в малозаметную кобуру на своем поясе.

Слегка нахмурившись, Лаки произнес:

— Я не знал, что мой друг вооружен. Я думаю, он просит прощения за испорченный ужин, но, надеюсь, и м-р Уртейл примет к сведению то, что произошло.

За столом рассмеялись. По лицу Майндза тоже скользнула натянутая улыбка. Уртейл переводил свой горящий взгляд с лица на лицо.

— Я не забуду этого издевательства,— сказал он. Мне ясно, что против сенатора замышляется заговор, и он узнает об этом. А пока я останусь здесь.

Понемногу разговор стал общим. Лаки обратился к доктору Певералу:

— Знаете, сэр, а я вас где-то встречал, мне ваше лицо давно знакомо.

— Да ну? — улыбнулся астроном.— А я вас, вроде, вижу впервые.

— Вы были когда-нибудь на Цереpe?

— Цереpe? — астроном взглянул на Лаки с некоторым удивлением. Он, очевидно, еще не пришел в себя после эпизода с ножом.— Там крупнейшая во всей Солнечной системе обсерватория. Я работал там еще в молодости и даже сейчас посещаю ее.

— Так вот, не виделись ли мы там?

Говоря это, Лаки не мог не вспомнить о тех захватывающих днях, когда шла охота за капитаном Антоном и его пиратами, которые устроили себе логово на астероидах. И особенно тот день, когда корабли пиратов ворвались в самое сердце территории Совета — на саму Цереру, временно взяв верх благодаря тому, что напали неожиданно. Но доктор Певерал покачал головой и с некоторой долей юмора произнес:

– Сэр, я наверное мог бы видеть вас там, но уверен, что не видел. Это был сезон моих упущений и потерь. У меня болел желудок, и я пропустил все волнения и хлопоты, связанные с налетом пиратов. Я знал о нем только из разговоров с медсестрой.

Доктор Певерал оглядел стол. К нему возвращалось хорошее настроение.

— Джентльмены, – сказал он.— Здесь идет дискуссия по поводу проекта «Свет».— Он сделал паузу, мягко улыбнулся и продолжал: — Это не лучший предмет для обсуждения, но я очень много думаю об авариях, которые принесли огорчения многим из нас. Кажется, как раз наступило время для того, чтобы выложить вам, что я об этом думаю. Кроме всего прочего, и доктор Майндз здесь. Мы все плотно поужинали, и у меня есть возможность сказать вам нечто интересное.

Уртейл, мрачно ухмыльнувшись, спросил:

— Вы?! Можете что-то сказать?

— А почему бы и нет,— спокойно ответил астроном.— У меня за мою долгую жизнь появлялось немало мыслей. И я хочу сказать о своем мнении по поводу того, что происходит.— Вокруг него расширялось поле торжественности. – И верю, что знаю всю правду. Именно правду. Я знаю, кто вызывает аварии и тормозит развитие проекта «Свет».

На благородном лице старого астронома, окинувшего взглядом стол, выражалось удовольствие, возможно, от того, что его слова привлекли внимание всех присутствующих. Лаки, глядя на него, хотел понять, о чем думает сейчас каждый, услыхав заявление доктора Певерала. Вся фигура Уртейла выражала презрение, лицо Гардомы недоуменно нахмурилось, а Майндз был угрюм. На лицах остальных в разных пропорциях, сочетались удивление и интерес. Но один человек больше других привлек внимание Лаки. Это был Хенли Кук, заместитель доктора Певерала. Он пристально рассматривал кончики своих пальцев, не скрывая своего отвращения к происходящему. Когда же он поднял голову, выражение его лица стало настороженно-безразличным. Тем не менее Лаки заметил про себя «Мне надо поговорить с этим человеком». Затем все его вни-

мание опять сосредоточилось на докторе Певерале.

Доктор продолжал:

— Конечно же, саботажников среди нас нет. Доктор Майндз говорил мне, что он провел расследование и уверен в этом. Даже без расследования и я уверен, что ни один из нас не способен на такую преступную акцию. Саботажник должен быть разумным, так как его действия направлены против проекта «Свет». Все происходит последовательно. Нет ничего случайного. И это...

Бигман возбужденно прервал его:— Вы подразумеваете, что на Меркурии есть жизнь? И это сделал меркурианин?

За столом все оживились. Стало шумно. Кто-то рассмеялся, и Бигман принял это на свой счет.

— Ну,— спросил он,— не это ли сказал доктор Певерал?

— Не совсем,— мягко ответил доктор.

— На Меркурии жизни не может быть,— решительно заявил один из астрономов.— Это единственное, в чем мы уверены.

— Насколько уверены? — вставил Лаки.— Кто-нибудь проверял это?

Говоривший, казалось, был захвачен врасплох. Он сказал:

— Конечно. Были проведены исследования.

Лаки улыбнулся, он вспомнил о спорах насчет жизни на Марсе, про которую никто не знал, кроме него. Он обнаружил полуразумные существа на Венере, где, как думали, жизнь была вообще невозможна. Он никогда не стал бы утверждать, что какая-то планета не пригодна для жизни и тем более для разума.

— Сколько было исследовательских групп? — спросил он.— Насколько тщательно проводилось каждое исследование? Была ли изучена каждая квадратная миля?

Астроном ничего не ответил. Он отвел глаза в сторону, поднял брови, как бы вопрошая: «Ну чего ты привязался?»

Бигман улыбнулся, его маленькое лицо стало похоже на карикатуру улыбающегося гнома.

— Дорогой Старр,— продолжал Певерал.— Исследования ничего не дали. Мы пока допускаем, что возможность жизни на Меркурии не исключена, но вероятность ее существования очень мала. Мы заключили, что единственные представители разумной жизни в галактике — человеческая раса.

Вспомнив недавно доказанное существование разума на Марсе, Лаки с ним не согласился, но промолчал, позволив доктору продолжать. Тут вмешался Уртейл, который понемногу обрел самообладание.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он.

Доктор Певерал не дал Уртейлу прямого ответа. Он, переведя взгляд от одного к другому, намеренно игнорировал следователя Конгресса.

— Дело в том,— сказал он,— что человеческая раса есть не только на Земле. Человечество есть на многих звездных системах,— говоря все это, доктор менялся в лице. Чувствовалось, что Певерал гневается.— Человечество есть на планетах Сириуса. А что, если саботажники именно оттуда?

— Почему они? — тут же возразил Лаки.

— А почему бы и нет? Они ведь и раньше совершали агрессивные вылазки на другие планеты.

Это была правда. Не так давно Лаки Старр помогал отгонять вторгнувшуюся флотилию сириан, которые высадились на Ганимеде. Но в тот раз они покинули Солнечную систему, так и не раскрыв своих карт. И с этого момента многие люди, если что-нибудь где-нибудь было не так, во всем винили сириан.

Доктор Певерал со все возрастающей энергией продолжал:

— Я был там. Я был на Сириусе всего лишь пять месяцев назад. Этому предшествовала огромная волокита, так как сириане не принимают ни эмигрантов, ни гостей. Только благодаря ходатайству Межзвездных Галактических Конференций. я получил визу, увидел все своими глазами и должен вам сказать, что не жалею, что побывал там. Планеты Сириуса малонаселены и крайне децентрализованы. Люди там живут в изолированных друг от друга племенных союзах. У каждого свои источники энергии, свое управление, каждый союз имеет свою касту механических рабов — никакое другое слово не подходит для их характеристик. Все эти люди рабы, и они сами придумали себе рабство, добровольное рабство. Они напоминают роботов с позитронными мозгами. И мозги эти они изготавливают в своих лабораториях. Каждому по его работе. Человечество Сириуса называет себя военной аристократией. Любой из них может совершить космический полет. И они не успокоятся, пока не уничтожат человечество Земли.

Бигман беспокойно заерзал в кресле.

— Пески Марса! Пусть попробуют! Это все, что я могу сказать.

— Они попробуют, когда полностью будут готовы,— ответил Певерал.— И, если мы будем сидеть сложа руки, вместо того, чтобы во всеоружии встретить опасность, они нас победят.

— Что мы можем противопоставить им? Человечество всех других планет? Да. Нас много, нас биллионы. Нас гораздо больше, чем их, но сколько из этих биллионов умеют сражаться в космосе?

— Мы — это шесть биллионов кроликов, а они — один миллион волков. Земля беспомощна и становится все беспомощнее с каждым годом. Нас кормят зерном с Марса и дрожжами с Венеры. Мы добываем полезные ископаемые на астероидах, мы добываем их и здесь на Меркурии. Поэтому, Старр, если проект «Свет» удастся, Земля будет зависеть от космических станций, через которые она будет получать энергию Солнца. Разве ты не видишь, какими беспомощными станем мы от этой зависимости? Группа вторжения сириан на аванпосты Системы может запугать нас и заморить голодом Землю, даже не вступая в прямой бой с нашими основными космическими силами. А можем ли мы что-нибудь противопоставить им? Не имеет значения, сколько сириан мы убьем, оставшиеся всегда будут снабжены необходимым и в достаточном количестве. Все они смогут продолжать войну и дальше.

Старик почти задыхался от волнения. Безусловно, он говорил искренне. И, высказавшись, вздохнул свободно, будто извлек из себя нечто, что давно душило его. Лаки перевел взгляд на за-

местителя Певерала, доктора Хенли Кука. Он сидел, опустив голову на костлявые суставы своей широкой руки. Лицо его пылало, но Лаки показалось, что Хенли покраснел не от страха, а от смущения.

Скотт Майндз скептически заметил:

— Где логика, доктор Певерал? Если им просторно на Сириусе, то почему они должны нападать на Землю? Зачем мы им нужны? Даже если предположить, что они завоюют Землю? Они всего лишь должны будут кормить ее...

— Чепуха! — возразил астроном.— Почему они должны это делать? Им нужны земные ресурсы, а не земное население. Запомните это. Они позволят умереть нам с голоду. Это будет частью их политики.

— Но это невероятно! — воскликнул доктор Гардома.

— Не из-за жестокости,— ответил Певерал,— а из-за равнодушия. Они принимают нас почти за животных. Сириане оголтелые расисты. С того времени, как Земля впервые столкнулась с Сириусом, они держали рождаемость под контролем и осуществляли искусственный отбор до тех пор, пока не освободились от болезней и некоторых привычек, которые они считают неприемлемыми. У них одинаковая внешность, тогда как земляне бывают всех форм, размеров, цветов и видов. Сириане считают нас неполноценными. Поэтому они и не разрешают нам эмигрировать на Сириус. Поэтому они не допускали меня на конференцию, пока не вмешалось наше правительство. Допускались астрономы со всех других звездных систем, но не с Земли. Человеческая жизнь, любая сторона жизни человека для них почти ничего не значит. У них централизованная машинная цивилизация. Я наблюдал их вместе с их роботами. Они обращаются с ними почти так же, как и с другими сирианами, то есть почитают робота гораздо больше, чем человека с Земли, балуют роботов, для них нет ничего дороже, чем роботы.

— Роботы дороги,— проворчал Лаки.— С ними надо обходиться заботливо.

— Быть может и так, но люди, которые привыкают заботиться о нуждах машин, отвыкают заботиться о нуждах людей.

Лаки подался вперед, опершись руками о стол. Его темные глаза были серьезны, и мягкие черты его мужественного лица помрачнели.

— Доктор Певерал,— сказал он.— Если сириане — расисты и создали один общий тип человека, они в конце концов себя погубят. Именно различие человеческих рас двигает прогресс. На Земле, а не на Сириусе передовой фронт научных исследований. Ведь это земляне заселили Сириус, и это мы, а не наши сирианские родственники, каждый год продвигаемся вперед в наших исследованиях. Даже позитронные роботы, о которых вы упоминали, были изобретены и разработаны на Земле землянами.

— Да,— ответил астроном,— но земляне пренебрегают роботами. Это должно расстроить нашу экономику. Мы ставим комфорт и благополучие сегодняшнего дня выше, чем безопасность завтрашнего. Мы используем наши успехи в науке, чтобы ослабить себя. Сириане используют их, чтобы сделаться сильнее. Вот в чем разница, и вот в чем опасность.

Доктор Певерал откинулся в кресле. Робот-официант убирал тарелки со стола. Лаки указал на него.

— Вот и у нас ведь есть робот,— сказал он.

Робот-официант точно действовал по заложенной в него программе. Это был механизм с плоской поверхностью, плавно скользящий в магнитном поле так, что его слегка изогнутое основание не касалось пола. Членистые щупальца робота изящно собирали тарелки: одни складывали их на свою плоскую поверхность, а другие — в ящики на боку.

— Это простейший автомат,— фыркнул доктор Певерал.— У него нет позитронного мозга и он не может приспособить себя сам к какому-нибудь виду деятельности.

— Ну хорошо, вернемся к нашей главной теме,— продолжал Лаки.— Вы говорите, что сириане саботируют проект «Свет»?

— Да, это так.

— Но почему?

Певерал пожал плечами.

— Возможно, это только часть их большого плана. Мне неизвестно, какие другие процессы происходят в Солнечной системе. Это может быть первым случайным зондированием, подготовкой к окончательному вторжению и завоеванию Земли. Проект «Свет» сам по себе ничего не значит, сирианская опасность — вот что главное. И надеюсь, что смогу открыть глаза Совету Науки, правительству и народу на эту правду.

Хенли Кук кашлянул и впервые заговорил:

— Сириане такие же люди, как и мы. И если они появились на Меркурии, то покажите мне их.

— Найти их — задача поисковой экспедиции,— холодно ответил Певерал.— Хорошо подготовленной, хорошо оснащенной экспедиции.

— Минуточку,— вступил в разговор Майндз.— Глаза его возбужденно сверкали.— Я был на Солнечной стороне и клянусь...

— Хорошо подготовленная, хорошо оснащенная экспедиция,— твердо повторил астроном.— Твое одиночное исследование ничего не значит, Майндз.

Инженер замолчал и снова воцарилось всеобщее молчание.

— Но,— неожиданно произнес Лаки,— мне кажется, тебе это не по душе, Уртейл. Каково твое мнение по этому поводу?

Уртейл поднял глаза и с ненавистью и открытой угрозой взглянул в глаза Лаки. Было ясно, что он еще не забыл и, вероятно, никогда не забудет недавнее происшествие за столом.

— Я оставляю свое мнение при себе,— сказал он.— Но скажу только одно. Я не верю ни слову из того, что здесь услышал.— Рот его плотно сжался. И Лаки, выждав мгновение, обратился к Пераралу:

— Меня интересует, нуждаемся ли мы в детальном расследовании, сэр. Если мы полагаем, что сириане здесь, на Меркурии, можем ли мы определить, где именно они находятся?

— Верно, Лаки! — воскликнул Бигман.— С этого и надо начинать.

— Что вы имеете в виду? — спросил Певерал.

— А вот что. Если сириане уже несколько месяцев через короткие промежутки времени устраивают диверсии против проекта «Свет», несомненно, они имеют на Меркурии базу. Видимо, это хорошо замаскированная база. Где она может находиться? Вот в чем вопрос. Давайте разделим Меркурий на две части: Солнечная сторона и Теневая сторона. Мне кажется, глупо будет устраивать базу на Солнечной стороне, слишком жарко, слишком много радиации, слишком неуютно для жизни.

— Не менее уютно, чем на Теневой стороне,— усмехнулся Кук.

— Нет,— возразил Лаки,— здесь вы ошибаетесь. Все, с чем встречается человек на Солнечной стороне, — враждебно. Мы не приспособлены к такой жизни. И очень долго не приспособимся. Теневая сторона более доступна, здесь остывший грунт, открытый всему космосу, а условия космоса уже привычны. Теневая сторона холодна, но не холоднее, чем космос. Она темна и безвоздушна, но не темнее любой части космического пространства, которая не находится под прямыми лучами Солнца, и, несомненно, не менее безвоздушна. Если люди научились жить в космосе, то они могут жить также на Теневой стороне.

— Продолжайте, м-р Старр,— в старческих глазах доктора Певерала светился неподдельный интерес.

— Но построить базу, которая будет служить несколько месяцев,— непростая вещь. У них должен быть корабль или несколько кораблей, чтобы они могли снова вернуться к себе на Сириус. Или, если они будут подобраны кораблем, прилетевшим за ними извне, то у них должны быть достаточно большие помещения для хранения пищи и воды, а также должны быть мощные и компактные источники энергии. Все это занимает довольно много места, к тому же они должны быть уверены, что их никто не обнаружит, а это значит, они могут находиться только в одном месте.

— Где, Лаки? — спросил Бигман, почти подпрыгивая от возбуждения. Он не сомневался, что, если Лаки сказал, то так оно и есть.

— Так вот,— сказал Лаки.— Когда я прибыл сюда, доктор Майндз обмолвился о рудниках Меркурия, которые были давно заброшены. Мне кажется, в недрах планеты должны быть пещеры, шахты и коридоры. Они могут находиться там. Я допускаю еще, что они могут быть на Южном полюсе, так как области полюсов — единственные места, где перепады температур не столь велики. Что вы скажете по этому поводу?

— Да, рудники здесь есть! — нерешительно проговорил доктор Кук.— До того, как была построена Обсерватория, купол был центром управления разработками.

— Мы сидим над огромной дырой в теле Меркурия. Если сириане так удачно построили секретную базу, то где же еще она может быть? Вот направление опасности!

Над столом пронесся шепот восхищения, но он был оборван Уртейлом:

— Все это очень мило,— сказал он.— Но к чему ведется весь разговор? Что вы собираетесь делать?

— Бигман и я,— ответил Лаки,— намереваемся посетить рудники, как только мы будем готовы. Если там кто-нибудь есть, то мы увидим его.

— Вы намерены идти одни? — спросил доктор Гардома.

— Почему же нет,— вставил Уртейл,— довольно дешевое геройство. Конечно, они пойдут одни. Там никого и ничего нет, и они это знают.

— Хочешь присоединиться к нам? — спросил Бигман.— Если ты оставишь здесь свою пасть, то сможешь уместиться в скафандре.

— Ты не заполнишь его, даже если будешь в зимней одежде,— огрызнулся Уртейл.

— Нет причины идти одним, если... — начал доктор Гардома.

— Предварительное расследование,— прервал его Лаки,— не принесет никакого вреда. Действительно, Уртейл, может быть, и прав. Возможно, там ничего и никого нет. Если возникнут трудности, мы будем поддерживать связь с куполом и, надеюсь, сможем захватить любого сирианина, встретившегося нам. Бигман и я несколько раз брали пленных и в экстремальных ситуациях.

— Кроме того,— продолжал Бигман, и его лицо засияло в улыбке, — мы любим такие ситуации.

Лаки улыбнулся и встал.— А теперь, простите, но нам пора.

Одновременно поднялся и Уртейл. Он молча направился к выходу. Лаки спокойно посмотрел ему вслед. Когда Хенли Кук проходил мимо, Лаки остановил его. Кук вопросительно взглянул на Лаки:

— Что вам угодно, сэр?

— Я хотел бы поговорить с вами в моей каюте,— тихо сказал Лаки.

— Я буду там через пятнадцать минут.

— Олл райт!

Кук появился немного позднее назначенного времени. Он скользнул в каюту с обычной своей непринужденностью. Это был человек лет сорока с лишним, с угловатым лицом и светлокоричневыми волосами, которые уже были тронуты сединой.

— Я забыл вам сказать, где находятся мои апартаменты,— сказал Лаки:

Кук удивился:

— Я знал, где вы расположились...

— Очень хорошо, спасибо, что вы пришли по нашей просьбе.

— О, а разве могло быть иначе?

— Тут маленькая неувязка с тем изоляционным скафандром, что был предназначен для использования на Солнечной стороне,— сказал Лаки.

— Изо-скафандр? Вы не забыли просмотреть фильм-инструкцию, а?

— Нет, нет, я просмотрел. Это совершенно другое дело.

— Что-нибудь не в порядке? — спросил Кук.

— Посмотрите сами,— сказал Бигман.— Он раздвинул руками ткань, чтобы показать разрез.

Кук сначала выглядел смущенным, а затем медленно покрас-

нел. В его глазах появился ужас.

— Я вижу... Это невозможно... Здесь, в куполе?

— Сейчас главное восстановить его,— сказал Лаки.

— Но кто мог сделать это? Мы должны найти его!

— Нет причин расстраивать доктора Певерала.

— Да, да,— сразу согласился Кук, хотя раньше он не подумал об этом.

— В дальнейшем мы все это выясним. А сейчас мне необходимо, чтобы скафандр был восстановлен.

— Конечно, я немедленно приму меры. Если я понадоблюсь, без стеснения обращайтесь ко мне. Великий космос... — замолчав, он поднялся на ноги и хотел уйти.

Но Лаки остановил его.

— Обождите, это все второстепенно. Есть другие дела, которые мы должны обсудить. Кстати, я заметил, что вы не согласны с доктором Певералом. У вас другое отношение к сирианам, не правда ли?

Кук нахмурился.

— Я не хотел бы обсуждать это.

— Я наблюдал за вами, когда он говорил о них. Вам не нравились его слова.

Кук снова сел. Его костлявые пальцы плотно сцепились друг с другом.

— Он странный человек. Он совершенно помешан на сирианах, и уже давно. Он видит их под своей постелью, обвиняет их во всем. Вернувшись с Сириуса, он стал еще хуже относиться к его обитателям, очевидно, обидевшись на них за холодный прием.

— Что это было — холодный прием?

— Я полагаю, ничего ужасного. Они изолировали его, предоставили ему отдельный дом. Иногда они были чересчур вежливы, иногда чересчур грубы. Я думаю, он был слишком придирчив к ним. Они выделили Певералу позитронного робота для персональных услуг.

— Он был оскорблен этим?

— Да. Тем, что они не общались с ним. Я имею в виду, что он воспринимал все это как оскорбление...

— Вы были с ним?

Кук покачал головой.

— Сириус согласился принять только одного человека, и доктор Певерал был старшим. Я вынужден был уступить.Он слишком стар... действительно слишком стар.— Кук как будто размышлял вслух. Неожиданно он поднял голову.— Но я просил бы вас — все это между нами.

— Конечно,— заверил его Лаки.

— А как насчет вашего друга? — неопределенно проговорил Кук.— Я хочу сказать, что знаю его честность, но он немного... гм... горяч...

— Эй,— выпрямляясь, начал Бигман.

Дружеская рука Лаки опустилась на маленькую голову друга и смахнула волосы ему на лоб.

— Он горяч, верно,— сказал Лаки.— Как вы уже заметили это за банкетным столом. Я не всегда вовремя успеваю остановить его, и иногда, рассердившись, он пускает в ход язык и кулаки, не раздумывая слишком долго. Но, когда я прошу его не распускать язык, он нем, как рыба.

— Спасибо,— проговорил Кук.

Лаки продолжал:

— Вернемся к предыдущему вопросу. Согласны ли вы с доктором Певералом, связывающим нашу работу с сирианами?

— Нет. Как они могут узнать о проекте «Свет» и почему это должно их беспокоить? Зачем им для того, чтобы повредить несколько кораблей, рисковать людьми, наживать врагов в огромном регионе Солнечной системы. Здесь нет логики. Скорее, тут обида, доктор чувствует себя обиженным.

— На кого?

— Майндз со своей группой обосновались здесь в то время, когда доктор был на Сириусе. Он вернулся и обнаружил их здесь. Доктор Певерал знал, что в конце концов они явятся сюда. Это планировалось уже в течение многих лет. Но, вернувшись и застав Майндза здесь, он был потрясен.

— Пытался ли он выжить Майндза?

— О, нет, ничего подобного. Но теперь он уже четко понимает, что наступило время другого поколения. Отсюда, по-моему, эта идея со всемирным заговором сириан. Рано, мол, вы меня списываете — я еще пригожусь. Так что ему было очень приятно все взять на себя и начать большую кампанию против сириан. Это его детище, как видите.

Лаки кивнул, а потом произнес:

— Скажите, вы когда-нибудь были на Церере?

— Иногда бывал, а что?

— С доктором Певералом? Один?

— Обычно с ним. Он летал туда чаще, чем я.

Лаки улыбнулся.

— Были ли вы на Церере в прошлом году, во время нападения пиратов?

Кук улыбнулся в ответ.

— Нет, но старик был. Мы много раз слышали эту историю. Он был сильно раздосадован этим. Практически он никогда не болел, а тогда слег. Он пропустил все. Вот как получается... А теперь, я думаю, нам лучше перейти к главной теме. Мне не хочется беспокоить доктора Певерала. Как вы заметили, он староват.

— Вы его заместитель и намного моложе,— улыбнулся Лаки.

— Да, конечно, чем я могу помочь?

— Разобраться с рудниками. Я думаю, в куполе есть записи — карты, схемы, что-нибудь, что покажет нам расположение главных шахт, тоннелей и так далее. Не можем же мы путешествовать наобум.

— Я уверен, что они есть,— согласился Кук.

— Можете ли вы найти их, и если вам не трудно, помочь нам разобраться в них?

— Разумеется.

— Теперь, как вы знаете, доктор Кук, рудники в хорошем состоянии. И надеюсь, что опасности обвала исключены.

— О, конечно. Я уверен. Мы строились прямо на шахтах и когда Обсерватория была впервые заселена, мы изучили большинство чертежей. Шахты хорошо укреплены и абсолютно безопасны, особенно при Меркурианском тяготении.

— Как случилось, что рудники были закрыты, если они в таком хорошем состоянии? — спросил Бигман.

— Скажите честно,— ответил Кук, и слабая улыбка прорвалась сквозь меланхолическое выражение его лица,— вам нужно правдивое или местное объяснение?

— Оба,— сразу же выпалил Бигман.

Кук предложил закурить. А затем взял сам сигарету, с рассеянным видом размял ее на тыльной стороне ладони.

— Правда такова. Меркурий очень плотен. Вначале надеялись на богатейшие месторождения тяжелых металлов: свинца, серебра, ртути, платины, золота. Они были. Не такие, как ожидалось, но достаточно богатые. К несчастью разработка их была неэкономична. Работа на рудниках здесь и перевозка породы на Землю или даже на Луну, делала себестоимость слишком высокой. Что же касается местного объяснения, то там все по-другому. Пятьдесят лет назад, когда обсерватория была впервые заселена, рудники продолжали еще разрабатываться, хотя некоторые шахты были уже закрыты. Первые астрономы слушали рассказы рудокопов и пересказывали их новичкам.

— Что же это за рассказы? — спросил Бигман.

— Кажется, о том, как умирали в шахтах.

— Пески Марса! — вскричал Бигман,— умирают везде. Вы думаете, кто-нибудь живет вечно?

— Они замерзали.

— Вот как?

— Это были загадочные случаи замерзания. В то время шахты были довольно хорошо утеплены и к тому же работали энергетические блоки в их скафандрах. Рассказы постепенно приукрашивались, и в конце концов рудокопы стали спускаться в главные шахты только группами, а во второстепенные не спускались вообще. И рудники закрыли.

Лаки кивнул и сказал:

— Вы достанете схемы шахт?

— Прямо сейчас. И заменю изо-скафандры.

Готовились, как к большой экспедиции. Новый изо-скафандр, заменивший разрезанный, был заново испытан. Кроме того, были и обычные скафандры для пребывания на Теневой стороне. Схемы были доставлены и изучены. Лаки вместе с Куком набросали возможный маршрут экспедиции, идущий по направлению к главным шахтам. Бигман остался упаковать контейнеры с гомогенизированной пищей и водой, которые можно было употреблять, находясь в скафандре. Проверяли заряды энергобаллонов и давление в кислородных баллонах, замеряли работоспособность блока удаления

отходов и регенерации воды. Сам Лаки совершил небольшое путешествие к «Метеору» по поверхности Меркурия, взяв с собой полевой ранец, содержимое которого он не обсудил с Бигманом. Вернулся Лаки без него, но с двумя небольшими приборами, похожими на толстые пряжки от ремней, немного изогнутые, тускло-стального цвета с красным стеклянным огоньком-треугольником в центре.

— Что это? — спросил Бигман.

— Экспериментальные микроэргометры,— сказал Лаки.— Они аналогичны корабельным, которые находятся на борту.

— Насколько они чувствительны?

— Конечно, не на сотни тысяч миль, как корабельные, но с их помощью можно обнаружить атомный генератор в пределах десяти миль. Смотри, Бигман, он реагирует на тебя. Видишь?

Ноготь большого пальца Лаки надавил на маленькую выпуклость на одной из сторон приборчика. Изнутри выдвинулся металлический отросток, потом спрятался обратно, и в то же время красное пятнышко на поверхности приборчика ярко вспыхнуло. Лаки стал поворачивать прибор в разные стороны. На одной из них красный треугольник запылал с яркостью новой звезды.

— Это, вероятно, направление, в котором находится атомная энергетическая установка купола,— заметил Лаки,— мы отрегулируем приборчики. Они немного разболтались.

Он занялся регулировкой с помощью двух маленьких кнопок, которые были вделаны в корпус так тщательно, что казались почти незаметными. Работая, он улыбался, его совсем еще молодое лицо сияло от удовольствия.

— Ты знаешь, Бигман, не было еще такого случая, чтобы я навестил дядюшку Гектора и он не познакомил меня с какой-нибудь новой безделушкой, разработанной Советом. Он утверждает, что в сложных ситуациях, которые всегда подстерегают нас,— ты ведь знаешь, как он говорит — нам всегда могут понадобиться эти вещи. Я иногда думаю, что он всего-навсего хочет, чтобы мы провели полевые испытания этих новинок. Хотя они могут и пригодиться.

— Каким образом, Лаки?

— А вот как, Бигман. Если в рудниках есть сириане, у них должен быть небольшой атомный генератор. Им ведь нужна энергия для тепла, для электролиза воды и мало ли еще для каких нужд. Этот эргометр может засечь генератор на довольно приличном расстоянии. А с другой стороны...

Он замолчал и Бигман знал, что означало это молчание. У Лаки появилась мысль, насчет которой он позднее будет говорить, как о слишком неопределенной и слишком сырой для обсуждения.

— Один из эргометров для меня? — спросил Бигман.

— Конечно,— проговорил Лаки, бросая один из приборов Бигману. Тот поймал его на лету.

Хенли Кук уже ожидал их, когда они переступили порог каюты, уже в скафандрах, но держа шлемы в руках.

— Я думаю проводить вас до ближайшей шахты,— сказал он.

— Спасибо,— ответил Лаки.

В куполе заканчивался мертвый час. Жизнь человека всегда основывалась на земном чередовании дня и ночи, даже когда дня и ночи не было вообще. Лаки специально выбрал это время, так как не хотел пойти в рудники во главе любопытствующей процессии. Доктор Певерал разделял его мнение. Коридоры купола были пустыми, а свет тусклым. Тяжелая тишина окружала их, и только шаги гулко звучали в пустых помещениях. Кук остановился.

— Это вход номер два.

— Все в порядке,— сказал Лаки.— Надеюсь, мы скоро увидимся.

— Конечно.

Кук открыл вход в пещеру со своей обычной мрачной грацией. Лаки и Бигман одели шлемы, плотно замыкая их на шее, вдоль парамагнитных полей. Лаки почти с наслаждением втянул в себя первую порцию консервированного воздуха. Он давно уже привык к нему. Сначала Лаки, а за ним и Бигман шагнули в шлюз. Толстая стена опустилась за ними.

— Бигман, ты готов? — спросил его Лаки.

— Можешь быть в этом уверен, Лаки,— послышался голос в наушниках. Маленькая фигура Бигмана казалась тенью в тусклом освещении шлюза. Стенка поднялась. Они почувствовали дуновение воздуха, вылетающего в вакуум, и шагнули вперед через отверстие шлюза. Прикосновение к рычагам наружного управления — и стенка снова опустилась за ними. Свет совсем померк. Стоя в абсолютной темноте, они оказались в молчаливых и пустых рудниках Меркурия.

Они щелкнули выключателями фонарей, и темнота исчезла на небольшом расстоянии вокруг них. Они осветили туннель, протянувшийся перед ними. Чем дальше они шли, он становился все более сумрачным, в конце концов исчезая в непроглядной тьме. Луч света имел резкие очертания, как обычно в вакууме. Все, что не было освещено лучом, оставалось в кромешной тьме. Высокий землянин и его маленький компаньон марсианин повернулись к этой темноте лицом и двинулись вперед, в недра Меркурия. У Бигмана было такое ощущение, что он здесь не первый раз, потом он догадался — туннели на Луне похожи на эти.

— Как на Луне,— сказал он шепотом.

— Ага,— подтвердил Лаки.

Стены изгибались, переходя в скалистый потолок. По своему сечению, для большей надежности, туннель был почти круглый вверху и почти прямоугольный внизу. Воздух внутри скафандра был, как мембрана, и отчетливо слышался стук собственных шагов. Шаги Лаки Бигман мог ощущать по едва заметной вибрации каменного пола. Эта вибрация не была звуком в полном смысле этого слова, но для человека, проведшего большую часть своей жизни в вакууме, в так называемом безвоздушном пространстве, это значило одно и то же. Он «слышал» вибрацию твердого материала более тонко, чем обычный землянин слышит вибрацию воздуха, называемую звуком. Они оставляли позади себя каменные колонны, служившие опорами для свода туннеля. И опять здесь было сходство с рудника-

ми Луны, только там тяготение было в два с половиной раза меньше. От главной шахты, по которой они шли, ответвлялись туннели. Лаки, казалось, не спешил, останавливался перед каждым проемом, сверяясь со схемой, которую он захватил с собой. Бигману не понравилось, что всюду им встречались следы человека, оставленные здесь: лампы дневного света, когда-то служившие для освещения коридоров, слабые отметины на тех местах, где парамагнитные переключатели двигали вагонетки, груженные рудой, углубления в стенах, где когда-то размещались комнаты и лаборатории, помещения, где шахтеры обедали, или исследовались образцы пород. Теперь все было демонтировано и разрушено. Остались только голые стены. Но Бигман не впадал в уныние. Да и как можно было унывать, если у тебя такое важное дело — не для прогулки же он пришел сюда.

— Лаки, эргометр не показывает ничего? — спросил он.

— Нет, не показывает. Ты лучше помолчи.

Это было произнесено тихо, без каких-либо интонаций, но Бигман знал, чем это вызвано. Он перевел переключатель связи для несущей волны и зашифровал сообщение путем внесения в него кодированных искажений. Это не было обычной принадлежностью скафандра, но у Лаки с Бигманом так было заведено. И Бигман почти инстинктивно присоединил шифратор к приемнику-передатчику, подготавливая их скафандры. Сердце Бигмана забилось чуть быстрее. Если Лаки переходил на связь по узконаправленной, зашифрованной волне,— значит опасность была велика. Или, в любом случае, она приближалась.

— Что случилось, Лаки?— спросил он.

— Надо поговорить,— голос Лаки обволакивал, как будто он раздавался со всех сторон сразу. Это было следствием недоработки в приемной части дешифратора, который выдавал небольшую порцию «шумов».

— По плану это туннель 7А,— сказал Лаки,— по нему можно относительно коротким путем пройти к одной из вертикальных шахт, выходящих на поверхность. Я собираюсь идти туда.

— Ты? Зачем?— спросил Бигман.

— Для того, чтобы выбраться на поверхность, — чуть усмехнулся Лаки.

— Для чего?

— Для того, чтобы по поверхности добраться до ангара и «Метеора» в нем. Когда я в последний раз приходил в корабль, я взял с собой изо-скафандр.

Бигман, переварив все это, снова спросил:.

— Значит, мы теперь отправляемся на Солнечную сторону?

— Верно. Я возьму курс на Большое Солнце. Я не могу уклониться в сторону. В конце концов, мне нужно идти в направлении солнечного зарева над горизонтом. Это все очень здорово упрощает.

— Брось, Лаки! Я думаю, сириане находятся именно в этих рудниках. Разве ты на банкете не утверждал это?

— Нет, Бигман. Я не утверждал этого. Я всего лишь поддакивал другим.

— Тогда почему же ты не сказал мне этого?

— Потому что не хотел рисковать, ты мог вспылить и выложить все не вовремя. Если бы я рассказал тебе, что спуск наш — часть более обширного плана, а потом по какому-нибудь поводу Кук обозлил бы тебя, ты бы сразу все выболтал.

— Нет, Лаки. Просто ты вообще не любишь рассказывать ни о чем, пока не будешь готов к этому.

— Тоже верно,— согласился Лаки,— в любом случае, ситуация именно такова. Я хочу, чтобы каждый думал, что я собираюсь в рудники, что у меня даже нет мыслей о Солнечной стороне. Ты думаешь, я убедил в этом всех наверху. Как бы не так. Проще всего было убедить тебя, но не их.

— Лаки, можешь ты сказать, зачем тебе это надо? Или это все еще большой секрет.

— Я могу тебе сказать. Я убежден, что за саботажем стоит кто-то из купола. Я не верю в сирианскую версию.

— Это значит, что здесь, внизу, в рудниках никого нет?— произнес Бигман разочарованно.

— Я могу ошибаться. Но я согласен с Куком. Слишком уж невероятно, что сириане вложили столько сил в создание секретной базы на Меркурии только для саботажа. Если они даже и захотят заниматься такими делами, то подкупят для этого землянина. Кроме того, кто-то все-таки разрезал изо-скафандр? В конце концов, это нельзя свалить на сириан. Даже доктор Певерал не согласен с тем, что в купол проникли сириане.

— Ты ищешь изменника, Лаки?

— Я ищу саботажника. Он может быть изменником, которому платят сириане, а может быть и человеком, преследующим свои интересы. И кроме того, я надеюсь, что наш отвлекающий маневр вторжения в рудники обманет саботажника, и он, успокоившись, будет действовать дальше.

— И что ты предполагаешь?

— Я узнаю это, когда обнаружу саботажника.

— О'кей,— сказал Бигман,— ты меня просветил, теперь пошли. Вот наш путь.

— Оставайся здесь!— сказал Лаки.— Великая Галактика! Парень, я сказал; что пойду сам. Изо-скафандр только один. Ты останешься здесь.

Впервые за все это время значение местоимений, используемых Лаки, дошло до сознания Бигмана. Лаки говорил «я», только «я», и ни разу не сказал «мы». До сих пор Бигман с доверием давней дружбы полагал, что «я»— это значит «мы».

— Лаки!— вскричал он.— Почему я должен остаться?

— Потому, что я хочу, чтобы люди в куполе были уверены, что мы здесь. У тебя будет план, и ты будешь следовать по этому маршруту, или по другому, параллельно ему. Докладывай им каждый раз. Говори им, где находишься, что видишь, говори правду. Ты не должен ничего выдумывать, кроме того, что я с тобой.

— Ну, а если они захотят поговорить с Лаки?— спросил Бигман.

— Ты скажешь, что я занят. Что тебе кажется, будто мы только

что видели сириан. Скажи, что я отключился. Сделай что-нибудь, но держи их в уверенности, что я здесь. Понял?

— Олл райт! Пески Марса! Ты пойдешь на Солнечную сторону и получишь все удовольствия, а я буду только блуждать кругами в темноте, разыгрывая представление по радио.

— Будь бдителен, Бигман. В рудниках тоже может случиться что-то невероятное.

— Клянусь, что сейчас здесь только мы. И кроме нас нет абсолютно никого.

— А ледяная смерть, о которой рассказывал Кук,— не удержался, чтобы не пошутить Лаки.— Ты можешь расследовать это.

— А, заткнись,— Бигман не понял юмора. Наступила короткая пауза. Затем Лаки положил руку на плечо друга.

— Ну ладно, Бигман, это не очень весело, но я извиняюсь. Ты сейчас взбодрись по-настоящему. Пройдет немного времени, и мы снова будем вместе. Ты хорошо знаешь это.

Бигман сбросил руку Лаки.

— Прекрати подлизываться. Ты сказал, чтобы я сделал это, и я сделаю так, как ты сказал. Только такой осел, как ты, по всей вероятности, схватит солнечный удар, если рядом не будет такого осла, как я, чтобы присматривать за тобой.

— Я постараюсь быть осторожным,— засмеялся Лаки. Он повернулся к туннелю 7А и не успел сделать и двух шагов, как Бигман окликнул его.

— Лаки!

— Что?— остановился Лаки.

Бигман прокашлялся.

— Слушай, не лезь в дурацкие переплеты, ладно? Я хочу сказать, что меня не будет рядом, чтобы вызволить тебя из беды.

— Теперь ты напоминаешь дядюшку Гектора,— сказал Лаки, — я думаю, что и ты тоже последуешь этому совету, а?

Только так, замаскированно, они выражали свою взаимную привязанность друг к другу. Лаки помахал рукой и на мгновение замер, его фигура мерцала в свете фонаря Бигмана. Затем он повернулся и пошел. Бигман смотрел ему вслед, пока Лаки не повернул за поворот туннеля и не исчез из виду. Бигман вдвойне ощутил тишину в одиночестве. Если он не был бы Джоном Бигманом Джонсом, он мог бы раскиснуть от ощущения потери, быть раздавленным, оказавшись в одиночестве. Но он был Джоном Бигманом Джонсом, и он напряг челюсти, сжал зубы и твердым шагом двинулся вперед по главной шахте. Пятнадцатью минутами позже Бигман впервые вызвал купол. Он был подавлен. Как он мог поверить, что Лаки всерьез рассчитывает на рудники? Скорее всего, Лаки дает сейчас радиовызовы специально для сириан, чтобы вызвать огонь на себя и выследить их? Конечно, волна его узко направлена, но передача не зашифрована, и ни одна волна не может быть настолько короткой, чтобы при известной настойчивости нельзя было её засечь. Он удивился, почему Кук согласился на это, и почти сразу же ему в голову пришла мысль, что Кук тоже не верил в сириан. Верил только Бигман! О, тупица! Бигман сосредоточился

на Куке и послал условный сигнал, означавший, что все в порядке.

— Все в норме?— донесся в ответ голос Кука.— А где Лаки?

— Пески Марса! Да Лаки впереди на двадцать футов. Ничего особенного не видно. И слушай, если я дам сигнал «все в порядке», жди нового вызова.

— Дай мне поговорить с Лаки Старром.

— Зачем?— с наигранной небрежностью в голосе спросил Бигман.— В другой раз.

— Олл райт,— поколебавшись, ответил Кук.

Бигман с усилием кивнул сам себе. Следующего раза не будет.

... Только как долго ему придется блуждать в темноте, прежде чем придет весточка от Лаки? Час? Два? Шесть? Прошло, быть может, часов пять, а от Лаки ни слова. Сколько он должен пробыть здесь? Сколько он еще может пробыть здесь? А что, если Кук потребует особой информации? Лаки велел описать ситуацию, но что, если Бигман не сумеет скрыть правду? Что если в его объяснении проскользнет намек на то, что Лаки ушел на Солнечную сторону? Лаки никогда не будет доверять ему. Ни в чем! Он отбросил эти мысли. Зачем думать о том, что тебе неприятно. Вот если бы здесь что-нибудь могло отвлечь от дурных мыслей. Что-нибудь, кроме темноты и вакуума, кроме слабой вибрации его шагов и звуков его дыхания.

Бигман остановился, определяя свое местонахождение. На стенах были надписи — имена и даты. Время не смогло стереть их. Ориентироваться здесь не составляло труда. Слишком низкая температура сделала бумагу, на которой был вычерчен план, хрупкой и держать ее надо было осторожно, и это тоже раздражало Бигмана. Он повернул нашлемный фонарь на пульт управления, вдавленный в грудь скафандра, чтобы включить регулятор влажности. Внутренняя поверхность стекла лицевого щитка шлема запотела от влаги, выделявшейся при дыхании, видимо, температура внутри скафандра поднялась вместе с ростом его раздражения — так объяснил себе это Бигман. Бигман уже заканчивал регулировку, вдруг он резко повернул голову в сторону и навострил уши. Он напрягся, почувствовав ритмичную вибрацию, которую он смог «услышать» только потому, что неподвижно стоял на месте. Бигман затаил дыхание, стараясь оставаться неподвижным, как стальная стена туннеля.

— Лаки?— дыхнул он в передатчик.— Лаки?

Пальцы правой руки марсианина коснулись ручек настройки прибора. Передача была зашифрована. Никто, кроме Лаки не мог его понять.

— Лаки?— снова повторил он.

Вибрация продолжалась. Ответа не было. Дыхание Бигмана участилось. Сначала с напряжением, потом с первобытной радостью, рожденной ощущением, которое всегда охватывало его при приближении опасности. В рудниках Меркурия был кто-то еще. Не Лаки, кто-то другой. Тогда кто? Сирианин? Бигман ждал ответа и улыбался. Бигман вытащил свой бластер и погасил нашлемный фонарь. Знают ли они, что Бигман здесь? Или они явились, чтобы захватить его? Бигман прислушался. Вибрация была негромкой.

Бигман сразу понял, что это шаги. И людей совсем немного. Он напряженно вслушивался и уже мог поклясться, что ступает всего один человек. Для чуткого уха Бигмана четко различимое «трам-трам» не могло быть ничем, кроме приближающихся шагов человека И Бигман не боится встретиться с любым, кто бы он ни был. Он вытянул руку, коснувшись ближайшей стены. Вибрация заметно усилилась. Чужак шел по направлению к Бигману. Бигман немного продвинулся вперед в кромешной темноте, по-прежнему касаясь стены рукой. Вибрация от его движения поглощалась вибрацией от шагов приближающегося, слишком сильных, слишком беспечных. Или тот, кто шел, верил, что в рудниках он один — как и Бигман за несколько минут до этого. Или он выслеживал Бигмана и не знал о способе передвижения в вакууме. Собственные шаги Бигмана были чуть громче шелеста, и это не мешало чувствовать вибрацию от шагов неизвестного. И опять, если другой преследовал Бигмана по звуку его шагов, неожиданная перемена в движении должна была отразиться и на шагах другого. Этого не случилось. Шаги оставались такими же, Бигман повернул направо, ко входу в боковой туннель. Его рука не отрывалась от стены, помогала ориентироваться и давала информацию о приближении неизвестного. А затем, далеко впереди, в темноте, появился слепящий свет от нашлемного фонаря. И когда луч скользнул по Бигману, он буквально втиснулся в стену. Луч исчез. Потом снова посветлело, но Бигман был уже спрятан в укрытие. Бигман поспешил вперед. Он найдет поперечный туннель и приблизится по нему к противнику. Тогда они встретятся. Он, Бигман, представляющий Землю и Совет Науки, и враг, представляющий... кого?

Расчет Бигмана был точен. Луч от фонаря неприятеля прыгал по стенам впереди, и марсианин сделал открытие: хозяин фонаря не подозревает о присутствии здесь Бигмана. Так и должно было быть. Бластер Бигмана был наготове. Он мог выстрелить немедленно. Мертвецы не рассказывают сказок, и мертвый враг не раскрывает тайн. Он устремился вперед с кошачьей грацией, сохраняя расстояние, преследуя свет, пытаясь выяснить личность противника.

Его бластер все время был наготове. Бигман приготовился к столкновению. Сначала нужно представиться по радио. Его пальцы быстро передвинули ручки настройки на одновременную передачу по всем каналам. Но враг может и не иметь приемника на несущих волнах Бигмана. Маловероятно, но возможно. Правда, всегда останется другой путь: всадить в стену заряд бластера. Это сделает его требование достаточно ясным. Бластер обладает авторитетом, и разговор с его помощью легко переводится на любой язык.

Он заговорил, вложив в свой тенор всю силу, которую только смог собрать:

— Стой, ты! Стой, где ты есть, и не вздумай повернуться! Бластер нацелен на тебя!

Бигман включил свой фонарь, осветив врага, застывшего в потоке света. Противник не сделал ни малейшего движения, чтобы повернуться, и Бигман понял, что сообщение было принято.

— Теперь повернись,— медленно сказал Бигман.

Человек повернулся. Бигман вытянул вперед правую руку. Металлическая перчатка крепко сжимала крупнокалиберный бластер. В потоке света он был хорошо виден.

— Бластер заряжен полностью,— сказал Бигман.— Я им уже убивал до этого, и я стреляю без промаха.

Было ясно, что у противника было радио и он слышал слова Бигмана, так как он взглянул на бластер и сделал движение, словно хотел защититься от него рукой. Бигман изучал скафандр врага. Он выглядел совершенно обычным. Или у сириан имеются столь похожие модели?

— У тебя есть радиопередатчик?— коротко спросил Бигман.

Неожиданно в его уши проник звук, заставивший его буквально подпрыгнуть. Голос был знакомым, даже несмотря на искажения передатчика.

— Это короткие волны, не так ли?— произнес тот, который стоял перед ним.

Никогда еще за всю свою жизнь Бигману не нужно было так сдерживать себя, чтобы не выпалить из бластера. Бластер конвульсивно дернулся в его руке, и человек быстро отпрянул к стене.

— Уртейл?— воскликнул Бигман.

Удивление его превратилось в растерянность, затем в вопрос: что он здесь делает?

Уртейл сказал:

— Это я, Уртейл. Так что убери свой пугач.

— Я уберу его, когда почувствую, что он больше не нужен,— сказал Бигман.— Что ты здесь делаешь?

— Я думаю, рудники Меркурия не являются твоей собственностью.

— Пока у меня бластер, они мои, понял ты, толстый ублюдок.— Бигман соображал с трудом и без всякого результата. Что еще можно было сделать с этим строптивым подонком? Доставить его в купол — значит раскрыть то, что Лаки нет в рудниках. Бигман может сказать, что Лаки задержался сзади, но затем у них могут появиться сомнения в этом. И вообще — что он может возразить Уртейлу. Рудники открыты для всех. С другой стороны он не мог долго вот так стоять, держа человека под прицелом. Если бы Лаки был здесь, то он бы знал как поступить. И как будто вспышка телепатии пересекла вакуум между двумя людьми.

— А здесь ли Старр?— спросил Уртейл.

— Насчёт этого тебе не следует беспокоиться,— ответил Бигман.— Ты следил за нами, не так ли?— и он чуть опустил бластер, как будто придавая сопернику смелость для ответа.

В свете фонаря Бигмана было видно, как под шлемом глаза Уртейла провожали бластер.

— А что, если и так?— ответил он.

— Мы шли по боковому проходу, а ты болтался у нас на хвосте,— сказал Бигман.

— Ну я же сказал: а что, если и так,— в голосе Уртейла слышались ленивые нотки, как будто он расслабился и наслаждался видом нацеленного на него бластера.

— А где же твой друг?— продолжал Уртейл.— Где-то поблизости не так ли?

— Я знаю, где он, а тебе по этому поводу нечего беспокоиться.

— Я беспокоюсь. Позови его. Твое радио на местной волне, иначе я не мог бы слышать тебя так хорошо... Ты не будешь возражать, если я хлебну воды? Меня мучит жажда.

Его рука медленно опустилась.

— Осторожнее!— проговорил Бигман.

— Только один глоток.

Бигман напряженно наблюдал за движениями его руки. Он не ожидал выстрела из оружия, которое приводилось в действие пультом на груди скафандра, но свет неожиданно усилился до слепящей резкости. Пальцы Уртейла закончили свои манипуляции, и Бигман услышал гулкие глотки.

— Я испугал тебя?— спросил Уртейл.

Бигман не нашел слов, чтобы ответить.

Голос Уртейла обрел твердость.

— Вызови Старра!

Под действием приказа руки Бигмана пришли в движение, а потом замерли.

Уртейл рассмеялся.

— Ты чуть не переключился на дальнюю связь, не так ли? Ты нуждаешься в дальней связи. Его здесь нет, не так ли?

— Ничего подобного!— горячо воскликнул Бигман. Он был в смятении. Огромный отвратительный Уртейл был прав. Он стоял здесь. Всего лишь один выстрел, и еще можно сделать себя хозяином ситуации, но с каждой секундой позиция Бигмана становилась все более затруднительной. Стрелять или не стрелять? Наверное, стрелять. Он знал, что не сможет этого сделать. Не было повода для этого. Но даже, если бы таковой нашелся, смерть человека сенатора Свенсона доставила бы ужасные неприятности Совету Науки. Если бы только Лаки был здесь!

Отчасти потому, что он желал этого столь горячо, его сердце екнуло, когда Уртейл поднял луч своего фонаря и направил его поверх Бигмана. Тот услышал, как Уртейл пробормотал:

— Я ошибался, а ты был прав, он идет сюда.

— Лаки?— оглянулся Бигман.

В обычное время Бигман довольно спокойно продолжал бы ждать, пока Лаки не подойдет и не положит руку на его плечо. Но сейчас чувствовал себя выбитым из колеи. Его положение было затруднительным, его желание найти выход из сложившейся ситуации мешало ему действовать. И он успел только выкрикнуть «Лаки», перед тем как упасть под тяжестью тела, вдвое большего, чем его собственное. На секунду он расслабился, и сильные пальцы уже сгибали и ломали его собственные. Бигман потерял дыхание, растерялся от неожиданности, и бластер отлетел прочь. Тяжелое тело поднялось с него, и когда он повернулся, чтобы подняться на ноги, над ним возвышался Уртейл. Бигман уставился в дуло собственного бластера.

— У меня есть свой,— усмехнулся Уртейл,— но я думаю, что

лучше использовать твой. Не дергайся. Стой как стоишь. На четвереньках. Вот так, правильно.

Впервые за всю свою жизнь Бигман ненавидел себя. Быть обманутым и одураченным таким образом! Он почти желал смерти. Он скорее умрет, чем когда-либо встретится с Лаки и скажет: «Он посмотрел на меня и сказал, что подходишь ты, и я обернулся».

— Стреляй, если у тебя для этого достаточно крепкие нервы,— сказал, задыхаясь, Бигман.— Стреляй, Уртейл, Лаки выследит тебя, и ты проведешь остаток своих дней в заключении на самом маленьком и холодном астероиде из всех, которые когда-либо превращались в тюрьму.

— Лаки сделает это? Где же он?

— Найди его.

— Я найду, потому что ты скажешь, где он сейчас находится. И еще скажешь мне, почему он прежде всего спустился в рудники.

— Для того, чтобы найти сириан. Ты же слышал его.

— Чтобы найти газ хвоста кометы,— захохотал Уртейл.— Это старый дурак Певерал может рассуждать о сирианах, но твой друг не поверил и слову из сказанного им. Он спустился сюда не потому, что он ожидал здесь что-нибудь найти, он это сделал по другой причине. И ты расскажешь мне об этой причине.

— Почему это я должен тебе рассказывать?

— Чтобы спасти свою ничтожную жизнь.

— Она для меня не настолько дорога, как ты думаешь,— сказал Бигман. Он поднялся на ноги и шагнул вперед.

Уртейл отступал назад до тех пор, пока не уперся спиной в стену туннеля.

— Еще одно движение, и я с удовольствием покончу с тобой. Я не очень нуждаюсь в твоей информации. Она мне нужна, но я обойдусь и без нее. А сейчас стой спокойно, и я расскажу тебе, что я думаю по этому поводу. Это покажет тебе, что ты и твой дешевый герой Старр никого здесь не смогут одурачить. Ни один из вас не годен ни для чего, кроме как для трюков с силовыми полями, направленных против безоружного человека.

Бигман усмехнулся про себя: так вот что задело тебя, подонка, за живое. Я выставил его ослом перед другими парнями, и сейчас он ждет, когда я начну пресмыкаться перед ним.

— Если ты всерьез собираешься сделать все, о чем ты говорил,— проговорил Бигман, вкладывая в свой голос как можно больше презрения,— ты можешь стрелять. Я предпочту быть убитым, чем что-нибудь рассказать тебе.

— Не геройствуй, никто этого не оценит, приятель. Во-первых, сенатор Свенсон сокрушит Совет Науки. Ты всего лишь заноза, ничтожная заноза. Твой друг Старр тоже один из тех, над кем свершится неизбежное. Мы возьмем Совет, где и когда захотим. Люди Земли знают, что он поражен коррупцией, его сотрудники транжирят деньги налогоплательщиков и набивают свои собственные карманы.

— Это ложь!— прервал его Бигман.

— Мы предоставим это решать народу. Однажды нам удалось

прекратить лживую пропаганду, распространяемую Советом. Мы посмотрим, что думают люди насчет всего этого.

— Ну что ж, попытайся сделать это!

— О, мы сделаем. И вы двое в рудниках будете экспонатами номер один. Я знаю, почему вы здесь. Сириане! Ха! Старр нашел подход к Пераралу, и тот выложил свою историю. Я расскажу тебе, что вы двое делаете здесь, внизу. Вы хотите имитировать сириан. Вы устраиваете здесь сирианский лагерь, чтобы потом показать его людям.

— «Я выгнал их без посторонней помощи»— будет говорить Старр. «Я, Лаки Старр,— великий герой.» Субпространственная передача оказалась невозможной, и Совет втайне отклонил свой проект «Свет». Они хотят надуть всех. Но у них ничего не выйдет, потому что я захвачу Старра на месте преступления, и он будет весь в дерьме, так же как и Совет.

Бигмана переполняло бешенство. Он был готов броситься на Уртейла с голыми руками, но каким-то образом ему удалось сдержать себя. Он знал, почему Уртейл с ним так разговаривает. Потому, что этот человек на самом деле не знал столько, сколько хотел знать. Он хотел вытянуть из Бигмана побольше, ослепив его бешенством. Тихим голосом Бигман попытался смешать козыри.

— Ты ведь знаешь, подонок, если когда-нибудь кто-то проткнет тебя и выпустит из твоего брюха вонючий газ, твоя дешевая продажная душонка сама покажет себя. В то же время из тебя выпустят всю гниль, и ты будешь просто огромным пустым мешком из грязной шкуры.

— Достаточно... — вскричал Уртейл.

Но Бигман заорал еще громче, звеня своим высоким голосом на немыслимых нотах.

— Стреляй, ты, трусливый пират. Ты уже был выставлен, как трус, за банкетным столом. Встань передо мной, лицом к лицу с пустыми руками, и ты снова струсишь, останешься надутым, таким, какой ты есть на самом деле.

Бигман был возбужден. Он хотел заставить Уртейла действовать в порыве ярости, заставить его потерять самообладание и выстрелить. И тогда Бигман отпрыгнет. Вероятнее всего, он погибнет в полете, но возможна и счастливая случайность, и он останется жив. Но Уртейл не спешил. Он был холоден.

— Если ты мне не расскажешь всего, я тебя убью. И мне ничего это не будет стоить. Я скажу, что оборонялся, и все на этом закончится.

— Но Лаки все поймет.

— Он будет занят своими неприятностями. Когда я встречусь с ним, он уже ничего не будет значить.

Бластер был неподвижен.

— Ты думаешь тебе удастся удрать?

— От тебя?— спросил Бигман.

— Ну, хватит,— холодно проговорил Уртейл.

Бигман ждал, не говоря ни слова.

Бигман считал мгновения, стараясь уловить то, в котором он

должен был действовать, совершить отчаянный прыжок к жизни, какой сделал Лаки, когда его так же держал на мушке Майндз. Но здесь не было возможности обезвредить Уртейла, взять его на себя, как Бигман сделал это с Майндзом в том случае. Уртейл не был сумасшедшим паникером. Мускулы Бигмана напряглись для решающего прыжка. Хотя он уже не рассчитывал прожить больше пяти секунд. И почти смирился с этим.

Но когда все тело Бигмана напряглось и мышцы ног превратились в пружины, внезапно раздался хриплый крик. Они находились здесь, в мрачном, темном мире, и лучи их фонарей выхватывали из мрака друг друга. За пределами этих лучей не было ничего. Но внезапно что-то произошло. Что-то двинулось. Однако было только ощущение движения, что-то двигалось во мраке, темная сила исходила от этого движения. Первой мыслью было: «Лаки! Вернулся Лаки! Он каким-то образом нашел выход из создавшегося положения и теперь выручает его».

Но движение исходило не от одушевленного предмета, и мысль о Лаки исчезла. Как будто часть стены шахты высвободилась от камня и медленно опускалась. Замедленность вообще характерна для слабого тяготения Меркурия.

Веревка из камня, каким-то образом приобретя гибкость, ударила Уртейла в плечо... и прилипла к скафандру. Еще одна медленно приближалась, опускаясь сверху вниз. Ее конец захватил руку Уртейла и коснулся металла, закрывавшего его грудь. Скальные канаты заключали в себе непреодолимую силу. Это были каменные удавы. Первой реакцией Уртейла было удивление, а затем в его голосе появился ужас.

— Холодно,— хрипло заорал он.— Они холодные

Обломок скалы обнял нижнюю часть руки и запястья Уртейла. Курок бластера был крепко захвачен. Еще одна веревка поползла вниз. Она была столь похожа на камень, что оставалась невидимой до тех пор, пока не отделилась от скалы. Все канаты были связаны друг с другом в единый организм, но у него не было ядра, не было «тела». Это было похоже на каменного осьминога, состоявшего из одних шупалец. Бигмана вдруг осенило. Он думал о скалах, в которых в течение долгих эр меркурианской эволюции, развивалась жизнь, совершенно отличная от всех, известных на Земле. Жизнь, существующая только благодаря порциям тепла, получаемого извне. А почему бы и нет? Щупальца переползают с места на место, выискивая малейшую порцию тепла, какую только можно было ощутить. Бигман представил их кочующими к северному полюсу Меркурия, когда человек впервые обосновался здесь. Сначала рудники, потом купол обсерватории снабдили их многочисленными источниками тепла. Человек тоже мог быть их добычей. Он тоже был источником тепла. Время от времени одинокий рудокоп мог быть опутан ими. Парализованный внезапным холодом и ужасом, он был не в силах позвать на помощь. Несколькими минутами спустя заряд блока питания становился настолько мал, что радиосвязь становилась невозможной. Еще через некоторое время рудокоп был мертв. Замороженные мощи. Сумасшедшая теория Кука о

гибели в шахтах получила подтверждение. Все это молнией пронеслось в мозгу Бигмана, пока он оставался неподвижным, борясь с чувством ошеломляющего изумления, вызванного внезапным поворотом событий.

— Я ... не могу... помоги мне... помоги... Она холодная... холодно...

Бигман крикнул:

— Держись, я иду!

В этот момент он забыл, что это его враг, что несколькими мгновениями раньше он хладнокровно хотел убить его, Бигмана. Маленький марсианин сознавал только одно: здесь был человек, беспомощный, в объятиях чего-то нечеловеческого. С тех пор как человек впервые покинул Землю и столкнулся с тайнами и опасностями открытого космоса, появился неписаный закон. Людские распри должны быть забыты, когда человечеству угрожает опасность. Угрожают нечеловеческие силы других миров. Быть может, не каждый соблюдал этот закон, но Бигман чтил его и стал освобождать врага от ледяных объятий.

— Помоги мне, — бормотал Уртейл.

Бигман схватил бластер, все еще зажатый в руке Уртейла, пытаясь ускользнуть от щупалец, опутавших Уртейла.

Он заметил, что щупальца не имели плавного змеиного изгиба, а сгибались секциями, как будто собранные из бесчисленных множеств твердых сегментов, скрепленных воедино.

Пытаясь ухватиться за скафандр Уртейла, рука Бигмана коснулась одного из щупалец и рефлекторно отдернулась. Ледяной холод проник через перчатку и ожёг руку. Странно, подумал Бигман, каким способом она вытягивает тепло из тела. Бигман отчаянно рвал бластер, приподнимая и выкручивая его. И сначала он не почувствовал ледяного прикосновения к спине, но затем холод объял и его и больше не отпускал. Когда он попытался отпрыгнуть, то увидел, что уже не может сделать этого. Щупальца протянулись и обняли его.

Казалось, эти двое рождены вместе, настолько тесно они были прижаты друг к другу.

От холода возникла мучительная боль, но Бигман выкручивал бластер, как одержимый.

Бормотание Уртейла ошарашило его:

— Бесполезно...

Уртейл пошатнулся, а затем влекомый слабым тяготением Меркурия, опрокинулся на бок, увлекая за собой Бигмана. Тело марсианина окоченело и потеряло чувствительность. Фонарь на шлеме Бигмана тускнел по мере того, как энергия блока питания переходила в прожорливые, сосущие энергию щупальца.

Ледяная смерть уже была недалеко.

Лаки, оставив Бигмана в рудниках Меркурия и переодевшись в изо-скафандр, из тишины, царящей в ангаре «Метеора», вышел на поверхность Меркурия и повернул лицо к «белому призраку Солнца». Довольно долго он стоял неподвижно, снова рассматривая молочную люминесценцию Солнечной короны. Наблюдая, он раз-

минал руки и ноги. Изо-скафандр был более мягок и гладок, чем обычный космический. Это, сочетаясь с его легкостью, создавало необычное ощущение отсутствия скафандра вообще. Звезды были столь же ярки и многочисленны, как в открытом космосе, и он не обращал внимания на них. Он искал в небе нечто другое. Прошло два земных дня с тех пор, когда он последний раз видел эти небеса. В течение этих дней Меркурий передвинулся на одну сорок четвертую часть своей орбиты вокруг Солнца. Это значило, что более восьми процентов неба появилось на востоке и столько же исчезло на западе. Это означало, что на небе зажглись новые звезды и планеты. Венера и Земля должны были возникнуть на небе, одна вслед за другой. И они взошли. Венера повыше, бриллиантово-ослепительная крупинка белого света, куда более яркая, чем кажется с Земли. Оттуда Венера видна из невыгодного положения. Она проходит между Землей и Солнцем, так что когда Венера наиболее близка к Земле, просматривается только ее теневая сторона. С Меркурия Венера была видна полностью освещенная. В это время она находилась на расстоянии тридцати трех миллионов миль отсюда. Однако наиближайшее расстояние составляло двадцать миллионов миль, и тогда зоркий глаз мог увидеть ее как крошечный диск. Но даже сейчас ее свет почти соперничал со светом Короны, освещая скалы. Лаки подумал, что он может повернуться так, что от него будут отходить сразу две тени: одна — от света Короны, неясная и расплывчатая,— другая от Венеры, гораздо более резкая. Он подумал, могла бы при идеальном стечении обстоятельств возникнуть еще одна тень, третья — от самой Земли. Землю он тоже обнаружил без труда. Она находилась у самого горизонта и хотя была ярче, чем любая другая звезда или планета на небе, выглядела гораздо бледнее по сравнению с великолепной Венерой. Земля была более тусклой, находилась дальше от Солнца. Её окружали облака, и поэтому она отражала меньше света, чем могла бы. Тем более, что была в два раза дальше от Солнца, чем Венера. Но, с другой стороны, Земля выглядела великолепно. Если свет Венеры был абсолютно белым, то свет Земли имел зеленоватый оттенок. И около Земли, почти скрываясь за линией горизонта, висела маленькая желтая точка Луны. Вместе Земля и Луна представляли собой уникальнейшее зрелище на небосводах планет, расположенных внутри орбиты Юпитера. Лаки любовался этим зрелищем больше, чем следовало бы, но он не мог отвести от него глаз. Обстоятельства часто забрасывали его далеко от родной планеты, поэтому она становилась для него все дороже. Квадрильоны людей, живущих по всей Галактике, были родом с Земли. Как и для всего человечества, она была его настоящим домом. Какой человек без трепета мог смотреть на крупинку земного света. Лаки отвел глаза и встряхнул головой. Его ждала работа, которую надо было делать. Твердыми шагами он направился навстречу мерцающей Короне, скользя по поверхности, что было обычным при низком тяготении, держа фонарь включенным и сосредоточив взгляд на почве, чтобы не споткнуться о неровности грунта.

Он предполагал, что сможет во всем убедиться сам, но это были

только предположения. Обычно Лаки ни во что не верил заранее и не надеялся только на интуицию. Он видел, как это случалось с кипучим, готовым поверить и готовым действовать Бигманом. Не раз неопределенные вероятности становились в сознании Бигмана твердыми убеждениями... Он слегка улыбнулся при мысли о маленьком забияке. Тот мог быть безрассудным, иногда ограниченным, но при всем этом был верен и бесстрашен. Лаки предпочел бы иметь под боком Бигмана, чем эскадру космических крейсеров с мускулистыми верзилами на борту. Сейчас, когда он несся прыжками по сухому грунту Меркурия, исчезли неприятные ощущения, вначале преследовавшие Лаки, и он вернулся к размышлениям о насущных проблемах. Проблемы заключались в разнообразии мнений и характеров людей, идущих вразрез с общепринятыми.

Во-первых, это был сам Майндз, нервный, неуравновешенный, неуверенный в себе. Верно ли то, что его нападение на Лаки было следствием временного помешательства, а может быть, в этом поступке был холодный расчет. И еще Гардома, друг Майндза. Был ли он убежденным идеалистом, помешанным на мечтах о проекте «Свет», или же он связан с Майндзом какими-то чисто практическими соображениями. Если это так, то каковы эти соображения? Уртейл был главным поводом для беспокойства. Он намеревался сокрушить Совет, и объектом главной его атаки был Майндз. Его высокомерие вызывало ненависть, где бы он ни появился. Конечно же, Майндз ненавидел его, и Гардома тоже. Доктор Певерал ненавидел его более сдержанно. Он даже отказался разговаривать о нем с Лаки. За банкетным столом Кук, казалось, уклонялся от разговоров с Уртейлом, не разрешал себе даже взглянуть в его сторону. Было ли это просто потому, что Кук опасался нарваться на грубый окрик Уртейла, или же за этим кроются какие-то другие, более глубокие причины? Лаки задумался также о Певерале. Ему было стыдно за старика, помешанного на сирианах. И еще был вопрос, стоящий особняком от остальных, на который тоже надо было найти ответ. Кто разрезал скафандр? Слишком много событий, слишком много фактов. У Лаки была догадка, связывающая все это воедино, но связь эта была еще слишком слаба. И снова он не стал концентрировать внимание на этой мысли. Его голова должна остаться ясной. Ночь постепенно убывала. Ноги несли его сами вверх по склону. Лаки был настолько озабочен своими мыслями, что зрелище окружающего мира возникло перед ним внезапно. Над изломанным горизонтом виднелось еще не само Солнце, а только самый краешек его верхней части. Виднелись только самые кончики его протуберанцев, взлетающих над поверхностью светила. Протуберанцы были ярко-красного цвета, и один из них находился в центре поля зрения. Он состоял из потока огня, медленно движущегося над горизонтом. Это было зрелище потрясающей красоты. Языки пламени, казалось, вырастали из темной поверхности Меркурия, как будто весь горизонт горел, или вулкан гигантских размеров неожиданно пробудился и заговорил в полную силу. Протуберанцы были несравненно более величественными, чем все, что появлялись перед ним на Меркурии до сих пор.

Каждый из них мог бы накрыть сто таких планет, как Земля или пять тысяч, как Меркурий. Они горели атомным огнем, освещая Лаки и все, что было вокруг него. Лаки выключил фонарь. Поверхность скал, обращенная непосредственно к протуберанцам, освещалась красноватыми отблесками, другая их сторона была черна, как уголь. Как будто кто-то нарисовал бездонную черную пропасть с красными краями. Действительно, это был «Красный Призрак Солнца». Тень от руки Лаки легла ему на грудь лоскутом темноты. Почва стала обманчивой, так как лоскутки света не захватывали каждую неровность. Лаки снова включил фонарь и двинулся вперед, навстречу Солнцу, которое приближалось. Это было ясно, потому что светлело буквально на глазах, и вот-вот должно было выйти светило, вернее, он должен был перейти на солнечную сторону Меркурия. Лаки не мог знать, что как раз в эту минуту Бигман встретился лицом к лицу с ледяной смертью. Когда он увидел Солнце, у него в голове была только одна мысль, там, впереди, находится опасность и решение всей проблемы, там находится ключ к ее разрешению.

Теперь была видна большая часть протуберанцев. Их краснота становилась все ярче. Корона не рассеивалась. Здесь не было атмосферы, рассеивающей свет протуберанцев, не было дымки, растворяющей их. Звезды все еще были видны и будут видны. Лаки знал это. Звезды будут гореть даже тогда, когда меркурианское Солнце полностью покажется на небе. Но кто станет на них обращать внимание? Лаки двигался вперед широкими шагами, он мог идти часами, не испытывая усталости.

Но вот внезапно Солнце показалось на горизонте. Это была линия света над изломами скал, как будто какой-то небесный художник провел кистью по серому камню ослепительно-белую полосу. Лаки оглянулся назад. Неровная поверхность позади него была испещрена красными лоскутами отблесков протуберанцев. А здесь, прямо у его ног, начиналась волна белого цвета. Он снова двинулся вперед и линия света, бывшая вначале маленькой полоской, становилась все шире и шире. Поверхность Солнца становилась отчетливо видна, немного приподнятая в центре, мягко закругляющаяся по краям. Закругление было странно плоским для того, чьи глаза привыкли к округлой поверхности Солнца на Земле. Но солнечное великолепие не поглощало протуберанцы, извивающиеся по краям, как огненно-красные змееподобные полосы. Конечно, протуберанцы располагались по всей поверхности Солнца, но видны они были только по краям. В других же местах они терялись на фоне ослепительного диска. А над всем этим была корона!

Лаки наблюдал и удивлялся, насколько изо-скафандр был приспособлен к этим условиям. Вид края меркурианского солнца мог ослепить незащищенный глаз, ослепить навсегда. Такова была его интенсивность. Кроме того тут были и местные ультрафиолетовые лучи, не поглощаемые атмосферой, которые могли не только ослепить, но и убить. Стекло шлема было устроено таким образом, что теряло прозрачность и становилось темнее от яркого солнца. Только несколько процентов солнечного света проникало через этот

экран, и Лаки мог безопасно смотреть на светило. В то же время, свет звезд и Короны проходил через стекло неослабленным. Изоскафандр защищал его и от других опасностей. Он был пропитан свинцом и висмутом, не настолько, чтоб вес его увеличился, но вполне достаточно, чтобы защитить от рентгеновских и ультрафиолетовых лучей. Скафандр нес в себе положительный заряд, отталкивающий космические лучи. Магнитное поле Меркурия было слабым, но планета находилась вблизи от Солнца, и плотность космических лучей была велика. Так как космические лучи состояли из положительно заряженных протонов, то они отталкивались от изо-скафандра. И, конечно, скафандр защищал от жары, не только потому, что в нем были изоляционные слои, но и благодаря своей зеркально отражающей поверхности, псевдо-прозрачному молекулярному слою, который можно было включить поворотом ручки регулировки. Лаки углубился на солнечную сторону больше чем на милю, но все еще не ощущал ожидаемой жары. Это не удивило его. Для домоседа, черпающего знания о космосе только из стереофильмов, Солнечная сторона любой лишенной атмосферы планеты представлялась сжигаемой чудовищной жарой. А Лаки понимал, что температура зависит от высоты солнца над поверхностью планеты. Там, дальше, будет удушающая жара. А здесь, на границе ночи и дня, где лучи падают на почву не под прямым углом, они отдают только часть своего тепла и уносятся в пространство космоса. «Климат» менялся по мере углубления на Солнечную сторону, и в конце концов, когда значительная часть солнечного диска стояла уже высоко над горизонтом, все было, как в стереофильме. Кроме того, везде были тени. В безвоздушном пространстве свет и тепло не рассеивались. Все предметы имели четко очерченные контуры. В отличие от освещенных участков, в тени не было почти никакой радиации, хотя Солнце было таким же, горячим и ярким. Лаки с удивлением наблюдал за тенями. Сначала, когда показалась верхняя полоска Солнца, ландшафт был весь в тени, с беспорядочными пятнами света, разбросанными повсюду. Теперь, когда Солнце поднималось все выше и выше, эти пятна расширялись до тех пор, пока не появились тени, находящиеся позади холмов и скал. Лаки вошел в тень от гигантской скалы, достигающей сотни ярдов в поперечнике, и испытал такое ощущение, как будто он снова очутился на Теневой стороне. Жар Солнца в тени сразу же исчез. Все вокруг было ярко освещено Солнцем, но в тени для передвижения был необходим свет фонаря. Лаки не мог не заметить разницу в ландшафтах в тени и на свету. На Солнечной стороне Меркурия была своеобразная атмосфера. Она была не похожа на земную: водород, кислород, двуокись углерода, водородные пары – ничего подобного здесь не было. Однако, ртуть на Солнечной стороне должна была кипеть. Сера должна была находиться в жидком состоянии, так же, как и ряд других легкоплавких элементов. Следы испарений этих веществ висели над перегретой поверхностью Меркурия. В тени пары остывали и конденсировались. Это пришло в голову Лаки, когда его пальцы в изоперчатке коснулись темной поверхности скалы. К перчатке прилипла замерзшая инеем ртуть, блестевшая

в свете его фонаря. Когда Лаки снова вышел под лучи Солнца, иней быстро превратился в капельки, а затем они испарились и улетучились. Солнце постепенно становилось все жарче. Это не беспокоило Лаки. Даже если бы ему стало чересчур жарко, он всегда смог бы спрятаться в холодной тени. Радиация представляла собой более серьезную опасность. Но он знал, что будет находиться здесь недолго. Люди на Меркурии боялись радиации, потому что были вынуждены постоянно подвергаться малым дозам облучения. Лаки вспомнил, что Майндз удивился, увидев, что саботажник оставался неподвижным под лучами Солнца. Понятно, что сам Майндз избегал этого. Когда радиация постоянна, всякое лишнее время, проведенное под облучением — глупость, или занятие для самоубийцы.

Он быстро двигался по пятнам черного грунта, мрачно выделявшимся на фоне преобладающего на Меркурии красно-серого цвета. Этот цвет был здесь обычен. Он напоминал почву Марса: смесь силиката с окисью железа, дающий этот рыжий оттенок. Черный грунт был интересен. Он должен был больше накаляться, так как черное поглощает гораздо больше солнечного света. По пути он несколько раз наклонился и нашел, что черные участки рыхлые и более рассыпчатые. Это мог быть графит, сульфит железа или меди, но Лаки готов был поклясться, что это все-таки одна из разновидностей сульфита железа с некоторыми примесями. В конце концов, остановившись в тени скалы, Лаки осмотрелся. По его расчетам за полтора часа он преодолел около пятнадцати миль. По солнцу, поднявшемуся в небе, он рассчитал, что должен был пройти именно этот путь. Он отхлебнул немного питательной смеси из запасов скафандра и пошел дальше. Где-то слева от него проходили кабели проекта «Свет». Где-то справа — другие кабели Майндза. Их точное местонахождение его сейчас не интересовало. Они покрывали сотни квадратных миль и бесполезно было искать по всей этой территории саботажника. Это было глупо. Майндз старался это сделать и прогадал. Если тот, кого он видел, действительно был саботажником, то он мог быть предупрежден из Купола Майндз не делал секрета из того, что направляется на Солнечную сторону. Лаки держал все в тайне и надеялся, что такого предупреждения не последует. И у него была подмога, которой не было у Майндза. Он достал из кармана маленький эргометр и положил его на ладонь, направляя на него свет своего фонаря. Красная сигнальная лампочка эргометра вспыхнула ослепительным огнем, когда Лаки направил прибор в сторону Солнца. Улыбнувшись, он отрегулировал эргометр. Лампочка потухла. Затем Лаки вышел из тени и поочередно направил эргометр на все четыре стороны. Был ли где-нибудь источник ядерной энергии, исключая Солнце? Конечно, он без труда определил направление к куполу, пламя резко вспыхнуло, когда он направил эргометр вниз. Атомная станция купола была на глубине внутри планеты, угол наклона в двадцать градусов точно определял направление к ней. Он медленно повернулся, держа эргометр между двумя пальцами, чтобы защитный материал скафандра блокировал сигнал от солнца. Казалось, что на

одном из направлений лампочка чуть заметно вспыхнула. Возможно, это всего лишь плод воображения, не более того. Он сделал еще одну попытку. Сейчас ошибки быть не могло!

Лаки засек направление сигнала и двинулся вперед. Он понимал, что это могло быть месторождение радиоактивных руд. Примерно через милю, он заметил один из кабелей, а вскоре и сплетение кабелей, полускрытых под почвой. Лаки прошел вдоль них несколько сотен ярдов и наткнулся на квардратную металлическую пластину, отполированную до зеркального блеска. Как в чистом озере, в ней отражались звезды.

Без сомнения, размышлял Лаки, если найти определенную точку, то можно увидеть отражение Солнца. До него стало доходить, что пластина меняет угол наклона, становясь более вертикальной. Он оглянулся, чтобы проверить, не делается ли это с целью поймать отражение Солнца. Когда посмотрел вниз еще раз, то очень удивился. Пластина не была зеркальной. Напротив, она была тусклочерной. Столь тусклой, что казалось, будто весь свет Меркурианского солнца не заставит ее блестеть. Наблюдая дальше, он заметил, что тусклость задрожала и, сломавшись, расплылась. И снова появился блеск. Лаки наблюдал еще три цикла предмета, меняющегося по мере того, как угол плоскости становился все более вертикальным. Сначала невообразимо чистое отражение, а затем — совершенная чернота. Лаки пришел к выводу, что когда пластина чернеет, свет поглощается, а при зеркальности — отражается. Смена фаз могла быть регулярной, или же с различными промежутками времени. Он не мог терять времени на выяснение причин такого превращения, и даже, если он будет наблюдать все это дальше, его знания в гипероптике недостаточны, чтобы понять смысл происходящего.

Вероятно, сотни или даже тысячи таких пластин, соединенных сетью кабелей и питающихся от атомных генераторов в Куполе, поглощали и отражали свет по заданной программе, под различными углами к Солнцу. Возможно, это каким-то образом могло сделать управляемой гиперпространственную передачу энергии. Но и порванные кабели и разбитые пластины не позволяли слаженно работать всей этой системе.

Лаки снова включил эргометр. Лампочка его горела намного ярче, и он опять показывал то же направление. Ярче, ярче! По мере того, как он приближался к месту радиации, оно меняло свое направление. Источник гамма-лучей не был неподвижной точкой на поверхности Меркурия. А это означало, что там было не просто месторождение радиоактивных руд. Это было нечто двигающееся, и для Лаки означало, что это был человек или его изобретение. Сначала Лаки увидел движущуюся черную точку среди облитых огнем скал. Это случилось после длительного перехода под открытым огнем солнца, когда ему захотелось уйти в тень, в которой улетучилось бы медленно накапливающееся тепло. Но теперь было не до отдыха, и он ускорил шаг. Лаки прикинул, что температура на поверхности скафандра была близкой к точке кипения воды. К счастью, внутри скафандра она была намного ниже. В голову ему

пришла мрачная мысль о том, что когда Солнце станет выше, даже от скафандра будет мало толку. По мере приближения, точка переросла в человеческую фигуру, которая следовала своим путем, всем своим видом показывая, что об использовании низкой гравитации, она не имеет понятия. Напротив, ее движения могли быть названы почти неуклюжими. Но несмотря на это, скорость ее была довольно высокой. На человеке не было изо-скафандра. Даже на большом расстоянии Лаки видел, что он был покрыт только металлом. Лаки передохнул в тени скалы, а потом снова вышел под открытое Солнце, и случилось это гораздо раньше, чем ему хотелось бы. Фигура, казалось, была безразлична к жаре. По крайней мере, за то время, как она находилась в поле зрения Лаки, она не сделала ни одного движения в сторону тени, хотя проходила в нескольких футах от нее. Лаки задумчиво кивнул. Все шло по плану. Он поспешил вперед. Жара чувствовалась уже как нечто осязаемое, до чего он мог дотронуться рукой. Но теперь пройти оставалось чуть-чуть. Он использовал свой коронный прыжок. Каждая молекула его мускульной силы вкладывалась в гигантские прыжки. Прыжок — и пятнадцать футов позади.

— Эй, ты! Там! Повернись!— закричал он.

Лаки произнес это повелительно, со всей властностью, которую он только мог вложить в голос, надеясь, что тот примет радиосигнал и будет в состоянии понять его. Фигура медленно повернулась, и Лаки вздрогнул. Все было так, как он и предполагал. Фигура эта не была человеком. В ней вообще не было ничего человеческого.

Фигура была высокой, выше Лаки. В ней было около семи футов роста и она была очень широкой. Руки, ноги, голова — все было металлом, сверкающим там, где светило солнце, и зловеще черным в тени. Но под металлом не было ни мяса, ни крови, а снова только металл, механизмы, электроника, микрореактор, снабжающий этот организм атомной энергией и испускающий гамма-лучи, которые и засек Лаки своим карманным эргометром. Конечности его были нечеловеческие, ноги широко расставлены в стороны. Он остановился перед Лаки. На месте глаз сверкали два фотоэлектрических кристалла с тускло-красным огнем. Вместо рта в нижней части «лица» был прорез в металле.

Это был робот. И Лаки понял, только взглянув на него, что робот этот не земного производства.

Земля использовала позитронных роботов, но такая модель не создавалась никогда. Рот робота неравномерно открывался и закрывался, как будто он говорил.

— Я не могу слышать в вакууме, робот,— сурово сказал Лаки, зная, что необходимо дать ему понять, что перед ним человек, следовательно, господин,— включи радио.

Теперь рот робота оставался неподвижным, но голос его, грубый и нечеткий, с неестественными промежутками между словами, зазвучал в приемнике Лаки. Он сказал:

— Чем вы занимаетесь, сэр? Почему вы здесь?

— Не спрашивай меня. А отвечай, почему ты здесь?

Робот мог говорить только правду. Он ответил:

— Я проинструктирован нарушать определенные объекты через заданные интервалы времени.

— Кем?

— Я проинструктирован не отвечать на этот вопрос.

— Ты сирианского производства?

— Я создан на одной из планет Конфедерации Сириуса.

Лаки нахмурился. Голос металлического существа был очень неприятен. Те роботы земного производства, которые Лаки видел в экспериментальных лабораториях, были снабжены речевыми устройствами, когда они говорили, звучали хорошо поставленные человеческие голоса. Разумеется, сирианам еще предстояло поработать в этом направлении. Мозг Лаки переключился на более насущные проблемы.

— Я должен найти затененную местность,— сказал он,— следуй за мной.

Робот ответил сразу же:

— Я отведу вас к ближайшей тени.

Он рысью устремился вперед, его металлические ноги двигались как-то невпопад. Лаки следовал за ним. Он чуть отстал, чтобы наблюдать за походкой робота. То, что на расстоянии казалось Лаки подпрыгиванием или неуклюжей рысью, вблизи превратилось в явно выраженную хромоту. Хромота и надтреснутый голос — две неисправности в роботе, имеющем внешность механического чуда. Его осенило, что робот мог быть не приспособлен к жаре и радиации Меркурия. Это, вероятно, и послужило причиной механического нарушения. Лаки, как ученый, почувствовал глубокое сожаление. Это было чересчур роскошно — сознательно допускать такие неполадки.

Лаки с удивлением посмотрел на машину. Под массивным кожухом хромированной стали чувствительнейшая платиново-иридиевая яйцеобразная губка, размерами с человеческий мозг. Внутри ее квадрильоны позитронов возникали и исчезали в миллионную долю секунды. И, появляясь и исчезая, они заполняли многочисленные дорожки, напоминающие клетки человеческого мозга. Инженеры рассчитали эти позитронные дорожки, заставляя их служить человечеству, и вложили в них «Три закона робототехники». Первый закон гласил, что робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Он не мог отступить от этого закона, не мог изменить его. Третий закон гласил: робот должен заботиться о своей сохранности, если это не вступает в противоречие с первым или вторым законами. Лаки очнулся от задумчивости, когда робот пошатнулся и чуть не упал. На поверхности почвы не было сколько-нибудь заметных неровностей, ни одного бугорка, за который могла зацепиться нога. Если горки были бы, то черная линия тени обрисовала бы их. Грунт в этом месте был плоский, как стол. Шаги робота просто оборвались без всякой причины и его бросило в сторону. Резко замахав руками и ногами, робот восстановил равновесие и продолжал энергично шагать к тени, как будто ничего не случилось.

Определенно, он находится в состоянии, непригодном для эксплуатации, подумал Лаки.

Они вместе вошли в тень, и Лаки включил фонарь.

— Ты поступаешь неправильно, разрушая необходимое оборудование. Ты причиняешь вред людям,— сказал он.

Лицо робота ничего не выражало. Оно ничего и не могло выражать. Спокойным голосом он сказал:

— Я повинуюсь приказам.

— Это второй закон,— сказал Лаки,— ты не можешь повиноваться приказам, причиняющим вред человеку. Это нарушает первый закон.

— Я не видел никаких людей, я не причинял никому вреда.

— Ты причиняешь вред людям, которых ты не видишь. Я говорю тебе это.

— Я не причинил вреда ни одному человеку,— упрямо повторил робот, и Лаки нахмурился при этом бессмысленном повторении. Несмотря на безукоризненную внешность, возможно, это была не очень перспективная модель.

— Я проинструктирован избегать людей,— продолжал робот.— Меня предупреждают, когда приходят люди, но я не был предупрежден о вас.

Лаки взглянул за пределы тени, на сверкающий меркурианский пейзаж, грунт был ярко-красный и серый, покрытый черными пятнами рассыпчатой породы, которая, казалось, была обычной в этих местах. Он думал о Майндзе, дважды заметившем робота, но терявшем его из виду при попытке приблизиться к нему. Вот почему он и рехнулся. Его собственная тайная вылазка на Солнечную сторону, благодаря эргометру, увенчалась полным успехом. Внезапно он властно спросил:

— Кто приказал тебе избегать людей?

Лаки не рассчитывал застать робота врасплох. Мозг робота механический, думал Лаки, его нельзя обмануть или одурачить. Он играл с выключателем, притворяясь, что пытается заставить фонарь светить ярче.

— Я проинструктирован не отвечать на такие вопросы,— сказал робот, а затем медленно, скрипуче, как будто слова выходили помимо его воли, он произнес:— Я не хочу, чтобы вы задавали мне такие вопросы. Они расстраивают меня.

Нарушение первого закона еще больше расстроит, подумал Лаки.

Он нарочно вышел из тени на солнечный свет. И спросил последовавшего за ним робота.

— Какой твой серийный номер?

— Рл-086.

— Очень хорошо. Рл-086, ты понял, что я — человек?

— Да.

— Я не приспособлен к длительному нахождению под Солнцем Меркурия.

— Так же, как и я,— ответил робот.

— Я так и думал,— Лаки вспомнил, как ходил робот и как он

чуть не свалился на ровном месте,— человек намного менее приспособлен к этому, чем робот. Ты понял меня?

— Да.

— Теперь слушай. Я хочу, чтобы ты прекратил свою разрушительную деятельность, и еще хочу, чтобы ты сказал, кто приказал тебе выводить из строя оборудование?

— Я проинструктирован...

— Если ты не будешь мне повиноваться,— повысил голос Лаки,— я останусь здесь, под Солнцем, пока оно не убьет меня, и ты нарушишь первый закон, так как ты позволишь мне умереть, хотя и будешь в состоянии предотвратить это.

Лаки мрачно ждал. Интересно, как все это подействует на робота. Удастся изменить стереотип, заложенный в него, использовать слабое звено, вбитое в его механическую психику. Лаки казалось, что он действует верно. Но робот молчал. Он колебался. Один его глаз неожиданно сверкнул мерцающим светом. Видимо, была еще одна неисправность в системе. Его металлический интеллект, казалось, излучал молчаливый протест, а затем робот, как пьяный, пробормотал:

— Я отведу вас в безопасное место.

— Я буду сопротивляться, сказал Лаки, и ты причинишь мне вред. Если ты ответишь на мой вопрос, я вернусь в тень, и ты сам спасешь мне жизнь, не причинив мне никакого вреда.

Молчание.

— Ты скажешь, кто приказал тебе выводить оборудование из строя?— повторил Лаки.

Неожиданно робот резко двинулся вперед и оказался менее чем в двух футах от Лаки. Его рука протянулась, как бы пытаясь схватить Лаки, но не завершила своего движения. Лаки угрюмо и без особого беспокойства наблюдал за этим. Робот не может причинить вред человеку. Но робот поднял свою тяжелую руку и положил ее себе на затылок, как делают во всем мире люди, страдающие головной болью.

Что у него с головой, подумал Лаки. Великая Галактика! Робот безумен — внезапная мысль осенила Лаки. Он сошел с ума от напряжения, попав в нестандартную ситуацию.

Ноги робота не слушались его, речь стала невнятной, глаза потухли. Был поражен, вернее, мог быть поражен позитронный мозг, точнейший позитронный мозг, который подвергался жаре и жесткой радиации меркурианского Солнца. Сколько это продолжалось — недели, месяцы? Мозг, наверное, частично разрушен. Если бы робот был человеком, то трудно было бы определить, что он сошел с ума. Сумасшедший робот, доведенный до этого жарой и радиацией! Это было что-то новое. Насколько прочны еще были три закона в поврежденном позитронном мозгу?

Лаки стоял, пытаясь разобраться во всем этом и угрожая роботу своей смертью, в то время как почти сошедшая с ума машина надвигалась на него с расставленными руками. Дилемма, которую Лаки предложил роботу, могла усилить его помешательство. Лаки осмотрительно отступил.

— Ты хорошо себя чувствуешь?— спросил он.

Робот ничего не ответил. Лаки подумал, что если он готов нарушить первый закон, то это должно быть результатом полнейшего разрушения мозга. Чтобы быть способным на такое, позитронный мозг должен распасться на части. С другой стороны, робот находился здесь уже в течение нескольких месяцев и мог находиться еще неопределенное время. Лаки всё говорил и говорил, надеясь выиграть время.

— У тебя болит голова?

— Болит? Я не понимаю значения этого слова.

— Нам лучше вернуться в тень,— сказал Лаки.

Он был почти мертв от перегрева. Теперь он отступал обратно в тень почти бегом.

Голос робота громыхнул:

— Я проинструктирован не допускать никаких вмешательств в данные мне указания.

Лаки вздохнул и потянулся за бластером. Очень печально, если он будет вынужден уничтожить робота. Это была великолепная работа и Совет мог бы с большой пользой исследовать эту машину. Уничтожить механизм, не исследовав его... Этот вариант был неприемлем.

— Остановись!— приказал он.

Робот рванулся вперед, и рука его прошла на волосок от Лаки, который, спасаясь, изогнулся и отпрыгнул в сторону, полностью используя преимущество меркурианского тяготения. Если он сможет достичь тени, если робот последует за ним... Тень может охладить перегретые позитронные дорожки. Робот будет укрощен, поступки его будут логичны, и Лаки не придется уничтожать его. Лаки увертывался снова и снова, а робот гнался за ним, поднимая металлическими ногами струйки черного гравия, который быстро опускался обратно, так как не было атмосферы, способной удержать эту пыль на весу. Это была жуткая охота: поступь робота и прыжок человека были совершенно бесшумны в абсолютном вакууме. Уверенность Лаки в успехе возросла. Движения робота становились все более неуклюжими. Теперь робот явно пытался не допустить Лаки к тени. Вне всяких сомнений, это было попыткой убить его. Но Лаки все еще не мог заставить себя воспользоваться бластером. Он резко остановился. Робот тоже. Они стояли лицом к лицу на расстоянии шести футов друг против друга. Под ними — черное пятно сульфида железа. Чернота, казалось, делала жару еще сильнее, и Лаки ощутил нарастающую слабость. Робот угрюмо стоял между ним и тенью.

— Прочь с дороги,— угрюмо проговорил Лаки.

— Я проинструктирован не допускать вмешательства в указания, данные мне. Вы вмешиваетесь,— ответил робот.

У Лаки не было выбора. Он просчитался. Ему никогда не случалось сомневаться в действенности трех законов. Почему один из них не сработал? Истинное положение он понял слишком поздно: угроза его собственной жизни меняла задачу — надо уничтожить робота. Он начал медленно поднимать бластер. И почти сразу же

понял, что совершил второй просчет. Он ждал слишком долго, и накопившееся тепло сделало его тело таким же непослушным, как и тело робота. Руки Лаки поднимались слишком тяжело, робот расплывался в его одурманенном жарой сознании, вдвое увеличиваясь в размерах. Робот казался размытым в движении пятном, и на этот раз усталое тело Лаки не успело совершить достаточно быстрого движения. Бластер был выбит из его руки и поплыл, медленно падая на поверхность. Рука Лаки была зажата металлической рукой, а его талия была обхвачена второй. Даже при удачном стечении обстоятельств, Лаки не смог бы противостоять стальным мускулам робота. Никто из людей не смог бы. Сейчас он чувствовал, что всякая возможность сопротивления исчезла. Он ощущал только жару. Робот сжал объятия, перегибая Лаки, как куклу, назад. Лаки рассеянно подумал о конструктивных недостатках изо-скафандра. Обычный космический скафандр мог бы защитить его от робота. Изо-скафандр — нет. В любой момент любая из секций его могла переломиться, и это означало конец.

Свободная рука Лаки беспомощно повисла, касаясь гравия. Одинокая мысль мелькнула в его сознании. Он в отчаянии попытался напрячь мускулы. Последняя попытка дать отпор казавшейся неизбежной смерти от руки сумасшедшего робота.

Затруднения Лаки были негативной копией того, с чем несколькими часами раньше столкнулся Бигман. Угрожала ему не жара, а нарастающий холод. Он был зажат в схватке каменных «веревок» столь крепко, как и Лаки в объятиях робота. Но у Бигмана была надежда. Его онемевшие пальцы с ожесточением схватились за бластер, зажатый в руке Уртейла. И бластер высвободился, окоченевшие пальцы Бигмана чуть не выпустили оружие.

— Пески Марса!— пробормотал Бигман, подхватывая его.

Если бы он знал, где уязвимое место у щупалец, если бы он смог зажечь каждую частицу этих щупалец, не погубив при этом ни Уртейла, ни себя. Но сейчас у него был только один выход. Не особенно хороший, но все же был. Большой палец Бигмана неуклюже опустился на регулятор мощности, толкая его все ниже и ниже. Самого его охватила сонливость, что было плохим признаком. Прошли долгие минуты с тех пор, как Уртейл в последний раз подавал какие-либо признаки жизни. Клавиша регулятора почти находилась на минимальном напряжении. Он должен дотянуться до пускового крючка, не выронив при этом бластер. Вселенная! Он не имеет права выронить его! Указательный палец коснулся нужного места и нажал на спуск.

Бластер теплел. Бигман мог заметить это по тускло-красному накалу решетки вокруг его дула. Это было губительно для решетки, так как бластер не предназначен для использования в качестве источника тепла. Да пошло все на самое дно космоса! Чувствуя, что силы окончательно покидают его, Бигман отшвырнул бластер так далеко, как только мог.

На мгновение ему показалось, что окружающее его пространство заколебалось, словно он находился на грани между сознанием и небытием. Затем Бигман ощутил первый прилив тепла, тоненький

ручеек, который вторгся в его тело из блока питания, заставил издать слабый крик радости. Этот ручеек означал, что энергия больше не уходила в ненасытные тела сосущих тепло щупалец. Он шевельнул рукой, поднял ногу. Они были свободными. Щупальца исчезли. Свет его фонаря становился все ярче, и Бигман смог разглядеть то место, где лежал бластер. Только место, но не сам бластер. Там, где он должен был лежать, находилась серая масса медленно движущихся переплетенных щупалец. Изогнувшись, Бигман достал бластер Уртейла, поставил регулятор напряжения на минимум и бросил его вслед за первым. Он должен был задержать этих каменных змей, если энергия первого бластера иссякнет.

— Эй, Уртейл!— Бигман с трудом выговаривал слова,— ты слышишь меня?

Ответа не было. Собрав все силы, Бигман поволок своего врага за собой. Фонарь на шлеме Уртейла мерцал, а счетчик на блоке питания показывал, что в нем еще теплится жизнь. Температура в его скафандре тоже должна была скоро достичь нормы. Бигман вызвал купол. Другого решения сейчас быть не могло. При их ослабленном состоянии и истощении энергозапасов еще одна встреча с меркурианской жизнью должна была закончиться смертью. А он еще должен был ухитриться каким-то образом защитить позицию Лаки.

После двух чашек кофе и горячей пищи в свете и тепле купола, неунывающий рассудок и жизнерадостное тело Бигмана отбросили прочь недавнее ощущение холода. Осталось только неприятное воспоминание. Доктор Певерал с воздушной легкостью парил вокруг него, соединяя в себе внимательную мамашу и раздражительного старика. Его седые, цвета стали волосы были беспорядочно растрепаны.

— Вы уверены, что вы в полном порядке, Бигман? Никаких признаков болезни?

— Чувствую себя прекрасно как никогда,— заверил его Бигман.— Один вопрос, доктор, что с Уртейлом?

— У него, видно, тоже все в порядке,— голос астронома похолодел.— Доктор Гардома обследовал его и не сказал о его состоянии ничего плохого.

— Хорошо,— почти злорадно произнес Бигман.

— Вы заботитесь о нем?— удивленно спросил Певерал.

— Еще бы, док, у меня на него свои виды.

В это время вошел доктор Хенли Кук, весь дрожа от возбуждения.

— Мы послали людей в рудники на поиски этих животных. Они взяли с собой тепловые грелки, как приманку для рыбы, вы понимаете?— он повернулся к Бигману.— Вы счастливо отделались.

Голос Бигмана стал выше.

— Это была не удача. Это были мозги. Я прикинул, что больше всего им подходит открытое тепло. Я подумал, что это их любимый вид энергии. И я дал его им.

Через некоторое время доктор Певерал ушел, а Кук остался, рассуждая о мертвой жизни, о каменных зверях, расхаживая

взад и вперед, высказывая свои предположения.

— Подумайте! Старые россказни о Ледяной Смерти в рудниках были правдой! Настоящей правдой! Подумайте над этим! Каменные щупальца, высасывающие тепло, поглощающие энергию в любом месте, куда бы они ни прикоснулись. Вы уверены, что правильно их описали, Бигман?

— Конечно, уверен. Когда вы их поймаете, убедитесь сами!

— Какое открытие!

— Как получилось, что они до сих пор не были известны?— спросил Бигман.

— По твоим словам, они сливаются с окружающей средой. Защитная мимикрия, кроме того, они атакуют только одиночек. Может быть,— речь Кука ускорилась, стала более возбужденной, его длинные пальцы изгибались, сплетаясь друг с другом,— есть некий инстинкт, некое рудиментарное мышление, благодаря которому они прячутся, уходят из нашего поля зрения. Я уверен в этом. Этот вид разума держится подальше от нас. Они знают, что их спасение во внезапном нападении, и нападают они только на одиночек, находящихся в отдалении от остальных людей. В течение более тридцати лет ни один человек не появлялся на рудниках. Их лакомые кусочки необычного тепла исчезли, но они до сих пор не поддавались искушению вторгнуться в Купол. Однако, когда в конце концов люди снова появились в рудниках, это искушение стало слишком большим, и одно из животных напало, хотя было два человека, а не один. Для них это плохо кончилось. Они были разоблачены.

— Но почему, если они хотят энергии и обладают разумом, им не податься на солнечную сторону?— недоумевал Бигман.

— Может быть, там слишком жарко,— тотчас же ответил Кук.

— Они схватили бластер. Он нагрелся докрасна.

— Может быть, на Солнечной стороне слишком сильная радиация. Они, возможно, не приспособлены к ней. Или, может быть, есть другая порода подобных животных, обитающих на Солнечной стороне. Откуда мы знаем? Может быть, эти, что на Теневой стороне, живут за счет излучения радиоактивных руд и света Короны.

Бигман пожал плечами. Он находил подобные размышления неприемлемыми. Направление мыслей Кука, казалось, тоже изменилось. Он задумчиво уставился на Бигмана, потирая пальцами свою щеку.

— Итак, ты спас Уртейлу жизнь.

— Это точно.

— Что ж, может быть, это и хорошо. Если бы Уртейл умер, то все обвинили бы тебя. Сенатор Свенсон задал бы тебе, Старру и Совету трепку. Не имеет значения, какие бы ты дал объяснения. Ты был там, когда умер Уртейл, и этого было бы Свенсону вполне достаточно.

— Слушай,— с трудом обернулся Бигман,— когда я смогу увидеть Уртейла?

— Когда разрешит доктор Гардома.

— Вызови его по радио и сообщи ему, чтобы он сказал мне, когда я смогу увидеть его.

Кук глубокомысленно посмотрел на маленького марсианина.

— Что у тебя на уме?

Так как в дальнейших своих планах Бигману нужно было манипулировать с тяготением, он объяснил Куку кое-что из своего плана.

Доктор Гардома отворил дверь и кивнул Бигману, чтобы тот заходил.

— Ты можешь взять его, Бигман,— шепнул он.— Я не хочу иметь с ним дело.

Он вышел. Бигман и Уртейл снова оказались одни, лицом к лицу.

Джонатан Уртейл немного побледнел, и это было заметно там, где щетина не оттеняла его лицо. Губы его растянулись в свирепой усмешке.

— Я здесь целый и невредимый, если тебя это интересует.

— Меня это интересует. И еще я хочу задать тебе вопрос. Ты все еще веришь в эту чепуху — что Лаки устраивает базу сириан в рудниках?

— Не только верю, но и докажу это.

— Слушай, ублюдок, ты ведь знаешь, что это ложь, и все равно хочешь состряпать свои доказательства. Подделывай их! Сейчас я не ожидаю, что ты упадешь на колени, чтобы поблагодарить за спасение твоей жизни...

— Обожди!— лицо Уртейла медленно багровело.— Все, что я помню, не касается тебя. Эта мерзость внезапно схватила меня, а потом отпустила. Ты тут ни при чем. Меня спасла случайность.

— Ты, космическая клоака!— яростно взвизгнул Бигман.— Ты умолял о помощи!

— Где твои свидетели, я ничего не помню.

— Как ты полагаешь, каким образом ты выбрался оттуда.

— Я ничего не полагаю. Может, эта штука сама уползла прочь. Может, вообще ничего не было. Скала обрушилась и сбила меня с ног. А сейчас, если ты ожидаешь, что я заплачу у тебя на плече и оставлю твоего продажного друга в покое, ты будешь разочарован. Если ты ничего больше не хочешь мне сказать — до свидания.

— Кое-что ты позабыл,— сказал Бигман.— Ты пытался меня убить.

— Где твои свидетели?— прохрипел Уртейл.— Если ты не уберешься отсюда, я вышвырну тебя вон, слышишь, ты, лилипут!

Бигман оставался героически спокойным.

— Я хочу заключить с тобой сделку, Уртейл. Тебе не удастся вывести меня из себя. Ты можешь сколько угодно оскорблять меня только потому, что ты на полдюйма выше и на полфунта тяжелее, но ты же пресмыкался передо мной, там, внизу, в пещерах.

— Ты был с бластером, я безоружен. Не забывай этого.

— Я сказал, что ты трус. Ответь мне сейчас, без оружия. Или ты слишком слаб.

— Слишком слаб для тебя, коротышка?

— Тогда держись! При свидетелях. Мы можем использовать отсек энергопитания. Я договорился с Куком.

— Видимо, Кук здорово ненавидит тебя, раз пошел на это,—

усмехнулся Уртейл,— а как насчет Певерала?— Неужели ему очень хочется видеть меня мертвым. Но я не доставлю ему такого удовольствия. Зачем я должен драться с коротконожкой, состоящим из кожи и болтушки.

— Трусишь?

— Я спросил — зачем? Ты что-то говорил про какую-то сделку?

— Верно! Если ты победишь, я не скажу ни слова о том, что произошло в рудниках. О том, что там было на самом деле. Если же победа будет за мной, ты оставляешь Совет в покое.

— Ничего себе сделка. Почему меня должно волновать то, что ты можешь сказать?

— Ты что, боишься проиграть?

— Вселенная! Сколько я еще будут терпеть этого гнома?

— Так, ну а дальше?— спросил Бигман.

— Ты думаешь, что я дурак. Если я буду драться с тобой при свидетелях, меня привлекут к ответственности за убийство. Если я надавлю на тебя пальцем, ты будешь расплющен. Поищи себе другой способ самоубийства.

— Хорошо. На сколько ты меня тяжелее?

— На сотню фунтов,— презрительно заявил Уртейл.

— Сотня фунтов жира, — маленькое лицо Бигмана сморщилось в презрительной гримасе, — мне это безразлично. Давай драться при меркурианском тяготении. Тогда твой вес будет сорок фунтов. Но ты сохранишь свою прежнюю массу. Это для тебя приемлемо?

— Вселенная!— закричал Уртейл.— Мне достаточно дать тебе всего один шлепок. Один шлепок — и тебя больше не существует.

— У тебя есть шанс для этого. Сделка завершена?

— Клянусь Землей, сделка завершена. Я попытаюсь не убивать тебя, но это зависит от того, как далеко я зайду. Ты просил этого, ты сам принудил меня к этому.

— Верно. А сейчас пошли,— Бигман был настолько возбужден, что подпрыгивал около Уртейла, быстрыми птичьими движениями махая в воздухе своими кулаками. Действительно, его стремление к поединку было столь велико, что у него даже не было ни мыслей о Лаки, ни предчувствия беды, в которую попал его друг. Он не мог знать, что немного раньше Лаки дрался в более ужасном поединке, чем тот,к которому стремился сейчас Бигман. В отсеке энергопитания находились обычные громоздкие генераторы и тяжелое оборудование, но там было также и много свободного пространства, пригодного для общих собраний персонала Купола. Это была старейшая часть Обсерватории. Еще до того, как в меркурианском грунте была проделана первая прочнейшая шахта рудников, первые инженеры, астрономы, рабочие спали на раскладушках между генераторами на этом месте. Даже теперь оно от случая к случаю использовалось для многочисленных собраний, консультаций, встреч. Сейчас здесь был отгорожен ринг. Кук и еще полдюжины техников в замешательстве стояли у боковых канатов ограждения.

— Это все?— спросил Бигман.

— Майндз и его люди на Солнечной стороне,— ответил Кук.

— Десять человек отправлены на поиски твоих веревок в рудники, а все остальные на вахте, на своих местах у приборов.— Он с беспокойством взглянул на Уртейла и добавил.— Ты уверен, что ты делаешь все как надо, Бигман?

Уртейл был обнажен до пояса. Плечи и грудь его густо заросли волосами, могучие мускулы атлета перекатывались угрожающе. Бигман равнодушно бросил взгляд на Уртейла.

— С тяготением все в порядке?

— Мы отключим его по вашему сигналу. Я устроил все так, что тяготение уменьшится только в этом месте, а в остальных частях купола, оно останется нетронутым. Все согласны.

— Разумеется,— улыбнулся Бигман,— все в порядке, приятель.

— Я надеюсь, что это так,— сказал Кук.

— Когда мы начнем,— окликнул их Уртейл, а затем, взглянув на маленькую кучку зрителей, добавил,— кто-нибудь из вас решится поставить на эту обезьяну?

Один из техников с натянутой улыбкой посмотрел на Бигмана, который тоже разделся до пояса и выглядел неожиданно жилистым, хотя все же разница в размерах делала его фигуру еще меньше.

— Здесь нет никаких ставок,— ответил техник.

— Вы готовы?— спросил Кук.

— Я — да,— ответил Уртейл.

Кук облизнул свои бледные губы и переключил рубильник. В приглушенном звуке гудения генераторов произошла какая-то перемена. Бигман покачнулся от неожиданности перемены тяготения. Это же произошло и со всеми остальными. Уртейл оступился, но постепенно восстановил равновесие и очень осторожно прошел на середину отгороженного пространства. Он даже не потрудился поднять рук. Он стоял в ожидании схватки, совершенно расслабившись.

— Начнешь ли ты когда-нибудь, клоп,— проговорил он.

Бигман приблизился к нему. Мягкие движения его ног превращались в медленные, грациозные шаги, как будто он все время замирал в замедленных прыжках. Это был его способ. Меркурианское тяготение было почти равно марсианскому, и он чувствовал себя как дома. Его холодные серые глаза внимательно смотрели, замечая мельчайшие колебания тела Уртейла, каждое движение его мускулов. Малейшие ошибки в движениях неизбежны, трудно даже удержать равновесие, если человек действует в непривычном для него поле тяготения. Внезапно Бигман рванулся вперед, резко прыгая с ноги на ногу и из стороны в сторону, чтобы обескуражить противника.

— Что это?— с раздражением прорычал Уртейл.— Марсианский вальс?

— Вроде этого,— ответил Бигман. Его рука вытянулась и костяшки пальцев с резким шлепком ударили Уртейла в бок, отчего здоровяк пошатнулся.

Слышалось напряженное дыхание. Кто-то выкрикнул: «Давай, парень!»

Бигман стоял, уперев руки в бока, ожидая, пока Уртейл вос-

становит равновесие. Он смог это сделать за пять секунд, на его боку было красное пятно, след от удара. Рука Уртейла мощно рванулась к Бигману. Его ладонь была полуоткрыта, всем видом он показывал, что вполне достаточно и шлепка, чтобы навсегда отбросить с пути это кусающееся насекомое. Но удары продолжали сотрясать тело Уртейла. Бигман же с легкостью уклонялся от ответных ударов, так как координация у него была великолепная. Все усилия Уртейла остановить марсианина привели к тому, что он, не рассчитав усилий, повернулся и оказался спиной к Бигману. Бигман приложил свою ступню к заду Уртейла и мягко толкнул его. Отдача заставила Бигмана отпрыгнуть назад, на другую ногу, а Уртейл медленно упал лицом вниз.

Зрители смеялись.

— Я меняю свое мнение, Уртейл, я ставлю на малыша,— выкрикнул один из зрителей.

Уртейл сделал вид, что ничего не слышит. Он снова стоял лицом к лицу с Бигманом.

— Увеличьте тяготение,— прохрипел он.— Доведите его до нормального!

— Что случилось, бочка!— поддразнивал его Бигман.— Разве сорока фунтов недостаточно для твоего преимущества?

— Я убью тебя, я убью тебя!— выкрикнул Уртейл.

— Иди сюда!— Бигман распростер руки в шутовском объятии.

Но Уртейл еще не потерял рассудительности. Неуклюже подпрыгивая, он обогнул Бигмана.

— Я привыкаю к этой гравитации, клоп,— сказал он.— И в конце концов я все равно раздавлю тебя.

— Сначала поймай!

Зрители бурно реагировали на поединок. Уртейл согнулся, широко размахивая руками и расставив ноги. Он удерживал равновесие, ловя ритм гравитации. По сравнению с Уртейлом, Бигман был грациозен. Он передвигался легко и уверенно, как танцор, но все же выглядел слишком маленьким. Поведение Бигмана казалось беспечным. Он прыгнул вперед. Внезапный толчок ног послал его тело высоко в воздух. И когда Уртейл сделал выпад по направлению к приближающейся фигуре, Бигман подобрал под себя ноги и опустился позади противника, прежде чем тот успел обернуться. Раздались громкие аплодисменты. Бигман улыбнулся. В дальнейшем Бигман проделал почти немыслимый пируэт, поднырнув под одну из огромных лап, угрожавших ему, он резко ударил ребром ладони по бицепсу. Уртейл скорчился от боли. Бигман делал все возможное, чтобы унизить Уртейла, вывести его из себя, заставить безрассудно броситься в атаку.

Вперед-назад. Быстрые, резкие движения, удары, каждый из которых несмотря на легкость причинял нестерпимую боль. Теперь проявился рисунок боя. Уртейл пытался поймать Бигмана, схватить его. Он приседал, как медведь, отбивающийся от охотничьего пса. И этим охотничьим псом был Бигман, который мог кусать, держась подальше от медвежьих лап. Уртейл даже внешне выглядел как медведь: огромное волосатое тело, маленькие, налитые

кровью глаза, мордастая, щетинистая физиономия.

— Держись, ублюдок!— взвизгивал Бигман.— Тут не с кем воевать.

Уртейл медленно покачал головой.

— Подойди поближе!— крикнул он, бросаясь вперед.

Но Бигман молниеносно ударил Уртейла в челюсть и так же мгновенно отскочил в сторону, нырнув под руку. Уртейл двинулся было за ним, но остановился, так как было уже поздно.

— Давай снова,— просипел он.

Бигман снова проделал тот же трюк — согнувшись, проскочил под рукой Уртейла и закончил все легким поклоном, вызвавшим гул одобрения.

— Давай еще разок,— хрипло проговорил Уртейл.

— Будь уверен,— снова ответил Бигман и кинулся вперед.

На этот раз Уртейл тщательно приготовился. Он не двинулся вперед, а резко двинул свою правую ногу вперед, навстречу Бигману. Бигман выгнулся, пытаясь увернуться, но не успел. Нога Уртейла достала его, удар по лодыжке причинил нестерпимую боль, и Бигман закричал, но все же и на этот раз он сумел ускользнуть от рук Уртейла. Теперь Уртейл более или менее привык к низкой гравитации и восстановил равновесие более быстро, тогда как Бигман, с поврежденной лодыжкой, передвигался с опасливой неуверенностью. С диким ревом Уртейл бросился вперед, и Бигман, опирающийся на одну здоровую ногу, оказался на этот раз недостаточно быстрым. Его правое плечо оказалось захвачено одной рукой медведя, а правый локоть другой. И они вместе рухнули на пол. Почти одновременно у всех зрителей вырвался громкий стон. Смертельно побледневший Кук выкрикнул надломленным голосом:

— Прекратите драку!

Но на его возглас никто не обратил внимания. Уртейл поднялся на ноги, крепко сжал Бигмана и приподнял его, как перышко. Бигман, извиваясь, пытался нащупать ногами какую-нибудь опору.

Уртейл прошептал в маленькое желтое ухо противника:

— Ты думал, что поступил мудро, втянув меня в драку при малом тяготении. Ты все еще думаешь так?

Бигман не терял времени на раздумья. Он должен был упереться во что-нибудь, хотя бы одной ногой. И правая нога Бигмана уперлась в колено Уртейла. Он знал, как ему поступить дальше. Бигман уперся в колено и опрокинул свое тело назад. Уртейл качнулся вперед. Само по себе это было для него не опасно, но мускулы, управляющие равновесием при низкой гравитации, просчитались и, выпрямившись, Уртейл откачнулся назад. Ожидавший этого Бигман поднялся и, резко навалившись всем своим телом вперед, опрокинул Уртейла навзничь. Все это произошло настолько быстро и неожиданно, что зрители не заметили, что случилось. А Бигман, освободившись, рванулся на свободу. Он, как кошка, сразу же опустился на ноги, хотя рука его все еще была в кулаке Уртейла. Бигман надавил на локоть противника коленом. Уртейл взвыл и ослабил хватку, меняя положение тела, чтобы не дать сломать себе руку. Бигман использовал свой единственный

шанс. Он полностью высвободился, не отпуская запястья Уртейла, и ухватил руку врага выше локтя. Теперь инициатива была на его стороне.

Уртейл поднимался на ноги, и пока он делал это, тело Бигмана изогнулось, мускулы на спине напряглись, и марсианин потянул Уртейла вверх по траектории его собственного подъема. Силы мускулов Бигмана соединились с силой выпрямляющихся мышц Уртейла. В замедленном движении Бигман оторвал от пола огромное тело, показывая, что можно сделать при низкой гравитации. Напрягая мышцы так, что они, казалось, вот-вот разорвутся, Бигман поднял туловище Уртейла еще выше, а затем опустил, наблюдая, как оно, по земным меркам нелепо и медленно, падает по гигантской параболе вниз. Но вдруг резко изменилась гравитация. Все были застигнуты врасплох. Полное земное тяготение обрушилось с силой и скоростью заряда бластера. Вывихнутая нога Бигмана подвернулась, и он упал на колени. Зрители тоже упали. Бигман краем глаза увидел, что случилось с Уртейлом. Перепад тяготения застал его ноги в высшей точке параболы, и он падал вниз головой. Его голова ударилась о защитную покрышку генератора. Бигман, болезненно морщась, поднялся на ноги, стараясь прийти в себя. Он видел, как неуклюже упал Уртейл и больше не поднялся. Как Кук склонился над ним.

— Что случилось? — воскликнул Бигман.— Что случилось с тяготением?

Об этом спрашивали все. Насколько Бигман мог видеть, Кук единственный, кто удержался на ногах, и единственный, кто, казалось, сохранил способность размышлять.

— Это неважно,— сказал он.— Вот Уртейл...

— Он ранен?— воскликнул кто-то.

— Уже нет, — поднимаясь на ноги, ответил Кук.— Я уверен, что он мертв.

Вокруг тела склонились люди.

— Лучше сообщить Гардоме, пусть он осмотрит его,— произнес Бигман. Он внимательно глянул вокруг. Мрачные мысли пришли ему в голову.

— Будут неприятности,— сказал Кук, — ты убил его, Бигман.

— Это сделал перепад гравитации, — ответил Бигман.

— Это будет трудно доказать. Ты его бросил.

— Я готов к любым неприятностям,— ответил Бигман,— не беспокойтесь.

Кук облизнул губы и оглянулся.

— Я позову доктора Гардому.

Гардома прибыл пятью минутами позже и после кратковременного осмотра подтвердил, что Кук был прав. Доктор поднялся, вытирая руки носовым платком.

— Он мертв,— сказал доктор угрюмо.— Проломлен череп. Как это произошло?

Несколько человек заговорили сразу, но Кук махнул рукой, чтобы они замолчали.

— Был поединок между Бигманом и Уртейлом,— проговорил он.

— Между Бигманом и Уртейлом?— воскликнул Гардома. Кто разрешил? Вы что, сошли с ума, ожидая, что Бигман сможет противостоять...

— Полегче,— ответил Бигман,— я цел и невредим.

— Это верно, Гардома,— оправдывался Кук.— Уртейл мертв, Бигман настоял на поединке. Ты подтверждаешь это, не так ли?

– Я подтверждаю это,— ответил Бигман,— и еще скажу, что этот поединок происходил при меркурианском тяготении. Глаза Гардомы широко раскрылись.

— Меркурианская гравитация? Здесь?— он посмотрел на ноги, как будто сомневаясь, не обманывают ли его чувства, и не стал ли он действительно легче?

— Это больше не меркурианское тяготение,— сказал Бигман,— псевдогравитационное поле переключилось в самый критический момент на полное земное тяготение. Именно в этот момент Уртейл и грохнулся об пол.

— Что заставило псевдогравитационное поле переключиться на земные параметры?— спросил Гардома.

Ответом было молчание.

— Может быть, замыкание...— неуверенно начал Кук.

— Чепуха,— перебил его Бигман,— переключатель поднят вверх. Он не мог сам по себе подняться.

Снова воцарилось тяжелое молчание. Один из техников кашлянул и проговорил:

— Может, в пылу драки кто-нибудь, сам того не заметив, толкнул его вверх своим плечом?

— Вселенная! Что же все-таки произошло?— воскликнул кто-то.

— Я должен немедленно доложить обо всем случившемся,— сказал Кук.— Бигман...

— Ну,— холодно ответил тот.— Я арестован за непреднамеренное убийство?

— Н-нет,— сказал Кук,— я не могу арестовать тебя, но я доложу доктору Певералу. И, в конце концов ты, может быть, будешь арестован.

— Ах-ах. Спасибо за предупреждение.

Впервые за все время после возвращения из рудников, Бигман поймал себя на мысли о Лаки. Когда Лаки вернется, думал он, его будет ждать восхитительная куча неприятностей. В маленьком марсианине все еще бушевала буря возбуждения, и он был уверен, что сможет выкрутиться из этих неприятностей... и кое-что доказать Лаки. Новый голос нарушил тишину:

— Бигман!

Все посмотрели вверх. Это был Певерал, спускающийся по трапу, ведущему с верхних этажей.

— Великая Вселенная! Бигман, ты здесь, внизу? И Кук? Что здесь происходит?

Никто не был в состоянии что-либо отвечать.

Взгляд Певерала упал на распростертое тело Уртейла, и он удивленно спросил:

— Он мертв?

К изумлению Бигмана, Певерал, казалось, сразу же утратил к этому интерес. Он даже не стал дожидаться ответа на свой вопрос. Он повернулся к Бигману.

— Где же Лаки Старр?— спросил он.

Бигман открыл рот, но не мог произнести ни звука. Наконец, решившись, он неуверенно проговорил:

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Он все еще в рудниках?

— Ну...

— Или на Солнечной стороне?

— Ну...

— Великая Галактика! Он на Солнечной стороне!

— Я хочу знать, почему вы спрашиваете об этом? — допытывался Бигман.

— Майндз,— ответил Певерал раздраженно,— сейчас проверяет места расположения своих кабелей на флиттере. Он время от времени занимается этим.

— Ну и что?

— Да то, что он заявил, что видел Лаки Старра.

— В каком месте? — почти мгновенно воскликнул Бигман.

Губы доктора Певерала сжались в недобрую улыбку.

— Так он действительно на Солнечной стороне. Все становится ясно. Так вот, твой друг видимо попал в неприятное положение, связанное с механическим человеком — с роботом...

— Роботом?

— И если верить словам Майндза, который еще там ожидает спасательный отряд, Лаки Старр — мертв!

Изогнувшись в неумолимых объятиях робота, Лаки ожидал мгновенной смерти, и когда она не пришла... в нем зародилась слабая надежда. Может быть робот, в мозгу которого прочно утвердился запрет на убийство человека, даже сойдя с ума, не может перешагнуть через запрет. Затем он подумал, что такого быть не может.

Ему показалось, что железные объятия робота постепенно усиливаются.

С силой, которую он только мог вложить в свой голос, Лаки закричал.

— Освободи меня! — и поднял руку, ранее волочившуюся по черному грунту. Это был его последний шанс, последний ничтожно малый шанс. Рука его поднялась к голове робота. Прижатый к железу он не мог осмотреться. Его рука скользнула по гладкой поверхности головы робота: один раз... второй... четвертый...

— Робот! — закричал он.

Робот издал звук, похожий на скрежет заржавленных шестеренок. Его хватка ослабла. Настало время энергично действовать, снова напомнив о трех законах роботехники.

— Ты не можешь причинить вред человеку,— выпалил Лаки.

Поколебавшись, робот ответил:

— Я не могу...— и без предупреждения рухнул на землю.

— Робот! Отпусти! — крикнул Лаки.

Робот еще больше ослабил объятия. Не полностью, но достаточно для того, чтобы ноги Лаки освободились, а голова могла двигаться.

— Кто тебе приказал уничтожить оборудование? — снова спросил Лаки.

Он больше не боялся дикой реакции робота на этот вопрос. Он знал, что подвел позитронный мозг к полному распаду. Но на последней стадии перед окончательным распадом могли сохраниться какие-то следы второго закона.

— Кто приказал тебе уничтожить оборудование?

Робот издал неясный звук: — З... З..., а затем радиосвязь прервалась, и робот прекратил свое существование. Он был мертв. Теперь, когда смертельная угроза отступила, его собственное сознание затуманилось. Он потерял силы, необходимые для того, чтобы полностью разжать конечности робота. Лаки понимал, что прежде всего он должен восстановить свои силы для того, чтобы убраться, и как можно скорее, из-под прямых лучей солнца. Это означало, что он должен достичь ближайшей тени, оказаться в которой он уже было отчаялся. Морщась от боли, он подобрал под себя ноги. Мучительно медленно он передвигался к тени, волоча за собой тяжелого робота. Еще. Еще. Движения причиняли боль. Вселенная мерцала вокруг него. Еще. Еще. Казалось, силы его иссякли, а робот весит уже тысячи фунтов. Даже при слабом меркурианском тяготении задача эта выше его сил, и только воля двигала его вперед.

Голова Лаки первая достигла тени. Свет исчез. Тяжело дыша, он передохнул, а затем с усилием, от которого, казалось, вот-вот лопнут мускулы, толкнул тело вперед, еще и еще. Он был в тени. Одна из ног робота, нестерпимо сверкая, все еще находилась на Солнце.

Затуманенное сознание Лаки запечатлело это, когда он последний раз оглянулся через плечо. Затем, почти с благодарностью Лаки разрешил сознанию покинуть его.

Позднее он на короткое время периодически приходил в себя. Когда это случалось, он спокойно лежал, ощущая под собой мягкую постель и пытаясь восстановить в памяти все, что с ним произошло. И всплывали в памяти какие-то обрывки жизни, будто он прокручивал киноленту, останавливаясь на отдельных эпизодах. Приближались люди. Куда-то летел он в летательном аппарате. Слышался голос Бигмана, пронзительный и взволнованный. Над ним склонялись врачи. А потом снова надвигалась пустота. Затем слышался голос доктора Певерала. Доктор задавал вопросы, Лаки помнил свои ответы на них. Так что самые худшие испытания были уже позади.

И вдруг Лаки окончательно пришел в себя. Он открыл глаза. На него мрачно смотрел доктор Гардома, все еще держа шприц для инъекции.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Как я должен себя чувствовать? — улыбнулся Лаки.

— После того, что случилось с вами, как мертвец. Ну, у вас великолепный организм, так что будете жить.

Бигман, который вертелся около койки, очутился у него перед глазами.

— Никаких благодарностей за это Майндзу. Почему этот помешанный не совершил посадку и не вытащил оттуда Лаки, когда заметил его и робота в тени скалы? Кого он ждал? Почему он оставил Лаки умирать?

Доктор Гардома отложил шприц, и теперь мыл руки, стоя спиной к Бигману. Не оборачиваясь, он ответил.

— Скотт Майндз был уверен, что Лаки Старр мертв. Он хотел остаться в стороне, чтобы никто не мог указать на него, как на убийцу. Он понимал, что уже однажды пытался убить Лаки, и это могли припомнить.

— Как он мог так рассуждать? Ведь робот...

— Майндз был не в себе все эти дни. Он вызвал помощь и это было лучшее из всего, что он мог сделать.

— Полегче, Бигман,— проговорил Лаки.— Я не был в опасности. Я переждал ее в тени и сейчас в полном порядке. Что насчет робота, Гардома? Его спасли?

— Мы доставили его в купол. Его мозг совершенно разрушен, и его невозможно спасти.

— Довольно скверно,— заметил Лаки.

— Ну, хватит, Бигман, идем, дай ему поспать,— сказал Гардома.

— Все в порядке, Гардома,— кивнул Лаки.— Дело в том, что я хочу поговорить с ним наедине.

Доктор Гардома, поколебавшись, пожал плечами.

— Вам необходимо поспать. Я даю вам полчаса, а потом он должен уйти.

— Он уйдет.

— Ты тупоголовая обезьяна,— произнес Бигман приглушенным голосом.— Если бы жара не подействовала на робота в нужное время, подпространственная связь...

Лаки весело улыбнулся.

— Это не совпадение, Бигман,— сказал он.— Если бы я ждал подпространственной связи, я был бы уже мертв. Я просто выключил робота.

— Как?

— Его голова была отполирована до блеска. Она отражала большую часть солнечной радиации. Это означало, что температура позитронного мозга была достаточно высока, чтобы нарушить его целостность, но не могла разрушить его полностью. К счастью, большая часть меркурианской почвы состоит из рассыпчатого черного вещества. Я постарался его размазать по зеркальной голове робота.

— И что это дало?

— Черное конденсирует тепло, Бигман. Оно не отражает его. Температура в голове робота резко поднялась, он почти сразу же потерял сознание, ну в общем это все ерунда. Ты лучше расскажи, что произошло здесь, пока меня не было? Ничего?

— Ничего? Ха! Ты послушай,— Бигман рассказывал, а Лаки слушал его с лицом все более мрачневшим по мере того, как, развертывалось повествование.

Когда оно подошло к концу, он сердито нахмурился.

— Почему ты дрался с Уртейлом?

— Лаки,— оскорбленно проговорил Бигман.— Это стратегия! Ты всегда говоришь, что я просто иду напролом и мне нельзя поручить сколько-нибудь тонкую работу. Это было задумано очень хитро. Я знал, что смогу его побить при низком тяготении...

— Кажется, еще немного и ты бы не смог. Твоя лодыжка вывихнута, и ты все еще хромаешь.

— Я поскользнулся. Случайность. И кроме того я победил. Сделка состоялась. Он мог бы причинить много вреда Совету своей ложью, но так как я победил, он слез у нас с хвоста.

— Ты мог бы взять с него слово насчет этого?

— Ну...— раздраженно начал Бигман.

Но Лаки продолжил:

— Ты сказал, что спас ему жизнь. Он должен был знать об этом, но даже это не помешало ему продолжить идти к своей цели. Как ты думаешь, он остановился бы после этого поединка?

— Ну...— снова начал Бигман.

— Особенно, если бы он проиграл и стал бы везде трезвонить об унижении, перенесенном им в результате публичного избиения... Я скажу тебе, почему ты дрался, Бигман. Потому что ты хотел победить его, взять реванш за его победу. Твои разговоры о сделке — просто оправдание. Или это не так?

— Ах, Лаки! Пески Марса...

— Хорошо, я ошибся.

— Я хотел заключить эту сделку...

— Но еще больше ты хотел драться, и сейчас ты выставил себя в неприятном свете.

— Я виноват,— опустил глаза Бигман.

Лаки сразу смягчился.

— О, Великая Галактика! Бигман, я не сержусь на тебя. Я злюсь на себя. Я недооценил робота и был на краю гибели, потому что вел себя очень необдуманно. Я видел, что он не в порядке, но не связывал это с воздействием жары и радиации на позитронный мозг, пока не стало поздно... Ну, это урок на будущее, как бы то ни было, забудем неприятности. Так что нам делать с Уртейлом?

Настроение Бигмана сразу упало.

— В любом случае,— сказал он,— этот ублюдок больше нам не помешает.

— Он, да,— проговорил Лаки,— ну а как насчет нашего сенатора Свенсона?

— Хм...

— Как мы все это объясним? Сенатор Свенсон ведет расследование и в результате драки, спровоцированной человеком, близким к Совету, почти членом Совета, следователь гибнет. Это смотрится не очень хорошо.

— Это случайность. Псевдогравитационное поле...

— Это нам не поможет. Я говорил с Певералом и...

Бигман, покраснев, выпалил.

— Он всего лишь старое пугало. Он не придает этому никакого значения.

Лаки приподнялся на локте.

— Что ты подразумеваешь под: «он не придает этому никакого значения».

— Он — нет,— страстно заявил Бигман.— Он вошел, когда Уртейл был уже мертв. До этого он ничего об этом не знал. Он сказал: «мертв». И это все.

— Это все?

— Это все. Затем он спросил меня, где ты. После этого сообщил, что Майндз видел тебя на Солнечной стороне, и что робот, по-видимому, убил тебя.

Лаки уставился на Бигмана.

— Это все?

— Это все, — мрачно подтвердил Бигман.

— Что произошло дальше? Давай, Бигман, продолжай. Что-то ты не очень хочешь говорить о Певералe. Почему?

Бигман посмотрел в сторону.

— Что Певерал? Певерал сказал, что меня будут судить или что-то в этом роде.

— Судить?!

— Певерал сказал, что это убийство и о нем узнают на Земле. Он сказал, что мы должны сначала сами, здесь, во всем разобраться.

— Олл райт. Когда суд?

— Ах, Лаки. Я не хотел говорить тебе этого. Доктор Гардома сказал, что тебе нельзя волноваться.

— Не веди себя, как клуша над цыпленком, Бигман. Когда суд?

— Завтра в два часа по единому времени системы. Но тут совершенно не о чем беспокоиться, Лаки.

— Позови Гардому,— сказал Лаки.

— Зачем?

— Делай, как я сказал.

Бигман вышел и вернулся вместе с доктором Гардомой.

— Вы позволите мне подняться с постели завтра в два часа, не так ли? — спросил Лаки.

Доктор колебался.

— Мне кажется, что вам нужно побыть в постели как можно дольше.

— Меня не беспокоит, что вам кажется. Это не убьет меня, ведь верно?

— Вас не убьет, даже если вы встанете прямо сейчас, мистер Старр,— обиженно ответил Гардома.— Но я этого не рекомендую.

— Хорошо. Сейчас вы скажете доктору Певералу, что я буду на суде над Бигманом. Я полагаю, вы уже знаете о нем?

— Да.

— Знают все, кроме меня. Так?

— Вы были не в состоянии...

— Вы скажете доктору Певералу, что я буду на суде и что суд не должен начаться без меня.

— Я скажу ему,— заверил его Гардома.— А сейчас вам лучше всего поспать. Идем, Бигман.

— Еще секундочку,— запротестовал Бигман. Он торопливо подошел к постели Лаки и проговорил:— Смотри, Лаки, я не разрешаю тебе расстраиваться. Я держу под контролем весь ход дела.

Брови Лаки удивленно поднялись.

Бигман стал в два раза больше от важности.

— Я хотел удивить тебя, будь оно все проклято.— Сказал он.— Я могу доказать, что не сделал ничего для того, чтобы Уртейл сломал себе шею. Я раскрыл дело,— он ткнул пальцем себя в грудь.— Я! Бигман! Я знаю, кто виноват во всем этом.

— Кто? — спросил Лаки.

— Нет, я не скажу,— воскликнул Бигман.— Я докажу тебе, что у меня на уме не только драки! Я просто покрасовался здесь, чтобы ты посмотрел на меня. Ты поймешь все на суде.

Маленький марсианин сморщил свое личико в восторженной улыбке, сделал реверанс и, напустив на себя вид веселого торжества, вместе с доктором Гардомой вышел из палаты.

Около двух Лаки шагнул в апартаменты доктора Певерала. Все уже собрались. Доктор Певерал сидел за столом, вокруг него устроились остальные. Доктор приветливо кивнул, на что Лаки ответил легким поклоном.

— Добрый день, сэр.

Все было так же, как и тем вечером, на банкете. Кук, конечно, тоже был здесь, и был, как всегда, нервным. Он сидел в огромном кресле, справа от Певерала, а маленькая фигура Бигмана сжалась, почти затерявшись, в таком же огромном кресле слева. Майндз с перекошенным от испуга лицом тоже был здесь. Его пальцы, сначала сплетенные, расцепились, беспомощно забарабанив по ноге. Доктор Гардома, как всегда бесстрастный, сидел рядом. Когда Лаки вошел, тяжелые веки Гардомы приподнялись, и он с осуждением посмотрел на вошедшего. Все астрономы собрались в полном составе. Единственный, кто отсутствовал, был Уртейл.

Доктор Певерал начал с присущей ему живостью.

— Теперь мы можем приступить. Во-первых, несколько слов для мистера Старра. Как я понял, Бигман описал вам предстоящую процедуру как суд. Рад вас заверить в том, что ничего подобного не будет. Если суд состоится, а я надеюсь, что нет, то он состоится на Земле. На нем будут присутствовать квалифицированные судьи, официальный обвинитель, защитник. Здесь же мы просто попытаемся подготовить обстоятельный доклад Совету Наук.

Доктор Певерал разложил свои записи среди беспорядка, царившего у него на столе, и продолжил.

— Разрешите мне объяснить, почему необходим обстоятельный доклад. Во-первых, в результате проникновения мистера Старра на Солнечную сторону, были прекращены попытки саботажа, мешавшего проекту Майндза. Виновником оказался робот сириан-

ского производства, который сейчас уже больше не функционирует. Так, м-р Старр?

— Да, это так,— подтвердил Лаки.

— Важность всего этого заставляет меня осмелиться допросить Вас о тех событиях, которые произошли до того, как вы потеряли сознание.

— Я помню все, что было, почти полностью,— ответил Лаки.

— Вы разрешите мне записать некоторые из ваших ответов на пленку?

— Да.

— Во-первых, замешаны ли здесь другие роботы?

— Робот ничего не сказал, но я не верю, что были еще и другие.

— Однако, он не сказал, что является единственным роботом на Меркурии?

— Нет.

— Так, значит, могут быть и другие?

— Я не думаю.

— Это только Ваше мнение. Робот же не сказал, что других нет.

— Он не сказал этого.

— Очень хорошо. Далее: сколько сириан замешано в этом?

— Робот и этого не сказал. Он был проинструктирован ничего не говорить.

— Он указал базу сирианских агрессоров?

— Он не сказал ничего и об этом. Он вообще не упоминал о сирианах.

— Но робот сирианского производства? Не так ли?

— Он подтвердил это...

— Ну... — печально улыбнулся доктор Певерал.— Тогда все ясно. Я думаю, что на Меркурии находятся сириане, и они действуют против нас. Совет Наук должен быть осведомлен об этом. Должно быть произведено тщательное обследование Меркурия, и, если сириане ускользнут от нас и покинут планету, надо дать всеобщее оповещение о сирианской опасности.

— Есть еще вопрос о туземных формах жизни на Меркурии,— мрачно вступил в разговор Кук.— Совет должен быть проинформирован и об этом,— он повернулся, обращаясь к остальным собравшимся.— Одно из животных вчера поймано и...

Старый астроном с некоторым раздражением прервал его.

— Да, доктор Кук, Совет будет проинформирован об этом. Но, как бы то ни было, сирианский вопрос прежде всего. Другие вопросы должны быть принесены в жертву при приближении всеобщей опасности. Например, я полагаю, что доктор Майндз отложит свой проект до тех пор, пока Меркурий не будет абсолютно безопасен для землян.

— Отложить сейчас? — воскликнул Майндз,— когда огромные деньги, время, усилия вложены в это, я...

— Я сказал до тех пор, пока Меркурий не будет в безопасности. Я не предлагаю отменить проект «Свет» вообще. И потому необходимо выдвинуть безопасность Меркурия на первый план. Необ-

ходимо быть уверенным, что покровитель Уртейла сенатор Свенсон не будет вставлять нам палки в колеса.

— Вы имеете в виду,— проговорил Лаки,— что хотите подсунуть сенатору козла отпущения в лице Бигмана, связанного по рукам и ногам. Затем, когда он набросится на Бигмана, охота на сириан на Меркурии будет проходить без всякого внешнего вмешательства.

Белые брови Певерала поднялись.

— Козла отпущения, м-р Старр? Мы только поступаем согласно фактам.

— Хорошо, давайте дальше,— сказал Бигман,— у вас имеются факты.

— Ну вот и отлично,— ответил доктор Певерал.— Как центральная фигура в этом деле, не попытаетесь ли вы начать? Расскажите нам, что произошло между вами и Уртейлом, своими словами. Рассказывайте, а я буду уточнять. И запомните, вся эта процедура фиксируется на звуковом микрофильме.

— Вы хотите, чтобы я принял присягу,— спросил Бигман.

Певерал покачал головой.

— Это неофициальный суд.

— Давайте, как вам угодно,— и с неожиданным хладнокровием Бигман рассказал о случившемся. Он начал с насмешек Уртейла о его росте и весе, стычкой в рудниках и закончил поединком. Бигман не рассказал только об угрозах Уртейла в адрес Лаки и Совета. Его поддержал доктор Гардома, подтвердив ссору между Уртейлом и Бигманом при первой встрече. Потом он доложил, как лечил Уртейла после его возвращения из рудников. Он говорил:

— Уртейл быстро оправился от гипотермии. Я не расспрашивал его о подробностях, а сам он не рассказывал ничего. Тем не менее он спросил о Бигмане, и когда я ответил, что Бигман совершенно здоров, судя по выражению лица Уртейла, неприязнь его к Бигману еще более возросла. Он не говорил о том, что Бигман спас ему жизнь. Уртейл не из тех людей, которые помнят добро.

— Это только ваше мнение,— сухо прервал его Певерал,— и я рекомендую не вносить в запись хаос, вызванный подобными заявлениями.

Следующим выступил Кук. Он сконцентрировал все свое внимание на поединке.

— Бигман настаивал на драке,— сказал он.— Все шло к этому. Мне казалось, что если я разрешу бой при пониженной гравитации, как предлагал Бигман, да еще и при свидетелях, то никакого вреда не будет. Если бы дело приняло скверный оборот, мы всегда успели бы вмешаться. Я боялся, что если я откажусь от этого, то драка произойдет без свидетелей, и тогда возможны серьезные последствия. Конечно, случилось непредвиденное, но я не предполагал этого. Я должен был проконсультироваться с вами, доктор Певерал.

— Конечно, вы должны были это сделать. Бигман настаивал на поединке при пониженной гравитации, не так ли?

— Это так.

— И он заверил вас, что при этих условиях убьет Уртейла?

— Его точным высказыванием было, что он «умертвит ублюдка». Я думаю, что это всего лишь иносказательное выражение. Я уверен, что на самом деле он не планировал убийство.

Певерал повернулся к Бигману.

— Есть ли у вас в связи с этим какие-нибудь комментарии?

— Да. И с этого момента, на котором остановился Кук, я требую перекрестного допроса.

Доктор Певерал выглядел удивленным.

— Слушайте! — горячо проговорил Бигман.— Смерть Уртейла не случайность. Это убийство! И я хочу иметь возможность доказать это.

На мгновение воцарилось молчание, сменившееся смущенным перешептыванием. Голос Бигмана поднялся до высоких нот:

— Я настаиваю на перекрестном допросе доктора Кука.

Лаки холодно сказал:

— Я предлагаю вам разрешить Бигману проделать это, доктор Певерал.

Старый астроном выглядел вконец расстроенным.

— Действительно. Я не... Бигман не может... — он начал заикаться, а потом замолчал.

— Во-первых, доктор Кук,— начал Бигман,— как Уртейл узнал маршрут, который Лаки и я выбрали для путешествия в рудниках?

Кук покраснел.

— Я не знал, что ему был известен ваш маршрут.

— Вам надо было убедиться. Он не шел прямо на меня. Он избрал параллельный путь, как будто он хотел подстеречь и напасть на нас, когда мы убедимся, что находимся одни и никто не сопровождает нас. Чтобы сделать это, он должен был хорошо знать маршрут, выбранный нами. Лаки и я обсуждали маршрут только с вами и больше ни с кем. Лаки ничего не говорил Уртейлу, и я тоже. Тогда кто?

Кук оглянулся по сторонам, как будто ища помощи.

— Я не знаю.

— Разве не очевидно, что это сделали вы?

— Нет! Быть может, он подслушал?

— Он не мог подслушать линии на карте, доктор Кук... Но сейчас опустим это. Я дрался с Уртейлом, и если бы тяготение оставалось постоянным, он был бы жив. Но оно не осталось таким. Оно внезапно повысилось до земного уровня в тот момент, когда это смогло убить его. Кто сделал это?

— Я не знаю.

— Вы оказались возле Уртейла первым. Что вы делали там? Вам надо было убедиться, что он мертв.

Кук повернул пылающее лицо к своему начальнику.

Певерал с тревогой спросил:

— Вы обвиняете Кука в убийстве Уртейла?

— Подумайте,— сказал Бигман.— Неожиданный перепад гравитации бросил меня на пол. Когда я поднялся на ноги, все болельщики или поднимались так же, как я, или еще лежали. Когда ты стоишь, а на тебя падает без предупреждения пятьдесят фунтов,

ты не можешь моментально вскочить на ноги. Но Кук смог, он не только был на ногах, но добрался до Уртейла и склонился над ним.

— Что это доказывает? — спросил Кук.

— Это доказывает, что ты не упал, когда подскочило тяготение. А почему ты не упал? Потому, что ты ожидал перепада и подготовился к нему. А почему ты ожидал его? Потому что ты сам поднял рубильник.

Кук повернулся к доктору Певералу.

— Это мания преследования. Это сумасшествие.

Но доктор Певерал смотрел на своего заместителя с внезапным ужасом.

— Разрешите мне восстановить обстоятельства,— предложил Бигман.— Кук работал с Уртейлом. Только таким путем Уртейл мог узнать о нашем маршруте в шахтах. Он работал с ним, наверное, из страха. Может быть, Уртейл шантажировал его. Так или иначе, для Кука это был единственный способ вырваться из-под зависимости Уртейла — убить его. Когда я сказал, что могу умертвить ублюдка, если мы будем драться при пониженном тяготении, то у него в голове зародилась мысль, и пока мы дрались, он стоял у рубильника и ждал. Это все.

— Обожди! — закричал потрясенный Кук.— Это все... это все...

— Вот что мне пришло в голову,— сказал Бигман.— Если мое предположение верно, а я уверен в этом, то у Уртейла должны быть записи или копии документов, которыми он шантажировал Кука. Иначе Кук не пошел бы на убийство. Так что надо посмотреть вещи Уртейла, и мы что-нибудь найдем.

— Я согласен с Бигманом,— сказал Лаки.

Доктор Певерал в замешательстве произнес:

— Я полагаю, что есть только один способ восстановить справедливость, хотя как...

Казалось, что доктор Кук испускает дух, сделавшись пепельно-серым. Он беспомощно дрожал.

— Обождите,— слабо сказал он.— Я все объясню.

Лица повернулись к нему. Виски Кука покрылись испариной. Руки, когда он, почти моля о пощаде, поднял их, сильно дрожали. Он сказал:

— Когда я прибыл на Меркурий, Уртейл зашел ко мне. Он сказал, что обследует обсерваторию, что сенатор Свенсон имеет доказательства бесхозяйственности и растрат. Он сказал, что доктор Певерал должен быть смещен, что он старик, что он не способен больше нести ответственность за станцию, и что я смогу занять его место.

— Кук! — воскликнул доктор Певерал.

— Я согласился с ним,— угрюмо продолжал Кук.— Вы слишком стары. Я делал за вас всю работу, пока вы были охвачены манией нападения сириан.— Он снова повернулся к Лаки.— Уртейл сказал, что если я помогу ему в расследовании, он учтет это, и я буду следующим директором Обсерватории. Я поверил ему: все знают, что сенатор Свенсон всемогущий человек. Я дал ему огромное количество информации, кое-какая была записана и отснята.

Он сказал, что это нужно для официального процесса. А потом... потом он стал меня шантажировать полученной от меня информацией.

Оказалось, что он больше интересуется проектом «Свет» и Советом Науки. Он хотел, чтобы я, используя свое положение, стал чем-то вроде его персонального шпиона. Он угрожал мне, говорил, что расскажет доктору Певералу о моей работе на него, если я откажусь. Это был бы конец всей моей карьеры. Я шпионил для него. Я дал информацию о маршруте Старра и Бигмана в шахтах. Я держал его в курсе всех дел Майндза. Каждый раз после того, как я помогал ему, я все больше оказывался в его власти. И через некоторое время я понял, что однажды он сломает меня. Я почувствовал, что единственный путь спасения — убить его. Если бы я только знал, как... Потом ко мне пришел Бигман со своим планом поединка при пониженной гравитации. Он был так уверен, что побьет Уртейла, что я подумал: что я теряю, может быть это мой единственный шанс.

Итак, я стоял у переключателя и ждал своего часа. Он пришел, и Уртейл погиб.

Мой план сработал превосходно. Я думал, что все это примут за случайность. Даже если у Бигмана и будут неприятности, то Совет поможет ему избежать их. Никто не должен был пострадать, кроме Уртейла, а он заслужил в сотни раз худшего. Как бы то ни было, это так.

В молчании, последовавшем за этим, раздался сухой голос доктора Певерала:

— При таких обстоятельствах вы, Кук, конечно, можете считать себя освобожденным от всяких обязанностей и под арест...

— Эй, погодите! — закричал Бигман.— Исповедь еще не закончена. Слушай, Кук, это была твоя вторая попытка убить Уртейла, не так ли?

— Вторая попытка? — глаза Кука поползли вверх.

— А как насчет прорезанного изо-скафандра? Уртейл предупредил нас об этом, следовательно, у него уже должен был быть опыт. Он устроил все так, будто это сделал Майндз, но Уртейл был лживым ублюдком и ничему из того, что он говорил, верить было нельзя. Я хочу сказать, что это ты попытался таким образом убить Уртейла, но он обнаружил подвох и заставил перенести скафандр в нашу каюту. Затем он предупредил нас об этом, желая, чтобы мы считали, что он на нашей стороне, и одновременно доставляя неприятность Майндзу. Разве это не так?

— Нет,— выкрикнул Кук.— Нет! Я ничего не делал с изо-скафандром. Ничего!

— Давай, давай,— начал Бигман.— Так мы и поверили тебе...

Но его перебил Лаки Старр.

— Все в порядке, Бигман. Кук ничего не делал с изо-скафандром. Мы можем ему поверить. Человек, несущий ответственность за разрезанный скафандр, связан не с Уртейлом, а с роботом.

Бигман удивленно уставился на своего друга.

— Ты имеешь в виду сириан, Лаки?

— Не сириан. Сириан на Меркурии нет. Их здесь никогда и не было.

Глубокий голос доктора Певерала сделался хриплым от испуга.

— Нет сириан? Вы отдаете себе отчет в том, что говорите, Старр?

— Всецело,— Лаки подошел к столу доктора Певерала и сел на его угол, лицом к аудитории.

— Доктор Певерал, вы поможете мне, когда я все объясню. Я в этом уверен.

— Конечно, помогу. Не беспокойтесь насчет этого,— фыркнул старый астроном, и на лице его появилось выражение сильного неодобрения.— Надо ли это обсуждать... Кстати, мы должны посадить Кука под арест.— Он привстал.

Но Лаки вежливо принудил его сесть на место.— Все в порядке, сэр. Бигман позаботится, чтобы Кук оставался под присмотром.

— Я не хочу причинять никаких неприятностей,— сухо сказал Кук.

Тем не менее, Бигман придвинул свое кресло вплотную к креслу Кука.

— Давайте кое-что вспомним, доктор Певерал,— сказал Лаки, — а именно этот злополучный банкет и ваши слова о сирианских роботах... Кстати, доктор Певерал, вы уже давно знали, что на планете есть робот, не так ли?

— Что вы имеете в виду? — с беспокойством спросил астроном.

— Доктор Майндз пришел к вам и рассказал о виденной им движущейся человекоподобной фигуре, которая, казалось, была одета в металлический скафандр и переносила солнечную радиацию лучше, чем можно было ожидать от человека.

— Именно это я видел,— вставил Майндз.— И я должен был догадаться, что вижу робота.

— Вы не настолько хорошо осведомлены о роботах, как доктор Певерал,— сказал Лаки и бросил взгляд на астронома.— Я уверен, что вы подозревали о присутствии робота на планете с того момента, как Майндз доложил вам об увиденном. Он прекрасно обрисовал робота.

Певерал медленно кивнул.

— Когда Майндз рассказал мне об этом,— продолжал Лаки,— я знал о роботах не больше, чем он. Однако после банкета меня осенило, что объяснение всему этому кроется именно здесь. Вы тоже должны были так подумать.

Доктор Певерал снова кивнул и сказал:

— Я понимал, что мы сами ничем не можем помешать вторжению сириан. Вот почему я разубедил Майндза,— сказал он.

— И вы доложили об этом Совету Науки? — спросил Лаки.

Певерал заколебался.

— Я побоялся, что мне не поверят, и я только ускорю свою замену. Если говорить откровенно, то я не знал, что мне делать. Было ясно, что я не могу положиться на Уртейла. У него были свои планы. Когда появились вы, Старр,— его голос стал мягким и глубоким,—

я ощутил, что мне нужен союзник, и впервые заговорил о сирианах, их опасности и их роботах.

— Да,— сказал Лаки,— и вы помните, как вы описывали отношения сириан к роботам? Вы использовали слово «любовь». Вы говорили, что сириане баловали роботов, они любили их. Вы сказали, что они будут оберегать робота больше, чем сотню землян.

— Разумеется,— ответил доктор Певерал,— это правда.

— Но, если сириане так сильно любили своих роботов, стали бы они посылать одного из них на Меркурий? Незащищенного, неприспособленного к солнечной радиации? Обрекать его одного на медленную и мучительную смерть от Солнца?

Доктор Певерал замолчал. Его нижняя губа мелко вздрагивала, а Лаки продолжал:

— Я сам с трудом смог принять решение уничтожить робота, хотя он и покушался на мою жизнь, а я ведь не сирианин. Так могли бы сириане быть так жестоки к роботу?

— Важность мысли и миссии...— начал доктор Певерал.

— Допускаю,— перебил его Лаки.— Я не говорю, что сириане не послали бы на Меркурий для ведения саботажа робота, но, Великая Галактика, во-первых, они защитили бы его мозг. Даже отбросив их любовь к роботам, это разумно. Срок службы робота станет гораздо больше.

Послышался гул всеобщего одобрения.

— Но,— возразил доктор Певерал,— если не сириане, то кто же.

— Хорошо,— сказал Лаки,— давайте посмотрим, что у нас есть. Майндз дважды замечал робота и дважды он исчезал, когда человек пытался подобраться ближе. Позднее робот сказал мне, что он был проинструктирован опасаться людей. Очевидно, когда Майндз вылетал на поиски саботажника, робота предупреждали. Очевидно, его предупреждали из купола. Его не предупредили насчет меня, так как я сказал, что мы идем в рудники. Второе, когда робот умирал, я еще раз спросил, кто проинструктировал его. Он смог сказать: «з..з..» — а затем его передатчик выключился, но рот его двигался, как будто произнося слова.

Бигман вдруг вскрикнул, его тусклые рыжие волосы поднялись от напряжения:

— Уртейл! Робот пытался сказать — Уртейл! Грязный ублюдок был еще и саботажником! Все сходится. Все сходится...

— Может быть,— сказал Лаки.— Может быть. Посмотрим. Мне пришла мысль, что робот пытался сказать «землянин».

— Возможно,— сухо сказал доктор Певерал,— но это только неопределенный звук, изданный умирающим роботом и не имеющий никакого смысла.

— Может быть,— согласился Лаки.— Но сейчас мы переходим к главному, что приведет нас к правильному заключению. Вот ведь какая штука — робот сирианского производства, но кто из купола имел возможность получить в личное пользование сирианского робота? Был ли кто-нибудь из вас на планете Сириус?

Глаза доктора Певерала сузились.

— Я был.

— Именно,— ответил Лаки,— и более никто. Вот вам и ответ.

Сразу после его слов возник сумасшедший галдеж, но Лаки призвал к тишине. Он властно, с бесстрастным лицом произнес:

— Как член Совета Науки, я сообщаю, что с этого момента Обсерватория находится под моим управлением. Доктор Певерал, как директор, смещен. Я связывался со штабом Совета на Земле, и корабль уже на пути сюда. Все необходимые меры приняты.

— Я требую, чтобы меня выслушали! — закричал доктор Певерал.

— Вас выслушают,— ответил Лаки.— Но сначала выслушайте доказательства вашей вины. Вы единственный человек, который мог украсть сирианского робота. Доктор Кук рассказал мне, что к вам, во время вашего пребывания на Сириусе, был приставлен робот для личного пользования. Это так?

— Да, но...

— Вы направили его на свой корабль, когда расстались с ним. Каким-то образом вы ухитрились обмануть сириан. Вероятно, они себе представить не могли, что кто-то способен на такое ужасное, по их понятиям, преступление, как кража робота. Вероятно поэтому они и не приняли никаких мер предосторожности. Вот еще соображение по поводу того, что робот пытался ответить «землянин», когда я спросил его, кто давал ему инструкции. Вы были единственным землянином на Сириусе. Вас могли назвать землянином на Сириусе. Вас могли назвать землянином, когда к вам впервые был прикреплен этот робот. Он думал о вас, как о землянине. В конечном счете, кто лучше всех должен был знать обо всех попытках обследовать Солнечную Сторону. Кому удобнее было знать, когда робот мог действовать безопасно, а когда прятаться в укрытии?

— Это все ваши предположения,— сухо сказал доктор Певерал.

— Нет смысла отрицать это,— возразил Лаки.— Если вы будете настаивать на своей невиновности, Совет должен будет послать запрос на Сириус. Робот сообщил мне свой регистрационный номер Рл-086. Я уверен, что он исчез как раз тогда, когда вы покинули Сириус, это уличит вас. Более того, ваше преступление совершено на Сириусе, и так как у нас с сирианами существует договор о взаимной выдаче преступников, мы будем вынуждены выдать вас сирианским властям. Я советую вам, доктор Певерал, признаться и отдаться в руки земного правосудия. Это будет лучше, чем отстаивать свою невиновность, рискуя быть судимым сирианами за похищение робота и предание его мученической смерти.

Доктор Певерал жалобно уставился на собравшихся невидящими глазами и дюйм за дюймом начал сползать, пока не рухнул на пол. Доктор Гардома кинулся к нему, чтобы проверить, бьется ли его сердце.

— Он жив,— сказал врач,— я думаю лучше перенести его в постель.

Двумя часами позже доктор Певерал давал показания. У его кровати сидели Гардома и Лаки, а на стене светился экран под-

пространственной связи. На экране члены штаба Совета слушали показания доктора.

* * *

Меркурий отходил на второй план. Уверенность, что дальнейший ход событий находится под контролем людей Совета, освобождала Лаки от чувства ответственности, но он до сих пор испытывал напряжение, погрузившись в тягостную задумчивость.

— Что случилось, Лаки? — заботливо спросил Бигман.

— Я виноват перед стариной Певералом. Он был на правильном пути. Сириане являются опасностью. Пусть не столь скорой и неотвратимой, как он предполагал.

— Совет не выдаст его Сириусу?

— Вероятно, нет. Его страх перед сирианами был велик, и не просто было заставить его во всем признаться. Однако патриотизм привел его к преступлению. Кук тоже был вынужден убить.

— Что же заставило старика преследовать проект «Свет», Лаки? — спросил Бигман.

— Певерал все разъяснил на банкете, — мрачно ответил Лаки.— Все стало ясно той ночью. Ты помнишь, он утверждал, что Земля ослабляет себя, впадая в зависимость от импорта пищи и ресурсов. Он говорил, что проект «Свет» сделает Землю зависимой от системы космических станций, поставляющих ей энергию. Он хотел, чтобы Земля была более самостоятельной, что позволило бы лучше отражать опасности.

Своим помутившимся рассудком фаната он полагал, что может предотвратить это, пытаясь саботировать проект «Свет». Возможно, он взял робота с целью демонстрации сирианской мощи. Возвратившись и увидев проект «Свет», он решил использовать робота в качестве саботажника. По прибытии Уртейла, старик сначала испугался, что тот займется расследованием и разоблачит его.

Это он подсунул Уртейлу разрезанный скафандр, но Уртейл обнаружил дефект. Может быть, Уртейл действительно верил, что это дело рук Майндза.

— Давай подумаем над этим, — предложил Бигман,— когда мы впервые встретили старика, он даже не стал разговаривать об Уртейле. Настолько он ненавидел его.

— Именно, — сказал Лаки,— и у него не было каких-либо веских причин для этого, таких, скажем, какие были у Майндза. Я думаю, что были обстоятельства, о которых мы ровным счетом ничего не знали.

— И это впервые навело тебя на мысль о старике, Лаки?

— Нет, у меня впервые зародились подозрения, когда я нашел разрезанный изо-скафандр у нас в каюте. Доктор специально разместил нас в той каюте, где находился разрезанный скафандр.

— Но почему он хотел убить тебя? Каковы были мотивы?

— В первую встречу он спросил, не подпространственник ли я, как и Майндз. Но потом он понял, кто я. Вообще мое имя здесь было

известно Майндзу, который хотел вынудить меня помочь ему. Доктор Гардома слышал обо мне в связи с отравлениями на Марсе. Уртейл, конечно же, знал обо мне все. Я сомневаюсь, чтобы доктор Певерал ничего не слышал обо мне. Была, например, Церера, где мы с тобой останавливались на время битвы с пиратами. Там находится крупнейшая Обсерватория в Солнечной Системе. Разве не мог Певерал тогда быть там?

Я спросил его об этом, но он отрицал факт нашей встречи. Он признал, что посещал Цереру, и Кук позже рассказал нам, что старик бывал там периодически.

Без всякого принуждения с моей стороны Певерал пошел дальше и объяснил, что в течение всего времени налета пиратов он был болен и не вставал с постели, и Кук позднее подтвердил это. В волнении Певерал проговорился.

— Мне не все понятно... — маленький марсианин изумленно посмотрел на своего друга.

— Это просто. Если Певерал систематически бывал на Церере, почему он почувствовал необходимость создать себе алиби на время налета пиратов? Почему именно на это время, а не на другое? Ясно, что он знал, кто я такой. Но если он меня знал, то почему же пытался убить, как, кстати, и Уртейла? Мы оба обнаружили прорезанный изо-скафандр. Да потому, что мы следователи. А их боялся Певерал. Затем, когда он завел разговор о сирианах и роботах, все стало на свои места. Рассказ Майндза внезапно обрел здравый смысл, и я сразу понял, что доставить робота на Меркурий могли только сириане или сам Певерал. Мне казалось, что все разговоры о сирианах — своего рода маскировка. Если робот будет найден и саботаж прекращен, то это будет великолепной пропагандой.

Нам нужны были доказательства, иначе сенатор Свенсон стал бы кричать, что мы пускаем пыль в глаза, прикрывая нашу некомпетентность и расточительство. Мне нужны были серьезные доказательства. Доверить свой план действий, находясь рядом с Уртейлом, я не мог никому. Даже тебе, Бигман.

— Когда ты будешь доверять мне, Лаки.

— Когда ты будешь стараться избегать таких вещей, как драка с человеком вдвое больше, чем ты,— с улыбкой ответил Лаки.— Как бы то ни было, я решил захватить робота на солнечной стороне и использовать его как доказательство. Это мне не удалось, и я должен был вырвать признание у Певерала.

— А как насчет Свенсона? — спросил Бигман.

— Я думаю, здесь ничья,— ответил Лаки.— Ему никак не удастся использовать доктора Кука как свидетеля, чтобы разоблачить грязные делишки Уртейла. Мы не можем сделать ничего против него, так как два уполномоченных человека на Меркурии все-таки освобождены от своих обязанностей за совершенные преступления. Все остается на своих местах.

— Пески Марса! — простонал Бигман.— Мы и дальше будем терпеть этого ублюдка.

Но Лаки покачал головой.

— Нет. Сенатор Свенсон не причина для беспокойства. Он жесток и опасен, но он нужен для того, чтобы держать Совет настороже, чтобы мы не сделались мягкотелыми. Совет Науки нуждается в критике, как нуждается в ней Конгресс или Правительство. И если когда-нибудь Совет будет ставить себя выше критики, может прийти время, когда он установит на Земле диктатуру. Конечно же, я не хочу этого.

— Хорошо,— сказал Бигман,— но мне не нравится этот Свенсон.

Лаки рассмеялся и потянулся, чтобы взъерошить волосы своего маленького друга.

— Так же как и мне. Но зачем сейчас беспокоиться об этом? Вокруг нас звезды, и кто знает, куда мы отправимся на следующей неделе и зачем?

ЛАКИ СТАРР И ЛУНЫ ЮПИТЕРА

Юпитер казался почти правильным кругом вдвое меньшего диаметра, чем Луна, какой ее видят с Земли. И хотя светил Юпитер в семь раз менее ярко из-за большого расстояния от Солнца, вид его был в достаточной степени впечатляющим.

Лаки Старр глубоко задумался у главного пульта. Света в рубке управления не было, и только Юпитер, тускло сиявший в центре экрана, позволял разглядеть фигуры Лаки и его компаньона.

— Если бы Юпитер был полым,— сказал Лаки,— ты смог бы загрузить в него триста планет размером с Землю и еще осталось бы место. Его масса больше всех остальных планет Солнечной системы, вместе взятых.

Джон Бигман Джонс, которого все звали не иначе как просто Бигман (он был ростом в пять футов и два дюйма, причем когда немного вытягивал шею), стоял рядом с Лаки и внимательно слушал его.

— И что хорошего? Никто не может приблизиться к нему.

— Возможно, мы никогда и не совершим посадку на Юпитер,— ответил Лаки.— Но если будет создан корабль с антигравитационным двигателем, мы сможем подобраться вплотную к этому гиганту.

— И в этом нам помогут сириниты,— мрачно сказал Бигман,— все идет к тому, что так и будет.

— Что ж, Бигман, посмотрим.

Бигман ударил своим маленьким кулачком по ладони левой руки:

— Пески Марса! Лаки, долго мы еще будем ждать?!

Корабль Лаки «Метеор» находился на орбите Юпитера, вращаясь вокруг Юпитера Девять — внешнего спутника гигантской планеты. Корабль висел в тысяче миль от спутника, официально называвшегося Адрастея. Но все спутники Юпитера, исключая самые большие и близкие, были более известны по номерам. Юпитер Девять имел всего восемьдесят девять миль в диаметре, но сейчас выглядел крупнее, чем Юпитер, отдаленный на пятнадцать миллионов миль. Спутник — глубоко вырубленная серая скала — едва ли заслуживал внимания: Лаки и Бигман видели сотни подобных каменных гор и в поясе астероидов. Однако кое в чем он отличался. Под прикрытием его тысячи людей и миллиарды долларов работали над проблемой гравитации. Здесь строились первые корабли с

экспериментальными антигравитационными двигателями. Несмотря на это Лаки предпочитал рассматривать Юпитер. Даже на теперешнем расстоянии от корабля (почти три пятых расстояния от Венеры до Земли в момент их противостояния) Юпитер выглядел достаточно большим диском, чтобы даже невооруженным глазом различать его цветовые зоны. Они выглядели как бледно-розовые и зеленовато-голубые полосы, нанесенные небрежной рукой ребенка на шар планеты. Лаки почти забыл о безжизненности Юпитера, любуясь огромной планетой. Бигману пришлось повторить свой вопрос громче.

— Эй, Лаки, как долго мы будем болтаться без дела и ожидать неизвестно чего?

— Ответ тебе известен, Бигман. До тех пор, пока командор Донахью не прибудет к нам.

— Это-то я знаю. Мне интересно, почему мы должны ждать его?

— Потому, что он просил нас.

— Ах, он просил. И что же он за птица?

— Глава проекта «Антигравитация»,— терпеливо ответил Лаки.

— Кто бы он ни был, ты не обязан выполнять его приказ. И ты сам это прекрасно знаешь.

У Бигмана была глубокая и непоколебимая уверенность в том, что Лаки Старр всегда прав, и только он может отдавать приказания, как полноправный член Совета Наук, этой бескорыстной и авторитетной организации, борющейся с врагами Земли внутри Солнечной Системы и в более отдаленных глубинах космоса. Он мог считать себя первым среди равных в любом, даже наиболее высокопоставленном обществе. Но сейчас Лаки не собирался использовать все свои права. Юпитер, конечно, опасная планета: высокая гравитация, ядовитая атмосфера Юпитера Девять вызывали большие опасения хотя бы потому, что угроза была неизвестной. И пока ситуация более или менее не прояснится, Лаки намеревался выбирать дорогу осторожно.

— Спокойнее, Бигман,— сказал он.

Бигман поворчал немного и включил свет.

— Мы ведь не обязаны глазеть на Юпитер целые сутки, не так ли?

Бигман направился в угол ходовой рубки, где в герметической клетке, наполненной водой, металось маленькое венерианское существо. Он любовно смотрел на это странное создание. В-лягушка всегда приводила его в состояние умиления, как, впрочем, и любого, наблюдавшего за ней. В-лягушка, родившаяся в венерианском океане, представляла собой крохотное существо, состоявшее, казалось, только из глаз и ног. Она была зеленой, слегка походила на земную лягушку, выделялись два больших глаза, похожих на сверкающие ягоды смородины, и острый, сильно загнутый клюв. При росте в шесть дюймов В-лягушка обладала шестифутовым обаянием. Сейчас ноги В-лягушки были втянуты, и она сидела на дне клетки. Но когда Бигман постучал по крышке, все шесть ног распрямились, как плотничьи метры, и стали похожи на ходули. Ве-

нерианское существо было маленьким и некрасивым, но Бигман чувствовал, что любит его, как случалось с каждым, увидевшим лягушку. Бигман ничего не мог поделать с этим, В-лягушка располагала к себе. Он внимательно проверил приборы, сохранявшие в клетке воду хорошо перемешанной и насыщенной двуокисью углерода, и убедился, что температура ее поддерживается на уровне восьмидесяти пяти градусов по Фаренгейту. Теплые океаны Венеры омывались и пропитывались атмосферой, состоящей из азота и двуокиси углерода. Свободный кислород, отсутствующий на Венере, за исключением подводных городов, построенных землянами на океанских мелководьях, был бы очень неприятен для В-лягушки.

Бигман озабоченно спросил:

— Как ты думаешь, запаса водорослей хватит?

Тут же клюв В-лягушки стал обрывать усики венерианских водорослей, плававших в клетке, и медленно пережевывать их, как будто она услышала его слова.

— Так будет продолжаться...— начал Лаки, но его прервал резкий сигнал прибытия, который ни с чем нельзя спутать. Оба, Лаки и Бигман, резко повернулись к пульту.

Суровое лицо появилось в центре экрана после того, как Лаки включил ближнюю связь.

— Я Донахью,— раздался с экрана бодрый голос.

— Да, командор,— ответил Лаки,— мы ждем вас.

— Подготовьте переходный отсек.

На лице командора была ясно написана тревога. В последнее время Лаки привык видеть такое выражение на лицах людей. В том числе и у главы Совета Гектора Конвея, для которого Лаки был почти сыном, и старик не испытывал нужды что-либо утаивать от него. Свежее лицо Конвея, обычно приветливое и уверенное, под копной совершенно белых волос, было нахмурено.

— Я несколько месяцев ждал случая поговорить с тобой.

— Неприятности?— спросил Лаки спокойно. Он только что вернулся с Меркурия. Меньше месяца он отдыхал в своих апартаментах и Нью-Йорк пока не надоел ему.— Ты звонил мне.

— Ты заработал отпуск,— сердито сказал Конвей,— и я хотел, чтобы он продолжался подольше.

— Что случилось? Неужели что-то серьезное, дядя Гектор?

Глава Совета был старым человеком, и он смотрел в карие глаза высокого гибкого юноши с надеждой найти в них поддержку.

— Сириус...

Лаки передалось его волнение. Опять старые непримиримые враги. Минули столетия с тех пор, как экспедиции первооткрывателей с Земли колонизировали ближайшие системы. Новые общества возникли на других мирах всей Солнечной Системы. Независимые общества едва ли помнили свое земное происхождение. На планетах Сириуса сформировалось наиболее старое и наиболее мощное из этих обществ. Оно возникло на новых мирах, где достижения науки опирались на неиспользованные ресурсы. Не секрет, что представляют собой сливки общества, которые ожидают времен, когда смогут управлять всеми людьми. Вот поэтому сириниты

и рассматривали Землю, материнский мир, как своих злейших врагов. В прошлом они делали все, чтобы поддержать внутренних врагов существующего порядка, но никогда не отваживались на открытые военные действия. А теперь?

— Так что же Сириус?— спросил Лаки.

Конвей откинулся на спинку кресла. Его пальцы легко постукивали по столу. Он проговорил:

— Сирианиты делаются сильнее с каждым годом. Мы знаем это наверняка. Но их миры мало населены — их всего несколько миллионов. В Солнечной Системе все еще больше человеческих существ, чем во всей остальной Галактике. У нас больше кораблей и ученых — пока мы лидируем. Но, во имя Пространства, мы не сохраним лидерства, если все будет продолжаться так, как идет сейчас.

— В чем дело?

— Сирианиты узнают обо всем. Совет со всей достоверностью определил, что они полностью осведомлены о наших антигравитационных исследованиях.

— Что?!— Лаки вздрогнул.

Проект «Антигравитация» был одним из самых засекреченных исследований Совета. Одной из причин размещения главных сооружений исследовательского центра «Антигравитация» на внешнем спутнике Юпитера было соблюдение высшей степени секретности.

— Великая Галактика! Как это могло случиться?

Конвей горько усмехнулся:

— Вот уж действительно вопрос: как это могло случиться? Все виды материалов утекают к ним, и мы не знаем, каким образом. Мы всеми силами стараемся прекратить утечку информации. Ситуация с проектом «Антигравитация» сложилась угрожающая. Нет человека, занятого в проекте, чья лояльность не была бы проверена тщательнейшим образом. Нет таких предосторожностей, которых бы мы не приняли. Но материалы продолжают просачиваться. Мы подбрасывали ложные данные, но сирианиты разгадывали нашу игру. Об этом свидетельствует собственная разведка. Мы подбрасывали данные таким образом, что в них невозможно было разгадать липу, но тем не менее они не проходили.

— Что значит невозможно?

— Мы подтасовывали данные таким образом, что ни один человек, участвующий в игре, не мог знать все. Значит, несколько человек сотрудничают с сирианитами против нас, а это невероятно.

— Или один какой-то человек знал все,— заметил Лаки.

— Что является в настоящее время невозможным. Это должно быть что-то новое. Ты понимаешь, что отсюда следует, Лаки? Если Сириус изобрел новый способ выколачивать сведения из наших мозгов, то в безопасности чувствовать себя мы уже никогда не будем. Мы никогда не сможем создать надежную защиту от действий Сириуса, мы никогда не сможем разработать плана против них.

— Подожди, дядя Гектор. Великая Галактика! Да передохни ты

хоть минутку! Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что они используют наши мозги?

Глава Совета вспыхнул:

— Во имя Пространства, Лаки! Я впадаю в отчаяние. Я не вижу, как еще это могло случиться. Сирианиты, должно быть, изобрели что-то вроде чтения мыслей или телепатии.

— А разве такой вариант невозможен? Нам же известен пример практического применения телепатии: венерианские В-лягушки.

— Ладно,— сказал Конвей.— Я тоже думал об этом. Но у них нет венерианских амфибий. Я знаю результаты исследования В-лягушек. Тысячи их, действуя совместно, делают телепатию возможной. Сохранить тысячи В-лягушек где-нибудь, кроме Венеры, чрезвычайно трудно, кроме того, их было бы легко обнаружить. А без В-лягушек не существует способа управляемого приема мыслей.

— Нет способа, известного нам,— мягко поправил Лаки.— Возможно, сирианиты опередили нас в области изучения телепатии.

— Без В-лягушек?

— Даже без В-лягушек.

— Я не верю в это!— разозлился Конвей.— Я не верю в то, что сирианиты могут решить какую-то научную проблему, оставив далеко позади Совет Наук.

Лаки чуть не рассмеялся над гордостью старика за организацию, которую тот возглавлял. Но тут была не только гордость. Совет Наук представлял собой величайший интеллектуальный орган, когда-либо существовавший в известной части Галактики. Все новое, появляющееся в любой из отраслей знаний, исходило только от Совета Наук. Тем не менее Лаки не мог удержаться от легкого укола:

— Они обогнали нас в роботехнике.

— Это не так,— возразил Конвей.— Только в некоторых ее приложениях. Земляне изобрели позитронный мозг, сделавший возможным создание современных роботов, не забывай этого. Земле принадлежит большая часть всех фундаментальных открытий. разве только Сириус строит больше роботов и...— он поколебался,— они усовершенствовали некоторые технические детали.

— С чем я столкнулся на Меркурии,— сурово проговорил Лаки.

— Да, я это знаю, Лаки. Это было ужасно рискованное задание...

— Но уже все в прошлом. А что же сегодня?— мягко улыбнулся Лаки.— Ситуация такова: Сириус проводит успешный шпионаж, и мы не в силах пресечь его.

— Да.

— Больше всего это сказывается на проекте «Антигравитация».

— Да.

— Я полагаю, дядя Гектор, вы хотите, чтобы я отправился на Юпитер Девять и на месте посмотрел, нельзя ли решить эту проблему?

Конвей мрачно кивнул.

— Ты правильно полагаешь. Это может показаться несправедливым по отношению к тебе. Но я привык считать тебя своим тузом, своей козырной картой, думать о тебе, как о человеке, перед которым я могу поставить любую задачу и быть уверенным, что она будет решена. Что еще можно предпринять на Земле? Совет старался сделать все возможное, но мы не обнаружили никаких шпионов. Могу ли я ожидать от тебя большего?

— Не только от меня. Мне будут помогать.

— Бигман?— старик не сдержал улыбку.

— Не только Бигман. Позволь мне задать тебе один вопрос. Не попала ли какая-нибудь информация об исследованиях В-лягушек на Сириус?

— Нет,— ответил Конвей.— Насколько известно нашей разведке, никакой.

— В таком случае я прошу выделить мне В-лягушку.

— В-лягушку? Одну В-лягушку?

— Совершенно верно.

— Но что тебе это даст? Психическое поле одной В-лягушки исчезающе мало. Ты не сможешь читать мысли.

— Верно. Но я смогу обнаружить признаки сильных эмоций.

— Может быть, так оно и будет,— ответил Конвей.— Но что все же тебе это даст?

— Пока я ни в чем не уверен. Тем не менее, это может стать преимуществом, которого не имели другие следователи. Неожиданная эмоциональная волна с чьей-то стороны может помочь мне, даст почву для подозрений и направление для дальнейшего следствия. И еще...

— Да?

— Если кто-то владеет телепатическим даром, развившимся либо естественно, либо искусственно, я смогу обнаружить нечто более сильное, чем просто дуновение эмоций, а именно: активную наступательную мысль прежде, чем некто успеет прочитать в моем сознании достаточно для того, чтобы из предосторожности заэкранировать свой мозг. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Он тоже сможет обнаружить твои эмоции.

— Теоретически да, но я эмоционально открыт, так сказать. Он — нет.

Взгляд Конвея прояснился:

— Это слабая надежда, но я клянусь Пространством, все-таки надежда! Я дам тебе В-лягушку... Но вот еще что, Дэвид,— это был один из немногих случаев, когда Конвей назвал Лаки настоящим именем, каким обычно называли молодого члена Совета в детстве.— Я хочу, чтобы ты оценил важность этого задания. Если мы не узнаем, каким образом это делают сириниты, это будет значить, что на сей раз они нас действительно обогнали и мы не сможем больше сдерживать войну. Война или мир зависит от успехов твоей миссии.

— Я понимаю,— тихо сказал Лаки.

В результате всего вышеописанного случилось так, что Лаки Старр, землянин, и его маленький друг, Джон Бигман Джонс, ро-

дившийся
и оказались во внешней области Солнечной Системы. Вместе с ними полноправным членом экипажа в ходовой рубке находилось маленькое венерианское существо, умевшее читать мысли и проецировать эмоции. Сейчас они находились в тысячах миль от Юпитера и ждали, когда эластичный переходный отсек соединит «Метеор» с кораблем командора. Сочно чавкнули воздушные замки, соединяя два корабля, и в переходном тоннеле быстро поднялось воздушное давление, позволявшее перейти из корабля в корабль без скафандра.

Такой переход был несложен: при отсутствии тяготения было достаточно одного первоначального толчка, чтобы проскочить через тоннель, а для прохода через те места, где труба изгибалась, хватало мягкого корректирующего движения.

Руки командора ухватились за кромку люка, он оттолкнулся и через мгновение оказался в искусственном поле тяготения «Метеора».

Он почти не пошатнулся, попав в псевдогравитационное, как его называли, поле корабля. Это было сделано так ловко, что Бигман, знаток всех приемов астронавтов, одобрительно кивнул.

— Добрый день, член Совета Старр,— угрюмо произнес командор. Обычно в космосе не затрудняют себя уточнениями в приветствиях: «доброе утро» или «добрый вечер», где, строго говоря, не бывает ни утра, ни полдня, ни вечера. «Добрый день»— нейтральный термин, обычно принятый у астронавтов.

— Добрый день, командор,— ответил Лаки.— Появились какие-то трудности, мешающие нашей посадке на Юпитер Девять? Чем объяснить задержку?

— Трудности? Ну это как вы сами посмотрите.— Он осмотрелся и сел на одну из маленьких пилотских табуреток.— Я связался со штаб-квартирой Совета, но мне рекомендовали обратиться прямо к вам. Поэтому я здесь.

Командор Донахью был жилистым пожилым человеком с заметной военной выправкой. От его лица, прорезанного глубокими морщинами, исходило какое-то напряжение. Его волосы были седыми, но нетрудно было догадаться, что командор шатен. Его руки были перевиты выпуклыми венами, а разговаривал он в той взрывной манере, когда фразы выкрикиваются в лицо собеседника короткими очередями.

— Обратиться ко мне по поводу чего, сэр?— спросил Лаки.

— В данный момент, член Совета, я хочу, чтобы вы вернулись на Землю.

— Почему, сэр?

Командор не смотрел на Лаки, пока говорил.

— Нам надоело. Наши люди подозреваются, подозреваются и подозреваются. Каждый раз, когда прилетает новый инспектор, все начинается сначала. И каждый раз все поголовно проходят чистку. Им это не нравится, как не понравилось бы и вам. Кому приятно быть под постоянным подозрением? И я полностью на их стороне. Наш антигравитационный корабль почти готов и сейчас

не время нервировать моих людей. Они уже поговаривают о забастовке..

— Ваши люди могут быть честнейшими, но утечка информации все же продолжается,— холодно ответил Лаки.

Донахью пожал плечами.

— В таком случае она происходит где-то еще. Должно быть...— Он запнулся и внезапно неуместная нотка дружелюбия появилась в его голосе:— Что это?

Бигман проследил за его взглядом и сказал:

— Это наша В-лягушка, командор. А меня зовут Бигман.

Командор не обратил внимания на то, что ему представились. Он приблизился к В-лягушке и уставился в герметическую клетку, наполненную водой.

— Это венерианское существо, не так ли?

— Верно,— ответил Бигман.

— Я слышал о нем, хотя никогда не видел. Симпатичный маленький дергунчик, а?

Лаки почувствовал мрачное веселье. Он не находил странным, что посреди весьма серьезной беседы командор вдруг отвлекся, да еще так пылко восхищается маленьким существом с Венеры. В-лягушки сами делали это неизбежным. Маленькое создание разглядывало Донахью своими черными глазами, покачиваясь на раскладывающихся ногах и прищелкивая попугаячьим клювом. Во всей известной части вселенной у этого существа был уникальный способ выживания, хотя оно не имело никакого оборонительного оружия. В-лягушки не могли похвастаться ни защитными доспехами, ни ногтями, ни зубами, ни рогами. А удар клювом был абсолютно безопасен.

Однако В-лягушки свободно размножались на покрытой водорослями поверхности венерианского океана. Ни один из свирепых хищников океанских глубин не беспокоил их просто потому, что они контролировали эмоции.

В-лягушки инстинктивно внушали всем другим живым существам любовь к себе, дружеские чувства. При помощи такого вот защитного механизма они и выживали. Более того, процветали.

Было очевидно, что сейчас В-лягушка испытывала свои телепатические способности на командоре Донахью. Улыбаясь, он указывал пальцем на В-лягушку через стекло клетки и, словно повинуясь его пальцу, лягушка поднималась и опускалась на своих складывающихся ногах, не сводя с него выпученных глаз.

— Как вы полагаете, Старр, сможем ли мы доставить некоторое количество этих существ на Юпитер Девять? Мы здесь очень любим домашних животных. Вдали от Земли такое существо всегда будет напоминать нам о доме.

— Это не очень практично,— ответил Лаки.— В-лягушки плохо привыкают к незнакомой обстановке. Их трудно содержать. Чтобы обеспечить им привычную среду содержания, необходимо обогащать воду двуокисью углерода. Кислород для них слегка ядовит. В этом вся сложность.

— Вы имеете в виду, что их нельзя содержать в открытом аквариуме?

— Иногда можно. Например, на Венере, где двуокись углерода очень дешева и где их всегда можно вернуть в океан, если они почувствуют себя неуютно. Однако на корабле, на космической станции или в мирах, имеющих состав атмосферы, отличный от венерианского, вряд ли кто захочет выпускать двуокись углерода в воздух. Так что замкнутая система является наилучшей.

— О,— сказал командор. Казалось, он испытывает легкое сожаление.

— Вернемся к предмету нашего разговора,— произнес Лаки оживленно.— Вынужден отклонить ваше предложение, командор. Я получил задание и должен его выполнить.

Командору потребовалось несколько секунд, чтобы освободиться от влияния В-лягушки.

Лицо его потемнело.

— Я уверен, что вы не вполне разобрались в наших проблемах.— Он внезапно повернулся и посмотрел сверху вниз на Бигмана.— Обратите внимание на вашего компаньона, например.

Маленький Бигман ощетинился и начал медленно краснеть.

— Я Бигман, сэр,— произнес он.— Я уже имел честь представиться.

— Не очень-то большой человек, однако,— критически заметил командор.

И хотя Лаки, успокаивая, положил руку на плечо низкого марсианина, это ему не помогло. Бигман, как всегда, сорвался на крик.

— Величие не во внешности, сэр! Меня зовут Бигман, я действительно большой человек по сравнению с вами или любым другим, кого бы вы ни поставили. И меня не волнует, что на этот счет думает портновский метр! И если вы не верите в это...— Он энергично тряхнул левым плечом.— Пусти, Лаки, этот парень...

— Погоди минутку, Бигман,— убеждал Лаки,— послушай, что хочет сказать командор.

Донахью был ошеломлен словесной атакой Бигмана.

— Поверьте, я совсем не хотел обидеть вас своими словами. Простите, если я задел ваши чувства.

— Задел мои чувства?!— голос Бигмана поднялся еще на две октавы,— мои чувства?! Я никогда не теряю спокойствия, поскольку вы извинились, забудем об этом.— Он поддернул пояс и опустил руки, звучно хлопнув по голенищам своих высоких сапог. Ярко-красные, с оранжевыми разводами, они напоминали о его фермерской юности на Марсе. Бигман никогда не появлялся на людях без этого атрибута своей внешности, иногда надевая и другие сапоги не менее вызывающей расцветки.

— Я хотел бы быть полностью откровенным с вами, советник,— сказал Донахью, поворачиваясь к Лаки,— на Юпитере Девять у меня почти тысяча человек и здесь не Версаль. Они далеко от дома заняты тяжелой работой и постоянно рискуют. И они грубы. Считаю, имеют на это право. Они успели приобрести свой собственный

взгляд на жизнь и их не обвинишь в излишней вежливости. Например, любят зло подшучивать над новичками. Иногда новички обижаются, иногда даже не выдерживают и возвращаются домой. Если новичок пройдет через этот обряд посвящения, тогда все прекрасно.

— Это официально разрешено?— спросил Лаки.

— Нет. Это разрешено неофициально. Моим людям необходимо хорошее настроение. Любым способом. Я не намерен запрещать шутки, к которым они привыкли. Обыкновенным людям трудно прижиться здесь. Как вы знаете, немногие желают попасть на луны Юпитера. Среди тех, кто попал сюда, происходит естественный отбор. Те, кто не смог пройти этот отбор, теряют уважение. Поэтому я обращаю внимание вашего друга...— Командор торопливо поднял руки.— Не поймите меня неправильно. Я согласен, что он и велик и одарен, и все, что вы хотите. Но сможет ли он противостоять тем, кто захочет над ним пошутить? Ну, что вы скажете, член Совета?

— Вы имеете в виду грубые шутки?

— Они будут жестокими,— ответил Донахью.— Люди знают, что вы прибываете. Новости распространяются быстро.

— Да, это-то я знаю,— пробормотал Лаки.

Командор нахмурился.

— В любом случае они знают, что вы прибыли вести следствие. Поэтому добрых чувств вам не дождаться. У моих людей скверное настроение и они попытаются насолить вам, член Совета Старр. Я прошу вас не опускаться на Юпитер Девять. На благо проекта, на благо моих людей и ваше собственное благо. Итак, я высказался максимально откровенно.

Бигман изумленно смотрел на Лаки, с которым произошла разительная перемена.

Его обычная сдержанная холодность пропала, темные глаза приобрели цвет льда, а четкие линии худощавого лица приобрели то выражение, которое Бигман видел чрезвычайно редко — горькую злость. Каждый мускул высокого, хорошо тренированного тела Лаки напрягся.

— Командор Донахью,— сказал Лаки четко.— Я член Совета Наук. Я подчиняюсь только главе Совета и президенту Федерации Солнечной системы. Я старше вас по званию, и вы будете выполнять все мои приказания. Я принял к сведению ваше предупреждение и считаю, что оно доказывает вашу собственную некомпетентность. Пожалуйста, не говорите ничего, выслушайте меня. Я считаю, что вы потеряли контроль над вашими людьми и неспособны выполнять функции руководителя. Далее, я приземлюсь на Юпитер Девять и проведу свое расследование. Я приберу к рукам ваших людей, раз уж вы на это не способны.

Он помолчал, пока командор судорожно глотал воздух, задыхаясь от гнева, а потом крикнул:

— Вам ясно, командор?!

Командор Донахью, чье лицо так залилось кровью, что стало почти неузнаваемым, едва смог выдавить из себя:

— Я доложу об этом в Совет Наук. Еще ни один юный вы-

скочка... член Совета Наук или не член Совета... не разговаривал со мной в таком тоне. Я могу противопоставить свои достижения на военной службе как руководителя кому бы то ни было. Мое предупреждение не получило бы огласки, если бы вам на Юпитере Девять причинили какое-либо зло, а я с охотой предстал бы перед военным трибуналом. Теперь я для вас ничего не сделаю. Более того, я надеюсь, что они научат вас хорошим манерам, вы...

Он вновь потерял голос.

Повернувшись на пятках, командор направился к люку переходного кессона, все еще соединявшего корабль Лаки с личной ракетой командора. Судорожно действуя руками, он с трудом втиснулся в тоннель. Бигман с благоговейным страхом наблюдал, как пятки командора исчезли в тоннеле. Гнев этого человека был таким интенсивным, что маленький марсианин, казалось, чувствовал его на своей шкуре, хотя волны горячности были направлены не на него.

— Ну-у, этот парень был хорош,— протянул Бигман.— Ты расшевелил его.

— Да, он был в бешенстве,— кивнул Лаки,— в этом нет никаких сомнений.

— Слушай, может быть, он шпион, он знает больше всех. Доныхью никому не подконтролен здесь. У него лучшие возможности для такой акции.

— Его больше всех проверяли,— ответил Лаки.— Нет, Бигман, твоя версия несостоятельна. Несмотря ни на что, он помог нам в одном небольшом эксперименте, так что когда мы увидимся с ним в следующий раз, я извинюсь перед ним.

— Извинишься?! Ты?!— Бигман был шокирован. С его точки зрения лишь другие люди могли приносить извинения...— Почему?

— Слушай, Бигман, ты действительно полагаешь, что я верю в то, что наговорил командору?

— Ты не разгневался?

— Ни в коем случае.

— Так это была игра?

— Можешь считать так. Я хотел вызвать у него гнев, настоящий гнев, и я своего добился, я почувствовал это.

— Почувствовал?

— А ты нет? Разве ты не чувствовал, как от него исходили прямотаки волны злости?

— Пески Марса! В-лягушка!

— Конечно. Она уловила гнев командора и транслировала его на нас. Я должен был знать, способна ли В-лягушка на такое. Мы проверяли ее на Земле, но мне надо было удостовериться в ее способностях в условиях настоящего поля.

— Она справилась прекрасно!

— Я знаю. Итак, наконец, доказано: мы имеем оружие против них. Единственное оружие.

— Этого нам вполне достаточно,— произнес Бигман.— Мы на верном пути.

— Не спеши,— возразил Лаки,— не спеши, друг мой. Это оружие не даст нам точного ответа. Мы можем ощущать сильные эмоции, но в то же время упустить что-нибудь и не разглядеть ключ к тайне.

— Ты сможешь,— ответил Бигман уверенно.

Сближение с Юпитером Девять очень сильно напоминало Бигману маневры в поясе астероидов. Как объяснил Лаки во время вынужденного ожидания, большинство астрономов полагают, что в свое время Юпитер Девять был обычным астероидом, только значительно крупнее и, как они, был захвачен мощным гравитационным полем Юпитера за многие миллионы лет.

— Я знаю об этом,— ответил Бигман негодующе,— не делай из меня невежу! Я все-таки учился в школе. Не старайся каждый раз демонстрировать свой выдающийся ум!

Улыбка Лаки стала еще шире, и он легонько постучал по черепу Бигмана.

— Есть кто дома?

Кулак Бигмана рванулся к животу Лаки, но остановился на полпути, как всегда попав в руки Лаки.

Бигман стал неподвижным, несмотря на все свои попытки высвободиться.

— Это же так просто, Бигман, как то, что я сейчас сделал. Перед тем, как начались космические путешествия, люди знали о космосе только то, что смогли разглядеть в телескопы. Спутники Юпитера пронумеровали в том порядке, в каком они были открыты, ясно?

— О,— сказал Бигман и рывком высвободился.— Бедные предки!— Он усмехнулся, как делал всегда, размышляя о человечестве, ограниченном рамками одного-единственного мира, с жадным любопытством выглядывающем из своей колыбели. Чувство превосходства не покидало его даже в те мгновения, когда он пытался освободиться из объятий Лаки.

— Четыре больших спутника Юпитера имеют номера один, два, три, четыре,— продолжал Лаки.— Конечно, номера не всегда удобно использовать, и поэтому у этих спутников есть и собственные имена: Ио, Европа, Ганимед, Каллисто. Ближайший к планете спутник — Юпитер Пять, один из самых маленьких, остальные крупные спутники расположены дальше и имеют номера по двенадцатый включительно. Пока не началась эра космических полетов, человечество знало только двенадцать спутников Юпитера, затем мы достигли Марса и пояса астероидов. Однако, подожди, мы уже готовы к посадке.

Удивительно, думал Лаки, каким огромным может казаться крошечный мирок восьмидесяти миль в поперечнике, когда приближаешься к нему вплотную. Конечно, он выглядит пылинкой по сравнению с Юпитером и даже с Землей. Если его аккуратно опустить на Землю, то его скалы не выйдут даже за пределы штата Коннектикут

Но когда вы прибудете в этот крошечный мир и увидите, как ваш корабль, помещенный в гигантский зажим и увлекаемый мощными механизмами, работающими в поле почти нулевого тяготения, но преодолевающими чудовищные силы инерции, будет

опускаться в кратер, способный вместить добрую сотню таких кораблей как «Метеор», этот мир больше не будет казаться вам таким маленьким. Это впечатление усилится, когда вы познакомитесь со схемой коммуникаций Юпитера Девять, изучите сеть подземных залов и коридоров — всего того, что и составляет проект «Антигравитация», то спутник станет казаться вам действительно большим. И горизонтальная и вертикальная проекции подземных выработок были представлены на карте Юпитера Девять. Хотя только небольшая часть спутника была освоена, Лаки видел, насколько разветвлена сеть коридоров: некоторые из них уходили на пару миль в глубь спутника, другие вытянулись под поверхностью почти на сотню миль.

— Потрясающая работа,— произнес Лаки встречавшему их лейтенанту.

Лейтенант Август Невски коротко кивнул. Униформа младшего офицера была безукоризненной: все, что должно быть подтянутым,— было подтянуто, все, что должно было сверкать, — сверкало.

У лейтенанта были маленькие жесткие усики, широко расставленные голубые глаза, имевшие обыкновение смотреть в точку, находящуюся в двух дюймах над головой собеседника. Тем не менее, лейтенант был сама предупредительность.

— Мы до сих пор продолжаем расширяться,— сказал он с гордостью.

Четверть часа тому назад, когда Лаки и Бигман сошли с корабля, лейтенант представился как персональный гид, приставленный к ним командором Донахью.

— Гид?— спросил Лаки с некоторым весельем,— или сторож? А, лейтенант? Вы вооружены?

Все следы эмоций были стерты с лица Августа Невски.

— Офицеру при исполнении служебных обязанностей необходимо иметь при себе оружие. Вы только что прибыли, советник, но скоро убедитесь, что гид вам необходим.

Прошло не менее пятнадцати минут, в течение которых Лаки и Бигман неумеренно восхищались проектом «Антигравитация», пока лейтенант не расслабился и позволил себе выразить какие-то человеческие чувства.

— Отсутствие сколько-нибудь заметного гравитационного поля позволяет нашим строителям выкидывать такие инженерные трюки, на которые не решались еще на Земле или в любом из обитаемых миров. Подземные коридоры у нас практически не нуждаются в опорах и крепеже.

Лаки кивнул.

— Насколько я знаю, первый антигравитационный корабль почти готов к испытаниям?

Лейтенант некоторое время ничего не говорил. Его лицо вновь освободилось от всех эмоций.

Затем он жестко сказал:

— Вначале я должен показать ваши квартиры. Наиболее просто будет добраться туда с помощью антигравитации, если мне

удастся уговорить вас воспользоваться антигравитационным коридо...

— Эй, Лаки,— закричал Бигман с неожиданным возбуждением,— посмотри сюда!

Лаки оглянулся. Это была всего лишь небольшая кошка, дымчато-серая, с серьезным и печальным взглядом, свойственным всей кошачьей породе, и спиной, с готовностью вытянутой под ласкающими пальцами Бигмана. И еще она мурлыкала.

— Помнится, командор говорил о том, что здесь любят домашних животных,— сказал Лаки.— Это ваша, лейтенант?

Офицер покраснел.

— Мы все принимаем участие в этом развлечении. Здесь есть еще несколько кошек. Их иногда привозят на транспортных кораблях. Еще несколько канареек, длиннохвостый попугай, белая мышь, золотая рыбка и тому подобное.— И его глаза, когда он быстро взглянул на шаровидное тельце В-лягушки, спрятавшейся под рукой Лаки, блеснули искрами зависти.

Но Бигмана интересовала сейчас только кошка. На Марсе не существовало своей фауны, и покрытые мехом домашние животные Земли не потеряли очарования новизны для марсианина.

— Он нравится мне, Лаки.

— Это она,— сказал лейтенант, на что Бигман не обратил внимания. Кошка, с хвостом, поднятым строго вертикально, и лишь кончик которого был опущен, гуляла около его ног, резко поворачиваясь так, чтобы подставить сначала один, а потом второй бок под нежные поглаживания Бигмана. Затем мяуканье прекратилось, и сознание Бигмана пронзило ощущение горячего нетерпения и голодного желания. Это испугало его на мгновение, но потом он заметил, что кошка больше не мурлычет и не обращает внимания на ласки человека. Она присела в охотничьем возбуждении и уставилась зелеными суженными глазами на В-лягушку. Волна чисто кошачьих эмоций исчезла так же быстро, как и появилась. Кошка мягко подкралась к стеклянному контейнеру, который держал Лаки, и с любопытством уставилась туда, мурлыкая от удовольствия. Кошке тоже нравилась В-лягушка. Как, собственно, и должно было быть.

— Вы говорили, лейтенант, что мы доберемся до своих помещений с помощью антигравитации,— произнес Лаки.— Не могли бы вы объяснить, что это значит?

Лейтенант тоже любовался В-лягушкой. Ему понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

— Да, это достаточно просто. Здесь на Юпитере Девять мы создали искусственные гравитационные поля, с напряженностью, немного превосходящей естественные, имеющиеся на крупных астероидах. Эти поля генерированы во всех главных направлениях так, что вы сможете падать вдоль всей их длины в любом направлении. Это как падение отвесно вниз на Земле.

Лаки кивнул.

— Как быстро происходит падение?

— Да, все дело именно в этом. Обычно в гравитационном поле

тело падает с постоянным ускорением...

— Именно поэтому я и задал вопрос,— перебил его Лаки сухо.

— Но только не при антигравитационном контроле. Антигравитация — это действительно не-гравитация, нет силы тяжести, видите сами. Наши антигравитационные установки предназначены для того, чтобы выделить гравитационную энергию, или экранировать ее, или преобразовать. Дело в том, что у нас вы падаете с постоянной скоростью. С помощью гравитационного поля другого направления вы можете остановиться или подняться вверх. Антигравитационный коридор очень прост, и этот принцип был использован на пути создания антигравитационного корабля, который работает в единичном гравитационном поле. Кроме того, квартиры инженеров, где будут ваши комнаты, находятся примерно в миле отсюда, и наиболее прямой путь — коридор А-2, вы готовы?

— Будем готовы тотчас, как вы объясните принцип действия ваших гравитационных полей.

— Это займет слишком много времени. А более квалифицированно объяснит кто-нибудь из инженеров.— Лейтенант Невски надел каждому легкую сбрую, укрепив ее на плечах и на талии, быстро рассказал, как пользоваться миниатюрным пультом, укрепленным на груди.

— Следуйте за мной, джентльмены. Коридор находится в нескольких ярдах отсюда.

Бигман заколебался, заглянув в открывшееся перед ним пространство коридора. Он не боялся пространства как такового и падений самих по себе. Но всю свою жизнь он пользовался мощеным светлым песчаником марсианских городов или отсеками космических кораблей, где напряжение гравитации еще меньше марсианского. Сейчас псевдогравитационное поле было таким, как на Земле, и под его влиянием коридор казался светящейся дорогой, направленной прямо вниз. Разумом Бигман понимал, что коридор идет параллельно поверхности астероида, в действительности...

— Теперь эта дорога с односторонним движением,— сказал лейтенант,— мы отправимся к квартирам инженеров. Если бы мы пошли по коридору с другой стороны, положение «низ» оказалось бы в другом направлении. Кроме того, мы можем менять местами «верх» и «низ» соответствующей регулировкой наших приборов управления гравитацией.

Лейтенант посмотрел на выражение лица Бигмана и едва не усмехнулся.

— Вам непонятно, как можно двигаться вдоль коридора? Ничего, немного погодя вы к этому привыкнете.

Лейтенант сделал шаг в коридор и не провалился ни на дюйм. Как будто ступил на невидимую платформу.

— Вы установили шкалу на нуль?— спросил он серьезно.

Бигман сделал так, как ему было велено, и сразу перестал ощущать силу тяжести. Он ступил в коридор. Теперь рука лейтенанта, лежавшая на центральной рукоятке пульта, резко ее повернула, и он начал погружаться в коридор, набирая скорость. Лаки последовал за ним, и Бигман, хотя ему было не по себе, готов был скорее

разбиться в лепешку, но суметь повторить то, что сделал Лаки. Он глубоко вздохнул и начал падать.

— Верните рукоятку на нуль,— сказал лейтенант.— И вы будете двигаться с постоянной скоростью, сразу почувствуете изменение.

Мимо них проносились светящиеся зеленые буквы, складывающиеся в слова:

ДЕРЖАТЬСЯ ЭТОЙ СТОРОНЫ

Один раз мимо них промчался человек, летящий или, в действительности, падающий в другую сторону. Он двигался гораздо быстрее, чем они.

— Здесь бывают столкновения, лейтенант?— спросил Лаки.

— Практически нет. Опытный человек всегда видит того, кто может на него налететь, и чтобы этого избежать, достаточно слегка увеличить или замедлить скорость. Конечно, парни иногда умышленно сталкиваются. Этот вид шумных развлечений иногда заканчивается сломанными ключицами.— Он быстро взглянул на Лаки.— Наши парни играют жестко.

— Я знаю. Командор предупредил нас,— ответил Лаки.

Бигман, который уставился вниз, в длинный, хорошо освещенный тоннель, закричал с внезапным возбуждением:

— Эй, Лаки! Должно быть, забавно воспользоваться этой штукой!— И перевел рукоятку управления в другой сектор.

Он стал спускаться быстрее: вот его голова поравнялась с ногами Лаки, затем он полетел вниз со все возрастающей скоростью.

Лейтенант Невски мгновенно встревожился:

— Остановись, дурак! Переведи рукоятку обратно в отрицательную область!

— Бигман, не напрягайся, помедленнее!— повелительно крикнул Лаки.

Когда они поймали Бигмана, лейтенант гневно воскликнул:

— Не делай этого больше никогда! Вдоль этих коридоров понастроены всевозможные барьеры и разветвления. Ты непременно стукнешься обо что-нибудь именно тогда, когда будешь считать себя в безопасности!

— Эй, Бигман,— сказал Лаки,— подержи В-лягушку. Это придаст тебе ответственности и, возможно, изменит твое поведение.

— Ох, Лаки,— сконфуженно произнес Бигман,— я немного стукнул тебя пятками, пески Марса, Лаки...

— Ладно,— сказал Лаки,— ничего страшного не произошло.

Бигман тут же просиял и вновь посмотрел вниз. Падение с постоянной скоростью — это совсем не то же самое, что свободное падение в пространстве. В пространстве всегда кажется, что вокруг ничего не движется. Космический корабль может лететь со скоростью сотен тысяч миль в час и все-таки сохранится впечатление полной неподвижности в окружающей среде. Отдаленные звезды никогда не движутся. Сейчас же преобладало впечатление движения. Пятна света, отверстия и различные приспособления, расположенные на стенах тоннеля, пролетали мимо. В открытом космосе не существует понятия «верх» и «низ». Здесь, в окруже-

нии каменных стен, отсутствие таких привычных ощущений казалось чем-то необычным. Когда он смотрел вниз, все казалось естественным и не внушало опасений. Если же он бросал взгляд вверх, то все мешалось в его голове и начинало путаться — и «верх» не «верх», и «низ» не «низ», а просто, стоя на голове, он падал куда-то вниз. Или вверх?

— А, проклятье!— Бигман перевел взгляд на свои ноги, чтобы избавиться от этой чертовщины.

— Не нагибайся так далеко вперед,— окликнул его лейтенант.— Направление твоего движения сохранится в любом случае, но если ты нагнешься слишком сильно, то начнешь кувыркаться.

Бигман поспешно выпрямился.

— Нет ничего страшного, если ты закувыркаешься,— продолжал лейтенант,— любой, пользующийся антигравитационным коридором, способен самостоятельно упорядочить свое движение. Однако начинающие находят такой способ движения неприятным. Теперь нам необходимо замедлить движение. Передвиньте штифт на шкале ваших приборов в отрицательный сектор и подержите так секунд пять.

Пока лейтенант говорил, его движение замедлилось, и он переместился вверх таким образом, что его ботинки оказались перед глазами Бигмана.

Бигман ухватился за свой прибор, стараясь переместиться в пространстве так, чтобы иметь возможность смотреть на лейтенанта сверху вниз. Во время этого маневра «верх» и «низ» в его голове опять перепутались, и он опять почувствовал, что стоит на голове.

— Эй, к моей голове опять приливает кровь,— окликнул он провожатого.

— Вдоль стен коридора расположены точки опоры,— сухо произнес лейтенант.— Как только достигнете одной из них, зацепитесь носками ног и делайте как я.— Лейтенант продемонстрировал еще один прием: зацепился носками ног, заставил свое тело качнуться и перевернулся с головы на ноги. Продолжая раскачиваться, он остановился, резко хлопнув ладонью по стене. Лаки довольно ловко повторил прием лейтенанта. Бигман же стал судорожно размахивать своими короткими ногами, пока не ухитрился поймать одну из точек опоры. Тело его резко закрутилось, и он ударился локтем о стену, что причинило ему определенное неудобство. После двух или трех попыток ему удалось восстановить равновесие, и он уже «крепко стоял на ногах». Впрочем, его не покидало ощущение, родственное тому, что «испытывает» ядро, выпущенное из пушки в облака... Движение постепенно замедлялось, и Бигман обеспокоенно взглянул на ноги, думая, что опять началось падение. Коридор выглядел как бесконечной глубины колодец, и желудок Бигмана судорожно сжался.

— Переведите индикатор прибора на нуль,— спокойно сказал лейтенант.

Гости Юпитера Девять послушно выполнили указание и двигались дальше на медленном плавном эскалаторе. Через несколько

секунд показалось яркое пятно, означавшее перекресток. Лейтенант оттолкнулся от опоры, выступающей из стены, и мягко опустился уже в коридоре жилого сектора.

— Квартиры инженеров, джентльмены,— сказал лейтенант.

— И комитет по встрече,— мягко произнес Лаки.

В коридоре их ожидало человек пятьдесят.

— Вы говорили, лейтенант, что на Юпитере Девять принято грубо шутить,— усмехнулся Лаки.— Похоже, сейчас мы сыграем в эту игру.

Он стремительно вышел из коридора. Бигман, раздув ноздри от удовольствия, ощутил под собой твердый пол. Крепко прижав к себе контейнер с В-лягушкой, он встал рядом с Лаки и очутился перед строем обитателей Юпитера Девять.

Лейтенант Невски постарался придать своему неуверенному голосу авторитетность и положил руку на кобуру бластера.

— Что вы здесь делаете?

В ответ послышалось неразборчивое бормотание, но толпа осталась спокойной, только головы всех повернулись в одну сторону, как бы ожидая от человека, стоящего впереди, первого удара. Предводитель «комитета по встрече» улыбнулся и сморщил лицо, стараясь придать ему выражение доброжелательности. Это был плотный круглолицый человек с жесткими ярко-рыжими волосами, расчесанными на прямой пробор. Его широкие челюсти неутомимо пережевывали резинку. Костюм из синтетики был как и у всех остальных, но большое количество крупных медных пуговиц, нашитых, по-видимому, из странного щегольства, чем-то отличало его. Четыре пуговицы на рубашке спереди, по одной на каждом из двух нагрудных карманов и по четыре вдоль штанины — всего четырнадцать.

— Итак, Саммерс,— спросил лейтенант, поворачиваясь к щеголю,— что эти люди здесь делают?

Саммерс ответил вкрадчивым голосом:

— Ну, лейтенант, не волнуйтесь, мы думали, что неплохо было бы встретить новичков. У них наверняка много вопросов, и мы рады будем ответить на них. Тем более, что они увидят сразу почти всех старожилов. Почему бы нам не порадовать дорогих гостей?

Пока он говорил, его взгляд не отрывался от лица Лаки, и на мгновение в нем мелькнула искорка льда, которую тотчас смыла волна показного добродушия.

— Вы должны быть на работе,— буркнул лейтенант.

— Имейте совесть, лейтенант, мы работаем постоянно, а теперь хотим поздороваться.— Его челюсти двигались еще более медленно и лениво. Лейтенант Невски, очевидно, не знал, что ему делать дальше, и беспомощно посмотрел на Лаки.

— Какие комнаты нам отведены, лейтенант?

— Комнаты 2-а и 2-б, сэр. Чтобы найти...

— Я найду их. Я уверен, что один из этих людей с удовольствием проводит нас. А вы, лейтенант, задание выполнили, проводили нас. Надеюсь, мы еще увидимся.

— Я не могу оставить вас,— прошептал лейтенант в смятении.

— Я думаю, можете.

— Уверен, что можете,— вступил Саммерс, ухмыляясь еще шире, чем раньше.— Простое приветствие не причинит вреда этому парню.— Люди позади него давились от смеха.— И, кроме того, вас попросили уйти.

Бигман придвинулся к Лаки и пробормотал быстрым шепотом:

— Лаки, позволь мне отдать В-лягушку лейтенанту. Я не могу драться и держать ее.

— Ты только держи ее,— ответил Лаки.— Именно этого я и хочу... До свидания, лейтенант!

Невски заколебался, тогда Лаки проговорил:

— Это приказ, лейтенант!

Лицо лейтенанта Невски приобрело солдатскую непроницаемость.

— Есть, сэр!

Потом неожиданно он вновь заколебался и бросил взгляд на В-лягушку в руках Бигмана, спокойно пережевывающую веточку папоротника.

— Берегите эту маленькую зверушку.— Он повернулся и, сделав два шага, вошел в антигравитационный коридор и сразу исчез, набрав большую скорость. Лаки вновь повернулся к ожидавшим его мужчинам. У него не было никаких иллюзий. Их лица выражали мрачную решимость — было ясно, что шутить они не собираются. Лаки знал, что если не осадит их сейчас и не докажет, что тоже любит шутить, его миссия упрется в стену враждебного молчания. Он должен переиграть их во всем. Улыбка Саммерса стала походить на волчий оскал.

— Теперь, друзья, когда парень в форме удалился, мы можем поговорить. Я — Рэд Саммерс, ваше имя?

Лаки улыбнулся в ответ.

— Мое имя Дэвид Старр. Моего друга зовут Бигман.

— Когда вы недавно перешептывались, мне послышалось имя Лаки.

— Так меня называют друзья.

— Не очень-то скромно. Хотите остаться счастливчиком?

— Вы знаете хорошее средство?

— В том-то и дело, Лаки Старр, знаю.— Его лицо внезапно исказила злая гримаса.— Убирайся с Юпитера Девять!

Из-за спины Саммерса раздался хриплый рев одобрения, и несколько голосов подхватили клич:

— Убирайся! Убирайся!

Толпа надвинулась, но Лаки твердо стоял на месте.

— У меня есть веские причины остаться на Юпитере.

— Боюсь, что в таком случае ты не счастливчик,— сказал Саммерс.— Ты новичок и выглядишь мягкотелым, а с такими новичками на Юпитере Девять случаются неприятности. Мы беспокоимся за тебя.

— Я думаю, неприятностей со мной не случится.

— Ты так думаешь? Арман, иди сюда.

В первые ряды протиснулся высокий человек. Круглолицый, крепко сложенный, с выпуклой грудью, он возвышался над шестью

футами Лаки на полголовы. Безмятежно улыбаясь, он смотрел сверху вниз на молодого советника. Люди начали рассаживаться на полу, перекликаясь радостными возгласами, словно пришли на кубковую встречу по регби. Кто-то крикнул:

— Эй, Арман, смотри под ноги, не наступи на парнишку.

Бигман вспыхнул и повернулся на голос, но не смог определить шутника.

— Ты еще можешь уйти, Старр,— подал голос Саммерс.

— Я не собираюсь делать этого, особенно сейчас, когда вы, кажется, затеяли какое-то представление.

Не для тебя. Теперь слушай, Старр: мы подготовились к твоему прибытию. Мы готовы с тех пор, как услышали об очередной инспекции. Здесь перебывало достаточно таких маленьких хвастунов с Земли, и мы не собираемся больше разговаривать обо всякой ерунде. У меня расставлены люди по всему коридору, на всех уровнях. Если командор попытается помешать нам, мы сразу узнаем об этом. И если это случится, тогда, во имя Юпитера, мы готовы к забастовке! Я прав, люди?!

— Прав,— откликнулось множество голосов.

— Командор знает о нашем намерении, — продолжал Саммерс,— и я не думаю, что он захочет вмешаться. Я вновь спрашиваю тебя: не желаешь ли ты уйти? Если ты здравомыслящий человек, так и должно случиться.

— Вы беспокоитесь из-за сущих пустяков, — ответил Лаки, — какое зло я вам причиняю?

— Ты ничего не сможешь нам причинить. Я гарантирую тебе.

— Слушай, ты, тип, ты говоришь с советником! — сказал Бигман высоким напряженным голосом. — Тебя не останавливают последствия того, что случится, если ты не прекратишь свои шутки с советником Наук?

Саммерс изумленно посмотрел на него, упер руки в бока и захохотал, откинув голову.

— Эй, люди, оно разговаривает. Я-то удивлялся, что это такое? Похоже, что Лаки-Ищейка привел своего младшего братца. Младенец натаскан для защиты!

Бигман смертельно побледнел, но под прикрытием хохота толпы Лаки нагнулся к нему и прошептал сквозь сжатые губы:

— Твое дело не отходить ни на шаг от В-лягушки, Бигман. О Саммерсе я сам позабочусь. Великая Галактика! И перестань транслировать гнев. В-лягушка мне нужна совсем для другого.

Бигман тяжело вздохнул.

— Итак, советник-Ищейка, умеете ли вы маневрировать в антигравитации? — мягко спросил Саммерс.

— Я только что делал это, мистер Саммерс.

— Что же, сейчас мы это и проверим. Мы не можем держать среди нас не изучивших всех каверз антигравитации. Это так опасно, я прав, люди?

— Прав! — вновь откликнулась толпа.

— Арман здесь наш самый лучший учитель, — продолжал Саммерс и его рука опустилась на плечо Армана. — Вы узнаете

все о маневрировании в антигравитации, если прогуляетесь с ним. Или вы узнаете, что значит оказаться на его пути. Я полагаю, вы сейчас сами войдете в антигравитационный коридор, и Арман присоединится к вам.

— А если я предпочту не идти? — спросил Лаки.

— Тогда мы втолкнем вас в коридор любым способом, а Арман войдет следом.

Лаки кивнул.

— Я все понял. Должен ли я придерживаться каких-то правил во время урока?

Раздался одобрительный шум, но Саммерс поднял голос.

— Держитесь подальше от пути Армана. Только это вы должны запомнить, советник. Мы будем наблюдать за вами отсюда. Если вы выползете из коридора прежде, чем урок завершится, мы втолкнем вас обратно. Кроме того, на других уровнях стоят люди, готовые сделать то же самое.

— Пески Марса! — вскричал Бигман.— Ваш человек тяжелее Лаки на пятьдесят килограммов, к тому же Лаки не специалист по антигравитации!

Саммерс повернулся к нему с большим удивлением.

— Да что ты? Я не подумал об этом. Какой позор! — раздался смех.— Ступай, Старр. Входи в коридор, Арман, втащи его, если понадобится.

— Ему не придется этого делать,— сказал Лаки. Он повернулся и двинулся в открытое пространство широкого антигравитационного коридора. Когда его ноги повисли в воздухе, легким движением руки он коснулся стены и повернул свое тело на сто восемьдесят градусов, вторым прикосновением руки остановил вращение. Теперь он стоял в воздухе лицом к людям. Неясное бормотание толпы было ответом на маневр Лаки. Арман кивнул и впервые заговорил рокочущим глубоким басом:

— Эй, мистер, это не плохо.

Саммерс внезапно сжал губы и с появившимся на его лице выражением неудовольствия толкнул Армана в спину:

— Не разговаривай, идиот! Иди за ним и дай ему как следует!

Арман медленно двинулся вперед.

— Эй, Рэд, давай не будем сильно стараться,— произнес стоящий рядом с Саммерсом человек.

— Иди туда! Ты сделаешь то, что я сказал. Я тебе говорил, кто он такой. Если мы не освободимся от него сейчас, таких будут присылать еще больше.— Последние слова он произнес грубым шепотом, стараясь, чтобы его не услышали другие. Арман вошел в коридор и остановился лицом к лицу с Лаки. Лаки Старр ждал, почти ни о чем не думая. Он сконцентрировал свое внимание на слабых дуновениях эмоций, доносившихся от В-лягушки. Некоторые он мог опознать без труда: из-за природы их владельцев. Рэда Саммерса было легко опознать по страху и мелочной ненависти, смешавшихся на фоне ожидания триумфа. От Армана исходило напряжение. Изредка доносились резкие уколы возбуждения, принадлежавшие другим людям. Иногда Лаки мог определить владельца,

когда эмоциональный укол совпадал с радостными или угрожающими выкриками. Конечно, это надо было отсортировать от устойчивого потока гнева, принадлежавшего Бигману. Лаки внимательно следил за Арманом и сразу заметил, что тот как бы приплясывает на месте, передвигаясь вверх-вниз на несколько дюймов. Пальцы Армана шевелились на нагрудном пульте управления. Лаки был постоянно настороже. Его противник изменял гравитационный потенциал, двигая ручку туда-сюда. Лаки четко осознавал, что при всем его опыте космонавта он был неопытен в этом виде невесомости, созданном в гравитационном коридоре. Эта невесомость была абсолютно такой же, как и в открытом пространстве, но направление и силу тяготения можно было изменять произвольно. Внезапно Арман подскочил так, как будто хотел выпрыгнуть из люка, однако двигался он вверх. Когда огромные ноги Армана миновали Лаки, гигант резко сдвинул их, пытаясь поймать голову Лаки в тиски. Тот автоматически отдернул голову. Не успел он закончить этого движения, как понял, что ошибся. Ноги его дернулись вперед, и тело закувыркалось вокруг собственного центра тяжести. Громкий смех зрителей прокатился по коридору. Лаки быстро проанализировал свою ошибку, ему надо было увернуться при помощи гравитации. Если Арман двигается вверх, он должен так перевести рукоятку прибора, чтобы тоже устремиться вверх, а потом прыгнуть вниз. Теперь следовало воспользоваться прибором так, чтобы восстановить равновесие. При нулевом тяготении он будет так кувыркаться неопределенно долго. Прежде, чем пальцы Лаки прикоснулись к рукоятке управления, Арман достиг высшей точки своего подъема и теперь набирал скорость, падая вниз. Когда он пролетал мимо Лаки, его локоть вонзился в бедро советника. Через мгновение Арман оказался еще ниже и его толстые пальцы сомкнулись на лодыжках Лаки. Тело Лаки устремлялось все дальше и дальше вниз. Арман резко изменил направление полета, оказался рядом с Лаки и попытался обхватить его за плечи. Его дыхание коснулось волос Лаки и он услышал:

— Вам нужно немного потренироваться, мистер.

Лаки поднял руки вверх и резким толчком освободился от захвата противника. Потом перевел направление гравитации вверх и помог своему движению, оттолкнувшись ногами от плеч Армана. Он старался увеличить свою скорость и замедлить движение противника. По его ощущениям выходило, что сейчас он падает головой вниз и его волновали эти ощущения, так как он считал их причиной замедленной реакции. Или это барахлил прибор? Лаки быстро осмотрел его, удивляясь слабой чувствительности прибора управления антигравитацией. Он чувствовал, что здесь что-то не так, следовало что-нибудь предпринять, чтобы рассеять или утвердить свои опасения... Арман был теперь совсем рядом, он прижимался все ближе и ближе, стараясь использовать большую массу своего тела и затруднить маневрирование вблизи стены. Лаки протиснул свою руку между телом Армана и своим и приготовился изменить направление гравитации. Он хотел поджать колени вверх, чтобы отдалиться от Армана и ухудшить его позицию. Но этого не произош-

ло, а положение Лаки ухудшилось. Арман уперся ногами в стену, оттолкнулся от нее и отбросил Лаки к противоположной стене. Лаки сильно ушибся и несколько футов тащился по стене, пока опять не ударился лодыжкой о выступающий поручень. Арман был тут как тут. Он жарко задышал в ухо Лаки:

— Достаточно, мистер? Скажите Рэду, что вы уходите. Я не хочу причинять вам много вреда.

Лаки покачал головой. Странно, подумал он, а ведь поле Армана значительно превосходит мое собственное по скорости изменения... Он почувствовал, что рука Армана двинулась к рукоятке управления, и тот, конечно, успел передвинуть рычажок раньше. Внезапно изогнувшись, Лаки вонзил свой локоть в живот Армана. Тот хрюкнул, и в эту долю секунды ноги Лаки уперлись в противника и резко разогнулись. Два человека разлетелись в разные стороны, и Лаки был свободен. Прежде, чем Арман вернулся, Лаки отскочил в сторону и несколько последующих минут старался удержать безопасную дистанцию, изучая особенности управления своего прибора. Он действительно был слабочувствительным. Только при помощи искусного использования точек опоры вдоль стен и молниеносного изменения направления гравитации, он сможет избежать нового захвата Армана. В следующее мгновение, когда он плыл по течению как пушинка, позволяя Арману настичь себя, Лаки резко повернул рукоятку управления и не ощутил никакой реакции. Направление гравитационного поля не изменилось: не было внезапного ощущения ускорения в том или ином направлении. Естественно, Арман был вновь над ним. Его туша, похрюкивая от удовольствия, навалилась на Лаки, и советник Старр почувствовал, что опять с ошеломляющей силой рушится на стену коридора.

Бигман ни минуты не сомневался в способности Лаки справиться с этой бычьей тушей, и хотя он чувствовал гнев враждебно настроенной толпы, страха не испытывал. К ярко освещенному проему приблизились двое: Саммерс и долговязый темнокожий парень, который пронзительно выкрикивал комментарии к происходящей в коридоре схватке, словно вел репортаж о летном поло в пространстве. Когда Арман первый раз ударил Лаки о стену, раздались одобрительные возгласы. Бигман отнесся к ним с презрением. Эти кретины рано радуются. Пока, с их точки зрения, все шло нормально, но дайте время Лаки разобраться в антигравитационной технике, и он сделает из Армана отбивную.

Но темнокожий завопил:

— Арман захватил его в замок. Он маневрирует для второго нападения... ноги против стены... отход и расстояние... и удар! Прекрасно!

Бигман начал беспокоиться. Он сам приблизился к коридору. Никто не обратил на него внимания. Это было одно из преимуществ его маленького роста. Люди, не знавшие Бигмана, как правило, игнорировали его присутствие, не видя никакой опасности в коротышке. Он посмотрел вниз и увидел Лаки, отлетевшего от стены и ожидающего Армана, крутившегося вокруг него.

— Лаки! — закричал он пронзительно.— Очнись!

Его голос потонул в поднявшемся гвалте, но короткий разговор стоявших рядом Саммерса и темнокожего Бигману удалось услышать.

— Добавь на прибор Ищейки мощности, Рэд. Такая игра не возбуждает,— сказал темнокожий.

В ответ Саммерс прорычал:

— Никакого возбуждения! Здесь вам не стадион! Я хочу, чтобы Арман закончил работу.

В первое мгновение Бигман не обратил внимания на этот обмен репликами, но это только в первое мгновение. Его глаза живо повернулись в сторону Саммерса. Рэд Саммерс стоял, положив руки на какой-то маленький прибор. Таких приборов Бигман никогда раньше не встречал.

— Пески Марса! — вскричал Бигман. Он отпрыгнул назад.— Ты! Саммерс! Ты, грязно играющий подонок!

В который раз за последнее время Бигман был счастлив, что, несмотря на неодобрение Лаки, не расставался с игольчатым оружием. По мнению Лаки игольчатое оружие было трудно сфокусировать с большой точностью, а потому оно ненадежно. Но Бигман скорее был готов согласиться с тем, что он ниже любого шестифутового, чем позволить усомниться в своем искусстве. Саммерс не обратил внимания на окрик. Между вторым и третьим пальцами правой руки Бигмана показалось полудюймовое сопло, сужающееся, как острие иглы. Пальцы сжались крепче и активировали аннигилятор. В тот же миг в шести дюймах от носа Саммерса произошла вспышка света и раздался негромкий хлопок. Это не очень впечатляющее зрелище было вызвано всего-навсего ионизированными молекулами воздуха, однако волна паники, транслированная В-лягушкой, показала, что Бигман достиг цели.

— Эй, вы, все! — закричал Бигман.— Не дергаться! Трусы! Глупцы! Не дергаться, я сказал! — новый разряд игольчатого оружия вспыхнул над головой Саммерса, где его могли видеть все.

Мало кто держал в руках игольчатый разрядник — на редкое и дорогое оружие было трудно получить разрешение — и все-таки каждый знал, как выглядит разрядник игольчатого оружия. Его популярности способствовали вестерны субэфирных передач. Всем было известно об опасности этого невзрачного на вид оружия. И потому пятьдесят человек затаили дыхание. Воспользовавшись их испугом, Бигман прислонился к стене и спокойно, но громко сказал:

— Теперь слушайте все: кто из вас знает, что этот тип,— он кивнул на Саммерса,— встроил какую-то штуку в прибор управления антигравитацией моего друга, заранее предрешая исход этой стычки?

Безнадежно, не разжимая губ, Саммерс пробормотал:

— Ты не прав, ты не прав.

— Я? Ты отважный человек, Саммерс. Особенно когда вас пятьдесят против двоих. Посмотрим, как ты будешь хорохориться под дулом моего разрядника.

Бигман вновь сжал пальцы, и на этот раз хлопок разряда уда-

фил по ушам, а вспышка ослепила всех наблюдателей. Сам же он знал момент, когда надо зажмуриться.

Саммерс издал приглушенный вопль. Выстрел не задел его, только верхняя пуговица рубашки отлетела.

— Прекрасный выстрел, сказал бы я себе,— ухмыльнулся Бигман,— но, полагаю, трудно надеяться на такую удачу в дальнейшем. Саммерс, представь себе, что ты камень, потому что если ты пошевелишься, я могу промахнуться, а потерять кусок шкуры гораздо болезненнее, чем лишиться пуговицы.

Саммерс закрыл глаза. Его лицо покрылось потом. Бигман прикинул расстояние и дважды сжал кулак. С рубашки Саммерса слетело еще две пуговицы.

— Пески Марса! Счастливый день! Ты так предусмотрителен, Саммерс. Ты заранее позаботился, чтобы нам никто не мешал. Ну что ж, еще разок.

На этот раз Саммерс взвыл от боли. На рубашке появилась дыра и показалась покрасневшая кожа.

— О! — удивился Бигман.— По носу я не попал. Теперь я так взволнован и, возможно, в следующий раз промахнусь на пару дюймов. Если, конечно, ты не расскажешь кое-что, Саммерс.

— Да! Да! — вскричал тот.— Я сделал это! Я хотел предрешить исход схватки!

Бигман покачал головой и мягко произнес:

— Твой человек тяжелее, имеет опыт, и все же ты не решился на честную игру. Ты не оставил для Лаки никаких шансов, не так ли? Брось свой прибор в сторону. Так. Теперь не двигайся. Сейчас начнется честная игра. Никто не должен двигаться с места, пока из коридора не выберется кто-нибудь.

Он помолчал, глядя на свой кулак с игольчатым оружием, двигающимся из стороны в сторону

— Но если первым вернется ваш бугай, я буду несколько разочарован. А когда я разочарован, никто не может предсказать моих поступков. Возможно, я буду разочарован настолько, что обезумею от горя, и нет такой силы на свете, которая помешала бы мне десяток раз сжать кулак. Даже вы, пятьдесят кретинов, не сможете мне помешать. И если вам надоела жизнь, то надейтесь, что ваш парень побьет Лаки

Бигман напряженно ждал развязки. Его левая рука прижимала контейнер с В-лягушкой, а правая кисть с игольчатым оружием была направлена на толпу Бигман страстно хотел приказать Саммерсу остановить схватку, но боялся вызвать гнев Лаки. Он достаточно хорошо его знал, чтобы предвидеть последствия такого вмешательства, и не сомневался, что схватка никогда не будет остановлена из-за отказа Лаки продолжить ее. В пределах видимости пронеслась одна фигура, затем другая. Послышался удар. Чье-то тело столкнулось со стеной, затем второй раз, третий. В освещенном проеме показалась фигура победителя. Второго человека тащили как привязанный аэростат — крепко ухватив за лодыжки. Победитель легко выскочил в коридор. Человек, которого тащили, выпал, как мешок с песком Бигман испустил радостный вопль.

победителем стал Лаки. Его щеки украшали синяки, и он прихрамывал, а Арман был без сознания. Не без труда его привели в чувство. На голове его была шишка размером с небольшой грейпфрут, а один глаз распух и не открывался. Хотя его нижняя губа кровоточила, он выдавил болезненную улыбку и сказал:

— Во имя Юпитера, этот парнишка — что дикая кошка.

Он поднялся на ноги и по-медвежьи облапил Лаки.

— Когда он справился с управлением, то оказалось, что сцепиться с ним все равно, что с добрым десятком. Он мне нравится.

Пораженные люди бурно зааплодировали. В-лягушка транслировала облегчение, поглощенное, наконец, возбуждением. Улыбка Армана стала еще шире, и он вытер кровь тыльной стороной ладони.

— Этот советник молодец. Если кому-нибудь еще он не понравится, то будет иметь дело со мной. Где Рэд?

Но Рэд Саммерс исчез. Исчез и прибор, брошенный Саммерсом по приказу Бигмана.

— Слушайте, мистер Старр,— сказал Арман.— Я хочу вам что-то сказать. Это была не моя идея, но Рэд решил избавиться от вас и сказал, что вы каждому из нас причините неприятности.

Лаки поднял руку.

— Это ошибка. Я гарантирую, что ни одному лояльному землянину не будет причинено никакого вреда. Сегодняшняя стычка нигде не будет фигурировать. Все были немного возбуждены, но давайте забудем об этом. Скоро мы опять встретимся, но встретимся по-новому. Ничего не случилось. Верно?

Все облегченно вздохнули, зааплодировали. Послышались выкрики:

— Молодец! Ура — советнику!

Лаки повернулся, собравшись уходить, когда Арман остановил его.

— Эй, погоди,— он глубоко вздохнул и указал толстым пальцем. — Что это? — Армана, конечно, заинтересовала В-лягушка.

— Венерианское животное,— ответил Лаки,— наша любимица.

— Симпатичная зверушка,— гигант ухмылялся, разглядывая В-лягушку. Все остальные тоже придвинулись поближе, разглядывая венерианское существо и отпуская одобрительные замечания. Многие стремились пожать руку Лаки и заверить его в своей лояльности.

Бигман, возмущенный происходящим, заревел:

— Лаки, пойдем отсюда! Или, клянусь Юпитером, я продырявлю несколько шкур.

Немедленно воцарилась тишина и все подались назад, освободив проход.

Бигман трудился над синяком Лаки. Почувствовав примочку на лице, советник Старр вздрогнул.

— Я слышал разговоры о какой-то истории с игольчатым оружием, но, к сожалению, не знаю точно, о чем шла речь. Что ты натворил?

Бигман неохотно изложил подробности.

— Неполадки в работе прибора управления антигравитацией я

почувствовал быстро,— произнес Лаки задумчиво.— Но особенно сильно они дали о себе знать после моего второго нападения, и отнести их за счет механических повреждений было бы глупо. Оказалось, ты сцепился с Рэдом Саммерсом из-за меня.

Бигман ухмыльнулся.

— Во имя пространства! Лаки, не мог же я позволить этому типу такую грязную игру!

— Можно было найти другой способ. Ни к чему лишний раз размахивать оружием.

— Другой способ не заставил бы их замереть по стойке смирно,— обиделся Бигман.— По-твоему, мне следовало погрозить им пальцем и сказать: «Ах вы, шалунишки!» Кроме того, я должен был напугать это стадо кретинов.

— Почему? — спросил Лаки сухо.

— Пески Марса! Лаки, ты дал два раунда фору, а стопроцентная победа Армана была заранее подготовлена. Я не знал, хотел ли ты продолжать схватку и должен был заставить Саммерса прекратить ее.

— Это был плохой ход, Бигман. Мы ничего бы не выиграли. Крик «нечестно» никогда не был популярен. Это неспортивно.

— Я знал, что ты так скажешь, но я нервничал.

— Не было нужды. После того, как мое управление начало нормально действовать, дела пошли отлично. Арман был уверен в своей победе, пока не заметил мое желание не сдаваться. Такое иногда случается с людьми, никогда не терпевшими поражения: если они не выигрывают после первой схватки, они не выигрывают никогда.

— Да, Лаки,— сказал Бигман, улыбаясь.

— Мне не нравится это «да». Что у тебя на уме?

— Ну...— Бигман нанес последний штрих тоном телесного цвета на синяки Лаки и отступил, любуясь делом своих рук.— Я ничем не мог тебе помочь, а вдруг ты проиграл бы?

— Все могло быть.

— Так что мне оставалось делать? Я предупредил этих болванов, что если победит Арман, я перестреляю стольких, скольких смогу.

— Ты говорил серьезно?

— Возможно, я не сделал бы этого. Но после того, как я уничтожил четыре пуговицы на рубашке этого типа, все поверили в серьезность моих намерений. Итак, мы имеем пятьдесят парней, включая Саммерса, которые потели и надеялись на твою победу и проигрыш Армана.

— Так и случилось.

— Ну, и не мог же я помешать В-лягушке транслировать эмоции этих людей. Не так ли?

Лаки выглядел раздосадованным.

— Таким образом силы покинули Армана, поскольку его сознание было затуманено внушенным ему желанием проигрыша.

— Вспомни, Лаки: два нечестных раунда. Они навязали тебе нечестную игру

— Да, я знаю. Что ж, возможно, я нуждался в твоей помощи.

В это мгновение вспыхнул дверной сигнал, и Лаки вскинул брови.

— Интересно, кто бы это мог быть? — он нажал кнопку и дверная створка сдвинулась в пазах.

В дверном проеме стоял коренастый человек с реденькими волосами и небесно-голубыми глазами, невидяще направленными на гостей Юпитера Девять. В одной руке он держал кусок блестящего металла, который его пальцы перебирали с поразительной ловкостью. Бигман поймал себя на том, что завороженно смотрит на эволюции, происходящие с металлом в ловких пальцах: казалось, что металл обладает собственной волей — он то исчезал, то появлялся, то плавно перетекал от одного пальца к другому. Неожиданный гость представился:

— Меня зовут Гарри Норрич. Я ваш сосед.

— Добрый день,— ответил Лаки.

— Вы Лаки Старр и Бигман Джонс, не так ли? Не хотите ли зайти ко мне на несколько минут? Немного посидеть, выпить?

— Очень любезно с вашей стороны,— ответил Лаки.— Мы будем рады воспользоваться вашим предложением.

Норрич как-то неуклюже повернулся и направился вниз по коридору. Лаки и Бигман последовали за ним. Бигман не забыл взять с собой контейнер с В-лягушкой.

— Входите, джентльмены,— Норрич посторонился, пропуская их вперед.— Садитесь, пожалуйста. Я уже много слышал о вас.

— Что именно? — поинтересовался Бигман.

— О схватке Лаки с большим Арманом и меткой стрельбе Бигмана. Сомневаюсь, найдется ли на Юпитере Девять хотя бы один человек, до которого не дошли подробности утреннего происшествия. Именно об этом я и хотел поговорить с вами.

Он осторожно налил красноватый ликер в рюмки и предложил гостям. Некоторое время Лаки держал руку в трех дюймах от рюмки, но не дождавшись ответного жеста, приподнялся сам и принял от Норрича выпивку, которую тотчас отставил в сторону.

— Что это лежит на вашем верстаке? — спросил вдруг Бигман.

В комнате Норрича вдоль стены протянулось нечто вроде верстака, на котором в беспорядке лежало множество хитроумных приборов, а в середине стоял какой-то предмет шести дюймов высоты с весьма неровной поверхностью.

— Эта штука? — Рука Норрича мягко скользнула по поверхности стола и опустилась на странное сооружение.— Это тример.

— Что?

— Трехмерное джиг-со. Его тысячи лет назад изобрели японцы, но нигде, кроме Японии, оно не привилось. Это головоломка, набор частей, будучи сложенными вместе, они образуют определенное сооружение. Вот эта, например, когда ее завершу, станет моделью антигравитационного генератора. Я придумал сам и сделал эту головоломку.

Норрич показал маленький брусок, который он держал в руках, и осторожно поместил его в узкую щель на боку игрушки. Брусок

мягко соскользнул и остался на месте.

— Теперь вы берете другую часть,— его левая рука ощупывала сооружение, в то время как правая, поблуждав среди разбросанных деталей, вернулась к нужной, немедленно водруженной на свое место.

Бигман, зачарованный, двинулся вперед, но тут же отпрянул, услышав из-под стола рычание. Оттуда выбралась собака, подошла к Норричу и положила передние лапы на скамью. Это была большая немецкая овчарка. Повернувшись к Бигману, она спокойно смотрела на него.

— Я, кажется, случайно наступил на нее,— сказал Бигман.

— Это всего лишь Мэтт,— ответил Норрич.— Моя собака. Она никому не причинит зла. Не нужно только наступать на нее. Это мои глаза.

— Ваши глаза?

— Мистер Норрич слеп,— мягко произнес Лаки.

Бигман попятился назад.

— Извините...

— Не стоит извиняться,— весело ответил Норрич.— Я привык к своему недостатку и преуспеваю. Я остался инженером технической группы и занят конструированием вспомогательных узлов. Мне не нужна помощь, однако многим необходимы мои тримеры.

— Я понимаю,— произнес Лаки,— тримеры — это хорошее управление.

— Пески Марса! — удивился Бигман.— Вы хотите сказать, что можете сложить вместе все эти детали, даже не видя их?

— Это не так трудно, как может показаться. Я многие годы тренировался, сам изготовил их и знаю все их фокусы. Смотрите, Бигман, это одна из самых простых. Обыкновенное яйцо. Сможете ли вы разобрать его на части?

Бигман получил предмет из легкого металла и попытался рассмотреть места стыков деталей, поворачивая яйцо так и эдак.

— Мэтт мои глаза,— продолжал Норрич,— но мне он нужен только для прогулок по коридорам.— Он нагнулся, чтобы почесать собаке за ухом. Мэтт раскрыл от удовольствия пасть и зевнул, показав большие белые клыки, вывалив розовый язык. Лаки почувствовал сгустившуюся привязанность Норрича к собаке переданную В -лягушкой.

— Я не пользуюсь антигравитационными коридорами, предпочитаю обычные. Я гуляю по ним, а Мэтт сопровождает меня. Это занимает много времени, но полезно. Благодаря этим прогулкам мы знаем Юпитер Девять лучше, чем кто бы то ни был, ведь так, Мэтт? Ну что, Бигман, готово?

— Нет,— ответил Бигман,— это цельный кусок.

— Ну что вы? Давайте-ка мне.

Гибкие пальцы Норрича порхнули по поверхности яйца...

— Видите этот квадратик? Вы нажимаете, и он немного утопает, захватываете часть, показавшуюся с другой стороны, и поворачиваете на полоборота по часовой стрелке — она выдвигается целиком. Видите? Остальное разбирается на части просто.

Так, так, затем так. Разложите детали — их всего восемь — в том порядке, в каком разбирали, затем сложите их. Вложите напоследок ключевую часть и она сомкнет яйцо в единое целое.

Бигман с подозрением разглядывал отдельные детали и замер над верстаком. Лаки Старр вернулся к началу разговора.

— Я полагаю, вы хотите поговорить о комитете по встрече, с которым мы столкнулись, о моей схватке с Арманом, мистер Норрич?

— Да, советник, да. Я хочу, чтобы вы поняли. Проект «Антигравитация» начинался при мне. Я знаю всех, кто здесь работает или работал. Некоторые вернулись на Землю, когда кончился срок их контракта, появились новички, но все они в чем-то одинаковы. Они очень недоверчивы.

— Почему?

— Есть много причин. Прежде всего из-за опасного характера работы. У нас было довольно много несчастных случаев, и мы потеряли сотни человек. Я лишился зрения пять лет назад, но мне повезло. Я должен был погибнуть. Во-вторых, люди оторваны от друзей и семей. Действительно оторваны от Земли.

— Я полагаю, многих здесь устраивает подобная изоляция.— Говоря это, Лаки криво усмехнулся.

Ни для кого не было секретом, что человек, совершивший на Земле то или иное преступление, иногда мог найти работу на осваиваемых мирах и дальних космических станциях. Всегда были нужны люди для работы под куполами, в искусственной атмосфере, с псевдогравитационными полями, и добровольцам не задавали много вопросов. В этом не было ничего плохого. Такие добровольцы трудились для Земли и этим, отчасти, искупали свои грехи.

— Я рад, что вы осведомлены о всех этих тонкостях. Если не считать офицеров и профессиональных инженеров, то я убежден, что на добрую половину здешних обитателей заведено дело на Земле. Сомневаюсь, что хотя бы один из пяти носит настоящее имя. Как бы то ни было, когда прибывает какая-то комиссия, напряжение возрастает. Мы понимаем, вы ищете сирианских шпионов, но каждый боится, как бы не всплыли его земные делишки. Никто не хочет отправляться прямиком в тюрьму. Все хотят вновь оказаться на Земле, но предпочитают вернуться под чужим именем, чем попасть за решетку под своим. Вот почему Рэд Саммерс смог так взбудоражить всех.

— А что, Саммерс действительно что-нибудь из себя представляет? Почему он верховодит? Очень плохую память оставил на Земле?

Бигман ненадолго оторвался от тримера, чтобы сказать горько:

— Быть может, убийство?

— Нет,— возразил Норрич с неожиданной решительностью.— Вы должны понять Саммерса. У него была тяжелая жизнь: дом он покинул рано, настоящих родителей не помнит. Попал в дурную компанию. Да, он побывал в тюрьме — его вовлекли в небольшой рэкет. Если бы он остался там, старые дружки потянули бы его дальше. Но он приехал на Юпитер Девять, решив покончить со старым. Он начинал разнорабочим и учился самостоятельно. За-

нимался монтажом конструкций в малом притяжении, изучал механику полей и антигравитационную технику. Ему доверили ответственный пост и он смог проделать замечательную работу. Многим он нравится, им даже восхищаются. Саммерс познал, что значит обладать высоким постом и пользоваться всеобщим уважением. Сейчас он не боится ничего, кроме мыслей о возвращении на Землю к прежней жизни.

— Он так сильно боится своих мыслей,— заметил Бигман,— что пытался убить Лаки при помощи хитроумного приспособления.

— Да,— ответил Норрич неодобрительно.— Он использовал субфазный осциллатор и на время вывел из строя прибор управления у советника Старра. С его стороны это было глупо, но он был в панике. Но поверьте, в глубине души этот человек добр. Когда умер мой старый Мэтт...

— Ваш старый Мэтт?

— У меня была собака-поводырь и до этой. Я ее тоже назвал Мэтт. Он погиб в небольшом завихрении силового поля вместе с двумя монтажниками. Мэтт не должен был быть там, но собака иногда отправляется погулять одна. Этот Мэтт тоже так делает, когда он не нужен. Но он всегда возвращается обратно.

Норрич нагнулся и легко погладил бок собаки — Мэтт закрыл один глаз и застучал хвостом по полу.

— Как бы то ни было, когда старый Мэтт погиб, встал вопрос о моем отъезде на Землю. Без собаки-поводыря я не могу обходиться, а достать ее не представлялось возможным. Собак-поводырей очень мало и на них устанавливается очередь. Администрация Юпитера Девять не собиралась предпринимать никаких шагов, опасаясь огласки факта участия в правительственном проекте слепого в качестве инженера-конструктора. Блок антирасточителей в Конгрессе давно стремится опорочить наше дело и подобный случай был бы для них подарком. Мне помог Саммерс. Он воспользовался некоторыми связями на Земле и достал Мэтта. Нельзя считать эту покупку легальной, вы бы назвали ее сделкой на черном рынке, но Саммерс рисковал своим добрым именем ради друга, и я ему весьма обязан. Я надеюсь, мой рассказ позволит вам не так строго осудить Саммерса за сегодняшний поступок. Кстати, он неоднократно проявлял себя с хорошей стороны и не только по отношению ко мне.

— Я не собираюсь предпринимать что-либо против Саммерса,— ответил Лаки.— Не было у меня такого намерения и перед нашей беседой. Но я уверен, что Совету известно его настоящее имя, и проверю факты.

Норрич вспыхнул.

— Конечно, проверьте. Вы убедитесь — он совсем не так плох.

— Надеюсь. Но скажите мне еще одно: сегодняшний инцидент не привлек внимания администрации проекта? Никто не пытался помешать Саммерсу. Вы не находите это странным?

— Ничуть. У командора Донахью хватает и без вашего расследования забот. Если бы даже вы погибли в антигравитационном

коридоре, его это не очень расстроило. Прибавилась бы всего еще одна забота — как замять это дело. А ваше присутствие на Юпитере Девять лишь способствует его главной боли...

— У него столь важные заботы?

— Уверен. Главу нашего проекта сменяют каждый год — армейская политика перемещений. Донахью шестой наш босс, бесспорно, наилучший. Должен вам признаться в этом. Он пресек волокиту и неразбериху, но не за счет палочной дисциплины. В результате, в ближайшее время первый антигравитационный корабль будет готов. Кое-кто считает это вопросом дней.

— Так скоро?

— Может быть. Но дело вот в чем: командор Донахью должен быть сменен менее чем через месяц. Если по вашей вине произойдет задержка, то испытания корабля придется отложить до прибытия преемника командора. Босс номер семь покатается на новом корабле и войдет во все учебники истории, а Донахью останется ни при чем.

— Не удивительно, Лаки, что он не хотел твоего прибытия на Юпитер Девять!— горячо воскликнул Бигман.

Лаки пожал плечами.

— Не горячись, Бигман.

Но тут уже завелся:

— Грязный тип! Сирианиты готовы сожрать Землю, а ему лишь бы покататься на своем несчастном корабле!— Он поднял сжатые кулаки, и тут Мэтт грозно зарычал.

— Что вы делаете, Бигман?— спросил Норрич сухо.

— Что?— Бигман был искренне удивлен.— Я ничего не делаю.

— Вы делаете угрожающие жесты?

Бигман быстро опустил руки.

— Не совсем.

— В присутствии Мэтта вы должны быть осторожны. Он специально натренирован для защиты хозяина. Хотите, я покажу. Идите ко мне и делайте вид, что пытаетесь ударить меня.

— Не стоит, мы верим,— вмешался Лаки.

— Пожалуйста,— попросил Норрич.— Это не опасно. Я вовремя остановлю Мэтта. Это будет хорошей практикой для него. Все участники проекта заботятся обо мне. Это, клянусь, не дает возможности Мэтту проявить свои способности и он подзабыл свой тренинг. Смелее, Бигман.

Бигман шагнул вперед и нерешительно поднял руку. Мэтт мгновенно насторожил уши и напряг мускулы ног для прыжка. Его глаза сузились и из раскрытой пасти раздалось грозное рычание. Бигман поспешно отскочил назад, а Норрич скомандовал:

— Сидеть, Мэтт!

Собака села, Лаки ясно почувствовал смену настроения у Бигмана и удовлетворение Норрича. Слепой инженер весело спросил:

— Как у вас продвигаются дела с яйцом, Бигман?

— Я сдаюсь,— раздраженно ответил маленький марсианин.— Мне удалось сложить всего две детали.

Норрич улыбнулся.

— Немного практики, вот и все. Смотрите.

Он взял в руки две детали.

— Неудивительно, вы сложили их неправильно.— Он повернул одну из частей яйца, приставил третью, потом четвертую и так далее, пока в руках у него не оказался неполностью замкнутый овоид из семи деталей. Затем взял восьмую, ключевую деталь, вставил ее на место, повернул на полоборота против часовой стрелки и вдавил ее до конца.— Готово!

Он подбросил и поймал собранное яйцо, а раздосадованный Бигман наблюдал за ним. Лаки встал.

— Мистер Норрич, мы будем рады увидеться с вами еще раз. Я запомнил ваши замечания о Саммерсе и остальных. Спасибо за выпивку (она стояла нетронутой на столе).

— Я рад был встретиться с вами, советник,— ответил Норрич, поднимаясь и пожимая руку.

Вскоре Лаки Старр и Бигман улеглись спать. В сотнях футов под поверхностью Юпитера Девять, в темной комнате лежал Лаки и прислушивался к мягкому похрапыванию, доносившемуся из комнаты Бигмана. В который раз Лаки был взволнован. Случилось что-то такое, чего не должно было произойти. Но усталость окрасила все ощущения в слегка нереальные цвета. В каком-то уголке сознания вертелась странная мысль, которую Лаки никак не мог уловить. Что-то ускользало на грани полуяви, полусна. Утром от странного ощущения не осталось следа.

Бигман окликнул Лаки из своей комнаты, когда советник сох под струей теплого воздуха в душевой. Маленький марсианин закричал:

— Эй, Лаки, я поменяю запас двуокиси углерода у В-лягушки и добавлю побольше водорослей. Мы возьмем ее с собой на встречу с этим проклятым командором?

— Конечно, Бигман.

— Как насчет того, чтобы разрешить мне высказать командору мое личное мнение о его работе и дать свою оценку его личности?

— Сейчас, Бигман!

— Ладно, я пока приму душ.

Подобно всем людям солнечной системы, Бигман обожал воду. Душ для него был наслаждением, которому он предавался обстоятельно и неторопливо. Лаки собрал все свои силы на время утреннего кошачьего концерта, который Бигман называл пением. Когда прозвучал сигнал интеркома, Бигман полностью погрузился в сомнительные фрагменты мелодии, звучащей пронзительно и фальшиво, а Лаки кончил одеваться. Лаки подошел к интеркому.

— Старр слушает.

— Старр!— на экране показалось вытянутое лицо командора Донахью. Его узкие губы были плотно сжаты, а весь облик выражал нескрываемую неприязнь.— Я кое-что слышал о стычке между вами и одним моим рабочим.

— Да?

— Я вижу, вы не сердитесь?

Лаки улыбнулся.

— Все в порядке.

— Вспомните, я предупреждал вас.

— Я не жалуюсь.

— Коли так, в интересах проекта я хочу знать, собираетесь ли вы подать рапорт об этом инциденте?

— Если это не будет иметь прямого отношения к проблеме, ради которой я прибыл, инцидент никогда не будет упомянут.

— Хорошо,— Донахью внезапно успокоился.— Если такова ваша позиция и на период нашей сегодняшней беседы, я буду очень рад. Наша беседа может быть кем-нибудь записана, и я предпочту...

— Не стоит об этом говорить, командор.

— Очень хорошо!— чувствовалось, что командор оттаял.— Увидимся через час.

Лаки смутно осознавал, что Бигман кончил принимать душ, и его пение стихло до гудения. Наконец прекратилось и гудение, наступила полная тишина. Лаки продолжал разговор:

— Да, командор, хорошо...— когда Бигман взорвался диким криком:

— Лаки!

В одно мгновение Лаки Старр вскочил на ноги и оказался перед дверью в смежную комнату. Но Бигман был здесь раньше, его глаза стали огромными от ужаса.

— Лаки! В-лягушка! Она мертва! Ее *убили*!

Пластиковый контейнер В-лягушки был разбит вдребезги. По полу растеклась уже подсыхающая лужица. В-лягушка, наполовину прикрытая венерианскими водорослями, была мертва. Теперь, когда ее защитный механизм не действовал, Лаки мог смотреть на нее без навязанного доброжелательства. Он с удивлением вспомнил чувство, внушаемое В-лягушкой всем, находившимся в сфере ее влияния. Лаки был раздражен тем, что позволил себя обмануть. Бигман, свежий после душа и одетый в одни шорты, сжимал кулаки.

— Это моя вина, Лаки. Полностью моя вина. Я так громко вопил в душе, что не слышал, как кто-то вошел.

Слово «вошел» было не совсем подходящим. Убийца не просто вошел, он прожег себе дорогу. Дверной замок был расплавлен. Очевидно, неизвестный использовал весьма мощный излучатель энергии.

Лаки вернулся к интеркому:

— Командор Донахью?

— Да. У вас что-то произошло? Что-нибудь серьезное?

— Увидимся через час.— Лаки отключился и вернулся к убитому горем Бигману. Мрачно глядя на В-лягушку, Лаки произнес:

— Это моя вина, Бигман. Дядя Гектор был абсолютно убежден в неосведомленности сирианитов относительно эмоциональных возможностей В-лягушки, и я поверил ему на слово. Будь я менее оптимистично настроен, ни ты, ни я ни на секунду не оставили бы без внимания это маленькое создание.

Лаки Старр и Бигман отправились на встречу с командором До-

нахью. За дверью их уже поджидал лейтенант Невски. Он вытянулся, откозырял и доверительно прошептал:

— Я рад, что вы вышли невредимыми после вчерашней стычки. Я не оставил бы вас, не получив прямой приказ.

— Забудь об этом, лейтенант,— ответил Лаки рассеянно. Его мысли были заняты воспоминанием о вчерашней ночи. Странная мысль, появившаяся на грани сознания, не давала Лаки покоя. Какое-то мгновение догадка была совсем близко, но опять исчезла, и постепенно он начал думать о другом. Они вошли в антигравитационный коридор и сразу почувствовали атмосферу «начала рабочего дня». Коридор был заполнен людьми, деловито летящими в обоих направлениях. На космических станциях и спутниках планет-гигантов не существовало привычной смены дня и ночи, но люди все же сохранили старое двадцатичетырехчасовое расписание. Человечество перенесло привычное вращение Земли на все основные миры. Юпитер Девять не оставался исключением: большинство его обитателей работало в «дневную смену»— с девяти до пяти часов Солнечного Стандартного Времени. Сейчас было около девяти, и в антигравитационном коридоре царила суета — все спешили на свои рабочие места. Ощущение утра было очень сильным. Казалось, стоит выйти на поверхность, и можно увидеть солнце, встающее на востоке, и росу на траве. В конференц-зале представителей Совета уже ждали двое. Во главе длинного стола сидел командор Донахью; на его лице было написано тщательно скрываемое напряжение. Командор поднялся и холодно представил второго.

— Джеймс Паннер, главный инженер и гражданский глава проекта.— Командор был явно не в восторге от своего коллеги. Паннер был коренастым смуглолицым человеком с глубоко посаженными глазами и бычьей шеей. На нем была темная рубашка с открытым воротом, без каких бы то ни было знаков различия.

Лейтенант отдал честь и удалился. Командор обождал, когда закроется дверь, и произнес:

— Теперь, когда мы остались вчетвером, перейдем к делу.

— Четверо и кошка,— заметил Лаки, поглаживая маленькое животное, положившее передние лапы на стол.— Не та ли это кошка, которую я видел вчера?

Командор смутился.

— Возможно, та. А может быть, другая. На спутнике несколько кошек. Как бы то ни было, мы собрались не для обсуждения домашних животных.

— Наоборот, командор, Именно эта тема будет предметом нашей беседы, я выбрал ее намеренно. Вы помните мое домашнее животное, сэр?

— Помню! Это...— он смущенно замолчал, удивляясь отсутствию В-лягушки и своему энтузиазму.

— Маленькое венерианское существо,— продолжал Лаки,— обладало необычными способностями. В-лягушки могут воздействовать на эмоции и даже навязывать их.

Глаза командора широко раскрылись, но Паннер опередил его, произнеся сиплым голосом:

— До меня доходили слухи об этом эффекте, но я не верил.

— Это правда. Командор Донахью, я не зря взял с собой В-лягушку. В мои намерения входило заручиться вашим согласием и побеседовать с каждым участником проекта в присутствии В-лягушки. Я хотел провести эмоциональный анализ.

Командор все еще казался несколько ошеломленным.

— И что бы это дало?

— Возможно, ничего. Однако, я хотел попытаться.

— Хотели?— перебил Паннер.— Вы использовали прошедшее время, советник?

Лаки грустно посмотрел на руководителя проекта.

— Моя В-лягушка мертва.

— Убита этим утром,— добавил гневно Бигман.

— Кто же это сделал?— спросил Донахью.

— Мы не знаем, командор.

Командор поглубже опустился в кресло.

— В таком случае ваше маленькое расследование прекратится до тех пор, пока не доставят новое животное.

— Ждать нельзя,— возразил Лаки.— Сам факт смерти В-лягушки говорит о многом. Обстановка становится гораздо более серьезной.

Все уставились на Лаки. Даже Бигман смотрел на своего друга с глубоким удивлением.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорил вам о способности В-лягушки генерировать определенные эмоции. Вы сами испытали на себе ее способности. Припомните свою первую встречу с В-лягушкой у меня на корабле. Вы были очень недовольны результатом нашей первой беседы и находились в сильном волнении. Затем вы обратили внимание на В-лягушку и... Что вы тогда почувствовали?

— Присутствие этого существа принесло мне облегчение,— запинаясь, ответил командор.

— Теперь, оглядываясь назад, смогли бы вы объяснить смену своего настроения?

— Не знаю, что и думать. Невообразимое создание.

— Однако оно вам понравилось. И ничего поделать с собой вы были не в состоянии. Смогли бы вы причинить ему вред?

— Полагаю, нет!

— Я уверен, не смогли бы, как не смогло ни одно существо, обладающее эмоциями. И все же кому-то удалось сделать невозможное. Кто-то убил В-лягушку.

— Как вы намерены объяснить такой парадокс?— спросил Паннер.

— Он легко объясним. Преступник — некто, не обладающий эмоциями. Предположим, на Юпитере Девять скрывается робот, андроид, абсолютно схожий с человеком.

— Андроид?— взорвался командор Донахью.— Невозможно! Такое бывает только в сказках

— Я думаю, командор, вы не осведомлены, насколько искусны сириниты в изготовлении роботов. Моя версия состоит вот в чем: сириниты использовали каких-то обитателей Юпитера Девять — совершенно реальных людей — как модели, создали по их образцу роботов и произвели подмену. Такие человекообразные роботы могут иметь особые устройства, делающие их идеальными шпионами. Возможно, они видят в полной темноте, возможно, ощущают предметы сквозь материальную преграду. При помощи встроенного передатчика они могут даже передавать информацию через подпространство.

Командор покачал головой:

— Смехотворно. Человек мог убить В-лягушку. Доведенный до отчаяния и смертельно напуганный, человек мог переступить это... это влияние на разум. Вы не допускаете такого варианта?

— Да,— ответил Лаки.— Но почему человек был доведен до такого состояния, такой дикости, как убийство безобидной В-лягушки? Наиболее очевидная причина — В-лягушка являла собой смертельную опасность и перестала быть безобидной. Единственной угрозой для убийц была способность обнаружить эмоции человека, готового к убийству, и транслировать их. Разве такие эмоции не разоблачили бы немедленно убийцу как шпиона. Однако ни я, ни Бигман не заметили постороннего эмоционального фона.

— Как это могло быть?— спросил Пеннер.

Лаки повернулся и взглянул на него.

— А если наш убийца вовсе не имел эмоций? Разве человека, *лишенного эмоций, не определили бы в конце концов, как робота?* Рассмотрим еще один момент: почему убита только В-лягушка? Проникнув в комнату, убийца смертельно рисковал. Застав одного из нас в душе, а другого у интеркома, не ожидающих нападения и не готовых к отпору, убийца все-таки расправился с В-лягушкой, а не с нами. Коли на то пошло, почему он не убил и нас?

— Возможно, не было времени,— заметил командор.

— Существует и другая, более правдоподобная причина,— заметил Лаки.— Знаете ли вы три закона роботехники? Эти законы встроены в структуру связей позитронного мозга и роботы не в состоянии их нарушить.

— В общих чертах знаю,— ответил командор,— но не смогу процитировать.

— Я могу это сделать,— продолжал Лаки,— и, с вашего позволения, процитирую в доказательство своей точки зрения.— Первый закон. Робот не может причинить человеку вред или своим бездействием допустить, чтобы он был ему причинен. Второй закон. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат первому закону. Третий закон. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит первому и второму законам.

Пеннер кивнул.

— Все правильно, советник. Но о чем это говорит?

— Роботу можно приказать убить В-лягушку, поскольку это

животное. Появилась угроза существованию робота и был задействован третий закон, закон самосохранения. Был отдан приказ — задействован второй закон. Приказ убить меня или Бигмана не может быть выполнен — первый закон главенствует над всеми остальными. Шпион-человек мог убить и нас и В-лягушку. И в первом и во втором случае получается по-моему, командор.

Донахью надолго задумался. Морщины на его усталом лице углубились. Наконец он спросил:

- Что вы решили предпринять? Подвергнуть участников проекта рентгеновскому обследованию?

— Нет,— ответил Лаки.— Это не так просто. Такой успешный шпионаж возможен не только на Юпитере Девять. Кроме нашего проекта сирианитов интересуют многие другие тайны Совета Наук. Возможно, существует много таких человекоподобных роботов. Мы должны выловить их всех. Всех до одного. Если мы упустим хотя бы одного робота-шпиона, сирианиты быстро восполнят потерю, опираясь на нерасшифрованного агента, или придумают что-нибудь новое.

— В таком случае что вы предлагаете делать?

— Спокойно работать. Поскольку подозревается робот, существует много способов расшифровать его, не вызвав подозрений. Кроме того, мне не придется начинать на голом месте. Например, я знаю, что вы, командор, не робот. Вчера, проверяя В-лягушку, я умышленно вызвал ваш гнев, и ваши эмоции были у меня как на ладони. Надеюсь, командор, вы извините меня за этот эксперимент: ничего дурного у меня в мыслях не было.

Лицо командора приобрело сизо-лиловый оттенок.

— Я робот?

— А как я уже сказал, ваши эмоции мне были нужны только для проверки В-лягушки

— У вас нет причин быть уверенным во мне, советник,— сухо сказал Паннер.— Я не общался с вашей В-лягушкой.

— Верно,— улыбнулся Лаки.— С вами пока не все ясно. Снимите рубашку.

— Что?!— вскричал возмущенный Паннер.— Зачем?

Движением руки Лаки успокоил разгневанного Паннера.

— А теперь все ясно. Робот обязан был выполнить приказ.

Командор стукнул кулаком по столу

— Стоп! Пора закончить с этим бредом! Я не позволю вам проверять моих людей или досаждать им любыми другими способами. Моей работе на спутнике вы мешать не будете, советник Старр. Я должен вывести в пространство антигравитационный корабль и я добьюсь своего Ваша выдумка о роботе неубедительна, и продолжать ее обсуждение я не намерен.

Командор перевел дух:

— Я уже запрещал вам, советник Старр, выводить из равновесия моих людей и подрывать их рабочий настрой. Вчера вы инсценировали припадок гнева, направленного в мой адрес, сегодня объясняете его своим желанием проверить способности венерианского животного, что делает вашу выходку не менее оскорбитель-

ной. Исходя из вышеизложенного, у меня нет желания продолжать сотрудничество с вами. Позвольте мне объяснить свои намерения. Я прерываю отношения с Землей. Я ввожу на Юпитере Девять военное положение. Я присваиваю себе права военного диктатора. Вы понимаете?

Глаза Лаки сузились.

— Как полный советник Совета Наук я выше вас по рангу.

— А как вы подтвердите свой ранг? Мои люди подчиняются только мне и моим приказам. Мне придется ограничить вашу деятельность силой при первой же попытке словом или делом помешать моим приказам.

— Что это за приказы?

— Завтра,— сказал командор Донахью,— в шесть часов утра стандартного среднесолнечного времени первый действующий антигравитационный корабль совершит свой первый полет от Юпитера Девять до Юпитера Один, спутника Ио. Только когда мы вернемся, советник Старр, и ни часом раньше, вы сможете возобновить свое расследование. Если после этого у вас возникнет желание связаться с Землей и передать меня военному трибуналу, я к вашим услугам.

Командор Донахью замолчал и с непреклонным видом не спускал глаз с лица Лаки. Лаки повернулся к Паннеру.

— Корабль готов?

— Думаю. Да.

Донахью почувствовал себя победителем. В его голосе послышались презрительные нотки:

— Как я сказал, мы отбываем завтра. Ну что, советник Старр, вы пойдете со мной или предпочтете быть арестованным?

Повисло напряженное молчание. Бигман старательно сдерживал дыхание, командор нервно сжимал и разжимал кулаки, нос его побледнел и заострился. Паннер медленно извлек из нагрудного кармана пластинку жевательной резинки, сорвал пластиковую обертку и отправил жвачку в рот. Лаки поудобнее устроился в кресле, скрестил на груди руки и, нарушив молчание, спокойным голосом произнес:

— Я буду рад сотрудничать с вами, командор.

Наконец Бигман пересилил себя:

— Лаки! Неужели ты позволишь им прекратить расследование?

— Не совсем,— ответил Лаки.— На борту антигравитационного корабля мы продолжим свое дело.

— Нет, нет, нет, сэр!— возразил командор категорично.— В таком случае вас не будет на борту и минуты.

— Кто будет на корабле, командор?— спросил Лаки.— Полагаю, вы сами?

— Да, я сам. А также Паннер, как главный инженер проекта, двое моих офицеров, пятеро инженеров и пятеро членов судовой команды. Экипаж корабля был подобран давно. Я и Паннер, как ответственные руководители проекта, пятеро инженеров для обслуживания корабля, остальные в признание их заслуг в осуществлении проекта.

— Что за заслуги?— спросил Лаки задумчиво.

Паннер перебил командора, приготовившегося ответить:

— Наилучшим примером заслуг, о которых говорил командор, является Гарри Норрич, который...

Бигман прервал удивленно:

— Вы имеете в виду этого слепого парня?

— Вы знаете его?— спросил Паннер.

— Мы познакомились вчера вечером,— ответил Лаки.

— Да, это он,— продолжал Паннер,— но вы наверняка мало знаете о нем. Он потерял зрение, когда бросился между контактами, предотвращая потерю устойчивости силового поля. Своим мужеством он предотвратил крупную катастрофу: Юпитер Девять мог потерять осколок размером с добрую гору. Он спас две сотни людей и сам проект; столь большая катастрофа в самом начале работ могла сделать невозможным их дальнейшее финансирование Конгрессом. Люди, совершающие подобного рода поступки, заслуживают чести участвовать в первом рейсе антигравитационного корабля.

— Досадно, что он не сможет увидеть Юпитер вблизи,— заметил Бигман. Затем его глаза сузились.— А как же он сможет передвигаться на корабле?

— Я думаю, он возьмет Мэтта. Эта собака хорошо надрессирована.

— Вот это мне и нужно было знать,— сказал Бигман возбужденно.— Если вы берете с собой собаку, то можете взять и Лаки со мной.

Командор нетерпеливо посмотрел на часы, уперся руками в стол, словно собираясь встать.

— Наша конференция закончена, джентльмены.

— Не совсем,— возразил Лаки.— Нужно ответить еще на один вопрос. Бигман поставил его несколько грубо, но полностью прав. Мы будем на борту антигравитационного корабля во время полета?

— Нет,— возразил командор Донахью,— это невозможно.

— Добавочная масса двух людей так затрудняет управление кораблем?

Паннер улыбнулся.

— Двигатели нашего корабля в состоянии сдвинуть гору.

— У вас не хватает помещений?

Командор посмотрел на Лаки с большим неудовольствием.

— Причина не в этом. Вас не будет на борту только потому, что таково мое решение. Ясно? — В его глазах промелькнула вспышка удовлетворения. Таким способом командор рассчитывался за беседу на борту «Метеора».

— Вам лучше взять нас, командор,— ответил Лаки спокойно.

Донахью саркастически улыбнулся:

— Почему? Меня отстранят от должности по приказу Совета Наук? Вы не сможете связаться с Землей до моего возвращения, а после испытательного полета я не буду возражать против моего отстранения.

— Вы не продумали всех аспектов, командор,— сказал Лаки.— Вас могут отстранить и задним числом. Мне кажется, что так и случится. Если говорить о правительственных сообщениях, то в сенсационных заголовках вашего имени не будет. Для жителей федерации первым полетом антигравитационного корабля командовали не вы, а ваш официальный преемник, кто бы он ни был. Даже бортовой журнал можно скорректировать соответствующим образом. В первом полете вас на борту корабля не было.

Командор Донахью побледнел. Он встал и, казалось, готов был броситься на Лаки.

— Ваше решение, командор? — спросил Лаки Старр.

Донахью не своим голосом выдавил:

— Можете приходить.

Остаток дня Лаки провел в информотеке, изучая досье различных участников проекта, пока Бигман в сопровождении Паннера обходил лаборатории и громадные испытательные залы. Только после ужина, вернувшись к себе, гости Юпитера Девять могли остаться вдвоем. Лаки не стал ничего говорить, но это не было чем-то необычным — молодой советник не отличался разговорчивостью и в хорошие времена. Но Бигман заметил небольшую складку между бровями Лаки, которая являлась безошибочным признаком его озабоченности.

— Что-нибудь прояснилось? — спросил Бигман.

Лаки покачал головой.

— Ничего подозрительного.

Он принес из библиотеки микрофильм и Бигман уловил заголовок: «Успехи роботехники». Лаки старательно заправил микрофильм в проектор.

Бигман беспокойно зашевелился.

— Ты собираешься уткнуться в этот микрофильм?

— Боюсь, что так.

— Если ты не возражаешь, я схожу к Норричу, составлю ему компанию.

— Иди.— Лаки пристроил проектор к глазам и лег на спину, свободно сложив руки на груди.

Бигман прикрыл дверь и немного постоял снаружи, слегка нервничая. Он должен был обсудить свои намерения с Лаки, знал, что должен, но соблазн... И он подумал: «Я не собираюсь ничего делать. Я только проверю кое-что. Если я неправ, то неправ один, и беспокоить Лаки незачем. Но если моя проверка удастся, действительно будет что сказать ему».

Как только Бигман позвонил, дверь открылась. Гарри Норрич, чьи незрячие глаза были направлены на дверь, сидел за шахматным столиком со странными фигурами.

— Да,— сказал Норрич.

— Это Бигман,— подал голос маленький марсианин.

— Бигман! Входите, садитесь! Советник Старр с вами?

Дверь закрылась, и Бигман оглядел ярко освещенную комнату. Его челюсти сжались.

— Он занят. Что касается меня, то на сегодня вполне достаточ-

но антигравитации. Доктор Паннер провел меня повсюду. Только я мало что понял.

Норрич улыбнулся.

— Неудивительно, но если не обращать внимания на математику, кое-что нетрудно понять.

— Что вы говорите? В таком случае, может быть, вы объясните мне кое-что? — Бигман опустился в большое кресло и нагнулся, заглядывая под верстак Норрича. Под ним лежал Мэтт. Его большая голова располагалась на лапах, а горящие глаза не отрывались от Бигмана. «Заставить его говорить,— думал Бигман,— заставить его говорить, пока я не обнаружу слабинку».

— Смотрите,—сказал Норрич. Он показал Бигману одну из фигур с шахматного столика.— Гравитация является одной из форм существования энергии. Любое тело, находящееся в равновесии, как и то, что я держу в руках, испытывает влияние гравитационного поля. Пока тело не движется, оно обладает потенциальной энергией. Если это тело освободить от воздействия силы, удерживающей его в равновесии, потенциальная энергия преобразуется в кинетическую, то есть в движение. Так как тело находится под влиянием гравитационного поля, то оно начинает падать, и падает все быстрее и быстрее.

Норрич выпустил фигуру из пальцев и та упала и покатилась.

— До тех пор, пока не плюхнется,— ухмыльнулся Бигман.

Норрич нагнулся, желая поднять фигуру, а затем сказал:

— Вы не могли бы подать ее мне, Бигман? Я не знаю точно, куда она укатилась.

Бигман скрыл свое разочарование. Он поднял фигуру и вложил ее в руку Норрича.

— Спасибо. До недавнего времени с потенциальной энергией можно было сделать только одно — преобразовать ее в кинетическую. Конечно, кинетическую энергию можно преобразовать поразному. Так, энергию падающей воды Ниагарского водопада можно преобразовать в электрический ток, но это только полдела. В пространстве гравитация проявляется только в движении, на этом все и кончается. Рассмотрим систему лун Юпитера. Мы находимся на Юпитере Девять, на значительном расстоянии от центральной Планеты. Пятнадцать миллионов миль — прекрасная цифра, не правда ли? Если потребуется добраться до Юпитера Один, который находится только в 285000 миль от Юпитера, мы можем падать все эти миллионы миль. По отношению к Юпитеру мы обладаем огромным потенциалом. Мы разовьем чудовищную скорость, которую должны постоянно контролировать, сдерживая ускорение импульсами гиператомного двигателя. Такой способ передвижения требует огромных затрат энергии. И при малейшей ошибке в расчетах существует реальная возможность продолжать падение до конца, то есть, мы прибудем только в одно место — центр Юпитера... Для нас это мгновенная смерть. Далее, если мы благополучно спустимся на Иа, возникает проблема возвращения на Юпитер Девять, что означает путь в миллионы миль, с преодолением притяжения

Юпитера. Потребное количество энергии делает пока невозможным маневрирование среди лун Юпитера.

— А антигравитация? — спросил Бигман.

— О! Это другое дело. Когда используется антигравитационный преобразователь, потенциальная энергия может быть преобразована в форму энергии, отличной от кинетической. В антигравитационном коридоре, например, сила гравитации в одном направлении используется для изменения гравитационного потенциала при обратном движении. Люди, падающие в одном направлении, снабжают энергией движения падающих в противоположном направлении. Отводя таким образом часть энергии, вы сами не нуждаетесь в увеличении скорости при движении. Вы можете падать с ускорением меньшим, чем ускорение свободного падения. Понимаете?

Бигман был не вполне уверен в этом, однако сказал:

— Продолжайте.

— В пространстве действуют иные законы. Там не существует второго гравитационного поля и перераспределить энергию невозможно. Вместо первого способа энергия накапливается в запасниках гиператомного двигателя. Используя такой метод, корабль может двигаться от Юпитера Девять до Ио с разумной скоростью, не срываясь в свободное падение. Кораблю не следует затрачивать ни грамма энергии для замедления скорости, исключая финальную корректировку на орбите Ио. Управление гравитацией позволяет достичь абсолютной безопасности: движение находится под постоянным контролем и, в случае необходимости, притяжение Юпитера может быть полностью нейтрализовано. Возвращение на Юпитер Девять требует все-таки затрат энергии. Но ведь мы запасем гигантское количество энергии в конденсаторах гиператомного двигателя! Энергия собственного гравитационного поля Юпитера позволяет нам вырваться из сетей притяжения планеты-гиганта.

— Звучит заманчиво,— сказал Бигман. Его затея давно провалилась, и маленький марсианин заерзал в кресле. Внезапно он спросил: — А что это за игра на столе?

— Шахматы,— ответил Норрич.— Вы играете?

— Немножко,— признался Бигман. — Лаки учил меня, но играть с ним неинтересно. Он все время выигрывает — Затем он бесцеремонно спросил: — А как вы играете в шахматы?

— Вы имеете в виду мою слепоту?

— М-м-м...

— Не смущайтесь. Мой физический недостаток не превратился в комплекс... Я не хотел расставаться с шахматами и придумал довольно простой способ. Игральная доска намагничена, а фигуры сделаны из легкого магнитного сплава, и если я осторожно их касаюсь, не сдвигаются с места. Попробуйте сами.

Бигман приподнял одну фигуру. Первую часть пути она двигалась как в густом сиропе, а затем освободилась.

— Таким образом,— продолжал Норрич,— это не совсем обычные шахматные фигуры.

— Больше похожи на шашки, проворчал Бигман

— Такие фигуры я не могу случайно повалить, они не настолько высоки. На фишках имеются выпуклые фигуры, которые легко опознать на ощупь. Обозначения похожи на обычные фигуры и моим партнерам тоже легко их различать.

Бигман внимательно осмотрел фигуры. Круг из выпуклых точек обозначал, очевидно, ферзя, выпуклый крест в центре другой фигурки — король, фигурка с пересекающимися желобками — слон, круг выпуклых квадратиков — ладья, лошадиные уши — конь, просто круглые возвышения — пешки. Бигман чувствовал себя в тупике. Он спросил:

— А что вы делаете сейчас? Играете сам с собой?

— Нет, решаю задачу. Фигуры расставлены таким образом, что существует один только способ, когда белые выигрывают в три хода, и я пытаюсь найти это решение.

Бигман спросил внезапно:

— А как вы отличаете белых от черных?

Норрич улыбнулся:

— Присмотритесь внимательнее: белые окружены ободками, а черные нет.

— О! Тогда вы должны помнить, где расположены фигуры, не так ли?

— Это не трудно,— ответил Норрич.— Говорят, для такого способа игры надо обладать фотографической памятью. Мне же достаточно постоянно держать руку над доской и проверять положение фигур. Кроме того, шахматные поля на доске тоже обозначены маленькими желобками.

Бигман услышал свое тяжелое дыхание. Он забыл о клетках на шахматной доске, а они действительно были обведены желобками. Ему казалось, что в его собственной игре, которую он сейчас вел, противник поставил его в тяжелое положение.

— Можно мне попробовать,— спросил он.— Может быть, я смогу найти верные ходы?

— Конечно,— ответил Норрич,— желаю вам удачи. Я просидел над этой задачей полчаса и потерпел поражение.

На минуту воцарилось молчание. Бигман наконец решился. Тело марсианина обрело кошачью легкость, и он на цыпочках двинулся к стене. Норрич задумался над доской и даже не повернул головы. Бигман бросил быстрый взгляд на собаку, но Мэтт не шевелился. Бигман приблизился к стене, легко и бесшумно положил пальцы на выключатель и вытащил из кармана маленький фонарь. Он нажал на выключатель, свет в комнате исчез и воцарилась глубокая тьма. Бигман запомнил направление, в котором находилось кресло Норрича. Он поднял фонарик. Послышался глухой удар, а затем удивленно и с легким неудовольствием прозвучал голос Норрича:

— Зачем вы выключили свет, Бигман?

— Так и есть! — завопил Бигман с триумфом. Яркий луч фонарика осветил широкое лицо Норрича.— Вы совсем не слепец. Вы шпион! Вы шпион!

Норрич вскричал:

— Я не знаю, что вы делаете, Бигман, но, во имя пространства, не совершайте резких движений! Мэтт может броситься!

— Вы прекрасно знаете, что я делаю,— возразил Бигман.— Как видите, у меня в руках игольчатое оружие, о котором вы, надеюсь, наслышаны, как и о моем умении обращаться с ним. Если собака двинется с места, ей придет конец!

— Мэтт, успокойся, пожалуйста!

Бигман был поражен неожиданной болью, прозвучавшей в голосе его противника.

— Успокойте собаку. Вы пойдете со мной, и я никому не причиню вреда. Мы отправляемся к Лаки. Если встретите кого-нибудь в коридоре, не говорите ничего, кроме слов «добрый день». Помните, я буду за вашей спиной.

— Я не могу идти без Мэтта.

— Уверен, что сможете. Здесь всего пять шагов. Даже слепой, умеющий делать тримеры и прочие штуки, справится с этой простой задачей.

При звуке открывавшейся двери Лаки снял с головы проектор и сказал:

— Добрый день, мистер Норрич. А где Мэтт?

Бигман возбужденно заговорил прежде, чем отозвался его пленник:

— Мэтт в комнате Норрича, и Норрич в нем не нуждается. Пески Марса! Лаки, он так же слеп, как и мы с тобой!

Норрич начал объяснять:

— Ваш друг ошибается, мистер Старр. Я должен сказать...

— Тихо, ты! — оборвал его Бигман.— Сначала скажу я, а потом, если тебя спросят, сможешь высказать свои оправдания.

Лаки скрестил руки на груди.

— Если не возражаете, мистер Норрич, я сначала выслушаю Бигмана, а он тем временем опустит оружие.

Бигман скривился, но не посмел ослушаться.

— Видишь ли, Лаки, я подозревал этого типа с самого начала. Эти его тримеры-головоломки. Он в них разбирается слишком хорошо для слепого. Я сразу заподозрил в нем шпиона.

— Вы уже вторично называете меня шпионом! — воскликнул Норрич.— Что это значит?

— Видишь ли, Лаки,— продолжал Бигман, игнорируя выкрик Норрича,— чертовски удобно воспользоваться шпионом, выдающим себя за слепого. Он может все видеть, тогда как окружающие этого не подозревают. От него ничего не скрывают и не прячут. Он может уставиться на совершенно секретные документы, а окружающие болваны будут думать: «Это всего лишь несчастный Норрич. Беднята слеп». Пески Марса! Это была идеальная маскировка!

В разговор вновь вмешался Норрич:

— Но я действительно слеп! Что касается головоломок, шахмат, то я объяснил...

— О, конечно, ты объяснил! — сказал Бигман саркастически.— Отлично отработанные объяснения. А зачем ты сидел в своей комнате в одиночестве и с включенным светом? Слушай, Лаки, когда я

вошел к нему полчаса назад, у него горел свет. Он включил его не для меня, выключатель был далеко от того места, где он сидел. Почему?

— А почему бы и нет? — возразил Норрич.— Для меня безразлично, есть свет или нет. Но ко мне часто заходят мои друзья и я предпочитаю сидеть при свете, не затрудняя таким образом гостей, например, вас.

— Замечательно! — сказал Бигман.— Вот образец его прекрасной логики, объясняющей все, что угодно: и как он собирает тримеры, и как играет в шахматы и различает фигуры! Но об одном забыл. Он уронил шахматную фигуру и нагнулся за ней, но вовремя опомнился и попросил меня об услуге.

— Я по слуху могу определить, куда падает вещь, а эта фигура просто укатилась.

— Давай, давай, оправдывайся! — наступал Бигман. — Это тебе не поможет, ведь ты никак не сможешь объяснить одну штуку. Лаки, я хотел его испытать. Я намеревался выключить свет и направить в его лицо яркий луч фонаря. Если он не слепой, он подпрыгнул бы и зажмурился! Я уверен, так бы и было, но мне даже не пришлось этого делать. Как только я выключил свет, этот тип тут же спросил: «Зачем вы выключили свет?» Как он узнал, что я выключил свет, Лаки? Как?

— Но... — начал Норрич.

Бигман продолжал.

— Он мог чувствовать фигурки, и тримеры, и все такое прочее, но как он мог почувствовать темноту? Он мог только увидеть это.

— Я думаю, самое время дать слово мистеру Норричу,— сказал Лаки.

— Спасибо,— отозвался Норрич.— Я, конечно, слеп, советник, но только не моя собака. Когда я выключаю на ночь свет, для меня это безразлично, как я уже объяснил, но для Мэтта это сигнал идти спать и он отправляется в свой угол.

Я слышал, как Бигман двигается на цыпочках, стараясь это сделать бесшумно, но у человека, ослепшего пять лет назад, слух чрезвычайно обострен. Бигман остановился возле стены, и через некоторое время Мэтт прыгнул в свой угол. Не нужно быть семи пядей во лбу для объяснения происшедшего. Бигман остановился около выключателя, а Мэтт отправился спать. Очевидно, мой гость выключил свет.

— Я понимаю вас, мистер Норрич,— ответил Лаки.— Кажется, мы должны принести вам свои извинения.

Лицо Бигмана стало похоже на лицо обиженного гнома.

— Но Лаки...

— Оставь, Бигман,— Лаки покачал головой.— Никогда не цепляйся за то, что аргументированно опровергнуто. Надеюсь, мистер Норрич, вы простите Бигмана, он ведь исполнял долг, как он его понимает.

— Я бы посоветовал мистеру Бигману сначала задавать вопросы, а потом действовать,— холодно ответил Норрич.— Надеюсь, теперь я могу уйти?

— Можете идти, однако я вас официально прошу никому не говорить о случившемся. Это очень важно.

— Пусть будет так. Я ничего никому не скажу.— С этими словами Норрич повернулся, подошел к двери, быстро нащупав ручку.

Как только дверь закрылась, Бигман повернулся к Лаки.

— Это все уловки! Ты не должен был его отпускать!

Лаки опустил подбородок на сжатые кулаки. Его холодные карие глаза стали задумчивыми.

— Нет, Бигман, это не тот человек, кого мы ищем.

— Все-таки, это он. Даже если он слеп, действительно слеп, это аргумент против него. Он мог найти В-лягушку на ощупь и убить ее! — Бигман в возбуждении вскочил, и его маленькие руки замахали, как мельничные крылья.— Я абсолютно убежден в этом!

Лаки покачал головой:

— Нет, Бигман. Эмоциональное воздействие В-лягушки не зависит от того, видят ее или нет. Это прямой мысленный контакт. Только из этого факта мы можем исходить.— Дальше он продолжал своим тихим голосом: — Тот, кто убил В-лягушку, должен быть роботом. Должен. А Норрич — не робот.

— А откуда ты знаешь, что он... — И тут Бигман замолк.

— Вижу, ты сам ответил на свой вопрос. Мы чувствовали его эмоции во время нашей первой встречи — В-лягушка еще была с нами. Он обладает эмоциями, следовательно, назвать его роботом нельзя. Значит, он не тот, кто нас интересует.

Окончив свою маленькую речь, Лаки не согнал с лица выражение глубокого беспокойства. Он отбросил в сторону микрофильм об успехах роботехники, будто потеряв надежду найти в нем ответ на мучающие его вопросы.

Первый антигравитационный корабль был назван «Луна Юпитера» и не походил ни на один из кораблей Федерации, виденных Лаки. Его величина позволяла предположить наличие огромных комфортабельных помещений, однако каюты экипажа и пассажиров были необычно вынесены вперед, отдавая девять десятых объема корабля гравитационному реактору и аккумуляторам гиператомных двигателей. Вдоль всей его длины с двух сторон простирались огромные лопасти, имеющие отдаленное сходство с крыльями летучей мыши. Как объяснили Лаки, лопасти являлись приемниками гравитационного поля и преобразовывали гравитацию в энергию гиператомного двигателя. Назначение их было весьма прозаичным, однако они придавали кораблю почти зловещий вид. Десятикрылый дракон готовился к своему первому полету. Сейчас корабль находился в огромной специально вырытой яме. Железобетонная крыша ангара была уже убрана, и на поверхности корабль удерживала только гравитация Юпитера Девять. Весь персонал проекта находился в этом естественном амфитеатре. Лаки никогда не видел такого количества людей в скафандрах, собравшихся в одном месте. Возможно, это и послужило причиной странной возбужденности, какого-то истерического беспокойства, выразившегося в шумной возне и замедленных прыжках, возможных только при низкой гравитации. Лаки оглядывал всю эту толпу и сурово думал: «А ведь

в одном из скафандров скрывается нечеловек. Кто он? Как его обнаружить»? Командор Донахью произносил короткую речь перед группой людей, собравшихся у люка корабля. Лаки не прислушивался к его словам. Он рассматривал Юпитер и заметил в непосредственной близости от планеты-гиганта еще одно космическое тело. Это была не звезда, а маленькое пятнышко света, слегка изогнутое наподобие серпа. Лаки узнал в крошечном полумесяце Ганимед или Юпитер Три — крупнейший спутник Юпитера. Спутник, достойный гигантской планеты. Ганимед был почти втрое больше естественного спутника Земли, больше планеты Меркурий и почти столь же велик, как Марс. Когда антигравитационный флот будет построен, Ганимед быстро станет главной базой федерации в системе Юпитера. Наконец командор Донахью закончил свою речь и благословил корабль голосом, охрипшим от волнения. Участники проекта группами по пять-шесть человек стали исчезать во входных кессонах, возвращаясь в недра Юпитера Девять. Остались только те, кто должен был принять участие в первом полете «Луны Юпитера». Один за другим они поднимались к входному люку. Командор Донахью шел первым. Лаки и Бигман взошли на борт последними. При их появлении командор Донахью подчеркнуто недружелюбно отвернулся. Бигман дотянулся до уха Лаки, чтобы шепнуть:

— Ты заметил, Рэд Саммерс на борту.

— Я знаю.

— Тот самый тип, который хотел убить тебя.

— Я все вижу.

Антигравитационный корабль поднимался, вернее, величественно всплывал. Несмотря на пониженную в несколько раз по сравнению с Землей силу гравитации, стартовая скорость была невелика. Даже при полном отсутствии гравитации первоначальная скорость не была бы большой. Сотни тонн массы корабля оставались неизменными, а, следовательно, неизменной оставалась и инерция. Такую массу так же трудно привести в движение, как и остановить ее, или, если на то пошло, изменить направление движения. Вначале медленно, а затем все быстрее и быстрее амфитеатр, служивший ложем корабля, удалялся. Юпитер Девять уплывал и превращался на видеоэкранах в шероховатую серую скалу. Сверкающие созвездия обступали корабль со всех сторон и Юпитер Девять стал похож на сияющий мраморный шар. Джеймс Паннер приблизился к Лаки и Бигману.

— Почему бы вам не присоединиться ко мне? Пообедаем вместе. В рубке управления еще долго не будет ничего интересного.— Его широкий рот растянулся в улыбке, собрав складки на щеках и даже на шее.

— Спасибо,— ответил Лаки.— Очень любезно с вашей стороны.

— Ну,— продолжал Паннер,— командор приглашать вас не собирается. Все остальные также относятся к вам с некоторой неприязнью. Мне не хочется оставлять вас в одиночестве. Путешествие у нас будет долгим.

— А вы не относитесь ко мне с неприязнью, доктор Паннер? — сухо спросил Лаки.

— Конечно, нет. Вы проверили меня, советник, и, как мне кажется, проверку я прошел успешно.

Каюта Паннера была маленькой и все едва разместились в ней. Очевидно, на первом антигравитационном корабле удобствам уделялось мало внимания, и площадь жилых помещений была сокращена настолько, насколько позволяла инженерная изобретательность. Паннер достал три банки корабельного рациона — концентрированную пищу, повсеместно употребляемую вне Земли. Бигман и Лаки почувствовали себя почти как дома: запах разогретой пищи, чувство обступающих стен и необъятного пространства за ними, тихий гул гиператомных двигателей, от которых чувствовалась легкая вибрация. Если понимать буквально древнее выражение «музыка сфер», только так можно было назвать звуки, обычно сопровождающие космические полеты.

— Сейчас мы миновали скорость убегания Юпитера Девять,— заметил Паннер,— то есть, можем двигаться по инерции, не опасаясь упасть на его поверхность.

Лаки кивнул.

— Я понимаю. Мы начинаем свободно падать на Юпитер.

— Да. Падать пятнадцать миллионов миль. Как только мы наберем достаточную скорость, перейдем на антигравитацию.

Пока Паннер говорил, он достал часы. Нажал кнопку и на большом диске из бесцветного металла появились светящиеся цифры. Их окружала блестящая белая линия, переходящая в багровую и вновь меняющая цвет на белый.

— Переход на антигравитацию запланирован так скоро? — спросил Лаки.

— Подождем немного,— ответил Паннер. Он положил часы на стол, и обед продолжался в полном молчании.

Паннер вновь поднял часы.

— Осталось менее минуты. Все произойдет полностью автоматически.— Хотя главный инженер говорил достаточно спокойно, руки его, держащие часы, дрожали весьма заметно.

— Сейчас,— сказал Паннер.

Воцарилась тишина. Гул гиператомных двигателей смолк. Вся энергия, потребляемая системами корабля и идущая на создание псевдогравитационных полей, поступала теперь от гравитационного поля Юпитера.

— Точка в точку! Прекрасно! — сказал Паннер. Его широкое простоватое лицо не могло скрыть рвущуюся наружу улыбку.— Теперь мы действительно на антигравитационном корабле.

Лаки тоже улыбнулся.

— Примите мои поздравления. Я рад находиться на этом корабле.

— Я думаю! Вы всеми силами добивались своего. Бедняга Донахью.

Лаки мрачно сказал:

— Я сожалею, что должен был так надавить на командора, но

у меня не было выбора. Тем или иным способом я должен был попасть на борт корабля.

Глаза Паннера сузились, когда он уловил мрачность в голосе Лаки.

— Должен был?

— Должен! Я не сомневаюсь, что на борту корабля находится шпион, которого мы разыскиваем.

Паннер мрачно спросил Лаки:

— Почему?

— Сириниты, естественно, желают проникнуть во все тайны антигравитационного корабля. Если их метод шпионажа надежен, как это было до сих пор, почему бы им не продолжить разведку на борту действующего корабля?

— И вы подозреваете в одном из четырнадцати человек, присутствующих на борту, робота?

— Именно это я и хотел сказать.

— Но экипаж корабля был подобран задолго до полета!

— Сириниты могли знать принципы и методы отбора так же, как знают уже очень многое из проекта. Запрограммировать робота так, чтобы он попал в члены экипажа, достаточно легко.

— Вы слишком верите в их возможности, — пробормотал Паннер.

— Я только допускаю это, — ответил Лаки.— Но может быть и другой вариант.

— Какой же?

— Человекоподобный робот путешествует на корабле зайцем.

— Весьма неправдоподобно,— отрезал Паннер.

— Нет, вполне возможно. Он легко мог пробраться на корабль в предстартовой неразберихе. Перед тем, как командор начал свою речь, я попытался наблюдать за кораблем — уследить за всеми оказалось невозможно. К тому же девять десятых корабля составляют инженерные отсеки. А там немало укромных уголков.

Паннер задумался над сказанным.

— Не так уж много, как вам могло показаться.

— Тем не менее мы должны обследовать корабль. Хотите нам помочь, доктор Паннер?

— Я?

— Как главный инженер, вы должны знать устройство инженерных отсеков лучше кого бы то ни было. Мы пойдем с вами.

— Подождите, это же напрасный труд.

— Доктор Паннер, если даже зайца и нет, мы все же кое-что выиграем. Тогда мы сможем сконцентрировать внимание на людях, находящихся на борту легально.

— Только мы трое?

— Кому мы можем доверять настолько, чтобы просить о помощи? Любой, к кому мы обратимся, может оказаться роботом, которого мы разыскиваем. Давайте прекратим дискуссию. Вы хотите помочь нам, доктор Паннер? Я прошу вашего содействия, как член Совета Наук.

Паннер неохотно поднялся.

— Как видно, я должен вам помочь.

Они пробирались по узкому проходу вниз, к первому инженерному уровню. Рассеянный свет не создавал теней, позволяя рассмотреть огромные устройства, заполнявшие корабль. Не было ни души, ни малейших гулов, обнаруживающих работу систем, принимающих и распределяющих гигантскую энергию. Потрясенный Бигман озирался, не находя ничего привычного. Казалось, что вокруг не осталось ни одного агрегата, обычного для кораблей типа «Метеор».

— Все запечатано,— сказал он.

Паннер кивнул и тихо ответил:

— Все автоматизировано настолько, насколько возможно. Необходимость вмешательства человека сведена к минимуму.

— А как насчет ремонта?

— Его не должно быть,— сказал инженер решительно.— Здесь на каждом шагу альтернативные цепи и дублирующая аппаратура, все приспособлено для автоматического переключения после самопроверки.

Паннер вел их по узкому проходу, двигаясь впереди, но шел он медленно, словно опасаясь неожиданного нападения кого-то или чего-то. Методично, уровень за уровнем, продвигались они от центрального тоннеля по радиальным переходам. Паннер проверял каждый уголок помещений с уверенностью специалиста. Наконец они попали в самый нижний отсек и остановились возле главных двигательных дюз. Гиператомные двигатели с огромной силой выбрасывали через них раскаленные газы, двигая корабль при обычном, неантигравитационном полете. Если взглянуть на корабль снаружи, эти дюзы представляли собой четыре гладкие трубы, каждая вдвое толще человека, скрывающиеся в корабле и заканчивающиеся под кожухами громадных гиператомных двигателей.

Внезапно Бигман воскликнул:

— Ха! А сопла! В них-то!

— Нет,— ответил Паннер.

— Почему нет? Робот прекрасно может спрятаться там.

— Гиператомных толчков достаточно, чтобы разрушить любого робота,— сказал Лаки.— Меньше часа назад таких толчков было несколько. Нет, сопла отпадают.

— В таком случае,— сказал Паннер,— в инженерных отсеках никого нет. И ничего нет.

— Вы уверены?

— Да, не осталось места, которого мы не осмотрели, а маршрут, выбранный мной, исключает возможность кому-либо обойти нас и оказаться здесь.

Их голоса вызывали слабое эхо в тоннелях корабля.

— Пески Марса,— произнес Бигман.— У нас осталось четырнадцать клиентов.

— Меньше,— задумчиво ответил Лаки,— трое находящихся на борту уже обнаружили в свое время эмоции: командор Донахью, Гарри Норрич, Рэд Саммерс.

— Не забудьте и меня,— криво усмехнулся Паннер.— Я не подчинился приказу. Остается десять.

— Здесь возникает один нюанс,— произнес Лаки.— Вы знаете что-нибудь о роботехнике?

— Я?— удивленно произнес Паннер.— Никогда в жизни не имел дела с роботами.

— Вот именно,— сказал Лаки.— Земляне создали позитронный мозг и усовершенствовали его. И все же, не считая нескольких специалистов, земные инженеры очень слабо разбираются в роботехнике. Причина в недостаточном использовании роботов на Земле. Роботехнику не изучают в школе и с роботами не сталкиваются в практической жизни. Я сам знаю не больше, чем три закона роботехники. Командор Донахью не смог даже процитировать их. Сириниты же, с их насыщенной роботами экономикой, должны быть сверхмастерами во всех областях роботехники. Вчера и сегодня я с пользой провел время, изучая микрофильм об успехах роботехники. Я проделал большую работу, перерыв всю библиотеку проекта, но нашел только один микрофильм на эту тему.

— И что же?— спросил Паннер.

— Мне стало ясно, что три закона роботехники не так просты, как можно подумать. Однако пора идти. По пути обратно мы можем еще раз проверить инженерные уровни.

Лаки двинулся назад, с острым интересом разглядывая оборудование нижнего уровня.

— Я думал,— продолжал Лаки,— достаточно отдать каждому члену экипажа какой-либо оскорбительный приказ и отметить, будет ли он выполнен. Я действительно так думал, но подобному эксперименту не достает строгости. Существует теоретическая возможность настроить позитронный мозг на выполнение тех приказов, которые непосредственно примыкают к сфере прямых обязанностей роботов. Неуместные приказы, или приказы, противоречащие прямым обязанностям, все же могут быть выполнены, если они подкреплены кодовым знаком — словами или жестами — либо отдающий приказ может идентифицировать себя как существо, имеющее право отдавать подобные приказы. Таким образом, роботом может управлять только человек, полностью знакомый с особенностью его программы, что недоступно постороннему.

Паннер, уже взявшийся было за поручни лестницы, отпустил их и повернулся к Лаки:

— Вы считаете, что мой отказ снять рубашку ничего не доказал?

— Я сказал, что ваш отказ мог ничего не значить. Раздевание в тот момент было неуместным и не имело прямого отношения к вашим обязанностям. А мой приказ мог быть отдан неподходящим образом.

— В таком случае, вы опять меня обвиняете! Я — робот?

— Нет. Это невозможно. Сириниты не могли выбрать для подмены главного инженера проекта. Робот, способный выполнять вашу работу, должен обладать такими знаниями, какими не располагают сириниты... А если бы обладали, то необходимость в таком шпионе не возникла бы.

— Спасибо,— кисло сказал Паннер и вновь повернулся к поручням.

Но тут зазвенел голос Бигмана:

— Стой, Паннер!— маленький марсианин держал наготове игольчатое оружие.— Подожди-ка, Лаки. Как мы можем доверять его знаниям гравитации? Он же никогда не обнаруживал своей эрудиции. Мы только можем предполагать это. Где он был, когда «Луна Юпитера» перешла на антигравитацию? Сидел в своем углу и не высовывался, вот где он был.

— Я тоже думал об этом, Бигман,— сказал Лаки.— Наше сомнение послужило одной из причин прогулки по кораблю. Я все время наблюдал за ним, Паннер несомненно знаком с оборудованием корабля — не будь он специалистом в своем деле, он не смог бы с такой уверенностью проверять все комплексы корабля.

— Вы удовлетворены, марсианин?— требовательно спросил Паннер с плохо скрытым гневом.

Бигман спрятал свое оружие и без дальнейших слов полез вслед за Паннером по лестнице. На следующем уровне они остановились, вторично осматривая его.

— Итак, осталось десять человек,— сказал Паннер.— Два офицера, четыре инженера, четверо рабочих. Что вы намерены сделать? Просветить рентгеном каждого из них? Или что-нибудь в этом роде?

Лаки покачал головой.

— Это слишком рисковано. Сириниты достаточно умны, чтобы защитить робота от такого провала. Наверняка они приготовили какой-нибудь хитрый трюк. Если они смогли подготовить робота для выполнения задания и передачи сообщений, то позаботились и о сохранении секретности. Очевидно, робот не сможет сохранить секрет, если человек задаст правильно сформулированный вопрос, имеющий целью разоблачить его. Что должны были сделать сириниты в подобном случае? Вмонтировать в робота взрывное устройство, которое придет в действие при любой попытке разоблачить его?

— Вы считаете, что при рентгеновском просвечивании робот взорвется?

— Скорее всего. Величайшая тайна робота — это его личность. Взрывное устройство может прийти в действие в любом случае, который сириниты посчитают попыткой установить его личность. Они не предусмотрели В-лягушку,— добавил печально Лаки.— Против нее взрыватель не сработал. Им пришлось приказать роботу убить ее, чтобы самому остаться нераспознанным.

— А разве при взрыве робот не причинит вреда находящимся поблизости людям? Как быть с первым законом,— спросил Паннер с ноткой сарказма.

— Он не нарушит первый закон. Взрыватель не контролируется позитронным мозгом. Взрыв произойдет в результате вопроса или другого действия, а не как результат деятельности самого робота.

Разговаривая, они поднялись на следующий уровень.

— В таком случае, что же вы все-таки намерены делать?— настойчиво повторил вопрос Паннер.

— Я не знаю,— откровенно признался Лаки.— Робот не может быть создан так, чтобы чем-нибудь не выдать себя. Три закона, каким бы фантастическим способом не были модифицированы, обязаны работать. Вся загвоздка в роботехнике. Если бы я знал, как заставить робота сделать что-нибудь не свойственное человеку и не привести при этом в действие взрыватель, которым, возможно, он оснащен! Если бы я мог манипулировать тремя законами так, чтобы заставить один из них войти в достаточное противоречие с другим и тем самым полностью парализовать это создание, если бы я...

Паннер невежливо перебил его:

— Ну, если вы рассчитываете на мою помощь, советник, то напрасно. Я уже говорил, что ничего не знаю о роботехнике.— Он внезапно повернулся.— Что там?

Бигман тоже оглянулся.

— Я ничего не слышал.

Паннер начал молча протискиваться назад, почти теряясь в переплетениях металлических труб. Он забрался так далеко, как только смог. Его спутники следовали за ним.

— Этот «кто-то» мог втиснуться между реактификаторами,— пробормотал он.— Позвольте мне пройти.

Лаки, нахмурившись, смотрел на лес изогнутых металлических кабелей, окружавших их в единственном свободном углу.

— Мне кажется, там никого нет,— сказал Лаки.

— Для уверенности надо проверить,— напряженно произнес Паннер. Он открыл какую-то панель в стене и стал забираться туда.— Не двигайтесь,— раздался его голос.

— Ничего не случилось,— раздраженно проговорил Бигман,— здесь никого нет.

Паннер откликнулся:

— Я знаю. Я просил вас не двигаться, так как не хотел остаться без руки, когда устанавливал силовое поле.

— Что за силовое поле?

— Я изогнул силовое поле вокруг коридора. Сейчас вы заперты так же надежно, как за трехфутовой стальной стеной.

— Пески Марса!— завопил Бигман.— Лаки, он действительно робот!— Бигман вскинул руку.

Паннер тотчас закричал:

— Не трогай оружие, ты, идиот! Убьешь меня, а как вы выберетесь отсюда?— Он уставился на Бигмана, его темные глаза сверкали, широкие плечи сузились.— Помните, энергия может проникнуть сквозь силовое поле, материя — нет. Не могут даже молекулы воздуха. Вы задохнетесь здесь раньше, чем кто-нибудь случайно вас обнаружит.

— Я же говорил — это робот!— закричал Бигман в яростном отчаянии.

— Ты ошибаешься, я не робот. Но если здесь есть робот, то я знаю, кто это,— воскликнул Паннер.

— Кто?— тотчас потребовал Бигман.

— Очевидно, он считает роботом одного из нас,— произнес Лаки.

— Может быть!— сказал Паннер.— А как вы будете оправдываться? Вы упоминали зайцев, говорили о людях, заставивших взять себя на борт «Луны Юпитера». Имели наглость говорить это! Не здесь ли те двое, которые заставили взять себя на борт! Не я ли был тому свидетелем? Вы двое!

— Весьма правдоподобно,— сказал Лаки.

— И я еще провел вас по всему кораблю? Вы рассмотрели каждый дюйм корабельных агрегатов. Вы пытались завлечь меня россказнями о роботах, стараясь притупить мое внимание. Вы буквально с микроскопом обошли весь корабль.

Бигман возмутился:

— Мы имели на это право. Это же Лаки Старр!

— Он говорит, что он Лаки Старр. Если он член Совета Наук, то легко может доказать это и знает, каким образом. Будь я немного поумнее, я потребовал бы установить его личность прежде, чем повел вас по кораблю.

— Не поздно и сейчас,— холодно произнес Лаки.— Вам хорошо видно оттуда?— Он поднял руку ладонью вперед и закатал рукав.

— Я не подойду ближе,— гневно произнес Паннер.

Лаки ничего не ответил. За него все сказала его рука. Кожа на внутренней части его запястья много лет назад была обработана весьма сложным образом. Отзываясь на особое усилие воли Лаки, на его запястье потемнело и постепенно стало черным овальное пятно. Внутри пятна маленькие желтые точки расположились в виде Большой Медведицы и Ориона. Паннер ловил открытым ртом воздух. Не многие из людей имели возможность видеть этот знак Совета, но каждый с детства знал о том, что этот неизменный знак удостоверяет личность члена Совета Наук. У Паннера не осталось выбора. Молча, с видимой неохотой, он снял силовое поле и выбрался из своего укрытия. Бигман яростно бросился на него.

— Я сверну тебе челюсть! Ты, недоразвитый...

Лаки оттащил его в сторону.

— Забудем об этом, Бигман. Человек имел такое же право подозревать нас, как мы подозревали его. Успокойся.

Паннер пожал плечами.

— Логично.

— Да. Я думаю, теперь мы можем доверять друг другу.

— Вы — *может быть,— язвительно произнес главный инженер,*— вы удостоверили свою личность. А как насчет этого маленького крикуна? Кто удостоверит его личность?

Бигман бессвязно завизжал и ринулся вперед. Лаки едва успел перехватить его.

— Я удостоверяю его личность и несу за него полную ответственность... Теперь нам, пожалуй, пора вернуться, пока нас не начали разыскивать. Все, что произошло здесь, остается, конечно, строго между нами.

Затем, словно ничего не случилось, они продолжали подни-

маться наверх. В каюте, предоставленной советнику, была двухъярусная кровать и умывальник, из которого могла течь лишь маленькая струйка воды. Даже, казалось, тесные каюты «Метеора» были роскошными по сравнению с этой. Пока Лаки обтирал губкой шею и плечи, Бигман уселся на верхнюю койку, скрестив ноги. Они разговаривали шепотом — у стен тоже могут быть уши.

— Послушай, Лаки,— начал Бигман,— предположим, я подойду к каждому человеку на корабле, я имею в виду тех десятерых, о которых мы ничего не знаем. Предположим, я затею с каждым из них драку, обзову как следует или что-нибудь в этом роде? Не будет ли обозначать, что парень, не решающийся меня ударить, и есть робот?

— Не обязательно. Этот человек может не захотеть нарушить корабельную дисциплину, или знать, как ловко ты обращаешься с игольчатым оружием, или не решится враждовать с Советом Наук, или не пожелает бить человека ниже его ростом.

— О, не продолжай, Лаки,— Бигман помолчал, а затем осторожно спросил:

— Я все думаю, почему ты так уверен, что робот на корабле? А не мог ли он все же остаться на Юпитере Девять?

— Это, конечно, возможно. И все-таки я уверен, что робот здесь, на корабле. Не знаю почему, но уверен,— задумчиво произнес Лаки и глаза его потемнели. Он прилег на кровать и постучал ногтем по зубам.— В этот первый день, когда мы прибыли на Юпитер Девять, что-то случилось.

— Что?

— Если бы мне было известно? Догадка вертелась у меня в голове в ту первую ночь. Я знал, или думал, что знаю, что-то важное, но оно как-то ускользнуло от меня. Я не могу вернуть это ощущение. Великая Галактика! Клянусь, если бы я был на Земле, то подвергнулся бы добровольно психообработке. Я старался, как только мог! Упорно думал, полностью отключал сознание. Когда мы были на нижних уровнях вместе с Паннером, я заставлял себя говорить. Я надеялся, если обсуждать все аспекты этой задачи, мысль опять появится. Нет. Из-за этой мысли я чувствую такую уверенность. Я не сомневаюсь, что один из членов экипажа — робот. Я сделал подсознательный вывод — мне бы только прикоснуться к этой мысли и я буду знать ответ. Мне бы только прикоснуться к ней.

Лаки говорил почти отчаянно. Бигман никогда не видел Лаки в таком состоянии. Он произнес обеспокоенно:

— Эй, нам лучше немного поспать.

— Да, лучше поспать.

Немного позже Бигман прошептал в темноту:

— Эй, Лаки, а почему ты так уверен, что я не робот?

Лаки прошептал в ответ:

— Потому что сириниты не могли бы создать робота с таким отвратительным лицом,— он быстро поднял руку, защищаясь от летящей подушки.

Шли дни. На полпути к Юпитеру они миновали внутренний и

наиболее плотный пояс маленьких лун, из которых только Шестая, Седьмая и Десятая имели собственные номера. Юпитер Семь выглядел яркой звездой, но остальные были достаточно далеко, чтобы затеряться на фоне созвездий. Сам Юпитер вырос до размера Луны, как ее видно с Земли. Поскольку корабль приближался со стороны Солнца, Юпитер оставался в «полной» фазе. Вся его видимая поверхность была освещена солнцем. Ни тени ночи не надвигалось на планету. Будучи размером с Луну, Юпитер все же не был столь ярок. Его покрытая облаками поверхность отражала в восемь раз больше света, чем голые, покрытые пылью скалы Луны. Но квадратная миля поверхности Юпитера получала в двадцать семь раз меньше солнечного света, чем та же поверхность Луны. В результате сейчас Юпитер был втрое менее ярок, чем Луна, какой ее видят люди с Земли. И все же Юпитер выглядел более эффектно, чем Луна. Его полосы были ясно различимы — коричневатые ленты с мягко размытыми краями на кремнево-белом фоне. Даже можно было разглядеть ровный, бледно-желтый овал — Большое Красное Пятно, появившееся на одном краю диска, пересекающее лик планеты и скрывающееся за другим ее краем.

— Эй, Лаки, Юпитер кажется не совсем круглым. Это что, оптический обман?— спросил Бигман.

— Ничуть,— ответил Лаки.— Юпитер действительно не круглый. Он сжат с полюсов. Ты ведь слышал, что Земля сжата у полюсов, не так ли?

— Уж будь уверен. Но Земля сжата недостаточно, что это заметить.

— Конечно, нет. Подумай, окружность Земли по экватору пять тысяч миль, и она делает один оборот за двадцать четыре часа, следовательно, скорость точки на экваторе чуть больше тысячи миль в час. Центробежная сила растягивает экватор так, что диаметр Земли по экватору на двадцать семь миль больше, чем диаметр от Северного до Южного полюса. Разность между диаметрами составляет около трети процента, и Земля из пространства выглядит почти как идеальный шар.

— О!

— Теперь возьмем Юпитер. Его экватор 276000 миль — одиннадцать окружностей Земли — и он обращается вокруг своей оси только за десять часов; если быть точным, даже на пять минут меньше. Точка его экватора движется со скоростью почти в двадцать восемь миль в час, или в двадцать восемь раз быстрее, чем любая точка на поверхности Земли. Возникает значительно большая центробежная сила и значительно большее экваториальное растяжение. Кстати, вещество внешних областей Юпитера значительно легче земной коры. Экваториальный диаметр Юпитера примерно на шесть тысяч миль больше расстояния от северного до южного полюса этой планеты. Разность диаметров составляет добрых пятнадцать процентов и легко различима даже невооруженным глазом.

Бигман уставился на сплющенное пятно света, бывшее Юпитером, и пробормотал:

— Пески Марса!

«Луна Юпитера» находилась сейчас над теневой стороной планеты, и Солнца не было видно. Они пересекли орбиту Каллисто, Юпитера Четыре, наиболее отдаленного от главных спутников планеты-гиганта. Этот мир отстоял от Юпитера на полмиллиона миль и был так же велик, как Меркурий, но располагался в данный момент в противоположной точке своей орбиты и маленькой горошиной просвечивал сквозь атмосферу Юпитера. Ганимед — Юпитер Три, был достаточно близко. Можно было различить его диск, казавшийся отсюда втрое меньшим земной Луны. Три четверти поверхности Ганимеда было палево-белым.

Очень быстро Лаки и Бигман обнаружили, что не пользуются популярностью среди экипажа. Их просто-напросто игнорировали. Командор никогда не заговаривал с ними и даже, проходя мимо, упорно смотрел в сторону. Норрич, как-то шедший с Мэттом, приветливо кивнул, как делал это всегда, почувствовав присутствие людей. Однако, услышав ответное приветствие Бигмана, быстро согнал с лица улыбку. Двое друзей решили, что гораздо приятнее оставаться в своей каюте. Бигман ворчал:

— Что они о себе воображают? Даже этот умник Паннер становится страшно занят, стоит мне появиться

— Успокойся,— сказал Лаки.— Во-первых, командор ясно сказал, что мы попали в его черный список и субординация не позволяет остальным выказывать дружелюбие. Во-вторых, наше знакомство с некоторыми из этих людей не было особенно приятным.

Бигман задумчиво проговорил:

— Я сегодня встретил этого типа — Рэда Саммерса. Он выходил из инженерных помещений, и я столкнулся с ним нос к носу.

— И что же произошло? Ты не...

— Я ничего не сделал. Я только стоял и ждал, что он будет делать. Я надеялся, что он что-нибудь предпримет, но он только улыбнулся и прошел мимо.

В тот день каждый член экипажа наблюдал за Ганимедом, затмевающим Юпитер. Подлинного затмения в полном смысле этого слова не произошло. Несмотря на диаметр в 600000 миль и видимый размер в половину земной Луны, Ганимед был в четырнадцать раз меньше распухшего диска Юпитера, грозного и пугающего. Ганимед встретился с Юпитером чуть ниже его экватора, и на некоторое время два шара, казалось, слились. Затем на поверхности Юпитера возникло тусклое кольцо — атмосфера Ганимеда отражала существенно меньше света. Темный диск в окружении серого кольца был особенно хорошо виден в моменты пересечения поясов Юпитера. Необычной деталью был серпик тьмы, двигающейся по поверхности Юпитера вслед за Ганимедом и постепенно догонявший его. Это была тень, отбрасываемая Ганимедом. Тень, вернее, ее видимая грань, становилась все уже и уже. В тот момент, когда Юпитер, Ганимед и «Луна Юпитера» образовали одну линию с Солнцем, узкий серпик темноты исчез совсем. По мере движения Ганимеда тень снова появилась, но уже с другой стороны. Она росла до тех пор, пока Ганимед не покинул шар Юпите-

ра. Полное затмение продолжалось три часа. «Луна Юпитера» миновала орбиту Ганимеда, когда спутник находился в противоположной точке своей семидневной орбиты. Когда произошло это событие, на корабле состоялся небольшой праздник. Корабли Солнечной Системы не часто достигали Ганимеда и спускались на него. Но еще никогда, ни один человек не проникал ближе к Юпитеру. Теперь это стало возможно благодаря антигравитационному кораблю. Он прошел в сотне тысяч миль от Юпитера Два, наименьшего из главных спутников Юпитера. Хотя его диаметр имел всего девятнадцать сотен миль, но это немногим меньше диаметра Луны. Близость к этому спутнику позволила подробно рассмотреть его поверхность. Отчетливо были видны темные пятна, напоминающие горные цепи — корабельные телескопы подтвердили это предположение. Выделялись также сверкающие полосы, похожие на ледяные поля. Корабль миновал орбиту Европы и спустился ниже. Ио — внутренний из главных спутников Юпитера, размером почти с земную Луну. Более того, ее расстояние от Юпитера всего 285000 миль, немногим больше, чем расстояние от Земли до Луны. Но этим сходство ограничивалось. В то время как Луна в слабом гравитационном поле Земли завершает полный оборот за четыре недели, Ио, пойманная гравитацией Юпитера, обегает свою орбиту за сорок два часа. Луна движется вокруг Земли со скоростью чуть больше тысячи миль в час, а скорость Ио на орбите вокруг Юпитера составляет двадцать две тысячи миль в час, что делает посадку на нее гораздо более сложной. Однако «Луна Юпитера» совершила удачный маневр. Корабль двигался по орбите Ио так, что спутник его догонял. В соответствующий момент гравитация была отключена. Резким ударом вернулся рев гиператомных двигателей. Каскады звуков сменили тишину последних недель. Под действием гравитационного поля Ио траектория корабля изменилась. Теперь он занял орбиту вокруг спутника Юпитера. Менее десяти тысяч миль отделяло корабль от поверхности Ио. Шар Ио заполнил полнеба. Корабль двигался от дневной стороны к ночной, постепенно спускаясь все ниже и ниже. Хрупкие конструкции антигравитационного приемника были сложены еще до входа в разреженную атмосферу Ио. Наконец раздался тонкий свист — корабль вошел во внешние слои атмосферы. Скорость падала вместе с высотой. Боковые сопла развернули корабль кормой к планете, и вновь раздался гром гиператомных двигателей. Еще одна коррекция, легкий скрежет, и корабль успокоился на поверхности Ио. На борту «Луны Юпитера» царило нечто похожее на повальное сумасшествие. Даже Лаки и Бигман получили свою порцию дружеских тычков и затрещин от людей, сторонившихся их на протяжение всего полета. Часом позже темная ночь Ио встретила людей. В скафандрах, во главе с командором Донахью, они спустились на поверхность Юпитера Один. Шестнадцать человек. Первые люди, ступившие на поверхность Ио.

«Ну нет», подумал Лаки. «Пятнадцать человек! И один робот!»

Первым впечатлением от нового мира был Юпитер. Он заставил всех остановиться и повернуться к нему. Он заставил всех заме-

реть и замолчать. В шлемофонах не было слышно привычной болтовни. Юпитер был выше слов. Его гигантский шар занимал восьмую часть видимого неба. Будь он полным, его свет в две тысячи раз превосходил бы светимость земной луны, но ночная тень отрезала от него треть. Яркие волны и темные пояса уже не были коричневыми. Юпитер поражал теперь яркостью и чистотой красок. Розовый, зеленый, голубой и пурпурный — удивительное сочетание цветов переливалось на поверхности Юпитера. Большое Красное Пятно тяжеловесно вздымалось над горизонтом — оно производило впечатление медленно вращающейся воронки смерти. Экипаж «Луны Юпитера» долго наблюдал за гигантской планетой, но Юпитер не сдвинулся с места, низко повиснув над горизонтом Ио.

— Что за место для телескопа!— пробормотал Бигман, настроившись на длину волны Лаки.

— Скоро его установят,— ответил Лаки. Телескоп и еще кое-какое оборудование.

Бигман прикоснулся к шлему Лаки, чтобы привлечь его внимание и быстро проговорил:

— Посмотри на Норрича! Бедняга! Он ничего этого не видит!

— Я уже заметил его,— ответил Лаки.— Он взял с собой Мэтта.

— Да. Пески Марса! Доставил же он хлопот Норричу! Скафандр для собаки — тонкая работа. Я видел, как он одевал Мэтта перед выходом, ты тогда был занят посадочным маневром. Норрич должен был проверить, сможет ли Мэтт слышать команды и выполнять их. Похоже, все работает нормально.

Лаки кивнул. Поддавшись внезапному порыву, он быстро двинулся по направлению к Норричу.

Сила тяжести на Ио была чуть большей, чем на Луне, и опытные астронавты — Лаки и Бигман — привычно адаптировались к пониженной гравитации. Несколько больших плавных шагов и они оказались рядом с инженером.

— Норрич,— заговорил Лаки, переходя на длину волны инженера.

Норрич, конечно, не смог определить направление звука, пришедшего из наушников, и беспомощно оглядывался.

— Кто это?

Лаки Старр.— Они стояли лицом к лицу и сквозь прозрачное забрало шлема Лаки видел сумасшедшую радость на лице Норрича.— Вы счастливы, что попали сюда?

— Счастлив. Вы сами чувствуете. Юпитер очень красив?

— Очень. Хотите, я опишу его вам?

— Нет, не стоит. Я видел его в телескоп, когда... когда еще не ослеп. Сейчас я вижу его разумом. Это как раз то... Не знаю, смогу ли я вам объяснить. Мы — одни из немногих людей, первыми стоящих на поверхности нового мира. Вы понимаете, в какую особую группу мы попали?

Рука Норрича опустилась, чтобы погладить по голове Мэтта, но, конечно, наткнулась на гладкий шлем. Сквозь вытянутую часть прозрачного собачьего шлема Лаки видел высунутый язык и беспокойно бегающие глаза Мэтта. Собаке было явно не по себе: голос

приходил неизвестно откуда и не ощущалось привычного тепла хозяйского тела.

— Бедняга Мэтт!— тихо сказал Норрич.— Низкая гравитация приводит его в замешательство. Я не буду долго оставаться снаружи.

Он помолчал и продолжал со все возрастающей страстностью:

— Подумайте обо всех триллионах людей галактики. И сколь немногие имели счастье быть первыми. Почти всех их можно назвать по именам: Ясновский и Стерлинг первыми вступили на Луну, Чинг был первым на Марсе, Лабелл и Смит — на Венере... Сосчитайте всех первых, даже включая посетивших астероиды и планеты у других светил, и вы увидите, как их мало! И мы среди всех этих немногих. Я среди этих немногих.

Он раскинул руки, словно старался обнять весь спутник.

— Своим счастьем я обязан Саммерсу. Ему удалось разработать новую технологию ведущих контактов. Это всего лишь деталь линейного ротора, но идея Саммерса сохранила два миллиона долларов и годы времени. А ведь он даже не специалист, всего лишь механик. В качестве вознаграждения ему предложили место в экипаже. Знаете, что он ответил? «Это место заслужил Норрич». Руководство проекта все это прекрасно знало, но также знало, что я слеп. Но Саммерс напомнил им причину моего недуга и отказался принять участие в полете, если в экипаже не будет меня. Так мы оба оказались на борту корабля. Вы плохо думаете о Саммерсе. Но я хочу, чтобы вы знали мое мнение о нем как о человеке.

Во всех шлемофонах зазвенел голос командора.

— Пора приступать к работе. Юпитер останется на месте, успеете налюбоваться им.

Через несколько часов корабль был разгружен, натянуты тенты и установлено оборудование. Временные герметические купола с нормальной атмосферой были заранее подготовлены для размещения штаб-квартиры экспедиции. Однако людей нельзя было заставить не любоваться необычным небом. Случилось так, что все три больших спутника Юпитера находились на небе. Европа была ближе всех и выглядела чуть меньше земной Луны. Ее полумесяц висел у восточного горизонта. Ганимед, выглядевший несколько меньше, находился в зените и был освещен наполовину. Каллисто, величиной только с четверть земной Луны, располагалась в непосредственной близости от Юпитера и, подобно ему, была полна на две трети. Все три спутника не давали вместе и четверти света земного полнолуния и только терялись в присутствии Юпитера. После задумчивого изучения восточного горизонта Лаки опустил глаза на своего маленького друга.

— Ты думаешь, что ничто не может затмить Юпитер, не так ли?

— Здесь — нет,— решительно ответил Бигман.

— Тогда понаблюдай,— улыбнулся Лаки.

В разреженной атмосфере Ио не было ни рассвета, достойного упоминания, ни его предвестников. Над грядой покатых вершин, покрытых льдом, появилась лишь бриллиантовая искра. Несколькими секундами позже поднялось Солнце. Всего лишь крохотная

жемчужинка, маленький блестящий кружок, но Солнце посылало много, много больше света, чем гигантский Юпитер. Телескоп удалось установить до того, как Каллисто скрылась за Юпитером. Ио, хотя и обращена одной стороной к Юпитеру, делает полный оборот за сорок два часа, все светила проходят по небосводу Ио за те же сорок два часа. Что же касается спутников, Ио движется быстрее любого из них и постоянно опережает их в гонках вокруг Юпитера. Наиболее далекая и медлительная Каллисто совершает круг по небу Ио за два дня, Ганимед за четыре, Европа за семь. Каждый двигается с востока на запад и каждый должен пройти за Юпитер. Возбуждение, вызванное затмением Каллисто, которой первой предстояло скрыться за Юпитером, было чрезмерным. Казалось, оно заразило даже Мэтта. Ему все больше и больше нравилось слабое тяготение, и временами Норрич отпускал его на волю. Совершая комичные прыжки, Мэтт тщетно пытался исследовать своим носом многочисленные предметы, постоянно попадающиеся под ноги.

Наконец, когда Каллисто достигла раскаленного края Юпитера, все люди замерли, Мэтт тоже присел на задние лапы, надежно защищенные скафандром, и уставился на небо. Несмотря на потрясающий вид Юпитера, все ожидали именно Солнце. Его видимое движение было быстрее, чем на любом из спутников. Солнце настигло Европу, чей серп сошел на нет. Она оставалась в затемнении меньше тридцати секунд, потом вновь стала полумесяцем, но повернутым в другую сторону. Ганимед исчез за Юпитером прежде, чем Солнце настигло его, и в небе остались только Солнце и Юпитер. Люди с жадностью наблюдали, как жемчужина Солнца взбиралась в небо. По мере его движения освещенная часть Юпитера, всегда направленная к Солнцу, сужалась — сначала Юпитер стал как бы половинкой Луны, затем широким полумесяцем, потом узким. В разреженной атмосфере Ио освещенное солнцем небо было темно-пурпурным, лишь тусклые звезды виднелись на нем. На этом фоне сиял гигантский полумесяц, выпячивающийся к неуклонно приближающемуся Солнцу. Это было похоже на камень Давида, выпущенный из какой-то космической пращи в голову Голиафа. Свет Юпитера слабел и полумесяц его стал казаться желтоватой изогнутой нитью. А Солнце почти коснулось кромки планеты. Они соприкоснулись, и люди зааплодировали. Необходимость в шлемных светофильтрах отпала. Нестерпимый свет Солнца потускнел и уже не так резал глаза. Скрывшись за гранью Юпитера, Солнце не исчезло совсем. Тусклый красный кружок просвечивал сквозь водородно-галиевую атмосферу планеты-гиганта. Сам Юпитер не стал полностью темным, его атмосфера ожила, пронизанная солнечными лучами, и окружила планету поясом мягкого молочного света. Полоса света растягивалась по мере того, как Солнце двигалось за Юпитером, и пока два тонких полукольца медленно не сомкнулись, исчезнувшее тело Юпитера было очерчено светом. В небе висело бриллиантовое кольцо, достаточно большое, чтобы вместить две тысячи шаров размером с Луну. Но Солнце продолжало двигаться, и свет постепенно по-

мерк, пока на черном небе, усыпанном звездами, не остался только бледный полумесяц Европы.

— В течение пяти часов ничего нового не произойдет,— сказал Лаки Бигману,— затем все повторится в обратном порядке.

— И это происходит каждый раз через сорок два часа?— благоговейно спросил Бигман.

— Совершенно верно,— ответил Лаки.

На следующий день к ним подошел Паннер.

— Как ваши дела? Свою программу мы почти выполнили.— Он обвел широким жестом лежащую перед ними долину, уставленную приборами.— Как сами понимаете, скоро мы улетаем и оставим часть этого оборудования здесь.

— Как?— удивился Бигман.

— А почему бы и нет? Здесь некому повредить наше имущество, нет достойных упоминания погодных воздействий, все приборы надежно защищены от атмосферного аммиака, и все прекрасно сохранится до прибытия второй экспедиции.— Его голос внезапно понизился.— На вашей волне кто-нибудь еще есть, советник?

— Мой приемник никого не фиксирует.

— Не хотите ли прогуляться со мной?

Он повернулся и первым пошел по медленно повышающимся склонам невысоких холмов. Лаки переглянулся с Бигманом и двинулся следом за ним.

— Я должен попросить прощения за свое недружелюбное поведение на борту корабля. Я думал, так будет лучше,— начал Паннер.

— Мы не в обиде,— уверил его Лаки.

— Видите ли, я считал своей обязанностью провести собственное расследование и казаться в то же время вашим закадычным другом не входило в мои намерения. Я был уверен, что если буду лишь внимательно наблюдать, кто-нибудь выдаст себя, совершит нечто не человеческое. Вы понимаете, что я имею в виду? Боюсь, что я потерпел неудачу.

Они поднялись на вершину холма и оглянулись назад. Паннер весело сказал:

— Посмотрите на этого пса! Похоже, что низкая гравитация пришлась ему по вкусу.

Мэтт многому научился за последние несколько дней. Его тело медленно изгибалось и выпрямлялось во время двадцатифутовых прыжков, которые он совершал явно для собственного удовольствия. Паннер переключился на длину волны, отведенную для Мэтта, и закричал:

— Эй, Мэтт, иди сюда, Мэтт!— и засвистел.

Собака, конечно, услышала и подпрыгнула высоко в воздух. Лаки переключился на волну Мэтта и услышал восторженный лай. Паннер помахал рукой, и собака направилась к ним, но остановилась и оглянулась, как бы прикидывая, правильно ли поступает, оставляя хозяина одного. Мэтт продолжал приближаться, но уже медленнее.

Люди двинулись дальше. Лаки повернулся к Бигману.

— Сирианитский робот, построенный с целью одурачить нас, должен быть идеальной подделкой. Поверхностный осмотр вряд ли мог обнаружить его.

— Моя проверка не была поверхностной!— воспротивился Паннер.

В голосе Лаки прозвучало нечто большее, чем оттенок горечи:

— Я начинаю думать, что любая проверка, проведенная не специалистом в роботехнике, поверхностна.

Они шли по сугробу вещества, похожего на снег, искрящегося в свете Юпитера. Бигман в изумлении посмотрел на него.

— Эта штука тает, если на нее посмотреть!

Он зачерпнул горсть «снега» и вещество потекло по перчатке, как масло по горячей плите. Оглянувшись назад, он увидел на месте своих следов глубокие вмятины.

— Это не снег,— сказал Лаки.— Это замерзший аммиак, Бигман. Он тает при температуре на двадцать градусов более низкой, чем лед, и чтобы его растопить, достаточно теплового излучения наших скафандров.

Бигман помчался вперед, где сугробы были глубже, и закричал:

— Эй, послушайте, это забавно!

— Если ты собрался поиграть в «снегу», проверь, включен ли твой обогреватель,— напутствовал Лаки.

— Да!— закричал Бигман и побежал вниз по склону длинными скользящими прыжками, а потом бросился головой вперед в сугроб. Он двигался как прыгун в замедленной съемке, вздымая валы аммиака, и на мгновение исчез. Затем, побарахтавшись, встал на ноги.

— Будто ныряешь в облако, Лаки! Слышишь меня? Иди, попробуй сам! Забавнее, чем песчаные лыжи на Луне.

— Попозже, Бигман,— затем он повернулся к Паннеру.— Вы хотите сказать, что пытались кого-то протестировать?— Уголком глаза Лаки видел, как Бигман опять бросился в сугроб. По истечении некоторого времени его глаза вновь повернулись в том направлении, и он позвал обеспокоенно:— Бигман!— Затем громче и гораздо более тревожно,— Бигман!

И побежал. Донесся голос Бигмана, слабый и прерывающийся:

— Дыхание... нокаутировало... о скалу... внизу река.

— Держись, я с тобой!.— Лаки, а за ним и Паннер, преодолевали пространство гигантскими прыжками.

Лаки, конечно, понимал, что случилось. Температура поверхности Ио была близка к точке таяния аммиака. Тающий аммиак — это отвратительно пахнувшее вещество — мог питать реки, скрытые сугробами, благо его на внешних планетах и их спутниках было в изобилии.

В его ушах раздался кашель Бигмана:

— Порвался воздушный шланг... поступает аммиак... удушье...

Лаки добрался до дыры, оставленной телом провалившегося Бигмана, и заглянул вниз. Аммиачная река была ясно различима. Она медленно текла по склону, пузырясь над острыми камнями. **Должно быть,** одним из них и повредило воздушный шланг Бигмана.

— Где ты, Бигман?

И хотя Бигман слабо ответил: «Здесь» — его нигде не было видно.

Лаки безрассудно прыгнул в открывавшуюся впадину и медленно падал в слабом гравитационном поле Ио. Он злился, что так медленно падает, на Бигмана с его внезапной вспышкой ребячества, на себя за то, что не остановил Бигмана. Лаки ударился о поток, и аммиачные брызги взлетели вверх, упав затем с поразительной быстротой. Атмосфера Ио не могла поддержать капельки даже при низкой гравитации. В аммиачной реке плавучесть не ощущается, но Лаки и не рассчитывал на нее. Плотность аммиака меньше плотности воды, меньше и выталкивающая сила, а также невелика скорость течения при такой низкой гравитации. Если бы Бигман не повредил свой воздушный шланг, он бы просто выбрался сквозь окружающие его сугробы. Если бы... Лаки яростно бросился вниз по течению. Где-то там, впереди, маленький марсианин боролся с ядовитым аммиаком. Если разрыв в шланге достаточно велик или расширился настолько, что пропустил жидкий аммиак, Лаки опоздает. Быть может, он уже опоздал — при этой мысли у него перехватило дыхание. Какая-то фигура промчалась мимо Лаки, зарываясь в рыхлый аммиак. Она исчезла, оставив после себя тоннель с медленно оседающими белыми хлопьями.

— Паннер!? — вопросительно крикнул Лаки.

— Я здесь,— на плечо Лаки опустилась рука инженера.— Это Мэтт. Он услышал ваш крик. Мы разговаривали на его волне.

Они вместе пробирались сквозь аммиак по следу собаки и вскоре встретили возвращавшегося Мэтта.

— Он несет Бигмана! — вскричал Лаки.

Руки Бигмана слабо цеплялись за обтянутые скафандром задние лапы собаки и, хотя это затрудняло движение пса, низкая гравитация Ио позволяла ему двигаться на одних передних лапах. В тот момент, когда Лаки наклонился к Бигману, руки последнего разжались и он упал. Лаки подхватил его. Он не тратил времени на осмотр или разговоры. Оставалось делать только одно. Открыв подачу кислорода в скафандре Бигмана на полную мощность, Лаки взвалил его на плечи и побежал к кораблю. Даже учитывая низкую гравитацию Ио, он никогда не бежал так стремительно. Лаки так отталкивался от грунта, что его широкие шаги производили впечатление низкого полета. Паннер скакал позади, а возбужденный Мэтт не отставал от Лаки. Лаки воспользовался общей радиоволной, чтобы предупредить людей на корабле, и еще до того, как он прибежал, была готова герметическая воздушная камера. Лаки взлетел в помещение, с трудом остановил свой бег. Дверца люка закрылась за ним, и зашипел сжатый воздух, восполняющий происшедшую утечку. Он проворно отстегнул шлем Бигмана, затем уже медленнее освободил своего друга от скафандра. Склонившись над Бигманом, с облегчением услышал биение сердца. Воздушная камера была оборудована аптечкой первой помощи, Лаки сделал необходимые инъекции для общей стимуляции и стал ждать, пока обилие кислорода окажет свое живительное воздействие. Наконец веки Бигмана задрожали,

а глаза с трудом приоткрылись. Его губы шевельнулись, произнеся: «Лаки», хотя звука не было слышно. Лаки с облегчением вздохнул и только теперь сам стал снимать скафандр. Гарри Норрич, стоявший у открытой двери отсека, где находился Бигман, тихо спросил:

— Как ваш пострадавший?

Бигман с трудом приподнялся на койке, но закричал:

— Прекрасно! Если бы Лаки не удерживал меня здесь, я бы давно уже разгуливал по кораблю.

Легким ворчанием Лаки выразил свое неудовольствие. Бигман не обратил на это никакого внимания.

— Эй, пусть войдет Мэтт! Старый добрый Мэтт! Сюда, ко мне!

Мэтт засеменил к Бигману, яростно виляя хвостом.

Бигман крепко обнял рукой шею собаки.

— Парень, ты настоящий друг. Норрич, вы слышали, что он сделал?

— Все слышали,— было видно, что Норрич горд своей собакой.

— Я едва помню, что со мной произошло,— сказал Бигман.— Перед тем, как потерять сознание, я глотнул полные легкие аммиака и меня согнуло пополам. Я катился вниз по склону сквозь аммиачные сугробы, как будто их и не было. Потом кто-то подошел ко мне — я был уверен, что это Лаки. Оказалось, мне на помощь пришел Мэтт, за которого я ухватился.

— И хорошо сделал,— сказал Лаки.— За время, пока я бы тебя искал, ты бы уже отдал концы.

Бигман пожал плечами.

— Ох, Лаки, ты придаешь этому слишком большое значение. Ничего не случилось бы, не порви я шланг о скалу. Будь я чуточку умнее, я бы повысил давление кислорода, и аммиак не проник бы в скафандр, и я не набрал бы его полные легкие и не вышел бы из строя.

В это время мимо проходил Паннер и не преминул заглянуть.

— Ну как вы, Бигман?

— Пески Марса! Кажется, все думают, что я инвалид или вроде того. Даже командор приходил и нашел в себе силы поворчать на меня. Со мной ведь ничего особенного не случилось.

— Что ж,— сказал Паннер, — быть может, он смирится и ярость его пройдет.

— Никогда,— ответил Бигман,— он приходил лишь убедиться, что его первый полет не будет омрачен несчастным случаем. Он хотел сохранить свой послужной список совершенно чистым.

Паннер улыбнулся:

— Вы готовы к взлету?

— Мы покидаем Ио? — спросил Лаки.

— Через несколько часов. Экипаж загружает оборудование, которое мы забираем, и закрепляет оставляемое на Ио. Если вы сможете перебраться в рубку, она прямо перед вами, оттуда сейчас открывается наилучший вид на Юпитер.

Он почесал Мэтта за ухом и ушел. На Юпитер Девять была отправлена радиограмма о предстоящем отлете, как несколькими днями раньше — о совершенной посадке на спутник Юпитера.

— Почему мы не вызываем Землю? — спросил Бигман.— Глава Совета Конвей должен знать о наших успехах.

— Официальное сообщение,— ответил Лаки,— должно быть послано после нашего возвращения на Юпитер Девять.

Он не добавил, что не торопился вернуться на Юпитер Девять и тем более разговаривать с Конвеем. В конце концов, он ведь ничего не добился в этом путешествии. Карие глаза Лаки осмотрели рубку. Инженер и члены команды были на своих местах, готовые к взлету. Командор, два его офицера и Паннер тоже находились здесь. Лаки вновь подумал о людях на корабле. Десять человек, с которыми В-лягушка не общалась, а, значит, не сняла подозрение. Он разговаривал с каждым из них, а Паннер делал это еще чаще. Он обследовал их каюты, вместе с Паннером они тщательно проверили послужной список каждого. Ничего не давало повода к подозрению. Он должен будет вернуться на Юпитер Девять, не выявив робота, а сделать это позже еще сложнее. В штаб-квартиру Совета придется послать рапорт о полнейшей неудаче. Опять в голову пришла мысль о рентгеновском просвечивании или каком-либо другом способе активного контроля. Как всегда он подумал о возможном результате такого эксперимента — взрыве, возможно, ядерном. Этот взрыв не только уничтожит робота, но и станет причиной гибели людей и бесценного корабля. К тому же останется загадкой возможный способ выявления других человекоподобных роботов, которых, как он был уверен, использовали и в других частях солнечной системы. Его отвлек внезапный крик Паннера:

— Поехали!

Раздался отдаленный свист начального толчка, усилилось давление, созданное ускорением, и поверхность Ио стала уплывать все быстрее и быстрее. Видеоэкран не мог полностью вместить Юпитер из-за его большого размера. Видеодатчики были направлены на Большое Красное Пятно и следовали за ним по лику планеты.

— Ну вот,— сказал Паннер.— Мы вновь перешли на антигравитацию.— Правда, временно, чтобы позволить Ио удалиться от нас.

— Но мы все еще падаем на Юпитер,— заметил Бигман.

— Верно, но только до наступления определенного момента. Затем мы нырнем к Юпитеру по гиперболической траектории и начнут работать гиператомные двигатели. Когда орбита установится, мы их выключим и дадим потрудиться Юпитеру. Скорость будет около 150000 миль в час. Гравитация Юпитера закрутит нас и выстрелит нами, как камнем из пращи. В определенной точке двигатели включатся вновь. Используя преимущества эффекта пращи, мы сбережем больше энергии, чем при прямом отлете с Ио. Кроме того, мы побываем в суперблизости от Юпитера.

Паннер посмотрел на часы и сказал:

— Пять минут.

Он назвал время, как понял Лаки, через которое корабль перейдет с антигравитации на гиператомные двигатели и выйдет на орбиту вокруг Юпитера. Все еще следя за часами, Паннер продолжал:

— Время выбрано таким образом, чтобы направиться к Юпитеру Девять самым прямым путем. Чем точнее мы проложим курс, тем

больше сэкономленной энергии доставим на Юпитер Девять. Чем с большим запасом энергии мы вернемся, тем лучше это будет характеризовать антигравитационный корабль. Я поставил цель — восемьдесят пять процентов. Если мы вернемся с девяноста процентами, будет превосходно.

— А если возвратимся с большим запасом энергии, чем отбыли,— спросил Бигман,— что тогда?

— Это было бы сверхпревосходно, Бигман, но невозможно. Согласно второму закону термодинамики нельзя получить больше, чем отдаешь. Мы доставим немного меньше.— Он широко улыбнулся и сказал: — Одна минута.

В расчетный момент корабль заполнило стихающее бормотание гиператомных двигателей, и Паннер опустил в карман часы с выражением удовлетворения.

— С этой минуты до начала посадочных маневров у Юпитера Девять все будет происходить полностью автоматически,— сказал он.

Но не успел Паннер произнести эти слова, как гул возник снова и исчез, свет в рубке помигал и погас. Почти тотчас свет вновь загорелся, но теперь вспыхнула красная надпись на панели управления:

АВАРИЙНАЯ СИТУАЦИЯ!

Паннер вскочил на ноги.

— Что за...

Он выбежал из пилотской рубки, оставив за спиной потрясенное молчание и взгляды, полные ужаса. Командор смертельно побледнел. Лаки с внезапной решимостью последовал за Паннером, а Бигман, конечно, за ним. Из инженерного отсека появился один из членов экипажа. Он задыхался.

— Сэр!

— Что там случилось? — резко спросил Паннер.

— Отказали антигравитационные двигатели. Их невозможно активизировать.

— А гиператомные?

— Главный резерв опустошен. Мы вовремя отключили его, чтобы уберечь от разрушения. Не успей мы это сделать, корабль остался бы без энергии.

— Значит, корабль работает на аварийном запасе?

— Совершенно верно, сэр.

Смуглое лицо Паннера налилось кровью.

— Проклятье! Мы не сможем выйти на орбиту вокруг Юпитера на аварийном запасе. Прочь с дороги! Пропустите меня вниз.

Инженер посторонился, и Паннер бросился вниз. Лаки и Бигман следовали за ним по пятам. С первого дня на борту корабля ни Лаки, ни Бигман не спускались в инженерные отсеки. Теперь здесь произошли большие изменения. Не было величественной тишины, не было впечатления работы мощных сил. Вместо них отсек заполнял шум людских голосов. Паннер ворвался на третий уровень.

— Что здесь неисправно? — закричал он.— Что именно?!

Люди расступились, пропуская Паннера, и все столпились над распотрошенными внутренностями сложного механизма, указывая на них с отчаянием и гневом. В тоннеле раздался звук шагов — кто-то еще спускался сюда. В отсеке появился командор Донахью. Он обратился к Лаки, стоявшему в стороне и печально разглядывающему то, что осталось от механизма. Впервые после отлета с Юпитера Девять командор обратился к нему:

— Что это, советник?

— Какое-то серьезное повреждение.

— Как это случилось, Паннер?

Паннер оторвался от исследования разрушений и раздраженно выкрикнул:

— Что вам здесь надо, во имя пространства?

Ноздри командора Донахью вздрогнули.

— Почему была допущена неисправность?

— Никакой неисправности не было.

— В таком случае, как вы это называете?

— Диверсия, командор. Преднамеренная убийственная диверсия.

— Что?!

— Гравитационные преобразователи полностью разрушены, а необходимые запасные части исчезли. Механизм управления гиператомными двигателями взорван и вряд ли может быть отремонтирован. Все это не могло произойти случайно.

— Можно сделать хоть что-нибудь? — глухо спросил командор главного инженера.

— Возможно, удастся найти запасные преобразователи или слепить что-нибудь из этих обломков. Я в этом не уверен. Попробуем отладить контроль основных двигателей, но на это уйдут дни, и я не гарантирую результат.

— Дни! — закричал командор.— У нас их нет! Мы падаем на Юпитер!

На несколько мгновений наступила тишина. Наконец Паннер выразил словами то, о чем думали все:

— Совершенно верно, командор. Мы падаем на Юпитер и остановиться не сможем. С нами все покончено и мы уже мертвы.

Сухим, жестким голосом Лаки нарушил наступившую тишину.

— Пока у человека на плечах есть голова, способная думать, он еще не мертв... Кто работает на корабельном компьютере быстрее всех!

— Майор Бранд,— ответил командор Донахью,— наш главный штурман.

— Он наверху, в рубке управления?

— Да.

— Идемте к нему. Я хочу детально рассмотреть эфемериды. Паннер, оставайтесь здесь со своими людьми и начинайте импровизировать.

— Что хорошего...— начал Паннер.

Лаки оборвал его.

— Возможно, ничего хорошего. Если это даже и так, то вы умре-

те, потратив несколько часов на работу, а не на панику. Если мы провалимся на Юпитер, то погибнут все. А сейчас я вам приказываю: идите работать!

— Но!...— казалось, командора укололи последние слова.

Лаки повернулся к нему.

— Как член Совета Наук я принимаю командование этим транспортным средством. Если у вас есть возражения, я прикажу Бигману запереть вас в каюте, и вы сможете высказать свои претензии военному трибуналу, если мы выживем.

Лаки повернулся и быстро двинулся вверх по центральному каналу.

Бигман подтолкнул командора быстрым движением большого пальца и последовал за Лаки... Паннер посмотрел им вслед, повернулся к инженерам и сердито проговорил:

— Ну, кандидаты в покойники. Нечего стоять, чесать затылки, за работу!.

Широко шагая, Лаки вошел в рубку управления. Сидевший у приборов управления офицер круто обернулся.

— Что там стряслось внизу? — он был бледен.

— Вы майор Бранд? — спросил Лаки в ответ,— нас не представили друг другу, но это неважно. Я советник Дэвид Старр, и с этого момента вы будете подчиняться моим приказам. Идите к компьютеру и делайте то, что я вам скажу, но так быстро, будто за вами гонятся все черти Вселенной.

Перед Лаки лежали эфемериды. Листая страницы справочника, изучая колонки и строки чисел, описывающих местонахождение в пространстве любого куска материи диаметром более десяти миль, Лаки напряженно мыслил. В эфемеридах описывались и более мелкие тела, и некоторое стандартное время давалось для всех тел: местонахождение, скорость движения, орбиты. Лаки повернулся к майору Бранду.

— Я сейчас назову вам координаты и прочие характеристики нескольких тел. Рассчитайте их местоположение в настоящий момент и орбиты на ближайший срок, ну, скажем, на сорок восемь часов.

Пальцы майора забегали по клавишам, и перфоратор выдал обрезок ленты, тут же введенный в компьютер. Как только это было сделано, Лаки продолжал:

— Рассчитайте скорость нашего корабля, его орбиту по отношению к Юпитеру и точку пересечения с объектом, который мы только что вычислили.

Майор вновь склонился над пультом. Вскоре результаты вычисления были выданы компьютером на перфоленте, введены в дешифратор, и все склонились над пишущей машинкой.

— Как велико расхождение в точке встречи между нами и названным объектом? — спросил Лаки.

Через несколько секунд майор ответил:

— Мы опаздываем на четыре часа двадцать минут и сорок секунд.

— Рассчитайте, как должна быть изменена скорость корабля,

чтобы прибыть к точке встречи вовремя. Считайте, что начальный момент через час.

— Мы ничего не сможем сделать в такой близости от Юпитера,— перебил его командор.— Мощность аварийных двигателей не позволит нам вырваться. Вы что, не понимаете этого?

— Я не спрашиваю майора, как нам вырваться от Юпитера. Я спрашиваю, как нам ускорить движение к планете, а на это наши резервные двигатели способны.

Командор отшатнулся:

— К Юпитеру!

Компьютер закончил вычисления и выдал результат

— Могут наши двигатели обеспечить такое ускорение? — спросил Лаки.

— Я думаю, могут, ответил майор Бранд с сомнением в голосе.

— Так и сделайте.

Командор Донахью вновь спросил:

— К Юпитеру?

— Да. Именно. Ио не самый близкий к Юпитеру спутник. Если мы вовремя пересечем ее орбиту, то сможем сесть на Юпитер Пять. Если промахнемся, что ж, ускорим смерть на два часа.

Бигман почувствовал прилив внезапной надежды. Его вера в Лаки всегда была беспредельной, но в этот раз он не понимал, на что мог надеяться его друг. Он вспомнил свою недавнюю беседу с Лаки о системе Юпитера. Спутникам присваивались номера — номера в порядке открытия. Амальтея же — маленький мир — всего сотня миль в диаметре — была открыта после того, как стали известны четыре главных спутника. Хотя она и находилась ближе всех к Юпитеру, она стала Юпитером Пять. На эту удочку попадались многие. Поскольку Ио была Юпитером Один, казалось, что между ней и Юпитером ничего нет Час спустя «Луна Юпитера» начала осторожно увеличивать скорость, торопясь к своей гибели или спасению. Красоты Юпитера больше никого не привлекали. Хотя последний еще больше увеличивался в размерах, центр видеоэкрана был направлен на различимую часть звездного поля с максимальным увеличением. Там должен был находиться пока неразличимый Юпитер Пять, несущийся к точке встречи с кораблем, устремившимся к Юпитеру. Либо корабль встретится с кусочком скалы и это будет опасно, но, возможно, принесет спасение, либо промахнется и исчезнет навсегда.

— Вот он,— возбужденно закричал Бигман.

— Вычислите видимое положение и движение и сверьте с расчетной орбитой.

Когда это было сделано, Лаки спросил:

— Нужна корректировка?

— Мы должны замедлиться на...

— Без подробностей, исполняйте!

Юпитер Пять обращался вокруг Юпитера за двенадцать часов, двигаясь по всей орбите со скоростью около трех тысяч миль в час, то есть вдвое быстрее Ио, а гравитационное поле Амальтеи в двад-

цать раз слабее поля Ио. Попасть в такую стремительную и маленькую мишень было весьма трудно. Пальцы майора Бранда дрожали на панели управления, пока производился маневр захождения на орбиту Амальтеи. Ударами маневровых двигателей нужно было осторожно повернуть корабль, пройти за Юпитером Пять и вокруг него, подбирая то жизненно важное значение скорости, при котором планетка сможет удержать возле себя корабль. Юпитер Пять теперь стал большой сверкающей глыбой. Если он таким и останется — все в порядке. Если начнет уменьшаться — они промахнулись.

Майор Бранд прошептал:

— Мы сделали и это.— И его голова упала на трясущиеся ладони.

Даже Лаки на мгновение прикрыл глаза от нервного напряжения. В том, что сейчас происходило на Юпитере Пять, было отличие от посадки на Ио. Если там все ринулись наружу и, раскрыв рты, любовались необычным видом, то здесь никто не вышел из корабля. Вся команда оставалась на борту «Луны Юпитера» и занималась ремонтом силовых установок. Ничего более важного не существовало для этих людей. Если они потерпят неудачу, успешная посадка на Юпитер Пять лишь превратит гибель мгновенную в длительную агонию. Ни один корабль не сможет сесть на Юпитер Пять, а другого антигравитационного корабля нет и не будет по крайней мере несколько лет. Если они потерпят поражение, в их распоряжении будет достаточно много времени, чтобы полюбоваться небесами в ожидании смерти. Однако в других обстоятельствах осмотр дал бы ценные наблюдения. С точки, в которой совершил посадку корабль, планета-гигант как бы подметала близкий пыльный горизонт. В безвоздушном пространстве наблюдателю казалось возможным поднять руки и погрузить их в нестерпимо сияющий диск. В момент посадки Юпитер был почти полным, и внутри этого сверкавшего круга можно было разместить около десяти тысяч земных Лун. Почти одна шестнадцатая полного небосвода была закрыта Юпитером. Солнце появлялось каждые пять часов, повторяя восходы как на Ио. Но солнце скрывалось за вчетверо большим Юпитером с втрое большей скоростью, что делало затмение в сотни раз более прекрасным. Солнце появлялось два раза, но никто на него не смотрел. Ни у кого не хватало времени. И мужества. Наконец Паннер сел и уставился в пространство затуманенным взором. Веки его покраснели и распухли. Он заговорил хриплым шепотом:

— Ну, хорошо. Всем вернуться на свои места. Мы совершим пробный полет,— он не спал сорок часов: все работали посменно, Паннер же делал перерыв только на еду.

Бигман, чьи обязанности исчерпывались неквалифицированной помощью — подать, принести, считать показания приборов под чьим-либо руководством, поддержать рычаг согласно инструкции — не был нужен при пробном полете, перед ним не стояла конкретная задача. Поэтому он угрюмо побрел по кораблю, разыскивая Лаки, и обнаружил его в компании командора Донахью в рубке управления. Лаки снял рубашку и вытирал руки и плечи большим пушистым полотенцем.

Увидев Бигмана, он сказал оживленно.

— Корабль будет двигаться. Мы скоро улетим отсюда.

Бигман вытаращил глаза.

— Мы только сделаем пробный полет, Лаки.

— Корабль будет летать. Это Джим Паннер совершил чудо.

Командор Донахью твердо произнес:

— Советник Старр, мой корабль спасли вы.

— Благодарность заслужил Паннер. Я думаю, что половина устройств скреплена медной проволокой и рыбьим клеем, но они могут работать.

— Вы прекрасно знаете, что я имею в виду, советник. Вы привели нас на Юпитер Пять, когда все были в панике. Все это я доложу в подробностях военному трибуналу, перед которым мне предстоит предстать на Земле. Ведь я отверг ваше предложение о сотрудничестве на Юпитере Девять.

Лаки покраснел в замешательстве:

— Нет нужды упоминать об этом, командор. Как известно, советники избегают публичной рекламы. Что касается официального отчета, то вы командовали все время. О каких-либо моих действиях нет нужды упоминать.

— Невозможно. Я не могу приписывать себе ваши заслуги.

— Вам придется сделать это, сэр. Это приказ. И перестанем говорить о военном трибунале.

Командор Донахью встал с какой-то гордостью.

— Я должен предстать перед военным трибуналом. Вы предупреждали меня о сирианитском агенте, но я не внял предостережениям. Результатом была диверсия на моем корабле.

— Здесь есть и моя вина,— холодно произнес Лаки.— Я был на корабле и не смог предотвратить несчастье. В любом случае, если мы обнаружим диверсанта, вопрос о военном трибунале не возникнет.

— Диверсант, конечно, робот, о котором вы меня предупреждали,— сказал командор,— как же я был слеп!

— Боюсь, что вы до сих пор не все видите. Это был не робот.

— Не робот?

— Робот не мог причинить вред людям, нарушив первый закон.

Командор нахмурился в раздумье:

— Может быть, он не осознавал, что причиняет зло?

— Каждый, находящийся на корабле, включая гуманоидов, сознавал, что полностью зависит от особенностей антигравитационного корабля. Робот должен был знать, что причиняет вред. В любом случае мы найдем диверсанта. Сейчас или через некоторое время.

— О? Кто же он, советник Старр?

— Ну, подумайте немного. Если человек повредил корабль так, что надежды на спасение не остается, то он либо сумасшедший, либо фанатически предан своему делу, чтобы остаться на борту корабля.

— Я полагаю, что это именно так.

— Со времени старта с Ио давление воздуха на корабле не понижалось — барометр отмечает все подобные понижения. Следовательно, корабельный люк не открывался. Диверсанту не было нужды возвращаться на корабль. Он все еще на Ио, если его еще не вывезли.

— Как его могли вывезти? Ни один корабль кроме нашего не может сделать этого.

Лаки невесело усмехнулся.

— Ни один земной корабль.

Глаза командора раскрылись.

— Но ведь и ни один сирианитский корабль.

— Вы уверены?

— Уверен.— Командор нахмурился.— Подождите, ведь о своем присутствии на борту каждый член экипажа рапортовал дежурному перед стартом с Ио. Мы не двинулись с места, пока каждый не подтвердил свое присутствие.

— В таком случае сейчас на борту все.

— Полагаю, так.

— Что ж,— сказал Лаки,— Паннер приказал всем быть на своих местах. Следовательно, во время испытательного полета мы можем проверить каждого человека. Вызовите Паннера и узнайте, нет ли отсутствующих.

Командор Донахью повернулся к интеркому и вызвал Паннера. Некоторое время никто не отвечал, затем послышался бесконечно усталый голос Паннера.

— Меня отвлекли, командор. Проверка прошла успешно. Мы можем взлетать. Если нам повезет, то скоро мы вернемся на Юпитер Девять.

— Очень хорошо, Паннер. Ваша работа будет должным образом оценена. Кстати, все ли на своих местах?

Лицо Паннера на экране интеркома, казалось, застыло.

— Нет! Во имя пространства, я хотел сказать вам, мы не можем найти Саммерса.

— Рэд Саммерс! — вскричал Бигман.— Это он, Лаки! Клянусь, это он.

— Одну минуту, Бигман,— прервал его Лаки.— Доктор Паннер, вы хотите сказать, что его нет на своем месте?

— Его нет нигде. Не будь это невероятно, я бы сказал, что его нет на корабле.

— Спасибо,— Лаки потянулся, чтобы отключить контакт.— Ну, что, командор?

— Послушай, Лаки,— вскинулся Бигман,— я как-то говорил тебе, что встретил Саммерса, выходящего из машинного отделения. Что он там делал?

— Теперь мы знаем.

— Мы знаем достаточно, чтобы схватить его.— Командор побледнел от гнева.— Мы совершим посадку на Ио...

— Подождите.— сказал Лаки.— У нас есть нечто более важное, чем предатель.

— Что?

— Проблема робота.

— Может подождать.

— Я думаю, что нет. Командор, вы сказали, что все рапортовали о своем присутствии на корабле перед стартом с Ио. Если это так, то один из рапортов был ложным.

— Ну?

— Я думаю, мы должны попытаться найти источник фальшивого рапорта. Робот, конечно, не мог повредить корабль, но помочь человеку незаметно с него исчезнуть, особенно если он не знал о неполадках, мог.

— Вы полагаете, источником фальшивого рапорта и виновником бегства Саммерса был робот?

Лаки помолчал. Он боялся преувеличить надежду и спугнуть удачу, однако доводы казались неотразимыми.

— Мне кажется, что это так,— медленно произнес Лаки.

— Майор Левинсон,— медленно сказал командор Донахью. Его глаза потемнели.— В это невозможно поверить.

— Невозможно поверить во что?

— Что он робот. Этот человек принимал участие в работах. Я знаю его хорошо и, клянусь, он не может быть роботом.

— Мы спросим его об этом. И еще одно.— Лаки выглядел угрюмым.— Не обвиняйте его и не спрашивайте, робот ли он, не дайте почувствовать ему, что он находится под подозрением.

Командор выглядел удивленным:

— А почему бы и нет?

— У сирианитов есть способы защиты своих роботов. Обвинение может привести в действие скрытый взрыватель, встроенный в робота.

Командор вздохнул, не сдержавшись:

— Во имя пространства!

Майор Левинсон был взволнован, как и все на борту «Луны Юпитера», но стоял по стойке смирно и четко сказал:

— Слушаю, сэр.

— Советник Старр имеет к вам несколько вопросов,— осторожно произнес командор Донахью.

Майор Левинсон повернулся к Лаки. Это был высокий блондин с голубыми глазами и узким лицом. Его рост превышал даже рост Лаки.

— Все члены экипажа докладывали о своем присутствии на борту корабля перед стартом с Ио, а вы принимали рапорты. Это так, майор? — спросил Лаки.

— Да, сэр.

— Вы видели каждого человека персонально?

— Нет, сэр. Я пользовался интеркомом, и все отвечали со своего поста или каюты.

— Но вы слышали голос каждого? Голос со всеми его особенностями?

Майор выглядел удивленным.

— Наверное так, на самом деле такие вещи не запоминаются.

— Тем не менее, это очень важно, и я прошу вас вспомнить.

Майор нахмурился и наклонил голову:

— Нет, подождите. Насколько я помню, Норрич ответил за Саммерса, поскольку тот был в ванной.— Затем с внезапной вспышкой удивления: — Постойте, ведь сейчас разыскивают именно Саммерса!

Лаки поднял ладонь.

— Это не имеет значения. Вы не могли бы найти Норрича и привести его сюда?

Вскоре Левинсон ввел Норрича, выглядевшего очень смущенным.

— Командор, кажется никто не может найти Рэда Саммерса. Что с ним случилось?

Лаки опередил ответ командора:

— Мы пытаемся выяснить. Вы рапортовали о присутствии Саммерса на борту во время проверки перед стартом с Ио?

Слепой инженер покраснел и тихо сказал:

— Да.

— Вы сказали майору Левинсону, что Саммерс находится в ванной. Был ли он там?

— Ну... нет, не был, советник. Он выскочил на минуту из корабля, чтобы забрать что-то из оставленного оборудования. Он не хотел, чтобы командор его отругал и просил меня покрыть его. Сказал, что вернется задолго до старта.

— Он вернулся?

— Я... я думал... мне показалось, что он вернулся. Мэтт рявкнул и я подумал...

Во время старта мне нечего было делать, и я пошел вздремнуть, а потом произошла эта неприятность в машинном отделении и думать о чем-то другом не было времени.

Из центрального интеркома внезапно раздался голос Паннера:

— Внимание! Все на свои места! Общая готовность к взлету!

«Луна Юпитера» вновь была в пространстве, отталкиваясь от мощных гравитационных полей Юпитера с силой, доступной пяти обычным кораблям. Паннер мрачно размышлял над тающими запасами энергии.

— Похоже, я вернусь только с семьюдесятью процентами первоначального запаса энергии, когда их могло быть восемьдесят пять или девяносто. А если придется садиться на Ио и взлетать, то не останется и пятидесяти. Я даже не уверен, удастся ли нам еще один взлет.

— Мы должны забрать Саммерса,— ответил Лаки.— И вы знаете, почему.

Глядя на Ио, вновь вырастающую на видеоэкранах, Лаки сказал задумчиво:

— А ведь не так просто будет найти его, Бигман.

— Не думаешь ли ты, что сириниты действительно забрали его,— ответил Бигман.

— Нет. Но Ио достаточно велика, чтобы скрыться. Если он ушел на обусловленное место встречи, это затруднит поиск. Правда, я рассчитываю найти его на месте посадки. В противном случае

ему пришлось бы тащить на себе запасы воздуха, воды и пищи. Кроме того, он вряд ли предполагает, что мы вернемся, поэтому не собирается скрываться.

— Мы должны были проверить тщательнейшим образом этого типа, Лаки! — проговорил Бигман.— Он ведь пытался убить тебя. Зачем было ему это делать, если он не играл на руку сирианитам?

— Все это справедливо, Бигман, но вспомни: мы разыскивали шпиона. А Саммерс не имел доступа к секретным документам. Как только я понял, что шпион — робот, Саммерс стал вне подозрений. В-лягушка зафиксировала его эмоции, следовательно, он не робот и не шпион. Конечно, он мог быть предателем и диверсантом, и я в поисках шпиона-робота не должен был закрывать глаза на такую возможность.

Лаки покачал головой и добавил:

— Кажется, у этой задачи не будет ответа. Если бы кто-нибудь другой, кроме Норрича, покрыл Саммерса, это и был бы наш робот. Беда в том, что Норрич — единственный человек, имеющий убедительно-невинную причину помогать Саммерсу. Они были дружны — мы знаем об этом. Кроме того, Норрич единственный, кто мог остаться искренним в своем заблуждении, что Саммерс вернулся на корабль. Он слеп.

— С другой стороны, он обнаружил эмоции и не может быть роботом,— добавил Бигман.

— Совершенно верно,— кивнул Лаки.— Однако... — он нахмурился и наступило молчание.

Корабль медленно опускался на Ио и наконец совершил посадку почти на том же месте, где и первый раз. Точки и неясные линии превратились в оборудование, оставленное на поверхности Юпитера Один. Лаки внимательно изучал окрестности на видеоэкране:

— Вы оставляли какие-либо воздушные камеры на поверхности Ио?

— Нет,— ответил командор.

— В таком случае он здесь. Видите полностью развернутую гермокабину возле того скального образования? Командор, у вас есть список оборудования, которого не досчитались на борту?

Командор без слов подал листок бумаги, и Лаки внимательно изучил его.

— За Саммерсом отправимся я и Бигман. Сомневаюсь, что нам понадобится помощь.

Крошечное Солнце стояло высоко в небе, Лаки и Бигман шли по своим теням.

Лаки включил передатчик на волне Бигмана:

— Если он не спал, то видел корабль.

— А если его нет в палатке?

— А что ему делать снаружи?

Почти тотчас Бигман закричал:

— Пески Марса! Лаки! Посмотри туда, вверх!

Над грядой скал появился темный силуэт. Узкая полоска Юпитера хорошо освещала скафандр.

— Не двигайтесь,— раздался низкий голос на длине волны Лаки.— У меня бластер наготове.

— Саммерс,— произнес Лаки,— спускайтесь вниз и сдавайтесь.

— Я правильно угадал волну, не так ли, советник? Хотя легко было догадаться по размерам вашего друга... Возвращайтесь на корабль или я убью вас обоих.

— Не блефуйте, бессмысленно,— ответил Лаки.— На таком расстоянии вы не попадете и с дюжины попыток.

Бигман добавил яростным тоном:

— Я тоже вооружен и попаду в тебя даже с такого расстояния. Помни об этом и не делай глупости!

— Выбросьте бластер и сдавайтесь!

— Никогда! — ответил Саммерс.

— Почему? Кому вы храните верность? — требовательно продолжал Лаки.— Сирианитам? Они обещали забрать вас отсюда? Если так, то солгали и предали вас. Они не сдержат своего слова. Скажите мне, где находится база сирианитов в системе Юпитера?

— Вы так много знаете! Вычислите сами!

— Какую субволновую комбинацию вы использовали для контакта?

— Вычислите и это... Не приближайтесь!

Лаки попробовал изменить тактику:

— Помогите нам, Саммерс, и я сделаю все возможное на Земле, чтобы смягчить вам наказание.

Саммерс слабо усмехнулся.

— Слово советника?

— Да.

— Не подойдет. Возвращайтесь на корабль.

— Почему вы восстали против собственного мира, Саммерс? Что вам предложили сирианиты? Деньги?

— Деньги! — голос Саммерса внезапно стал гневным.— Вы хотите знать, что они мне предложили? Хорошо. Я скажу. Возможность пристойной жизни.— Лаки услышал, как Саммерс заскрипел зубами.— Что я имел на Земле? Всю жизнь одни страдания. Заполненная толпами планета, не дающая приличного шанса добиться имени и положения. Куда бы я ни попал, меня окружали миллионы людей, цепляющихся друг за друга в борьбе за существование. А когда я попытался урвать собственный кусок, меня бросили в тюрьму. Больше этого не должно было повториться.

— Что вы ждали от Сириуса? Какой приличной жизни?

— Если хотите знать, они обещали мне возможность эмигрировать на планету Сириуса,— он помолчал и вздохнул с легким присвистом.— Новые внешние миры. Чистые миры. Там хватит места для многих, а сирианиты нуждаются в людях и талантах. Там у меня шанс.

— Вы никогда не попадете туда. Вас бросили.

Саммерс замолчал.

— Взгляните фактам в лицо. Они не пришли за вами. У них нет пристойной жизни для вас, вообще никакой жизни. Они оставили вам только смерть. Вы ожидали их раньше, не так ли?

— Нет.

— Не лгите. Это не улучшит ваше положение. Мы точно знаем, сколько кислорода вы тайно вынесли из корабля. Кислородные баллоны недолговечны даже в условиях пониженной гравитации Ио. Ваш запас воздуха почти вышел, не так ли?

— У меня предостаточно воздуха,— ответил Саммерс.

— Я сказал, что он у вас кончается. А сирианиты не смогут добраться сюда без антигравитационного корабля, секрета которого у них нет. Великая Галактика, неужели вы настолько жаждете своего шанса, что позволите убить себя таким откровенным и грубым способом? Ну, скажите мне, что вы сделали для них?

— Я сделал то, что они просили, а просили они немного. И если я жалею о чем,— прокричал он со злостью,— так это о том, что не заполучил «Луну Юпитера»! Как вы выберетесь отсюда! Я расправился с ним, с этим ржавым, грязным... — Он задохнулся.

Лаки сделал Бигману знак и рванулся вперед гигантскими парящими прыжками. Бигман последовал за ним, прыгая из стороны в сторону. Бластер Саммерса издал тонкий хлопок, в дымке разреженной атмосферы Ио поднялся и осыпался песок в нескольких ярдах от скользящей фигуры Лаки. На поверхности Ио образовался маленький кратер.

— Вы не схватите меня! — завопил Саммерс в бессильной ярости.— Я не вернусь на Землю! Они придут за мной! Сирианиты придут за мной!

— Вверх, Бигман,— сказал Лаки. Подпрыгнув, он ухватился за выступ скалы, забросил себя еще выше. При силе притяжения в одну шестую нормальный человек, даже в скафандре, может превзойти горного козла в прыжках по скалам.

Саммерс тонко завизжал. Его руки метнулись к шлему, отпрыгнув назад, он скрылся. Лаки и Бигман добрались до вершины. Скальный обрыв был почти отвесным, усеянным, как и его подножие, острыми гранями. Саммерс с раскинутыми руками медленно падал вниз, ударяясь о выступы и отскакивая.

— Лаки, возьмем его! — вошел в азарт Бигман.

Сильно оттолкнувшись, он прыгнул далеко вперед. Лаки последовал за ним. На Земле или на Марсе такой прыжок был бы смертельным. На Ио этот эксперимент был только пугающим. Они приземлились на согнутые ноги и покатились, чтобы ослабить силу удара. Лаки поднялся первым и подбежал к Саммерсу, лежащему неподвижно. Тут же к нему присоединился запыхавшийся Бигман.

— Эй, это был не самый легкий прыжок, который я... Что с ним такое?

— Он мертв,— ответил Лаки мрачно.— Я знал, что у него кончается кислород. Он играл наверняка и действительно не хотел сдаваться. Перед прыжком он открыл шлем, чтобы впустить ядовитый воздух, да еще когда падал, ударился о скалы.

Лаки отодвинулся чуть в сторону, и Бигман мельком взглянул на разбитое лицо Саммерса.

— Бедный глупец,— произнес Лаки.

— Бедный предатель,— гневно поправил Бигман.— Он должен

был знать ответ и не сказал. А теперь вообще ничего сказать не сможет.

— Он и не сказал бы, Бигман,— ответил Лаки.— А теперь, мне кажется, я знаю ответ.

— Что ты знаешь? — вскричал маленький марсианин.

— Не теперь,— Лаки бросил взгляд на Саммерса, чьи остекленевшие глаза уставились на небеса Ио.— Он все же выделился из серой массы, став первым человеком, умершим на Ио.

Лаки посмотрел вверх, где Солнце скрывалось за Юпитер, высветив дымное полукольцо атмосферы, и повернулся к Бигману.

— Темнеет. Вернемся на корабль.

Бигман вышагивал по каюте: три шага в одну сторону, три — в другую.

— Но теперь, Лаки, когда ты все знаешь, почему ты не...

— Я не могу предпринять обычные действия и рисковать возможностью взрыва. Позволь мне все как следует обдумать.

В его голосе прозвучала твердость, совершенно подавившая Бигмана, и маленький марсианин перевел разговор:

— В таком случае, зачем нам оставаться здесь? Этот тип уже мертв. Нам больше незачем задерживаться на Ио.

— Есть еще одно дело,— ответил Лаки. Зазвучал дверной сигнал, и он добавил:

— Открой, Бигман. Это, должно быть, Норрич.

Это был действительно он. Вместе с Мэттом в каюту вошел слепой инженер. Голубые невидящие глаза Норрича быстро моргали. Он сразу определил направление, в котором находился Лаки, и произнес:

— Я слышал о Саммерсе, советник. Ужасно подумать о том, что он пытался... пытался... что он стал предателем. Однако мне жаль его.

Лаки кивнул.

— Я знал, что вы будете жалеть. Именно поэтому я и пригласил вас. Сейчас на Ио темно. Солнце зашло. Вы выйдете с нами, чтобы похоронить Саммерса, когда кончится затмение?

— Буду рад. Мы должны отдать этот последний долг любому человеку. Не так ли? — рука Норрича опустилась на голову Мэтта, и собака прижалась к хозяину, словно ощущая потребность выразить симпатию и поддержать его. Лаки снова кивнул:

— Я понимаю, ведь он был вашим другом. Последний долг.

— Спасибо, именно этого я и хотел.— Слепые глаза Норрича увлажнились.

Перед тем, как опустить забрала шлема, Лаки повернулся к командору:

— Это наш последний выход, как только мы вернемся, корабль стартует на Юпитер Девять.

— Хорошо,— ответил командор. Их глаза встретились, и они без слов поняли друг друга.

Лаки и Бигман были готовы к выходу. Рядом с ними склонился Норрич, ощупывая гибкими пальцами эластичный скафандр Мэтта. Под прозрачным стеклом необычной формы шлема челюсти Мэтта

двигались в едва слышном лае, вероятно, собака предчувствовала желаемую прогулку.

На Ио появилась первая могила. В твердом скалистом грунте силовыми копателями была вырыта яма, сооружена насыпь из гравия и водружен овальный валун. Трое людей стояли вокруг могилы, пока Мэтт бродил поодаль, пытаясь, как всегда, обнюхать попадающиеся на пути предметы. Бигман помнил инструкции, данные ему Лаки, но ничего не понимал в происходящем и напряженно ждал. Норрич, стоящий с опущенной головой, мягко произнес:

— Это был человек, чего-то хотевший, но ошибка в выборе пути достижения своих желаний стоила ему жизни.

— Он сделал то, чего добивались сириниты,— добавил Лаки.— В этом его преступление. Он совершил диверсию и...

Норрич выпрямился, когда пауза в замечании Лаки затянулась.

— Что?

— И он добился того, что вы попали на борт «Луны Юпитера». Он отказался войти в экипаж без вас. Вы сами рассказали, что обязаны Саммерсу своим присутствием на борту первого антигравитационного корабля. Вы — робот-шпион, засланный сюда сирианитами.— Голос Лаки посуровел.— Ваша слепота была отличной маскировкой. Вас все любили и жалели. Но вы и не нуждались в зрении. Вы убили В-лягушку и выпустили Саммерса из корабля. Ваша собственная смерть не значила ничего по сравнению с полученными приказами — так утверждает третий закон. И, наконец, вы одурачили меня демонстрацией эмоций, уловленных В-лягушкой. Синтетических эмоций, вставленных сирианитами.

Именно этой реплики ожидал Бигман. Подтянув повыше рукоять бластера, он бросился к Норричу, чьи протестующие бессвязные звуки никак не складывались в слова.

— Я знал, что это был ты! — пронзительно завопил Бигман.— Я тебя в бараний рог согну!

— Это неправда! — завопил Норрич, обретая наконец голос и отступая назад.

И в этот момент Мэтт сорвался с места, преодолевая те четверть мили, что их разделяли. Бигман не обратил на это никакого внимания. Одной рукой он схватил Норрича за плечо, другой взмахнул бластером. И тут-то Мэтт свалился. Он был всего в десяти футах от борющейся пары, когда его ноги вытянулись в последний раз, тело напряглось, упало и покатилось. Через стекло его шлема были видны застывшие в оскале челюсти. Бигман замер в угрожающей позе перед Норричем. А Лаки быстрыми шагами подошел к животному. Он воспользовался силовой лопаткой как ножом, чтобы распороть скафандр Мэтта от головы до хвоста. Затем с усилием разрезал кожу на затылке собаки и исследовал открывшееся отверстие, запустив туда свои умелые руки. Его пальцы сомкнулись на маленькой сфере, которая не была костью. Он потянул сферу на себя и почувствовал сопротивление.

Сдерживая волнение, он оборвал проводки, удерживающие сферу на месте, и встал, все еще слабо веря в удачу. Это был аппарат, приводимый в действие командой мозга. Мэтт был больше

не опасен. Как бы инстинктивно чувствуя, что все потеряно, Норрич закричал:

— Моя собака! Что вы делаете с моей собакой!

Лаки ответил ему как можно мягче:

— Это не собака, Норрич. И никогда ею не была. Это был робот. Иди, Бигман, и отведи Норрича на корабль. А я отнесу Мэтта.

Лаки и Бигман сидели в каюте Паннера. «Луна Юпитера» снова находилась в полете, и Ио уже превратилась в яркую монету на черном бархате неба.

— Что выдало его? — спросил Паннер.

Лаки помрачнел и ответил с неудовольствием:

— Целый ряд улик, которые я не смог вовремя заметить. Я так уверил себя в своей правоте, так усиленно искал человека-робота, что не видел улик, прямо указывающих на Мэтта, хотя они, казалось бы, сами шли мне в руки.

— В таком случае, когда вы догадались?

— Когда Саммерс покончил с собой, прыгнув со скалы. Я смотрел на него и думал о Бигмане, упавшем в аммиачный снег. Я подумал: здесь нет Мэтта, чтобы спасти этого... Тут-то все стало ясно.

— Я что-то не понимаю.

— Как Мэтт спас Бигмана? Когда он промчался мимо нас, Бигман был подо льдом и увидеть его было нельзя. Однако Мэтт без колебания нырнул к нему и вытащил Бигмана. Мы приняли это как само собой разумеющееся, по привычке считая собак отличными ищейками.

Но Мэтт не мог ни видеть, ни обонять Бигмана. Однако без труда мгновенно отыскал его. Уже тогда можно было заподозрить Мэтта в необычном сверхостром восприятии. Эти его особенности изучат наши роботехники, когда мы вернемся.

— Теперь, после того, как вы объяснили,— сказал Паннер,— все становится достаточно ясным. Собака должна была выдать себя, поскольку первый закон принуждает ее спасти человеческое существо, попавшее в беду.

— Верно,— ответил Лаки,— как только подозрения насчет Мэтта подтвердились, все остальное стало ясно. Да, Саммерс настоял, чтобы на корабль взяли Норрича, но поступая так, он протащил сюда и Мэтта. Кроме того, именно Саммерс достал нужную собаку для Норрича. Факты говорят о том, что на Земле существует группа шпионов, занимающихся распределением собак-роботов по научным центрам и секретным базам. Собака — идеальный шпион. Если вы обнаружите, что пес обнюхивает деловые бумаги лабораторий, обратите ли вы на это внимание? Скорее всего, вы приласкаете собаку и еще угостите ее галетой. Я тщательно осмотрел Мэтта и подозреваю, что в него был встроен субэфирный передатчик. Его хозяева все видели и слышали. Мэтт был их глазами и ушами. Так они увидели В-лягушку, распознали таящуюся в ней опасность и приказали уничтожить венерианское животное. По-видимому, он мог управляться и с излучателем, раз выжег замок в двери. Даже если бы его застали с бластером, не исключена вероятность еще

одной ошибки: как же, собака играет с понравившейся ей вещью. Как только я все понял, встала задача, как заполучить робота-шпиона целым и невредимым. Я был уверен, что взрыватель сработает при первом прямом подозрении, при первом прямом обвинении, направленном в адрес Мэтта. Итак, я отвел Норрича и Мэтта в безопасное место под предлогом похорон Саммерса — теперь, даже если взрыв произойдет, корабль и люди не пострадают. Естественно, я оставил командору Донахью записку на тот случай; если не вернусь. В земных исследовательских центрах необходимо провести расследование и выявить роботов-шпионов.

Затем я обвинил Норрича...

— Пески Марса, Лаки! В то время я действительно был уверен, что Норрич убил В-лягушку и одурачил нас встроенными эмоциями!

Лаки покачал головой.

— Нет, Бигман, если бы у него были встроенные эмоции, ему не было бы нужды убивать В-лягушку. Если сириниты наблюдали за нами через Мэтта, то поняли бы, что я попал на ложный след. И кроме того, этим обвинением я подготовил сольное выступление Мэтта.

— А потом,— продолжал Лаки,— согласно моим инструкциям Бигман напал на Норрича. Мэтт был создан как собака-поводырь, с главной задачей охранять и защищать своего хозяина. К этому же его обязывал второй закон. Обычно здесь проблемных ситуаций не возникает. Мало кому взбредет в голову угрожать слепому, но и в таком маловероятном случае нападающего остановит рычание и угрожающая поза собаки. Однако в нашем случае перед Мэттом встала неразрешимая дилемма: Бигман продолжал нападать на Норрича, но Мэтт не мог причинить вред Бигману — первый закон; но он не мог и оставаться в бездействии, когда Норричу угрожала опасность. Позитронный мозг не справился с этой задачей, и Мэтт вышел из строя. Я рискнул, предположив, что разрушенным мозгом не может быть отдана команда к самоубийству, и все обошлось.

Паннер глубоко вздохнул.

— Отличная работа!

Лаки фыркнул:

— Отличная. Пошевели я вовремя мозгами, все это можно было проделать в день моего прибытия на Юпитер Девять. Уже тогда я почти все понял и пытался поймать что-то, вертевшееся на грани сознания, но не мог.

— Что это было, Лаки? — спросил Бигман.— Я все еще не понимаю.

— Все очень просто. В-лягушка транслировала эмоции животных так же хорошо, как и эмоции людей. У нас был случай в этом убедиться. Помнишь, сразу после прибытия мы встретили кошку и ощущали ее голод. Затем, позже, по просьбе Норрича, ты имитировал нападение и мы увидели оскаленные клыки и услышали рычание Мэтта. Однако В-лягушка не транслировала ничего похожего на гнев. Это и было абсолютно точным доказательством.

У собаки нет эмоций — значит, это не собака, а робот. Но я настолько убедил себя, что мы разыскиваем человека-робота... Да, мое сознание отказывалось увидеть робота в собаке. Ну ладно, нам пора идти обедать. Я хочу зайти еще к Норричу. Мы обещали, что достанем ему другую собаку, настоящую.

Они поднялись и Бигман сказал:

— Как бы то ни было, Лаки, хоть мы и потеряли какое-то время, но остановили сирианитов.

— Не знаю, остановили ли мы их, но на некоторое время нейтрализовали.

ЛАКИ СТАРР И КОЛЬЦА САТУРНА

Солнце сверкало в небе, как сердолик, даже невооруженным глазом отличимое от звезды — этакий раскаленный добела глобус. Сюда, в глубокий космос, неподалеку от второй по величине планеты Солнечной системы, доходило в сто раз меньше тепла и света, чем на Землю — колыбель человечества. И тем не менее это было самое освещенное пространство видимого сектора Вселенной. Лаки Старр задумчиво смотрел в центр обзорного экрана, на Солнце. Рядом с ним вглядывался в экран Джон Бигман Джонс. Бигман вытягивался в полный рост. От пола до его макушки было пять футов и два дюйма. Однако коротышка не мерял себя в дюймах и даже разрешал окружающим называть себя просто Бигман — большой человек.

— Знаешь, Лаки, отсюда до Солнца почти девять сотен миллионов миль, так далеко я еще не забирался,— сказал Бигман.

Советник Бен Василевски, третий член экипажа, сидел за пультом контрольных приборов. Это был весьма видный мужчина, но до Лаки Старра ему было далеко. Его лицо обрамляла ярчайшая рыжая, жесткая, как щетка, борода, и к тому же его кожа отливала таким бронзовым загаром, какой бывает у людей, долгое время проработавших в космосе, в службе Совета Наук.

У пульта контрольных приборов послышался смешок:

— Что случилось, Бигман, домой захотелось?

— Пески Марса! Повтори, что ты сказал, Весли, только убери сначала руки с пульта!

Он пронесся мимо Лаки, направляясь в сторону Советника. Руки Лаки привычно опустились на плечо темпераментного марсианина. Ноги Бигмана еще продолжали шагать, когда Лаки водворил своего маленького друга на место.

— Остынь, Бигман.

— Но ты же слышал, Лаки! Весли считает, что чем человек длиннее, тем он умнее! И если в нашем долговязом приятеле шесть футов, то наверняка лишний фут за счет черепной коробки.

— Ну хорошо, хорошо, Бигман,— проговорил Лаки.— А ты, Весли, побереги свой юмор для сирианитов.

Лаки говорил очень спокойно, но его авторитет подействовал на обоих. Бигман прокашлялся и спросил:

— А где Марс?

— Сейчас он в той точке орбиты, что находится за Солнцем.

— Ну да,— недоверчиво протянул Бигман. Затем он оживился,— минутку, Лаки. Мы ведь сейчас на добрую сотню миллионов миль ниже плоскости эклиптики. Так что Марс должен быть виден ниже Солнца!

— Да... должно быть так. Но с такого угла — это примерно один градус — довольно трудно разглядеть его в лучах светила. Зато, по-моему, видно Землю.

На лице Бигмана появилось что-то вроде разочарования.

— Кому это нужно — быть в космосе и разглядывать Землю? Там же нет ничего, кроме людей, которые в большинстве своем вроде кротов: дальше нескольких миль от поверхности никогда не были. Я не стал бы ее рассматривать, даже если бы ничего больше не видел. Вот пусть Весли на нее смотрит. Это занятие ему по плечу.— Он с улыбкой отошел от главного обзорного экрана.

Советник немного помялся и нерешительно спросил:

— Эй, Лаки, как насчет того, чтобы глянуть с этой точки на Сатурн? У меня какое-то неприятное предчувствие. Давай посмотрим.

Он сказал это как-то между прочим, но молчание, повисшее в рубке «Метеора», стало напряженным. Все трое почувствовали это. Сатурн — значит опасность. Эта планета стала злым роком народов Земной Федерации. Для шести миллиардов жителей Земли, для миллионов людей на Марсе, Венере, Меркурии, на лунах Юпитера — Сатурн теперь превратился в неожиданный источник смерти. Лаки первым стряхнул с себя оцепенение, и, послушные его пальцам, ожили многочисленные системы управления кораблем. Антенны радаров начали разворачиваться в сторону загадочной планеты. На экране замелькали звезды и туманности. В четкой последовательности через плоскость экрана проносились звезды всех величин. Ткнув пальцем в самую яркую и оттопырив губу, Бигман спросил со значением:

— Никак Сириус?

— Нет,— покачал головой Лаки,— мы идем сейчас через южное полушарие Галактики, а Сириус находится в северном. Хочешь взглянуть на Канопус?

— Нет,— ответил Бигман,— с чего это вдруг?

— Я просто подумал, что это может тебя заинтересовать. Это вторая по яркости звезда, и ты мог принять ее за Сириус.

Лаки весело рассмеялся. Его всегда забавляли патриотические чувства Бигмана, которого раздражало то, что родиной самых сильных врагов Солнечной Системы, гуманоидов Сириуса — выходцев с Земли, была ярчайшая звезда земного небосвода.

— Очень смешно,— фыркнул Бигман.— Давай лучше посмотрим на Сатурн. А когда вернемся на Землю, ты повторишь эту шутку в каком-нибудь шоу и сорвешь аплодисменты.

Звезды наконец остановились, и Лаки проговорил:

— А вот и он. Не увеличен, кстати.

Весли заблокировал пульт контроля и развернулся в своем кресле к обзорному экрану. Сатурн выглядел как Луна в третьей

четверти, и примерно того же размера, если наблюдать за ней с Земли. Желтый диск светился теплым туманным светом в центре и более ярким по краям.

— Как далеко мы от него?— изумленно спросил Бигман.

— Немногим меньше миллиона миль,— ответил Лаки.

— Что-то здесь не так,— сказал Бигман.— А где же кольца? Я рассчитывал, что рассмотрю их как следует.

«Метеор» находился выше южного полюса планеты. Отсюда кольца должны были просматриваться во всех подробностях.

Лаки пожал плечами:

— Кольца как бы растворены в теле планеты, Бигман, расстояние-то порядочное. Вот сейчас я увеличу изображение, и тогда мы рассмотрим все поближе.

Пятно света, излучаемое Сатурном, приблизилось, и то, что казалось полумесяцем, разбилось на три сегмента. Собственно, сама планета выглядела тоже как полумесяц, но вокруг нее, не касаясь ее, висела неоднородная полоса света. В том месте, где полоса уходила во тьму, она была словно обрезана. На фоне желтого полумесяца планеты полоса была разделена надвое темной прослойкой.

— Да-да, сэр Бигман,— менторским тоном начал Весли,— у Сатурна диаметр всего семьдесят восемь тысяч миль. С расстояния один миллион миль он должен выглядеть, как пятно света. Но если принять во внимание отражение солнечного света от колец, ширина которых от внутреннего края до внешнего двести тысяч миль...

— Да знаю я всю эту ахинею!— возмутился Бигман.

— И более того,— невозмутимо продолжал Весли,— с расстояния в сто миллионов миль просвет между кольцами и планетой шириной всего семь тысяч миль просто неразличим. Я уж не говорю о пространстве между кольцами, которое, как вам, сэр Бигман, известно, составляет двести пятьдесят миль и называется линией Кассини.

— Я уже сказал, что знаю все это,— закричал Бигман.— Слышь, Лаки, этот парень считает, что я забыл окончить обычную школу. Может быть, я не так уж много учился, но что касается Космоса, этот парень вряд ли расскажет мне что-нибудь новенькое. Лаки, скажи этой оглобле, чтобы она не пряталась за твоей спиной, и я размажу его по стенке.

Но Лаки сказал:

— Титан уже можно разглядеть.

Бигман и Весли разом воскликнули:

— Где?!

— Да вот же.

Спутник планеты выглядел как тоненький полумесяц. При этом казалось, что увеличение не затронуло Титан. Он находился у самого края экрана. Сейчас Титан был единственным видимым спутником Сатурна, но не его размеры заставили Весли с любопытством, а Бигмана с ненавистью разглядывать его. Дело в том, что почти все трое считали этот мирок единственным местом в Солнечной Системе, которое было по их мнению населено врагами, не

признающими первородства Земли. Чувство опасности завладело ими.

— Когда мы войдем в зону Сатурна, Лаки?

— Точного определения, что такое зона Сатурна, нет, Бигман. Большинство астрономов считают, что эта зона ограничена полем притяжения планеты. Если это так, то мы пока за пределами зоны Сатурна.

— А вот сирианиты полагают, что...— начал Весли.

— В пучину Солнца тебя и твоих сирианитов!— рявкнул Бигман, топнув ногой, обутой в высокий сапог.— Наплевать, что они говорят!— Он снова топнул ногой так, словно все сирианиты, находящиеся в Солнечной Системе, были под его каблуком. А сапоги его были самые что ни на есть марсианские. Кричащая расцветка, яркие черные и оранжевые загогулины немыслимого рисунка неоспоримо свидетельствовали о том, что их хозяин провел детство и юность среди песков и ферм и помнил города Марса, спрятанные под колпаками силового поля. Лаки включил систему внешнего обзора. Выносные антенны спрятались в своих гнездах. Гладкая броня «Метеора» вновь обрела свои обтекаемые формы, только боевые башенки «Аграва», кольцом опоясавшие корпус корабля, говорили о готовности отразить любую атаку.

— Мы не можем позволить себе роскошь расслабиться, Бигман,— сказал Лаки,— пока верх держат сирианиты. Возможно, мы сможем вышвырнуть их из Солнечной Системы. Но пока... пока мы будем придерживаться правил игры, предложенной сирианитами.

Бигман строптиво проворчал:

— Между прочим, мы в своей системе!

— Верно... но Сириус оккупировал эту часть нашей системы, они навязывают нам межпланетную конференцию, и раз уж они решили развязать войну, Земля ничего не может с этим поделать.

Возразить на это было нечего, и все вернулись к своим делам. Советник Василевски согнулся над контрольным пультом, Бигман что-то бормотал себе под нос. «Метеор» продолжал свой полет к полярной шапке Сатурна, используя все возрастающую силу планеты-гиганта. Все дальше и дальше, в ту область пространства, где патрулировали корабли Сириуса, хотя от их родной планеты было пятьдесят триллионов миль, а до Земли всего семьсот миллионов. Одним гигантским скачком они преодолели огромное расстояние между Сириусом и Солнцем и на самом пороге Земли создали военную базу. Стоит только дать возможность сирианитам задержаться здесь, как Земля превратится во второстепенную планету, колонию Сириуса. А на ней сейчас сложилась такая политическая обстановка, что она не могла воспользоваться всей мощью своего военного потенциала. И вот три человека в маленьком корабле отправились в полет без ведома Земли, чтобы на свой страх и риск, полагаясь только на свои знания и ловкость, повернуть события по-другому. Они знали, что если влипнут в неприятную историю, с ними обойдутся, как со шпионами — и это в своей собственной системе! А Земля не в силах будем им помочь.

Какой-нибудь месяц назад никому и в голову не могло прийти,

что Земля стоит на пороге катастрофы. Правительство было ошеломлено, осознав, что находится перед лицом смертельной опасности. Последнее время Совет Наук успешно очищал космос от автоматических кораблей-шпионов, наводнивших окрестности Земли. Противник получил основательную трепку, когда в снегах Ио за дело взялся Лаки Старр. Это была весьма и весьма опасная работа, поскольку шпионаж был поставлен очень квалифицированно, кроме того, врагам едва не удалось расколоть землян. И вот, в тот момент, когда чаша весов, казалось, клонится в пользу Земли, в системе слежения за роботами-шпионами появилась огромная трещина. В тот день Гектор Конвей, глава Совета Наук, рано утром разбудил Лаки Старра. Весь вид Конвея говорил о том, что одевался он в спешке — его седые волосы, обычно тщательно причесанные, были в беспорядке. Лаки, стряхивая остатки сна, предложил ему кофе и изумленно спросил:

— Великий Космос, дядюшка Гектор (Лаки называл его так еще с тех времен, когда его, сироту, пестовали Гектор Конвей и Августас Генри — опекуны), неужели отказали видеотелефоны?

— Я не осмелился доверить видеотелефону то, что хочу рассказать тебе, мой мальчик. Мы влипли в неприятную историю.

— И как же вам это удалось?— вопрос был задан абсолютно спокойно; Лаки уже умывался, стянув с себя пижаму.

В комнату, зевая во весь рот, ввалился Бигман.

— Что это за шум?

Узнав главу Совета, он мгновенно проснулся:

— Неприятности, сэр?

— Мы позволили агенту «Х» проскользнуть у нас меж пальцами.

— Агент «Х», таинственный сирианит,— глаза Лаки сузились.— Последнее, что я о нем слышал, что его вообще не существует в природе. Так для собственного спокойствия постановил Совет.

— Это было еще до того, как мы вплотную занялись вылавливанием роботов-шпионов. Он оказался чертовски ловким агентом. Нужно быть изрядным хитрецом, чтобы заставить поверить Совет в то, что ты не существуешь. Мне следовало еще тогда направить тебя по его следу, но всегда находились более важные дела. Однако...

— Да, да, я слушаю.

— Как ты знаешь, опыт вылавливания шпионов показал, что у них был центр по обработке поступающей информации, причем где-то здесь, на Земле. Подозрения опять вывели нас на след этого агента «Х». Все сводилось к тому, что им является некто Джек Дорранс, живший здесь в Международном городе и работавший в Акме Эйр Протактс.

— Я его не знал.

— Собственно, были и другие кандидаты, но когда Дорранс захватил частный корабль и прорвался через Главный Околоземный Заслон, все стало на свои места. Нам здорово повезло, что один из советников оказался в Центральном порту и сразу принял необходимые меры. Как только срочный сеанс оповестил Совет о том,

что корабль вырвался в глубокий космос, нам понадобилось всего несколько минут, чтобы выяснить, кто мог быть пилотом. Из всех подозреваемых не обнаружили только Дорранса. Кроме того, подтвердились еще кое-какие подозрения, и стало ясно, что агент «Х» и Дорранс — это одно и то же лицо.

— Ну ладно, прекрасно. Он удрал, что же дальше?

— Нам стало известно также, что он прихватил с собой личную капсулу со всей оперативной информацией, собранной за последнее время. Почему он не переправил ее своим боссам с Сириуса, непонятно. Но то, что она набита информацией о нашей системе обороны, о последних исследованиях и бог знает еще чем, совершенно очевидно.

— Он что, уже доставлен на Землю?

— Нет. Иначе зачем бы я пришел сюда?

— Корабль, который угнал этот парень, оборудован для гиперперехода?— внезапно спросил Лаки.

— Нет, для скачка он не приспособлен,— буркнул глава Совета и провел рукой по седым волосам так, словно они встали дыбом только при одном упоминании о гиперпереходе. Прыжком или скачком обычно называли гиперпереход, скачок через гиперпространство, в результате которого корабль практически мгновенно выходил из обычного в гиперпространство в любой точке вселенной, за много световых лет от точки старта. Агент «Х» вполне мог сбежать и на таком корабле.

Конвей покачал головой.

— Он работал в одиночку и побег устроил сольный. Это, собственно, и помогло ему успешно прорваться через заслон. Он воспользовался одноместной космической яхтой.

— Да, корабли с генераторами скачка не делают одноместными, пока, во всяком случае. Но, дядюшка Гектор, если он взял межпланетную яхту, значит именно она и была нужна ему.

Лаки уже закончил свой туалет и затягивал на костюме последние молнии. Внезапно он повернулся к Бигману:

— А ты чего ждешь? Давай-ка забирайся в свои шмотки.

Сделав замысловатый пируэт, Бигман сорвался с края постели и выскочил из комнаты. Лаки продолжал:

— Вполне возможно, что где-то в космосе его ждет корабль с Сириуса, снабженный генераторами скачка.

— В том-то и дело. Яхта у него гоночная, с высокой стартовой скоростью. Мы можем даже не подобраться к нему на расстояние выстрела пушек галактических крейсеров. Догнать его может только...

— «Метеор», не так ли? Я согласен с вашей мыслью, дядюшка Гектор. Через час я буду на борту «Метеора». Со мной пойдет Бигман, если, конечно, успеет влезть в свои доспехи. Дайте мне координаты кораблей преследования, курс и опознавательные знаки яхты, на которой ушел «Х», и я тут же стартую.

— Хорошо,— напряженное выражение на лице Конвея смягчилось.

— Только, Дэвид,— он назвал Лаки настоящим именем, как

делал только в редкие минуты откровенности,— будь осторожен, береги себя.

— Дядюшка Гектор, а тех парней с корабля преследования ты не просил об осторожности?— однако голос Лаки был необычно задумчивым и печальным.

В дверях появился Бигман. Он уже успел нацепить свою сбрую. Лаки с удовольствием наблюдал за своим другом. Бигман вертелся по комнате в одном сапоге, а второй держал в руках и нежно поглаживал маленькую кобуру, прикрепленную ко внутренней стороне голенища.

— Мы уже трогаемся, Лаки?— в его глазах светилась решимость и готовность к любым подвигам. Как всегда в предвкушении приключений, по его губам змеилась жесткая усмешка.

— Да, мы отправляемся,— ответил Лаки и потрепал рыжие волосы Бигмана.— Сколько мы ржавели на Земле? Шесть недель? Этого более чем достаточно.

— Еще бы,— весело согласился Бигман, натягивая второй сапог. Они были уже за орбитой Марса, когда после изрядных мучений им удалось наладить устойчивую связь с патрульными крейсерами. Первым с крейсера «Гарпун» отозвался советник Бен Василевски.

— Лаки! Ты уже здесь, с нами! Прекрасно!— лицо советника расплылось в улыбке, и Бен подмигнул Лаки:

— Подвинься немного в сторону, чтобы образина Бигмана влезла хотя бы в угол видеофона. Или его нет?

— Где Лаки, там и я,— протиснулся к экрану Бигман.— Неужели ты думаешь, что Конвей отпустил бы этого здоровенного недоросля без присмотра? Он ведь нуждается в моей опеке, не то его длинные ходули заведут его... сам знаешь куда.

Лаки сгреб Бигмана под мышку.

— Что-то разговор становится слишком шумным. Весли, где сейчас находится эта проклятая яхта?

Советник Василевски дал координаты яхты и примерную ее траекторию.

— Яхта называется «Сети Космоса». Частная. Все документы на приобретение в полном порядке. Похоже, что агент «Х» купил ее под вымышленным именем давно и заранее подготовил к полету. Это довольно быстроходная коробка, и гонит он ее в форсажном режиме. Он здорово вырвался вперед.

— Вы установили запас хода и мощность посудины?

— Да, мы подумали и об этом. Наши парни проверили техническую документацию в той фирме, которая строила яхту, и вот что получается: в таком режиме яхта долго не потянет, и этому парню придется отстреливать двигатели, тогда судно полностью потеряет маневренность. Именно на это мы и рассчитываем.

— Можно предположить и такой вариант: он увеличит нагрузку на двигатели до максимума, сберегая мощность силовой установки.

— Возможно,— ответил Весли,— но даже в этом случае ее мощность не бесконечна. Меня беспокоит другое: когда мы доберемся до Пояса астероидов, в пику нашим детекторам он применит про-

тивометеоритный маневр. Ну, а если он прорвется через кольцо, мы можем потерять его.

Лаки хорошо знал этот трюк. Оставляешь между собой и преследователем астероид, и локаторы противника регистрируют только массу астероида, а когда в зону действия локаторов попадает еще один астероид, начинаешь швырять свой корабль из стороны в сторону, в то время как радар преследователя все еще держит первый астероид.

— Он слишком быстро идет для того, чтобы маневрировать,— ответил Лаки.— А на торможение ему надо добрых полдня.

— Это было бы чудо,— честно согласился Весли,— но ведь и то, что нам так быстро удалось обнаружить беглеца, тоже чудо. Так что все может быть.

— Кстати, как произошло первое чудо? Главный упоминал что-то насчет аварийной системы космопорта.

— Так оно и было,— кивнул Весли. Как обычно, коротко, но живо, советник Весли рассказал такую историю.

Дорранс, или агент «Х» проскользнул таможенный досмотр благодаря тому, что у него оказался специальный прибор, нейтрализующий контрольный луч-индикатор. Прибор потом был обнаружен, но он был настолько исковеркан системой защиты от вскрытия, что просто невозможно было установить ни его схему, ни страну-изготовитель. Возможно, прибор был изготовлен на Сириусе. Таким образом, агент добрался до своего корабля без помех и «хвоста». Он собирался уже взлететь: протоновый микрореактор был запущен, двигатель и контрольные приборы освидетельствовали таможенники, впереди было чистое пространство. И вдруг, откуда ни возьмись, появляется грузовой корабль. Он еле дотянул до Земли, так как попал в аварию. Метеорит разворотил двигатель корабля. Запрашивая чистое посадочное поле, калека не предупредил об аварии. И вот этот чертов транспорт валится на ракетодром. Аварийный блок космопорта тут же отменяет «Добро» всем ждущим старта кораблям на взлет. Все до единого вынуждены, как водится, остаться до того времени, пока не будет обезврежен рухнувший грузовик, разгружен, если еще есть что разгружать, и пока не будет дезактивирована площадь посадки на ракетодроме. На это время все корабли должны выключить силовые установки и пройти вторичный досмотр и контрольные процедуры. Лаки отлично представлял, что творилось в душе агента «Х», попавшего в такую передрягу буквально за секунду до старта. Да если еще учесть, что очень много людей сгорало от нетерпения его повидать и потолковать о многих интересных вещах, то становится ясным, что счет пошел на доли секунды... Двигатель яхты «Сети Космоса» выбросил длинный язык пламени на форсаже, и агент «Х» вознесся в небеса вопреки всем правилам. Поднялся ужасный переполох. Сигналы тревоги, радиограммы диспетчеров понеслись вдогонку за беглецом. К счастью, в тот день в Центральном Космопорту дежурил член Совета Бен Василевски, единственный, кто не потерял голову и принял необходимые меры. Он выполнял задание Совета по раскрытию агента «Х» и поэтому раньше других

понял, чем пахнет такой вот отчаянный старт — старт после включения аварийного блока Космопорта. Уже сама по себе догадка была жуткой. И Бен действовал оперативно. У него были полномочия, как у члена Совета Наук (он не мог только отменять приказы самого Президента Территорий Земли). Воспользовавшись своими полномочиями, Василевски отдал приказ нескольким кораблям преследовать «Сети Космоса», связался со штабом Совета, доложил обо всем происшедшем, а сам, не теряя ни секунды, отправился в погоню на галактическом крейсере «Гарпун». Он был в космосе уже несколько часов, когда все члены Совета были оповещены о случившемся. Затем с Земли пришло подтверждение его догадки — они действительно преследовали агента «Х», и скоро еще несколько кораблей прибудут в распоряжение советника Василевски. Лаки выслушал все это с каменным лицом, а затем сказал:

— Этот шанс нельзя было упускать. И ты не упустил его. Отличная работа!

Весли улыбнулся. Как правило, члены Совета избегали всяческой рекламы и не были падки на лесть и славу, но одобрение человека, вхожего в любую комиссию Совета, значило гораздо больше, нежели просто похвала.

— Я вступаю в игру,— продолжал Лаки.— Подключи ко мне для связи одну из своих гончих.

Экран связи погас. Лаки опустил руки на пульт управления «Метеора» — одного из самых быстроходных кораблей в космосе. На «Метеоре» стояли мощные реакторы, которые едва удалось втиснуть в габариты корабля. Мощность этих двигателей позволяла перегнать в обычном пространстве любой из галактических крейсеров, ее хватало для того, чтобы совершить Скачок в пространство, она позволяла ходить практически с любым ускорением, так как все находящиеся в зоне действия преобразователя атомы, были определенным образом сбалансированы, в том числе и те, из которых состояли бренные тела Лаки и Бигмана. Кроме того, на «Метеоре» был установлен экспериментальный «Аграв», с помощью которого корабль мог маневрировать в мощных гравитационных полях планет-гигантов. Повинуясь пальцам Лаки, корабль слегка завибрировал — заработали главные двигатели. Звук, вначале мягкий и низкий, превратился в резкий вой, а затем исчез совсем. Несмотря на то, что ионный преобразователь работал, Лаки почувствовал, что его слегка вдавило в кресло, ускорение было чудовищным. Корабль Лаки набирал скорость, пронзая Солнечную Систему. Однако агент «Х» все еще ускользал от них, и «Метеору» для погони потребовалась вся его мощность. Когда пояс астероидов остался далеко позади, Лаки сказал:

— Не нравится мне это, Бигман.

Бигман удивленно посмотрел на своего друга:

— Мы же достанем его, Лаки.

— Я не об этом. Я был уверен, что он направляется к кораблю, чтобы пересесть на него и совершить Скачок в свою систему. Тогда этот корабль должен был находиться в поясе астерои-

дов или ожидать вне плоскости эклиптики. То есть, он должен стараться, чтобы его не обнаружили. А яхта агента «Х» остается в эклиптике и направляется куда-то в сторону от пояса астероидов.

— Может, он хочет стряхнуть нас с хвоста, а уже потом махнуть к кораблю?

— Может быть,— задумчиво произнес Лаки.— А возможно, что у них есть база на какой-нибудь из внешних планет.

— Ну, это ты загнул,— коротышка марсианин даже закудахтал, чтобы показать насколько смешным кажется ему предположение.— Это что ж, прямо у нас под носом?

— Иногда у себя под носом разглядеть что-нибудь бывает очень даже трудно. Он идет курсом на Сатурн.

— Глянь-ка, Лаки, этот парень все еще не сошел с первоначальной орбиты! За двадцать миллионов миль он ни разу не взялся за рукоятку управления. Может, у него движок уже накрылся?

— А может быть, он просто бережет мощность своей установки для маневрирования в системе Сатурна. Там ведь очень сложная гравитационная болтанка. Великая Галактика! Как я надеюсь, что он просто бережет мощность.— Лицо Лаки посуровело.

— Это еще почему?

— Да потому, что если в системе Сатурна есть военная база сирианитов, агент «Х» приведет нас к ней. У Сатурна один крупный спутник, восемь поменьше и тысячи тел в кольцах. Нам не мешало бы знать поточнее, где находится эта база.

Бигман нахмурился:

— Этот парень не настолько глуп, чтобы привести нас прямо на базу.

— Или позволить поймать себя... Бигман, посчитай его курс до пересечения с орбитой Сатурна. Как далеко он пройдет от самой планеты?

Прошло некоторое время, пока Бигман вводил необходимые данные в компьютер. Через пару секунд Бигман вскочил на ноги и уже не скрывал своей тревоги.

— Пески Марса! Лаки!

В дополнительных объяснениях Лаки не нуждался.

— Мне начинает казаться, что агент «Х» нашел путь, который не приведет нас к базе на Сатурне. Если он будет продолжать идти тем же курсом, он просто врежется в поверхность Сатурна. А это верная смерть.

Чем больше проходило времени, тем меньше оставалось сомнений в намерениях агента «Х». Даже на крейсерах группы преследования, которые остались далеко позади, слишком далеко, чтобы произвести точные расчеты, началось смятение.

Советник Василевски связался с Лаки.

— Великий Космос, Лаки,— сказал он,— куда это он направился?

— Похоже, прямо в Сатурн,— ответил Лаки.

— Можно ли предположить, что корабль сирианитов ожидает его прямо на Сатурне? Насколько я знаю, атмосфера Сатурна простирается на тысячи миль, а атмосферное давление просто сумас-

шедшее. Без установок типа «Аграв» их там просто раздавит. Лаки, неужели у них есть «Агравы» или Мыльные Пузыри?

Мыльными Пузырями называли корабли, снабженные генераторами мощных силовых полей. В сферическом коконе защитного поля корабль мог до известного предела спускаться в атмосферу планет-гигантов.

— Я думаю, что он решил погибнуть, лишь бы не попасть к нам в руки.

На это предположение Весли сухо заметил:

— Если это самоубийца, он предпочел бы повернуть и прихватить с собой кого-нибудь из нас.

— Ну да,— сказал Лаки,— он мог просто давным-давно взорвать двигатель. Получается, что ему непременно нужно обратить внимание на Сатурн, хотя бы такой вот ценой. Но чье внимание?— Лаки задумался.

— А не попробовать ли нам отрезать его от курса?

— Пески Марса, Весли!— закричал Бигман.— Если мы увеличим тягу гравитационного луча, то будем идти слишком быстро, чтобы маневрировать в гравитационных полях Сатурна!

— Сделайте же хоть что-нибудь!

— О, космос!— проворчал Бигман.— Вот умный приказ. Ну просто перст указующий. Сделайте что-нибудь!

— Продолжаем двигаться тем же курсом,— сказал Лаки, выключив видеофон, и, повернувшись к Бигману, добавил:

— Он что же, ни на один вызов не ответил?

— Ни слова.

— Забудь про все и постарайся поймать его коммуникационную волну.

— Вряд ли он сейчас на ней работает.

— Как раз в последнюю минуту он должен воспользоваться передатчиком. Он не упустит такой шанс. Если ему есть что сказать, он обязательно выйдет в эфир. А мы тем временем отправимся к нему.

— Как это?

— Ракета. Пошлем маленькую разведракету.

Теперь настала очередь Лаки поколдовать над компьютером. Пока «Сети Космоса» двигались по инерционной орбите, не составляло особого труда рассчитать курс ракеты-малютки, которую Лаки собирался отправить на перехват. Он подготовил малютку к старту. Конструкция этих ракеток не предусматривала использование их в качестве снарядов, но ракета, имеющая четверть дюйма в диаметре и развивающая скорость в пятьсот миллионов миль в секунду, могла проткнуть насквозь не только космическую яхту, но и галактический дредноут. Не было в космосе другой такой приемистой штучки — она войдет в борт яхты, как в масло. Однако Лаки вовсе не собирался превращать «Сети Космоса» в подушечку для иголок. Крошка-ракета была достаточно велика для того, чтобы детекторы яхты заметили ее и автоматически отвернули курс беглянки от Сатурна в открытый космос. Агент «Х» потеряет достаточно много времени, чтобы вернуться на прежний курс, а

«Метеор», воспользовавшись этим, сможет подойти на расстояние, достаточное для действия магнитных ловушек. Надежда на успех этого маневра была, конечно, минимальной. Но Лаки не собирался упускать и этот шанс. Тем более, что, наверное, это была единственная возможность выиграть поединок. Лаки включил контакт — беззвучная вспышка, и ракета устремилась к цели. Датчики массы на пульте судорожно вздрогнули, но тут же успокоились — ракета была уже далеко. Лаки откинулся в кресле и задумался: торопиться было некуда. Пройдет не менее двух часов, прежде чем ракета достигнет цели или пройдет мимо нее. Лаки пришло в голову, что, возможно, у агента «Х» вообще пустой реактор и тогда автоматика не сработает. В этом случае маленькая ракета взорвет яхту, но даже это не изменит траектории корабля — основная масса обломков все равно упадет на Сатурн. Однако, он тут же отбросил эту мысль. Абсолютно невозможно было предположить, что агент «Х» не оставил резерва мощности для маневрирования на подходе к пункту своего назначения. Наиболее вероятным выглядело предположение, что он сберегал мощность своей силовой установки. Время тянулось бесконечно. Гектор Конвей на далекой Земле нервничал все больше и наконец вызвал Лаки по супер-связи:

— Как ты думаешь, где в системе Сатурна может находиться эта база?— опять спросил он.

— Если она существует,— осторожно начал Лаки,— и если то, что делает агент «Х», не является отчаянной попыткой ввести нас в заблуждение, я бы смело предположил, что она расположена на Титане. Это единственный крупный естественный спутник Сатурна, масса которого втрое больше, а площадь вдвое больше, чем у нашей Луны. Но если сириниты решили устроить свою базу под поверхностью Титана, то это должно было отнять у них массу времени.

— Трудно поверить, чтобы они осмелились на такое. Это ведь откровенный вызов, а по существу, развязывание войны.

— Вполне возможно, дядюшка Гектор. Ведь не так давно они собирались устроить свою базу на Ганимеде.

Вдруг Бигман вскрикнул:

— Лаки, он прибавил скорость!

— Кто прибавил? — удивленно повернулся Лаки.

— Да «Сети Космоса», этот сириянитский парень!

Лаки быстро повернулся к экрану видеофона:

— Я вызову вас попозже, дядюшка Гектор.— И выключил супер-связь.

— Но он не может сейчас прибавлять, Бигман. Вряд ли наш «подарок» уже достиг яхты.

— Ты сам смотри, Лаки! Я же говорю тебе — прибавил!

Одним прыжком Лаки оказался возле детектора массы «Метеора». Они уже несколько часов следили только за массой «дичи». Детекторы были настроены на летящую в космосе массу определенной величины, и на экране это выглядело как маленькая мерцающая звездочка. А вот теперь звездочка превратилась в черточку, что могло означать только одно — объект ускорил движение.

Голос Лаки стал напряженным:

— Великая Галактика, ну конечно же! Теперь мне все ясно. Как я мог подумать, что основной его задачей было уйти от нас, Бигман?

— Да, Лаки?— коротышка марсианин был готов к чему угодно.

— Теперь нам придется взорвать эту коробку, даже если сами свалимся на Сатурн.

Впервые с того времени, когда год назад на «Метеоре» были установлены двигатели на ионной тяге, Лаки включил чрезвычайный резерв мощности маршевого двигателя. Корабль стремительно рванулся вперед — каждый пучок энергии, заложенный в него, превратился в скорость.

Бигман с трудом перевел дыхание.

— Что за чертовщина, Лаки?

— Направлялся-то он вовсе не к Сатурну. Он просто воспользовался, и очень умело, могучим притяжением планеты. Сейчас он выходит на круговую орбиту Кольца Сатурна. Вот что ему было нужно — кольцо Сатурна. Лицо молодого члена Совета исказилось от напряжения.

— Держись на его коммуникационной частоте, Бигман. Он должен сейчас выйти на связь. Сейчас или никогда.

Бигман склонился над волновым анализатором, тяжело дыша, он работал руками, не переставая раздумывать о том, что готов душу заложить, но узнать, чего это Лаки так разнервничался из-за каких-то колец. Скаут-автомат находился уже в непосредственной близости от яхты. Их разделяло всего пятьдесят миль. Теперь и сам «метеор» превратился в снаряд, но, похоже, и он не успевал.

— Мы никогда его не нагоним!— прорычал Лаки.— Слишком мало расстояние для маневра. Из такого виража не выберется даже «Метеор».

Внезапно Бигман взорвался:

— Вот как! Грязный подонок! Он растворился в кольцах, Лаки! Теперь-то я понял, зачем ему понадобился Сатурн со всеми его кольцами!

Бигман фурией метался над детекторами массы, но толку от этого не было. Как только сектор кольца попал в зону действия локатора, каждый обломок, имеющий солидную массу, превратился в сверкающую звездочку на экране детектора. Теперь весь экран сверкал яркими точками и отыскать среди них «Сети Космоса» было практически невозможно.

Лаки покачал головой.

— Это беда поправимая. Мы подошли достаточно близко, чтобы увидеть его. Но наш «друг» приготовил еще один фокус и вот-вот покажет нам его.

Бледный, без кровинки в лице, Лаки дал максимальный ход. Теперь яхта «Сети Космоса» напоминала металлический цилиндр, полускрытый обломками кольца. Отдельные скопления, из которых состояло Кольцо, были обыкновенными булыжниками, и в свете далекого солнца казались белыми искрами.

Наконец Бигман сказал:

— Я кажется нащупал его волну... вот... нет, нет, не то... сейчас, сейчас... а, вот она!

В рубку ворвался характерный треск, на фоне которого появился и исчез, а потом опять появился искаженный голос. Несмотря на то, что передача велась по сирианитской системе, искусные пальцы Бигмана уверенно управляли работой дешифратора, выбирая оптимальный режим. Отдельные слова невозможно было расслышать вообще. Наконец в рубке установилась тишина, нарушаемая лишь чуть слышным фоном регистратора, подключенного на вход дешифратора.

— ... не ... во ... кировать (пауза, во время которой Бигман отчаянно работал ручками настройки)... по следу... не мог уйти... сделано для того, чтобы... я должен был... кольцо... рна... на обычной орбите... же запущена... кусок материи... следуйте... таким образом надобность в координатах...

В этот момент пропало сразу все: и голос, и помехи.

— Пески Марса! Там что-то взорвалось,— завопил Бигман.

— Там не может быть ничего, что может взорваться, кроме «Сетей Космоса», да, это яхта!

Лаки увидел, как это произошло, через две секунды после того, как внезапно прервалась передача. Волны супер-связи распространяются с огромной скоростью, свет от вспышки, которую увидел Лаки, распространялся со скоростью сто восемьдесят шесть тысяч миль в секунду. Ровно две секунды понадобилось пучку света, чтобы достичь экрана «Метеора». Лаки видел, как кормовая часть яхты вдруг налилась малиновым цветом, а потом превратилась в яркий цветок горящего металла. Бигман тоже успел увидеть самый конец грандиозного спектакля, разыгравшегося в пустоте. Не в силах произнести ни слова, они сидели, впившись глазами в экран. Лаки тряхнул головой:

Слишком близко он находился к веществу Кольца, хотя и не был в нем. Наверное, у него совсем не осталось мощности, и уклониться от одного из обломков он уже не смог. А может быть, два объекта шли таким образом, что возможности для маневра уже не было. Как бы то ни было, он был смелым человеком и умным врагом.

— Я что-то не совсем понял, Лаки, *зачем он это сделал?*

— Неужели ты и сейчас ничего не понял? До тех пор, пока он не должен был попасть к нам в руки, умирать этому парню не было никакого смысла. Мне нужно было разгадать его планы раньше. Самой главной задачей его было доставить разведданные в район Сатурна и передать их своим хозяевам с Сириуса. Он не стал рисковать и не передавал информацию по супер-связи: ведь на хвосте у него висели корабли преследования, и он знал, что мы настроились на его волну. Ему необходимо было сжать информацию в минимальный объем и позаботиться, чтобы она попала по назначению в «живом виде».

— Но как же это можно было сделать?

— Из обрывков его передачи можно было понять такие слова: орбита, уже запущена.

Бигман схватил Лаки за руку и крепко стиснул ее.

— Он запустил капсулу в кольцо! Так ведь, Лаки! Отыскать эту капсулу среди триллионов булыжников Кольца не легче, чем найти отдельную каплю в океане или пылинку на Луне.

— Или,— добавил с усмешкой Лаки,— как капсулу в кольцах Сатурна. Правда, из-за взрыва ракеты он не успел передать координат орбиты, на которую выбросил капсулу, так что у нас одинаковые шансы с Сириусом, и сейчас самое время обскакать сирианитов.

— Поиски начнем прямо сейчас?

— Немедленно! Если он собирался дать координаты, зная, что мы висим у него на хвосте, значит он точно знал, что сириаиты совсем рядом... Свяжись-ка с кораблем преследования, Бигман, и сообщи им новости.

Бигман повернулся к приемнику,— он не успел включить его. Индикатор приема затеплился ровным светом — в непосредственной близости от «Метеора» кто-то вел передачу на обычной радиоволне! Несомненно этот кто-то находился очень близко, где-то в системе Сатурна, и совсем не беспокоился о секретности передачи, так как работал в таком диапазоне, что засечь его мог даже школьник. Глаза Лаки сузились:

— Принимай, Бигман...

Возникший голос, с характерным акцентом — очень длинными гласными и твердыми согласными мог принадлежать только жителю Сириуса. Он говорил:

— ... имен ядра, назовите себя. В противном случае мы будем вынуждены захватить корабль. Подтвердите прием. У вас осталось тридцать секунд.

Лаки холодно ответил:

— Прием радиограммы подтверждаю. Я — «Метеор». Корабль принадлежит территориям Земли. Здесь нахожусь по заданию Федерации Территории Земли. Пространство, в котором мы находимся, под юрисдикцией Земли, другой нет и не было.

На секунду или две воцарилось молчание — радиоволны распространяются всего лишь со скоростью света. Затем тот же голос, безжизненный и ровный, произнес:

— Не может быть юрисдикции Федерации там, где существует колония народов Сириуса, то есть на мирах, колонизированных Сириусом.

— А чей, по-вашему, этот мир?— спросил Лаки.

— Населенное пространство Сатурна входит во владения Сириуса, согласно межзвездному закону, который гласит: «Любой мир, колонизированный той или иной цивилизацией, ей и принадлежит».

— Не любой свободный мир, а незаселенная звездная система.

Ответ последовал не сразу. Механический голос сообщил:

— Вы находитесь сейчас в зоне Сатурна, и вам предлагается покинуть ее. Любые попытки не выполнить предложение, повлекут за собой задержание корабля и взятие его в плен. Этот приказ распространяется на все прочие корабли Федерации, попавшие в систему Сатурна. Больше предупреждение передаваться не будет.

Вам надлежит стартовать из системы Сатурна через восемь минут. В противном случае мы примем меры.

Бигман с искаженным лицом прошептал:

— Вперед, Лаки, зададим им трепку! Пусть старина «Метеор» покажет, как он умеет драться!

Лаки даже не повернул головы, целиком занятый переговорами.

— Ваше предложение зафиксировано. Мы не признаем власть Сириуса, однако покидаем систему по своей воле. Это мы сейчас и сделаем.— И он выключил связь.

Бигман остолбенел:

— Пески Марса, Лаки! Мы что же, оставим капсулу в кольце и подарим информацию, собранную агентом «Х», сирианитам? Не собираешься ли ты удрать от горстки сирианитов?

— Да, Бигман,— ответил Лаки.— Собираюсь, причем прямо сейчас.

Голова его была опущена. Бигман видел бледное напряженное лицо своего друга. Но Бигман обнаружил в глазах Лаки и гневную уверенность, совсем не свойственную человеку, который решил бежать от опасности. Старшим офицером, возглавлявшим корабли группы преследования, не считая советника Бена Василевски, был командор Майрон Бернольд, обладатель четырех шевронов. Ему было около пятидесяти, но выглядел он на добрый десяток лет моложе. Несмотря на седые волосы, брови его были черны, а сквозь хорошо выбритую кожу щек проступала вороненая синева. С нескрываемым презрением он в упор разглядывал Лаки Старра.

— И ты удрал оттуда?

«Метеор», возвращавшийся в сторону Солнца, встретил корабли преследования на расстоянии почти равном от Юпитера и Сатурна. После маневра сближения Лаки перешел на флагманский крейсер.

Сейчас он ровно и спокойно говорил:

— Я сделал только то, что нужно было сделать.

— Когда враг захватил твою родную звездную систему, отступление никогда не может быть необходимым. Даже если бы вас торпедировали и взорвали, даже тогда у вас было бы время предупредить нас, а уж мы бы подоспели...

— И к тому времени у вас почти не осталось бы горючего в ловушках,— командор.

Командор вспыхнул:

— Даже если бы мы и потерпели поражение, то все равно успели бы предупредить командование на Земле.

— И тем самым развязали бы войну?

— Она ее уже начали. Эти сириниты... Короче, я сейчас же отправляюсь к Сатурну и атакую.

Подтянутая фигура Лаки напряглась. Он был выше командора и, когда тот поднял глаза, холодный и твердый взгляд Лаки остановил его.

— Вы знаете, что я являюсь полным советником Совета Наук и значит старше вас по рангу. Я не отдам приказа атаковать. Напротив, я приказываю вам вернуться на Землю.

— Да я скорее...— кулаки командора сжимались, было со-

вершенно очевидно, что он с трудом сдерживает себя. Когда он заговорил, голос его срывался:

— Не будете ли вы настолько добры, сэр, объяснить причину вашего блистательного решения? Мои-то резоны объясняются очень просто: на флоте, так уж случается, существует одна маленькая традиция, сэр. Традиция такова: флот никогда не отступает, сэр.— Командор намеренно подчеркивал уставное обращение к вышестоящему начальству.

Лаки спокойно ответил ему:

— Если вы действительно хотите знать причину, командор, сядьте, и я попытаюсь объяснить вам. Только пожалуйста, не говорите, что флот никогда не отступает. Отступление — это всего лишь часть военного маневра, и командующий, который теряет все свои корабли только потому, что «флот никогда не отступает», не имеет морального права на командование. Я полагаю, командор, что весь этот вздор вы наговорили сгоряча. А теперь ответьте, вы готовы начать войну?

— Я же сказал, что война уже развязана. Они захватили часть пространства нашей Федерации.

— Не совсем так. Они заняли часть пространства, которое мы не успели оккупировать. Загвоздка в том, командор, что с появлением гиперперехода путешествия между звездами стали слишком уж просты, и земляне, колонизируя планеты далеких звезд, забыли оккупировать кое-что в своей собственной системе.

— Мы же высаживались на Титан. Это было...

— Я знаю об экспедиции Джеймса Френсиса Хогга. Он высаживался и на Обероне в системе Урана. Но это была всего лишь разведка, а не колонизация. Система Сатурна была оставлена не колонизированной, а такие территории принадлежат тому, кто первый основывает поселения на них.

— Но,— тяжело и веско подхватил командор,— только в том случае, когда планета или планетная система находится в неоккупированной звездной системе. Сатурн не является частью такой системы, не так ли? Он часть Солнечной Системы, а она, клянусь всеми дьяволами космоса, как раз занята.

— Верно, но мне кажется, что официального соглашения по этому поводу не было. Вполне возможно, что Сириус имеет право занять систему Сатурна.

Командор с силой ударил себя по колену:

— Плевать я хотел на бормотание всех этих юристов! Сатурн наш, и любой землянин, в жилах которого течет кровь, согласится со мной. Мы вышибем сирианитов. Пусть этот спор решают пушки.

— Это как раз то, что сирианитам нужно!

— Так пусть они и получат, чего добиваются...

— И нас обвинят в агрессии... Командор, сейчас на звездах существуют пятьдесят автономных цивилизаций, и они не забыли, как в прошлом были колонизированы Землей. Мы всем дали свободу без войн, но как раз об этом они уже забыли. Они помнят только одно, что Земля по-прежнему самый населенный и развитый мир. Сирианиты хотят закричать на всю Галактику, что Земля

спровоцировала агрессию. Если это случится, все остальные миры примкнут к Сириусу. Вот почему сирианиты хотят, чтобы войну развязали мы, и вот почему я принял решение отступить.

Командор прикусил нижнюю губу и уже собрался ответить, но Лаки продолжал:

— С другой стороны, если мы сейчас воздержимся от резких выпадов, то обличим в агрессии Сириус и подключим широкие общественные массы на внешних мирах. Мы сделаем это очень широко, и тогда внешние миры примкнут к нам.

— Примкнут к нам?

— Почему бы и нет? Ведь в населенных системах есть сотни миров, только ждущих своих колонистов. Вряд ли населению здешних миров понравится, что возник прецедент, по которому конкуренты смогут захватывать облюбованные другими миры. Так что единственная реальная на сегодня опасность — оказаться в оппозиции к бывшим колониям, лишний раз подчеркивая могущество Земли.

Командор поднялся, прошелся по каюте и снова сел.

— Повторите ваши приказы, советник.

— Вы хорошо поняли причину моего отступления?

— Так точно! Повторите приказание!

— Вот и хорошо. Я приказываю доставить на Землю капсулу, которую вы получите от меня, и передать лично, повторяю, лично в руки Гектору Конвею. Я запрещаю посвящать кого бы то ни было в то, что произошло во время преследования. Ни в космосе, ни на Земле. Вы не имеете права вступать в военные действия с сирианитами. Повторяю, не имеете права, если, конечно, не будете атакованы. И если вы позволите себе отклониться от маршрута, чтобы ввязаться в схватку или спровоцировать нападение, я отдам вас под суд и прослежу, чтобы наказание не было слишком мягким. Вам все ясно?

Лицо командора застыло, только губы кривились и дергались на лице, ставшем похожим на маску.

— Несмотря на все мое уважение, сэр... Может быть, советник примет командование над моими кораблями и сам переправит капсулу на Землю?

Лаки слегка поежился и ответил:

— Вы весьма упрямый человек, командор, и меня это даже восхищает В битвах бывают ситуации, когда подобная бульдожья хватка просто необходима... Сейчас я никак не могу заняться этой капсулой, поскольку собираюсь вернуться на «Метеор» и отправиться назад, к Сатурну

С командора мгновенно слетела вся его воинская спесь:

— Куда?! Святое небо! На Сатурн!

— Полагаю, я выразился достаточно ясно, командор. У меня там осталось одно незаконченное дельце. Я считал, что моя первоочередная задача — проследить, чтобы Земля была вовремя предупреждена об огромной политической опасности, перед лицом которой мы оказались. Если вы возьметесь как следует выполнить это дело — предупредить об опасности, то я смогу спокойно отпра-

виться туда, где мне сейчас просто необходимо быть, на Сатурн.

Командор широко улыбнулся:

— Вот это другое дело. Я хотел бы сопровождать вас.

— Я был уверен, что вы выразите такое желание. Оказаться в стороне от схватки — очень непростая задача для вас, командор. Поэтому я и прошу вас доставить на Землю капсулу, ведь вы человек искушенный в решении сложных задач. А теперь мне нужно принять на «Метеор» необходимое количество горючего с ваших кораблей. Кроме того мне понадобится кое-какое оборудование из запасов вашей эскадры.

— Приказывайте.

— Отлично. Я возвращаюсь к себе и хочу, чтобы советник Василевски сопровождал меня в этой миссии.

Лаки обменялся рукопожатием с окончательно оттаявшим командором и отправился к себе. В переходной трубе, соединяющей «Метеор» с флагманским кораблем, к нему присоединился советник Василевски. Переходной коридор был развернут почти на всю свою длину, и потребовалось несколько минут, чтобы пройти его. В трубе коридора почти не было воздуха, но советники все равно могли беседовать: отзвуки голосов искажались в звонком металле; но понимать друг друга было можно. Кроме того, по сравнению со звуковыми волнами в узком диапазоне, никакая другая форма связи не гарантировала от прослушивания. Именно поэтому Лаки коротко рассказал обо всем советнику Василевски в трубе переходного коридора. Наконец Весли мягко изменил тему разговора.

— Послушай, Лаки, если сирианиты пытаются спровоцировать беспорядки, то почему они так легко отпустили тебя? Они ведь могли изводить тебя до тех пор, пока ты не разозлился бы и не вступил с ними в схватку.

— На этот счет... Весли, ты ведь слышал запись моего разговора с сирианитским кораблем? Тот, кто говорил, объяснялся как-то косноязычно. И угроза-то была какая? Захватить корабль в магнитную ловушку. Мне кажется, это был корабельный робот.

— Робот?— Весли широко раскрыл глаза.

— Да, глядя на тебя, легко представить, что будет на Земле твориться, когда слушок о роботах дойдет туда. Однако, факт остается фактом — корабль-робот не может причинить вреда кораблю, управляемому людьми. Первый закон роботехники не допускает подобных действий роботов. Корабль-робот атаковать людей не может. И именно это увеличивает опасность. Если бы я атаковал, на что, возможно, и рассчитывали сирианиты, то Сириус растрезвонил бы повсюду о нападении Земли на практически беззащитный корабль. И внешние миры оценили бы это совсем по-другому, чем Земля. Нет, Весли, обмануть сирианитов можно было только так, как это сделал я, а я отступил. Пока!— С этими словами он открыл воздушный шлюз «Метеора». Бигман ожидал их. На лице его появилась обычная улыбка облегчения, с которой он встречал Лаки даже после недолгого расставания.

— Эй,— сказал он,— какие новости? Тебе опять удалось не вывалиться из шлюза и вот... А что здесь понадобилось Весли?

— Он отправляется с нами.

Это еще зачем? Коробка-то у нас двухместная.

— Мы потеснимся временно. А сейчас нам нужно начать заполнять емкости горючим и получить еще кое-что по переходному коридору. Как только кончим, немедленно стартуем.

Голос Лаки тверд, и перемена темы разговора звучала как приказ. Бигман знал, что спорить бесполезно, он только проворчал:

— Ну, конечно,— и отправился в моторный отсек, бросив ревнивый взгляд в сторону советника Василевски.

— Какая муха его укусила?— спросил Весли.— Я ведь ни слова не сказал о его росте.

Лаки нехотя ответил:

— Ты тоже должен понять коротышку Бигмана. Он ведь считается советником неофициально, хотя давно заслужил подобное назначение, и он единственный, кто это понимает. Во всяком случае он будет считать: раз на корабле появился еще один полный советник, то мы с тобой будем уединяться, прекратим с ним советоваться и... появятся маленькие секреты от него.

Весли кивнул головой в знак согласия.

— Понятно... Ты предлагаешь сказать ему...

— Нет.— Ударение, сделанное на этом слове, было мягким, но не оставляло сомнений.— Я скажу ему сам, а ты уж помолчи.

В эту минуту в рубку вошел Бигман.

— Корабль впитывает энергию как...— Он очень внимательно посмотрел на обоих советников, а затем проворчал:

— О, простите, я кажется помешал. Может быть, мне покинуть корабль, джентльмены.

— Для этого тебе потребуется связать меня,— ответил Лаки.

Бигман продемонстрировал хук слева и справа и двинулся на Лаки.

— О, малыш, это чрезвычайно сложно. Неужели ты надеешься, что длинный фут твоей длинноты помешает мне это сделать?

Через миг он уже был в объятиях смеющегося Лаки, успев дважды ткнуть его открытой ладонью по спине:

— Ну, как настроение, получше?

Бигман, все еще в стойке, отпрыгнул назад.

— Я не стал бить тебя по-настоящему, чтобы не навлечь на себя гнев «Духовного Конвея» за избиение младенцев.

Весли засмеялся:

— Спасибо. А теперь тебе предстоит рассчитать вот эту орбиту и переслать данные командору Бернольду.

— Понятное дело.— Озлобление Бигмана улетучилось, и он опять почувствовал себя на коне.

— Послушай, Лаки,— сказал советник Василевски,— мне не хочется праздновать труса, но... мы не так далеко от Сатурна, и я кожей чувствую работу радаров незваных гостей. Они точно знают, где мы находимся, определят момент старта и направление нашего движения.

— Я тоже так считаю, Весли.

— Но как мы сумеем незаметно покинуть группу кораблей, да

еще и незамеченными пробраться в систему Сатурна?

— Отличный вопрос. Я все думаю, догадаешься ты, как это сделать, или нет. Если даже ты не догадался, то я имею все основания надеяться и на недогадливость сирианитов, ведь они хуже тебя знают нашу систему.

Весли откинулся на спинку пилотского кресла.

— Кончай говорить загадками, Лаки.

— Все очень просто. Все корабли эскадры, включая «Метеор», стартуют по направлению к Земле одновременно, таким образом, учитывая расстояние от Сатурна, все десять кораблей будут представлять на экранах сирианитов одну точку. Таким плотным строем мы будем двигаться якобы по кратчайшей орбите к Земле, на деле же, лишь до точки пересечения с орбитой астероида Идальго, который движется сейчас к своему апогею.

— Идальго?

— Ну, ну, Весли, ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Это вполне солидный, заслуживающий доверия астероид, известный еще во время оно. У него есть одна прекрасная особенность — он не входит в пояс астероидов. При приближении к Солнцу он проходит почти по орбите Марса, а при удалении от Солнца — почти до орбиты Сатурна. Далее, когда мы приблизимся к Идальго, он тоже появится на экранах сирианитов, и по размерам отметки они сразу опознают в нем астероид. Затем они продолжат наблюдение за эскадрой и не заметят потери. В это время «Метеор» повернет к Идальго и укроется в его тени. Конечно, траектория Идальго не приведет нас прямо к тому месту, где скрываются сирианиты, но через парочку дней, проведенных в тени астероида, мы можем вынырнуть из плоскости эклиптики и направиться к Сатурну. При этом будем вправе рассчитывать на то, что нас не заметят.

Весли поднял брови:

— Я надеюсь, очень надеюсь, что этот трюк сработает.

Он понял замысел Лаки. Плоскость, в которой пролегли орбиты планет и маршруты рейсовых кораблей — это плоскость эклиптики. Обычно, никто не обращал внимания на объекты, движущиеся вне этой зоны. Было вполне резонно предполагать, что корабль, движущийся по задуманной Лаки орбите, не будет замечен приборами сирианитов. И все-таки лицо Весли выражало какое-то недоверие. Лаки спросил:

— Как ты думаешь, сможем мы это осуществить?

— Может быть, и сможем. Но даже если... если что-нибудь случится... я хочу, чтобы ты знал, я весь уже в этом деле и сделаю все, что смогу. Я думаю, мы все-таки справимся с этим заданием.

* * *

И вот «Метеор» понесся под прикрытием Идальго и, выйдя из плоскости эклиптики, направился к южному полюсу второй по величине планеты Солнечной Системы. За всю короткую, но насыщенную приключениями историю совместных полетов, Лаки и Бигман никогда еще не были в космосе столь долго. С тех пор, как они

покинули Землю, прошло уже более месяца. Однако маленькая скорлупка, наполненная воздухом и теплом, под названием «Метеор», была частью Земли и могла существовать автономно очень долго. Энергетические емкости «Метеора» были наполнены кораблями эскадры до предела, и Лаки Старр со своими друзьями мог путешествовать и сражаться в течение года. Запасов воздуха и воды, циркулировавших в банках с хлореллой, должно было хватить на целую человеческую жизнь. Эти водоросли могли служить даже пищей, когда кончатся концентраты. Единственным нарушением комфорта было присутствие на борту третьего человека. Корабль, как справедливо отметил Бигман, был рассчитан на двоих. И расчет этот был разумно экономным. Поэтому обитателям «Метеора» пришлось по очереди спать на стеганом одеяле в ходовой рубке. Лаки предложил компенсировать это неудобство трехчасовой вахтой вместо обычной шестичасовой. Кто спит без удобств, тот в этот день дежурит меньше. Когда жесткая постель доставалась Бигману, он был особенно недоволен.

— Как только я соберусь подремать на этой собачьей подстилке, Весли умудряется все вспышки сигнальных ламп направить мне в лицо.

— Дважды за вахту,— терпеливо пояснил Весли,— я проверяю работу аварийных систем, чтобы быть в них уверенным. Согласно инструкции.

— Кроме того,— продолжал Бигман,— он все время свистит сквозь зубы. Слышь, Лаки, если он еще раз засвистит этот проклятый шлягер «Моя прекрасная Афродита с Венеры», еще только один раз, я взорвусь, оторву ему руки по локти и изобью этими обрубками до смерти.

Лаки мрачно посоветовал:

— Весли, пожалуйста, прекрати насвистывать, а то Бигман зальет кровью всю пилотскую.

Бигман на это ничего не ответил, но когда пришел его черед заступать на вахту, а Весли спал на одеяле, распластав руки и музыкально похрапывая, Бигман умудрился наступить ему на руку, пока пробирался к пилотскому месту.

— Пески Марса!— воскликнул он, воздев руки и вращая белками глаз, словно тигриный рев Весли был для него полной неожиданностью.

— Я ведь вроде почувствовал, как что-то попало под мой сапог. Бог мой, Весли, неужели это были твои пальчики?

— Ну, теперь ты поспишь у меня!— вопил Весли.— Как только ты ляжешь спать, я раздавлю тебя, как клопа, ты, марсианская песчаная кошка!

— Я уже наложил в штаны от страха,— засмеялся Бигман.

Лаки поднялся со своего места.

— В следующий раз тот, кто меня разбудит, проведет конец «путешествия» в скафандре, на самом конце сигнального фала за бортом.

Однако когда Сатурн со своими кольцами занял весь обзорный экран, они мирно собрались в ходовой рубке. Даже если рассматри-

вать Сатурн с обычной точки — экваториальной, это неповторимое зрелище, одно из красивейших в Солнечной системе, а уж если повиснуть над полюсом...

— Как я припоминаю,— начал Лаки,— даже исследовательская экспедиция Хогга побывала только на Япете и Титане, то есть, они видели планету «в фас» по экватору. И если сириниты поступили так же, то мы первые гуманоиды, кто видит Сатурн с полюса.

Так же, как у Юпитера, мягкий золотистый свет, источаемый «поверхностью» Сатурна, был на деле отражением солнечных лучей от плотной турбулентной атмосферы тысячемильной толщины. И так же, как у Юпитера, атмосферные возмущения выглядели, как зоны с различной окраской. Но зоны не делили полосами шар планеты, напротив, они образовывали концентрические окружности светло-коричневого и пастельно-зеленого цвета вокруг полюса. Однако вся необычность этого зрелища меркла перед красотой колец. С такого расстояния кольца простирались под углом в двадцать пять градусов, и их видимая сторона была в пятьдесят раз больше диаметра полной Луны. Внутренние края колец отстояли от планеты на сорок пять угловых минут. Насколько можно было видеть из рубки «Метеора», кольца нигде не касались поверхности Сатурна. Примерно три пятых поверхности колец были видны, остальное было словно отрезано тенью планеты. На расстоянии трех четвертей от внутреннего края кольцо было поделено черной полосой, известной под названием «Линия Кассини». Общая площадь, занимаемая кольцом, была в восемь раз больше площади тела планеты. Причем кольца были намного ярче, чем сама планета. Таким образом более девяноста процентов света, доходящего до других планет, составлял свет, отраженный от колец Сатурна. Интенсивность их свечения в сто раз превышала свет земной луны в полнолуние. Даже Юпитер, если его разглядывать с предельно близкого расстояния — с поверхности Ио, не производит такого ошеломляющего впечатления, и когда Бигман наконец обрел дар речи, он прошептал:

— Лаки, как же это так получается, что кольца ярче Сатурна, они ведь и смотрятся словно в дымке. Это что же, оптическая иллюзия?

— Да нет, так оно и есть на самом деле,— ответил Лаки,— и Сатурн и его кольца получают одинаковое количество солнечных лучей, но отражают их по-разному. То, что мы видим, как свет Сатурна, на самом деле свет отраженный. Атмосфера планеты состоит в основном из водорода и гелия с незначительным содержанием метана и отражает около шестидесяти процентов падающего света, а кольца — это, в основном, крупные куски льда и отражают до восьмидесяти процентов этого самого света. Вот почему они и выглядят более яркими. Смотреть на кольца Сатурна, все равно что на заснеженное поле в солнечный день.

Весли, словно он разговаривал сам с собой, промычал себе под нос:

— И нам предстоит разыскать на этом «поле» одну маленькую снежинку.

— Но «снежинку» темную,— горячо возразил Бигман.— Послу-

шай, Лаки, раз уж кольца ледяные, а нам нужна металлическая капсула...

— Капсула из полированного алюминия,— возразил Лаки,— который отражает свет лучше, чем лед. Эта штука сверкает, будь здоров!

— Ну тогда,— сказал Бигман, в полном отчаянии оглядывая кольца, раскинувшиеся на много миллионов миль, и с близкого расстояния казавшиеся еще более загадочными,— это безнадежное дело.

— Поживем, увидим,— неопределенно отозвался Лаки.

Была вахта Бигмана, и маленький марсианин, удобно устроившись в пилотском кресле, уверенно держал «Метеор» на заданном курсе. Вздрагивающий корпус корабля наполняло чуть слышное гудение: система «Аграв» была включена таким образом, чтобы дать возможность свободно маневрировать в мощном поле тяготения Сатурна. На «Метеоре» была установлена самая мощная из земных установок «Аграв-Супер-Старр». Лаки сидел за пультом детектора массы, настроенном на повышенную избирательную мощность. Весли только что проснулся и вошел в ходовую рубку. Пока корабль двигался к Сатурну, в рубке царило напряженное молчание. Краем глаза Бигман наблюдал за Лаки. По мере приближения к Сатурну Лаки полностью отключился от окружающего. Бигман замечал это и раньше. Если Лаки не был в чем-то до конца уверен, он словно играл в азартную игру и всегда молчал. Наконец Весли произнес:

— Не думаю, что стоит так усердствовать над детектором, Лаки. Сейчас кораблей сирианитов поблизости скорее всего нет. Вот когда спустимся поближе к кольцам Сатурна, там-то они, кораблики, есть наверняка и в достаточном количестве. Сирианиты уже ищут капсулу.

— Полностью с тобой согласен,— отозвался Лаки.— К тому все идет.

— А может быть,— мрачно произнес Бигман,— они уже ее нашли.

— И такое возможно,— согласился Лаки, не моргнув.

«Метеор» медленно парил на расстоянии восьми тысяч миль над поверхностью Сатурна. Дальняя половина колец, во всяком случае та, что была на свету, растворялась в огромном теле планеты, словно вонзаясь в него.

Бигман долго разглядывал Сатурн, пока не сказал:

— Ты знаешь, я что-то не вижу внутренней кромки кольца.

Ответил ему Весли:

— А там может и не быть этой самой кромки. Внутренняя сторона кольца проходит всего в шести тысячах миль от поверхности планеты, и ее атмосфера вполне может смыкаться с кольцами.

— Шесть тысяч миль!

— В некоторых точках. Но и этого достаточно для поддержания сцепления атмосферы с кольцами, это и заставляет кольца постепенно погружаться в атмосферу Сатурна.

— Так, значит, кольца-то не вечны?— спросил Бигман.

— Возможно, что и так. Но это будет продолжаться миллио-

ны лет, на наш век хватит.— И задумчиво повторил:— Вполне хватит.

Тут Лаки внезапно прервал их познавательную беседу:

— Я покидаю корабль, джентльмены.

— Пески Марса!— всполошился Бигман.— Это еще зачем?

— Мне необходимо выглянуть наружу,— коротко ответил Лаки, натягивая скафандр.

Бигман быстро взглянул на запись показаний детектора. На ленте не было ничего необычного или угрожающего. Никаких кораблей в ближайшем пространстве. Несколько ярких точек указывало, скорее всего, на метеориты, вращающиеся по своим заданным орбитам.

— Весли, пригляди за детектором. Пусть пройдет полный круг.

С этими словами Лаки защелкнул фиксатор шлема, проверил давление кислорода в скафандре и направился к воздушному шлюзу. Теперь его голос звучал из динамика на контрольной панели.

— Я возьму магнитный кабель ... не надо форсажей.

— Пока ты за бортом?! Я еще не сошел с ума,— проворчал Бигман.

Через некоторое время Лаки появился в одном из иллюминаторов; за ним, свиваясь кольцами, тянулся магнитный кабель— в невесомости он и не мог вытянуться в прямую линию. Маленький ручной реактор, вмонтированный в перчатку скафандра, выбрасывал струю пламени, едва заметного в слабом свете солнечных лучей. Лаки согласно третьему закону Ньютона двигался в направлении, противоположном направлению струи.

Бигман нервно спросил:

— Как ты думаешь, Весли, могло что-нибудь случиться с кораблем?

— Не думаю, в этом случае на контрольном пульте появился бы аварийный сигнал.

— Тогда какого черта эта верста коломенская поперлась наружу?

— Понятия не имею.

Бигман бросил в сторону Весли подозрительный взгляд и принялся вновь наблюдать за Лаки.

— Хоть вы считаете, что я не советник...— начал брюзжать он.

Весли поморщился:

— Быть может, он просто решил побродить немного в окрестностях и отдохнуть от твоей болтовни, Бигман.

На экране детектора массы, включенного на автоматическое сканирование, периодически появлялись и исчезали белые пятна, когда луч пробегал по поверхности планеты. Бигман покосился, но сдержался и не стал отвечать на едкое замечание советника Василевски.

— Хоть бы ничего не случилось!— про себя повторял он, как молитву.

Но что-то все-таки случилось. Весли повернулся к детектору и увидел подозрительный пик на контрольной ленте. Он быстро ввел данные в компьютер, зафиксировал энергию подозрительного

объекта и минуты две наблюдал за ним. Бигман взволнованно выдохнул:

— Это корабль!

— Возможно,— сдержанно ответил Весли,— но подобную отметку на экране может дать и метеорит высокой энергии.

Детектор зафиксировал выброс энергии у подозрительного объекта. Это могло быть только результатом работы атомного реактора. Причем именно такой энергии, какая использовалась на современных космических кораблях. Корабль, это стало ясно, как белый день. Опытный глаз заметил бы и ту небольшую разницу в пульсации, которая отличала земные корабли от сирианских.

— Он движется к нам?— спросил Бигман.

— Не совсем. Возможно, они не решатся сунуться так глубоко в поле притяжения Сатурна, но тем не менее... Движется он в нашу сторону и, если не остановится, через час будет у нас на траверзе... Чему ты радуешься, марсианская деревенщина?

— Абсолютно ясно, что судьба не справедлива к вам, Весли, если вы не догадались до сих пор. Вот и объяснение, что понадобилось Лаки в открытом космосе. Он знал, что скоро подойдет корабль, и направился именно в нужную сторону.

— Ради всего космоса, как он мог узнать об этом корабле?— изумленно спросил Весли. — Еще десять минут назад на экране детектора ничего не было. Тем более ничего не было в этом направлении.

— За Лаки не беспокойся, он знает как это делается,— заулыбался Бигман.

Весли пожал плечами и подошел к переговорному устройству.

— Лаки, ты меня слышишь?

— Ну, конечно же, Весли! Что случилось?

— В зоне детектора появился сирианитский корабль.

— Как далеко?

— Около двухсот тысяч миль. Он приближается.

Бигман наблюдал за Лаки по внешнему видеоканалу. С перчатки скафандра Лаки сорвалась яркая струя — он возвращался. Не успел Лаки стащить шлем, обнажив всклокоченную каштановую шевелюру, как Бигман набросился на него.

— Ты ведь знал, что корабль на подходе, не так ли, Лаки?

— Нет, Бигман. Не имел ни малейшего представления. Более того, я просто отказываюсь понимать, как им удалось так быстро обнаружить нас. Необходимо какое-то уж вовсе немыслимое совпадение, чтобы их корабль случайно оказался именно в этом районе.

Бигман не пытался скрыть свое раздражение и разочарование и лишь спросил:

— Значит мы сейчас отправим гостя в другое измерение? А заодно и опробуем наши бластеры?

— Давай-ка повременим впутываться в политику. Наше пребывание здесь вызвано более важными задачами, чем ковбойские игры с чужими кораблями.

— Я знаю,— нетерпеливо сказал Бигман,— мы должны найти

капсулу, оставленную агентом «Х», и все же...

Он тряхнул головой. Капсула была капсулой, и задание, всю важность которого он сознавал, было заданием, но ради каких-то политических соображений отказаться от доброй драки? Нет, этого он не понимал. И если бы не приказ Лаки...

— Так что же мне делать?— пробурчал Бигман.— Держаться на курсе?

— И прибавь скорость. Направляемся к кольцам.

— Если мы это сделаем,— возразил Бигман,— они будут сидеть у нас на хвосте.

— Вот и хорошо, посмотрим, кто кого.

Бигман медленно потянул на себя микшер скорости — в реакторе началась протонная вакханалия. По сложной спирали «Метеор» устремился к Сатурну. В это время ожила приемная станция, поймав чьи-то сигналы в привычном диапазоне.

— Вступить в активную двустороннюю связь, Лаки?

— Нет, мы уже знаем, что нам сообщат. Приказ о сдаче и предупреждение о магнитном захвате.

— Так что же делать?

— Единственный путь — бежать.

— От одного ржавого корабля?— взвыл Бигман.

— У нас еще будет время подраться, Бигман. Сначала — дело.

— Но ведь это значит, что нам просто придется бежать из системы Сатурна!

Лаки улыбнулся:

— Только не сейчас. На этот раз мы сами создадим базу в системе Сатурна и причем, как можно скорее.

Корабль несся к кольцам со все возрастающей скоростью. Лаки слегка подтолкнул Бигмана и занял место за пультом управления.

— Вижу еще корабли,— предупредил Весли.

— Где? В районе какого спутника?

Весли быстро обработал данные:

— Они все в зоне колец.

— Так,— пробормотал Лаки.— Они все ищут капсулу. Сколько их там?

— Пять.

— А между нами и кольцами?

— Вот шестой показался. Но им не удастся сломать наши планы, Лаки. Для ведения прицельного огня все они еще далеко. Наверное, они собираются преследовать нас до тех пор, пока мы не покинем систему Сатурна.

— Или пока наш корабль не будет уничтожен каким-то другим способом, не так ли?— ответил вопросом на вопрос Лаки.

Кольца приближались с огромной скоростью, пока весь экран не заполнила снежная белизна. А Лаки Старр не сделал ничего, чтобы хоть как-то ограничить возрастающую скорость. На какое-то мгновение Бигману даже показалось, что Лаки решил похоронить корабль в кольцах, и у него непроизвольно вырвалось:

— Лаки!

И вдруг кольца исчезли. Бигман просто обалдел. Он бросился проверять контрольный экран, крича во весь голос:

— Где они? Что случилось?

Весли, скорчившись над детектором массы, бросил через плечо:

— Линия Кассини.

— Что-о-о?

— Промежуток между кольцами.

— А-а,— напряжение Бигмана слегка улеглось. Он включил заблокированные автоматом поворотные люки телекамер, и призрачный свет — доказательство существований колец — появился на обзорном экране. Бигман тщательно настроил фокусировку. Вначале появилось одно кольцо, потом его сменила пустота — черное пространство космоса, затем новое кольцо, слегка размытое и усыпанное ледяными осколками. Между кольцами только пустота. Никаких глыб и обломков льда. Просто пустота, пролом.

— Большая дыра,— уважительно протянул Бигман.

Весли вытер пот со лба и взглянул на Лаки:

— Что же, Лаки, пойдем сквозь пролом?

Лаки не спускал глаз с приборов.

— Мы, собственно, уже несколько минут проходим сквозь него. Надейтесь и дышите глубже.

Весли повернулся к Бигману:

— Разумеется, пролом большой. Я ведь говорил тебе, что его ширина достигает двухсот пятидесяти миль. Вполне достаточно для корабля, если тебя это беспокоит.

Бигман немедленно ощетинился:

— Звучит так, словно тебя беспокоит то обстоятельство, что парень шести футов росту ведет корабль слишком уж быстро.

— Если мне придет в голову сесть на тебя верхом...— сказал Весли.

— ... то в том месте, которым ты сядешь, будет больше мозгов, чем в твоей голове,— продолжил Бигман и весело рассмеялся. В разговор вмешался Лаки:

— Через пять минут мы будем в «линии».

Бигман посерьезнел и повернулся к обзорному экрану. Вскоре он сказал:

— В проломе то появляется, то исчезает какое-то свечение. Что это?

На его вопрос отозвался Лаки:

— Это гранулы льда, Бигман. «Линия Кассини» по сравнению с кольцами чиста, но не на сто процентов. Если мы врежемся в одну из этих гранул при нашей скорости...

— Один шанс на тысячу,— вмешался Весли. Правда, вмешался слишком поспешно и решительно.

— Один шанс на миллион,— холодно сказал Лаки.— Но именно этот миллионный шанс и встал на пути агента «Х» и его «Сетей Космоса»... Мы почти на границе «Линии Кассини».— Руки его твердо и уверенно легли на рычаги управления «Метеором».

Бигман глубоко вздохнул, и в его мозгу пронеслась картина: малюсенькая частица материи пронзает сверхпрочный корпус ко-

рабля и, возможно, вызывает реакцию в топливных отсеках. Все они мгновенно вспыхивают в ярком протонном урагане энергии. Во всяком случае, все кончится в тот же момент, когда и начнётся.

— Прошли,— твердо сказал Лаки.

Весли шумно вздохнул.

— Мы уже проскочили? — переспросил Бигман.

— Ну, конечно же, проскочили, марсианский ты глухарь,— отдуваясь, сказал Весли.— Кольца-то всего десять миль толщиной, а много ли нам надо времени, чтобы проскочить десять миль?

— И мы теперь на другой стороне?

— Несомненно. Попытайся сфокусировать аппаратуру на кольцах.

Бигман принялся крутить все, что попадалось под руку, перепробовал все мыслимые режимы.

— Пески Марса! Чертов «телевизор» ослеп!

— Здесь просто нечего видеть, малыш. Ты на обратной стороне. Лучи солнца не могут пробить слой льда в десять миль толщины. Скажи-ка, Бигман, чему еще учат в марсианских школах на уроках астрономии, кроме как песенке «Блесни звезда»?

Бигман оттопырил нижнюю губу:

— Ты знаешь, свиная ты голова, посмотрел бы я на тебя после одного сезона работы на марсианской ферме. Уж я бы постарался, чтобы на тебе не осталось ни одного лишнего грамма жира, только то, что положено, ну, может, чуть больше, учитывая, что ноги у тебя длинные.

— Ребята, я предпочел бы, чтобы вы отложили этот приятный разговор на более позднее время,— вмешался Лаки.— Вам не трудно будет заняться детектором массы?

— Нет, конечно, нет, Лаки,— пробормотал Бигман.— Эй, тут непорядок,— продолжал он,— на сколько ты изменил курс?

— На столько, на сколько корабль сможет выдержать. Мы будем держаться под кольцами до тех пор, пока это будет возможно.

Весли удовлетворенно кивнул:

— О'кей, Лаки, этот маневр делает их детекторы бесполезными.

Бигман ухмыльнулся. Все шло хорошо. Никакой детектор не сможет их обнаружить под слоем колец, а визуальное наблюдение тоже невозможно. Лаки вытянул свои длинные ноги, расслабился и дал отдых натруженным рукам.

— Я сомневаюсь,— сказал он,— что какой-нибудь сирианитский корабль рискнет нырнуть вслед за нами в пролом. Ведь у них нет «Аграва».

— Вот и хорошо,— подхватил Бигман.— Так бы все время. А сейчас-то мы куда направляемся? Может быть, кто-нибудь мне скажет?

— Не секрет,— ответил Лаки.— Мы направляемся на Мимас. Будем идти под прикрытием колец столько, сколько это будет возможно, а потом сделаем рывок через открытое пространство. Мимас отстоит от колец всего на тридцать тысяч миль.

— Мимас? Это одна из лун Сатурна, верно?

— Верно,— вмешался Весли.— Ближайший к Сатурну естественный спутник.

Их курс плавно изменился, и «Метеор» теперь описывал плавную дугу с запада на восток в плоскости, параллельной кольцам. Весли опустился на одеяло, скрестив ноги, как турок, и обратился к Бигману:

— Хочешь получить небольшой урок астрономии? Если в твоем плохо меблированном чердаке найдется немного места, я могу рассказать тебе, откуда в кольцах взялся этот пролом.

Любопытство и обида боролись в маленьком марсианине. Наконец он произнес:

— Давай, давай, посмотрим, что у тебя получится. Давай начинай, я не из тупиц. Но если ты блефуешь...

— Никаких шуток,— надменно сказал Весли.— Слушай и учись. Внутренние слои колец делают один оборот вокруг Сатурна за пять часов. Внешние же слои делают оборот за четырнадцать часов. А если бы на месте «Линии Кассини» существовала материя, она делала бы оборот за двадцать часов.

— Ну и что?

— А то, что спутник Мимас, тот самый, к которому мы направляемся, делает оборот вокруг Сатурна за двадцать четыре часа.

— И опять же: ну и что?

— Частицы, составляющие кольца, которые вращаются вокруг планеты, испытывают притяжение и спутников, и самой планеты. В основном, на них действует притяжение планеты, но не надо забывать и о воздействии гравитационного поля спутников. Так вот, если бы в «Линии Кассини» было вещество, оно постоянно сталкивалось бы с Мимасом, летящем по своей постоянной орбите. Некоторые частицы, наталкиваясь на гравиполе Мимаса, притягиваются к внешним слоям Кольца, некоторые ко внутренним. Они не остаются на своих прежних орбитах и благодаря этому мы имеем «Линию Кассини» и два кольца.

— Неужели? — пробормотал Бигман. Он почувствовал, что Весли нарисовал ему совершенно правдивую картину.— Но каким образом в «линии» все же есть вещество? Почему оно до сих пор не примкнуло к кольцам?

— Потому,— с видимым превосходством ответил Весли,— потому, что какие-то частички на какое-то время всегда оказываются в свободной зоне, но не надолго... И я надеюсь, что ты, Бигман, запомнишь это как следует, так как в будущем я собираюсь проэкзаменовать вашу светлость. Но это потом, попозже.

— Пошел ты... — пробормотал Бигман.

Улыбаясь, Весли повернулся к экрану детектора. Один взгляд, и улыбка исчезла с его округлого лица. Он резко наклонился над пультом.

— Лаки!

— Да, Весли!

— Кольца не маскируют нас!

— Что?!

— Посмотри сам. Сирианиты приближаются. Похоже, кольца мало их беспокоят.

— Вот как? — проговорил Лаки задумчиво.— Как же это могло случиться?

— Это не может быть их слепой удачей, ведь у нас на хвосте повисло сразу восемь кораблей. Мы сделали хитрый поворот, но они очень быстро добрались до нас. Значит, они смогли обнаружить нас, несмотря на кольца, то есть, все время фиксировали наш маневр.

Лаки поскреб подбородок и произнес:

— Если они это сделали, Великая Галактика, значит они это сделали. Дискуссия бессмысленна — перед нами свершившийся факт. Вся эта чехарда может означать только одно: у них есть что-то, чего нет у нас.

— Никто не говорил, что сирианиты болваны,— подхватил Весли.

— Нет, конечно, но тем не менее, у нас еще сохранилась привычка так считать... Якобы все научные достижения исходят от Совета Наук, и если бы сирианиты их не крали, то ничего бы и не имели. Да я и сам иногда впадаю в эту ошибку... ну ладно, продолжим путь.

— Куда?! — немедленно взорвался Бигман.

— Я ведь уже говорил, куда,— невозмутимо ответил Лаки.— На Мимас.

— Но ведь нас преследуют.

— Я знаю. Значит, надо поторопиться и добраться туда поскорее... Весли, они могут нас отрезать?

Через мгновение компьютер выбросил ответ:

— Только в том случае, если увеличат скорость в три раза.

— Отлично. Отдавая должное сирианитам, я все же не верю, что их корабли мощнее нашего «Метеора». Мы будем там раньше.

— Лаки, ты с ума сошел,— вмешался Бигман.— Мы или принимаем бой, или покидаем систему Сатурна. Сесть на Мимас мы не сможем.

— Извини, Бигман, но у нас нет выбора. Нам придется сделать так, как я сказал.

— Они держат нас на прицеле. Стоит «Метеору» сесть, и они нас атакуют. Бой принимать все равно придется, так не лучше ли сделать это сейчас, когда у нас свобода маневра и «Аграв» в запасе, ведь у сирианитов его нет.

— Они вряд ли возьмут на себя труд и риск преследовать нас до Мимаса.

— Почему это?

— Ведь мы не стали сразу при подходе к Сатурну нырять в кольцо и вытаскивать из шляпы карту, которая досталась «Сетям Космоса».

— Так ведь он взорвался!

— Об этом я и говорю.

В ходовой рубке повисло напряженное молчание. «Метеор»

пронзал пространство. Сначала плавно, а потом он начал поворачиваться все круче и круче. Прямо по курсу сверкал маленький мирок — Мимас. И был этот мирок всего триста двадцать миль в диаметре. А сирианитские корабли настойчиво шли по следу. Мимас рос в размерах очень быстро, и наконец «Метеор» включил носовые двигатели, выбросившие вперед ураган пламени и раскаленных газов — корабль начал торможение. Бигман смотрел во все глаза. Ему начало казаться, что Лаки, умудренный космическими путешествиями Лаки, не мог так просчитаться. Сдерживая себя, он сказал:

— Слишком поздно, Лаки. Мы ни за что не сможем сбросить скорость до посадочной. Нам придется вертеться по спирали, пока не сбросим скорость.

— Нет у нас времени вертеться вокруг Мимаса, Бигман. Попробуем сесть так.

— Пески Марса, но ведь это невозможно! Во всяком случае, не на такой скорости.

— Надеюсь, что сирианиты думают так же.

— Но, Лаки, похоже, сирианиты правильно думают.— Осторожно вмешался Весли.— Хоть мне и неприятно говорить, но я согласен с Бигманом.

— Нет времени на объяснения,— отрезал Лаки и склонился над пультом.

На экране катастрофически быстро рос Мимас. Бигман облизал губы.

— Лаки, если ты решил, что лучше разбиться, чем попасть в руки сирианитов, о'кей, я согласен. Но, Лаки, может, мы сначала спалим парочку этих наглецов?

Лаки только тряхнул головой и ничего не ответил. Руки его так и летали над пультом, летали так быстро, что Бигман даже не смог понять, что задумал его друг. Торможение между тем продолжалось весьма медленно. В какой-то момент Весли сделал движение, словно стараясь оттолкнуть Лаки от пульта, но Бигман перехватил его руку. Бигман, возможно, уже полностью приготовился к неотвратимому концу, но в маленьком марсианине жила упрямая вера в Лаки, в его везение и умение выпутываться из любых неприятностей. Усиление торможения все увеличивалось. Никакой другой корабль не выдержал бы таких нагрузок, но «Метеор» имел огромный запас прочности. Однако, даже такие темпы торможения были недостаточными. Мимас заполнил уже весь экран. Падая вниз с ужасающей скоростью, корабль врезался в поверхность спутника Сатурна. Врезался, но не разбился. Напротив, послышался резкий свистящий звук, очень хорошо знакомый Бигману. Такой звук появлялся в тот момент, когда корабль входил в атмосферу.

— Атмосферу?!

Но это невозможно! Тело такого размера, как Мимас, просто не может иметь ее. Бигман посмотрел на Весли, все еще сидящего на одеяле, с лицом помятым и бледным, но тем не менее выражающим удовлетворение.

Бигман повернулся к пульту.

— Лаки...

— Не сейчас, Бигман.

И совершенно внезапно Бигмана озарило — он понял, что делал Лаки, набирая эту комбинацию на пульте. Он задавал необходимые данные аппаратуре управления тепловым лучом. Бигман резко повернулся к обзорному экрану и дал максимальное увеличение в направлении прямо по курсу. Теперь уже не оставалось сомнений, что Бигман уловил смысл трюка, задуманного и осуществленного Лаки. Плавящий луч был наиболее мощным из всех «тепловых» лучей, когда-либо изобретенных человеком. Луч в общем-то был спроектирован как оружие ближнего боя, и вряд ли кому нибудь пришлось бы использовать его так, как это сделал Лаки Старр Струя дейтерия выбрасывалась из отсека, сдерживалась мощным магнитным полем и в заданной точке получала мощный детонирующий импульс с корабля. Термоядерный взрыв заранее рассчитанной мощности можно было поддерживать неопределенно долгое время, хотя тогда существовала вероятность попасть под собственную взрывную волну. Но на миллионную долю секунды можно было воспользоваться этим оружием без боязни. В результате термоядерной реакции в точке взрыва температура поднималась до трехсот миллионов градусов. Острие удара, направленного на поверхность спутника, мгновенно прожгло в нем огромный тоннель. И в этот тоннель, окутанный шипящим облаком пара, на огромной скорости ворвался «Метеор». Искусственная атмосфера, созданная взрывом, помогла торможению, однако температура внешней обшивки поднялась почти до точки плавления. Лаки, внимательно следивший за приборами, сказал:

— Весли, подбрось-ка мощности на испарительные кольца.

— Мы останемся без воды,— предупредил Бен Василевски.

— Бог с ней. В этом куске льда без воды не останемся.

Под большим давлением вода устремилась к керамическим испарительным кольцам и приостановила нагрев внешней обшивки. Термостойкость обшивки еще выдерживала натиск сил трения, но мощные насосы быстро вышвырнули все запасы воды, и температура вновь начала угрожающе повышаться. Однако непосредственная опасность осталась позади. Торможение продолжалось. Вскоре Лаки сократил до минимума подачу дейтерия, и свист искусственной атмосферы стал стихать. Наконец поток дейтерия и вместе с ним рост температуры прекратился совсем, корабль остановился

Лаки откинулся на спинку кресла и произнес·

Прошу прощения, джентльмены, но у меня не было времени что-то объяснять, и к тому же решение пришло ко мне в последнюю секунду, а работа с пультом отнимала у меня все силы. Но все уже в прошлом, и я приветствую вас в ядре Мимаса.

Бигман набрал полные легкие воздуха, надул щеки и произнес:

— Никогда бы не подумал, что ты воспользуешься этой штуковиной для проделывания дырок в спутниках, да еще перед самым носом корабля.

— Верю, что все это было тебе в новинку. Фокус был построен на том, что Мимас да и Энцелад — тела совершенно особого рода.

— Как это?

— Это просто ... снежки. Астрономы разгадали их природу еще до начала эры космических полетов. Плотность их меньше плотности воды, а отражают они более восьмидесяти процентов света. Совершенно ясно, что состоят они из снега и содержат еще не очень много не слишком плотного аммония.

— Точно,— вмешался Весли,— кольца-то просто лед, а спутники — коллекция крупинок этого льда, оторвавшегося от колец.

Лаки Старр стряхнул с себя усталость и улыбнулся своим товарищам:

— У нас много работы, ребята. Давайте-ка, приступим.

Теперь они находились в замкнутом пространстве, в гигантской пещере, рожденной температурой термоядерного взрыва. Тоннель, проделанный «Метеором», уже закрылся. Позади корабля водяной пар быстро конденсировался и превращался в лед. Пещера, в которой находился «Метеор», начала постепенно уменьшаться. Цифры на табло детектора массы показывали, что корабль находится в сотне миль от поверхности спутника. «Метеор» вновь двинулся вперед, вонзаясь в толщу льда, как раскаленный нож в масло. Когда до поверхности оставалось пять миль, была сделана вторая остановка, и вокруг корабля надули искусственную воздушную подушку. В банки с хлореллой была подана дополнительная энергия, чтобы восстановить запасы воды и пищи. Советник Бен Василевски поежился и сказал:

— Похоже, это станет нашим домом на какое-то время. Так пусть же он будет удобным.

Как раз в это время Бигман пробудился от своего действительно богатырского сна. Он задремал в то время, как корабль монотонно двигался вперед, к поверхности Мимаса.

— Что стряслось, Бигман? — спросил его Весли.— Не хочешь ли ты пустить слезу по поводу нашего скорого расставания?

— Да уж как-нибудь справлюсь со своим горем,— фыркнул Бигман.— В ближайшие год-два я только и буду заниматься тем, что, провертев дырку в этом спутнике, буду посылать тебе весточку.

И тут же без перехода взорвался:

— Послушай, о чем это вы тут шептались, пока я дремал? Советнические секреты?

Лаки неодобрительно покачал головой:

— Бигман, на эту тему мы потолкуем в другой раз, в более спокойной обстановке.

Позже, когда они остались одни, Лаки сказал:

— Бигман, ведь у тебя нет никаких причин, чтобы враждовать с Весли.

Бигман мрачно и с расстановкой ответил:

— О, конечно. Но как только я останусь с ним наедине на пару часов, я тут же разрублю его на мелкие кусочки и сложу в морозильник. Чтобы его родственникам было что хоронить.— Затем спросил: — Что это ты так серьезно?

— Более чем,— произнес Лаки.— То, что нас ожидает, может оказаться более опасным для тебя, чем для меня.

— Чего это я должен опасаться?

— Если ты останешься здесь с Весли, а со мной что-нибудь случится, вас подберут не раньше, чем через два месяца.

Бигман отшатнулся. Губы его затряслись.

— Лаки, если ты хочешь, я останусь здесь, пока не сделаю все, что прикажешь. Я сделаю все и присоединюсь к тебе. Но если тебе только нужно сохранить мою шкуру... этот номер не пройдет. Мне нечего здесь делать... А ты без меня — самонадеянный балбес, без меня ты ничего не сделаешь, и ты знаешь это.

Глаза его сверкали от гнева, окончания слов он глотал. Лаки попытался остановить его:

— Но, Бигман, послушай...

— Хорошо, я согласен, я принимаю весь риск на себя, на свою ответственность. Хочешь, я подпишу такую бумагу? Ты этого хочешь? Я сделаю так. Этого будет довольно, советник Лаки Старр?

Лаки потрепал жесткие волосы Бигмана:

— Великая Галактика, пытаться оказать тебе услугу, все равно что хлебать воду лопатой.

В рубку вошел Весли.

— Опреснители установлены, работают в полную мощность.

Вода, добываемая из вещества спутника, стремительно заполняла резервуары, опустошенные рискованной посадкой. Аммоний выделялся с особой тщательностью, поскольку служил катализатором и подкормкой для хлореллы. Все трое вышли из корабля, осмотрелись и остались довольны своим чистым и аккуратным ангаром.

— О'кей, Весли,— Лаки крепко пожал ему руку.— Ты сделал все как надо.

— Все, как учили в академии.

— Тебя подберут через пару месяцев, что бы ни случилось. А если все пойдет так, как надо, то и раньше.

— Твое задание я выполню не хуже, чем любое другое. У тебя хватит своих забот. Вот только не забудь про Бигмана. Как бы с ним чего не случилось.

На что Бигман заорал:

— Не думайте, что я ничего не понимаю! Я давно наблюдаю за вашими таинственными переговорами. Взяли моду решать все за меня, за моей спиной.

— Марш в корабль, Бигман,— сказал Лаки. Он схватил Бигмана поперек туловища и затолкал в люк, не обращая внимания на сопротивление и требования ответа.

— Пески Марса! — заверещал Бигман снова, как только очутился в рубке.— Мало того, что у тебя завелись дерьмовые секреты от меня, ты еще позволяешь этому пацану оставить последнее слово за собой!

— Ему предстоит очень трудная работа: пока мы выкарабкаемся отсюда и расхлебаем заварившуюся кашу, он будет торчать в ледяном склепе совершенно один. Так пусть хоть последнее слово останется за ним. Не лишай его этого удовольствия.

Они выбрались на поверхность спутника в точке, из которой

не было видно ни Солнца, ни Сатурна. В темном небе не было ничего, кроме Титана в первой четверти. Спутник был наполовину освещен Солнцем. Внимательно рассматривая изображение Титана на видео-экране, Бигман пробормотал:

— Я думаю, что сириниты находятся на Титане.

— Я тоже так думаю.

— Куда мы теперь? Назад к кольцам?

— Да.

— А если они снова обнаружат нас?

Слова Бигмана как будто послужили сигналом включения приемной станции. На ее панели зажглась сигнальная лампочка.

Лаки раздраженно произнес:

— Что-то слишком быстро они нас обнаружили.

Он настроился на прием. На сей раз голос принадлежал явно не роботу-автомату, отсчитывающему минуты. Это был голос резкий, но не лишенный жизни. Сирианитский голос:

— ... ответьте. Я пытаюсь установить контакт с советником Дэвидом Старром, землянином. Советник Старр, ответьте. Я пытаюсь...

— Говорит Советник Старр. Кто вы?

— Я — Стен Доваэр, сирианит. Вы игнорировали предупреждение наших автоматов-патрульных кораблей и вернулись в систему Сатурна. Посему — вы наш пленник.

— Автоматические корабли?

— Роботоуправляемые. Вам это не понятно? Наши роботы справляются с подобными задачами.

— Да, я уже это понял.

— Понять это не трудно. Наши корабли следили за вами все время: когда вы покинули систему, когда вернулись под прикрытием Идальго, когда вышли из плоскости эклиптики и пошли к южному полюсу планеты, когда прошли «Линию Кассини» и под кольцами, когда, наконец, спрятались внутри Мимаса. Все это время вы были под наблюдением.

— Как вам это удалось?

— Ах, ну конечно, землянину с трудом верится, что сириниты могут обладать своими методами. Ну, ничего. Нам, конечно, пришлось подождать, пока вы высунете нос из Мимаса, в который вы так изобретательно забрались с помощью «плавящего луча» Нам было просто интересно. И мы позволили вам забраться в эту дыру. Наши парни даже держали пари, пытаясь угадать срок, который вам понадобится, чтобы выбраться наружу. А мы тем временем позаботились о достойной встрече. Наши корабли-роботы с нетерпением ожидают вас. Вы не сделаете и тысячи миль, как мы сожжем вас. Если, конечно, решим, что так будет лучше.

— Разумеется, это не относится к вашим роботам.

— Мой дорогой Советник Старр,— в голосе сирианита прозвучала откровенная насмешка,— разумеется, робот не может причинить вреда разумному существу, если знает, что на данном корабле есть вышеупомянутые разумные существа. Видите ли, наши роботы получили о вашем корабле следующую информацию: на

корабле есть только роботы. А о том, чтобы расправиться с себе подобными, об этом у них не возникает никаких сомнений и затруднений. Так не угодно ли вам будет сдаться?

Бигман резко наклонился к микрофону и заорал:

— Послушай, ты, бездельник, а что будет, если мы завалим для начала пяток-другой этих консервных банок? Ты не против?

Всей Галактике известно, что на Сириусе причинение вреда роботу приравнивалось к убийству человека.

Однако голос Стена Деваэра не дрогнул:

— Если это тот индивидуум, с которым вы, Лаки, состоите в дружбе, то у меня нет никакого желания с ним разговаривать. Можете ему так и передать. А также поймите и сами, что вам не удастся сделать и одного выстрела. Я полагаю, что могу дать вам на размышление пять минут. Что касается меня, советник, то я прошу вас принять предложение и сдаться. Я так давно искал с Вами встречи. Прошу Вас, будьте благоразумны... Ну, как?

На какое-то мгновение Лаки замер в неподвижности, и только по вздувшимся желвакам можно было понять его состояние. Бигман спокойно скрестил на груди короткие руки и наблюдал за ним, готовый ко всему. Прошло три минуты, и наконец Лаки произнес:

— Я сдаю свой корабль со всем его содержимым в ваши руки, сэр!

Бигман был безмолвен. Лаки выключил контакт и повернулся к маленькому марсианину. Он прикусил нижнюю губу и раздраженно сказал:

— Бигман, ты должен меня понять. Я ...

Бигман встрепенулся словно от удара:

— Я не хотел этого делать, Лаки, но я понял, давно понял, еще когда мы пошли назад, в систему Сатурна. Ты еще тогда задумал сдаться в плен сирианитам.

Лаки удивленно поднял брови:

— Каким образом?

— Я не глуп,— маленький марсианин был совершенно серьезен,— помнишь, когда мы подходили к южному полюсу Сатурна, ты зачем-то вышел из корабля. Это было как раз перед тем, как нас засекли, и пришлось удирать через «Линию Кассини».

— Да.

— Ты тогда не объяснил причин своего поступка. У тебя вообще есть такая манера: ничего не объяснять в сложившейся ситуации. Правда, потом ты всегда объяснишь, после того как опасность минует, но в этот раз ты продолжал молчать. Может быть потому, что нам пришлось удирать от сириан. Затем, когда мы соорудили «зимнюю квартиру» для Весли, я осмотрел нашу коробку и понял, для чего ты выходил в космос: ты поработал и весьма основательно над нашим «Агравом». Ты установил там такую штучку: нажмешь одну хитрую кнопку на пульте и ... прощай, «Аграв». Ты заранее подготовил его к уничтожению.

Лаки тихо сказал:

— «Аграв», установленный на нашем корабле, относится к совершенно секретным установкам.

— Я знаю. Если бы ты собирался вступить в драку, ты не стал бы взрывать только «Аграв». В случае нашего проигрыша пропал бы весь корабль, вместе с «Агравом». Нет, ты решил, и давно, сдаться в плен.

— А-а, вот почему ты нервничал в последнее время.

— Лаки, я с тобой, что бы ни случилось,— тут Бигман глубоко вздохнул и отвел глаза в сторону.— Но сдаваться в плен удовольствие небольшое.

— Да уж, конечно,— ответил Лаки,— но можешь ли ты предложить другой план, чтобы проникнуть на их базу. Дело, которое мы делаем, не всегда сплошное удовольствие.

И Лаки включил «красную кнопку» на панели управления. Корабль слегка тряхнуло. «Аграв», превратившийся в горку оплавленного металла, отсоединился от корпуса «Метеора» и канул в необозримые глубины космоса.

— Ты хочешь разворошить это гнездо изнутри? Для этого ты и сдался?

— Отчасти, Бигман, только отчасти.

— А если они нас спалят, как только захватят?

— Вряд ли. Если бы им это было необходимо, проще всего было нас уничтожить в тот момент, когда мы высунулись из Мимаса. У меня такое ощущение, что мы нужны им живыми... А если мы останемся в живых, то у нас есть еще и Весли, «замурованный в меблированных комнатах». Мне пришлось потратить немало времени, чтобы создать эту базу, а потом уже сдаваться. Вот почему мы, рискуя сломать себе шею, зарылись в Мимас.

— А может быть, они о нем знают? Похоже, что они знают вообще обо всем.

— Вполне возможно, однако не думаю,— задумчиво ответил Лаки,— они ведь знают о тебе, а, значит, знают о том, что нас двое, а не трое, и вряд ли станут искать третьего. Когда я об этом подумал, то не стал очень уговаривать тебя остаться с Весли. Если бы я был один, то этот сирианин решил бы поискать тебя в недрах Мимаса. Конечно, тебя бы нашли вместе с Весли, а я в это время находился бы у них. Вполне возможно, что вас бы прикончили и...— голос его затих так, словно он разговаривал сам с собой, а потом он и вовсе замолчал, продолжая шевелить губами. Звук, прервавший это тяжелое молчание, был очень характерным· так отзывается корпус корабля, когда его берут в магнитную ловушку Теперь они были крепко связаны с сирианитским кораблем.

— К нам кто-то идет,— произнес Бигман.

На видеоэкране было видно, как разворачивается переходной коридор: вот он прикоснулся к люку «Метеора», и вспыхнул сигнал подключения горловины. Бигман включил внешний слой, затем, после сигнала из коридора, открылся внутренний слой, перекрыв внешний. Кто-то вошел в корабль. Этот «кто-то» не был гуманоидом — он был без скафандра. Это был робот. В Федерации было немало совершенных роботов, но по большей части это были узко специализированные роботы. С ними имели дело, в основном, специалисты. Так что Бигман если и видел их, то совсем не часто. Он

с интересом рассматривал этого. Как и многие сирианитские роботы, он был огромного роста, с тщательно отполированным корпусом и почти незаметными спайками в местах сочленений. Когда робот заговорил, Бигман просто рот раскрыл от изумления. Потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть к глыбе металла, своими очертаниями похожей на человека, да еще говорящей нормальным «человеческим» языком.

— Добрый день. Моей обязанностью будет доставить вас к месту назначения в целости и сохранности. Для начала я бы хотел получить от вас следующую информацию: не повредил ли приборам навигации взрыв, который был зарегистрирован на обшивке вашего корабля?

Голос его был гибким, хорошо модулированным, но безжизненным, с явным сирианским акцентом. Лаки, не торопясь, ответил.

— Взрыв никоим образом не повлиял на ходовые качества корабля.

— Кто вызвал взрыв? Что явилось его причиной?

— Взрыв вызвал я.

— С какой целью?

— Этого я сказать вам не могу.

— Хорошо.— Робот немедленно оставил этот разговор. Человек мог настаивать, угрожать, но робот на это не был способен. Он только сказал:

— Я спроектирован для вождения космических кораблей, построенных на Сириусе. Но я буду в состоянии вести и этот корабль, если мне объяснить назначение контрольных и навигационных приборов, расположенных на пульте.

— Пески Марса! — перебил его Бигман.— Лаки, ведь мы ничего не скажем этой штуковине, правда?

— Он не может принудить нас к этому, Бигман, но раз уж мы сдались, то придется позволить отвезти нас туда ... куда нас следует доставить.

— А тогда давай выпытаем у этой консервной банки, куда нас он собирается доставить.

Бигман резко повернулся к роботу:

Эй, ты, робот, куда ты нас собираешься доставить?

Робот повернулся к Бигману и уставился на него своими красными немигающими фотоэлементами:

— Полученные мною инструкции не позволяют отвечать на вопросы, не имеющие отношения к моему непосредственному заданию.

Но, послушай,— Бигман стряхнул руку Лаки, пытавшегося утихомирить его,— куда бы ты нас не доставил, сирианиты причинят нам вред, даже убьют. Если ты не хочешь, чтобы нам причинили вред, помоги отсюда выбраться... Ну, Лаки, не мешай, дай же мне потолковать с этим железным парнем.

Но Лаки только покачал головой, а робот произнес:

— Меня уверили, что вам не будет причинен вред. А теперь, если вы научите меня обращаться с этими приборами, я приступлю к выполнению прямых своих обязанностей.

Обстоятельно, не торопясь, Лаки объяснил роботу, как пользоваться управлением корабля. Робот очень быстро разобрался в довольно сложной системе управления, причем скрупулезно проверял, как действует тот или иной агрегат. К тому времени как Лаки закончил объяснения, стало ясно, что робот-навигатор сможет управлять «Метеором» не хуже самого Лаки. Лаки улыбался во весь рот и сверкал глазами в неподдельном восхищении. Бигман вытолкал его в каюту.

— Чему это ты радуешься?

— Великая Галактика! Это ведь просто замечательная машина! Надо признать, что сирианиты далеко обогнали нас в роботехнике. Это просто произведение искусства!

— Ну, хорошо, хорошо, только потише, пожалуйста. Я не хочу, чтобы этот чудак нас подслушал. Скажи, ты ведь сдался в плен только для того, чтобы попасть на Титан и собрать необходимую информацию о сирианитах. Но если мы никогда не вырвемся оттуда, то грош цена всей нашей добытой информации. И вот теперь у нас есть этот самый робот. Если мы не сможем заставить его помочь нам бежать, то почему нам не сделать этого самим? Этот робот явно знает о сирианитах массу интересного. Думаю, что взяв его в плен, мы узнаем гораздо больше, чем на Титане.

Лаки покачал головой:

— Звучит заманчиво, Бигман, но как ты заставишь бежать робота вместе с нами?

— А Первый закон? Мы объясним ему, что на Сириусе живет всего несколько миллионов человек, в то время как в Федерации Земли больше шести миллиардов. Мы втолкуем ему, что спасти от беды эти шесть миллиардов гораздо важнее, чем два-три миллиона. Так что Первый закон на нашей стороне. Понял?

Лаки неторопливо возразил ему:

— Ты забываешь, что сириане непревзойденные специалисты в управлении роботами. Этот конкретный робот скорее всего обладает такой программой, в которой исключена возможность причинения вреда человеческому существу. Он ничего не знает о шести миллиардах человек, а твои слова не станут для него неоспоримым фактом, способным отменить его первоначальную программу, заложенную хозяевами с Сириуса. Он может отреагировать только на конкретную угрозу конкретному человеку.

— И все-таки я попробую.

— Прекрасно, вперед! Этот житейский опыт только обогатит твои познания в роботехнике.

Бигман отправился к роботу, который уверенно вел «Метеор» по курсу, известному одному ему.

Бигман спросил у робота:

— Что ты знаешь о Земле? О Федерации Земли?

— Моя программа запрещает отвечать на вопросы, не относящиеся непосредственно к моему заданию.

— Я приказываю тебе выполнить мои инструкции.

После секундного замешательства последовал ответ:

— Инструкции, данные мне, запрещают выполнять приказания

лиц, не являющихся моими непосредственными руководителями.

— Приказы, которые я собираюсь отдать тебе, направлены на то, чтобы человеческие существа избежали беды. Ты просто не можешь не подчиниться таким приказам.

— Мне было растолковано, что человеческим существам не будет причинено никакого вреда. Да и сам я не вижу таких причин. Инструкции, данные мне, указывают также, что я должен игнорировать подобные утверждения, если они будут повторяться.

— Послушай, ты, я точно знаю, что нам грозит беда.

Бигман еще долго распространялся в том же духе. Однако, робот уже не обращал никакого внимания на его слова.

Лаки остановил его.

— Ты напрасно тратишь энергию, Бигман.

Бигман в отчаянии пнул стальное колено робота. С таким же успехом он мог пинать броню корабля. Красный от гнева, он подошел к Лаки.

— Замечательно. Человек ничего не может сделать, потому что какой-то кусок железа имеет свое собственное мнение.

— «Собственное мнение» появилось еще задолго до возникновения роботехники в нашем понимании этого слова.

— Мы ведь даже не знаем, куда нас сопровождают.

— Для этого нет нужды спрашивать робота. Я слежу за курсом: мы направляемся на Титан.

Когда до Титана осталось несколько часов полета, оба пленника сидели у обзорного экрана. Это был третий по величине спутник Сатурна. Только Ганимед и Тритон были крупнее, да и то не намного. Спутник имел плотную атмосферу. Это было хорошо видно даже с большого расстояния. На большинстве естественных спутников терминатор — линия, разделяющая темную и освещенную стороны, бывает резкой и отчетливой. Совсем не так обстоит дело на Титане. Месяц Титана был словно окаймлен расплывчатым поясом. Казалось, что рога полумесяца, тонущего в бледной дымке, где-то смыкаются.

— Атмосфера такой же плотности, как и на Земле,— сказал Лаки.

— Дышать, конечно, нельзя.

— Дышать нельзя. Она состоит в основном из метана.

Остальные корабли постепенно смыкали строй. Сирианитские корабли сопровождения можно было различить уже невооруженным глазом. Их было около дюжины. Лаки присвистнул:

— Двенадцать кораблей для такого дела! Великая Галактика, похоже, они здесь уже давненько окопались. И как их выкурить отсюда, притом не предпринимая военных действий?

Бигман в ответ промолчал. И вот послышался ни с чем не сравнимый свист атмосферы, в которую погружался корабль-пленник. Бигман озабоченно посматривал на приборы, указывающие температуру внешней обшивки, но волновался он напрасно. Робот вел корабль как на показательных выступлениях. «Метеор» аккуратно описывал спирали вокруг спутника, теряя одновременно скорость и высоту так, что, несмотря на возрастающую плотность

атмосферы, температура обшивки ни разу не превысила допустимых пределов. Лаки снова сиял:

— Этот «железный» парень, по-моему, может посадить корабль, вообще не имея горючего в баках. Я просто уверен, что он может посадить корабль на площадку размером с банкнот, используя только сопротивление атмосферы.

На что Бигман ответил:

— Ну и что в этом хорошего? Если они, эти железные парни, могут водить такие корабли так виртуозно, смеем ли мы мечтать о какой-то драчке с сирианитами?

— Нам надо научиться делать таких роботов самим, Бигман. Эти роботы — достижение человека. Человек, создавший их, сирианит, да! Но он все-таки Человек, и поэтому все прочее Человечество имеет право разделить честь создания этих замечательных машин. Если мы боимся прогресса сирианитов в этом направлении, то обязаны догнать и перегнать их. Что толку считать сирианитов глупее, чем они есть на самом деле!

Между тем поверхность Титана приближалась. Уже можно было различить горные цепи, причем не молодые, с пиками острых очертаний, а сглаженные временем и воздействием атмосферы. Вершины их были голы, а вот в ущельях и долинах лежал снег.

— Это не совсем снег,— сказал Лаки.— Замерзший аммиак. Разумеется, все было пустынно и безжизненно. Равнины были либо «заснежены», либо голы, и никаких признаков жизни. Ни рек, ни озер, а затем...

— Великая Галактика! — воскликнул Лаки.

Появился огромный купол. Из тех, какие часто встречаются на внешних мирах. Куполы такого типа давным-давно украшали поверхность древнего Марса и своенравной Венеры. Сирианский купол был весьма велик. Он мог сделать честь любому городу на давно обжитом Марсе.

— Мы пропали. Это построено уже давно,— произнес Лаки.

— Как только об этом узнают сороки из Департамента Информации,— протянул Бигман,— Совету Наук придется очень несладко, а, Лаки?

— Да ... если мы не уберем чужой город. Хотя лучшего Совет не заслуживает. Он должен был предвидеть такую возможность. Не проверять такую громаду, как Титан! Да и я тоже хорош! Я должен был это предчувствовать.

Его голос прервал робот:

— Корабль будет посажен после очередного витка. Хотя на корабле предусмотрена ионная противоперегрузочная установка, но во избежание непредвиденных ситуаций, могущих повредить человеческим существам, я прошу вас лечь в кресла и пристегнуть ремни.

— Нет, ты только послушай, Лаки, как этот склад металлолома учит нас правилам посадки!

— А, все равно. Ты лучше ляг и пристегнись. А то он еще, чего доброго, уложит тебя силой. Ведь это его работа: оберегать нас от любой опасности.

Внезапно Бигман спросил:

— Скажи-ка, робот, сколько сейчас людей на Титане?

Ответа не последовало. Поверхность приблизилась вплотную. И вот «Метеор» замер, сделав последний, уставной выхлоп. Корабль застыл, устремив вверх острый обтекатель корпуса. Робот повернулся к людям:

— Вы доставлены на Титан. Никакого вреда вам не причинено. Мои непосредственные обязанности завершены. Теперь я должен доставить вас к хозяевам.

— К Стену Деваэру?

— Да. Это один из хозяев. Температура и давление за бортом соответствует вашим организмам.

— Мы можем выйти сейчас? — спросил Лаки.

— Да, вас ждут.

Лаки кивнул. Им овладело какое-то нетерпение. Несмотря на то, что с самого начала его стремительной карьеры советника сириниты были его главными врагами, никогда ни одного из них он еще не видел. Он направился к выходу. Бигман шел следом. Одного взгляда наружу было достаточно, чтобы замереть в изумлении.

Лаки уже стоял одной ногой на первой ступеньке эскалатора, а из-за его спины выглядывал Бигман. Оба буквально раскрыли рты. У них было такое ощущение, словно они приземлились в обычном космопорту Земли. Если над их головами и был прочнейший свод из стали и стекла, то этого совсем не чуствовалось в голубом сиянии яркого неба, по которому проплывали легкие пушистые облака. Трудно было поверить, что все это нарисовано. Перед ними лежала ухоженная лужайка с живописно разбросанными строениями. Там и здесь виднелись многочисленные клумбы. Недалеко от корабля протекал ручей, через который был переброшен затейливый каменный мостик. Повсюду были видны роботы, спешившие по каким-то своим неотложным делам. В сотне ярдов поодаль стояли человеческие существа — Сириниты! Они стояли молчаливой группой и с напряженным вниманием разглядывали землян. Раздался резкий голос, обращенный явно к Лаки и Бигману.

— Спускайтесь, да поживее и без фокусов.

Лаки посмотрел вниз. Высокий человек, скрестив руки и широко расставив ноги, стоял у самого подножия трапа. Узкое лицо его было загорелым. Он с явным раздражением смотрел вверх. Согласно сирианитской моде, волосы его были сбиты в какой-то немыслимый ком. Кроме того, лицо украшала аккуратно подстриженная бородка и тонкие усики. Его рубашка с короткими рукавами была расстегнута у ворота. Лаки немедленно отозвался:

— Если вы так спешите, сэр, пожалуйста.

Резко оттолкнувшись и едва касаясь перил руками, он махнул вниз. Лаки без труда и усилий преодолел последние двенадцать ступенек, даже не коснувшись их и, очутившись лицом к лицу с сердитым сирианитом, чуть отодвинулся в сторону, чтобы дать возможность Бигману проделать тот же трюк. Человек, перед кото-

рым стояли земляне, был высок, однако ему не хватало пары дюймов, чтобы быть одного роста с Лаки. Кожа на его лице была очень нежная, холеная, что не очень сочеталось с волевыми чертами. Сирианит неодобрительно посмотрел на прибывших, и его губы исказила гримаса презрения:

— Акробаты! Обезьяны!

— Ни то, и ни другое,— улыбнулся Лаки,— просто земляне.

— Итак, вы Дэвид Старр, но вас еще называют «Лаки». Имеет ли это слово в вашем лексиконе то же значение, что и у нас?

— Это значит «счастливчик».

— У нас оно переводится несколько иначе. Меня зовут Стен Деваэр.

— Об этом я уже догадался.

— Вас, верно, все это удивляет, а? — Деваэр показал на лужайку и домики.— Красиво, не правда ли?

— Действительно красиво. Но стоит ли понапрасну тратить столько энергии?

— А почему этого не сделать, если рабочий день робота длится двадцать четыре часа в сутки? У Сириуса хватит энергии даже для этого. Ваша Земля, как мне кажется, страдает от недостатка энергии?

— У нас есть все необходимое. У вас будет возможность в этом убедиться.

— Неужели? Ну ладно, пойдемте, продолжим разговор у меня дома.

Он нетерпеливо махнул рукой в сторону сирианитов, которые за время беседы успели приблизиться к землянам. Этот высокий землянин был таким удачливым противником Сириуса, и наконец-то, он попал в плен!

Откозыряв в ответ на нетерпеливый жест Деваэра, предложившего им удалиться, они, несмотря на любопытство, повернулись и разошлись. Деваэр сел в небольшой открытый экипаж на гравитационной подушке. Днище экипажа было абсолютно гладким и висело в шести дюймах от поверхности. Такой же экипаж был подан Лаки. Управляли ими, разумеется, роботы. Лаки вошел во второй экипаж. Бигман собрался было последовать за ним, но был остановлен мягким, но решительным жестом робота.

— Эй...— заорал Бигман.

Вмешался Лаки:

— Мой друг поедет со мной, сэр.

Впервые за все время Деваэр обратил внимание на Бигмана: на секунду в его глазах вспыхнула ненависть. Он процедил:

— Не собираюсь иметь ничего общего с этим ... с этой вещью. Если вы очень дорожите компанией этой ... гм ... этого существа, можете возиться с ним сколько угодно. Но я бы не хотел, чтобы меня когда-нибудь беспокоили по этому вопросу.

Бигман побледнел и уставился на сирианита:

— Я тебя побеспокою прямо сейчас, ты, фанфарон...

Лаки подхватил Бигмана за пояс и кое-как затолкал в экипаж, успев прошептать на ухо:

— Нельзя сейчас этого делать, Бигман. Великая Галактика, пусть пока все идет так, как идет, малыш.

Все это время Деваэр сидел с безразличным видом, так, словно его ничего не касалось. Бесшумное и стремительное движение сирианитских экипажей напоминало полет ласточек, и через две минуты они уже остановились перед одноэтажным домом, сложенным из силикатного кирпича. От других домов этот отличался розовыми полосами вокруг окон, дверей и тщательно сделанным обширным паркингом. В течение всего полета они не видели ни одного человека, кругом были одни только роботы. Первым в дом вошел Деваэр. Перед ними открылась дверь в небольшое помещение с массивным столом и громоздким креслом, упрятанным в нише. Потолок сиял тем же ярким голубым светом, что и искусственное небо снаружи дома.

Пожалуй, слишком много голубизны, подумал Лаки, но потом вспомнил, что на Сириусе больше солнца, небо там гораздо ярче, и потому более голубое. Из глубины дома появился робот, несущий два подноса с едой, на каждом из них стояли яства и запотевшие бокалы с молочно-белой жидкостью. Один из подносов был поставлен перед Лаки, другой перед Деваэром. Лаки сказал роботу:

— Принеси еще один моему другу.

Робот бросил молниеносный взгляд в сторону Деваэра, но тот хранил каменное спокойствие, и робот принес еще один поднос. Во время обеда не было произнесено ни единого слова. Землянин и марсианин ели и пили с большим вдохновением — после монастырского меню корабельного кока-автомата Лаки и Бигман отводили душу. Как только робот унес пустую посуду, сирианит сразу же приступил к делу.

— Начну с того, что вы оба шпионы. Вы вышли на территорию Сириуса, были предупреждены и покинули нашу зону, но только затем, чтобы скрытно, как вы считали, вернуться. Согласно межзвездным законам, мы имеем полное право разделаться с вами. И это произойдет, если ваши дальнейшие действия не послужат смягчению вашей вины.

— Какие действия вы имеете в виду?— спросил Лаки.— Не угодно ли вам привести пример, сэр?

— С удовольствием, советник,— в темных глазах сирианита вспыхнул огонек интереса,— разговор пойдет о капсуле с ... информацией, которую наш человек выбросил в районе колец незадолго до своей гибели.

— Уже не думаете ли вы, что я ее нашел?

— У вас не было для этого ни единого шанса,— рассмеялся злорадно Деваэр,— мы не допускали вас слишком близко к кольцам. Да и времени у вас не было. Но давайте поговорим о деле. Вы очень умны, советник. Даже у нас, на Сириусе, все наслышаны о ваших редких способностях. Более того, вы неоднократно оставляли с носом нас, сирианитов, и доставили нам массу хлопот.

При этих словах спесивого сирианита Бигман даже взвизгнул от распиравшего его восторга.

— А хлопоты эти какие? Провал вашего агента на Юпитере — 9, раскрытие вашего прямого покровительства пиратам астероидов, а уж как мы вас вышвырнули с Ганимеда и ..

Стен Деваэр закричал:

— Советник, успокойте это! Верещание этой этого раздражает меня.

— Тогда говорите то, что вы хотите сказать, и не выводите из себя моего друга

— Ну что ж, я хочу, чтобы вы помогли нам разыскать капсулу Скажите, как бы вы приступили к этому делу?

— Какую информацию вы хотели бы получить?

Только такую, какой вы несомненно обладаете. Например, последние слова нашего агента

— Да, мы действительно перехватили последнюю передачу вашего агента Правда, не всю. Но из того, что мы поймали, совершенно ясно, что он не успел передать координаты орбиты, на которую запустил капсулу, и что он все-таки ее запустил на эту неизвестную орбиту.

— Ну, и что же дальше?

— Судя по тому, что ваш человек в течение долгого времени не попался и работал плодотворно, он был человек неглупый.

— Он был сирианит ...

Лаки усмехнулся:

— Это не обязательно одно и тоже. Я хочу сказать, что, как человек неглупый, он не мог запустить капсулу в кольца, где найти ее практически невозможно.

— Так, так, землянин, продолжайте, прошу вас. Что вы еще можете предположить?

— А если он все-таки запустил ее в кольца, то искать ее бессмысленно.

— Вы серьезно так думаете?

— Вполне Следовательно, найти капсулу можно только в «Линии Кассини»

Стен Деваэр откинулся в кресле и звонко рассмеялся. Затем он сказал

— Нет, ей-богу, поучительно послушать Великого Лаки Старра, разрабатывающего столь сложную проблему Можно было предположить, что мы услышим нечто поразительное, сверхъестественное, а взамен . узнать то, до чего мы додумались сами. А что вы скажете, советник, если я расскажу вам, как мы сами пришли к тому же выводу, причем без долгих раздумий. Мои корабли прочесывают «Линию Кассини» чуть ли не с момента трагической гибели нашего агента.

Лаки кивнул Если большинство сирианитов находится в зоне колец на прочесывании, то на Титане их не много, подумал Лаки.

— Что же, мне остается только поздравить вас и напомнить, что в зоне «Линии Кассини» все-таки находится определенное количество вещества колец Кроме того, капсула может иметь нестабильную орбиту, благодаря притяжению Мимаса. Далее, в зависимости от того, к какому кольцу, внешнему или внутреннему,

находится в непосредственной близости капсула, она может быть втянута тем или другим кольцом. Если вы до сих пор ее не обнаружили, вполне возможно, что вам никогда не удастся воспользоваться разведданными, добытыми вашим агентом.

— Ваши попытки запугать меня глупы и бесполезны. Даже если капсула оказалась в кольце, алюминий останется алюминием, и превратиться в лед шансов у него нет и не может быть.

— Детекторы массы не могут отличить лед от алюминия.

— Ваши детекторы, советник, ваши. Вы не задавали себе вопрос, как нам удавалось держать ваш корабль все время в поле зрения, хотя вы и проделывали рискованные трюки с Идальго и Мимасом?

Лаки мрачно ответил:

— Да, я задавал себе такой вопрос.

Деваэр опять расхохотался:

— Вы не зря ломали себе голову. Было бы даже странно, если бы вы этого не делали. Впрочем, у вас же нет силикатных детекторов.

— Гриф «Совершенно секретно»?— вежливо, но с ехидцей спросил Лаки.

— Да нет, напротив. В наших новых детекторах используется мягкое, а не жесткое излучение. Эти лучи по-разному реагируют и отражаются от любых тел, в зависимости от массы и атомного веса объекта, находящегося в зоне излучения. После обработки и анализа мы можем твердо сказать, металлический ли корпус корабля или просто астероид находится в зоне слежения. Если от астероида, продолжающего свой путь по орбите, отрывается металлический предмет, то не требуется много ума, чтобы понять: под прикрытием астероида двигается космический корабль, полагающий, что он всех обманул.

— Понятное дело,— пробормотал Лаки.

— Теперь вы понимаете, что ни кольца, ни сам Сатурн не спрятали бы металлический корпус корабля, который выдал вас? Даже Мимас не смог бы спрятать вас. Мы смогли засечь металлический предмет внутри Мимаса, хотя это могли быть и обломки корабля. Но когда мы увидели, что этот кусок металла шевелится, мы поняли, что вы все еще у нас в гостях ... Мы тут же разгадали, каким образом вам удалось уцелеть — «плавящий луч», ведь так? Нам оставалось только подождать.

Лаки опять кивнул:

— У вас на руках все козыри.

— Вы все еще считаете, что нам не удастся найти капсулу?

— Так почему вы не нашли ее до сих пор?

На какое-то мгновение лицо Деваэра потемнело. Но, взглянув на простодушное лицо Лаки, он только фыркнул:

— Найдем, это только вопрос времени. А поскольку вы ничем не можете нам помочь, нет причин откладывать уничтожение шпионов. Ваше уничтожение.

Лаки сказал:

— Я сомневаюсь, что вы говорите серьезно. Мертвые мы будем еще опаснее.

— Чем мне может грозить ваша смерть? Не пойму.

— Мы советники, члены Совета Наук Земли. Если вы нас уничтожите, Совет никогда этого не простит и не забудет. Причем ответные санкции будут направлены на вас лично. Запомните это.

— Мне кажется, я знаю еще кое-что: это создание, принадлежащее вам, не является советником.

— Официально — да. Но на деле он полный советник и ...

— А вы, если позволите мне закончить, не просто советник, вы гораздо больше. Приемный сын Гектора Конвея, Главы Совета, и гордость Совета. Так что, возможно, вы и правы.— Обрамленные усиками тонкие губы сирианита изогнулись в кривой ухмылке.— Если вы согласитесь нам помочь, примете наши условия — вам может быть дарована жизнь.

— Какие условия?

— В последнее время Земля занята созывом межзвездной конференции, на которой собирается обсуждать вопрос о нашем, якобы, захвате земной территории. Вы, может быть, не знаете об этом?

— Это я предложил созвать такую конференцию, как только убедился в существовании вашей базы на Титане.

— Отлично. Сириус согласился принять участие в этой конференции, а состоится она уже очень скоро, на вашем астероиде, на Весте. Земля,— тут он улыбнулся пошире,— похоже, очень торопится. А уж мы постараемся, чтобы конференция прошла весело, ведь сомнений в ее исходе нет никаких. В большинстве своем внешние миры не питают теплых чувств к Земле, да это и понятно. Наша же позиция в этом плане очень сильна. Но мы можем еще более усилить ее, если представим конференции пример расширения земной экспансии. Они, видите ли, собирают конференцию, на которой клянутся решить создавшуюся ситуацию мирным путем, а в это же самое время посылают на Титан боевой корабль, самый лучший, несомненно затем, чтобы уничтожить нашу базу.

— Меня никто не посылал сюда. Я действовал по собственной инициативе и не собираюсь предпринимать никаких боевых действий

И тем не менее, на конференции вы засвидетельствуете то, что я вам сейчас сказал. Это произведет впечатление.

Я этого не скажу, поскольку это неправда.

Деваэр отмел возражения Лаки. Он резко сказал:

Вы дадите им возможность убедиться, что не подвергались никакому воздействию: ни психологическому, ни наркотическому. Это ведь так? Свидетельствовать вы будете по своей воле, но лишь то, что мы вам укажем. Вы прямо скажете, что вас, известного члена Совета Наук, сына самого Гектора Конвея, вынудили предпринять нелегальную экспедицию в то самое время, когда Земля лицемерно созывала конференцию, трубя во все горло о своей мирной инициативе. Это заявление сразу расставит все акценты.

Лаки сделал глубокий вздох и внимательно посмотрел на холодно улыбающегося сирианита:

Итак, жизнь в обмен на фальшивое заявление? Я правильно понял?

— Пусть будет так. Если вам угодно именовать вещи подобным образом. Выбирайте.

— Нечего выбирать. Лжесвидетельствовать я не буду.

Глаза Деваэра превратились в смотровые щели:

— Думаю, вам придется изменить свое мнение, советник. Наши агенты тщательно изучили вас. Вы, конечно, можете предпочесть смерть сотрудничеству с нами, но мы знаем вашу земную сентиментальность, особенно по отношению к слабым и убогим. Вам придется выполнить наши требования,— тут его ухоженная рука сделала жест в сторону Бигмана,— чтобы предотвратить смерть этого существа.

— Спокойно, Бигман,— прошептал Лаки.

Коротышка марсианин приподнялся в кресле, словно перед прыжком: его глаза, сверкающие от гнева и азарта, впились в Деваэра. Лаки начал рассудительно:

— Давайте не будем заблуждаться относительно ваших угроз физической расправой. В мире роботов это не так просто. Я уверен, что вы или ваши коллеги не смогут хладнокровно убить живого человека.

— И вы абсолютно правы, если имеете в виду расстрел из бластера, повешение или что-нибудь подобное. Но не забывайте: быстрая смерть — слишком легкая смерть. Теперь представьте себе такой вариант: наши роботы подготавливают корабль. Ваш ... гм ... компаньон будет находиться под неусыпным наблюдением робота, который, разумеется, не причинит ему никакого вреда. Корабль будет снабжен автопилотом, который поведет его прочь от Солнца вне плоскости эклиптики. Орбита корабля не будет никому известна. Нет и одного шанса из триллиона, что какой-нибудь корабль, тем более с Земли, когда-нибудь наткнется на него. Этот корабль будет путешествовать вечно.

Бигман решил, что пора вмешаться.

— Лаки, пусть они делают со мной, что хотят, не иди ни на какие компромиссы.

Однако Деваэр словно ничего не слышал:

— У вашего компаньона будет вдоволь воздуха и воды, но он будет в полном одиночестве и без пищи. Смерть от голода — очень медленная смерть. Теперь добавьте сюда изумительное одиночество, такое, какое бывает только в глубоком космосе. Это будет ужасная смерть. Не правда ли?

Лаки сдержанно ответил:

— Это было бы отвратительно; применять подобные методы к военнопленному.

— Но ведь война еще не началась. Вы просто шпионы. Я уверен, что вы сделаете все, чтобы спасти потроха этого существа.

— Потроха!— вне себя от ярости и гнева Бигман вскочил на ноги.

Деваэр резко выкрикнул, повысив голос:

— Уберите это, изолируйте! Выполнять!

Справа и слева от Бигмана возникли два робота и крепко взяли его за руки. Бигман сделал несколько безуспешных попыток вы-

рваться из их стальных объятий. Один из роботов наконец произнес:

— Прошу вас, прекратите вырываться, вы можете повредить себе руку, а мы не сможем этого предотвратить, несмотря на все наши старания.

Деваэр продолжал:

— Для принятия решения у вас есть двадцать четыре часа. Океан времени, не правда ли, советник?

Деваэр посмотрел на наручный металлический циферблат, на котором вспыхивали цифры, и сказал:

— А мы теперь займемся приготовлением корабля для вашего ... гм ... компаньона. Если же нам не придется воспользоваться этим кораблем, на что я, признаюсь, очень рассчитываю, то и это не беда, роботам ведь все равно, чем заниматься, не правда ли, советник? Сидите на месте, ваша помощь бесполезна. Да и вреда ему никто не причинит. Пока.

И Лаки, наполовину приподнявшийся из своего кресла, беспомощно наблюдал, как роботы аккуратно вынесли Бигмана. Внезапно на огромном столе вспыхнула сигнальная лампочка. Деваэр склонился над столом, нажал какую-то кнопку на маленькой панели, и над столом возникло пульсирующее сияние, превратившееся в объемное изображение головы сирианита. Резкий голос произнес:

— Меня и Ионга известили, что у вас находится один из членов Земного Совета Наук. Почему нам сообщили об этом только после посадки?

— Это уже не имеет значения Вы ведь теперь все знаете Хотите прийти?

— Разумеется. Нам бы хотелось поговорить с советником.

Пятнадцать минут спустя прибыли два сирианита. Оба были так же высоки, как и Деваэр, и загар на их лицах был так же темен, как у него, благодаря высокому ультрафиолетовому излучению Сириуса, как понял Лаки. Они выглядели значительно старше Деваэра. У одного из них седые волосы были очень коротко подстрижены. Его отличали тонкие, крепко сжатые губы и резкая манера говорить. Он был представлен как Харриг Зайон и, судя по форме, был старшим офицером Космической Службы Сириуса. Волосы второго сирианита уже начали седеть, на запястье у него был глубокий шрам и выглядел он как человек, состарившийся в космосе. Его звали Баррет Ионг, и он также был в форме офицера КСС. Осмотрев пришедших, Лаки спросил:

— Я полагаю, что КСС является эквивалентом нашему Совету Наук?

— Да,— мрачно ответил Зайон,— в этом смысле мы с вами, пожалуй, коллеги. Хотя и находимся по разные стороны баррикад.

— Ну тогда у меня к вам, офицерам КСС, есть один вопрос. Является ли мистер Деваэр ...

Деваэр прервал Лаки:

— Я не состою на службе КСС. Да мне этого и не надо. Служить Сириусу можно различными путями

— Тем более,— сказал Ионг, поглаживая свой застаревший

шрам, словно пытаясь спрятать его,— если вам удалось оказаться родным племянником самого Директора Центрального Управления КСС.

Деваэр поднялся

— Прикажете понимать это, как насмешку?

— Вовсе нет, чисто фигурально. Ваше родство позволяет вам много делать для Сириуса

Однако в его тоне было нечто такое, что Лаки сразу уловил неприязнь двух пожилых офицеров к молодому аристократу Деваэр был явно очень влиятельным сановником.

Зайон быстро переменил тему разговора, обратившись к Лаки:

— Вам уже сказали о наших предложениях?

— Вы имеете в виду те, согласно которым я должен лжесвидетельствовать на международной конференции?

Лицо Зайона приняло выражение озабоченности и раздражения:

— Я имел в виду ваше присоединение к нам, ваше превращение в сирианита

— Мне кажется, что мы не дошли до такого пункта, сэр.

— Ну что ж, теперь вы знаете, чего мы от вас хотим. Подумайте, наша служба очень тщательно занималась вашей особой. Мы о вас знаем довольно много и высоко ценим ваши редкие способности. Считаем, что вы напрасно их тратите на Земле, где гуманоиды скоро перестанут быть биологическим фактором.

— Биологическим фактором,— повторил Лаки, нахмурившись, и продолжал,— не забывайте, что и сирианиты произошли от землян.

— Этого никто не отрицает, но произошли мы от лучших из них. От тех, кто обладал силой и волей, то есть от первопроходцев космоса. Мы сохранили свою расу чистой. Тех, кто не отвечает нашим требованиям, мы уничтожаем. Благодаря этим мерам, наша раса стала расой сильных духом и телом, не знающих трепета, способных к наукам и искусствам. А Земля по-прежнему остается рассадником больных и ущербных.

Его перебил Деваэр:

— За примером далеко ходить не надо. Несколько минут назад здесь был компаньон советника: даже находиться в одной комнате с ним было для меня испытанием. Представьте себе обезьяна, пятифутовая пародия на человека, образец деформации

Лаки медленно произнес

Он намного лучше вас, хоть вы и сирианит

Деваэр вскочил на ноги, заложил руки за спину, сжал кулаки. Зайон бросился к нему и мягко удержал, положив руку на плечо:

— Сядьте, Деваэр, успокойтесь. Дайте мне закончить свою мысль. Сейчас не время ссориться по пустякам.

Деваэр резко сбросил его руку, но все-таки сел. Офицер КСС Зайон продолжил с откровенностью, делавшей ему честь:

— Давно не секрет, советник Старр, что все внешние миры считают Землю источником постоянной угрозы. Этакой супергуманоидной бомбой, готовой взорваться в любую минуту и затопить чистую Галактику потоками больного, деформированного перена-

селением земного человечества. Мы не хотим этого допустить. Если хотите знать, мы боремся за чистоту человеческой расы, расы, которая будет состоять только из достойных.

— Достойных в вашем понимании,— сказал Лаки.— Однако достоинство может быть разных форм и оттенков. Все зависит от точки зрения. Великие люди, земляне, произошли от людей самого разного роста, цвета кожи и так далее. Это, собственно, и является силой человечества.

— Вы просто повторяете, как попугай, чьи-то чужие мысли. Советник, вы ведь видите сами, что вы один из нас. Высокий, сильный, сложенный как сирианит, вы смелы и обаятельны. Так зачем же бороться против себе подобных только потому, что вы по случайности родились на Земле?

Лаки ответил:

— Итак, все ваши высказывания сводятся к следующему: я должен выступить на межзвездной конференции как сирианит с аргументами, изобретенными Космической Службой Сириуса.

— Вы все верно поняли. Тем более, что то, о чем вы скажете на конференции, не является чьим-то вымыслом. Ведь вы шпионили за нами. Вы прибыли на боевом корабле.

— Простите, но вы напрасно теряете время. Мистер Деваэр уже обсуждал со мной эту проблему во всех аспектах.

— И вы согласились стать настоящим сирианитом,— с просветленным лицом сказал Зайон.

Лаки искоса взглянул на Деваэра, который напустил на себя безразличный вид, полируя ногти.

— Повторяю, мистер Деваэр уже сделал мне подобное предложение. Его манера резко отличается от вашей. Короче, он сказал мне, что если я не приму его предложение, моего друга отправят на автоматическом корабле в открытый космос и на корабле не будет ни крошки хлеба.

Два старых офицера медленно повернулись к Деваэру, который продолжал небрежно чистить ногти. Баррет Ионг, значительно, с расстановкой, глядя прямо в глаза Деваэра, спросил:

— Сэр, разве подобные методы традиционны для космической ...?

Тут Деваэр просто взорвался:

— Хватит! Я не член службы и плевать я хотел на ваши традиции. Я один отвечаю за эту базу, ее безопасность и секретность. Все на моей ответственности. Вас послали со мной как делегатов космической конференции, однако главой делегации являюсь я, и отвечаю за исход конференции тоже я. Если кому-то, а особенно землянину, не хочется, чтобы его друг умер подобной смертью, ему остается только согласиться с нашими предложениями и спасти своего компаньона да и себя самого. Мне эта обезьяна просто противна, но не более. Так вот, мой метод даст более верный результат, чем все ваши усилия сделать из него сирианита. Теперь слушайте дальше,— Деваэр поднялся со своего места, нервно заходил по комнате, остановился перед вытянувшимися по стойке смирно офицерами и продолжал.— Мне надоело терпеть вмешательство в мои дела. У

КСС была уйма времени, чтобы найти пути для активного воздействия на Землю в нашей борьбе, однако все ваши попытки провалились. Я специально говорю это при землянине, он должен знать. Космическая Служба не смогла справиться с этим заданием. Да вот и Лаки Старра загнал в ловушку опять-таки я, а не КСС. Просто, джентльмены из КСС, вам нужно иметь немного больше мозгов, и я ...

В этот момент в комнате появился робот и сказал:

— Пусть хозяева извинят меня, но я получил инструкцию, согласно которой должен сообщить вам, что маленький хозяин, который должен был быть заключен под стражу ...

— Бигман!— вскочил Лаки на ноги.— Что с ним?!

Когда роботы выносили Бигмана из комнаты Деваэра, мозг маленького марсианина напряженно работал. Нет, он не думал о побеге. Для этого он был достаточно сообразительным. Было совершенно немыслимо сбежать с этой тщательно охраняемой базы в одиночку и без оружия. Даже если бы «Метеор» был в его полном распоряжении, о чем можно было теперь только мечтать, то и тогда побег был бы немыслимым в этом мире роботов. Бигмана тревожило не это. Лаки пытались склонить к предательству, угрожая ему, что умертвят его, Бигмана. Лаки не должен становиться предателем, даже если на чашу весов брошена жизнь Бигмана. И, с другой стороны, спасая свою честь, Лаки не сможет подставить под удар Бигмана и потом всю жизнь нести это бремя. Был только один выход. Бигман думал об этом совершенно хладнокровно. Если он сможет погибнуть таким образом, что это исключит вину Лаки, советник сможет поступить сообразно обстоятельствам, и рядом с ним не будет Бигмана, которого можно использовать как рычаг давления на волю Лаки. Бигмана силой усадили в антигравитационный экипаж и доставили к месту его будущего заключения. Этих несколько минут Бигману вполне хватило, чтобы план действий выкристаллизовался в его мозгу. Годы, проведенные вместе с Лаки в космосе и на разных планетах, были прекрасны и полны приключений. За эти годы Бигман не однажды смотрел смерти в глаза, и вот теперь, когда он оказался перед лицом опасности, в его сердце не было страха. Однако Бигман не мог прямо сейчас сыграть свою последнюю партию: у него оставался один неоплаченный счет. Никому и никогда не удавалось насолить Бигману, как это сделал Деваэр. Бигман просто не имел права умереть, не оплатив долга. Одно только воспоминание о заносчивом сирианите наполняло его таким гневом, что Бигман не мог точно сказать, что в первую очередь движет им: любовь к Лаки или ненависть к сирианиту. Роботы аккуратно вынули Бигмана из экипажа, и один из них тщательно и осторожно ощупал все тело марсианина в поисках оружия. На какое-то мгновение Бигмана охватила паника, и он попытался вырваться из металлических рук, выкрикивая:

— Меня уже проверяли, когда высаживали из корабля.

Однако робот не спеша закончил свое исследование, не обратив никакого внимания на крики человека. Затем оба взяли его под руки и повели к зданию. Час пробил. Если его упекут в камеру, задача

усложнится во сто крат. Бигман резко выбросил ноги вперед и вверх, почти перевернувшись вниз головой. Только руки роботов удерживали его. Один из роботов мгновенно среагировал:

— Я очень опечален, хозяин, что вы повернули себя в такую болезненную позу. Если вы не будете мешать нам выполнять свое задание, мы будем нести вас так осторожно, как только сможем.

Но Бигман выкинул еще один подобный фортель и внезапно пронзительно вскрикнул:

— Рука! Моя рука!

Роботы мгновенно встали на колени и осторожно опустили Бигмана на спину.

— Вам больно, хозяин?

— Болваны, вы сломали мне руку! Не трогайте меня. Позовите какого-нибудь гуманоида, который знает, как лечить сломанные конечности, или робота-медика,— простонал Бигман.

Роботы медленно отступили, не спуская глаз с лежащего человека. У них не было чувств и не могло их быть. Их сутью был позитронный мозг, ориентированный на выполнение Трех Законов Роботехники. Выполняя приказание доставить человека в определенное место, они подчинялись Второму Закону, при этом вступая в противоречие с Первым Законом — не причинять вреда человеку, а это был важнейший Закон. И сейчас в их позитронных мозгах воцарился хаос. Бигман закричал снова:

— Приведите помощь! Пески Марса, да помогите же мне ...

Это был приказ, подтвержденный первым Законом, поскольку гуманоид повредил себе руку. Роботы повернулись и пошли прочь. В этот момент правая рука Бигмана скользнула к мощной подошве марсианского сапога, и вот его ладонь греет игольчатый разрядник с солидным запасом зарядов. Бигман осторожно поднялся на ноги. При этом звуке один из роботов оглянулся. Голос его был неуверен и не совсем внятен.

— Хозяин, значит ты не поврежден?

Второй робот тоже повернулся.

— Отвезите меня назад, к вашим сирианитским хозяевам,— твердо сказал Бигман.

Это был уже другой приказ, причем он не противоречил Первому Закону Ведь человек-то, в конце концов, был цел и невредим. Надо отдать должное сирианитскому произведению роботехники: роботы не впали в шоковое состояние и даже не удивились, а ближайший робот бесстрастно произнес:

— Коль скоро ваша рука находится в полном порядке, возникает необходимость в выполнении первого приказа. Извольте следовать за нами.

Бигман не стал терять времени — короткая вспышка игольчатого разрядника, и голова робота превратилась в металлическую болванку, корпус же помедлил немного и рухнул на землю.

Второй робот так же невозмутимо произнес:

— Этот метод вам все равно не поможет,— и решительно двинулся к Бигману.

Закон самосохранения был всего лишь Третьим Законом. Ни

один робот не мог отказаться от выполнения приказа (Второй Закон), опираясь на Третий. А посему робот двигался прямо на игло-разрядник в руке марсианина. И все прочие роботы, видимо, получившие вызов по межроботной связи еще в тот момент, когда Бигман проворачивал свой трюк с якобы сломанной рукой, тоже двинулись в его сторону, и намерения их не были тайной. Они так и будут идти на верную гибель, но ведь всех этих «железных парней» не угостишь зарядом, а уцелевшая половина посадит его под замок — верный путь к долгой мучительной смерти. И Лаки останется перед неразрешимой дилеммой. Оставался только один путь: Бигман приставил разрядник к виску. И громко закричал:

— Ни шагу дальше! Еще движение, и я вынужден буду стрелять. Вы меня убьете!

Он взвинтил себе нервы до такого предела, что, кажется, действительно мог выстрелить. Если не удастся сделать что-нибудь еще, придется пойти на эту крайнюю меру. Но роботы остановились. Ни одного движения. Бигман медленно переводил взгляд с одного на другого. Один лежал на земле с головой, развороченной выстрелом, второй стоял перед ним с поднятыми руками, еще один, в сотне ярдов, замер с поднятой ногой. Вдалеке были видны и другие роботы, все они замерли без движения, словно их всех охватил паралич. Ситуация не была удивительной. Это был Первый Закон Роботехники. Все остальные приказы, их собственное существование, буквально все отступило на второй план. Они не смели двигаться, если это движение могло причинить вред человеку. Бигман продолжал:

— Все роботы, кроме одного,— тут он указал на ближайшего, стоящего с поднятой рукой,— сейчас отправятся по своим делам. Возвращайтесь к своим заданиям и забудьте все, что здесь произошло. Любая попытка не подчиниться моим требованиям приведет к моей гибели.

Итак, все роботы должны были покинуть место происшествия. Разумеется, он поступил довольно грубо с этими роботами и теперь с ухмылкой наблюдал за их реакцией, соображая, не сильно ли он повредил их электронным мозгам, изготовленным из тончайших иридиевоплатиновых нитей. Бигман не был землянином, но, как и многие земляне, относился к роботам с определенным недоверием. Он был о них невысокого мнения. Все роботы, кроме одного, указанного Бигманом, отправились выполнять свои непосредственные задания. Выходное отверстие разрядника все еще было направлено в висок Бигмана.

— Отвези меня назад, к своему ... хозяину,— здесь Бигман хотел употребить совсем другое слово, но с трудом сдержался, вспомнив, что позитронный мозг может и не знать марсианских ругательств,— и побыстрее. Не позволяй никому, ни человеку, ни роботу приближаться к нам. В противном случае я всажу заряд или в себя или в того, кто встанет на пути.

Робот резко ответил (Лаки уже как-то говорил Бигману, что сирианитские роботы могут даже варьировать тембр своего голоса):

— Я выполню все, как приказал хозяин. Хозяин может быть

уверен, что ни ему, ни другому хозяину не будет причинено никакого вреда.

Робот повернулся и направился к стоявшему невдалеке антиграву. Бигман последовал за ним. Он был готов мгновенно ответить на любую угрозу, но обратный путь прошел спокойно. Робот оставался всего лишь машиной, выполняющей приказы без сомнений и колебаний. Только люди умеют лгать и изворачиваться. Когда антиграв остановился перед домом Деваэра, Бигман произнес:

— Я подожду здесь. Я не сбегу. Иди и скажи хозяину Деваэру, что хозяин Бигман свободен и ждет его.

Бигман боролся с соблазном сказать еще кое-что и на сей раз не сдержался:

— Скажи ему, что он может потягаться со мной голыми руками или с помощью разрядника, если хочет еще раз взять меня в плен. И еще скажи, что если он струсит, я возьму его за шиворот и дам такого пинка, что он очутится на Марсе.

Стен Деваэр с негодованием уставился на робота. Лицо его стало еще темнее, а глаза полыхнули гневом под насупленными бровями.

— Ты хочешь сказать, что он свободен, вооружен и находится здесь?

Он посмотрел на офицеров КСС, которые остолбенели от удивления. Лаки пробормотал:

— Великая Галактика!

Взбешенный Бигман мог натворить немало бед и при этом погубить себя. Зайон тяжело поднялся со своего кресла:

— Ну, Деваэр, вы ведь не думаете, что робот может солгать?— Он пересек комнату и набрал код «Чрезвычайное положение на базе», сказав при этом:

— Раз уж на базе появился вооруженный и готовый на все землянин, нам лучше заранее принять необходимые меры предосторожности.

— Но как ему удалось достать оружие?— недоуменно пожал плечами Деваэр, решительно направившись к выходу.

Лаки двинулся было за ним, но сирианит тут же остановил его.

— Останьтесь здесь, Старр.

Затем он обратился к роботу:

— Останься с этим землянином. Ни под каким видом он не должен покидать это помещение.

Похоже, он нашел какой-то определенный выход в сложившейся ситуации. Деваэр стремительно вышел из комнаты, захватив при этом бластер. Зайон и Ионг, поколебавшись немного, посмотрели на Лаки и тоже вышли.

Ровная площадка перед домом Деваэра была залита щедрыми голубыми лучами, имитировавшими ослепительный блеск Сириуса. В центре площадки стоял Бигман, в пятистах ярдах дальше застыли пять роботов, а из многих других уголков базы поворачивало к дому еще десяток роботов.

— Ко мне, взять этого человека!-- закричал Деваэр, жестом подзывая ближайших роботов.

— Они не сделают ни шага!— заорал в ответ Бигман.— Если они хотя бы пошевелятся, я вырву твое сердце, и они знают, что я это сделаю!

Деваэр вспыхнул и поднял бластер, но Бигман, как всегда, оказался проворней:

— Приятель, не зацепите заодно и себя. Вы держите бластер *слишком близко к телу.*— Пока Бигман говорил, правая его рука, сжатая в кулак, медленно поднималась, в то время как правый локоть покоился на ладони левой руки. Из игольчатого разрядника, скрытого между пальцами Бигмана, вырвался незримый поток дейтерия. Магнитная ловушка приоткрылась только на миллионную долю секунды. Надо было обладать очень тонким чутьем и огромной практикой, чтобы заставить работать разрядник в таком режиме. Во всей вселенной никто, кроме Бигмана, не мог этого сделать. Ствол бластера, который держал Деваэр, внезапно превратился в яркий металлический цветок, распустившийся и брызнувший раскаленными каплями. Деваэр взвизгнул и выпустил бластер из рук. Бигман продолжал, словно ничего не произошло:

— Вот вы, двое. Ребята, я не знаю, кто вы, но если вы сделаете малейшее движение по направлению к спусковым гашеткам ваших бластеров, вам не удастся закончить своих движений.

Все замерли. Наконец, немного оправившись от замешательства, Ионг спросил:

— Как получилось, что у вас осталось оружие?

— Робот не может быть умнее своего создателя. Роботы, которые обыскивали меня на корабле и здесь, на Титане, не могли знать, что марсиане используют свои сапоги не только для заталкивания туда ног.

— А как вам удалось «переубедить» роботов?

Бигман хладнокровно ответил:

— Одного мне пришлось превратить в металлолом.

— Вы разрушили робота!— на лицах сирианитов проступило выражение священного ужаса.

Бигман почувствовал нарастающее напряжение. Его не беспокоили стоявшие вокруг роботы, но откуда-нибудь мог появиться еще один сирианит и выстрелить ему в спину с безопасного расстояния. Что-то холодное и колючее поселилось у Бигмана между лопатками, пока он ждал выстрела в спину. Это было бы поражением. Раз уж Лаки получил передышку, мертвый или живой, Бигман должен был победить. Ему нужен был хотя бы один шанс, чтобы рассчитаться с Деваэром, с этим надменным сирианитом, сидевшим за одним столом с Бигманом и говорившим такие слова, которые не могут быть прощены ни одному человеку во Вселенной. Бигман обратился к сирианитам:

— Я могу прикончить всех вас троих прямо сейчас. Но, может быть, мы придем к соглашению?

— Вы не можете застрелить нас,— мягко сказал Ионг,— поскольку это будет означать, что землянин открыл стрельбу на сирианской территории. Иными словами, это — война.

— Кроме того,— зарычал Деваэр,— если ты выстрелишь, ро-

боты получат возможность активно действовать. Они скорее будут защищать трех человек, чем одного. Брось оружие и отправляйся в предназначенное тебе место.

— Хорошо. Отпустите роботов, и я сдамся вам в плен добровольно.

— Роботы уйдут, можешь не беспокоиться.

Деваэр сделал жест, словно увидел что-то очень мерзкое, повернулся к своим коллегам и сказал:

— У меня просто кожа начинает зудеть от того, что приходится еще разговаривать с этой пародией на гуманоида.

В ту же секунду в футе от лица Деваэра вспыхнул клубок взорвавшегося дейтерия.

— Скажи еще что-нибудь в этом роде, и тебе потребуется робот-поводырь,— произнес Бигман.— Если роботы сдвинутся хоть на шаг, я прикончу всех вас троих. Даже если это будет началом войны, то вы трое этого уже не увидите. Прикажите роботам уйти, и я сдамся Деваэру, если он сможет со мной справиться. Я сдам оружие любому из вас двоих. Зайон сказал жестко:

— Это звучит весьма убедительно, Деваэр.

Деваэр все еще протирал свои полуослепшие глаза:

— Отнимите у него оружие.

— Минутку,— сказал Бигман,— ни с места. Я хочу, чтобы ты, Деваэр, дал мне слово чести, что меня не подстрелят и не отдадут в руки роботов, когда я сдам оружие.

— Мое слово чести тебе?!— взорвался Деваэр.

— Да, и, кроме того, еще и слово чести этих офицеров. Они носят форму высших офицеров КСС, и я скорее поверю их слову, чем твоему,— продолжал Бигман.— Если я сдам оружие, останетесь ли вы на своих местах, чтобы дать возможность Деваэру спуститься сюда и попытаться взять меня голыми руками?

— Слово чести,— произнес Зайон.

— И мое,— добавил Ионг.

Деваэр отступил от своих позиций:

— В чем дело? Я не имею ни малейшего желания прикасаться к этому существу.

— Боишься?— мягко спросил Бигман.— Неужели я слишком тяжел для тебя, Деваэр? Ты тут обзывал меня всякими словами, попробуй теперь поработать своими длинными руками. Ловите «пушку», офицер.

Он бросил разрядник Зайону, который ловко поймал его на лету и теперь ждал. Бигмана могли убить прямо сейчас, но Зайон положил разрядник в карман. Деваэр закричал:

— Роботы!

И тут же приказ Зайона:

— Оставьте нас!— и, обращаясь к Деваэру, добавил:

— Мы дали этому землянину слово чести, вам придется самому взять его в плен и отправить под замок.

— Или, может, мне подойти самому и дать тебе урок?— усмехнулся Бигман.

Деваэр бросился к Бигману. Коротышка-марсианин стоял соб-

ранный, готовый к встрече. Вот он сделал маленький шаг в сторону, уклонившись от протянутой руки, и туго скрученная пружина его тела распрямилась во встречном ударе. Кулак Бигмана обрушился на лицо Деваэра. Звук от удара, попавшего в челюсть, напоминал удар биты по кочану капусты. В ту же минуту Деваэр очутился на плитах собственного паркинга. Он в недоумении уставился на коротышку Бигмана. Щека Деваэра побагровела, а из уголка губы вытекла струйка крови. Он приложил руку к губам, и на его лице отразилось недоумение: на пальцах была его собственная кровь!

Ионг заметил:

— Этот землянин в действительности значительно выше, чем выглядит поначалу.

На что Бигман тут же откликнулся:

— Я не с Земли, а с Марса ... Ну, ну, Деваэр, подъем. Или ты совсем ослаб? Ты что же, сам-то, без роботов, ничего не можешь? Губы после еды тебе тоже роботы вытирают?

Деваэр взвыл и вскочил на ноги, но достать Бигмана не смог. Тогда Деваэр начал кружить вокруг Бигмана с глазами, горящими от гнева. Бигман тоже медленно поворачивался, следя за соперником, за неуверенными движениями мягкого, привыкшего к ничегонеделанию тела.

Да он же никогда не дрался вот так, на кулаках, подумал Бигман.

Внезапно Бигман резко шагнул к Деваэру, схватил его за руку и Деваэр взвился в воздух, а потом вновь рухнул на плиты.

Бигман отступил на шаг:

— Что такое? Что случилось? Я ведь никто. Я ведь не человек даже. Так что же с вами случилось?

Затравленным взглядом Деваэр посмотрел на своих офицеров. Они молча наблюдали за тем, как Бигман снова и снова бросал на горячие плиты паркинга самого племянника могущественного директора КСС.

Наконец Зайон сделал шаг вперед:

— Марсианин, если вы не прекратите, то можете серьезно изувечить его. Наше соглашение заключалось в том, что Деваэр должен взять вас голыми руками. Теперь ясно, что вы имели в виду. Вам остается сдаться мне в плен, но только спокойно, иначе мне придется пустить в дело этот разрядник.

Но тут же закричал Деваэр:

— Убирайтесь, убирайтесь вон, Зайон! Теперь поздно говорить что-либо! Отойдите, я вам сказал!

Истеричный крик раздался над паркингом:

— Роботы, ко мне!

— Он сдался мне в плен,— только и сказал Зайон.

— Никаких разговоров о сдаче,— с искаженным от гнева и ненависти лицом прохрипел Деваэр,— поздно... Ты, робот, вот ты, мне все равно, какой. Твой серийный номер... Взять его... эту вещь.

Голос Деваэра поднялся до визга, когда он указал на Бигмана:

— Уничтожить это! Разорвать на части!

Ионг взорвался:

— Деваэр! Вы с ума сошли! Робот не может выполнять такой приказ!

Ближайший к людям робот продолжал стоять на месте. Голос Деваэра не утратил жесткой хрипоты:

— Робот, ты не можешь причинить вреда человеческому существу. Об этом я тебе и не говорю. Дело в том, что этот предмет не является человеком.

Робот повернул свои объективы в сторону Бигмана. Бигман выкрикнул:

— Он не поверит этому! Это ты можешь считать меня неполноценным человеком, но робот знает что к чему.

Деваэр продолжал, обращаясь к роботам:

— Посмотрите на этот предмет, роботы. Он разговаривает и имеет очертания человеческого тела, но ведь то же самое можно сказать и о любом роботе. Я могу доказать, что это не человек. Ты видел когда-нибудь взрослого мужчину такого маленького роста? Ведь это говорит о том, что он не человек. Это просто животное, которое... причинило мне вред. Ты должен уничтожить его.

— *Отправляйся к своей мамочке-роботихе!*— *заулюлюкал* Бигман.

Но робот уже сделал первый шаг в сторону Бигмана. Ионг соскочил с крыльца и встал между роботом и человеком.

— Я не могу этого допустить, Деваэр. Робот не должен делать таких вещей. Подобные приказы могут разрушить позитронный мозг

Но Деваэр зашипел свирепо:

— Я ваш начальник. Если вы сделаете хотя бы один жест, противоречащий моим приказам, я завтра же вышвырну вас из КСС.

У людей, состоящих на службе, привычка повиноваться часто становится второй натурой: Ионг сделал шаг назад, но на его лице застыло выражение неодобрения. Робот продолжал свое движение к Бигману, и тот, сделав осторожное движение в сторону, сказал:

— Эй, поосторожнее, я человек!

— Это не гуманоид!— заорал Деваэр.— Это предмет. Разорви его на части. Но только медленно.

Лоб Бигмана покрылся испариной, и во рту его пересохло. На это он не рассчитывал. Быстрая смерть — это еще куда ни шло. Но быть разорванным роботом... Бежать было некуда, отступать тоже, оружие осталось у Зайона. Кроме того, вокруг были и другие роботы, которые слышали утверждение, что он не человек, из уст самого Деваэра, номинального владыки сирианитской базы. На окровавленном лице Деваэра застыла кривая усмешка, которая причиняла ему боль потому, что губы были разбиты. Он промокал платком кровь, но глаза его неотступно следили за мерными движениями робота. Он, похоже, забыл обо всем остальном. Коротышке Бигману осталось не более шести футов свободного пространства, а Деваэр не сделал ни одной попытки ускорить шаг робота или подозвать других.

— Деваэр, ради Сириуса, не стоит этого делать,— произнес Ионг.

— Без комментариев, Ионг,— с усилием ответил Деваэр,—

этот гуманоид уничтожил робота и неизвестно, сколько повредил. Нам придется проверить каждый позитронный мозг, ставший свидетелем жестокого уничтожения одного из них. Он вполне заслужил смерть.

Зайон осторожно положил руку на плечо Ионга, стараясь утихомирить его, но тот нетерпеливо сбросил руку:

— Смерть? Что ж, возможно. Но в таком случае вы должны отправить его на Сириус, где его будут судить согласно существующим законам. Дознание можно провести и здесь, на базе, и в случае необходимости расстрелять его честно, из бластера. А не так, как вы хотите сделать, только потому, что он набил...

— Хватит!— заорал Деваэр,— вы слишком часто вмешиваетесь в мои дела. Вы арестованы! Зайон, возьмите его бластер и бросьте оружие мне.

Он резко обернулся, боясь выпустить Бигмана из виду хоть на мгновение.

— Побыстрее, Зайон, иначе, клянусь всеми дьяволами космоса, я и вас упеку.

Безмолвно нахмурившись, злясь на самого себя, Зайон протянул руку к Ионгу, который растерянно схватился за рукоять бластера и наполовину вытащил его из кобуры.

— Не дури, Ионг, не давай ему возможности окончательно распоясаться. А арест он и сам отменит, как только немного придет в себя.

Деваэр крикнул шепчущимся офицерам:

— Ну, где там бластер, он мне нужен.

Дрожащей рукой Ионг выдернул свой бластер и передал его Зайону, который бросил злосчастное оружие к ногам Деваэра. Деваэр поднял его. Бигман хранил молчание до тех пор, пока чудовищная пятерня робота не сомкнулась на его запястье. Тогда он выкрикнул:

— Не прикасайся ко мне! Я — хозяин.

На какое-то мгновение робот заколебался и ослабил хватку. Но в следующую секунду рука его снова твердо сомкнулась, а другая рука ухватила Бигмана за локоть. Деваэр визгливо захохотал. Ионг резко повернулся на каблуках:

— По крайней мере, я не желаю смотреть на это трусливое преступление,— поэтому он не видел, что произошло в следующий миг.

* * *

Когда сириниты вышли из комнаты, Лаки остался внешне спокойным, но давалось ему это с трудом. Он не мог справиться с этим роботом голыми руками. Разумеется, где-то в здании находилось оружие, с помощью которого он мог избавиться от опеки робота, а затем и расправиться с остальными тремя сирианитами. Однако и тогда он не смог бы покинуть Титан или стереть с поверхности эту отличную военную базу. Еще хуже, если его убьют, а это вполне могло случиться, и он не сможет претворить в жизнь свой тщательно продуманный план, а им он рисковать не мог. Лаки спросил робота:

— Что случилось с хозяином Бигманом? Сообщай быстрее и по порядку.

Робот выполнил приказ. Лаки с тревогой выслушал отчет о происшедшем, не в силах что-либо предпринять. В глубоком волнении он выслушал, как Бигман с помощью притворства заставил роботов дважды ослушаться данных инструкций, при этом голос робота стал жестче, и темп его речи ускорился. Когда же робот рассказал о том, как Бигман уничтожил робота, у Лаки все оборвалось внутри. Законы Сириуса были особенно жестоки к тем, кто уничтожал роботов. Он достаточно хорошо знал культуру Сириуса и не сомневался, что к человеку, уничтожившему робота, будут применены самые жесткие санкции. Как же теперь спасти вспыльчивого Бигмана? Лаки тут же вспомнил, что еще на Мимасе не хотел брать с собой Бигмана. Он, конечно, не мог предположить, что конкретно выкинет Бигман, но, зная вспыльчивость своего друга, был уверен, что в сложнейших ситуациях, требующих хладнокровия и крепких нервов, Бигман мог сорваться. Ему бы следовало настоять на своем и оставить Бигмана на Мимасе, но что бы это дало? Несмотря на приближающуюся трагическую развязку, Лаки чувствовал, что присутствие Бигмана было ему просто необходимо. Он должен спасти Бигмана: любым способом, любой ценой, но должен спасти его. Лаки быстро двинулся в сторону двери, но и робот тут же двинулся следом:

— Согласно инструкции, вы, хозяин, не должны покидать это помещение ни под каким предлогом.

— Я не выхожу из помещения, я просто иду к двери. Об этом в твоих инструкциях ничего не сказано.

На секунду повисло молчание, затем робот вновь произнес:

— Согласно инструкции вы, хозяин, не должны покидать это помещение ни под каким предлогом.

В отчаянии Лаки попытался открыть дверь, но был схвачен за руки и водворен на место. Лаки закусил губу. Исправный робот мог бы понимать свои инструкции более широко. Но этот робот был поврежден. Он мог исполнять только примитивные приказы. Лаки Старру было просто необходимо увидеть Бигмана. Он сел за стол на место Деваэра. Перед ним высился объемный видеофон, с помощью которого офицеры КСС связывались с Деваэром.

— Эй, робот,— позвал Лаки.

Робот подошел к столу.

— Как работает этот видеофон?— спросил Лаки.

Неуклюжим движением робот открыл один из отсеков.

— Отлично,— произнес Лаки.— Могу я видеть, что происходит перед домом? Покажи мне паркинг, быстро!

Лаки отодвинулся от стола. Робот подошел и включил видеофон:

— Готово, хозяин.

— Так, посмотрим...

Над столом появилось сильно уменьшенное объемное изображение паркинга. Робот отошел и уставился в какие-то одному ему известные дали. Лаки не стал звать его назад. Звука не было, и пока Лаки пытался сообразить, где же находится контроль звука, события, происходящие на площадке перед домом, захватили его це-

ликом. Видеофон был включен в тот момент, когда началась схватка Бигмана и Деваэра. Коротышке Бигману удалось каким-то образом уговорить офицеров КСС не вмешиваться. Было совершенно очевидно, что через несколько минут Деваэру будет очень трудно подняться с плит паркинга — Бигман разошелся не на шутку. Лаки не мог радоваться такому обороту дел. Эта схватка могла кончиться смертью Бигмана. Он, похоже, знал это и не слишком беспокоился. Но вот один из офицеров вмешался и остановил эту неравную драку. В этот момент Лаки наконец нашел кнопку, включающую звуковой канал. Голос Деваэра, призывающий роботов расправиться с Бигманом, ворвался в комнату. На какое-то мгновение Лаки показалось, что он ослышался, но потом он в отчаянии хватил обеими руками по столу и забегал вокруг пульта. Он был один на один с роботом, в поврежденном мозгу которого осталась только одна инструкция — не выпускать его из комнаты. Великая Галактика, неужели нет никакого более важного приказа, который позволил бы избавиться от этой железки?! У него ведь даже не было оружия, чтобы повторить трюк Бигмана. Но тут взгляд его упал на приборную доску, где висел телефон, и Лаки вспомнил, как после сообщения этого чокнутого робота о том, что Бигман свободен и вооружен, Зайон звонил куда-то и говорил что-то насчет всеобщей тревоги. Лаки позвал робота:

— Робот, побыстрее иди сюда. Зачем нужна эта панель? Что здесь набирали в последний раз?

Робот медленно подошел к панели, изучил расположение включенных схем и сказал полувнятно:

— Хозяин хотел отправить всех роботов по боевому расписанию.

— Как сейчас включить всеобщую боевую тревогу? Так, чтобы все роботы немедленно отправились по боевым постам? Это ведь самое главное для всех на базе?

Сможет ли робот понять его?

Робот уставился зрачками своих телеобъективов прямо в глаза Лаки, который схватил его за руку и требовал:

— Говори! Говори же!

Ничего не ответив, робот протянул к панели манипулятор и неуверенным движением нажал кнопки, затем его манипулятор поднялся на один дюйм и замер.

— Это все? Ты правильно включил сигнал тревоги?— в полном отчаянии взывал Лаки.

Тут робот молча повернулся кругом, направился к двери и вышел, заметно припадая на одну ногу — одна из конечностей явно плохо повиновалась испорченному позитронному мозгу. Огромными прыжками тренированное тело Лаки вынеслось, как смерч, из помещения. За несколько секунд он пересек площадь паркинга и очутился рядом с Бигманом.

Ионг, отвернувшись, чтобы не видеть ужасного зрелища человека, разорванного на части, ждал душераздирающего вопля Бигмана, но так и не дождался. Вместо этого он услышал недоуменный возглас Зайона и крик разъяренного Деваэра. Ионг резко обернул-

ся. Робот, который только что держал маленького марсианина, тяжелой рысью убегал с места несостоявшейся кровавой драмы. Все прочие роботы тоже неслись неизвестно куда сломя голову. Второй же землянин, Лаки Старр, совершенно непостижимым образом оказался рядом с Бигманом. Лаки помог Бигману подняться, и маленький его друг качал головой и растирал руку, побывавшую в стальных объятиях робота. Ионг услышал, как он говорил:

— Еще одну минуту, только одну минуту, и меня бы уже...

Деваэр продолжал орать и приказывать роботам, впрочем, без особого успеха: воздух был внезапно разорван мощными громкоговорителями:

— Командор Деваэр, ждем дальнейших приказаний. Приборы не обнаружили противника в окрестностях базы. Просим объяснить сигнал боевой тревоги. Командор Деваэр...

— Боевой тревоги...— пробормотал совершенно ошеломленный Деваэр.— Теперь мне понятно, почему все роботы...— тут он посмотрел на Лаки Старра.— Вы?...

— Да, сэр,— кивнул Лаки.

Разбитые губы Деваэра сложились в болезненную усмешку:

— Умный, находчивый советник. Вы спасли на какое-то время свою обезьянку.— С этими словами Деваэр направил бластер на Лаки.— Марш в мой кабинет. Все до одного. Вы, Зайон и Ионг, тоже. Все, все проходите.

Видеофон на огромном столе Деваэра продолжал повторять вызов с командного поста базы. Лаки ловко обошел соперника в его собственной базе, и это не предвещало ничего хорошего в дальнейших отношениях между Сириусом и Землей. Деваэр отключил изображение, но экран продолжал слепо пульсировать над столом. Недобро покосившись в сторону Лаки, Деваэр коротко сказал в микрофон:

— Отбой боевой тревоги! Проводилась проверка готовности. Отбой боевой тревоги!

Кто-то невидимый вышел на связь, минуя видеоэкран, и пробормотал что-то в микрофон. Деваэр моментально вспыхнул, рявкнул в микрофон:

— С изображением все в порядке. Занимайся своими делами. Пусть все, наконец, займутся своими текущими делами.

Во время этой короткой перепалки Деваэр, явно забыв, что выключил изображение, прикрыл свое разбитое лицо рукой. Не хватало, чтобы кто-нибудь еще увидел, как его разукрасили. Ионг потирал свой застаревший шрам и, раздувая ноздри, наблюдал за превращениями именитого начальника базы. Деваэр сел, наконец, в свое кресло:

— Всем стоять! — он перевел взгляд с Лаки на Бигмана.— Этот марсианин все равно умрет. Может быть, им займутся не роботы, и я обойдусь без специального корабля. Я придумаю что-нибудь поновее. Если ты, землянин, надеешься спасти его, то заблуждаешься. Я уже придумал кое-что, у меня прекрасное воображение.

— Я требую, чтобы с нами обращались, как с военнопленными,— сказал Лаки.

На что Деваэр ответил с сарказмом:

— Но ведь война еще не началась. Он просто шпион. Он заслуживает смертного приговора. Он уничтожил робота — и дважды заслужил смерть.— Тут его голос поднялся до визга:— Он поднял руку на меня! За это никакими смертями не рассчитаешься!

— Я могу уплатить очень дорогую цену за его жизнь,— проговорил Лаки почти шепотом.

— Она не продается.

— Я могу уплатить очень дорогую цену

— Как?— ухмыльнулся вспухшими губами Деваэр.— Решили все-таки свидетельствовать в пользу Сириуса? Теперь уже поздно. Этого недостаточно

Не дождетесь. Предателем я не стану ни при каких условиях Но я могу сказать вам одну вещь, о которой вы не имеете понятия

Не торгуйся ним, Лаки, резко сказал Бигман

Эта обезьяна права Нет ничего такого, за что я уступил бы его Я не продам его шкуру даже за всю Землю

Ионг нетерпеливо прервал его

Ну, столько он не стоит Выслушайте советника Вполне возможно, что та информация, которую он хочет сообщить, стоит жизни обоих.

Деваэр холодно заметил:

— Не провоцируйте меня. Вы все еще под арестом.

Ионг резко шагнул вперед, с грохотом уронив стул, попавший под ноги.

— Я отказываюсь подчиняться такому аресту. Я все-таки офицер КСС. Как бы я вас ни провоцировал, вы не можете так со мной обращаться. Вы можете отдать меня под следствие. И у меня есть что сказать любому следствию.

— Например?— в голосе Деваэра слышалась угроза.

Внезапно вся ненависть человека, состарившегося на службе в открытом космосе, ненависть к этому самоуверенному молодому аристократу прорвалась наружу.

— Пожалуйста, события сегодняшнего дня. Вас уложил на лопатки представитель Земной Федерации ростом всего пять футов. Зайону пришлось вступиться за вас. Он это подтвердит под присягой. Любой человек на этой базе, вплоть до последнего новобранца вспомнит, что в течение нескольких дней вы не осмеливались показываться на территории базы. Или у вас достаточно мужества выйти на люди?

— Успокойтесь!

— Не успокоюсь! Мне осталось сказать только одно — вы обязаны уважать субординацию и дисциплину, которой всегда славился Сириус. Эти понятия нельзя подстраивать под чьи бы то ни было прихоти.— Тут он повернулся к Лаки.— Я гарантирую справедливое отношение к вашей, советник, судьбе.

Но тут раздался въедливый голос Бигмана·

— О какой справедливости вы говорите? В одно прекрасное утро вы просто не проснетесь благодаря «несчастному случаю», а Деваэр будет очень переживать и пришлет на вашу могилу корзину

цветов. И некому будет рассказать, как он прятался за спиной роботов от коротышки марсианина, и от страха у него вспотели даже брови. А уж тогда он будет поступать, как ему вздумается.

— Ничего подобного не случится,— сказал Ионг,— в тот час, когда я покину базу, я передам эту информацию одному из роботов, и он не будет знать, какому. Найти этого робота будет невозможно. Если кто-нибудь из нас умрет насильственной смертью, робот тут же передаст все подробности по супер-связи прямо в открытый канал. Я думаю, что теперь Деваэр будет беречь нас, как зеницу ока.

Зайон покачал головой.

— Не нравится мне все это, Ионг.

— Надо, чтобы понравилось. Вы засвидетельствуете, что нашего «шефа» избили. Вы что же, думаете, что он оставит в покое свидетелей своего поражения, если мы не примем мер предосторожности? Честь мундира КСС гораздо выше, чем расположение племянника директора Центрального Управления, не так ли?

Убитым голосом Зайон спросил:

— Так что же это за информация, советник?

Лаки спокойно ответил:

— Собственно, это больше, чем просто информация. Это еще одна сдача в плен. На территории, которую вы считаете своей, находится еще один полный советник. Если вы согласны обращаться с моим другом, как с военнопленным, и простить ему невольное уничтожение робота, я готов доставить вас к этому советнику.

Бигман, бесконечно веривший, что стратегия Лаки имеет под собой какую-то реальную основу, просто опешил. Выведенный из себя, он заорал:

— Нет, Лаки, никогда! Не желаю, чтобы за мою шкуру платили такую высокую цену!

Деваэр даже не пытался скрыть своего изумления:

— Но это ложь. Ни один корабль не мог проскочить незамеченным в эту зону.

— Я повторяю, если мы придем к соглашению, о котором говорим, я доставлю вас к действительному советнику,— повторил Лаки, и выражение его лица было предельно искренним.

— О, космос,— пробормотал Ионг,— считайте, что соглашение у вас в кармане.

— Погодите,— сердито оборвал его Деваэр,— я допускаю, что это очень важно для нас, но необходимо уточнить. Правильно ли я понял вас, Старр, что на конференции вы заявите о том, что этот второй советник вторгся на нашу территорию, и вы добровольно открыли нам его местопребывание.

— Поскольку это чистейшая правда, я так и заявлю на конференции.

— Слово чести, а, советник?— ехидно улыбнулся Деваэр.

— Я уже сказал, что буду свидетельствовать именно так.

— Ну что же,— сказал Деваэр,— поскольку наш милый советник собирается решить возникшую проблему именно таким образом, ему взамен отдастся его жизнь и жизнь его маленькой обезьяны.

Внезапно глаза Деваэра вспыхнули гневом:

— Мимас! Это место на Мимасе, не так ли, советник? На Мимасе?

— Да.

— Великий Сириус!— в волнении Деваэр поднялся со своего кресла.— Мы чуть не упустили его. А Служба Космоса опять просмотрела.

Погруженный в раздумье, Зайон проговорил только одно слово:

— Мимас?

— До КСС все еще не дошло,— проговорил с издевкой Деваэр,— что на «Метеоре» было три человека. Втроем они попали в недра Мимаса, двое вышли, а один там остался. Помните, Зайон, это вы докладывали, что советник Старр всегда ходит в космос вдвоем с этим марсианином.

— Всегда так и было,— ответил Ионг.

— Словом, вы даже мысли не допускали, что их может оказаться трое. Итак, мы идем на Мимас.

Казалось, Деваэр справился со своей бешеной жаждой мести и даже утратил часть высокомерия к двум представителям Земной Федерации, которое до последних событий было столь непробиваемо.

— Могу я рассчитывать на удовольствие проделать это путешествие вместе с вами, советник?

— Разумеется, мистер Деваэр.

Бигман вышел из кабинета первым, его лицо было перекошено от внутренней борьбы, происходившей в неукротимом сердце марсианина. Ему казалось, что ему не было так плохо даже в тот момент, когда стальные пальцы робота собирались разорвать его на части.

«Метеор» вновь мчался по открытому космосу, но только теперь не как свободный корабль. Он был прочно схвачен магнитными захватами сирианитского корабля, чьи двигатели направляли полет корабля-пленника. Путь к Мимасу занял почти двое суток. И для Лаки это было очень трудное время: время тревог и сомнений. Бигмана перевели на сирианитский корабль, и это тоже было тяжким испытанием для Лаки. Перегруппировка экипажей была сделана для того, чтобы каждый понимал, что он заложник, то есть их жизни зависели от них самих. Место Бигмана на «Метеоре» занял офицер КСС Харринг Зайон. В его поведении угадывалась какая-то озабоченность, но он больше не сделал ни одной попытки обратить Лаки в сирианитскую веру, за что Лаки был ему благодарен.

Как-то Лаки спросил Зайона, может ли Деваэр считаться образцом сирианита, то есть образцом совершенной сирианитской расы. Зайон ответил раздраженно:

— Деваэру не хватает специальной офицерской подготовки и дисциплины, которая отличает служащих в КСС. Он слишком эмоционален.

— Ваш коллега, Ионг, как мне показалось, полагает чуть ли

не обратное. Он ведь не скрывает, что весьма низкого мнения о Деваэре.

— Дело в том, что Ионг ... э-э-э придерживается крайних взглядов. Шрам на его руке, на который вы, несомненно, обратили внимание, появился во время неких событий ... предшествовавших ... событий, которые привели к власти нынешнего Директора Центрального Управления Космической Службы Сириуса.

— Дядю Деваэра?

— Да. КСС, вообще-то, была на стороне прежнего директора, и Ионг со рвением выполнял кое-какие его поручения. Ну, и как результат, при новом директоре ему и думать не стоит о повышении. Конечно, его послали сюда, как главу делегации, но на деле он подчинен Деваэру.

— Племяннику Директора КСС?

— Да. Ионг, конечно, обижен. Он никак не может понять, что КСС — это орган власти целого государства, и не приемлет политики, диктуемой группой людей или, тем более, отдельными индивидуумами.

— Вы мне так и не ответили на вопрос, считаете ли вы Деваэра образцом сирианитской элиты.

Зайон сердито ответил:

— Ну, а у вас, на Земле, что, никогда не было бестолковых правителей? Или жестоких?

— Сколько угодно,— согласился Лаки,— но ведь мы все очень разные, кого только среди нас нет. И ни один правитель не мог удержаться у власти, если не умел быть гибким, представлять компромиссную партию, имеющую влияние на самые крайние группировки. Такие вот правители, находящие компромиссные решения в том или ином вопросе, возможно, и не были очень оперативными, но они никогда не были тиранами. Вы же на Сириусе взрастили эталонную расу, вы все похожи друг на друга. Следовательно, ваш правитель должен быть самим совершенством в вашем мире одинаковых личностей. В силу этого совершенно ясно, что автократия у вас не исключительное явление, а закон, успевший впитаться в кровь.

Зайон только вздохнул в ответ. Прошло много часов, прежде чем он вновь обратился к Лаки. Разговор произошел в тот момент, когда Мимас заполнил весь экран, и корабль начал торможение.

Зайон внезапно обратился к Лаки:

— Советник, скажите, положа руку на сердце, это не какой-нибудь трюк?

У Лаки что-то оборвалось внутри, но он ответил весьма спокойно:

— Смотря что вы имеете в виду под словом трюк?

— На Мимасе действительно находится землянин, да еще и советник?

— Да, на Мимасе действительно находится советник. А вы что подумали? Что я спрятал там установку, которая разнесет всех нас в клочья?

— Да, нечто в этом роде.

— И что бы я при этом выиграл? Один взорванный боевой корабль и дюжина сирианитов?

— Вы бы еще раз покрыли свое имя славой.

Лаки пожал плечами:

— Я ведь вступил с вами в сделку. Здесь, на Мимасе, находится член Совета Наук Земли. Я сдам его вам, и не будет никакой пальбы.

Зайон кивнул:

— Вот и отлично. Я начинаю думать, что из вас никогда не получится стопроцентный сирианит. Оставайтесь лучше землянином.

Лаки горько усмехнулся. Так вот откуда черпал Зайон свой черный юмор. Вся его натура, пропитанная гипертрофированной спесью офицера КСС, отказывалась понимать поведение Лаки. И в то же время он прекрасно отдавал себе отчет в том, какую выгоду обещает Сириусу сложившаяся ситуация.

В это время на далекой Земле, в Центральном Межпланетном Космопорту, Главный Советник Гектор Конвей ожидал корабль, который должен был доставить его на Весту. С тех пор как «Метеор» ушел в тени Идальго к далекому Сатурну, Конвей не получал ни одной весточки от Лаки. Капсула, которую доставил командор Бернольд, содержала вполне очевидные материалы, пронизанные типичными для Лаки здравыми рассуждениями. Созыв межзвездной конференции был единственно возможным выходом из создавшейся ситуации. Конвей, как глава Совета, сразу понял это, и хотя некоторые члены Совета были против, ему удалось переубедить их.

Даже Сириус, как в общем предсказывал Лаки, с охотой согласился на созыв такой конференции. Готовность Сириуса объяснялась очень просто: подобная конференция вполне соответствовала воинственным планам Сириуса, который был твердо уверен, что она с треском провалится и начнется война, к которой сирианиты давно и упорно готовились. Кроме того,Сириус был твердо уверен в поддержке Внешних Миров и считал, что все козыри у него в руках.

Здесь скрывалась и истинная причина, требовавшая держать в секрете осложнившиеся на последний момент отношения между Сириусом и Землей. Если бы подробности последних событий стали достоянием широкой гласности на Внешних Мирах, созыв конференции был бы рассмотрен как ловушка для Сириуса, и Земле пришлось бы воевать со всей Галактикой, населенной экземлянами.

Тем не менее полную секретность обеспечить, конечно, не удалось. Представители прессы просто бесились от ярости, когда им преподносили официальные отчеты правительства, где ничего не говорилось о том, что больше всего интересовало население Федерации. Положение осложнялось день ото дня. Президенту приходилось скрывать истинное положение любыми путями и ожидать результатов конференции. Однако, если конференция закончится провалом позиции Земли, то нынешнее поло-

жение президента можно было считать очень сложным. Гектор Конвей в последние недели спал только со снотворным и всерьез подумывал об отставке.

Вот он тяжело поднялся с кресла и направился к кораблю, уже совершенно готовому к полету. Через неделю он будет на Весте. Если бы только удалось предварительно переговорить с Доремо! Этот старый государственный деятель должен был поддерживать равновесие между крайними направлениями на конференции. Сам факт незначительности планеты Элам, откуда родом Доремо, многое значил. Незначительность этой планеты была гарантией объективности и абсолютного нейтралитета Доремо — главы этого мира, и даже Сириус прислушивался к его мнению. Если бы только Конвею удалось переговорить с ним первым и конфеденциально! Тут Конвей чуть не налетел на человека, явно стремившегося прямо к нему, Главе Совета.

— Послушайте, в чем дело?— с раздражением спросил Конвей.

Человек прикоснулся двумя пальцами к краям своей шляпы:

— Жан Дьеп. «Транс-Субэтерикс», шеф. Не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

— Нет, нет. Я отправляюсь на этом корабле, и меня уже ждут.

— Я это отлично понимаю, сэр. Именно поэтому я позволил себе остановить вас. Другого шанса у меня уже нет и не будет. Ведь вы, конечно, отправляетесь на Весту?

— Да, конечно.

— Разобраться в тех нарушениях межзвездных законов, которые позволяет себе Сириус?

— И что же?

— Чего вы ожидаете от конференции, шеф? Как вы считаете, станет Сириус выслушивать все резолюции и следовать принятым решениям?

— Да, считаю, именно так.

— Резолюции будут не в пользу Сириуса?

— В этом я уверен. Могу я идти?

— Извините, сэр. Но есть еще одна очень важная вещь, о которой должны знать земляне.

— Пожалуйста, только не говорите мне, что они должны знать. Я могу смело заверить, что большая часть моих соотечественников на моей стороне.

— И это является причиной того, что Совет Наук горит желанием поставить на голосование перед представителями Внешних Миров вопрос — вторглись ли сирианиты на нашу территорию? Этот вопрос вы не желаете оставить нам простым землянам для решения?

Конвей не мог не заметить угрожающих ноток, проскользнувших в вопросах вежливого, но въедливого репортера. Он посмотрел поверх головы своего нежданного собеседника и увидел, что государственного секретаря тоже окружили представители прессы. Правда, эта группа стояла у самого трапа правительственного корабля.

— На что вы намекаете?

— Боюсь, шеф, народ просто желает знать, можно ли доверять Совету. Я говорю об этом потому, что наша «Транс-Субэтерикс» перехватила известную вам сирианитскую передачу, но пока еще не опубликовала ее. Нам бы очень хотелось, чтобы вы прокомментировали ее.

— Никаких комментариев. Как можно комментировать передачу, рассчитанную исключительно на внутренние сирианитские дела?

— А передача, кстати, относится скорее к землянам. Не могли бы вы, например, сказать, где сейчас находится советник Дэвид Старр? Этот легендарный Лаки? Где он, по-вашему?

— Что?

— Ну, ну, шеф. Я знаю, что агенты Совета не любят, когда о них громко говорят, но правда ли, что его послали на Сатурн с секретным заданием?

— Если бы даже это так и было, неужели вы думаете, что я буду с вами обсуждать этот вопрос?

— Думаю, что да. Раз уж весь Сириус только об этом и говорит. Они говорят, что Лаки пытался совершить вторжение в систему Сатурна и был захвачен в плен. Это правда?

Конвей резко ответил:

— Мне не известно нынешнее местонахождение советника Дэвида Старра.

— Значит ли это, что он может находиться в системе Сатурна?

— Это значит, что я не знаю, где он сейчас находится.

Репортер сморщил нос:

— Хорошо. Если вы считаете, что Главе Совета Наук не пристало говорить о том, где находится один из важнейших агентов, ваше дело. Но вы должны знать, что настроение сейчас у широких масс явно против Совета. В первую очередь потому, что Совет просто бессилен запретить Сириусу оставаться на Сатурне и что главной задачей Совета стало обеливание самих себя, проще говоря, спасение собственной шкуры.

— Вы становитесь назойливым.

— Сирианиты абсолютно уверены, что Лаки Старр взят в плен в системе Сатурна. Никаких комментариев?

— Никаких. Позвольте мне идти.

— Еще. Сирианиты передали, что Лаки Старр будет присутствовать на конференции.

— Что?!— на мгновение Конвей утратил контроль над своими чувствами.

— Похоже, вы заинтересованы, шеф. И вот что еще весьма любопытно: они сказали, что Лаки Старр будет свидетельствовать в их пользу.

На это Конвей с трудом выдавил из себя:

— Ну, это мы еще посмотрим.

— Так вы допускаете, что он будет присутствовать на конференции?

— Мне об этом ничего не известно.

Репортер отступил на шаг.

— Ну, хорошо, шеф. Вот только сириниты сообщают, что Старр уже представил им очень важную информацию, благодаря которой они смогут обвинить Землю в агрессии. Так вот, я хотел узнать, какую позицию занимает Совет. С нами вы или против нас?

Конвей, чувствуя себя совершенно опустошенным, пробормотал:

— Никаких комментариев,— и, опустив голову, направился к кораблю.

Но репортер окликнул его еще раз:

— Старр ведь ваш приемный сын, не так ли?

На секунду Конвей остановился, обернулся было, но затем резко ускорил шаги.

Да и что он мог сказать, кроме того, что впереди его ждет межзвездная конференция, от которой зависит судьба всей Земли? Успешное завершение конференции могло стать самой важной победой Земли за всю историю.

Сириус же был в столь сильной позиции, что оставалось очень мало шансов обойтись без войны, которая означала только одно — в очень короткий срок и Совет Наук, и вся Земля, Земная Федерация могли превратиться в сияющее ничто. И только тонкий лучик надежды, который затеплил в нем Лаки Старр, не позволял Конвею сдаться.

Но не только опасения, связанные с жестокой войной, мучили Конвея. Он думал о том, что если сообщение сирианитов соответствует действительности, то никакие ухищрения, изобретенные Лаки, не помогут, и межзвездная конференция кончится объявлением войны, а сам Лаки войдет в историю Галактики, как сверхпредатель Земли! И только немногие, очень немногие будут знать правду!

* * *

Государственный секретарь Ламонт Финней был профессиональным политиком, почти пятнадцать лет проработавшим в сфере законодательства, чьи связи с Советом Наук были не очень дружественными. Сейчас, будучи уже в годах и не отличаясь крепким здоровьем, он стал весьма желчным. Официальным представителем делегации Земли был назначен именно он — Ламонт Финней. Однако на деле, и Конвей это прекрасно понимал, именно он, Гектор Конвей, Глава Совета Наук, нес полную ответственность за возможный провал на межзвездной конференции. Финней не упустил возможности лишний раз напомнить об этом Конвею еще до того, как огромный межпланетный корабль стартовал:

— Пресса почти неуправляема. Ваше положение плачевно, Конвей.

— Вся Земля в плачевном состоянии.

— Вы, Конвей, вы.

На это Конвей мрачно ответил:

— Если оправдаются самые пессимистические прогнозы, я надеюсь, что правительство выступит с поддержкой Совета.

— Я в этом не уверен.

С этими словами Государственный Секретарь очень тщательно пристегнулся к креслу и лишний раз проверил, захватил ли он противоперегрузочные таблетки.

— Поддержка Совета будет означать для правительства дискредитацию самого правительства. А у нас будет масса своих забот в связи с возможной войной.

Конвей подумал про себя:

— Этого не беспокоит исход конференции. Вопрос о войне для него уже решен.

Вслух Конвей произнес:

— Послушайте, Финней, если все получится совсем уж плохо, мне понадобятся голоса для спасения репутации советника Старра, поскольку правда о его роли во всей этой истории известна ...

Финней резко вскинул седую голову и, посмотрев прямо в глаза собеседнику, сказал:

— Это невозможно. Ваш советник отправился на Сатурн по своей воле, не испросив ни приказа, ни разрешения. Ему хотелось сделать все по собственному желанию. Если события пойдут самым неприятным образом, ему не выпутаться. Что мы можем сделать в такой ситуации? Ничего.

— Вы ведь знаете, что он ...

— Я ничего не знаю ...— произнес политик жестко,— официально я ничего не знаю. Вы ведь достаточно долго занимаете весьма высокий пост и знаете, что иногда бывают такие ситуации, когда народу кроме «козла отпущения» не нужно больше ничего. Так вот, Лаки Старр и будет этим «козлом отпущения».

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Конвей сделал то же самое. Все присутствующие на борту корабля пребывали в таких же отрешенных позах. Где-то в недрах корабля загудели двигатели. Вскоре их рев перешел в почти не слышный визг, и корабль, плавно оттолкнувшись от плит космодрома, устремился в небо.

«Метеор» двигался над поверхностью Весты. Двигатели молчали и корабль казался привязанным к ней прочным поводком. К корпусу корабля Лаки прижался маленький десантный катер, присланный с сирианитского боевого корабля. Вместо офицера КСС Зайона, покинувшего корабль и присоединившегося к делегации сирианитов на Весте, остался робот. В десантном катере был Бигман, а с ним Ионг Лаки был весьма удивлен, когда на экране видеофона появилось лицо Ионга:

— Что вы делаете на орбите? Бигман с вами?

— Со мной. Я его страж. Вы, наверно, думали увидеть робота?

— Да, или теперь Бигмана не решаются оставить наедине с роботами?

— Нет, просто трюк, с помощью которого Деваэр избежал моего присутствия на конференции. Это пощечина Космической службе.

Лаки заметил спокойно:

— Ваш коллега Зайон уже отбыл на конференцию.

— Зайон!— Ионг фыркнул.— Он весьма достойный человек, но слишком подвержен влиянию извне. Он никак не может понять, что у высших офицеров КСС есть более высокое предназначение, чем просто слепое повиновение. Что мы призваны поддерживать на Сириусе тот порядок, который должен восторжествовать в судьбах всей обитаемой Галактики, причем по законам, которые царят в самой Космической Службе.

— Как там Бигман?— спросил Лаки.

— В норме. Правда, выглядит довольно несчастным. Мне, право, странно, что такой ... м-м, парень может обладать такой внутренней дисциплиной и чувством собственного достоинства, каких, скорее, следовало ожидать от вас.

Лаки плотно сжал губы. Времени оставалось слишком мало, а если еще кто-нибудь из сирианитов примется вслух рассуждать о том, что Лаки поступился своей честью... Только один шаг от позора до славы: не может же такой человек, как Лаки Старр не попытаться восстановить свое доброе имя ... и таким образом приподнять завесу над истинными намерениями Лаки.

Ионг встрепенулся:

— Собственно, я связался с вами только для того, чтобы убедиться, все ли у вас в порядке. Я несу ответственность за ваше благополучие до той минуты, пока нас не доставят на Весту для участия в конференции.

— Минутку, мистер Ионг. Там, на Титане, вы оказали мне услугу...

— Я ничего не делал для вас специально. Я просто выполнял свой служебный долг.

— И тем не менее, вы, в определенном смысле, спасли жизнь Бигмана, да и мою тоже. Дело в том, что когда конференция окончится, ваша жизнь окажется в опасности.

— Моя жизнь?

Лаки неторопливо пояснил свою неожиданную мысль.

— Раз уж я выступлю на конференции с некоторыми вам небезызвестными разоблачениями, то доставлю большие неудобства Деваэру. Ему, естественно, придет в голову мысль: а почему бы не избавиться от всех свидетелей событий на Титане? Хотя бы ради того, чтобы избежать возможности разглашения подробностей его «беседы» с Бигманом.

Ионг деланно рассмеялся:

— За все время полета сюда, на Весту, его никто не видел. Он отсиживался в своей каюте. Так что я чувствую себя в относительной безопасности.

— И все-таки, если вы чувствуете, что вас держат на мушке, обратитесь прямо к Гектору Конвею, главе Совета Наук. Слово чести, что он примет вас, как подобает, и предоставит вам политическое убежище.

— Я уверен, что вы предлагаете это от чистого сердца. Однако, мне кажется, по окончании конференции Гектору Конвею самому понадобится политическое убежище.

Сказав это, Ионг прервал связь. Лаки остался в одиночестве разглядывать вращающийся шар Весты. В который раз он подумал, что при складывающихся обстоятельствах Ионг может оказаться прав.

Веста была одним из самых крупных астероидов. Правда, она уступала Церере, диаметр которой достигал пятьсот миль, этому единственному в своем роде астероиду-гиганту. Веста относилась ко второму разряду астероидов: ее диаметр составлял двести двадцать пять миль, и сравниться с ней могли только Паллада и Юнона. Если смотреть на Весту с Земли, она кажется самым ярким астероидом земного неба. Благодаря тому, что Веста состоит в основном из карбоната кальция, в отличие от других своих собратьев, которые сложены, в основном, из темных силикатов и металлических окислов, ее отражательная способность очень велика. Ученые долго ломали голову над этим странным явлением, но тщательное обследование Весты было проведено только в эру космических полетов. Древние ученые полагали, что поверхность Весты покрыта ледяным панцирем или кристаллической двуокисью углерода, а писатели-фантасты называли этот астероид «мраморным миром». Вот этот «мраморный» астероид и стал базой военного флота в период космической войны с пиратами из Пояса Астероидов. Огромные естественные полости в недрах Весты были расширены, загерметизированы, завезены запасы воздуха и продовольствия с тем, чтобы флот ни в чем не знал нужды. Сейчас, когда база флота фактически пустовала, Веста была наиболее удобным местом для проведения конференции. После некоторых переделок помещения базы были вполне готовы принять делегатов со всей галактики. На Весту были доставлены дополнительные запасы воды и воздуха, и, поскольку военных мало интересовал комфорт, пришлось заняться интерьерами. Теперь гости, входящие в помещения базы, замечали, что они мало отличаются от любого земного отеля. Поскольку делегация Федерации Земных Территорий была на Весте хозяйкой, все заботы о размещении и комфорте остальных делегаций легли на плечи землян. Это означало, что во всех помещениях необходимо было создать те атмосферные и гравитационные условия, к которым привыкли прибывшие. Для делегации с Венеры, например, пришлось установить мощную кондиционную установку, чтобы создать в их апартаментах туманный прохладный полумрак, привычный для обитателей этой планеты. Однако, самые большие усилия пришлось приложить для делегации с Элама, и это не было ни для кого неожиданностью. Маленькая планета вращалась вокруг красного карлика. Сила притяжения на поверхности Элама была столь велика, что трудно было предположить даже кратковременное присутствие на этой планете человека. Но теперь там существовало поселение, чьи обитатели сумели обратить себе на пользу эти необыкновенные условия. Света на Эламе не хватало. Но, применив искусственное освещение и достижения земных наук, на планете культивировали плоды и злаки, намного превосходящие по своим вкусовым качествам земные. Процветание Элама строилось на экспорте продуктов сельского хозяйства, поскольку другие ми-

ры, как ни бились, не смогли достичь подобных успехов в этой области. Люди с Элама отличались невероятно бледными лицами, поскольку в жиденьком свете своего солнца практически утратили способность к пигментации. Глава Эламской делегации, Агас Доремо, например, был альбинос. Уже в течение тридцати лет он считался признанным лидером всех нейтральных миров Галактики. Во многих острых вопросах, возникавших между Сириусом и Землей (а Сириус представлял крайние антиземные силы Галактики), именно он являлся сдерживающей силой. Конвей рассчитывал, что и на сей раз Доремо поступит так же. Преисполненный надежды и излучая дружелюбие, он вошел в апартаменты эламитов. Он старался не слишком шуметь и делал вид, что все прекрасно, обмениваясь сердечным рукопожатием с Агасом Доремо. Привыкая к приглушенному свету, Конвей щурился, потягивая из высокого стакана эламитский тоник.

Первым заговорил Доремо:

— С тех пор как я видел тебя в последний раз, Конвей, твои волосы поседели. Ты так же сед, как и я.

— Прошло много лет с нашей последней встречи.

— Так значит они поседели не только за последние месяцы?

Конвей усмехнулся:

— Если бы они уже не были седыми, то непременно поседели бы сейчас.

Доремо кивнул головой в знак согласия, пригубил тоник и сказал:

— Земля, кажется, позволила втянуть себя в очень неприятную историю.

— Так уж получилось. Но тем не менее по всем законам логики правда на нашей стороне.

— Да?— Доремо не проявил особой заинтересованности.

— Я не знаю, занимались ли вы уже этой проблемой и потому...

— Смелее.

— Может быть у вас нет желания обсуждать наши проблемы до начала конференции?

— Отчего же. Сириниты уже были у меня.

— Ах, вот как?

— По дороге на Весту я останавливался на Титане.— Здесь Доремо неизвестно для чего покачал головой,— у них там отличная база, насколько я смог рассмотреть сквозь темные очки, которыми меня любезно снабдили. Правда, их чудовищно яркий свет несколько портит впечатление. Вы должны отдать им должное, Конвей, сириниты умеют делать стоящие вещи.

— Так вы считаете, что они имели полное право колонизировать Сатурн?

Доремо неторопливо ответил:

— Мой дорогой Конвей, я знаю только одно — я хочу мира. Война никому не принесет пользы. Однако, ситуация сложилась следующим образом: сириниты уже в системе Сатурна. Как их можно оттуда выдворить, не прибегая к военной силе?

— Есть только один выход: если все Внешние Миры совершенно

твердо выскажутся в том плане, что Сириус совершил вторжение, то я абсолютно уверен, что Сириус не станет воевать со всей Галактикой.

— Но как вы собираетесь принудить все Внешние Миры подать свои голоса против Сириуса? Большинство из них, вы уж меня извините, традиционно неодобрительно относятся к Земле. Будьте уверены, все они придут в конце концов к мнению, что Сатурн не был населен землянами вообще.

— Но ведь вы знаете, что Земля гарантировала всем Внешним Мирам независимость согласно закону Хигелляна, который гласит: «Независимость может быть дарована звездной системе, не менее». Я подчеркиваю: «звездной системе». Незаселенная планетная система ничего не значит, если звездная система обжита.

— Я полностью с вами согласен. Я признаю, что имено такое соглашение существовало. Однако это соглашение не было проведено, как всеобщий закон. Теперь, возможно, соглашение станет законом.

— Вы думаете, будет правильно аннулировать существующее соглашение и принять новое, которое позволит любому желающему захватывать планетные системы, какие ему только приглянулись?

— Нет,— с нажимом сказал Доремо,— я так не думаю. Я думаю, что в интересах всех планет следует считать звездные системы неделимыми суверенными единицами. Но ...

— Но?

— Но, думаю, на конференции разгорятся страсти, что затруднит для многих делегатов логическое и благоразумное восприятие существующего положения дел. Если бы я мог позволить посоветовать кое-что Земле...

— Смелее. Встреча конфиденциальная и записывающей аппаратуры нет. Это я вам гарантирую.

— Я, собственно, хочу сказать только одно: вам не следует рассчитывать на чью-либо помощь. Пусть Сириус останется в системе Сатурна. Это придаст ему еще больше наглости. Через некоторое время они выкинут еще какой-нибудь номер, и вы сможете созвать новую конференцию, на которой приструните зарвавшегося завоевателя. В этом случае кое-какие из внешних миров примкнут к нам.

Конвей отрицательно покачал головой:

— Если мы проиграем эту конференцию, другой уже не будет. Не останется никакой надежды.

— Да, страсти вокруг Земли накаляются. Я весьма пессимистично настроен относительно исхода конференции.

— Но если вы сами убеждены, что Сириус не имеет никакого права устраивать военную базу на Титане, неужели вы не попытаетесь убедить в этом представителей других планет? Ведь вы человек с огромным весом и влиянием на всю обитаемую Галактику! Я не прошу вас сделать что-то для нас, я апеллирую к вашим убеждениям. Я уверен, вы сможете не допустить войны.

Доремо отставил стакан и аккуратно вытер губы салфеткой:

— Это единственное, что я хотел бы сделать, Конвей. Но на этой

конференции сделать что-либо просто невозможно. На сей раз Сириус решил добиться своего во что бы то ни стало, и нашему маленькому мирку угрожает уничтожение, если мы сунемся между вами и Сириусом. Элам очень маленький мирок... Кроме того, Конвей, если вы собрали конференцию с тем, чтобы говорить о мире, зачем нужно было в это же самое время посылать военный корабль в систему Сатурна?

— Это вам сказали сирианиты, Доремо?

— Да, более того, мне были представлены доказательства. Я своими глазами видел земной военный корабль в магнитных захватах сирианитского крейсера... При этом мне рассказали, что корабль принадлежит не более и не менее, как самому Лаки Старру, о котором на Эламе знают даже дети. Как я понял, Старр крутится сейчас на орбите у Весты, ожидая момента, когда ему придется давать свидетельские показания. Конвей медленно опустил голову. Доремо между тем продолжал:

— Далее. Если Старр признает себя виновным в действиях, квалифицируемых, как боевые,— а ему придется сделать такое заявление, иначе сирианиты не привезли бы его сюда — то это как раз то, что нужно сирианитам на нашей конференции. Против такого свидетельства нечего противопоставить. Насколько я знаю, Старр ваш приемный сын?

— Да, в некотором роде,— пробормотал Конвей.

— Это еще более усложняет дело. И если вы подтвердите, что санкции Земли не было, а я склонен полагать, что ее не было, то ...

— Да, санкции не было,— подтвердил Конвей,— но я совершенно не готов к тому, что мне придется говорить об этом на конференции.

— Если вы даже откажетесь от него, никто не поверит. Представители планет поднимут крик: «Вероломная Земля!» и обвинят вас в лицемерии. Сириус, конечно, извлечет из происходящего максимум пользы, и я ничем не смогу помешать им. Я даже не смогу свой собственный голос положить на чашу весов в пользу Земли, Конвей... Земной Федерации лучше отступить сразу.

Конвей отрицательно покачал головой.

— Земля не может этого сделать.

— В таком случае,— печально произнес Доремо,— остается одно — война. И в этой войне все мы будем против Земли, Конвей.

Конвей допил свой напиток. Когда он поднялся, чтобы пожать на прощание руку Доремо, выражение печали не сходило с его лица. Тихо, словно разговаривая с собой, он произнес

— Однако, ведь мы не знаем, что именно скажет Старр. И если он в своих показаниях будет утверждать, что полет «Метеора» нельзя рассматривать как полет с агрессивными намерениями, то могу ли я рассчитывать на вашу помощь в деле мирного урегулирования конфликта?

Доремо пожал плечами:

— Вы цепляетесь за соломинку. Но в этом совершенно невероятном случае... Если делегаты после выступления советника Старра забьют отбой, я встану на вашу сторону. Я ведь уже говорил, что в данном вопросе я на вашей стороне.

— Благодарю вас, сэр,— Конвей еще раз с чувством пожал руку седому политику.

Доремо печально покачал головой, наблюдая за главой Совета Наук, твердой поступью покидавшего его апартаменты. За дверью однако Конвей вынужден был остановиться, чтобы перевести дыхание и успокоить сердцебиение. Похоже было, что оправдываются самые дурные предположения. Оставалось только надеяться на то, что сириниты в самом деле доставят Лаки на конференцию.

Как и ожидалось, конференция началась совершенно обыденно, даже слишком обыденно. Все присутствующие были преувеличенно вежливы и корректны. А когда вошла делегация Земли, все, включая сирианитов, встали. На трибуну поднялся государственный секретарь Совета Наук Земли и долго говорил общими фразами о мире, сотрудничестве, о широких возможностях в деле освоения новых перспективных планетных систем в обитаемой Галактике. О том, что при нынешнем развитии военной техники война была бы непомерным злом для всех обитателей Миров. Он очень осторожно обошел все рифы, не упоминая никого конкретно, и тем более сирианитов, и ни одна угроза не прозвучала с трибуны. Аудитория поаплодировала докладчику, без особого, впрочем, энтузиазма. Затем конференция единогласно избрала Агаса Доремо председателем собрания, поскольку он устраивал обе стороны, и основное сражение началось. Конференция была закрытой, но в зале были специальные кабины для корреспондентов различных планет. Корреспондентам было разрешено присутствовать на заседаниях, но без права интервьюировать отдельных лиц. Прибывшим обозревателям было сообщено, что вся информация, отправленная в агентства, не будет подвергаться цензуре. Как обычно бывает на подобных общегалактических конференциях, разговор велся на интерлинге — специальном жаргоне, которым пользовалась вся обитаемая Галактика. После краткого выступления Доремо, в котором он призвал делегатов не быть слишком твердолобыми и указал на преимущества разумных компромиссов в деле упрочения мира и предотвращения галактических войн, слово было вновь предоставлено государственному секретарю Земли. На этот раз госсекретарь Совета говорил как патриот, отстаивающий свою сторону — прямо и твердо. Однако не оставалось сомнений во враждебном отношении к нему аудитории. Словно густой туман недовольства и глухой неприязни повис в огромном конференц-зале. Конвей сидел рядом с ораторствующим госсекретарем с опущенной головой. На подобных собраниях выступление представителя Земли в самом начале заседания было ошибкой. Сириус получил возможность подготовиться и опровергнуть доводы землян и повернуть дело в свою пользу. Выступление госсекретаря напоминало расход дорогостоящих боеприпасов еще до того, как обнаружена цель. Однако на сегодняшней конференции это как нельзя больше устраивало Конвея.

Он осторожно достал платок и вытер лоб, стараясь не показать делегатам своего волнения. Сириус приберег свое выступле-

ние под конец. Вслед за землянином выступили явно просирианski настроенные делегаты трех планет, давно известных как союзники Сириуса. Все они выступали коротко и с явным вызовом Земле. Избегая говорить слишком откровенно о событиях на Сатурне, они упирали на якобы агрессивные намерения Земли, обвиняя землян в стремлении прибрать к рукам всю обитаемую Галактику. Таким образом почва для разгромного выступления сирианитов была подготовлена. Наконец, спустя шесть часов после начала конференции, слово было предоставлено Стену Деваэру с Сириуса. Вот он медленно поднялся со своего места. Спокойно и неторопливо прошел вперед и взошел на трибуну. Он стоял, подняв подбородок, надменно и самоуверенно оглядывая аудиторию. На его лице уже не было заметно следов, щедро оставленных Бигманом. Среди делегатов возникло движение, которое не сразу улеглось. Но Деваэр не сделал даже попытки заговорить, пока шум не утих. Конвей был уверен, что все делегаты знают о том, что свидетельские показания должен давать Лаки Старр, и с нетерпением ожидают унижения Земли. Наконец Деваэр заговорил. Очень тихо и спокойно. Начал он издалека — с истории. Он напомнил о тех временах, когда Сириус был колонией Земли, и о том, какие тяготы и лишения перенес тогда народ Сириуса. Затем он обрушился на доктрину Хигелляна, благодаря которой, собственно, и получили независимость все Внешние Миры, в том числе и Сириус. Он назвал ее несправедливой и неискренней, припомнил несколько случаев, когда Земля пыталась вернуть себе права метрополии.

Перейдя к дням сегодняшним, Деваэр сказал:

— Нас обвиняют в том, что мы заняли никем не колонизированную ранее планету. Нас обвиняют в том, что, колонизировав свободную планету, мы превратили ее в красивое и удобное пристанище для гуманоидов. Нас обвинили в расширении сферы планет, пригодных для жизни человека. Причем раньше эта планета почему-то никого не интересовала. Нас обвинили во всех этих смертных грехах.

С другой стороны никто не предъявлял обвинения в жестокости по отношению к кому бы то ни было во время устройства нашей базы. Нас не обвиняют в ведении военных действий во время строительства: мы ведь никого не убили и не ранили. Нас не обвиняют ни в каком преступлении вообще. Вместо этого нам просто было сообщено, что в миллионах миль от планеты, которую мы оборудовали для жизни, находится другая планета, а именно — Земля.

У нас возникает вполне законное недоумение, а причем тут Земля, которая не имела и не имеет никаких колоний в системе Сатурна? Мы не причинили Земле никакого вреда, да нас в этом никто и не обвиняет. Мы просим только об одной привилегии: оставьте нас в покое. В ответ мы оставим в покое землян. Они говорят, что Сатурн принадлежит Земле? Почему? Есть ли земные колонии на спутниках Сатурна? Нет! В течение тысяч лет планета была у них под рукой, нужна она была землянам? Нет! И только когда мы пришли на спутник, земляне решили, что система Сатурна нужна им самим. Они говорят, что Сатурн вращается вокруг того же Солнца, что и Земля.

Мы допускаем это, но подчеркиваем, что этот факт не является решающим. Незанятая планета — это незанятая никем планета, независимо от орбиты, по которой она вращается. Мы первые колонизировали ее, и теперь она наша. А сейчас я должен сделать следующее заявление: Сириус занял спутник Титан без применения силы, более того, без угрозы применения силы, как бы ни сложились обстоятельства. То есть все, что мы сделали, было продиктовано мирными намерениями. Мы не говорим о мире, как это делают земляне, мы просто претворяем в жизнь свою программу. Когда Земля прислала приглашение принять участие в конференции, мы тотчас откликнулись, движимые истинно мирными намерениями, хотя нам даже не намекнули, что весь сыр-бор разгорелся из-за нашей скромной базы. Но вернемся к Земле. Посмотрим, как Земля строит свою политику. Земляне весьма много и красноречиво говорят о мире, но действия их весьма далеки от красивых слов. Они обращаются к народам со словами о мире, а в то же время практикуют военные действия. Вот как это выглядит на деле. Созывая мирную конференцию, они в то же время отправляют военную экспедицию.

Короче говоря, пока Сириус, рискуя своими интересами, делает все, чтобы решить возникшие проблемы мирным путем, Земля исподтишка начинает военные действия против нас. Я легко могу доказать свою правоту, и поможет мне в этом землянин, член Совета Наук.

Он поднял руку и указал на дверь, куда тотчас упали два ярких луча прожектора. В проеме двери стоял Лаки Старр, высокий и подтянутый. Его сопровождали два робота.

Только опустившись на Весту, Лаки смог увидеться с Бигманом. Коротышка марсианин со всех ног кинулся к другу:

— Пески Марса, Лаки! Не соглашайся на их требования! Если ты не захочешь, никто не сможет заставить тебя сказать хоть слово, и пусть тебя не беспокоит, что со мной сделают.

Лаки покачал головой и с усилием произнес:

— Надо подождать еще один день, Бигман.

Подошел Ионг и взял Бигмана за руку.

— Извините, сэр, но ваш друг очень нам нужен до тех пор, пока вы не выступите на конференции. Деваэр строго соблюдает все, что касается содержания заложника, и, я думаю, он прав. Вам еще придется встретиться с соотечественником, а бесчестье очень тяжкая ноша и потому...

И вот Лаки, охраняемый роботами, оказался перед затаившим дыхание залом. Ослепленный ярким светом прожекторов, он почти ничего не видел. Все сидящие в огромном зале казались ему одним пятном. Только когда роботы провели его к свидетельскому месту, Лаки смог увидеть Гектора Конвея, сидящего в первом ряду. На какой-то момент Конвей улыбнулся ему ободряюще, но Лаки не посмел улыбнуться в ответ. Приближался критический момент, в такой ответственной ситуации Лаки не мог дать сирианитам и малейшего повода заподозрить его в чем-либо. Деваэр впился

в него горящим взглядом, предвкушая свой триумф. Затем он раздельно произнес:

— Джентльмены, позвольте мне на минуту прервать нашу конференцию и превратить ее в некоторое подобие суда. Я хотел бы, чтобы все делегаты выслушали показания свидетеля, специально доставленного на ваш суд. От того, что скажет этот человек — землянин, знаменитый агент Совета Наук, будет зависеть решение нашего спора.

Здесь он обернулся к Лаки и резко спросил:

— Ваше имя, гражданство, общественное положение, будьте любезны.

Лаки неторопливо, четко ответил:

— Дэвид Старр, землянин, член Совета Наук.

— Применялись ли по отношению к вам наркотики, психотические или иные воздействия, чтобы повлиять на ваше добровольное согласие давать показания на конференции?

— Нет, сэр.

— Вы добровольно будете давать показания и скажете всю правду?

— Да.

Деваэр повернулся к залу.

— Кому-нибудь из вас все-таки могла прийти в голову мысль, что на советника Старра все-таки воздействовали каким-то сверхъестественным способом и заставили давать показания. Я прошу тех из вас, кто имеет специальные медицинские познания, обследовать советника Старра любыми методами. Пожалуйста, если кто-то желает, прошу вас.

Никто не пожелал проверить состояние Лаки Старра, и Деваэр продолжил, обращаясь к Лаки:

— Когда вам впервые стало известно о сирианской базе в системе Сатурна?

Кратко без эмоций, Лаки рассказал о своем первом полете в систему Сатурна и о предупреждении, полученном с сирианитского корабля. Конвей утвердительно кивал головой в такт словам Лаки и с удовлетворением отметил про себя, что Лаки опустил всякие упоминания об агенте «Х» и злополучной капсуле. Агент «Х» вполне мог оказаться уголовником из Федерации. Разумеется, сирианиты тоже не желали упоминать о шпионе, действовавшем на Земле. В этом желания Лаки и сирианитов совпадали.

— Вы покинули зону после получения предупреждения?

— Да, сэр.

— Насовсем?

— Нет, сэр.

— Каковы были ваши дальнейшие действия?

Лаки описал полет под прикрытием астероида Идальго, подход к южному полюсу Сатурна, затем прорыв сквозь пролом в кольцах, и наконец, подход к Мимасу.

Деваэр прервал его:

— Против вас были предприняты какие-либо враждебные действия?

— Нет, сэр?

Деваэр вновь повернулся к делегатам.

— Собственно, необходимости в дальнейших показаниях советника Старра нет. У меня есть телефото, сделанное в космосе в момент посадки, если можно так выразиться, «Метеора» на Мимас.

Зал погрузился в темноту, и только Лаки по-прежнему стоял в пучке света. Делегатам были предоставлены объемные снимки «Метеора», проникающего в щель Кассини. На следующей серии снимков было показано последовательное исчезновение корабля Лаки в недрах Мимаса, сопровождающееся клубами пара и огня. Деваэр видимо чувствовал, как в зале нарастало восхищение, вполне, впрочем, понятное, действиями популярного космического разведчика. Поэтому Деваэр продолжил с долей раздражения в голосе:

— То, что мы не смогли сразу захватить земной корабль, объясняется только наличием на его борту системы «Аграв». Нам было несравненно труднее маневрировать в чудовищном поле тяготения Сатурна. Именно в силу вышесказанного мы не смогли перехватить их у Мимаса. Мы были психологически не готовы к проделанному землянином трюку.

Если бы Конвей мог, он обязательно закричал бы во весь голос: «Ну и дураки!» Что ж, Деваэру придется поплатиться за свою выходку, вызванную завистью. Ясно, что упоминанием об «Аграве» Деваэр попытался припугнуть представителей Внешних Миров мощью земной военной техники. Но этот же факт мог обернуться против него. Страх подобного рода мог сыграть на руку Земле.

Деваэр вновь обратился к Лаки:

— Итак, продолжим. Что случилось с Вами после выхода из Мимаса?

Лаки рассказал по порядку: выход из Мимаса, переговоры, сдача в плен. Деваэр не преминул развить последний тезис, намекнул на новейшие сирианитские супердатчики массы.

— Позже, уже на Титане, какую еще вы дали информацию?

— Я рассказал вам, сэр, о том, что на Мимасе находится еще один советник и сопроводил вас на Мимас.

Было совершенно очевидно, что последней детали делегаты не знали. Зал взревел. Деваэр закричал сам, заставив всех замолчать.

— У меня есть подробные стереослайды, показывающие извлечение из недр Мимаса этого второго советника, где он занимался устройством военной базы, с которой земляне собирались атаковать нашу базу! И это именно в то время, когда Земля собирала сегодняшнюю конференцию, якобы в мирных целях!

И снова зал погрузился в темноту, и снова возникло объемное изображение. Во всех подробностях делегаты увидели, как сирианитский корабль погружался в недра Мимаса, как появился советник Бен Василевски.

— Полностью оборудованная база,— продолжал Деваэр и, обернувшись к Лаки, спросил:

— Были ли все ваши действия одобрены правительством Земли?

Это был самый важный, решающий вопрос: ответ на него был известен заранее, ответ, который был необходим Сириусу. Пока все делегаты, затаив дыхание, ждали ответа, на лицо Деваэра набежала мрачная тень. Наконец Лаки заговорил:

— Я расскажу все, как на духу. Я действительно не получил прямого приказа на повторный рейд в систему Сатурна. Но я твердо знал, что мои действия встретят полное одобрение со стороны Совета Наук.

Зал словно взорвался криками, топотом ног, захлебывающимися голосами сразу всех комментаторов. Делегаты вскакивали с мест, и сквозь рев можно было услышать отдельные выкрики:

— Голосование! Ставьте на голосование!

Судя по всему, конференция подходила к концу...

И Земля проиграла все.

Агас Доремо поднялся во весь рост, безуспешно призывая расшумевшуюся конференцию к порядку. Стука традиционного председательского молотка не было слышно совершенно. Конвей с трудом пробился сквозь лес угрожающих жестов и выкриков и включил рубильник аварийной сирены, в свое время оповещавшей о нападении на базу. Душераздирающий вой взвыл над огромным амфитеатром. Ошеломленные делегаты застыли на полуслове. Когда Конвей выключил сирену, Доремо быстро проговорил:

— Я согласен предоставить Гектору Конвею, главе Совета Наук, возможность провести перекрестный допрос советника Старра.

Послышались отдельные крики:

— Нет! Нет!

Но Агас Доремо невозмутимо продолжал:

— Я призываю уважаемых делегатов быть объективными и беспристрастными. Гектор Конвей обещает, что процедура допроса займет совсем немного времени.

Сквозь туман недоброжелательства, шопота и косых взглядов, Конвей приблизился к Лаки Старру. Глаза Конвея улыбались, но спрашивал он официально:

— Советник Старр, мистер Деваэр не спросил вас, что привело «Метеор» на Мимас. Ответьте мне, что привело вас в систему Сатурна?

— Только желание колонизировать спутник этой планеты — Мимас, шеф.

— Считаете ли вы, что у вас есть такое право?

— Но ведь это был не занятый никем мир, шеф!

Конвей неторопливо обернулся к делегатам, которые перестали возмущаться и озадаченно наблюдали за допросом.

— Советник Старр, повторите, пожалуйста, то, что вы сейчас сказали.

— Моим намерением было создание на Мимасе колонии, пригодной для человека, поскольку это неколонизированный ранее спутник, принадлежащий Земной Федерации.

Деваэр, вскочив на ноги, гневно прокричал:

— Мимас — это часть системы Сатурна!

— Совершенно верно,— согласился Лаки.— Точно так же, как

система Сатурна является частью солнечной системы или Земной Федерации. Однако, согласно вашей интерпретации, Мимас — просто отвлеченный ненаселенный спутник. Несколько минут назад вы сами сказали, что ваши корабли подошли к Мимасу впервые только тогда, когда на него опустился мой «Метеор».

Конвей невольно усмехнулся — Лаки тоже воспользовался ошибкой Деваэра — и продолжил атаку:

— Советник Старр не присутствовал в зале, когда вы произносили обвинительную речь, а потому я позволю себе повторить дословно ваше высказывание: «Никем не населенный мир — это никем не населенный мир, вне зависимости от того, какова его орбита в пространстве». Мы заняли спутник первыми, и он наш.

Здесь глава Совета повернулся к делегатам и продолжил, тщательно подбирая слова:

— Если считать верной нашу точку зрения, то Мимас принадлежит нам как спутник планеты, вращающейся вокруг Солнца. Если же верна точка зрения Сириуса, то Мимас все равно принадлежит Земле, поскольку мы первые заняли этот спутник. Кроме того, если следовать сирианитской точке зрения, то, что Сириус занял другой спутник этой же планеты, не имеет никакого отношения к рассматриваемому делу. Иными словами, выдворение силой землян с занятого ими спутника является актом военного вмешательства и, таким образом, обнажает лицемерие Сириуса, коль скоро последний позволяет себе то, что строго запрещает другим.

И снова возникло замешательство. Зал медленно закипал невнятным гулом сдерживаемых голосов.

Первым, обретшим дар речи, оказался Агас Доремо:

— А теперь, уважаемые делегаты, выслушайте меня. Вы сами прекрасно поняли, что факты, приведенные Старром и уважаемым Гектором Конвеем заставляют взглянуть на сложившуюся ситуацию с новой точки зрения. Они неопровержимо показали, что может произойти в Галактике, если мы будем придерживаться взглядов, которые нам пытаются навязать представители Сириуса. Любой космический обломок может стать поводом к раздорам и, следовательно, к войне. Сирианиты сами расписались в собственном лицемерии...

Это было полным и окончательным поворотом событий не в пользу Деваэра и его союзников. Разумеется, если бы у них было какое-то время, чтобы собраться с силами и придумать выход, Сириус что-нибудь предпринял бы, но весьма опытный и искушенный в делах такого рода Доремо уже управлял общественным мнением, взяв полностью инициативу в свои руки. Пока сирианиты и их союзники пытались найти хоть какой-нибудь выход, Доремо поставил вопрос на голосование. Три суверенных мира, Пентазиллия, Дюварни и Муллен, давно известные как сателлиты Сириуса, проголосовали за сирианитскую позицию. Все остальные, свыше пятидесяти голосов, высказались за точку зрения Земли. Кроме того, конференция приняла резолюцию, согласно которой Сириусу давался месячный срок для демонтажа базы на Титане и освобождения пленных землян. Только победоносная война могла теперь позволить Сириу-

су уклониться от выполнения решений конференции. Однако, в силу известных обстоятельств, Земля давно была готова к войне, а Сириусу теперь пришлось бы воевать без помощи Внешних Миров. Вряд ли можно было найти сейчас на Весте хоть одного безумца, способного себе представить, что Сириус уклониться от выполнения резолюций, принятых на конференции. Деваэр, задыхающийся от гнева и бессилия, еще раз оказался перед Лаки:

— Грязный трюк. Способ вынудить меня...

— Это вы вынудили меня,— ответил Лаки спокойно,— угрозами расправиться с Бигманом. Припоминаете? Или, может быть, стоит опубликовать некоторые детали?

— Твой обезьяноподобный друг все равно в моих руках,— начал ядовито Деваэр,— и несмотря на все эти... резолюции, я могу

Присутствующий при этом диалоге Конвей с плохо скрытой усмешкой вмешался:

— Если вы говорите о советнике Бигмане, то он сейчас находится не у вас. Он в наших руках, кстати, вместе с неким Йонгом из КСС, который сообщил мне, что советник Старр гарантировал ему свободу и политическое убежище в случае необходимости. Кроме того, он считает, что при теперешнем состоянии вашего духа ему не стоит сопровождать вас на Сириус. Не могу не посоветовать вам отправиться на Сириус как можно скорее. Так было бы лучше для всех.

Молча повернувшись на каблуках, Деваэр покинул базу.

При прощании, сияя широкой, добродушной улыбкой, Доремо сказал Лаки:

— Осмелюсь заметить, вам будет очень приятно вновь побывать на старушке Земле, юноша.

Лаки согласно закивал головой:

— Я доберусь до дома на рейсовом лайнере, который отправляется буквально через час, сэр. Моя старая колымага «Метеор» пусть пока отдохнет от меня. Честно говоря, ни о чем другом я сейчас мечтать не могу.

— Кстати! Примите мои поздравления по поводу ювелирной политической сноровки. Когда ваш шеф Конвей попросил меня разрешить ему провести перекрестный допрос, я ведь думал, что он не совсем в своем уме. Когда вы начали отвечать на вопросы Деваэра, и шеф сделал вам вполне очевидный одобрительный знак, я утвердился в своем мнении. Но потом-то я разобрался, что к чему — у вас все было спланировано заранее.

В разговор вступил Конвей:

— Собственно... Лаки действительно сумел передать мне небольшое послание, в котором содержались некоторые наметки. Однако уверенность в том, что наш ход сработает, появилась у меня всего часа два назад.

— Должен вам сказать, что ваша вера в способности этого юноши,— Доремо кивнул в сторону Лаки,— более чем оправдалась. Помните, вы спросили меня тогда, в нашу первую встречу, смогу ли я принять вашу сторону, если свидетельские показания Лаки повернут настроение делегатов в нужное русло? Тогда я просто не

мог себе представить, как это можно сделать. И только теперь я все понял.

— И тем не менее еще раз благодарю вас за то, что весь свой политический вес вы бросили на нашу чашу весов. Ведь ваш авторитет признает вся Галактика.

— Я сделал это еще и потому, что справедливость действительно на вашей стороне. А вы очень неудобный соперник в политических дуэлях, юноша,— добавил Доремо, повернувшись к Лаки.

Лаки улыбнулся:

— Я ведь рассчитывал только на то, что сириниты обязательно зарвутся в каком-нибудь месте своего бесчестного предприятия и допустят оплошность. Ведь если бы они действительно свято верили в то, что провозглашали, то наш друг так и остался бы на безжизненном спутнике, а мир был бы ввергнут в галактическую войну.

— Верно, да вот еще что: боюсь, что некоторые делегаты, вернувшись к себе на родину, начнут думать, что их провели и станут точить зубы на вас и на меня, да и на самих себя за то, что проголосовали за резолюцию в земной редакции. Хотя, когда смогут продумать все аспекты принятой резолюции и оценить всю важность принципа неделимости и суверенности звездных систем, то поймут выгоды нового закона, которые гораздо выше национальной гордости и престижа. Я полагаю, что когда-нибудь историки напишут об этом, как о великом и чрезвычайно важном завоевании человечества и о действительно огромном вкладе Земли в дело упрочения мира в Галактике. И, наконец, я просто по-человечески рад такому повороту событий.

После взволнованной и искренней речи Доремо с чувством пожал руки обоим землянам, которым откровенность старейшего политика заметно польстила.

Лаки и Бигман снова были вместе и, хотя они возвращались домой на борту громадного пассажирского лайнера, пассажиры которого не переставали выражать им свои восторги, друзьям удавалось побыть и вдвоем. Прошли Марс. И Бигман, не отрываясь, смотрел на родную планету и уже в течение часа удовлетворенно улыбался. До цели путешествия оставалось совсем немного.

Наконец, Бигман обрел дар речи:

— Великий Космос, Лаки, мне ведь даже ни разу в голову не приходило, что все это хорошо продуманная операция, ни разу. Я думал ... нет, не буду говорить, что я думал. Пески Марса! Единственное, что меня задевает — ты мог бы хоть предупредить меня.

— Не мог я этого сделать, Бигман. Как раз этого не мог. Неужели ты не понимаешь? Я должен был устроить киднэппинг Бена Василевски таким образом, чтобы сирианитам ничего в голову не пришло. Я не имел права дать им шанс догадаться, что я сам хочу этого, они сразу же почуяли бы ловушку. Мне нужно было, чтобы такое признание из меня буквально выколотили. Хотя, должен признаться, что сначала не представлял, как это можно сделать. Но одно я знал наверняка, если бы ты, Бигман, знал, что к чему, ты непременно сорвал бы всю затею.

Бигман мгновенно ощетинился.

— Я бы сорвал?! Да знаешь ли ты, слизняк самодовольный, что никто даже бластером не выбил бы из меня эту тайну.

— Знаю, знаю. Никакой пытки просто не понадобилось бы. Ты выложил бы все просто так, бесплатно. Актер-то ты никудышный, и сам это понимаешь. Стоило тебе выйти из себя, как ты так или иначе разболтал бы все. Вот почему я не горел желанием брать тебя на Титан! Понимаешь? Я точно знал, что не могу рассказать тебе замысел операции. Однако как раз ты и оказался курицей, несущей золотые яйца!

— Ну вот видишь! Ты про то, как я начистил рожу этому павлину?!

— В каком-то смысле — да. Это дало мне возможность «продать» Бена Василевски в обмен на твою жизнь. Кроме того, потребовалось гораздо меньше всяческих ухищрений, конечно, с твоей помощью, чтобы «рассекретить» убежище Бена. Получилось даже, что мне вообще не пришлось ничего предпринимать. Ты сделал все как нельзя лучше.

— Ну, понес...

— Ничего не понес. И потом, ты вложил в схватку столько чувства, что заподозрить ловушку было просто немыслимо. Любой, кто видел ту сцену, поклялся бы всем самым святым, что я предал Землю.

— Пески Марса, Лаки,— сказал Бигман,— но я в душе до конца не верил, что ты можешь предать. Ну и простофиля же я был!

— Я рад, что ты был,— со смехом сказал Лаки и ... влепил другу подзатыльник.

Во время обеда к ним присоединились Конвей и Бен Василевски. Бен сказал:

— Возвращение домой получается совсем не таким, какого ожидал Деваэр. Радиорубка скоро лопнет от сообщений с Земли, в которых на все лады расхваливают всех нас, ну а тебя в особенности.

Лаки фыркнул:

— Благодарностей пусть не ждут. Это только затруднит нашу работу в будущем. Популярность! Вы лучше подумайте, что все стали бы орать, окажись сирианиты чуточку умнее и сумей они в последнюю минуту повернуть резолюцию в свою пользу.

Конвей содрогнулся:

— Предпочитаю об этом не говорить. Но как бы то ни было, Деваэр получил по заслугам.

Лаки возразил:

— Они не остановятся на этом. Дядя просто не позволит Деваэру остановиться на достигнутом.

— И все-таки,— вмешался Бигман,— мы с ними покончим.

— Ты так думаешь,— задумчиво произнес Лаки,— я в этом не совсем уверен.

На некоторое время за столом воцарилась тишина. Все ели молча, не отрывая глаз от стола. Затем Конвей, явно желая разрядить мрачную атмосферу, произнес:

— Конечно, если рассуждать здраво, сириниты просто не могли себе позволить оставить Бена Василевски на Мимасе. Получается, что мы не совсем честно с ними обошлись. Ведь они были заняты поисками капсулы агента «Х» в кольцах Сатурна, и если бы только представили себе, что Бен находится в каких-то тридцати тысячах миль от них, они могли бы ...

Бигман бросил вилку на стол и уставился в пространство широко открытыми глазами.

— Черные и голубые небеса!

— Что еще стряслось, Бигман? — мягко спросил Василевски.— Ты долго о чем-то думал и вот догадка озарила тебя?

— Закрой рот, дурья твоя башка,— огрызнулся Бигман,— Лаки, послушай, мы так закрутились, что совсем забыли об этой чертовой капсуле! Даже если сириниты не успели найти ее, у них осталась еще пара недель, чтобы выловить из колец разведданные!

Конвей мгновенно отозвался:

— Я тоже все время думаю об этом. Мне кажется, что потеря этой «бомбы замедленного действия» только к лучшему. Что-нибудь найти в кольцах просто немыслимо.

— Все это так, шеф, но ведь Лаки уже рассказывал вам о новых сирианитских локаторах, способных обнаружить даже мелкие тела сквозь вещество колец, а потому ...

К этому времени все уже в упор смотрели на невозмутимо жующего Лаки, который вдруг воскликнул:

— Великая Галактика! Я совсем забыл о ней!

— О капсуле?! Ты забыл о капсуле? — предельно вежливо осведомился Бигман.

— Ну да! Я начисто забыл о ней. Вот она.

Лаки вынул из кармана металлический предмет, чуть больше дюйма в диаметре, и положил его на середину стола. Бигман нетерпеливо схватил капсулу и стал разглядывать ее со всех сторон. Все остальные присоединились к нему.

— Это точно она? Ты уверен? — как попугай, заладил Бигман. Остальные не отставали:

— Как, каким образом? Где? Когда?

С трудом успокоив своих друзей, Лаки рассказал следующее, извинившись за свою забывчивость:

— Помните, в последней передаче агента «Х» мы услышали обрывки слов: норм ... орб ..., которые мы расшифровали, как «нормальная орбита»? Так вот, сириниты так и поняли «нормальная» — значит обычная орбита. Там они и искали. Кольца движутся с запада на восток, но вот в чем штука: «нормальная орбита» может означать еще и «перпендикулярная орбита». Об этом они забыли и зря потеряли время. Итак, в условиях Сатурна «нормальная», то есть перпендикулярная орбита проходит через полюса, неважно с севера на юг или наоборот. Когда мы повисли над северным полюсом, я поработал с детектором в предполагаемой зоне и поскольку в пространстве не так уж много материальных частиц, а тем более металлических капсул, я вскоре обнаружил то, что искал. Но говорить об этом Бигману и сирианитам не стал по вполне понят-

ным причинам. Как не сказал и то, что подготовил к уничтожению нашу систему «Аграв». Когда мы оборудовали убежище для Бена на Мимасе, я спрятал потихоньку капсулу в кондиционере и взял ее, когда мы забирали Бена в гости к Деваэру. Меня, конечно, обыскивали несколько раз, искали-то оружие и обыск проводили роботы. Можно допустить немало ошибок, когда используешь роботов. Ну, вот и весь рассказ.

— Почему ты раньше ничего не рассказывал? — кипятился Бигман.

— Я хотел, честное слово,— смущенно ответил Лаки,— но случая все как-то не было. То сирианиты брали нас в плен, то нужно было что-то говорить на конференции ... короче, если бы ты, Бигман, не напомнил мне об этом...

— Не удивительно, что ты шагу без меня ступить не можешь. Вечно все забываешь! — совершенно серьезно заявил Бигман.

Конвей расхохотался и хлопнул коротышку марсианина по спине:

— Вот именно, Бигман, присматривай за ним получше, а то занесет его куда-нибудь нелегкая.

— Вот видишь,— улыбнулся Бен Василевски,— у тебя хоть есть человек, который точно знает, что ты должен делать.

За обшивкой лайнера раздался характерный звук пронзаемой атмосферы. До приземления остались считаные минуты.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЭВИД СТАРР КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬНЫЙ 3
ЛАКИ СТАРР И ПИРАТЫ АСТЕРОИДОВ 93
ЛАКИ СТАРР И ОКЕАН ВЕНЕРЫ 178
ЛАКИ СТАРР И БОЛЬШОЕ СОЛНЦЕ МЕРКУРИЯ 257
ЛАКИ СТАРР И ЛУНЫ ЮПИТЕРА 338
ЛАКИ СТАРР И КОЛЬЦА САТУРНА 422

Литературно-художественное издание

Айзек Азимов

СЧАСТЛИВЧИК СТАРР

Редактор *В. П. Кирчев*

Технический редактор *О. Цыплакова*

ИБб/н

Тираж 52 000. Цена договорная. Заказ 1402

Издательство «ЭЯ».
630024. Новосибирск, ул. Мира 14.

Центральная типография, 277068. Кишинев, ул. Флорилор, 1.
Государственный Департамент Республики Молдова по делам издательств, полиграфии и книжной торговли